

**К 200-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А.С.ПУШКИНА**

„АРЗАМАС“

—
СБОРНИК
В ДВУХ КНИГАХ

МОСКВА
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

1994

„АРЗАМАС“

—
КНИГА
ВТОРАЯ

ИЗ
ЛИТЕРАТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ
„АРЗАМАСА“

МОСКВА
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

1994

ББК 84 (2Рос=Рус)1
А 80

Книга издана при финансовой поддержке
Международного Фонда «Культурная инициатива»

Под общей редакцией
В. Э. Вацуро и А. Л. Осовата

Составление, подготовка текста и комментарии
*В. Э. Вацуро, А. А. Ильина-Томича, Л. Н. Киселевой, К. А. Кумпан,
В. А. Мильчиной, А. Л. Осовата, О. А. Проскурина*

Оформление художника
Д. Шимилса

А $\frac{4702010106-062}{028(01)-94}$ 2-1993

ISBN 5-280-00489-8 (Кн.2)

ISBN 5-280-00488-X

© Издательство «Художественная литература», 1994 г.

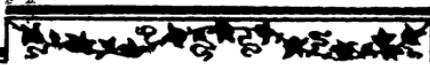
lib.pushkinskijdom.ru

ИЗ
ЛИТЕРАТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ
"АРЗАМАСА"

177 2 19

А. Ф. ВОЕЙКОВ

**ПАРНАССКИЙ АДРЕС-КАЛЕНДАРЬ,
ИЛИ РОСПИСЬ ЧИНОВНЫХ ОСОБ, СЛУЖАЩИХ ПРИ ДВОРЕ ФЕБА
И В НИЖНИХ ЗЕМСКИХ СУДАХ ГЕЛИКОНА,
С КРАТКИМИ ЗАМЕЧАНИЯМИ ОБ ИХ ЖИЗНИ И ЗАСЛУГАХ**

**Собрано из достоверных источников
для употребления в Благошляхетном
Арзамасском обществе**

1. И. И. Дмитриев, действительный поэт 1-го класса. По прошению уволен от поэзии в царство дружбы и славы, с ношением лаврового венка.

2. Ю. А. Нелединский-Мелецкий, действительный поэт, чрезвычайный и полномочный посол царя Парнасского при дворе царицы Пафосской, имеет на голове миртовый венок и лавровый лист в петличке с надписью: «За перевод Заиры».

3. Кн. Д. П. Горчаков, действительный поэт, экзекутор при наказании сатирическим бичом разврата, ябеды и грабительства, имеет в петличке лавровый лист с надписью: «За сатиры».

4. К. Н. Батюшков, действительный поэт, стольник муз, обер-камергер граций.

5. Д. В. Дашков, министр юстиции, комитета для пересмотра вновь выходящих книг, уголовной литературной палаты и комитета о наблюдении православия в слоге первоприсутствующий.

6. Князь П. А. Вяземский, министр полиции, главноуправляющий смирительными заведениями для завистников, вралей и бездельников.

7. Д. Н. Блудов, государственный секретарь бога Вкуса при отделении хороших сочинений от бессмысленных и клеймении сих последних печатью отвержения; находится на теплых водах для излечения от про-

студной лихорадки, которую получил он на Липецких водах.

8. Д. В. Давыдов, действительный поэт, генерал-адъютант Аполлона при переписке Вакха с Венерою.

9. Д. И. Баранов, аккредитованный переводчик 1-го класса. Находится при выдаче на золото иностранных писателей равной суммы русскою ходячею монетою.

10. М. Т. Каченовский, великий государственный архивариус, хранитель древней пыли, обер-банщик торговых Гипокренских бань, бессменный член банного строения, церемониймейстер предбанников, ордена бани кавалер; имеет через плечо веник на лыке.

11. Вильгельм Кюхельбекер, хирург из Немчин, заготавливает из стихотворений своих для Феба промывательное.

12. Николай Иванчин-Писарев, по горной части, при переплавке свинцовых Мерзлякова стихов в свои.

13. А. Ф. Мерзляков, придворный карапузик, великий раздаватель галиматши.

14. Ф. Ф. Кокошкин, служит знаком удивления при великом раздавателе галиматши.

15. В. В. Измайлов, действительный явный галломан, чувствительный писатель 1-го класса, помещен на вакансию Ж.-Ж. Руссо при рескрипте, в котором сказано: «На безрыбье и рак рыба!» Пользуется привилегиею выпускать в Благовещенье из клеток чижиков и заведывает департаментом истерик.

16. С. Н. Глинка, снабжает отхожий кабинет патриотической русской Музы мягкою бумагою.

17. Максим Невзоров, за сумасшествием употреблен при Московском университете.

18. Евстафий Станевич, академик и беседист. За ревностные труды по части злословия совет муз добавил к его фамилии недостававшую литеру «а» и повелел ему впредь и слыть и быть Сатаневичем.

19. А. Н. Грузинцев, 12-го класса. За малолетством отпущен в дом родителей доучиться читать и писать.

20. Кн. Шаховской, придворный дистилатор; составляет самый лучший опиум для придворного и общественного театра. Имеет привилегию писать без вкуса и толку.

21. Кн. П. И. Шаликов, присяжный обер-волокиста, князь вралей; находится при составлении из канарейшных яиц для Феба яишницы и при собрании для него же жемчужной росы и любовных вздохов.

22. Н. Грамматин, ветошник русских писателей, перекраивает новые пьесы из старых лоскутьев и перекрашивает в свои чужие поношенные стихотворения.

23. Городчанинов, сорок лет находится при составлении экспромта на взятие графом Минихом города Гданска.

24. Таушев, винный пристав.

25. Кн. Козловский, при дополнении календаря объедения.

26. Ив. Муравьев-Апостол, великий усыпитель двора его парнасского величества; обязан просиживать ночи без сна для усыпления читателей.

27. Иван Евсеевич Срезневский, употреблен по части народного просвещения; сочиняет историческое похвальное слово покойному Ерофеичу и исчисляет, сколько азов употребил в сочинениях своих Аристотель.

28. П. Ю. Львов, для увеселения важных муз пускает огромные мыльные пузыри и прогуливается на ходулях по болоту; во грехе зачинает и родит в беззаконии.

29. А. М. Пушкин, служит при нагрузке Расиновых и Мольеровых сочинений балластом.

30. В. Л. Пушкин, при водяной коммуникации, имеет в петлице листочек лавра с надписью: «За Буянова».

31. П. И. Голенищев-Кутузов, беседист, почетный член Общества завистливых, обучает змей пресмыкаться по книге, которая есть плод его долговременных опытов.

32. Карабанов, именитый стихотворец, долженствующий всегда иметь в запасе несколько пьес на рождение, крещение, бракосочетание и кончину знатных особ обоого пола.

33. Кн. Шихматов, беседист; член противной стороны здравому рассудку, пишет неведомо что, неведомо для кого; сочинитель песен, которых никто не поет, и книг, которых никто не читает.

34. Жихарев, экс-беседист, ныне член Арзамасского общества, снова вступил в управление умом и вкусом.

35. Статский советник Яценко, тайный издатель, по секрету славный писатель, выпускает из себя Дух Журналов.

36. Д. И. Языков, «ъ» его величества *.

---

* Он писал и печатал, не употребляя букву «ъ».

37. Гр. Д. И. Хвостов, обер-дубина Феба в ранге провинциального секретаря; обучает иппокренских лягушек квакать и барахтаться в грязи.

38. А. С. Шишков, патриарх старообрядцев, главный директор раскольничьего книгохранилища; на шее носит шиш на пестрой тесьме, а в петлице — раскольничью бороду на голубой ленте; перелагает в стихи Стоглав и Кормчую книгу.

39. Макаров, 14-го класса, издатель Журнала для милых; управляет департаментом шлифования на московских улицах камней.

40. Катенин, царский постельничий; обязан каждый вечер подходить к постели Феба и говорить ему из своего Расинова перевода: «Ты дремлешь, владыко! владыко, ты дремлешь!», поутру же приветствовать царя муз сими словами: «Сице, сице, весы в твоей деснице!»

41. А. Ф. Воейков, избран советом немецкого университета в профессора российской элоквенции, перевозчик дидактических поэм по именному указу Аполлона, последовавшему по прочтении «Русских Садов» его, выворачивает наизнанку Вергилиевы «Георгики». Избран в члены Беседы и Академии.

42. Висковатов, при театральной дирекции; член комиссии для сочинения проекта смешить муз трагедиями.

43. И. А. Крылов, действительный поэт 1-го класса. Придворный проповедник, имеет лавровый венок и входит к его парнасскому величеству без доклада.

44. Михайло Милонов, действительный поэт.

45. Иванчин-Писарев

46. Сокольский

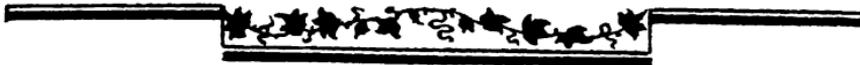
47. Глебов

48. Арапов

49. Аполлонский

50. Росляков

} юнкеры при разных
министерствах

КРИТИКА

Д.В. ДАШКОВ

ПЕРЕВОД ДВУХ СТАТЕЙ ИЗ ЛАГАРПА С ПРИМЕЧАНИЯМИ ПЕРЕВОДЧИКА *

Est modus in rebus, sunt certi denique fines,
Quos ultra citraque nequit consistere rectum **.

Hor.

Рассматривая сей перевод почтенного сочинителя *Рассуждения о старом и новом слоге Российского языка*, совсем не намерен я опровергать сильных доказательств его против злоупотребления, столь обыкновенного ныне, вводить в язык наш несвойственные оному выражения и обороты. За великую честь поставляю себе, что в сем случае мысли его сходны с моими. Мне кажется только, что он слишком распространил заключения свои и что между множеством весьма справедливых замечаний у него вырываются иногда парадоксы, несовместные с красотою и свойством русского языка. Впрочем, я отнюдь не хочу критиковать его, но представляю здесь ученика, предлагающего сомнения свои учителю на разрешение.

Я не буду разбирать Лагарповых суждений. Г. переводчик говорит сам, «что он переводил обе статьи не с начала оных и не до конца, но с тех мест, которые ему наиболее для примечаний его нужны» (стр. 1). Довольно ясно, что намерение его было не примечания делать на Лагарповы слова, а самого Лагарпа перевести для своих примечаний, кои можно назвать *Дополнением* к прежним сочинениям его *о старом и новом слоге*. Цель его

---

* Помещенный во 2-й части *Записок Адмиралтейского Департамента*.

** Мера должна быть во всем, и всему наконец есть пределы, дальше и ближе которых не может добра быть на свете

Гораций (лат.).

езде одинакова; благородное рвение возратить язык наш к первобытному его великолепию и чистоте везде очевидно.

В предуведомлении своем объясняет он причины, побудившие его к сему переводу, и говорит между прочим, «что сличение, какое делает Лагарп между своим французским и чужими греческим и латинским языками, покажет нам, к которому из них наш *славенороссийский* язык свойствами своими подходит ближе» (стр. 1). Для чего не просто *российский*, так же, как г. переводчик назвал его в своем *Рассуждении*? Я не отвергаю, чтоб язык наш не был весьма близок к славенскому и чтоб сей последний не был главным основанием его; но не слишком ли много смешивать сии два языка и почитать их за один и тот же? Российский происходит от славенского точно так же, как французский от латинского, смешанного с цельтским, или вельхским *, с тем только различием, что французский еще в X веке начал отделяться от корня своего, а мы на нашем никаких не имели сочинений до времен Петра Великого; но язык, которым говорили мы, давно уже отделился от славенского введением множества татарских слов и выражений, совсем прежде неизвестных. Г. переводчик, кажется, чувствовал силу сего возражения и старался отклонить оное, говоря: «Все вещи конечно подвержены переменам: некоторые старинные слова и обороты ветшают и выходят из обыкновения; употребление дает силу словам и выражениям; от новых понятий рождаются новые названия и новый образ речений; но все сие тогда токмо вредит языку и потрясает свойства оного, когда не из собственных его, но из чуждых источников почерпается» (стр. VII). Но сие может ли служить достаточным ответом? Можно ли называть одним и тем же языком два наречия, из коих одно хотя непосредственно происходит от другого, но смешано с третьим *чуждым*,

---

* Вольтер весьма справедливо доказывает, что слово *Галлы* есть испорченное римлянами из *вальхов* или *вельхов*. Вот что говорит он о происхождении французского языка: «La langue française ne commença à prendre quelque forme que vers le dixième siècle; elle naquit des ruines du latin et du celte, mêlées de quelques mots tudesques. Ce langage était d'abord le *romanum rusticum*, le romain rustique, etc.» (*Dict. Philos.*, art. *Français*). <Французский язык начал образовываться лишь около X столетия; он родился из остатков латыни и кельтского языка с добавлением некоторых германских слов. Вначале то был деревенский романский язык (*Философский словарь*, статья: *Французский*).>

и притом испорчено пятисотлетним употреблением? К чему величаться названием, нам не принадлежащим! Мы и без того имеем множество выгод пред всеми европейскими народами: наш русский язык сам по себе гораздо богаче, великолепнее, сильнее всех прочих; но мы, сверх того, можем еще почерпнуть из славенского (выгода несравненная!) с тем, однако ж, условием, чтоб выражения и обороты, заимствованные нами, не были противны собственному языку нашему. Если ж бы они оба составляли одно и то же целое, на что сии предосторожности? Для чего не пишем мы таким же точно языком, каким писана Библия? Для чего большая часть наших теперешних выражений (я говорю только о настоящем русском языке, а не о варварской смеси, какую писаны многие нынешние книги). не токмо не принадлежат к славенскому языку, но даже и не от него происходят?.. Правда, что возвышенный слог не может у нас существовать без помощи славенского; но сия необходимость пользоваться мертвым *для нас* языком для подкрепления живого не есть доказательство, как то мы ниже увидим, и притом требует большой осторожности. Хорошие писатели наши весьма наблюдают это, и действительно, в их сочинениях язык наш, хотя наполненный великолепием славенского, не престаёт, однако ж, быть русским.

Французы несравненно менее нас имеют права почерпнуть из главного коренного языка своего, однако же иногда оным пользуются. Вольтер первый употребил в своей *Китайской сироте* латинское, с греческого языка взятое прилагательное *hyperboreus*, сделав из него слово *hyperboré (la horde hyperborée)* *; и Лагарп, сей строгий, даже иногда несправедливый Критик, хвалит эту смелость как услугу, оказанную французской поэзии (*Lycée*, т. 14, р. 246). Многие другие, особливо Расин, образец драматических стихотворцев, еще прежде Вольтера брали с латинского выражения и обороты и, перенося их в свой язык, обогащали оный. Лагарп представляет многие тому примеры. Итак, для чего французы не называют языка своего *латиновельхофранцузским*? Они почерпают подобно нам, хотя не так часто, из коренного языка своего, не преставая писать по-французски.— Англичане еще более имели бы права называть язык

---

* гиперборейский (гиперборейская орда) (*фр.*).

свой *французоанглийским*, ибо большая часть их выражений взята ими у соседей своих.

Разделение г-м переводчиком мнимого славенороссийского языка на три слога: высокий, средний и низкий (стр. XI), из коих к первому относит он чистый славенский язык, а к последнему простонародный, противно им самим предполагаемому совокуплению сих двух языков, и тогда название *славенороссийский* само собою уничтожается. При Петре Великом, или в начале просвещения нашего, высоким слогом, то есть попросту на славенском языке, писали всякие книги без разбора; а простым слогом или, лучше сказать, наречием, испорченным из славенского и смешанным со множеством татарских слов, тогда говорили. Ныне же, когда русский язык образовался, сие различие в слоге с точностию наблюдается по различию рода сочинений; но исключительное назначение получаемых нами от славенского пособий одному высокому слогу, а языка, общенародного простому слогу, не существует, да и существовать не может. Примеры объяснят нам сие гораздо лучше:

Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: — Бог!

Державин

Вот высокий слог; подлинно высокий по предмету, мыслям и выражениям. Славенский язык доставил много пособий стихотворцу, но невзирая на то, сие непохоже на чистый славенский язык, который здесь, так сказать, есть токмо *вспомогательный*. Стихотворец не употреблял ни славенских оборотов, ни словосочинения славенского. Возьмем теперь в пример басню, которой более приличен простой слог:

Дуб с тростью вступил однажды в разговоры,
и пр.

Нельзя сказать, чтоб этот слог был слишком высок для басни; но между тем *вступить в разговоры* не есть выражение, свойственное общенародному языку; в просторечии сказали бы: *стал говорить*. *Трость*, просто *тростник*, есть также славенское слово.

Заметим также, что г. переводчик, желая доказать

примером неумение многих писателей наших выбирать пристойный сочинениям их слог, говорит: «Они в высоких поэмах употребляют простонародные выражения и думают, что сохранят важность *Виргилиевой «Энеиды»*, когда вместо *юный* или *младый* *Асканий*, скажут *маленький Асканий*» (стр. XII). Я не думаю, чтоб лучшее средство исправлять погрешности писателей было увеличивать оные; всякий, даже и самый дурной сочинитель или переводчик, может подумать: *это не до меня касается, я никогда не скажу маленький Асканий, fi donc!* * Мне кажется, что точное изображение лица (а в словесности это не запрещено) гораздо больше подействует, нежели всякое *преувеличение*.

Г. переводчик в предудомлении своем говорит еще — что «начало нашего (славенского) языка должно-стствует весьма далеко отстоять от начала словесности нашей» (стр. II). Он это доказывает силою, богатством и краткостью, кои в первоначальных с греческого языка переводах (то есть священных книг наших) мы находим, — «до которых не мог славенский язык без процветания словесности достигнуть. Никакой язык от изустного употребления не может вознестись вдруг на такую высоту». Предложение сие несколько темно: что тут разумеется под изустным употреблением? Кажется, что это значит единственное употребление языка в разговоре *бесписьменного упражнения в словесности*; но сие несправедливо. У всех народов, не знавших письма, мы находим песни и разные предания, до их веры и древних героев относящиеся; главное достоинство оных есть *краткость* и *сила*. Песни *Оссиановы*, особенно сими двумя качествами отличающиеся, не были никогда написаны и сохранились у северных шотландцев, переходя изустно от отца к детям; остатки песней древних скандинавов также: а это можно ли назвать иначе, как не *изустным употреблением*? — В самой Америке слова диких, необразованных народов всегда кратки и выразительны. Европейцы требовали у канадцев уступки некоторых земель; предводитель сих диких отвечал им: «Мы родились на сей земле, предки наши погребены в ней; можем ли мы сказать костям отцов наших: встаньте, идите с нами в землю чуждую!» Неужели г. переводчик опять скажет, что канадский язык *не мог вознестись на такую высоту от изустного употребления, а краткость*

---

* фу, гадость! (фр.)

и сила сего ответа происходят от того, что на этом языке много писали? Напротив, сии два свойства суть отличительные черты всех первых опытов в словесности всякого народа, имевшего мало сношения с другими, более просвещенными. Писатель, наученный примером предшественников своих, старается выразить мысль свою как можно понятнее, старается всячески объяснить, прикрасить ее, и притом наблюдает, чтоб она была в связи с предыдущими и последующими. Но грубый сын Природы не заботится ни о связи ни о пояснении мыслей своих; он говорит только то, что сильнее поражает ум его, что более привлекает его внимание, и мгновенно переходит от одного предмета к другому без всякого приготовления. — Конечно, есть исключения из сего правила, равно как из всех других; есть примеры писателей, отличившихся краткостью и силою в цветущие времена словесности языка своего, как, наприм., Сенека, Тацит и другие; но исключения сии должно более приписывать духу и особенной цели сих писателей.

Касательно же сказанного г. переводчиком на следующей странице, что «корни многих, даже греческих и латинских слов находим мы в славенском и от него происшедших языках», — то я не думаю, чтоб можно было допустить сей парадокс, которого даже не рассудил он за благо подкрепить никаким доказательством. Не зная по-гречески, я не могу совершенно опровергнуть оно; но можно ли подумать, чтоб греки, народ столь просвещенный, наследовавший самым богатым из всех известных языков, языком Гомеров, Софоклов, Демосфенов, имея притом и своих Златоустых, Василиев, Ливаниев, захотели пользоваться славенским, который в сравнении с греческим был груб и беден и которого они без сомнения почти совсем не знали до времен Святослава и Владимира? Сомневаюсь, чтобы ученые, занимавшиеся происхождением славенских народов и наречий их, приняли неосновательное сие утверждение за истину, даже когда бы г. переводчик вздумал доказывать сие методически, а не токмо полагаясь на одни уверения его. Правда, на 6-й странице говорит он, «что латинские слова *tollere* и *tolerare* * может быть от одинакого происходят корня с славенским глаголом *толить*»; но *может быть* не есть доказательство, особливо ж когда оно ни на чем не основано. Корень латинского языка есть древний

---

* устраниать, терпеть (лат.).

этрусский, смешанный с греческим; а в то время, когда латинский начал образовываться, ни этруски, ни самые греки не имели понятия о землях, лежавших за Македониею и Фракиею. Греки не прежде начали мало-помалу распространять познания свои в землеописании, как около времен Александровых; до него всех чужестранцев разумели они под одним общим наименованием варваров. Римляне, в цветущие времена словесности своей, вероятно, не слыхали даже имени славян. Каким же образом слова, выражающие понятия отвлеченные, могут в двух столь различных языках иметь одинакий корень?.. Подобно тому рассуждали некоторые французские ученые, кои, нашед мнимое сходство между какими-то еврейскими и нижнебретонскими словами, смело заключили, что нижнебретонское наречие непосредственно происходит от еврейского языка.

Сходство двух выписок, приводимых в пример г-м переводчиком для показания, что язык славенский *книжный* очень мало переменился в течение 7 или 8 веков, ничего не доказывает в пользу его: ибо много ли тогда на нем писали? Но заключение, из сего сходства им выведенное, опять кажется мне совсем несправедливым. «Чем древнее язык, — говорит он, — и меньше *пострадал переменами*, тем он сильнее и богаче» (стр. VIII). Известно, что чем больше писателей на каком бы то ни было языке, тем более обрабатывается он, тем более обогащается введением новых выражений и оборотов, относящихся до наук, художеств и самой словесности. Я сказал уже, что под сим *введением выражений и оборотов* не разумею таких выражений и оборотов, которые бы свойству языка нашего были противны, но, впрочем, нет, кажется, нужды, хотя бы и с французского были взяты. Я уверен, что и строгий, но по большей части справедливый Сочинитель *Рассуждения о старом и новом слоге* одинаково в этом со мною мыслит: ибо сам иногда употребляет выражения отнюдь от славенского языка не происходящие, и часто с большим успехом. В сем переводе двух статей из Лагарпа он сказал (стр. 69) *говорить воображению*. Я не помню, чтоб кто другой прежде него употребил прекрасное сие выражение: но как бы то ни было, он нимало не обезобразил оным русского языка. Соглашаюсь, что многие нынешние переводчики наши не так удачно переносят в отечественную словесность чужие красоты: но это показы-

вает только неумение их пользоваться тем, что хорошие писатели делают с успехом.

Все примечания г. переводчика касательно Лагарповых рассуждений о недостатках французского языка и сравнение бедности его с богатством русского совершенно основательны. С одной стороны, всевозможные препятствия, с другой, всевозможные выгоды. В приведенном им примере из «Послания к римлянам» на славенском и французском языках перевес очевидно остается в пользу славенского, особливо же в собственных глазах наших: ибо мы, привыкши пользоваться свободою в перестановке слов на языке своем, легко можем заметить принужденность французского словосочинения. Сам Лагарп делает справедливое сие замечание; а г. переводчик, одобряя оное, прибавляет: «надлежит прежде обучиться чужим, древним языкам, вникнуть в их силу и свойство, дабы узнать и увидеть различие. Расины, Фенелоны, Вольтеры, Лагарпы достигли до сего», и проч. (стр. 10). Странная смесь имен, которых бы никогда не должно было ставить вместе! Расины, Фенелоны, Вольтеры, Лагарпы! Фенелон не может никак сравниться с Расином и Вольтером, ибо хороший прозаик весьма далеко отстоит от великих поэтов. Лагарп же был стихотворец посредственный, драматические сочинения его не могут быть помещены и в третьем классе французских трагедий *. Все достоинство его заключается в звании хорошего критика, коего замечания основаны на правилах здравого вкуса; но что значит это пред неподражаемым Расином! Что сказал бы г. переводчик, если б кто-нибудь поставил вместе имена гг. Державина и Макарова? Один только остроумный критик, но другой — великий стихотворец.

Г. переводчик продолжает замечания свои о бедности французского языка и говорит, обращаясь к Лагарпу: «но мы ведаем и ежедневно слышим, что многим

---

* Жильбер, один из остроумнейших французских сатириков, очень хорошо и забавно говорит о Лагарпе, как о драматическом писателе и члене Академии:

C'est ce petit rimeur de tant de prix enflé,
Qui sifflé pour ses vers, pour sa prose sifflé,
Tout meurtri des faux pas de sa muse tragique,
Tomba de chute en chute au trône académique.

<Этот жалкий стихоплет, не по заслугам награжденный столькими премиями, освищенный за свои стихи и за свою прозу, израненный из-за изъянов своей трагической музыки, от провала к провалу пал на академический трон (фр.).>

из нас не только не кажется сие странно и тяжело, да еще сладкозвучно и приятно, так что мы готовы, сняв с себя великолепные наши ризы, облещися в прелестное ваше рубище» (стр. 11—12). Опять *преувеличение!* и притом в каких пышных выражениях! Верно, ни один из наших писателей не сказал этого, и, верно, даже не думал. Иным кажется гораздо легче переводить мысли свои слово в слово с французского, нежели ломать себе голову, стараясь выразить их по-русски; но я уверен, что никому еще не приходило на ум предпочитать французский язык русскому.

Перевод Тюрготова стиха к Франклинову портрету: *Eripuit colto fulmen, sceptrumque tyrannis* — шестистопным ямбическим: *исторг у неба гром и скипетр у злодеев* *, довольно хорош и верен: но и наш язык, сколько, впрочем, ни богат, не позволяет выпустить здесь местоимение *он*, равно как французский. Если бы в каком-нибудь предыдущем стихе было поставлено существительное имя, к коему бы, очевидно, относился глагол *исторг*, то местоимение *он* было б не нужно, как и на французском. Но, читая по-русски один этот стих, я не знаю какого лица *исторг*, усеченное прошедшее время изъявительного наклонения глагола *исторгнуть*. Можно сказать: *я исторг, ты исторг, он исторг* — все будет правильно; на латинском же *eripuit* само по себе означает третье лицо. Знаю, что сие примечание слишком маловажно: но г. переводчик хотел представить здесь пример превосходства русского языка пред французским, а для сего должно бы выбрать другой стих, намерению его более приличный. Притом же он сам утверждает, что «нам, так же как и латинцам, в местоимении *он* нет здесь никакой надобности» (стр. 16). Мне кажется, что хотя всякий русский может это понять и без местоимения, но свойство языка нашего и грамматический смысл не дозволяют оного выпустить.

Далее г. переводчик оуждает тех, «кои вместо *грядый, созерцаый, грядущий, созерцающий* хотя в важных и красноречивых сочинениях писать: *тот, который идет, тот, который поглядывает*» (стр. 20); а потом отвергает и окончания на *щий*, как неприятные для слуха. Признаюсь, что, невзирая на сию неприятность, я предпочитаю русское причастие *созерцающий* славянскому

---

* В сем стихе слово *злодей* совсем не выражает той мысли, какую представляет слово *тиран, мучитель*.

созерцающей, которое весьма редко употребляется хорошими стихотворцами нашими, и то по необходимости, как, например:

Живый в движеньи вещества.

Грядущий, созерцающий конечно более приличны высокому слогу, нежели *тот, который идет, тот, который рассматривает* (ибо созерцать совсем не значит поглядывать); но зачем отнимать у стихотворца свободу употребить по произволу то или другое выражение, когда оба не противны свойству языка нашего? Если бы в прекрасных стихах:

Царям подвластен мир, Цари подвластны Богу,
Тому, кто с облачных высот
Гигантам в ад отверз дорогу;
Кто манием бровей колеблет неба свод.

Если бы здесь вместо: *тому, кто отверз, кто колеблет*, поэт непременно должен был поставить: *отверзшему, колеблющему*, то могли ли бы у него выйти стихи? Или:

В ответ на вздох мой ветр *ревущий*,
И ключ в гранитно дно *бьющий*,
Шумят сквозь ветвия деревьев.

В этих стихах конечно *ревущий, бьющий* гораздо лучше и удобнее для стихотворца, нежели *тот, который ревет* или *бьет*: но захотел ли бы он променять сии причастия на славенские *ревяй* и *бияй*, несмотря на неприятное окончание *щий*? Лагарп главным преимуществом склоняемости древних языков поставляет свободу перестанавливать слова по произволению, как для удобства, так и для произведения тем искусственной гармонии в звуках; сам г. переводчик согласился в этом, переложив на русский два первые стиха Горациевой басни о городской и деревенской мыши: * а у нас хочет отнять право выбирать какое хотим из двух слов, равно правильных! Не токмо в стихах, но и в прозе писать все причастиями и деепричастиями была бы такая же принужденность, или *жеманство* (так г. переводчик выражает

---

* «Городскую деревенская мышь крысу в бедной, сказывают, принимала норе, старая старую хозяйка гостью» (стр. 33). Но перестановка сия, показывающая нам в точности красоту латинских стихов, противна словосочинению нашему, хотя г. переводчик почитает ее позволенною. И в нашем языке есть пределы перестановке слов!

французское слово: *affectation*), как избегать оных там, где они необходимы.

«Возьмем Священное писание (продолжает он, описывая красоты, от дозволенной славенскому языку перестановки слов происходящие) *мы можем прозу петь, как стихи*» (стр. 25). Прекрасное доказательство! Разве не видим мы, что к пакастой прозе, во многих французских операх, с пакастыми на конце рифмами приладили какой-нибудь голос и таким образом чистую *прозу пели* на театре, *как стихи*? Греческий язык хвалят тем, что стихи его подобны гармониею прекрасной музыке; но прозу петь как стихи — признаться, похвала весьма новая!

Впрочем, отложив в сторону сие выражение, самая мысль г. переводчика недостаточна. Гармония прозы, и даже стихов, не есть верный признак превосходства какого-нибудь языка: наш русский, конечно, гораздо богаче и сильнее италиянского, но едва ли не уступает ему в гармонии. Французский беднее их обоих: но проза Фенелона и Ж.-Ж. Руссо, верно, не уступает в приятности и силе слогу наших славенских книг.

Не знаю, отчего в приведенном из Ломоносова отрывке не чувствую я красоты окончания на союз *ради*. «Приносится благодарение Государыне благочестивейшей: свидетельствуют созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощения, молебства, и трудные путешествия *благоговения ради*». Г. переводчик вопрошает: *какая французская речь может кончиться союзом роиг?* (стр. 26). — Но к чему бы сие послужило? Какое действие производит здесь сие *ради*, на конце поставленное, и может ли оно увеличить силу речи, когда главная мысль основана на словах *трудные* и *благоговения*? — Для чего хвалиться бесполезным преимуществом, когда у нас есть множество других, очень важных для красноречия и стихотворства? — На 28-й странице г. переводчик, приводя другой пример из Ломоносова *, показывает неприятность, какая бы произошла от окончания на

---

* «Для того описал бы я ныне вам младого Михаила, для стнания и слез прадедов наших *приемлющаго* с венцем царским тяжкое бремя поверженных России, *обновляющаго* рассыпанные стены, *сооружающаго* раззоренные храмы, *собирающаго* расточенных граждан, *наполняющаго* расхищенные государственныя сокровища, *исторгающаго* корень богоотступных хищников Российскаго престола, Москву от жестокаго поражения и глубоких *ран исцеляющаго*».

односложное слово *ран*. Это справедливо, хотя тут слово *ран* гораздо значительнее прославляемого им *ради*.— Впрочем, для меня весьма странно, что охужавши на 20-й стр. окончания на *щий*, он здесь столько любитесь слишком частыми окончаниями на *цаго*. Во 2-м примере, из Ломоносова приведенном, оных *семь*, а в 3-м (стр. 28—29) целых *одинадцать* в немногих строчках!

Г. переводчик чрезмерно опирается на дозволенную нам перестановку слов. По мнению его кажется всякое подобное *извращение* должно произвести новую красоту: но для сего нужно, чтобы происходило новое согласие между смыслом речи и звуками, выражающими оную нашему слуху, либо распространение смысла речи. Но если в выписанной им Феофановой проповеди (стр. 29) уничтожить перестановку и вместо *необычными играет* (государство) *радостями*, поставить *играет необычными радостями*, то сие нисколько не будет, как говорит он, *хуже для плавности и слуха*. Если же и совсем выкинуть сие выражение, то речь не будет от того хуже, ибо *мысленное государства тело необычными играет радостями*, есть смесь отвлеченных понятий, несовместных одно с другим.—

То же можно сказать и о выхваляемых на 31-й странице перестановках в письме Филиды к Демофону, перевода Казицкого: «А если *наши твоими моря воспелят веслами*», и проч. Перестановки сии не только не придают слогу никакой новой красоты, но даже несвойственны языку нашему.

Сравнение, делаемое г-м переводчиком между красотами славянского языка, переносимыми в словесность нашу, и введением в оную французских выражений *с дубовою рощею, которую хотят вырубить, дабы вместо оной насадить молодых ольх и осин* (стр. 42), было бы очень кстати, если б он под *французскими выражениями* разумел токмо те, которые *противны свойству языка нашего*. Я согласен с ним, что лучше, когда бы все даже учебные выражения, без коих мы теперь обойтись не можем, были переведены настоящими русскими словами; довольно видно из всех трудов его, что он, поступая согласно с правилами своими, переводит почти каждое иностранное учебное слово, по необходимости нами употребляемое. Но можно ли все вдруг обдумать? Не лучше ли там, где дубов совсем нет, насадить хотя ольх, дабы сколько-нибудь иметь тени? Я не защищаю тех, кои с большим напряжением сил вырывают дубы, чтоб

на место их насадить осин: самое действие показывает безрассудность их, и в сем смысле сравнение г. переводчика совершенно справедливо. Но там, где нет дубов, нельзя никому поставить впрок, что он сажает осины, только бы сажал их к стороне, и оные не делали бы никакой пестроты с главною частию рощи.

Можно без сомнения надеяться, что со временем все сии иностранные слова будут переведены равносильными русскими выражениями: наш язык довольно для сего богат и гибок. Но хотеть переводить всякое слово без разбора есть также погрешность: ибо вместо известного и значительного иностранного слова, везде употребляемого, мне вбивают в голову другое *славенорусское* или, лучше сказать, *славеноварварское*, совсем того смысла не выражающее. Когда мне скажут *Актер*, я тотчас пойму значение сего слова и буду употреблять оное, пока писатели наши не сыщут другого, которое бы заключало в себе точно такой же смысл. Когда же слышу *лицедей* (перев. дв. стат. стр. 139), то хотя и вижу, что оно составлено из двух слов, порознь известных мне, но не понимаю сложного их значения. *Злодеем* называем мы того, кто *делает зло*: посему *лицедей* должен быть тот, кто *делает лице*; что это значит? Видна ли в сем переводе мысль, заключающаяся в слове *Актер*? Совсем нет, и вместо лучшего объяснения, мне только затемняют понятие, само по себе очень явственное.

Лагарп говорит о сложных греческих словах как человек, живущий в бедности и удивляющийся чужому богатству. Г. переводчик применяет слова Лагарповы к нашему языку. Мы «таких многозначительных слов не меньше греческого найдем в языке нашем» (стр. 43). Конечно: сложные прилагательные *светоносный, лучезарный, искрометный* весьма полезны стихотворцам и риторам нашим. Но г. переводчик, не остановясь на этом, продолжает: «Мы говорим *древо благосеннолиственное*. Пусть во французском языке найдут мне слово, заключающее в себе три разных понятия!» Кто говорит *благосеннолиственное древо*? Не только у нас, но, кажется, и во всей Библии нет сего слова. Хорошо ли сказать *благая сень* дерева, вместо *благотворная* или *приятная*? Не лучше ли заменить предлинное сие слово двумя или тремя, в коих смысл будет правильное выражен, наприм.: *древо, дающее приятную тень*? Тут даже будет меньше букв, нежели в осьмисложном прилагательном г. переводчика. — Разве трудно *ковать* таким образом новые слова,

соединяя в одно три или четыре, имеющие каждое особенный смысл? Разве трудно, переводя, например, из «Освобожденного Иерусалима» прекрасную речь Сатаны и описывая его самого, сказать: *длинногустозакотелая* брада по персям висела; или в другом месте: сия *Христоробопоклоняемая* страна; * но к чему такая варварская смесь? Хорошие писатели наши часто совкупают два слова, из коих одно дополняет или поясняет смысл другого. Г. Державин очень хорошо сказал в своем *Памятнике*:

Ни вихрь его, ни гром не сломит *быстротечный*.

И сие соединение придает более блеска его выражению. Но в предыдущем стихе:

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный.

Для чего не сказал он *чудесновечный*? Для того, что сии две мысли никакого не имеют отношения между собою и что, смешав их, он не придал бы стиху своему никакой новой красоты.

Далее г. переводчик, в доказательство превосходства языка нашего над французским для выражения древних сочинителей, сравнивает два перевода начала Цицероновой первой речи против Катилины, один на русском языке Ломоносова, а другой на французском Лагарпа, и мнение свое утверждает особенно на следующих словах: *не снесу, не стерплю, не поущу* (стр. 54). В самом деле, кто не признается, чтоб сии краткие, сильные слова не были лучше французских: *je ne le souffrirai pas, je ne le supporterai pas. Je ne le permettrai pas*. Но должно быть справедливым: показав недостатки французского перевода, покажем и красоты его. Начало Лагарпово короче и выразительнее: *Ainsi donc, Catilina, poursuis ta résolution*. Русское: *в таких обстоятельствах, Катилина, поступай далее в начатом твоём деле, слишком растянута и вяло*. Потом: *Emmene avec toi tous les scélérats qui te ressemblent; purge cette ville de la con-*

---

* Могу уверить, что сии слова точно я видел в рукописном переводе «Освобожденного Иерусалима» г-на Б<огданови>ча, и не я один видел их. Не знаю, будет ли напечатан сей памятник безумия, в какое худые переводчики наши впадают часто, подражая одним ошибкам хороших писателей, когда не могут подражать красотам их.

tagion que tu y répands *; а в русском: *выведи с собою всех своих сообщников или хотя большую часть оных: очисти город*. Французское опять кажется мне сильнее, несмотря на необходимость многих односложных слов. — Из сего заключаю я, что г. переводчику не худо было бы выбрать другой пример из Ломоносова, лучше переведенный, чтоб доказать справедливое свое предложение.

Перейдем теперь к другой статье: *О украшениях, в красноречии употребляемых* **. Г. переводчик в предисловии к ней (стр. 59) исчисляет трудности, которые преодолел он, выражая по-русски свойственные науке красноречия слова ***. Соглашаюсь с ним, что это совсем не легко: но везде ли он с успехом преодолел сии трудности? Можно ли переводить: *diction de l'orateur, слово, посвященное красноречию* (стр. 74)? По моему мнению, *diction* значит здесь *язык* или *слог* оратора. — *Il est de matières abstraites* ****, переведено: *есль отвлеченныя вещесловия* (стр. 75), что по-русски совсем ничего не значит *****; — «*Contrat social*» (de J. J. Rousseau) *****, *договор сообществ* (стр. 76); — *mot propre* (il n'y a point de langue qui ait précisément un mot propre pour chaque idée), переведено: «нет ни одного языка, который бы для выражения каждой мысли имел прямое,

---

* Оба перевода довольно близки к подлиннику. Лагарп к латинскому выражению: *purga urbem* (очисти город) прибавил еще: *de la contagion que tu y répands* (от язвы, тобою распространяемой), и немало не испортил Цицероновой речи сим прекрасным выражением.

** В начале сего рассмотрения (мес. ноябрь, стр. 265) сделана довольно важная опечатка. Поставлено: *При Петре Великом, или в начале просвещения нашего*, — а вместо того должно бы: *До Петра Великого, или до начала просвещения нашего*. Сия опечатка затемняет смысл речи, который однако ж довольно поясняется на следующей странице. — Еще на стр. 261 напечатано: *Можно ли называть одним и тем же языком два наречия* и пр. — а должно бы: *Можно ли называть одним и тем же языком два разные, и пр. Примеч. издат.*

*** «Сии-то рассуждения, — говорит он (стр. 66), — побудили меня, при переводе сей второй статьи из Лагарпа, не употреблять чужих слов. — Я буду еще иметь случай говорить об этом, а теперь прошу только г-на переводчика вспомнить прекрасное Вольтерово правило: *Un mot nouveau n'est pardonnable que quand il est absolument nécessaire, intelligible et sonore*» (*Dict. Philos., art. Esprit.*). <Новое слово простительно, лишь если оно абсолютно необходимо, понятно и звучно (*Философский словарь, статья Разум (фр.)*).>

**** Есть отвлеченные материи (*фр.*).

***** «В самом деле название сие по составу своему не иное что значит, как *вещь* или *вещественность, состоящую в слове*» (стр. 75). Но сие что значит? и можно ли согласить совсем противоположные одно другому слова: *отвлеченный, вещь* или *вещественность* и *слово*?

***** «Общественный договор» (Ж.-Ж. Руссо) (*фр.*).

то есть особое, прямо или собственно ей принадлежащее слово» (стр. 77). Как длинно! Не лучше ли бы просто: имел точное, особое слово? — *Ecrits périodiques*, ежемесячные сочинения (стр. 79), хотя в сем смысле *périodique* означает вообще все временные, или срочные издания. На 81-й странице, по-видимому дабы избежать повторения слова *предмет*, вместо: *Je m'écarterais trop de ton objet*, поставлено: я бы весьма уклонился от моего предлога, притом же предмет сей и проч., но г. переводчик конечно забыл, что слово *предлог* давно уже принято у нас в смысле *prétexte*, то есть: ложный вид, отговорка. Позволено ли употреблять известное всем и правильное выражение в не принадлежащем ему смысле, и тем совершенно затемнять речь? — На 82-й странице *mots techniques* переведено: художественные названия, но французское слово относится не к одним искусствам, а также к наукам и искусствам, и переводится у нас, кажется, довольно хорошо, учебный. — На той же странице, вместо *style figuré* *, поставлено: иносказания, хотя это совсем не то и хотя г. переводчик сам употребил (стр. 114) иносказание в смысле метафоры; ** если же принять изобретенное им словоизвитие (стр. 74) наместо французского слова *figure*, то *style figuré* должно назвать словоизвивистым слогом.

Г. переводчик, выхваляя сие новое, им самим изобретенное речение (словоизвитие), ссылается на Библию (стр. 74) в справедливом употреблении сего слова в значении *фигуры*: «Познати премудрость и наказание, и уразумети словеса мудрости, прияти же извятия словес и разрешения гаданий» (Притчи Солом., гл. I., ст. 2). — Мне кажется, что здесь сии выражения означают больше дар говорить самому притчами и разрешать чужие; довольно известно обыкновение всех восточных народов поучать притчами и предлагать оные друг другу на разрешение. Последующие стихи это поясняют: «Сих бо послушав мудрый, премудрее будет, а разумный строительство стяжет; уразумет же притчу и темное слово, речения же премудрых и гадания» (ст. 5, 6). В немецкой Библии, несколько отличной здесь от славенской,

---

* цветистый стиль (фр.).

** У нас иносказание принято в смысле греческого слова: аллегория и, кажется, гораздо правильное, нежели инословие (перев. дв. ст. стр. 124). Аллегория есть продолженная метафора (Lucée. Т. 3, р. 223), то есть продолженный переносный смысл в речи: а сие разве можно назвать иным словом (инословием)?

поставлено: «Zu lernen weisheit und zucht, verstand, klugheit, gerechtigkeit, rechtund schlecht .... dass er vernehme die sprüche und ihre deutung, die lehre der weisen und ihre beyspiele» (Spr. Salom., I, c. v. 2, 3, 6). Здесь слова: *verstand, klugheit, die sprüche und ihre deutung*, нимало не относятся к значению *фигуры, украшения в речи*. — Потом Г. переводчик опирается на Сираха (гл. 39, ст. 2) «повести мужей именитых (любомудрый) соблюдет, и во извите притчей (dans les détours des sentences, фр. in die kluge gleichniss — reden, нем.) совнидет». Здесь поставлены точные слова г-на переводчика: но откуда взял он это? Я тщетно искал в немецкой Библии *die kluge gleichniss — reden*, а вместо того нашел: «Er muss die geschichte der berühmten leute mercken, und denselben nachdencken, was sie bedeuten und lehren. Er muss die geistlichen sprüche lernen, und in den tiefen reden sich üben» (Jes. Sir., c. 39, v. 2, 3). Где ж тут выражение *gleichniss — reden*, которое бы придало немного более правдоподобия утверждению г. переводчика? Не знаю, по какой Библии он справлялся. Напротив того, *tiefen reden, geistlichen sprüche* в точности означают *притчи*. И на славенском Сирах продолжает: «сокровенная притчей изыщет, и в гадании притчей поживет» (стр. 3). Приводимый в пример старинный перевод Библии Скорина также выражается: «и в преметания притчей вкупе внидет». Везде говорится о *притчах*, а нигде о *фигурах*: разве это одно и то же? — Разберем теперь хитрое заключение, выведенное из сих, отчасти несправедливых ссылок. «Ясно, что здесь, как иностранные выражения *détours des sentences* *, *vergleichniss — reden* (но мы видели, что последнего совсем нет), так и русские извития, преметания словес (нет! не преметания словес, а притчей), не иное что значат, как некоторое от прямого смысла уклонение, некоторую в словах хитрость (совсем не в словах, но в смысле), кудрявость, украшение (какая постепенность в совершенной перемене значения выражений! сперва уклонение от прямого смысла, потом некоторая в словах хитрость, кудрявость, а наконец украшение;

---

* *Détours des sentences* также не значит *фигуры*. Всякий может в том удостовериться, прочитав 2-й и 3-й стихи 39-й главы Сираха на французском: «Il conserve dans son coeur les discours des hommes célèbres, entrant avec eux dans les détours des sentences obscures. Il sonde le sens caché des proverbes, et il s'applique à entendre l'obscurité des comparaisons».

можно бы подумать, что все сии слова означают одно и то же, с небольшими токмо оттенками — так размерен ход их! — Но dokonчим:) *подобное тому, какое мы в шитье или тканье называем узорами*». Вот куда умел довести нас г. переводчик: от притчей к узорам!

На 84-й странице, в переводе Лагарпова суждения о различии между словами *de conséquence* и *conséquent* *, последнее выражено пятью разными словами: «Когда одно предложение непреложно выходит из другого, оно *conséquent* (*неизменно, равнообразно, единоследственно*)». Сии три слова совсем не выражают взаимной связи между двумя предложениями, следующими одно из другого. Далее: «человек *conséquent* (*постоянен, степенен*), когда поведение его согласно с его правилами», и проч. Опять не то! Каждому из сих пяти слов (исключая только *единоследственно*, которого я, признаться, не понимаю) есть соответственное и равносильное французское слово и, к несчастью, все не *conséquent*. *Неизменно* — *inaltérable*; *равнообразно* — *de même forme*; *постоянен* — *constant*; а *степенный человек* есть не иное что, как *un homme posé*. — Столь неприличный перевод слов, весьма употребительных, обогащает ли русский язык?

Выберем еще несколько примеров. *Orateur* переведено везде *краснослов*, а на 149 странице *красноглаголатель*. Хорошо; но если нам придется сказать: *он дурной красноглаголатель*, не будет ли тут противоречия в словах, ибо *говорить красно* принимается у нас всегда в хорошую сторону? Притом же *краснослов*, означая хороших только ораторов, не изображает нам рода сочинений, в котором они упражняются. — *Un mot sourd et sec* на 35 странице переведено: *комолое и сухое слово*; лучше бы *незвучное и сухое слово*. — Латинский глагол *perspicere* (*regarder à travers*) вместо смотреть *сквозь* на 47-й странице переведен *смотреть вбок или вкось* (здесь смешаны два совсем разные слова: *à travers* и *de travers*). — *La dure enflure de Lucain* — *черствая пухлость Лукеня* (стр. 56). — *Nous avons peu de prosodie et peu de rythme*, переведено: *у нас мало произношения и ударений по стопам* (стр. 57); ссылаюсь на всякого, кто хорошо знает по-французски, можно ли *prosodie* (*prononciation régulière des mots conformément à*

---

* важный, последовательный (фр.).

l'accent et à la quantité) * переводить произношение; а *rhythme* (nombre, cadence, mesure) ** ударения по стопам! К тому же, какой смысл представляет здесь выражение: *у нас мало произношения?* — На 58 странице вместо *héros* поставлено: *богатыри*, и притом, говоря о героях Гомеровых! — На 96-й: *le terme de métonymie *** est plus court que transposition de nom *****, переведено: *для того что метонимия короче, нежели предложение или объяснение многими словами*. То ли хотел сказать Лагарп? Лучше бы уже перевести попросту слово в слово. На 105-й странице читаем: *бесчиние* аргосского народа, вместо *lâcheté ******; — на 106-й: *не принадлежащие к делу сказания (une peinture qui n'est qu'accessoire) ****** — сверх того, что *peinture* совсем не значит *сказания*, слово сие давно уже принято у нас в смысле *повествований*. — На 107-й странице вместо *indignation ******, *гнушение!!* — *Tout noble mot ******, *всякое доброголасное слово* (стр. 110); тут дело идет не о хорошем или дурном звуке слова, но об значении его. — *Monstres ****** — *чучела!!* *huer ****** — *укачь!!* (там же). — *Nos perceptions intellectuelles, умственные мечтания наши* (стр. 115). Сколь бы человек был несчастлив, если бы все его *perceptions* (чувства, понятия, производимые в нас впечатлением от внешних предметов) были, как говорит г. переводчик, одни *умственные мечтания!* — *La vieillesse enchaîne les articulations et arrête les mouvements, старость оковывает произношение и останавливает движение* (стр. 116); — что это значит? *Articulations*, просто, не прибавляя к нему никакого другого слова, значит не *произношение*, а *суставы* костей (*la jointure des os*). — *Vautour ****** — *вран* (стр. 120); *étalage de faux subtilime* — *скопнице ложных превыспренности* (стр. 127);

* Регулярное чередование сообразно ударению и долготе (фр.).

** ритм (фр.).

*** термин метонимия короче, чем перенос значения слова (фр.).

**** Такое значение хорошо ли выражено по-русски словом: *иноимение?* (так переведена на 99-й стр. *métonymie*).

***** трусость (фр.).

***** второстепенные картины (фр.).

***** негодование (фр.).

***** всякое благопристойное слово (фр.).

***** чудовище (фр.).

***** шкаться (фр.).

***** гриф (фр.).

césure — препинание (стр. 130) вместо *цезуры*, *пресечения стиха* (которое, однако ж, совсем не принадлежит к знакам препинания). — На 136-й странице *les apologues* — краткие, нравоучительные басни, называемые *апологами*; можно бы сказать попросту, без всякого объяснения: *апологи или басни*. — Так же: *le masque de la comédie doit être ressemblant sans charge et sans grimace* — *личине изрица пристойно быть похожей без исковерканья и юродливости*. Кроме того, что здесь нет ясного смысла, по-русски ли это сказано? — *L'ironie équivalait à une autre figure, appelée antiphrase ou contrevérité* — *насмешка сливается понятием своим (!) с другим извитием, именуемым противоположною насмешкою* (стр. 137). *Иронии* нельзя перевести *насмешкою*: значение сего последнего слова гораздо обширнее и неопределеннее; *насмешка* может быть и явная, без всякой хитрости в речи, а *иронически* мы говорим, когда даем разуметь совсем противное словам нашим. Короче: *ирония* есть *contrevérité*, или как то угодно было г-ну переводчику назвать, не знаю почему, *противоположная насмешка*. — Страница 140: *Преувеличение, или то, что поднято выше правды, выше пределов умеренности (по-гречески гипербола)*, — и все это, чтобы выразить одно слово *hyperbole*, чтобы оправдать употребленное вместо оногo *преувеличение!* и проч. и проч.

Г. переводчик приводит в пример Ломоносова, «который назвал *апостров обращением*, *прозопопею заимословием*, *эллипсис опущением* (лучше бы *выпущением* для избежания сходства с глаголом *опускать* в воду, или т. п.), *суспенцию задержанием*, *претермисию прохождением* или *умолчанием*» (стр. 65). Хвала Ломоносову за те слова, которые он хорошо перевел: но я не думаю, чтоб *заимословие* в точности представляло значение *прозопопеи*, сей прекрасной фигуры, оживляющей усопших и дающей речь вещам бездушным. *Прехождение* или *умолчание* также не весьма хорошо выражает нам слово *prétermission* (или *prétérition*), означающее притворное нехотение сказать то, что, однако ж, говорим, и т. д.

Охотно соглашаюсь с г-м переводчиком, что большая часть нынешних книг наших писаны не по-русски; примеры тому было бы очень нетрудно представить и кроме *Пролюзии*. Но он, конечно, согласится сам, что есть такие иностранные слова, без коих мы обойтись не можем, не имея у себя до сих пор соответственных им русских выражений. Г. переводчик сам пишет: *проза*

(стр. X); поэма (стр. XI); журналист (стр. XVI); грамматика (стр. 7); электрическая сила (стр. 15); дактили, ямбы, и пр. (стр. 38); эпизода (стр. 50), хотя сие последнее слово у нас переводится: *вводная повесть*, или *вводное описание* — эпизода Низа и Эвриала в «Энеиде» есть *вводная повесть*, а эпизода храма любви в «Генриаде» — *вводное описание*. — Как выразить по-русски: *парадокс*, *критик* *, *синоним*, а множество других? для чего не употреблять чужих слов там, где они необходимы? Пусть нам переведут их, не нарушая правил словопроизводства, русскими *речениями*, кои заключали бы в себе точно тот же смысл, и притом не драли бы ухо — тогда мы примем их с великою радостью. Я почитаю виновным в *оскорблении языка* только того писателя, который употребляет несвойственные оному обороты, также иностранные слова, *когда может заменить их равносильными русскими словами*. Но и тут должно быть снисходительным к чужой слабости: кто не бывал в грехе? Г. переводчик сам говорит, последуя Лагарпу: «нет, конечно, ни одного писателя, который бы не сделал никакой погрешности против языка, и тот самый, кому пришлось бы в голову ни одной из них не сделать, потерял бы много времени на мелочное, не стоящее того дело» (стр. 79). Это совершенная правда: нет писателя, в ком бы не было ошибок; слава и честь тем, которые меньше других и не так грубо ошибались!

Г. переводчик возвращается к любимому своему предмету — к сложным словам. Он утверждает (стр. 69, 70), что в приводимом примере: *«сей, видев греческую страну, обладаему юною женою с детьми еще младыми и маломощными, воссвистал на них, яко змий на птичища бесперныя, хваляся поглотити их усты костоснедными»* (Русск. летоп.) прилагательное *костоснедный*

---

* Г. переводчик вместо *критик* смело пишет: *рассматриватель книг* (стр. 55); но слово *рассматривать* имеет у нас смысл гораздо обширнее и неопределеннее, нежели *критиковать*, что, собственно, значит: *судить*, *ценить* книгу. *Le mot de critique vient de krites, juge, estimateur, arbitre; critique signifie bon juge. Volt.* <Слово *критик* происходит от *krites* — судья, ценитель, арбитр; *критик* означает хороший судья. *Вольтер.* — фр.>. Достаточно ли выражает сию мысль слово: *рассматриватель книг*?

Синоним переведено не удачнее сего — *сослов* (стр. 71). Мы говорим *сословие* в смысле *общества*, *собрания*: посему *сослов*, кажется, более означает *члена сословия*, нежели *синоним*, на которых совсем не походит. Вот какво употреблять новые, неясные выражения! Они почти всегда делают речь непонятною.

сильно и поразительно. Положим: но правильно ли оно? *Снедь, снадное, снадный* принимается у нас только в страдательном смысле, подобно как *яства, ядомый, годный в пищу*. Притом же можно ли сказать об змие: *уста костоснедные*? Змеи костями не питаются, и прилагательные: *костоядный, костогрызущий* (вместо *костоснедный*) более приличны собаке или другому хищному зверю*.

Есть и другие примеры в сей книге, приведенные не совсем к стати. Г. переводчик на IX странице выдает за образец красноречия выражение: *ты мне столп крепости от лица вражия* (по старинному переводу Псалтири) и говорит, что оно столько ж и ныне сильно и хорошо, как было за тысячу лет. Мысль, конечно, самая благочестивая и великолепная, но она выражена гораздо лучше в новейшем переводе Библии: *рци души моей: спасение твое есмь аз* (пс. 34). Фигура нимало не потеряла смелости своей, но стала правильнее: ибо нам трудно сообразить два совсем различные понятия *столп крепости* и *от лица вражия*. Мы говорим *щит от меча вражеского*; но *столп крепости* не может, кажется, служить защитою *от лица вражия*.— Из представляемых г-м переводчиком в пример славенских выражений, есть многие подобные сему; приметно, что ему очень хотелось бы ввести их в русский язык: но не все к тому способны, и это есть новое доказательство различия между славенским и русским языками. Например: *моря чермную пучину невлажными стопами древний пешешествовал Израиль* (стр. 27). На славенском это весьма хорошо и стихотворно; а мы по-русски никак не можем сказать: *пешешествовать чермную пучину невлажными стопами* — и проч.

Г. переводчик сожалеет, «что новораспространившееся о словесности толкование умы многих молодых людей, впрочем весьма острых и благомыслящих, удивительным образом заразило» (стр. 68). Такое сетование весьма похвально; но послушаем, какими упреками он хочет их исправить: «иной, не читав ничего, кроме переводимых по два тома в неделю романов, и не бывав

---

* Позвольте мне, г. переводчик, хотя один раз сослаться на Библию, на которую вы так часто опираетесь в суждениях ваших о словесности. Раскройте Книгу Бытия, и вы увидите, что Бог сказал змию «землю снеси вся дни живота твоего» (гл. 3, ст. 14). Заметьте пожалуйста, г. переводчик, и тут сказано змию: *землю снеси*, а не *кости!*

сроду ни у заутрени ни у обедни *, не хочет верить, что *благодатный, неискусобрачная* (признаюсь, что я сам почитаю сие слово чистым славенским, неупотребительным в русском языке) *тлетворный, злокозненный, багрянородный* (этого исторического слова не услышишь ни у заутрени ни у обедни) суть русские слова, и утверждает это тем, что он ни в Лизе ни в Анюте их не читал. (Но должно ли искать в нежных сочинениях таких огромных и многозвучных слов? Я не думаю, чтоб Анакреон или Феокрит, воспевая любовь и пастушескую жизнь, употребляли подобные сим греческие прилагательные.) Таким образом можно любить или не любить капусту, грибы, полпиво, квас и проч.. Г. переводчик, конечно, забавляется, делая такие сравнения, которые здесь не совсем у места.

Выхваляя выражение, взятое из Св. Писания: *усеку величество от кедр ея* (горы Ливанския), г. переводчик говорит: «Приметим здесь мимоходом, что во Франции до времен Людовика XIV не видим мы ни малейших признаков, чтоб подобные в языке хитрости и красоты были уже известны» (стр. 103). Потом он представляет в пример на нашем языке «Слово о полку Игоревом», и наконец сравнивает стих Сумарокова в «Семире»:

Коль трудно было нам
Покорствовать таким сердитым временам
с прекраснейшими Вольтеровыми стихами:

Les vainqueurs ont parlé: l'esclavage en silence
Obéit à leurs voix dans cette ville immense **.

О вкусах, конечно, спорить невозможно: один находит превосходным то, что другому едва ли кажется посредственным. В таком случае остается только предаться на суд читателям и примечать, многим ли из них понравится выражение, прославляемое г-м перевод-

---

* Показывать ошибки и опровергать ложные умствования писателей позволено всякому: но не должно касаться до чести и мнений о вере какого бы то ни было человека, даже и не называя его. Зачем к обыкновенным суждениям о словесности примешивать посторонние укоризны в неисполнении обрядов, предписанных Церковию? Г. переводчик, конечно, сам не захочет, чтоб мы, подражая ученым протекших веков, при малейшем споре называли друг друга безбожниками и богохульниками.

** Победители отвертали уста: рабы молча повиновались их глаголу в огромном городе (*фр.*).

чиком, *сердитыя времена* *, и многие ли одобряют его сравнение. Но откуда взял он, что во Франции до времен Людовика XIV подобные в языке хитрости и красоты не были известны? Отлагая в сторону прекрасные отрывки, оставленные нам древними трубадурами, разве забыл он, что многие из знаменитых французских писателей процветали гораздо прежде Людовика XIV, что Маро, философ Монтань, Шаррон, Гарнье, Депорт, Ренье, великий Малерб умерли еще до рождения сего государя (1638), что Бальзак, Ротру, Дюриер, Мере, Ракан были прежде него известны, и сам Корнель сочинил «Сида» в 1636-м году, «Горациев» в 1641-м, «Цинну» в 1643-м? Конечно, не все сии писатели в числе лучших: но во всех можно найти фигуры смелые и правильные, черты резкие и сильные, ни в чем не уступающие тем, кои представлены в пример г-м переводчиком. — «Слово о полку Игоревом» без сомнения имеет свое достоинство и должно быть для нас драгоценно; станем читать его и удивляться необработанным, разительным его красотам: но будем всегда осторожны в сравнении словесности нашей с французскою!

Лагарп порочит Буалово выражение: *un lit effronté*; а г. переводчик замечает, «что в русском переводе *бесстыдная постеля* не кажется нам такою *ощутительною погрешностию*, какою Лагарп ее находит» (стр. 112). Причиною сего различия полагает он, «что может быть слово их *effronté*, яко происходящее от имени *front*, чело, а не от имени *honte*, стыд, меньше *удобноприлагательно* (!) к постеле, чем русское *бесстыдная*». Остроумные сии рассуждения клонятся к обыкновенной цели г-на переводчика — показать богатство и преимущества русского языка и унижить французский: но не в таких мелочах должно искать сих преимуществ. Притом же я сомневаюсь, чтоб и у нас можно было сказать *бесстыдная постеля* или *одр*, разве только из-

---

* «Скажем *зневным временам* (говорит между прочим г. переводчик), мысль будет та же, но выражение слабее». По моему мнению все различие между словами *зневный* и *сердитый* состоит в том, что первое от славенского языка происходит, а второе есть чистое русское. По-славенски *знев*, а у нас в просторечии *сердце*: он в сердцах это сделал — вот корень прилагательного *сердитый*, и посему видно, что оно, как простонародное, не должно бы было входить в высокий слог; но поэзия все облагородствовать может. По крайней мере, начто выдавать нам за образец стихотворную вольность?

винительно сие, как по-русски, так и по-французски, в слогe отменно сильном и метафорическом.

На 151 странице нахожу сравнение стихов Сумарокова: *лишенный вольности* и проч. с Корнелевыми *tu t'en souviens, Cinna* *, etc. Признаюсь охотно, что трудно было бы выбрать из наших трагедий пример лучше и приличнее сего для подобного сравнения. Разбор стихов сих совершенно правилен: они производят в душе зрителя все желаемое действие и, конечно, могут служить на языке нашем примером искусного *задержания* (suspension). Но к замечаниям г-на переводчика я осмелюсь прибавить, что, показывая красоты великих сочинителей, не должно скрывать их ошибок от молодых, неопытных читателей: красоты послужат им образцами для подражания, от ошибок научатся они сами избегать подобных. Например, в приведенных здесь стихах Сумарокова из «Синава и Трувора»:

ТРУВОР (СИНАВУ)

Лишенный вольности, надежды и покою,
Пролей, о Государь, кровь винну пред тобою!
Свирепствуй, варварствуй и устремляйся в месть,
Коль можешь острый меч на друга ты вознесть!
Вонзай оружие, сражай его бессловна.
Вот грудь, которая перед тобой виновна!

1-й стих, совершенно вставочный, относится по грамматическому смыслу не к Трувору, а к Синаву. Притом же мы говорим *лишенный покоя*, а не *покою*: сия стихотворная вольность слишком велика.— Во 2-м, от неприятного стечения согласных букв (кровь винну) произношение сего стиха весьма тяжело.— В 3-м, *свирепствуй, варварствуй и устремляйся в месть*, суть, по моему мнению, слова неприличные Трувору в его положении. Он во власти брата своего, говорит сам: *пролей кровь винну пред тобою* и, следственно, признает себя не совсем невинным; к чему же раздражать брата непристойными напоминаниями о *варварстве* и *свирепстве*, когда восклицание: *о Государь!* ясно показывает, что Трувор не вышел из границ должного почтения, а в последующих стихах видно даже намерение тронуть Синава? Мысль: ты ищешь виновного, отмсти, *коль можешь острый меч на друга ты вознесть* (стих прекрасный!), я оскорбил тебя — вот что стихотворцу

* Ты помнишь об этом, Цинна (фр.).

надлежало сказать, и в том состояло его искусство, чтоб выразить сию мысль не всю вдруг, а постепенно, для умножения силы речи, не употребляя излишних слов, которые только ее ослабляют. Выражение *устремляйся в мечь* не хорошо.— В 5-м, полустигшие *сражай его бессловна* представляет мысль прекрасную, но темно выраженную; прилагательное *бессловный* слишком неопределенно и не являет нам той покорности, с какою Трувор готов умереть от руки брата своего; слово *сие*, кажется, поставлено единственно для рифмы.— Показав таким образом малые ошибки в стихах Сумарокова, мы будем иметь больше права хвалить его, и похвалы наши будут гораздо беспристрастнее.

Но возвратимся к рассмотрению *перевода двух статей*. Вообще слог довольно чист, исключая некоторых мест, где оный тяжел и неправилен; заметим отчасти сии места *.

«*Склонность к подражанию иностранцам мало-помалу стала вливаться в воспитание наше*» (стр. XII). Сомневаюсь, чтоб можно было сказать: *склонность стала вливаться в воспитание*.

«*Французский язык и чтение книг их начали обворожать ум наш*» (стр. XII). К чему относится местоимение *их*? сего не видно ни из предыдущих слов, ни из последующих.

«*Новый язык, далеко отличный от языка Фенелонов*» (стр. XIII). Мы говорим *весьма отличный*, и сия тонкость языка основана на происхождении слова *отличный*.

«*Умствования, которые смешны и странны при свете разума; но весьма вредны и заразительны при мраке усиливающихся заблуждений*» (стр. XVI—XVII). Здесь не выдержано иносказание, и, представив ложные умствования в виде *заразы*, не должно было говорить *при свете и во мраке* (у нас говорится *во мраке*, а не *при мраке*), ибо *зараза* и днем и ночью одинаково действует.

«*Боримое мною зло далеко пустило свой корень*» (стр. XVII). Иносказание опять не выдержано: *зло* представлено в виде *древа*, и слово *боримое* ему неприлично.

---

* Я полагаю, что подобные сим ошибки происходят, может быть, от скорости, с какою переведены сии две статьи. Весьма бы не трудно было поправить такие ошибки: но, уважая истинно г-на переводчика, я не смел взять этого на себя.

«В латинском языке есть *будущаго*, однако недостает прошедшаго времени *причастий*» (стр. 18). Глагол *есть* требует именительного падежа: *есть причастия*; а частица *не* родительного: *недостает причастий*,— следовательно, сии два разные словосочинения между собою не вяжутся и их должно разделить. Притом же перестановка слов здесь слишком неприятна.

«Должно стараться паки присоединить оныя (красоты языка) к тому телу, *от которого* оне рукою невежества отторгнуты, *дремотою ума забыты*» (стр. 19). Что такое *забытый дремотою ума?* и можно ли сказать: тело, *от которого* оне *дремотою ума забыты?*

«Без причастий не можем *себя* так сильно выразить» (стр. 21). Мы говорим *выражаться*, а не *выражать себя*: это чистый галлицизм.

«*Обнаженная здраваго рассудка нескладица*» (стр. 22). *Нескладица* сама по себе не может быть вместе с *здравым рассудком*; а прилагательные *обнаженный* и *нагой* у нас не употребляются в родительном падеже: *обнаженный чего*.

«Французы, не имея другого, принуждены *довольствоваться* и *ставить* себе в достоинство *то, что* имеют» (стр. 23). Глагол *довольствоваться* требует творительного падежа, а *ставить* винительного: сии два словосочинения одно другому противны.

«Сия ясность... не иное что есть, как *неизбежимая* в языке нашем *необходимость*» (стр. 23). *Неизбежимая* и *необходимость* (по-фр. *suite indispensable*) у нас совершенно одно и то же.

«Словоизвращение, подающее средство все части речи приводить в благоустройство и согласие, прерывать, удерживать, противуполагать, собирать, всегда *уху привязывать к воображению, без того, чтоб сие искусственное составление причиняло хотя малейшую темноту в разуме!*» (стр. 24, 25). Нельзя сказать, чтобы здесь перевод был далеко от подлинника; г. переводчик соблюл даже французское словосочинение, хотя оно противно свойству языка нашего: *sans que toute cette composition artificielle laissât le moindre nuage dans l'esprit!*

«Наше *согласие* (*harmonie*) не есть дар языка, но *труд дарования*» (*l'ouvrage du talent*) (стр. 41). Что значит *труд дарования?*

«Примечание, которое позволил я себе сделать на лучший из всех наших переводов, *на тот, которого непрерывная красота стихов и чистота вкуса поставили оный в число классических творений*» (стр. 52). *На тот, которого... поставили оный* — сей оборот речи совсем не русский.

«Писатели, которые неутомимым об языке своем печением умели *оный вычистить, прирастить, расширить, обогатить*» (стр. 58). Г. переводчик весьма любит иносказательный слог, но не всегда оный выдерживает. «Писатели умели свой язык *вычистить* (это не совсем чисто сказано), *прирастить* (здесь язык представлен в виде дерева или какого-нибудь растения: и посему слово *вычистить* неприлично), *расширить* (дерева расширить нельзя), *обогатить*» (дерева обогатить также нельзя). — Можно бы найти еще несколько примеров подобной небрежности.

«Но заглянем и в другие многие книги, мы увидим, что перевод их, или *сочинение*, если не совсем, то по крайней мере *близко подходит к переводу сей Проложи*» (стр. 61). Как может *сочинение* подходить близко к *переводу*? разве *слог сочинения* к *слогу перевода*?

«Простолюдины, портящие всегда язык, потому что не знают *начал* (по-фр. principes, правил) *оного, нашли короче* говорить вместо», и пр. (стр. 85). *Нашли короче* говорить (ont trouvé plus court de dire) — оборот не русский, а галлицизм.

«Но вынь *извитие* сие (figure) из места, *отними* его от *сочинения*, в котором изображение *воздвигнуто* уже великолепным описанием Чингисхановых подвигов, *мнением* о народе, победившем вселенную (l'idée d'un peuple conquérant du monde), пышностию восточного слога, *наитствующею* с первого стиха на все творение (dont la piece a reçu l'empreinte dès les premiers vers); перенеси его в «Меропу» или в «Ореста»; оно покажется там слишком стихотворно, будет *холодная пухлость* (sera froidement fastueuse) и ничего не скажет уму (et ne peindra rien)» (стр. 102—105). Не всем понравятся выражения: *отнять извитие от сочинения*, пышность слога *наитствует* на творение; *холодная пухлость*, и пр.

«Сие беспрерывное соображение слога с содержанием *есть такой важности, что*» и пр. (стр. 107) — оборот неправильный.

«Большими писателями чаще удивляются, нежели совершенно чувствуют их» (стр. 108). Мне кажется, что по-русски нельзя сказать *совершенно чувствовать писателей*.

«Мало таких театральных сочинений, которые могли бы выдержать чтение» (там же). У нас не говорят: сочинения *выдерживают чтение*.

«Я вхожу в исчисление обстоятельств подобия» (стр. 115). Сие переведено слишком близко к подлиннику: *je détaille les circonstances de la similitude*.

«Инословие (allégorie), рассуждая о нем как о извятии в слоге и в языке учителей красноречия, собственно, не иное что есть, как продолженное иносказание (métaphore)», стр. 124. Сей оборот несколько темен; выражение: *и в языке учителей красноречия* здесь, очевидно, относится к местоимению о нем, а по смыслу должно было быть предложением совсем отдельным.

«Иносказание трегубо худое, потому что три раза *переменяет предмет*» (стр. 127). Слово *трегубо* нехорошо; иносказание три раза *переменяет предмет* — это не по-русски.

«Надлежит делать так, чтоб она (покровенная истина) не совсем скрыта была под сим покрывалом (басен), но чтоб приносила токмо удовольствие быть видима сквозь оное» (стр. 136). Сей оборот речи неправилен, и притом довольно темен; переведем слово в слово, что говорит Лагарп: *on doit faire en sorte que le voile ne la cache pas, mais laisse seulement le plaisir de l'entrevoir* — *должно делать так, чтобы покров не сокрывал ее (истину), но оставлял токмо удовольствие видеть ее сквозь оный*.

«Не бесполезно, чтоб в науке красноречия объяснено было искусство сего словоизвятия (прехождение, prétermission): оное служит напоминанием употреблять его где нужно, и те, которые *прямо в него войдут*, будут уметь пользоваться оным, особливо же полезно сие для молодых людей» (стр. 156—157). Местоимения *оное, его, в него, оным, сие* относятся одни к искусству, а другие к словоизвятию (*figure*), двум существительным одинакового рода; и от сего происходит сбивчивость в смысле. Притом можно ли сказать: те, которые *прямо войдут* в словоизвятие (или в искусство), будут уметь пользоваться оным (словоизвятием или искусством)? Лагарп говорит: *ceux qui l'auront bien saisi (cette fi-*

gure); а это не значит *прямо войти в словоизвитие*, и проч. и проч.

Выпишем еще несколько мест, в которых г. переводчик не совсем, кажется, выразил смысл, заключающийся в подлиннике.

«И я прошу позволения привести латинский стих без связи (с) следующими за ним» (стр. 12). Лагарп говорит: *je demande la permission de citer un vers latin sans conséquence*, что совсем не значит *без связи с последующими за ним*. Лагарп не хочет казаться педантом, приводя беспрестанно в пример латинские стихи, но просит позволения выписать один *Виргилиев* стих *только на сей раз, не в пример себе для будущих уроков*: вот, по моему мнению, что значит здесь слово *sans conséquence*, *sans l'irer à conséquence* (см.: *Словарь Франц. Акад.*).

«И хотя бы Цицерон и Квинтилиян и не оставили нам особых примеров, то из одного чтения древних мы бы оное везде приметили» (стр. 37). По-фр.: *ne nous citeraient pas des exemples particuliers*. *Citer* не значит *оставлять* особые примеры (здесь по смыслу *оставлять* то же, что *сочинять* самому), но *выбрать* такие примеры из других писателей.

«Согласие, проистекающее от глаголов всегда почти звучных» (стр. 38); по-фр.: *des syllabes presque toujours sonores* — *syllabe* не *глагол*, а *слог*.

«Писатели, *вкусившие* сию счастливую негу древних» (стр. 41). В подлиннике сказано: *qui ont goûté cette mollesse heureuse des anciens; qui ont goûté*, значит здесь: *кои понравилась, кои почувствовали цену*.

«От сего единого движения головы (говоря об Орфее и Эвридике) вся судьба двух любящихся, и вся *приятность* положения сего, зависят» (стр. 50). Лагарп совсем не думал называть *приятным* положение Орфея и Эвридики, когда страстный, отчаянный любовник, смягчив жестокого Плутона и соединившись с тою, которую любит более своей жизни, теряет ее опять от одного движения головы *. Всякий, без сомнения, *приемлет участие* в горестном их положении, но не находит одного *приятным*. Лагарп сказал точно то же: *c'est à un seul*

---

* *Ibi omnis effusus labor*, говорит *Виргилий*; и сие прекрасное полустышке на 51-й стр. переведено: *весь убо труд погиб, обратился в тщету!!*

mouvement de tête que tient tout le destin des deux amans, *et tout l'intérêt* de la situation.

«Каждый ищет в них (в журналах) пробежать, что ему надобно, и никто не смотрит на слог их: *это бы ничего*» (стр. 80). Как *ничего*, когда сам Лагарп тотчас после сего начинает описывать пагубные следствия, происходящие от дурного слога, каким писаны журналы, и от скорости, с какою их читают? Он говорит: *personne ne pense à examiner comme ils sont écrits: ce n'est pas là ce dont il s'agit*. Сии последние слова поясняют предыдущие и значат, что дело идет не о рассматривании слога журналов, но о содержании оных, и что никому нет нужды входить в таковое рассмотрение.

«Наконец говорит Квинтилиян о украшениях, *о изви-тиях словес (figures)*, о сем великом для упражняющихся в красоте слова *предлоге (grand sujet pour les rhéteurs)*, который, *по мнению его*, надлежит с подробностью описать в особливом сочинении» (*mais dont il ne convient de traiter didactiquement que dans un livre fait exprès*), стр. 91. Не знаю, почему г. переводчик принял *безличный* глагол *il convient* за третье лицо настоящего времени среднего глагола *convenir* и отнес его к Квинтилияну, сказав: *по мнению его*, вместо: *надлежит* *.

На 125-й стран. прекрасные Вольтеровы стихи из трагедии: *Спасенный Рим* переведены не весьма хорошо:

Sur le vaisseau public, ce pilote égaré,
Présente à tous les vents un flanc mal assuré;
Il s'agite au hasard; à l'orage il s'apprête,
Sans savoir seulement d'où viendra la tempête.

А по-русски:

«На *корабле всенародия* (!!) кормчий сей смятенный подставляет всем ветрам *бок свой* ненадежный (не *свой* бок, а *бок корабля*; un flanc mal assuré, очевидно, относится к кораблю); *шатается туда и сюда*

---

* На сей же 91-й стр. сделана довольно странная ошибка, которую, однако ж, приписать должно небрежности наборщика: Лагарп упоминает о *Мещанине во дворянстве, Mr. Jourdain*, а по-русски вместо того поставлено *Жорж-Дандин* (главное действующее лицо в другой, комедии Мольеровой).— Еще на 120 и 121 стр. вместо французского слова *piteusement (жалостно)*, поставлено пять раз *piteusement*, что совсем не по-французски.

(il s'agit au hasard больше значит *суетится, заботится, управлять кораблем наудачу*) и проч.

На 134-й странице Лемиевого иносказательное изображение невежества:

Il est une stupide et lourde Dêité:
Le Tmolus autrefois fut par elle habitê.
L'Ignorance est son nom: la Paresse pesante
L'enfanta sans douleur aux bords d'une eau dormante.
Le Hasard l'accompagne, et l'Erreur la conduit:
De faux pas en faux pas la Sottise la suit.

Переведено по-русски:

«Есть *тупое и грубое* божество в *Тмолусе*, некогда обитавшее (разве на Тмолусе, ибо Тмолус была гора, посвященная Вакху), невежество имя ему: тяжелая лень *без чревоболения* (какое слово!! *enfanter avec douleur* значит просто *родить с болью*, само по себе разумеется, что не с *головною*) родила его на берегах *спящих вод* (в этом смысле мы говорим *стоячие*, а не *спящие воды*); сопровождаемое случайностию, заблуждением водимо, с *криваго на кривой путь* ходит оно (*faux pas* не значит *кривой путь*), и глупость ему последует». — Можно ли сие назвать хорошим переводом прекрасных стихов Лемиевых?

Лагарп, рассуждая о прозопопее, говорит: *plus cette figure est hardie, plus elle a besoin d'être amenée* *. По-русски же мысль совсем другая и отчасти противная сему: «чем смелее сие *извитие*, тем *лучше*» (стр. 147). Далее: Fléchier s'en est servi très-noblement dans l'oraison funèbre de Montausier; по-русски: «Флешьер весьма *пристойно* поместил оное в надгробном слове на *Монтастьера*». Надгробное слово обыкновенно сказывают кому-нибудь, а не *на кого-нибудь*; оно не сатира.

На 149-й странице вместо: *un gladiateur qui élève le fer le plus haut qu'il peut pour porter un coup plus terrible*, переведено: «боец, *подъемлющий высоко меч свой*, дабы удар *казался ужаснее*». Нет! сего не довольно, чтоб удар *только казался ужаснее*; *porter un coup* значит: *нанести* в самом деле удар.

«Другой пример умолчания (*réticence*) еще лучше, для того что *более пришелся к месту*» (стр. 159). По-

---

* Чем более дерака эта фигура, тем продуманней должна она быть (*фр.*).

французски мысль совсем другая: *parce qu'elle tient à une situation théâtrale* *.

«Итак, остается одно только средство, торжественно не поверить клеветнику робкому и подлому» (стр. 161); по-французски: *aussi le seul parti qu'il y ait à prendre, c'est de porter un défi public à l'accusateur timide et lâche. Porter un défi public* не значит торжественно не поверить клеветнику, но требовать от него пред всеми, чтоб он доказал слова свои, и проч. **.

Из приведенных мною примеров читатели увидят сами, что в переводе двух статей из Лагарпа есть погрешности довольно значащие; но сие не воспрепятствует никому отдать всю должную справедливость трудам и благонамеренности г-на переводчика. Полезная цель его и многие справедливые замечания, конечно, не сократятся от взоров любителей отечественной словесности.

В заключение скажу еще, что, рассматривая сию книгу, совсем не хотел я сделать какое-либо неудовольствие почтенному переводчику; он сам побудил меня предпринять сей труд, говоря в своем предуведомлении: «со стороны же возражений, когда бы оные основаны были на искреннем желании рассуждать об языке, а не на личной и пристрастной защите некоторых погрешающих против него писателей, тогда бы оные были мне приятны» (стр. XVI). Совсем не зная сей личной и пристрастной защиты, о которой говорит г. переводчик, я смело основываюсь на словах его при издании в свет моего рассуждения. Притом же я полагаю, что беспристрастная и учтивая критика всегда есть неложный знак уважения к тому сочинению, которое критикуют.

1810

* потому что он связан с театральным положением (фр.). Подобно сему, в переводе некоторых стихов из «Генриады», вместо: *excités par la voix des prêtres sanguinaires*, на 158-й стр. поставлено: *ободряемые гласом кровожаждущих монахов*. Почему же монахов, в противность словам Вольтеровым, а не *попов*? можно было бы употребить и другое выражение, благороднее сего последнего, но только не такое, которое представляет совсем другой смысл. Всем известно, что католические попы участвовали гораздо больше монахов в сем кровопролитии.

** Заметим еще в дополнение всего сказанного мною, что в некоторых местах сего перевода многие собственные имена не так написаны по-русски; наприм.: Тургот (Тюрго), стр. 15; Лукень (Лукав), Клавдий (Клавдиан), Фукидид (Фукидид), Волтер (Вольтер), Дасьер (Дасье), Монтескю (Монтескьё), стр. 56; Дюмарсе (Дюмарсе), стр. 111; Салюст (Саллустий), стр. 140; Флешьер (Флешье), Монтасьер (Монтозье), стр. 148; Корнелий (Корнель), стр. 149; Снина (Цинна), стр. 150; Бюррус (Бурр), стр. 159.

О ЛЕГЧАЙШЕМ СПОСОБЕ ВОЗРАЖАТЬ НА КРИТИКИ

(В ответ на *Присовокупление* г-на Ш-ва к *Рассуждению о красноречии Св. Писания*, читанному им в Росс. Академии и помещенному в V части ее *Сочинений и Переводов*.)

В 11-м и 12-м номерах *Цветника* 1810 года напечатал я *Рассмотрение перевода Двух Статей из Лагарпа с примечаниями переводчика*. Я осмелился заметить несколько важных ошибок против языка и смысла, которые выбрал из множества других в сем переводе; осмелился иногда противоречить г-ну переводчику в его странных и несвязных заключениях, выводимых из сходства русского языка с славенским: но везде сохранил должную учтивость и уважение к его летам. Мнения свои везде предлагал я в виде скромных, почтительных представлений, показывал даже некоторое сомнение там, где имел полное право говорить утвердительно и явно укорять г-на переводчика в отступлении от правил здоровой логики, в несоблюдении смысла, заключающегося в подлиннике. Полагаясь на его точные слова¹, я совсем не думал оскорбить его своими замечаниями; я ожидал, что он, отвечая мне, постарается оправдать свои ошибки и получше объяснить слова свои, часто весьма темные для читателей. Сочинение мое разделено было на две части: в одной особенно рассматривал я парадоксы касательно мнимого славенороссийского языка; в другой показывал мимоходом погрешности в слоге перевода и неверность оного.

Но к величайшему моему удивлению и, думаю, к удивлению всех просвещенных любителей словесности, г. переводчик *двух статей из Лагарпа*, издавая в свет

«Со стороны же возражений, когда бы оные основаны были на искреннем желании рассуждать об языке, а не на личной и пристрастной защите некоторых погрешающих против него писателей, тогда бы оные были приятны» (Предувед. к перев. из Лагарпа, стр. XVI).— Пусть г. сочинитель докажет, что мое *Рассмотрение* не основано на искреннем желании рассуждать об языке, что я противоречил ему единственно для защищения своих ошибок, что не отдавал ему всей должной справедливости, где только он ее заслуживал,— и тогда пусть говорит о старании удалить нынешний язык наш от языка древнего, дабы язык веры, став невразумительным, не мог никогда обуздывать языка страстей (стр. 263). До тех пор всякий читатель, видя беспрестанные его отступления и запальчивость, скажет ему как у Луциана Меналипп: ты сердишься, Юпитер! следственно, ты не прав!

Рассуждение свое о красноречии Св. Писания, напечатал еще при оном какое-то *Присовокупление*, в котором, вместо основательных доказательств, отвечает мне одними личностями и бранью. Он говорит «о помещаемых в журналах наших сочинениях, в которых, от заблуждения ли ума или от повреждения сердца², столько же иногда не щадится нравственность, сколько и рассудок» (соч. и пер. Росс. Акад., ч. V, стр. 262), — «о старании ум и сердце каждого отвлечь от нравоучительных духовных книг, отвратить от слов, от языка, от разума оных и привязать к одним светским писаниям, где столько расставлено сетей к помрачению ума и уловлению невинности (!!), что, совлеченная единожды с прямого пути, она непременно должна попасть в оные» (стр. 263). — «О находимых в журналах под именем критик таких суждений о языке и словесности, которые не только пред целым светом, но и пред двумя человеками изъяслять надлежало бы стыдиться; коих главная цель состоит в том, чтоб стихами и прозою вопиять против славенского языка, не зная и не разумея, о чем идет дело и в чем состоит язык» (стр. 264), —

² *Заблуждение ума*, очевидно, ко мне относится за то, что я дерзнул оспаривать мнения г-на сочинителя: но *повреждения сердца* не должен я принимать на свой счет, ибо грозному сему диктатору известно только одно мое имя; притом же, совсем не заслужив такого упрека, я никогда бы сего не позволил сказать себе. Может быть, выражение сие относится к другим особам, о которых столь учтиво и благопристойно говорится на стр. 276-й. «Они в посланиях своих взывают к *Виргилиям, Гомерам* и пр., затвердя одне только имена их и, что всего удивительнее, научась благочестию в *Кандиде*, и благонаравью, и знаниям в *Парижских переулках*, с поврежденным сердцем и помраченным умом вопиют против невежества и, обращаясь к теням великих людей, толкуют о науках и просвещении». Молчание есть, конечно, достойный ответ на столь общие и неясные обвинения; но мы вспомним здесь прекрасные слова *Лагарповы*: «Rien n'est si aisé et si commun que de calomnier à demi-mot, et rien n'est si difficile que de repousser cette espèce de calomnie. Car, comment répondre à ce qui n'a pas été énoncé? Deviner l'accusation, c'est avouer en quelque sorte qu'elle n'est pas sans fondement: aussi le seul parti qu'il y ait à prendre, c'est de porter un défi public à l'accusateur timide et lâche; et l'innocence alors peut lever la tête» etc. *Lycée*, t. 3. p. 245. «Нет ничего более легкого и распространенного, чем клеветать намеками, и нет ничего более трудного, чем опровергнуть этот род клеветы. Ибо как отвечать на то, что не сказано? Отгадать обвинение, значит до какой-то степени признать его справедливость: поэтому единственный выход — публично бросить вызов робкому и трусливому оскорбителю; тогда невинность может воспрянуть духом» и т. д. *Лицей*, т. 3, с. 245 (*фр.*.) (Место сие в *двух* статьях из *Лагарпа* совсем не так переведено. См.: *Цветник*, № 12, стр. 464.)

«о сборищах слов, в коих не должно искать *мыслей*, а еще меньше *разума*; ибо они совсем не с тем пишутся, чтобы сказанное можно было доказать или разуметь; но только с тем, чтоб оное написано и прочтено было» (стр. 271), — и проч. и проч. Утверждая на странице 279, что мы не должны славенский язык почитать особым языком, презирать, уклоняться от него (но кто и думал презирать сей язык и уклоняться от него?), г. сочинитель ссылается на Лагарповы слова: «On ne se flatte pas d'imposer silence à cette espèce d'hommes, sur qui la raison a perdu ses droits, surtout depuis que la déraison est de toutes les puissances la plus accréditée» *. (Оставляю беспристрастным читателям на суд, к кому применить должно сие справедливое изречение Лагарпа.)

Отвечать бранью на учтивую, благонамеренную критику — значит признать себя торжественно не в состоянии отвечать на оную доказательствами: но к суждениям о языке примешивать нравственность и веру; в неукротимой запальчивости называть противников своих *имеющими поврежденное сердце* и укорять их в мнимом намерении ослабить благотворную власть веры; забывать права общественные и должное уважение к лицу всякого гражданина — есть разительный пример, сколь сильно действует оскорбленное самолюбие и желание властвовать в Республике словесности. Вот последствия страстей наших! Человек, упражняющийся в словесности, оставляет почтенное сие занятие, вступает в поприще ругательства, присвоивает себе право обвинять своих сограждан — и все сие, дабы отмстить за то, что ему дерзнули противоречить, что смели показать его ошибки!

Оставим сии прискорбные для нас размышления: к сожалению нашему, во все времена бывали примеры подобной сему несправедливости. Кому неизвестны Буаловы стихи:

Qui méprise Cotin, n'estime point son roi,
Et n'a, selon Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi.

Нé, mon Dieu, craignez tout d'un auteur en courroux **.

---

* Мы не льстим себя надеждой заставить молчать подобных людей, над которыми разум более не властен, тем более что с некоторых пор безумие пользуется наибольшим уважением (*фр.*).

** Тот, кто презирает Котена, не уважает короля,

И, по мнению Котена, не верит ни в Бога, ни в закон.

Ах, Господи, от разгневанного автора можно ждать всего чего угодно (*фр.*).

Можно бы подумать, что Буало писал сие в наше время.

Г. сочинитель *Присовокупления* на странице 265 еще укоряет меня в том, что я не подписал имени под своею критикою. Он говорит: «Столько еще остается в их безыменных критиках стыда, что они скрывают имена свои». Но что за стыд сказать, что г. переводчик *двух статей из Лагарна* во многих местах не понял французского подлинника, что он наполнил буквальный перевод свой галлицизмами и соблюл даже целыми страницами французское словосочинение, не преставав между тем вопиять против галлицизмов; что многие заключения, из Лагарповых слов им выведенные, совершенно неосновательны, и проч.: — какой стыд в показании сего находить можно? Я не подписал своего имени единственно потому, что не думал придать оным никакой силы своим доказательствам: но если угодно г-ну сочинителю *Присовокупления*, то признаюсь охотно, *не только пред двумя человеками, но пред целым светом*, что *Рассмотрение перевода из Лагарна* сочинено мною. Постыдно без сомнения скрывать имя свое, сочиняя какие-нибудь ругательства или пасквили, (которые, впрочем, и тогда достойны презрения, когда автор подписывает свое имя): но мое *Рассмотрение* отнюдь не принадлежит к сему роду. *Пасквилом* я называю такое сочинение, в котором чья-нибудь честь оскорбляется, в котором клевета старается очернить гражданина и вселить несправедливое подозрение против его нравственности или мнений о вере: может ли сие сколько-нибудь относиться к моей критике? Впрочем, я так мало скрывал свое имя, что все читатели знали об оном при самом появлении в свет 11-го номера *Цветника*.

Я сказал уже, что г. сочинитель, возражая на мою критику, совсем не думал о доказательствах: всякий может удостовериться в том, если будет иметь терпение прочитать ответ его. Основательные доводы показались ему средством слишком обыкновенным; отвергнув их, он употребил против меня оружие совсем новое, а именно — *восклицания*! сверх того, выписав несколько строчек из моей довольно пространной критики, он везде силится совершенно переменить значение слов моих и найти в них мнимые противоречия. Что ж касается до многих важных ошибок, замеченных мною

в его переводе, то, не будучи в состоянии оправдать их, он всячески избегает случая о том говорить. «Из сих немногих выписок (так заключает он свое *Присовокупление*) ясно уже видно, каковы и чем наполнены бывают таковые сочинения». Положим даже, что все выписки и слова г-на сочинителя были бы справедливы: но кто учил его рассуждать таким образом и брать доказательства свои *от части к целому*? Сие позволено в поэзии, но совсем не в логике. — «Если б мы захотели с подробностью рассмотреть оные, то конечно во многих местах произвели бы в читателе удивление, негодование и смех». Подлинно так: кто бы из читателей мог воздержаться от удивления и смеха (негодование же пусть поберегут они для *пасквилей*), когда бы увидел снова из моей критики, что Лагарпа заставляют говорить то, чего он и не думал (*Цветник*, стр. 454 и след.); что несправедливо ссылаются на немецкую Библию (там же, стр. 411); говорят о французских писателях не читав их (стр. 435); и, наконец, везде преподают такое учение, которое очевидно клонится к искажению языка, к подавлению всех дарований. — «Но намерение наше было только показать суждения их о языке, пропуская все прочее, как недостойное ни его, ни нашего внимания». В самом деле *легчайший способ возражать на критики!* к сему не нужны ни ученость, ни знание языка, ни даже здравая логика!

Я не буду подражать примеру сочинителя *Присовокупления*: я намерен разобрать все его суждения и показать просвещенным читателям, так ли истолкованы слова мои и точно ли утверждено существование *славенороссийского языка*.

Но, скажут мне, отрицать сие варварское смешение, утверждать, что русский язык есть язык отдельный и не *наречие* или *слог* (*Разгов. о слов.*, стр. 6), но сам корень многих местных наречий: не значит ли сие спорить единственно в словах и может ли потерпеть словесность наша от того, что русский язык будут называть славенороссийским, варягоросским или как бы то ни было?.. Конечно нет, если бы г. переводчик Лагарпа и его последователи довольствовались сими названиями и не выводили из оных весьма пагубных для языка последствий. Отложим поверхностное о вещах суждение, посмотрим со вниманием, отчего у нас многие пишут так дурно после образцовых сочинений Ломоносова, Хераскова, Богдановича, Державина, Дмитриева, Карамзина и других

хороших авторов наших? отчего многие молодые люди, впрочем не без дарований, представляют нам в стихах своих живое подражание тяжелому и грубому слогу Тредиаковского? Оттого, что они с младенчества приучились полагать истинную поэзию, истинное достоинство слога в нескладном сборище славенских выражений, неупотребительных в русском языке и несвойственных оному; привыкли думать, что ничему не должны учиться, кроме славенороссийского языка, и потому гнушаются чтением хороших писателей, как своих, так и чужестранных. — Напротив того, другие юноши, воспитанные в правилах здравого вкуса, просветившие ум свой опытностью всех веков и всех народов, видят, при вступлении в поприще словесности, раскол сей столь усилившимся, что сами не смеют даже свободно мыслить и часто зарывают талант свой в землю, опасаясь вооружить против себя всех вкусоборцев. — Вот к чему ведет сие учение, защищаемое ныне с таким упорством и основанное единственно на том, что большая часть русских слов происходит от славенского, как будто бы англичане не могли иметь особенного языка, потому только, что большая часть слов их заимствована ими от французов и немцев!

Не трудно было бы опровергнуть толь слабое основание, если бы противники русского языка истинно хотели рассуждать о языке и порядочно отвечали на все возражения; если бы, воздержавшись от личностей, они старались только убедить своих противников, а не называли их предателями отечества и веры за то, что они защищают отечественный язык свой. Какое влияние споры о словесности могут иметь на священную любовь к отечеству, равно пылающую во всякой груди русской?.. Я сам весьма почитаю славенский язык, на котором предки наши передали нам святую свою веру и богослужение; я сам всегда любил следовать совету Ломоносова: «дабы с прилежанием читали все церковные книги, отчего к общей и собственной пользе воспоследует: 1) По важности освященного места церкви Божией и для древности чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особое почитание, чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит. 2) Будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равенство слога. 3) Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с рос-

сийским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков»³. — Но утверждаясь на сих же словах Ломоносова и на здравом рассудке, я всегда отвергал мнимое смешение славенского языка с русским, и мне никогда не приходило в голову называть сей последний *слогом*. «Оставшийся в книгах духовных славенский язык (говорит г. издатель *Вестника Европы*, 1811, № 12, стр. 293) отделен от нынешнего русского несходством некоторых слов, и разностию в спряжениях, и даже в правилах синтаксиса. Без всякого сомнения русский язык есть отрасль славенского; но теперь он уже в таком состоянии, что приличнее называть его языком, а не наречием. На нем издаются законы; на нем написаны многие книги; как же можно сказать, что он не существует, и как можно называть его наречием, тогда как сам он уже имеет множество местных наречий? Ежели так, то ни один из нынешних европейских языков не существует, ибо все они произошли от древних и из них составились. Было бы очень странно, когда б уверять стали, что у италянцев и французов нет языка и что те и другие говорят *наречием* или *слогом*»³.

³ См. стр. 8 *Предисловия о пользе книг церковных*, из коего г-н переводчик Лагарпа почерпнул все, что ни писал о сем доньше. Впрочем, на каждой странице сего *Предисловия* внимательный читатель найдет ясное разделение славенского языка с русским, как, например: «к первому роду речений российского языка причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян *общеупотребительны*: Бог, слава, рука, ныне почитаю. Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах; однако всем *грамотным* людям вразумительны, например: отвержаю, Господень, насажденный, зываю. *Неупотребительные и весьма обветшалые* отсюда выключаются, как: обаваю, ясны, овогда, свене, и сим подобные. К третьему роду относятся, *которых нет в остатках славенского языка*, то есть в церковных книгах, например: говорю, ручей, которой, пока, лишь» (стр. 3)... «Сим штилем преимуществует *р о с с и й с к и й язык* пред многими нынешними европейскими, *пользуясь языком славенским* из книг церковных» (стр. 6).

⁴ Я мог бы еще подкрепить сии доказательства мнением многих известных в словесности людей, и особенно мнением достойных гг. профессоров Московского Университета, коим вверено попечение над учрежденным при оном *Благородным Пансионом*, одним из лучших в России заведений для воспитания юношества. В изданном на 1811 год *Объявлении* о сем Пансионе, на стр. 25-й, между прочим, сказано, что во 2-м классе русского языка *будут переводить на русский лучшие места с славянского и других языков*. Сии точные слова почтенных гг. издателей, согласные притом со свидетельством Ломоносова и других, могут и одни достаточно опровергнуть ложные умствования г-на сочинителя.

Что можно отвечать на толь справедливые рассуждения? Но противники наши, непрестанно уклоняясь от ответа, прибегают единственно к брани или наполняют книги свои неуместным набором славенских примеров, которые совсем нейдут к делу и притом всякому давно знакомы: в их книгах находим мы предлинные рассуждения на многих страницах об одном глаголе *доить*, хотя всякому известны его значение и все производные от него слова, употребительные и неупотребительные. Там хотят уверить нас, что мы непременно должны употреблять славенское слово *доилща* и что мы совсем не знаем прилагательного *воздоенный*, между тем как все говорят у нас: *Юпитер воздоенный на горе Иде*; или в стихах: *Поэт в объятиях фортуны воздоенный*. Таким образом сии господа если только где-нибудь прекращают свои восклицания, то стараются тотчас отклонить читателя от рассуждений бесчисленными примерами из Библии, которую все не меньше их читали и уважают.

Приступим теперь к разбору мнимых возражений г-на сочинителя *Присовокупления*, который, как ревностный приверженец к языку славенороссийскому, нима-ло не заботится о защищении себя, но силится токмо утвердить свое учение и почитает к тому все способы позволительными. «Что значит разделение языка нашего на славенский и русский? (так восклицает он на стр. 263). Разделения сего, рассуждая о языке *в прямом смысле оно*го, никаким образом доказать не можно, поелику оно не существует. *И так выходит*, что разумеется под сим язык духовных и светских книг». Прекрасная логика! *сего доказать не можно, поелику оно не существует, и так выходит* и пр.— Всякий видит, сколь хорошо выведено здесь заключение из предыдущих предложений; но послушаем далее: «На что ж чуждаться нам первого из оных и стараться приводить его в забвение и презрение? Для того ли, чтоб ум и сердце каждого отвлечь от нравоучительных духовных книг» и пр. Хитрое сплетение силлогизмов сих достойно внимания: оно встречается довольно часто у г-на сочинителя. Сперва опровергал он принятое вообще разделение славенского языка с русским; а потом вдруг стал говорить о *намерении приводить первый из них в забвение и презрение* — но кто имеет такое намерение? Утверждал ли я что-либо подобное сему? Я сказал только, что не должно употреблять в русском языке несвойственных ему славенских выражений и оборотов, что

совсем не значит презирать славенский язык, корень нашего. Касательно же предполагаемой г-м сочинителем цели *ум и сердце каждого отвлечь от нравоучительных духовных книг*, и далее на той же странице, *чтоб язык веры не мог обуздывать языка страстей*, то я удивляюсь, с чего взял он все это. Позволено ли мне спросить, по какому праву думает он, что я менее его привержен к вере моих предков, что менее его почитаю священные книги и что хочу ослабить власть их? Такое обвинение не есть дело писателя, тем более что оно совершенно несправедливо: и в таком случае подлежит оно строжайшему изысканию законов.— Потом: «Взяв одно такое сочинение, могли бы мы в каждой строке, от первой до последней, показать неосновательность за неосновательностью, незнание за незнанием, неправду за неправдою, даже клевету, ибо часто господин или господа писатели сих нелепиц, называемых *критиками*, ссылаясь на страницу рассматриваемой ими книги, оттого ли, что не поняли, или по надежде, что не всякий станет справляться, говорят совсем не то, что на сей странице сказано». Но сам г-н сочинитель неужели мог иметь надежду, что читатели так легко поверят словам его и не потребуют от него точных доказательств, где и как сие сделано? «Мы могли бы во многих подобных сему ощутительных неправдах ясно уличить; но такое подробное показание не стоит того, чтоб терять на оное труды и время» (стр. 265). Напротив: когда г. сочинитель вздумал упрекать своего рецензента в неправде и клевете, то он непременно был обязан ясно изобличить его; столь важная в словесности укоризна не должна быть сама клеветою.

«Ни один француз (продолжает он), не обучась латинскому языку, не разумеет оного; а у нас всякий безграмотный мужик заставляет грамотного сына своего читать *пред ним* Пролог, Четию Минею и другие духовные книги, разумея и слушая его с удовольствием». В этом г-н сочинитель весьма ошибается: у нас ни один мужик, хотя бы и грамотный, не поймет ничего из Пролога и Четии Минеи, если не учился читать по Часослову и не затвердил начальных правил славенского языка. Безграмотный мужик многого не мог бы даже понимать и в обедне (несмотря на то, что в оной ектении и большая часть молитв писаны самым простым слогом), если бы частое хождение в церковь и всегдашнее толкование не заменяли ему науки. Возьмем безграмотного

мужика; что поймет он из приведенных в *Рассуждении о красноречии Св. Писания* примеров: *Ланиты его аки фиалы аромат, прозябающыя благовоние. Устне его крины, каплющии смирну полну. Лыста его столпи мarmoровы, основани на степенех златых. Горгань его сладость и весь желание; или: посечение его прежде часа растлеет, и леторасль его не облиственеет?* — «Мне кажется, ежели бы кто и ничего, кроме романов, комедий и журналов не читал, так и тот не мог бы сего сказать (что мы на нашем языке никаких не имели сочинений до времен Петра Великого, Цветн. стр. 260); ибо неужели он даже и не слышал, что у нас есть «Русская правда», Владимирова духовная, «Слово о полку Игоревом», Псалтырь, Евангелие и проч. Как все это опровергать и не поставлять в числе книг, для того только, что не было журналов и комедий?» Мое выражение на нашем языке и по грамматике и по логике, очевидно, относится к нынешнему русскому: и я все право имел сказать, что до Петра Великого не было на оном сочинений, ибо почти до самого того времени русский язык существовал особо в *изустном* токмо употреблении, а *книжный* наш язык или совсем не существовал, или только что еще мало-помалу отделялся от славенского — ибо в старину всякие книги духовные и светские писали языком славенским более или менее испорченным. Разве «Русская правда», Владимирова духовная, «Слово о полку Игоревом» (коих у нас незнающие по-славенски без перевода читать не могут, даже и знающие очень часто не понимают), разве все сии книги писаны по-русски? ⁵ — Можно ли называть русскими книгами

⁵ Заметим здесь мимоходом, что и г. сочинитель в переводе Игоревой песни на русский язык иногда ошибается в своих догадках и что не всегда доверять можно сему предложению, о котором он сам говорит: «Сего ради *рассудилось* мне положить *или, паче, переделать* *оную* таким образом, чтоб, оставляя все красоты подлинника, без всякой, поколику можно, перемены слов, *невразумительныя места сократить или пропустить*; прочие же, требующие распространения, *дополнить* своими *приличными* и на *вероятных догадках основанными умствованиями*» (Соч. в перев. Росс. Акад., ч. I, стр. 202). — И так ни древность сего драгоценного остатка славенского стихотворства, ни всеобщее к оному почтение не могли спасти его от поправок новейшего переводчика, который, по собственному признанию, более заботился о избежании *всякой, поколику можно, перемены слов*, нежели о соблюдении мыслей! Горе нам, если найдутся многие последователи сему примеру, и все будут самопроизвольно *сокращать, дополнять* своими *умствованиями или, паче, переделывать* переводимые ими творения; и таким образом искажать Гомеров и Virгилиев!

Псалтырь и Евангелие, хотя они в новейшие времена переправлены? Пишет ли наконец сам г. сочинитель таким же языком, хотя, впрочем, и смешивает неправо в суждениях своих славенский с русским? — Из сего видно, что он почитает всякое оружие против соперников своих законным, по произволению переменяет значение слов и смысл речи и употребляет насмешку там, где сам ошибается. — «Вот какое разделение полагают и защищают! несколько слов, вошедших в простонародное наречие, приемлется за основание нового языка! где же покажут мне сие множество татарских слов и выражений в Библии, в Феофане, в Ломоносове, и проч.». (Хитрое совокупление славенских книг с русскими!) «*Но положим, что чистота языка нашего и повредилась несколько от принятия в него иностранных слов, следует ли из того утверждать, что нечистый язык стал лучше чистого?*» Но кто утверждает, что *нечистый язык лучше чистого*, и кто *приемлет татарские слова за основание русского языка?* Нельзя ли здесь сказать о г-не сочинителе то самое, что он в своем *Присовокуплении* на странице 265 старается внушить читателю о мнимых моих неправдах и клевете?.. Я утверждаю, что основанием русского языка есть славенский, с которым посему имеет он тесное сродство: но что в *наречии русское* вмешалось множество татарских и других иностранных слов (которые все можно видеть в словаре Росс. Академии, где именно означено, какие слова настоящие славенские и какие чужестранные); а притом оное наречие отделилось совершенно от своего корня *несходством некоторых слов и разностию в спряжениях и даже в правилах синтаксиса* и таким образом стало особым языком, как другие европейские. Я отнюдь не хочу судить, который из двух языков лучше: но говорю только, что не должно их смешивать и употреблять в русском всякие славенские выражения без разбора.

В *Рассмотрении перевода из Лагарпа* я сказал: *наш русский язык сам по себе гораздо богаче, великолепнее, сильнее всех прочих (европейских); но мы, сверх того, можем еще почерпнуть из славенского, с тем, однако ж, условием, чтоб выражения и обороты, заимствованные нами, не были противны собственному языку нашему.* На сие г. сочинитель с обыкновенным своим жаром восклицает: «что значат сии слова? как! наш русский язык сам по себе?» да что такое наш русский язык

сам по себе? где он? возьмем какую-нибудь нынешнюю книгу, найдем ли мы в ней хотя два таких слова (выключая иностранные), о которых бы могли мы сказать: вот это славенское, а это русское?» Может ли рассуждать таким образом человек сколько-нибудь сведущий в русском языке и, говоря по-русски, спрашивать *где* сей язык? Если бы даже мы не слышали ежедневно множества неизвестных древним славянам русских слов (из которых многие и в высоком слоге употребляются), то вышеприведенное свидетельство Ломоносова нас бы в том удостоверило: «к третьему роду относятся речения, *которых нет в остатках славенского языка*, то есть в церковных книгах, например: *говорю, ручей, которой, пока, лишь*», и пр. Вместо того чтобы заниматься пустыми рассуждениями о словах *вниду* и *войду* (которые суть один и тот же глагол; только первый употребляется в высоком слоге русского языка, а второй в среднем и низком, что всякий ученик давно знает), лучше бы г. сочинитель заглянул со вниманием в Словарь Росс. Академии: там нашел бы он много таких слов, *которых нет в остатках славенского языка* и которых корни нам неизвестны; следственно, здравый рассудок велит почитать их коренными словами, употребительными в странах, называемых ныне *Великороссийскими*, еще до пришествия в оные славян.

Далее сказал я в своем *Рассмотрении*: *для чего большая часть наших теперешних*⁶ *выражений* (я гово-

---

⁶ Г. сочинитель замечает, что слово *теперешний* несвойственно возвышенному слогу, и потому здесь должно бы сказать *нынешние выражения*. Хотя мое *Рассмотрение* писано не *возвышенным*, а *средним* слогом, но я весьма согласен, что слово *нынешний* здесь гораздо приличнее. Сколь бы мне было приятно признаться в своих ошибках, если бы г. сочинитель в показании оных рассуждал всегда так основательно: ибо я пишу не для пустого токмо спора, но из искреннего усердия к отечественному языку! Учиться не стыдно ни в какие лета: но непростительно упорствовать в своих заблуждениях и отвечать грубостями и бранью на учтивые возражения.

Что ж касается до утверждения г-на сочинителя, что слово *теперь* происходит от местоимения *та* и имени *пора*, то я никак не могу с ним согласиться: *теперь* есть синоним наречия *ныне* и означает настоящее время, а *та пора* — прошедшее или будущее. Вот что пишет о сем ко мне один почтенный Любитель словесности: «Ничего нет обманчивее этимологических догадок, когда они на одном только сходстве звуков, а не на вернейших основаны доказательствах, почерпнутых из истории языка и из сличения оного с диалектами. Мне случилось найти в древнем летописце, часть II,

рю только о настоящем русском языке, а не о варварской смеси, какую писаны многие нынешние книги) не только не принадлежит к славенскому языку, но даже и не от него происходит? — На сие г. сочинитель отвечает: «В подобных сборищах слов не должно искать мыслей, а еще меньше разума, ибо они совсем не с тем пишутся, чтобы сказанное можно было доказать или разуметь; но только с тем, чтоб оное написано и прочтено было». Если г. сочинитель *Присовокупления* не может служить образцом искусной и сильной диалектики, то по крайней мере из книг его очень можно научиться вежливости: слог его напоминает нам счастливые времена Гарассов! — Здесь говорится (продолжает он) о *варварской смеси*, а в чем она состоит, до того дела нет. Говорится, что *большая часть нынешних наших выражений не токмо не принадлежит к славенскому языку, но даже и не от него происходит*, а как и почему: этого прошу не спрашивать. Между тем *варварская смесь*, конечно, бывает, и еще двойкая... Итак, *варварская смесь* состоит или в принятии многих чужих слов, или в буквальном переводе с чужого языка таких выражений, которые *нашему языку или несвойственны, или невразумительны, или не то значат*. Точно так: на что же г. сочинитель требует от меня объяснения такого слова, коего значение он столь хорошо сам понимает и которое, впрочем, само собою весьма ясно? — «Но когда выражения не принадлежат к славенскому языку и не от него происходят, так *откуда ж* они взялись? Какие же они, как не чужестранные?» Отчасти, конечно, и чужестранные: но мы видели уже, что есть много коренных русских слов, *которых нет в остатках славен-*

стр. 431: *мы сами то теперь слышим и видим*. Здесь *теперь*, по-видимому, значит: *не теперь только, не впервые*. А в Линдевом словаре нашел я: польск. *dopier, dopiero, dopieruczko* и пр. Богемск. *тепрв, тепрва, тепрув*. *Рагузск.* *топарв, стопарв*. *Босняцк.* *стопарве, стопрривце*. Все сии слова значат: *теперь только, лишь только, eben erst*, по переводу Линде, и составлены, очевидно, вместе со старинным русским *теперво*, из местоимения *то* и имени *первый*. (В польск. *pięty*, в бог. *првий*, в иллир. *првий, привий, парвий*). — Наречие *теперь, теперя, тепереча* не сокращено ли из *теперво* или *топерво*? Оно в русском языке, как и в польском, потеряло свое коренное *в*, но в богемском и в иллирийском сохранило сей признак происхождения своего от *первый*. В других языках сохранило оно и значение свое *впервые, лишь только, eben erst*: но в русском приняло другое значение и сделалось синонимом наречию *ныне*. — А от *та пора* происходит у нас только наречие *в тупору, на тупору*, и пр. в просторечии *в тапоры*».

ского языка. К оным должно еще присовокупить выражения и обороты, введенные в славенский и русский языки *еллинизмом*⁷, также слова финские, татарские, и проч., и новейшие выражения, употребляемые с успехом хорошими писателями нашими.— «И когда большая часть нынешних наших выражений такова, то каким же образом вместе и вопиать против них, называя *варварскою смесью*, и утверждать, что она-то и есть украшение нашего языка?» Обыкновенная хитрость г-на сочинителя заставляя других говорить то, об чем они и не думали! я никогда не называл *варварскою смесью* чужестранных слов и выражений, непротивных свойству русского языка и принятых уже в оный, и никогда не утверждал, что *варварская смесь* есть украшение языка.

Правда, что возвышенный слог не может у нас существовать без помощи славенского; но сия необходимость пользоваться мертвым для нас языком для подкрепления живого, не есть доказательство (Цветн., стр. 263). — «Что такое значит здесь слово *помощь*? (вопросает г. сочинитель) не мудрено понять, когда скажут: человек помогает человеку; но каким образом представить себе, что *язык помогает языку*? Этого мало: *мертвый помогает живому!* и этого мало: *живой без мертвого существовать не может!* Как? подобные сему загадки, странности, небылицы смеют являться в виде *рассужде-*

«Правда, что многие места оных переводов (священных книг) не довольно вразумительны; однако польза наша весьма велика. При сем хотя нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский *не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных*; однако оные чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что *предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно*». (Ломонос. *О пользе книг церк.*, стр. 4).— Сей буквальный перевод священных книг наших с греческого и, следовательно, *точное подражание* греческому языку в образовании книжного славенского, неоспоримо доказываются еще *Предисловием* Святейшего Синода на издание с. Библии, стр. 2: «Едино (от книгочий), яко же с преводу оного видно, были в славенском грамматического знания языке неискусны, а другие в еллиском: яко же един от тех сочинитель предисловий тоя Острожския печати о себе сказует: *Аз, рече, составил, елико могох умалением си смысла: ибо училища николиже видех, но повеления Благочестиваго Князя отрещися отнюд не возмогах*. К тому же и искусство грамматическое в языке славенском едва каковое изящество тогда име, и потому древния слоги речей стропотни и речения грубы: а еллиского языка свойств толкая глубина есть, яко разве добре ученым досязати ея».

ний? и пред кем? пред лицом света? О! ...Но воздержимся от удивления». — Я выписал нарочно все сие место, дабы показать, сколь силен г. сочинитель в диалектике. Ему кажется трудно понять, как *язык помогает языку*: но сей троп весьма ясен и употребителен, когда представляют язык лицом оживотворенным. Возьмем в пример латинский язык, *без помощи* коего французский не мог бы существовать, ибо от одного происходит и заимствует большую часть слов своих: сие неоспоримо. Латинский язык есть *мертвый*, и *живой* французский *без мертвого* латинского *не мог бы существовать*: есть ли тут что-либо непонятное?.. Куда же девались силлогизмы г-на сочинителя? Повторим отчасти собственные слова его: как? подобные сему софизмы смеют являться в виде *возражений!* и пред кем? пред лицом света? О!.. но воздержимся от удивления.

Потом, уклоняясь непрестанно от своего рассуждения, г. сочинитель старается доказать, что славенский язык не мертвый, и сравнивает его с древним греческим: «*число* нынешних греков весьма не велико, и притом новым наречием своим так далеко *отошло* от языка своих предков, языка Гомеров, что уже больше не *разумеют* одного». Слова сии заслуживают особенное внимание: они показывают нам, сколь упорен г. сочинитель в систематических своих заблуждениях. Он сам говорит, что нынешние греки *новым наречием своим так далеко отошли от языка своих предков, что уже больше не разумеют* одного; если это правда (ибо г. сочинитель в своем переводе XVI песни «Илиады» признается, что греческого языка *вовсе не знает*); то как же не называть сих двух *наречий* различными языками, когда одно с другим столь несходно? Скоро будут уверять, что наш язык и турецкий суть два *наречия* (или *слога*) одного и того же языка, потому что ни турки нас, ни мы их не понимаем. — «В таком ли положении находится славенский язык? *Пятьдесят миллионов человек говорят им!* И там, где *главная колыбель* его, где на нем основана *вера и законы*, там называют его мертвым! О!.. Но воздержимся от удивления». Сколько слов, столько ошибок. Откуда г. сочинитель взял, что *пятьдесят миллионов человек говорят по-славенски?* (Первая ошибка против географии.) Если он здесь разумел Россию, то, кроме множества народов иноплеменных, подвластных Российскому скипетру и входящих в составление сей обширной империи, природные даже россияне не говорят уже по-сла-

венски, но по-русски, то есть языком, *имеющим многие местные наречия* и отделенным от славенского. Откуда г. сочинитель взял, что *главная колыбель* сего последнего в *России*? (Вторая ошибка против истории.) Нам известно, что главное местопребывание славян было на Дунае; в Моравии изобретены буквы наши: следственно, там и *главная колыбель славенского языка*. Далее: могут ли *вера и законы быть основаны на языке*? Святая вера наша основана на откровении, а законы на правосудии и милосердии монархов наших. Притом Евангелие и все священные книги Нового Завета писаны на греческом языке: итак, лучше бы уже сказать, что на нем-то основана Христианская вера, если только она может быть *основана на языке* (третья сочинителева ошибка против логики). Наконец, я сказал, что славенский язык есть мертвый *для нас* — и сие последнее выражение нарочно было напечатано *косыми буквами* для показания, что у нас место славенского языка заступил уже русский: но, впрочем, есть многие соплеменные нам народы, коих язык, хотя также отменившийся от древнего славенского, гораздо ближе нашего к оному; г-ну сочинителю угодно было в своей выписке напечатать все *одинакими* буквами и тем, ослабив мысль мою, отвратить внимание читателя от выражения *для нас* (ошибка против точности, с какою должно приводить из книг те места, на которые ссылаются). — Не успеет опровергнуть сих моих слов, г. сочинитель привязывается к последующим (см.: *Цветн.*, стр. 263). «Хорошие писатели, говорит он, конечно, не смешивают *славенского языка с русским*»; (признание невольное, но справедливое!) но под сими словами разумеется различие *высокого слога с простонародным*. С такими толкованиями скоро дойдем до того, что друг друга понимать не будем; посему нельзя сказать дурному и скучному писателю: *ты весьма худо знаешь русский язык, но русский слог*. — Что ж касается до теоремы г-на сочинителя, которую он выдает нам за Евклидовскую, то стоит только прочесть ее, дабы совершенно увериться, что он не совсем подражал Евклиду, рассуждая таким образом. Я сказал: *в сочинениях хороших наших писателей язык наш, хотя наполненный великолепом славенского, не престаёт, однако ж, быть русским* (*Цветн.*, стр. 263). Г. сочинитель из сего неоспоримого предложения выводит следующий софизм: «Евклид говорит: ежели опущен на прямую черту отвес, делающий по одну сторону угол прямой, то и по другую

сторону будет угол прямой же. Так-то и здесь: ежели язык наш, наполненный великолепием славенского, не престаёт быть русским, так по той же причине наполненный простотою русского не престаёт быть славенским». Если бы Евклидовы теоремы были столь же неосновательны, то, верно бы, никто не стал вникать в оные. Потщимся и мы вывести свое заключение, во всем подобное предыдущему: *ежели дурной сочинитель, пишущий по-русски, не престаёт быть русским, так по той же причине всякий русский не престаёт быть дурным сочинителем*. Каково покажется сие просвещенным читателям?

Засим следует защищение некоторых славенских слов, признанных неупотребительными г-м А. А. в замечаниях на *Послание к любезному моему брату* (см.: *Цветн.*, стр. 474): но и в сем защищении г. сочинитель, по обыкновению своему, неверно сослался на опровергаемую им рецензию. «Вот что наблюдают хорошие писатели (воскликает он); а не то, чтоб кричать: *чресла, жезл, препояши, безлучный, огнезарный, безлестный, всезлобный, плотоядный, воссоздать, бдеңие, стыдение, воздоенный*, и проч.— это славенские — сохрани нас Бог от них!» Из сих двенадцати слов целых *шесть* совсем нет в рецензии г-на А. А.: *чресла, жезл, препояши, плотоядный, бдение, воздоенный* — все они употребляются, хотя и с осторожностью, в высоком слоге нашего языка; а прочие шесть либо совсем у нас не употребительны, либо поставлены с несвойственными им существительными, что весьма справедливо замечает г-н А. А., например: *безлучное величество* (что это значит?), *огнезарный взор, безлестный зрак*, и т. п. Г-н сочинитель *Присовокупления*, толь строго и без всяких доказательств на стр. 265, укорявший меня в *неправде и клевете*, сам не заслуживает ли здесь такового упрека?

*При Петре Великом или в начале просвещения нашего*⁸, *высоким слогом, то есть попросту на славенском*

---

⁸ Вот еще пример, сколь неверно ссылается г. сочинитель на рассматриваемые им книги! В начале второй половины моего *Рассмотрения* (*Цветн.*, № 12, с. 404) гг. издатели предварили читателей, что сии слова: *при Петре Великом или в начале просвещения нашего* напечатаны совсем не так, как должно, и что следует читать: *до Петра Великого или до начала просвещения нашего*; сие совершенно перемениет смысл речи. Чему приписать, что г. сочинитель забыл столь важное примечание: желанию ли его, за неимением основательных доказательств, воспользоваться поправленною опечаткою, или тому, что он отвечая на мое *Рассмотрение*, не прочитав оного со вниманием?

языке, писали всякие книги без разбора; так выписывает г. сочинитель слова мои и потом возражает: «Прекрасное истолкование! да разве славенской язык и высокой слог есть одно и то же?» Конечно нет, и я никогда не говорил, чтоб они были *одно и то же*. Слова мои довольно ясно означают, что на русском языке, в *изустном употреблении*, давно уже отделившемся от славенского, до Петра Великого не было еще книг, ибо до него все писали по-славенски, хотя говорили по-русски, подобно как ныне проповедник говорит на кафедре совсем особым языком, нежели дома. Следовательно, до Петра Великого в русском языке не было высокого слога: все книги были писаны на славенском языке, более или менее испорченном, и в них находим мы не одни высокие славенские выражения, но и множество низких, которые, однако ж, в разговорах не были употребляемы.— Потом г. сочинитель вопрошает: «Неужли всякая славенская речь есть высокая? неужли *хочеши ли, дам ти подзатыльницу*, есть такой же *высокой язык*, как *трепетна бысть земля и основание гор смятошася?*» Не всякая славенская речь есть высокая, но высокой слог наш без славенских слов, с осторожностью употребляемых, существовать не может. Славенские речи бывают высокие и низкие (кто в этом сомневается?), и приведенный г-м сочинителем пример: *хочеши ли, дам ти подзатыльницу*, конечно, не есть такой же высокой язык, как: *и абие воздам ти сторицею*; последнее выражение несравненно сильнее. Далее: «Ежели при Петре Великом (до Петра Великого) *всякие книги без разбора писали высоким слогом*, так поэтому всякая челобитная была поэма, всякий писарь Ломоносов?» Можно ли так смешивать понятия и так криво толковать слова самые простые? Я говорил не о *челобитных* и *писарях*, но о *книгах*; они тогда писаны были духовными людьми, которые, привыкнув к высокому слогу, во всех сочинениях своих без разбора употребляли оный, а притом не всегда умели по свойству материи избегать низких славенских выражений. Г. сочинитель *Присовокупления*, всячески стараясь затемнить мысль мою, нимало не доказал, чтобы от нашествия татар *до начала просвещения нашего* все книги не были писаны высоким славенским языком (повторю опять), более или менее испорченным, с низкими выражениями. Впрочем, тот еще не есть Ломоносов, кто только пишет высоким слогом: мало ли мы видим таких из Гомера и Тасса переводов, которых ни один

знающий человек не назовет хорошими, хотя слог в них *самый высокий* и преизобилует славенскими словами и оборотами.

«Сближим теперь все вышесказанные места (говорит г. сочинитель, заключая свое творение) и посмотрим на *кучу скомканных в них противоречий*, не имеющих между собою ни соображения, ни следствия, ни связи». Удвоим наше внимание: г. сочинитель, доселе противопоставивший мне толь слабые доказательства, без сомнения сберегал самые сильные к концу, дабы тем вернее одержать победу. «Славенское и русское наречие суть два языка различные между собою!» (совершенная правда!) — «Славенский язык есть высокий слог!» (Мы видели, что сие предположение не мое, но сочинителёво: он приписывает мне собственные свои заключения, дабы иметь случай осмеять меня.) — «Славенский *мертвый* язык великолепен, и русский *живой* без помощи его существовать не может!» (не русский язык, но *возвышенный* слог оного). — «Славенский язык в сравнении с греческим, которого сочинитель не знает⁹, груб и беден!» (Сие утверждают все знающие греческий язык, и между прочими Святейший Синод в *Предисловии к Библии*, см. выше стр. 41.) — «Славенским языком или высоким слогом до Петра Великого писали всякие книги без разбора, а русским говорили!» (Опять та же хитрость! сколько раз должен я доказывать, что никогда не считал славенский язык и высокий слог *одним и тем же*?) — «Русский язык давно отделился от славенского введением множества татарских слов и выражений совсем прежде неизвестных!» (Без сомнения, и сей язык, который сперва употреблялся токмо в просторечии, стал ныне, по образовании его хорошими писателями, языком вообще употребительным и *книжным*.) — «Он есть испорченное из славенского наречие, смешанное с третьим чуждым!» (Так; с третьим *чуждым языком* и со множеством других иностранных слов и выражений, соделавшихся ныне собственностью русского языка.) — «Он непосредственно происходит от славенского, но

---

⁹ Г. сочинитель ставит мне в порок откровенное мое признание, что не знаю по-гречески. В самом деле, напрасно не подражал я здесь мнимым нашим Квинтилианам, которые, ничему не учившись в молодости и привыкнув писать наудачу, обо всем судят, все знают, переводят с французского и других языков, не понимая оных, и никак не хотят признаться в своем невежестве!

большая часть нынешних выражений его не принадлежит к славенскому языку, и даже не от него происходит!» (Конечно, все те выражения, которые со времени образования языка приняты в оный или по необходимости, или для украшения его.) — «Как? это называется *критикою*? рассуждением о языке и словесности?» и проч. Здесь г. сочинитель, утомясь исканием мнимых противоречий, возвращается к обыкновенному своему оружию — к учтивым и скромным *восклицаниям*!

«Однако ж дойти до такой степени, чтоб убеждаться подобными сему истинами: славенской язык *великолепен, груб и беден*» (Что ж тут мудреного? Он великолепен, это правда; но в сравнении с греческим груб и беден. Разве мы не говорим: Кострова перевод «Илиады» хорош и силен, но еще очень слаб в сравнении с подлинником?) — «Русский язык *не может существовать без славенского*, однако ж он *сам по себе*, то есть без славенского, *гораздо богаче и сильнее всех прочих*». (К чему сии тщетные софизмы? к чему сии толкования? Выражение *сам по себе* нимало не значит *без славенского*, но представляет русский язык обогатившимся от оногo и уже отделенным; представляет его *как он теперь есть*, как ныне употребляют его Державины, Дмитриевы, Карамзины, без излишней примеси обветшалых славенских слов: и *то есть* г-на сочинителя поставлено здесь весьма некстати.) — «До Петра Великого *не было у нас никаких сочинений*, а писали тогда *всякие книги без разбора высоким слогом*». (Я сказал, что до Петра Великого не было сочинений *на нынешнем русском языке*, а не то чтобы оных *совсем* у нас не было; на что переменять слова мои и тем самым смысл моей речи?) — «Дойти, говорю, до такой степени, было бы нечто чрезвычайное». (Подлинно чрезвычайное, если г. сочинитель везде будет столь же неверно выписывать слова мои, как здесь.) «Но что ж еще? после сих вместе и отрицаний и утверждений, вдруг важным голосом возвещают: *ныне же, когда русский язык образовался*. Да из чего же он образовался? из татарских и простонародных слов? «Прекрасное образование языка!» (Г. сочинитель не знает, или не хочет знать, что язык может образоваться не словами, но творениями хороших писателей, которые дают словам новый вес и значение, определяют просодию языка и обогащают оный множеством выражений и оборотов, служащих к изображению новых понятий, известных одним просвещенным народам. Слова суть

только орудия или материалы: могут ли они что-нибудь образовать сами собою? Миллионы слов не произведут сами собою и в тысячу столетий одной оды Ломоносова.) — «Бедный русский язык! лучше бы сии защитники за тебя не вступались. Они от презрения к славенскому языку дадут тебе такое происхождение, которому ты сам не рад будешь. Они готовы назвать тебя татарским, калмыцким, чухонским, камчадальским, лишь только бы не славенским!»

Сим трогательным воззванием к русскому языку заключает г. сочинитель свое *Присовокупление*. Во всех речах моих видит он презрение к славенскому языку и злобное намерение ослабить власть веры: но на чем основывает он свои *видения*? Справедливое разделение русского языка с славенским показывает ли хотя малейшее к сему последнему презрение? и притом опровергнул ли г. сочинитель сие разделение, несмотря на то, что утверждал самым уверительным голосом: *оно не существует?*.. Убедить противников своих нельзя ни бранью, которую все достойно презирать умеют, ни восклицаниями, ни даже славенскими примерами, которые совсем нейдут к делу и ничего не доказывают, — но только основательными рассуждениями, оружием самым сильным в логике.

Последуя за г-м сочинителем во все продолжение странных его умствований, поверяя, так сказать, каждый шаг его, читатели могли судить и о слоге сего *Присовокупления*. Им не трудно было заметить, что оный вообще тяжел, неправилен и во многих местах весьма темен; например, в самом начале: «но как речь сия должествовала *единовременно* прочтена быть в Академии, того ради *соблюдение краткости не позволило нам много о сем распространиться*». К чему поставлено здесь наречие *единовременно* (единожды, один раз) и что значит: *соблюдение краткости не позволило нам много распространиться*? Или еще: «выражения, которые *нашему языку* или несвойственны, или *невразумительны*, или *не то значат*» (стр. 272). Речь сия непонятна, потому что противна словосочинению: союз *или* не переменяет ее порядка, и слова: *нашему языку* равно относятся ко всем прочим: *несвойственны, невразумительны, не то значат*. — Иногда же г. сочинитель, забавляясь над такими ошибками, каких никто не делает (ибо кто напишет *меня франировал колорит этой пьесы?*), сам не менее ошибается; наприм.: «Если бы

кто, говоря о младенце, сыне своем, сказал *мой малютка делает зубы* вместо *у моего малютки растут зубы*, тот без сомнения сделал бы варварское смешение» (с. 271). Выражение г-на сочинителя столь же нехорошо, сколь и представляемое им в пример: мы не говорим *у младенца растут зубы*, но *прорезываются* или *выходят зубы*. Погрешать против языка весьма дурно, но еще хуже погрешать, поправляя других и повелительным голосом принуждая верить словам своим. Гораций и Буало, подавая скромные наставления писателям, всего более научали их собственным примером.

Рассматривая столь подробно сие *Присовокупление*, я хотел удостоверить читателей в неосновательности всех обвинений и восклицаний г-на сочинителя; теперь, дабы показать, сколь заблуждается он в своих системах, разберем со вниманием начало его *Рассуждения о красноречии Св. Писания*. Беспристрастные судии везде увидят одни догадки, и то чужие, не подкрепленные никакими доказательствами, но защищаемые с отменным упорством. — Сказав, что Императорская Российская Академия предложила два задания: 1-е написать рассуждение о красноречии Св. Писания; 2-е показать, в чем состоит богатство и сила российского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно» — г. сочинитель просит позволения оба сии вопроса соединить вместе; «ибо (говорит он), я полагаю толь тесную и неразрывную между оными связь, что мне кажется предложенные совокупно могут они гораздо лучше освещать один другой (по-русски ли это?), нежели когда бы о каждом из них рассуждаемо было порознь». Удовлетворяя сим вопросам, приступает он к рассмотрению *превосходных свойств нашего языка*.

«Поистине язык наш есть некая чудная загадка, поныне еще темная и неразрешенная. В каком состоянии был он до введения в Россию православной христианской веры, мы не имеем ни малейшего о том понятия, точно как бы его не было». (Вероятно, в таком же состоянии, как и языки вообще всех необразованных народов.) — «Ни одна книга не показывает нам *оного*». (Как же и быть книгам, когда славенский букварь составлен не прежде IX века?) — «Но вдруг видим его, возник-

шего с верою. Видим на нем Псалтырь, Евангелие, Иова и проч. Видим его в оных не младенцем, едва двигающим мышцы свои; но мужем, поражающим силою слова. Дивимся острым и глубоким мыслям, заключающимся в словах его». (Все книги, наименованные г-м сочинителем, переведены с греческого: итак, могут ли в них мысли сколько-нибудь принадлежать к *превосходным свойствам нашего языка?*) — «Дивимся чистоте, согласию, важности, великолепию. Кажется как будто ум и ухо истожили все свое тщание на составление оного». (Сравним сию напыщенную похвалу славенского языка с вышеприведенными на стр. 40 словами Ломоносова и, что всего достовернее, со свидетельством Святейшего Синода в *Предисловии к Библии: К тому же и искусство грамматическое в языке славенском едва какое изящество тогда име, и потому древняя слоги речей стропотны, и речения грубы,* — и мы увидим, как мало г. сочинитель заботился об исторической истине в своем *Рассуждении.*) — «Надлежало ли назвать какую-либо невидимую вещь: ум примечал действие и звук ее, или раздробляющийся по воздуху, или вдруг потрясающий оный, или с великим стремлением свистящий; тогда ухо тотчас давало имена: *гром, треск, вихрь*». (Но лат. *tonitru*, фр. *tonnerre*, нем. *donner* не лучше ли еще выражают звук грома, а лат. *strepitus*, *fragor* и фр. *tourbillon* *треск* и *вихрь*? Самые дикие народы имеют в языках своих еще более нашего таких звукоподражательных действиям природы слов.) — «Надлежало ли составить наречия *далеко, близко, низко, глубоко, широко, высоко*: кажется, сам рассудок придумывал сии названия, говоря в них: *даль око*, то есть простирай зрение далее; *близ око*, не простирай оное в даль», и проч. (В сих словах окончания *еко, ко, око*, то же самое означают, что и в словах: *жестoko, мягко, крепко, велико, елико, колико, только, двояко*, и проч. сие *к*, приложенное в известных случаях к корням слов, вообще качество вещей или *сказуемое* (*praedicatum*) означающих *даль, близь, ширь, глубь, веле, толь*, дает им определенный вид наречия или прилагательного: первого посредством гласного окончания *о, широко, низко, двояко*; а второго посредством окончаний *ий, ая, ое* или *ъ, а, о* — *широкий, -ая, -ое, широкъ-а, -о, низкий-низок*; и пр. Вставляемые же между сим значительным *к* и коренным слогом гласные *а, е, и, о*, никакой важности в себе не заключают и служат токмо для облегчения выговора; почему не во

всех словах имеют место и не во всех диалектах равно употребляются, например: русский говорит *великий*, а поляк *wielki*, и так далее. Сходство сего окончания с словом *око* есть совершенно случайное¹⁰. Притом, говоря словами г-на издателя *Вестника Европы*, трудно согласиться, будто при составлении языка славянин умел уже выразить понятия о глаголе *высить* и об имени *око*, умел уже соединить оба сии понятия, не зная наречия *высоко!*) — «Надлежало ли дать имена чувствам нашим *слух, зрение, обоняние*: ум искал в них самих изобразить знаменование *оных*». (Признаюсь, что я речь сию весьма худо понимаю: к чему относятся местоимения *в них* и *оных* и что значит *изобразить в чувствах знаменование имен* или *в именах знаменование чувств?*) — «В слове *слух*, l'ouïe, поместил и название той части тела, которая служит орудием к возрождению в нас сего чувства: *ухо, l'oreille*». (Точно так же и в латинском языке: *auris* — ухо, *audire* — слышать, *auditus* — слух; а следовательно, также и во французском *ouïr, oreille*, с тем только различием, что место лат. двугласной *au* заступила буква *o*, как и во многих других латинских словах.) — «Слово *зрение* сблизил с подобными же свет означающими понятиями *зарение, заря*». (Но почему же слова: *день, солнце*, гораздо более означающие понятие *света, lux*, нежели *заря*, и даже самое сло-

¹⁰ Все сии этимологические догадки о словах *высоко, глубоко* и пр., также о круглости букв в слове *око*, предложены были в первый раз А. П. Сумароковым в *Трудолюбивой пчеле* (мес. февраль, статья о *коренных словах русского языка*). Г-н сочинитель *Рассуждения*, подражая Сумарокову в его страсти к словопроизводству, давно уже занимается оным, хотя многие почтеннейшие люди неоднократно доказывали ему неосновательность его догадок. Наприм., в своем *славенском словаре* (*Рассужд. о стар. и нов. слоге*, стр. 222) произвел он глагол *брашнать* от существительного имени *брашна* и в подтверждение того сослался на Пророка Иеремию, гл. 14: *онгрри стаха на каменях, брашна в себе ветр яко змиеве*. На сие возразили ему, что весьма ненадежно объяснять тексты Св. Писания без справок с древними языками; что в греческой и латинской Библиях выражения, соответствующие тексту *брашна в себе ветр*, однозначительны славенскому *браша* или *вбираша* в себе ветр, и потому надлежит читать не *брашна*, а *браша*; буква же *н* вкралась здесь от ошибки, и ее не токмо в других изданиях Библии, но в самом Острожском нет. Притом, когда бы слово *брашна* в самом деле происходило от глагола *брашнать* и означало здесь третье лицо: то вместо *брашна* следовало бы сказать *брашнаша* или *брашнату*, потому что глаголы, оканчивающиеся на *ать*, в третьем лице множественного числа прошедшего и давнопрошедшего времени всегда имеют окончание на *аша* или *ату*, например: *вквашу, зваша*, и проч.

во свет, нимало не похожи на зрение? И откуда г. сочинитель взял слово *зарение*?) — «Слово *обоняние*, сокращенное из *обвоняние*, составил из предлога *об* и имени *воня*, следовательно, сделал его выражающим *чувствование окрестного запаха*. (По-лат. и по-фр. точно так же: запах, воня — *odor, odeur*; от сего — *odoratus, odorat*. Чему тут дивиться, что в каждом языке слова, несомненно одно от другого происходящие и почти одинаковое значение имеющие, одно на другое похожи? и такими ли мелочами доказывать должно истинное превосходство русского языка пред французским?) — «Надлежало ли назвать какую-либо видимую вещь: ум разбирал качества ее; ежели примечал в ней круглость, то для составления имени ее выбирал и буквы такой же образ имеющие: *око*». (Прекрасно! поэтому буква *о* есть несомненный признак *круглости* во всех словах, где только она находится: отчего же нет ее в названиях *круга* и *шара*, фигур самых круглейших? Неужели славенин, умевший столь искусно рассуждать при составлении языка своего, забыл при названии сих образцов (*prototypes*) *круглости* любимую свою систему?.. Хвала славенскому языку, составленному не целым вообще народом, как все прочие языки, но токмо глубокомысленными философами, оставившими нам столь явственные следы своей мудрости!) — «От грома произвел ум *громко, громогласно, громоздко, огромно, гремушка* ... от слова *лук* произошло *лука*, а уменьш. *лучица*, заливец (*и вложи мать Моисеева отроча в ковчежец, и положи его в лучице при реце*. Исх. 2, 3).» *Лучица* не значит *заливец*. Церковный словарь П. Алексеева, а за ним Словарь Росс. Академии толкуют сие слово *лучица*, *порост в воде*. Лютер переводит оное *schilf, тростник*: оно и в славенском, вероятно, означает тростник, ибо по-польски *lasz*, по-краински *лочь, лочье* — *тростник*. Что ж касается до слов *огромно*, означающее величину, и *громоздко*, от глагола *громоздить, класть груду на груду*, то они, конечно, никакого не имеют отношения к *грому*, кроме случайного сходства в немногих буквах. — Таким-то образом страсть к системам часто увлекает нас от умствования к умствованию, от софизма к софизму и наконец ввергает в очевидное заблуждение!

Но время уже прекратить сей разбор, который покажется иным, может быть, слишком подробным: на сие

скажу, что, почитая себя в необходимости опровергнуть несправедливые обвинения г-на сочинителя *Рассуждения*, я хотел также показать читателям, сколь неосновательны многие его мнения, кои ныне последователями его приемлются за неоспоримые истины. Притом я уверен, что всякое благонамеренное суждение об языке может принести удовольствие и пользу любителям отечественной словесности.

1811

НЕЧТО О ЖУРНАЛАХ

У нас так мало хороших литературных журналов, что всякое подобное издание будет успешно, если только займутся им люди сведущие и беспристрастные *. Польза хорошего журнала очевидна. Словесность наша не совсем еще образовалась, по крайней мере в некоторых частях; молодые наши писатели не имеют еще довольно образцов пред собою, не знают, чего избегать им должно и чему следовать. Одни с необдуманном упорством пренебрегают чтение хороших иностранных книг, из которых научились бы они познавать недостатки предшественников своих и которые могли бы отчасти заменить им драгоценную опытность, приобретаемую годами. Другие, прилепясь единственно к иностранцам, не читают ничего русского и потому не умеют писать на своем языке. Обе сии крайности весьма опасны, часто и для опытных людей. Долг журналиста есть показать юношеству средину между сими заблуждениями и ободрять молодых подвижников на славном, но скользком их поприще, по мере их дарований.

Все может входить в состав такого журнала: словесность, известия о важных открытиях в науках и искусствах и проч.; но главную целию оного должна быть — критика. Издатель знакомит читателей своих с новейшими произведениями отечественной словесности (а иногда разбирает и старые, когда почтет их достойными особенного внимания), показывает их красоты и недостатки, сравнивает и т. п. Суд его должен всегда быть умерен и беспристрастен. Смело и с удовольствием хвалит он

---

* Не приписывая себе всех сведений, необходимых для журналистов, мы можем по крайней мере ручаться за свое беспристрастие. — *Издатель.*

что есть хорошего в посредственных писателях; смело, но с прискорбием и уважением замечает недостатки в известных. Он никого не оскорбляет язвительными словами или презрением и весьма осторожно употребляет опасное оружие насмешки; но ничто не удержит истинного литератора восставать против злоупотреблений и расколов, вводимых в язык наш.

Из сего видно, что хорошим журналистом не так легко быть, как обыкновенно думают. Чем более имеет он основательных познаний во всех частях, тем лучше бывает его издание, ибо, кроме словесности, все науки, искусства и художества принадлежат к обширному кругу его занятий. Разберем порознь сии части, посмотрим, на какие предметы более всего должно быть устремлено его внимание.

Рассуждая о книгах, относящихся к какой-нибудь науке, журналист обязан не только иметь ясное об ней понятие, но еще уметь говорить с приятностию. Он должен отнимать от учености все терние, не обременяя, однако ж, ее совсем неприличными цветами. Не худо, если бы журналисты наши были столько сведущи, что могли бы иногда, при случае, давать читателям краткое понятие об истории наук и сравнивать состояние оных у греков и римлян с нынешним. Многим, даже светским людям, было бы очень приятно видеть в нескольких страницах постепенный ход ума человеческого и успехи его в открытии тайнств природы. Какая разность, например, между нелепыми бреднями древних об астрономии и математическими доказательствами великого Ньютона; между слабыми, ограниченными познаниями греков в физике и пространным полем, отверзтым неусыпными трудами новейших испытателей! Но с другой стороны, надлежит остерегаться, чтобы читателям не наскучить беспрестанными учеными рассуждениями. Журнал не должен быть полным курсом какой-нибудь науки; и то, что мы с большим вниманием слушаем на лекциях, не всегда нравится нам в срочном издании, где приятное часто предпочитается полезному.

Метафизика и философия претерпели столько перемен в течение прошедшего века, и злоупотребление сих наук произвело столько бедствий, что рассуждать о них должно с величайшею осторожностью. Ужасные происшествия, недавно возмутившие спокойствие Европы, до-

вольно показали, сколь пагубны могут быть всякие новизны в философии и политике, когда необузданное властолюбие и другие страсти обратят их в свою пользу. Итак, журналист, рассматривая сочинения сего рода, должен удаляться от всяких излишних суждений и, предложив вкратце основания книги, хвалить или охуждать оную по мере пользы или вреда, которые она общественному благоустройству принести может.

Наконец, говоря об истории, должно признаться, что, невзирая на труды многих почтенных и знающих людей, у нас нет еще отечественной истории. Татищев, Щербатов, Болтин и в наше время Шлецер оказали великие услуги, собрав и по возможности объяснив наши летописи и таким образом приготовив отчасти материалы для будущего историка, но сами не получили права на сие название. Доныне Юм и Робертсон не имеют между нами достойных соперников, и притом у нас весьма трудно достигнуть до их славы. Единственные путеводители наши в древности суть Нестор и его последователи; летописи их довольно подробны, но в оных мы более видим описание воинских подвигов, нежели историю народного духа, нравов и обычаев наших предков. В других землях недостаток сей вознагражден по крайней мере множеством источников, и трудолюбивый писатель может иногда познавать истину сличением разных летописей и времени, в которое они сочинены были, но мы лишены сего пособия и должны блуждать во мраке отдаленных веков, имея вождем одного Нестора, во многих местах обезображенного переписчиками. При всем том мы можем надеяться, что скоро все сии трудности будут преодолены и что лучший прозаист наш будет первым русским историком.

Что касается до изящных искусств и художеств, то весьма полезно будет показать, сколь много успели наши соотечественники в течение одного столетия, и заметить, что хотя они долго не прилежали к наукам, но могут ныне во многом равняться со всеми другими народами. Ныне в самом Париже, средоточии просвещения, удивляются мастерским произведениям наших художников.

Перейдем теперь к словесности, главной цели критического журнала, и начнем с творений эпических и лирических, в которых более всего отличились наши писатели.

Ломоносов, отец российского стихотворства, первый со славою открыл нам поприще эпопеи. Херасков за ним последовал и даже превзошел его в своей «Россиаде».

Эпопея есть плод величайших усилий ума человеческого и торжество стихотворческого духа. Все оживляется в природе и приемлет другой вид под волшебною кистию поэта; он творит новый мир, коего идеал существует в одном его воображении, украшает созданное им всеми прелестями сладкогласия, трогает сердца и властвует над умами. Сущность эпической поэмы составляют великолепие в картинах, возвышенность в мыслях, пышность в описаниях. По словам Буало, *la poésie épique*

Dans le vaste récit d'une longue action,
Se soutient par la fable, et vit de fiction.
Là, pour nous enchanter, tout est mis en usage;
Tout prend un corps, une âme, un esprit, un visage.
Chaque vertu devient une divinité;
Minerve est la prudence, et Vénus la beauté:
Ce n'est plus la vapeur qui produit le tonnerre,
C'est Jupiter armé pour effrayer la terre *.

Незвирая на сие, во Франции были люди, которые по слепому предубеждению хотели изгнать баснословие из эпической поэзии. «Сии враги изящных искусств, — говорит Вольтер, — желали истребить древнее баснословие как собрание сказок, недостойных важности нынешних нравов, и даже почитали Фенелона идолопоклонником за то, что он низводил Купидона к нимфе Евхарисе, по примеру беззаконной поэмы «Енеиды». Всеобщее посмеяние тогда было достойным ответом на сии нелепые мнения; но с некоторого времени они стали и у нас появляться ко вреду словесности. Иносказание и баснословие украшают аполог, оживляют оду, придают более важности и великолепия трагедии и составляют существенную часть эпопеи, питающейся вымыслом. Если из-

* ...эпос величавый.

О важном действии он долго речь ведет;
В основу миф кладя, он вымыслом живет;
Чтоб нас очаровать, не знает он предела:
Всему он придает лицо, ум, душу, тело,
И все достоинства обожествляет он:
Венера — красота, искусство — Аполлон;
Не туча гром несет рукой вооруженной, —
То ужас шлет земле Юпитер разъяренный

(фр.; пер. С. С. Нестеровой и Г. С. Пиларова под ред. Г. А. Шенгели).

гнать их из поэзии, то чем заменятся прекраснейшие иносказания богини мудрости, исходящей из главы Зевсовой, Кипридина пояса, придающего красоте несравненную прелесть, или Пандорина ящика, на дне ко-его осталась надежда, утешительница смертных? Уже-ли сим остроумным выдумкам можно предпочесть уче-нические восклицания или пустой набор неупотребительных слов? И к чему заимствовать одни заблужде-ния французов, не подражая красотам их писателей! Я знаю, что в наше время стихотворец, воспевающий подвиги христианского героя, не может всегда по про-изволению вводить баснословных лиц: но, не говоря уже об иностранцах, вспомним только, с каким искус-ством, с каким успехом воспользовался Херасков басно-словными вымыслами в своих поэмах; и кто из читате-лей не восхищается его Казанским лесом и царством Зимы!

Другое заблуждение, не менее сего странное, состоит в смешении эпоса с одою под именем *лирического песнопения*. Но что значит самое сие название? Эпо-пея есть стихотворное повествование о каком-нибудь важном и чудесном происшествии, а ода — пламенное излияние чувств наших при внезапном ощущении ве-ликой радости или печали. Первая в продолжение многих песней непрестанно увеличивает в читателе вни-мание и любопытство; вторая же может быть продол-жительна, ибо восторг, составляющий существенную часть ее, скоро исчезает. Из сих определений видно, что сии два рода совершенно противоположены один другому; и самый слог их не должен быть одинаков. Важность и великолепие приличны эпосе, быстро-та и живость оде: можно ли согласить столь разные свойства?

Всем известны разные отрасли поэзии лирической; всякому легко определить главные качества каждого рода и сказать, что гимн посвящен Божеству, а ода про-славляет подвиги героев или подает мудрые наставления царям и народам; что анакреонтическая ода воспевает сладости любви; что песни вообще суть тихое излияние приятных и горестных ощущений, производимых до-машнею или общественною жизнью, — но весьма трудно постановить неперемные правила для каждого рода, а особливо для оды, предписать законы восторгу и раз-мерить быстрое парение гения. Поэт, увлекаемый не-преодолимою силою, по-видимому, забывает все правл-

ла, мгновенно переходит от одного чувства, от одной мысли к другим, и часто смелость сих переходов составляет главнейшую красоту оды. Требовать от стихотворца прозаической точности и длинных периодов — значило бы обессилить его, налагая тяжкие цепи, и заставить влачиться по земле, когда пламенное воображение возносит его к солнцу.

Из сего, однако, не следует, чтобы ода и всякое вдохновенное стихотворение могли существовать без правил и плана. Мы восхищаемся обилием мыслей и быстротою переходов: но поэт в самых отступлениях своих должен руководствоваться логикою и всегда стремиться к назначенной цели. В оде, говорит Буало, прекрасный беспорядок должен быть действием искусства, и закон сей подтвержден примерами всех лучших лириков. Взглянем на 1-ю Пифическую оду Пиндара или на прекрасную Руссову оду к графу Дюлюку: какое удивительное соединение рассудка и воображения, точности и восторга! Сии-то качества составляют истинное достоинство оды, которое отнюдь не должно полагать в наборе пышных слов или в громких восклицаниях.

Нигде, может быть, не писали такого множества од, как в России; правда, что большая часть из них преданы забвению, но в словесности нашей осталось довольно образцовых произведений в сем роде. Ломоносов, предавший бессмертию счастливые царствования Елисаветы и Екатерины; Петров, воспевший Чесменскую битву, подвиги и смерть князя Тавриды; Державин, певец Бога и Фелицы, вознесли у нас лирическую поэзию и сравнялись с лучшими стихотворцами древними и новыми. Из сих трех лириков каждый отличается особыми свойствами и красотами; справедливая критика, избегая бесполезных споров, сравнивает сочинения сих поэтов, удивляется и не дает никому из них первенства. Но при таком сравнении не должно забывать и знаменитого их соперника, к сожалению нашему недолго бряцавшего на лире Горациевой: покорение Сибири и взятие Варшавы столь же достойно воспеты, как и падение Измаила.

Народные наши песни заслуживают внимание журналиста, и он мог бы оказать великую услугу словесности, выбрав и рассмотрев лучшие из них. Свойства их вообще суть нежность в выражении чувств и приятное уныние, а в иных приметен даже стихотворческий дух,

хотя весьма необразованный. Сии драгоценные остатки по большей части нам самим неизвестны, между тем как иностранцы гордятся пред нами своими бардами и трубадурами. Я не говорю, чтобы с ними могли сравняться старинные наши песни: но по крайней мере можно бы доказать, что предки наши занимались не одними воинскими подвигами, но умели также чувствовать приятности поэзии. Впрочем, издавая в свет собрание таких песен или народных сказок, не должно чрез меру выхвалять их, подобно книгопродавцам, объявляющим о новом романе. Утверждать, что выражения: «на груди у него красное солнце», «во лбу светел месяц, в затылке частые звезды» показывают *больше, нежели Гомерово исполинское воображение*; переходить от *сего поразительного мечтания к удивительной нежности* в описании красавицы, у которой видно «как из косточки в косточку можжечок переливается», и потом говорить *о тонкости, с какою древние наши писатели умели представлять себе красоту женскую* — значит насмеяться над читателями и отвращать их от чтения, к коему их приучить надлежало.

Многие почитают басню самым легким родом стихотворства, но в том весьма ошибаются. Будучи равно удалена от высокопарности и от площадных выражений, басня требует простоты, но простоты изящной; под сим покровом любит скрываться истина, которая редко нравится нам, когда предстает обнаженною. Шутливость, легкость, приятная философия, а особливо нравственная цель — вот главные черты басни; и мы смело похвалиться можем, что у нас много образцов в сем роде.

Говоря о баснях, журналист не должен судить по одному какому-либо из вышесказанных свойств, но по удачному или неудачному соединению всех оных. Не трудно найти несколько гладких и замысловатых стихов в самом посредственном сочинении, но трудно поэту выдержать везде равенство в слоге и в ходе мыслей. Лучшее средство судить о достоинстве сочинения есть подробный разбор одного или сравнение с другими подобными творениями хороших писателей. Так и здесь: многие наши стихотворцы переводили одни и те же басни из Лафонтена, Флориана и других; журналист обязан сравнить сии переводы, слог оных, искусство в выражении мыслей подлинника, живость в рассказе — и тогда без всякой натяжки, не руководствуясь общею молвою, покажет, кто из соперников превзошел другого. Такое

суждение принесет истинную пользу и заслужит одобрение всех беспристрастных читателей.

Не восходя к началу драматического искусства и не предпринимая объяснять Аристотелевых правил, скажем, что театр наш, особливо трагический, образовался подражанием французскому. Стихотворцы наши брали из Расина и Вольтера целые явления, целые роли и удачным перенесением чужих красот в русский язык обогатили оный. Однако же должно признаться, что у нас еще очень мало хороших трагедий и что самая склонность молодых писателей наших к театру вредит его успехам. В сем случае польза хорошего журнала ощутительна. Ободря молодых стихотворцев к усовершенствованию их дарований, можно бы дать им почувствовать, что Корнель и Расин, не спеша приниматься за трагедии, сперва выучились основательно своему языку и затвердили все правила драматического искусства; что они действовали более воображением, нежели памятью, и не хватали по несколько стихов из разных писателей; наконец, что прекрасную трагедию перевести хорошо почти так же трудно, как и сочинить самому. Сии замечания относятся, конечно, не ко всем нашим трагикам: Сумароков, Княжнин, Озеров будут всегда занимать отличное место на российском Парнасе.

Комедии Фон-Визина и Княжнина во многом не уступают лучшим произведениям французской Талии. Первый заслуживает особенное внимание силою и точности в изображении нравов; второй, нимало не уступающий Фон-Визину в сих двух качествах, но более его подражавший французам, отличается красотой стихов, из коих многие вошли уже в пословицу. Ныне, к сожалению, весьма мало следуют примеру сих двух комиков и стараются только смешить зрителей, часто на счет благопристойности, забывая главную цель комедии — исправление нравов. Что ж касается до новоизобретенных *драматических представлений*, в которых не соблюдены никакие правила, нет единства ни действия, ни места, ни времени, которые наполнены ошибками и не заменяют их никакими красотою, то журналисту остается только с прискорбием говорить об их успехе и желать, чтобы их пореже играли.

В старину одна эклога, один мадригал или даже небольшой перевод в прозе, напечатанный в «Трудолюбивой пчеле», вели писателей прямым путем ко славе и доставляли им почетное место в «Историческом словаре»

Новикова. Ныне, когда российская словесность изобилует такими произведениями, оные гораздо менее уважаются, но, конечно, не перестают приносить читателям великое удовольствие, если только хорошо написаны. Всякий день мы видим новые труды стихотворцев наших: то прекраснейшие баллады, то хорошие послания, элегии, надписи и т. п.; все сие может служить украшением журнала, когда будет помещаемо со вкусом и разборчивостию. То же можно сказать о прозаических отрывках, относящихся до истории, нравственности и красноречия, о разных новейших повестях, сказках и анекдотах: содержание литературного журнала должно быть разнообразно, ибо читатели не любят беспрестанно заниматься важными рассуждениями и часто требуют приятного отдохновения.

Ныне слишком пренебрегают изучением древних языков, без которых, однако же, не может существовать истинная ученость. Новейшие языки весьма полезны для писателя; но древние для него необходимы. Почти все учебные слова, по нужде нами употребляемые, взяты с греческого, и человек, знающий сей язык, тотчас поймет значение каждого слова, видя, из чего оно составлено; но всякий другой будет только произносить пустые звуки, пока с трудом не затвердит его определения. Множество прекраснейших книг на греческом и латинском языках образуют вкус читателя, подавая ему вместе и правила и примеры. Ученые и художники найдут в них обильную пищу для рассудка и воображения, а искусный журналист — пространное поле для сравнения новейшей словесности с древнею. Не должно думать, чтобы мы во всем превзошли греков и римлян: мы во многом еще остались позади их. Сколь бедно, например, красноречие наше в сравнении с бессмертными творениями Демосфена и Цицерона. Сколь сухи пред ними почти все наши напыщенные похвальные слова и речи, или рассуждения, не имеющие ни плана, ни связи в мыслях!

Скажем в заключение, что журналист должен по возможности обрабатывать слог свой и не впадать в те самые ошибки, которые замечает в других. Могут ли просвещенные люди доверять суждению того, который пишет: «Разум, кажется, для того нам дан, чтоб нас ссорить, когда мы заблуждаемся; разум реже руководствует нас и управляет нами, нежели сколько подается за нашими от него уклонностями»... или: «Человек, умею-

щий постигать что-нибудь в несколько мгновений своей внимательности, легко может обратиться гением... Чувства должны означать себя не в одних только движениях лица и жестах, но отличаться и в самых выражениях слов, особливо в тех местах, где поэт требует, чтоб оттенки его выразительности были приметны только для зрителей, чтоб действующий выражал их, не примечая своих выражений, и где только одна внимательность невольно предугадывает и ожидает занимательности от занимательного!!» и проч. и проч.

Более всего журналист должен остерегаться пристрастия или гнусной зависти к великим дарованиям. Заблуждения и ошибки простительны — они суть неизбежный удел наш: но зависть неотменно влечет за собою всеобщее презрение!

1811

С. С. УВАРОВ

ПИСЬМО К НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГНЕДИЧУ О ГРЕЧЕСКОМ ЭКЗАМЕТРЕ

Милостивый Государь мой Н. И.!

Истинное удовольствие, с каким я читал перевод ваш некоторых *Омеровых* * песней, побуждает меня сообщить вам несколько примечаний о нашем стопосложении, и особенно в отношении к древним языкам.

Отдельные отрывки нашей отечественной поэзии доказывают, что наш язык вмещает все оттенки *систематической прозодии*. Первые памятники нашего стихотворения представляют особенный характер, основанный на весьма определенном произношении *долгих* и *кратких* слогов. Сие стопосложение тем более соглашается с гением нашего языка, что мы находим и донныне в нем большую склонность к *напеву* и к *музыке*; но вместо того, чтоб сему следовать и постепенно усовершенствовать русскую прозодию, первые и лучшие стихотворцы отступили вовсе от сего правила. История нашей поэзии доказывает нам то слепое подражание, с каким мы приняли не только иноземные *идеи*, но даже иноземные

---

* Извините, что я пишу *Омер*, а не *Омир*. Нельзя мне решиться изуродовать столь почтенное имя.

формы; предрассудок в пользу французских писателей был так силен, что славный Ломоносов, который дал истинное бытие нашей поэзии, следовал сам общему примеру. Он стал подражать французам и писать *эпопею* александрийскими стихами; между тем как сам же почитал за наилучшую и великолепнейшую форму стихов экзаметр, из анапестов и хореев состоящий; а также из хореев и дактилей, как способнейший к изображению сильных и слабых, скорых и тихих действий, которым составил и пример в письме своем «О правилах Российского стихотворства»; * однако ж он был увлечен общим предубеждением, и эпоха сия решила судьбу русской поэзии. С тех пор подражание иноземному овладело всеми родами словесности. Прежде нежели образовался наш театр, стали мы наблюдать строго все правила французского театра; у *Малерба* и *Руссо* заимствовали мы размер французских од! и сей род стихотворения, не имеющий никакого сношения с древнею лирическою поэзиею, так быстро распространился между нами, что мы в числе *од* не уступаем, конечно, числу итальянских *сонетов*.

Но это не входит в предмет моего письма; обратимся к влиянию древней поэзии на нашу словесность.

Сие влияние было, по несчастию, весьма маловажно. О выгодах или, лучше сказать, о необходимости знания классических языков не нужно и упоминать. Два только способа существуют для распространения сего знания: первый, правильное изучение древних языков; второй, хорошие переводы лучших подлинников. Никакой перевод не может, конечно, сравниться с подлинником. Лучший из оных будет всегда, по свойству языков, несовершенный отголосок оригинала; особливо когда мы сравниваем скудость наших новейших наречий с неисчерпаемым богатством классических языков, из коих греческий есть без сомнения совершеннейшее произведение ума человеческого. Какой же язык был обработан, усовершенствован *такими* писателями, как *еллинский*?

Одна из величайших красот греческой поэзии есть богатое и систематическое ее стопосложение. Тут каждый род поэзии имеет свой *размер*; и каждый размер не только свои законы и правила, но, так сказать, свой гений и свой язык. Экзаметр (шестистопный героиче-

---

* Полное собрание соч. М. В. Ломоносова в 3. 1744 года части 1-й стран. 19.

ский стих) предоставлен эпосе. Сей размер весьма способен к сему роду поэзии. При величайшей ясности он имеет удивительное изобилие в оборотах, важную и пленительную гармонию. Экзаметр дает совершенное понятие о выражении Горация: *loqui ore rotundo* *. Все эпические поэмы писаны сим размером. Я не буду разбирать всех изменений оного со времен Омера до последних эпических пиитов, которые заменили истинный гений поэзии искусством стопосложения и большею метрическою тонкостью. Это увлекло бы меня слишком далеко.

Итак, возвращаясь к моему предмету, скажу только, что экзаметр был во всей древности *языком эпоса*. Когда же римляне захотели образовать свой жесткий и греческому гению противный язык, то они употребили первое старание на изобретение метрических форм. Римляне заимствовали все оные у греков потому, что они их признавали совершеннейшими и что латинский язык был весьма мало свойствен для поэзии. Все знатоки согласны в том, что латинской поэзии удалось присвоить себе *экзаметр* лучше всех других частей метрической системы греков. Никогда римляне не решались писать эпосею иначе, как экзаметром.

Когда после мрачных столетий луч наук и художеств возник опять в Италии, то страсть к древности овладела всею Европою. Но тогда направление умов особенно стремилось к тому, чтобы вникнуть в дух древности. И в то время мало переводили древних писателей на новые наречия, или оттого, что страсть к древности походила тогда на какое-то слепое исступление, или оттого, что греческий и латинский языки всем столько известны были, что почти никто не нуждался в переводах.

Начиная с того времени, каждый европейский народ образовал свою словесность, и каждая из них имеет свой характер. Поэзия отличалась везде вновь изобретенными, так сказать, *природными* тем языкам формами. Италия, Испания, Португалия, Франция и, наконец, Англия и Германия вступили в поприще словесности. Каждая достигла своею дорогою до степени образования и украсилась многими знаменитыми творениями.

История французской словесности всем известна. Я не буду рассматривать средств, которыми она возвысилась на первое место в ученом свете. Когда французы

---

* Т. е. говорить полными устами.

начали писать правильно, переводить древних и подражать им, то они были принуждены сделать себе особую *систему стопосложения*. Язык их при всем его достоинстве и красоте был весьма неспособен к поэзии. Хотя и в прочих новейших языках метрические правила древней поэзии были заменены другими новыми формами; хотя *рифма* овладела уже и другими наречиями, однако ж французский язык более всех нуждался в такой метрической системе, в которой число слогов могло бы заменить расположение их; и где механизм стопосложения был бы довольно приятен, чтоб приучить ухо к вечной монотонии полустишия и рифмы. Таким образом изобрели французы *александрийский стих*, как самый способный по неимению во французском языке прозодии и самый согласный с правилами поэзии. Говорят, что уже в XII столетии написана была французская поэма, под заглавием «Александр Великий»; и что оттого и произошло название александрийского стиха.

Александрийский стих поистине весьма недостаточен; не только монотония его тягостна слуху, но он своею сухостию, краткостию и невольным ударением на полустишие заслужил хулу самих французов. Волтер, который без сомнения знал все выгоды и все недостатки природного своего языка, обращаясь к китайскому государю, говорит:

Ton peuple est-il soumis à cette loi si dure
Qui veut qu'avec six pieds d'une égale mesure,
De deux Alexandrins côte à côte marchans
L'un serve pour la rime et l'autre pour le sens;
Si bien que sans rien perdre en bravant cet usage
On pourrait retrancher la moitié d'un ouvrage.

Эпиграмма к Царю Китая*.

Здесь Волтер шутит, — но в сей шутке видно его мнение, и мнение знатока. Вместо того чтоб приводить еще другие доводы против александрийского стиха, я спрошу: кто, даже между французами, мог без утомления читать *Генриаду*? И не происходит ли это единственно от размера стихов, которыми она писана?

---

* Твой народ поработан ли тому жестокому закону, который требует, чтоб с шестью стопами равной меры, из двух александрийских стихов, рядом чинно выступающих, один служил для рифмы, а другой для смысла так, что если б сему обряду и не следовать, то можно половину сочинения убавить, ничего в смысле оного не потеряв <Послание к китайскому Королю> (перевод автора).

Прилично ли нам, русским, имеющим, к счастью, изобильной, метрической, прозодиею наполненной язык, следовать столь слепому предрассудку? — Прилично ли нам, имеющим в языке сии превосходные качества, заимствовать у иноземцев беднейшую часть языка их, прозодию, совершенно нам несвойственную?

Отдавая всю должную справедливость поэзии других народов и читая с восхищением Расина, Гете и Мильтона, каждого на своем языке, должно, однако ж, согласиться, что когда идет дело о правилах вкуса в стихосложении, то они должны непоколебимо следовать свойству того языка, для которого они составляются.

И потому каждый народ, каждый язык, имеющий *свою* словесность, должен иметь *свою* собственную систему стопосложения, происходящую из самого состава языка и образа мыслей. Возможно ли узнать экзаметр Омера, когда, сжавши его в александрийский стих и оставляя одну мысль, вы отбрасываете размер, оборот, расположение слов, эпитеты, одним словом, все, что составляет красоту подлинника? Когда, вместо плавного, величественного экзаметра, я слышу скудный и сухой александрийский стих, рифмою прикрашенный, то мне кажется, что я вижу божественного Ахиллеса во французском платье.

Нет, М. Г. м<ой>, хотя предрассудок, слабость, влияние французской словесности увлекали нас до сих пор и отклоняли от истинного пути: но если мы хотим возвысить достоинство нашего языка, если мы хотим достигнуть до того, чтоб иметь словесность *народную*, нам истинно свойственную, то перестанем эпопею писать или переводить александрийскими стихами; перестанем отягощать младенчество нашей словесности тяжелыми цепями французского вкуса. Если же мы не возвратимся к истинному характеру нашего языка; если не сделаем метрическую систему, на самом гении языка основанную; если мы не будем иметь способа воскресить *прозодию* древнего нашего стихотворства, то без сомнения опасаться должно, что в весьма коротком времени наша поэзия будет походить на младенца, носящего все признаки дряхлости, или на увядшего юношу.

Вам предстоит, М. Г. м<ой>, сильно содействовать к сей счастливой перемене в нашей словесности. Один из лучших способов к достижению оной цели есть *знакомство с древними*. Если немцы, владея языком весьма непокорным, достигли до того, что имеют хорошие и

верные метрические переводы, зачем нам, русским, не иметь наконец перевода Омера экзаметрами? Не забудьте Шлецера, который говорит, что перевод Омера на славянорусском языке должен превосходить все прочие переводы * *tacto animo* **. Отрывки Омера, вами по настоянию моему экзаметрами переведенные, подают мне надежду, что публика с удовольствием примет сей опыт греческого стопосложения. Читающие Омера в подлиннике возрадуются, услышав отголосок его бессмертных песней; нуждающимся в переводе откроете вы наконец путь к точному познанию красот древней словесности и языков классических.

Честь имею быть, М. Г.
м<ой>, ваш .....С. Уваров.

Н. И. ГНЕДИЧ

ОТВЕТ <С. С. УВАРОВУ ***>

Давно, М. Г., чувствую невыгоды стиха александрийского для перевода древних поэтов, весьма справедливо доказанные в письме, которым вы меня почтили, и ясно видимые из того уже, что 17 слогов экзаметра вместить в 12 александрийского стиха нет возможности, не лиша его или живописных эпитетов, или силы, или вообще характера древней поэзии, часто разрушаемого малей-

* Бей живо.

** Als ich der Folge Legenden und Uebersetzungen Griechischer Kirchen-Vaeter in dieser Sprache (*Alt-Slawonische. Nestors Sprache*. A. L. Schlozer... *Leben... I* Fragment. Aufenthalt und Dienste in Russland in 8. — 1812, pag. 67) las erstaunte ich über den Reichtum, die Pracht, und die Kraft derselben in Klang und Ausdruck. Im Zusammenetzen der Wörter Kömmt ihr Keine als die Griechische gleich... Ein Homer Slavonisch übersetzt, müsste aller andern Uebersetzungen die Palme entreissen.

Когда же впоследствии времени начал я читать на сем языке (Старо-славянский язык Преп. Нестора. А. Л. Шлецера ... *Жизнь... I*-й отрывок. Пребывание и служба его в России — в 8. — 1812, стр. 67.) Четьи Миней и переводы с святых отцов греческой церкви, то я удивился богатству, красоте, силе сего языка в доброзвучии и выражениях. В составных словах никакой язык с оным равняться не может, кроме греческого. Омер, на славянский язык переведенный, должен исхитить пальму (славы) у всех прочих переводов (перевод автора).

*** Из сего письма и приложенного при нем перевода VI песни «Илиады» читаны были в Беседе выписки.

шим изменением оборота, необходимым для рифмы.— Таким образом, нет возможности в переводе стихами александрийскими удовлетворить желанию просвещенных читателей, а особливо как вы, знакомых с языками древних и дорого ценящих священные красоты древней поэзии.— Поощряемый А. Н. О <лениным> и вашими лестными советами, я осмелился на больший прежнего опыт экзаметра, чтобы представить его по желанию вашему почтенному обществу Беседы. Опыт сего размера будет нов для некоторых читателей, почему я и счел нужным изложить формы изменений экзаметрических, чтобы по крайней мере из них можно было видеть, сколько стих сей имеет выгод и превосходства перед александрийским.

Главный размер

Гнев, о бо|гивя вос|пой Ахи|ллеса Пе|леева сына.

Изменения:

4 дакт. и 2 хорей	}	Гнев, бо гивя, вос пой Ахи ллеса Пе леева сына
		Дий же о тец от О лимп а громы низ вергнул на землю.
3 дакт. и 3 хорей.	}	Кони по слушны быстро мчатся с грозным воз ни- цей.
		Он вас светлого неба в тартар низ ринет гл убокий.
2 дакт. и 4 хорей	}	Легкие кони скачут быстро, рвы преле тая.
		Быстро кони полем прах возды мая не сутся.
1 дакт. и 5 хореев.	}	Болны моря вставши с ревом хлещутся в берег.

Такие изменения в русском — как и в греческом — экзаметре простираются до шестнадцати, а с изменением и пятой стопы на хорей они гораздо более умножатся. Польза и красота их очевидны; однако ж употребление без нужды и пользы никогда не составит красоты.— Поелику все односложные частицы, по свойству их всегда почти короткие, а особенно союз и, в первую стопу дактиля входят с неприятностью для слуха; — во избежание сего, я лучшим почел средством употреблять одно из изменений в тех стихах, которые начинаются односложными частицами:

Но Адраста живым уловил Менелай ратоборный
И на быстром бегу колесницу —
И Приам и народ знаменитого в бранях Приама
и проч.

Стихи сии в чтении хотя покажутся анапестическими; но по правилам размера они совершенно дактилохорейческие; ибо первая стопа хорей, а прочие дактили:

Но Адраста живым уловил —
И на быстром бегу колесницу —
И Приам и народ знаменитого —

Другие изменения весьма редко употреблял я в сем первом опыте, чтобы размер, мало еще знакомый слуху, не затруднил читателя. Впрочем, такого затруднения легко избежать — читая просто по обыкновенному сло-воударению. Некоторые, однако ж, ударения в именах собственных, принятые нами от французов и противящиеся мере экзаметра, должно было переменить на ударения греческие, как-то: Агамемнон, Лаомедон и другие, над которыми в стихах и поставлены ударения.

Предая суждению общества слабый сей опыт, я и вас, М. Г., как виновника его — подвергаю тому, что он заслужит. Впрочем, буду счастлив, если критика просвещенных читателей откроет мне лучшие способы к составлению русского экзаметра.

Имею честь быть, и проч.

Н. Гнедич.

1813

С. С. УВАРОВ

ОТВЕТ В. В. КАПНИСТУ НА ПИСЬМО ЕГО ОБ ЭКЗАМЕТРЕ

Audiat et altera pars*.

Не без смущения, любезный и почтенный мой со-
стязатель, подымаю я перчатку, вами мне брошенную, и
решаюсь вступить с вами в бой на защиту предложен-
ных мною мыслей о переводе древних. — Я не смею на-
зывать *моими* такие правила, которые утверждены тыся-

* Выслушай и другую сторону (*лат.*).

челетиями и которые везде приняты и уважены, не потому что они извлечены *древними наблюдателями*, но потому, что они сходны с природою вещей и, следовательно, со вкусом и рассудком всех образованных народов. Быть *рыцарем Омера* я не считаю нужным: о нем все признано и все известно. Защищать его стопосложение было бы оправдывать Омера, что он родился под небом Греции и воспевал Троянскую войну. — В каждой словесности есть эпоха, в которой первый явившийся на поприще открывает новую стезю; и сей круг времени заключает в себе малое число образцовых поэтов; они принадлежат только к таким временам, где человеческий ум, будучи во всем блеске и цвете юности, ощущает в первый раз свои неповрежденные силы. Омерическая поэзия есть первый цветок Греции. — Рыцарство в средних веках воскресило еще раз ум человеческий, и его появление на поприще наук и художеств озарило новым магическим сиянием времена, которые назвать можно *младенчеством Европы*. Но оставим сие рассуждение, чтоб не отдалиться от истинного нашего предмета. — Итак, мы начнем говорить о экзаметре или, по определению вашему, *о тяжелом и единообразном размере стихов Омеровых, который и ныне, по словам вашим, восхищает людей, обывших с юношества по школьному назиданию Творце*. Позвольте мне повторить еще раз, что я даже не смею вступаться за Омера, дабы не возобновить в словесности странных ересей Ламотта, Перольта и других. — Легко было бы мне ополчить противу вас весь ученый свет; легко показать, что стихосложение Омера есть совершеннейший плод эпической поэзии или, лучше сказать, источник оной. — Я бы мог это доказать мнением всех истинных знатоков Оморова языка; но мне бы следовало написать книгу, а не письмо. — Итак, остается мне означить в коротких словах достоинство греческого экзаметра, вами столь презираемого. — Почтенные слушатели извинят меня, если я должен несколько углубиться в теорию экзаметра, исследывая в главнейших ее чертах и определениях.

Древние думали, что один только экзаметр может соответствовать неопределительному продолжению эпического творения. «Сама природа, говорит Аристотель, это показывает, и вековое испытание удостоверяет нас в сей истине». Героический размер укашается совершеннейшим равновесием всех частей стиха: экзаметр не

подымается и не падает; он изгибается, течет тихо, но без прыжков; свободно, но в строгих границах.— Ему предоставлено обращаться от быстроты к медленности, от силы к мягкости; и все оттенки, между сими противоположностями заключенные, вмещаются в стопосложение экзаметра; он один, как и эпическая поэзия вообще, может изображать *все* предметы, и разнообразие его умножается всеми возможными изменениями в сложении и цезуре.— Одним словом, вся древность, почитая экзаметр совершеннейшим стопосложением, ставила его на высшую степень в метрической системе греков.— Аристотель просто называет эпическую поэзию *повествующею и экзаметрами изображающею* и замечает, как о принятом понятии, что не можно писать эпопею другим или смешанным размером.— И в самом деле, каждый размер, в котором ударение определено и однообразно, должен наконец отяготить слух наш.— Кто мог бы выслушать *рапсодию*, писанную прекрасным, впрочем, алкеическим или сафическим стихом? — Обратимся теперь к отечественному нашему языку; вы говорите, что *экзаметры непременно составляются из шести дактилей и спондеев, что первые четыре меры могут по произволу перемешиваться теми и другими; но пятая и шестая должны неминуемо быть дактиль, а окончательная спондей; известно также без наималейшего сомнения, что русский язык последними весьма скуден*. Позвольте мне вас на первом шагу остановить: *пятая мера* должна в экзаметре быть дактиль, без сомнения *, а *шестая* не только может быть *хорей*, но и весьма часто; так что большая половина стихов Омеровых кончается хореем.— Следственно, великий наш Ломоносов весьма правильно поступил, окончив экзаметр таким образом:

Только мутился песок, лишь белая пена кипела.

В новом издании Энциклопедии (Encyclopedie par ordre des matières) читал я с удивлением следующее: «Les quatre premiers pieds d'un vers *hexamètre* peuvent être indifféremment dactyles ou spondées; mais le dernier doit être nécessairement un spondée et le penultième un dactyle», то есть «первые четыре стопы экзаметра могут быть равно дактили или спондей, но последняя должна быть непременно спондей, а предпоследняя *дактиль...*» — Risum teneatis, amici! **

* Но и это правило имеет исключения.

** Удержитесь от смеха, друзья (*лат.*).

Сия чудная статья подписана каким-то Аббатом Малле (Mallet), последователям которого посоветовать можно открыть наудачу *Илиаду*, *Одиссею* или *Энеиду*; а если они не верят глазам и ушам своим, то пусть прочтут, что *Эфестион* Александрийский писал за 16 столетий прежде Энциклопедии: «Hexameter est versus dactylicus, catalecticus * (ed. Com. Paw. Trajcet. ad Rhen. 1726, pag. 21). Но вероятно, что ни Г. Малле, ни его последователи сего не поймут; а потому долгом считаю объяснить им однажды навсегда приведенное здесь в неоспоримое доказательство изречение Эфестиона, которое значит: что хотя экзаметр и основан на дактилях (Dactylicus), но что он, однако ж, не кончается на совершенный дактиль и потому назван (Catalecticus); следственно, трохей или хорей поелику несовершенный дактиль (— —), то и экзаметр по всей строгости правил должен кончаться на *трохей*. Последний же слог, говорит Эфестион, можно в каждом роде стихов ставить произвольно; итак, экзаметр, заключает он, *может кончаться и на спондей* (стр. 91). Сего довольно; — я должен только присовокупить, что действительно стыдно распространяться еще более о таком предмете, о котором всякий, кто знает только начала греческого и латинского языков, может произнести решительный приговор, указав единственно на первые *два стиха* «Илиады», «Одиссеи» и «Энеиды»: они кончаются на хорей. Какой-то метафизик уверял однажды своих слушателей, что *начало движения* не существует; один из них, вспрыгнув с места, стал *ходить* по комнате. Метафизик остался без учеников. —

Итак, если в употреблении героического размера другого нам препятствия нет, кроме того, что экзаметр должен кончаться спондеем, то за особое удовольствие почитаю успокоить на сей счет всех любителей поэзии, в том числе и почтенного моего соотечественника. — Что у нас почти нет спондеев, это всем уже известно. Во всех новых наречиях спондеев весьма мало, потому что прозодия в них, как и у нас, еще в младенчестве или в забвении; а от этого нашему уху трудно отличать долгий слог от краткого, а еще труднее чувствовать два долгих, рядом стоящих. Вот все таинство спондея; но не спондей, а дактиль есть истинное основание экзаметра; дактиль

---

* Гекзамер есть стих дактилический, усеченный (лат.).

душа героического стиха и отличительная черта его. А спондей есть не что иное, как несовершенный дактиль. — В немецкой прозодии существует то же затруднение; но писатели их счастливым своим упрямством и трудолюбием дошли уже до того, что имеют весьма правильный экзаметр. Правда, что они иногда и посреди стиха употребляют *хорей* вместо *спондея*, что, конечно, против правил и чего греки никогда не делали; но немецкие писатели утверждают, и, кажется, весьма основательно, что лучше жертвовать некоторою метрическою строгостию, нежели вовсе лишиться надежды иметь превосходнейшее стихосложение, верный отголосок древней поэзии. Во всех новейших языках обновление метрической системы древних сопряжено с большими затруднениями, и я в том с вами согласен. Мы принуждены искусством производить те действия, которые у греков проистекали из духа языка их и собственной природы. В Греции весьма часто случалось, что при дурной скандии стиха на театре весь народ невольно вставал с мест и шумел; этому-то народу свойственно было изобрести совершенную метрическую систему: она и поныне существует в памятниках греческой поэзии. Кто не чувствует ее преимущества над всеми другими, кто не почитает ее источником всех других, тот или не читал греков в подлиннике, или сердце его, по словам Горация, окружено тройкою медью. *Ille triplex est.*

Экзаметры, которые вы *шутя* называете правильными, напоминают мне о стихах, написанных остроумным Буало в подражание Шаплюю:

Droits et roides rochers, dont peu teudre est la Cime
De mon flamboyant Coeur l'âpre état vous savez,
Savez aussi, durs bois, par les hivers lavez,
Qu' holocauste est mon Coeur pour un front magnanime *.

Здесь соблюдены все правила французского стихосложения, и гораздо вернее, нежели в ваших экзаметрах; но какое ухо стерпит мучение, производимое такою жесткостью и такими шаршавыми выражениями!

---

* Прямые и жесткие скалы, чьи вершины лишены нежности, вы знаете страстность моего пылающего сердца, знаете и вы, твердые леса, омытые зимами, что сердце мое готово на жертву ради благородного чела (*фр.*).

Я не считаю нужным продолжать еще более теоретическое рассмотрение *экзаметра*, во-первых, потому, что, по вашим же словам, вы греков в подлиннике не читаете; во-вторых, и для того, чтоб не отяготить публики продолжительными *силлогизмами*: в таком случае несколько счастливых стихов г. Гнедича лучше ее убедят, чем все мои наблюдения.

Позвольте мне прибавить еще несколько слов о переводе древних, а именно о предполагаемом переводе Омера русским народным размером. — Не в том дело состоит, чтоб написать поэму с поэмы или чтоб сохранить впечатление, производимое чтением Омера или всех древних вообще, над несколькими только читателями. Мы должны стараться утвердить впечатление, производимое чтением их надо всеми просвещенными умами: — следовательно, представить *отлепок* творения Оморова в духе оригинала, с его формами и со всеми оттенками, таким образом, чтоб мы имели в глазах не Кострова, не Гнедича, но Омера — Омера в чистейшем созерцании природной его красоты, — Омера в том виде, в каком он пленял законодателя Спарты, победителя Азии, Александрийских мудрецов и весь, одним словом, блистательный ряд его любителей в древнем и новом мире. — Вот в каком отношении могут древние действовать над нами; но, чтоб достигнуть сей цели, чтоб распространить благодетельное их влияние, необходимо нужно признать первым правилом, что *формы* в поэзии неразлучны с *духом*; что между формами и духом поэзии находится та же самая таинственная связь, как между телом и душою; что обоюдное их влияние и действие — формы на мысль, а мысли на форму — так тесны, что никак нельзя определить истинных границ их, а еще менее расторгнуть их союз, не жертвуя тою или другою. Союз сей в поэзии древних еще сильнее, нежели в стихотворениях новейших народов. В греческой поэзии все формы изобретены так счастливо, определены так глубокомысленно, что состав их служит путеводителем в хранилище гения древности. Кто не чувствует изящности стопосложения Омера, Эхила, Теокрита, Анакреона, тот теряет половину их красот.

Если мы хотим иметь знакомство с древними и верные отпечатки их бессмертных творений, то должны со всевозможным рвением и упрямством подражать формам их поэзии, дабы достигнуть до их духа. — Блистательный опыт г. Гнедича показал достаточно, что мы

можем овладеть экзаметром.— Кто любит Отечество, словесность, поэзию, тот порадуется и рукоплесканием будет ободрять поэта, расширяющего сферу русской словесности.

Некто из наших писателей *, о котором российские музы не без сожаления вспоминают, чувствовал уже необходимость большой перемены в формах нашей поэзии.— И вот как за двадцать лет перед сим изъяснялся он об этом предмете.

«Стихотворство у нас, в разных смыслах как оно приемлется, далеко еще отстоит величия. Поэзия было пробудилась, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень...».

Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду и никто не дерзнул от него отшатнуться. По несчастью, случилось, что Сумароков был в то же время, и был отменный стихотворец. Он употреблял стихи по примеру Ломоносова, и ныне все, вслед за ними, не воображают, чтобы другие стихи быть могли, как ямбы, как такие, какими писали сии оба знаменитые мужи. Хотя оба сии стихотворца преподавали правила других стихосложений, а Сумароков и во всех родах оставил примеры; но они столь маловажны, что ни от кого подражания не заслужили. Если бы Ломоносов предложил Иова или Псалмопевца дактилями, или если бы Сумароков «Семиру» или «Димитрия» написал хорееми, то и Херасков вздумал бы, что можно писать другими стихами, кроме ямбов, и более бы приобрел славы в осьмилетнем своем труде, описав взятие Казани собственным эпосеем стихосложением. Не дивлюсь, что древний треух надет на Виргилия Ломоносовским покроем; но желал бы я, чтобы Омер между нами не в ямбах явился, но в стихах, подобных его экзаметрам; и Костров, хотя не стихотворец, а переводчик, сделал бы эпоху в нашем стихосложении, ускорив шествие самой поэзии целым поколением.— Но не одни Ломоносов и Сумароков остановили российское стихосложение. Неумоимый Тредиаковский немало к тому способствовал своею «Тилемахидою». Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно; ибо примеры в добром и худом стихосло-

---

* Г. Р.....

жении глубоко пустили корень. Парнас окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле. Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас Третьяковского приставят дядькою, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом, доколе не родится Мильтона, Шекспира или Волтера..... —

Долго благой перемене в стихосложении будет препятствовать привыкшее ухо к краесловию. Слышав долгое время единословное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, несладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе французский язык будет в России больше других языков в употреблении. Чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво, по произволению. Сверх же того, в стихотворстве, так как и во всех вещах, может господствовать мода. Но все модное мгновенно, а особливо в стихотворстве. Блеск наружный может заржаветь; но истинная красота никогда не поблекнет...

Если совет мой может что-либо сделать, то я бы сказал, что российское стихотворство, да и самый российский язык гораздо обогатились бы, если б переводы стихотворных сочинений делали не всегда ямбами!! — Таким образом представя здесь, что о поэзии нашей говорили за двадцать лет перед сим, обратимся мы к нашему предмету. —

Если теперь против чаяния мне доказано будет, что экзаметрами переводить нам Омера не можно, то я бы скорее предпочел *перевод в прозе*. Омер в русском зипуне столько же мне противен, как и во французском кафтане. Переводить «Илиаду» русским народным размером еще хуже, чем переводить александрийскими стихами: ибо сей последний стих, по большому употреблению, принадлежит *всем* и занимает место героического стиха во *всех* почти новейших языках.

Г-н Гнедич в своей речи на открытие Императорской Публичной Библиотеки обнаружил сильно и красноречиво необходимость классического образования. Он показал все выгоды, могущие произойти из знания древних языков, и благодетельное их влияние на будущую нашу словесность. По сему предмету мы оба стремимся к одной цели: он открывает новое поприще и влечет нас за собою; я излагаю теорию и считаю каждый его шаг: он убеждает — я доказываю; одним словом, я наблюдатель — он поэт.

Но в письме моем к г. Гнедичу писал я следующее:

если же мы не возвратимся к истинному характеру нашего языка, если не сделаем метрическую систему, на самом гении языка основанную,— если мы не будем иметь способа воскресить прозодию древнего нашего стихотворства, то без сомнения опасаться должно, что в весьма коротком времени наша поэзия будет походить на младенца, носящего все признаки дряхлости, или на увядшего юношу. И я ныне повторяю те же слова. Они могут доказать живое участие, принимаемое мною в истинном величии нашего отечественного слова — участие, которое не слабеет даже при виде непреборимых предрассудков, раздирающих ныне поприще нашей словесности и препятствующих не только нынешнему ее благосостоянию, но от которых даже и в будущем сокрытые надежды должны невозвратно исчезнуть.— Без основательных познаний и долговременных трудов в древней словесности никакая новейшая существовать не может; без тесного знакомства с другими новейшими мы не в состоянии обнять все поле человеческого ума — обширное и блистательное поле, на котором все предубеждения должны бы умирать и всякая ненависть гаснуть; но без собственных форм, языку нашему свойственных, нам никогда нельзя иметь истинно народной словесности. Итак, на изыскание сих форм мы должны употребить всевозможное старание. Русский язык имеет в своих древних памятниках большое изобилие в метрических формах, но эта золотая руда еще в недрах земли сокрыта. Много надобно над нею трудиться, чтоб похитить чистое золото и **обратить** в общее употребление. Прекрасное занятие предоставлено счастливым питомцам отечественных муз. Я часто о сем предмете беседовал с моим приятелем г-м Жуковским, которого превосходный талант в поэзии довольно известен; я часто предлагал ему написать русскую поэму русским размером, предоставляя судить ему, какой метр между русскими способнее к продолжительному сочинению. Зачем, я говорил ему, не избрать эпоху древней нашей истории, которую можно назвать эпохою нашего рыцарства, в особенности эпоху, предшествовавшую введению христианской религии? Тут вы найдете в изобилии все машины, нужные к поэме. Что может быть для поэта обширнее наших походов на Царьград? что разнообразнее древнего нашего баснословия? — С каким искусством предстоит вам соединить ее оригинальные северные формы с блистательными проявлениями Востока!

Каким волшебным светом может поэт озарить берега Днепровские, стены Киева, Босфор и золотые вершины Царяграда! В этой эпохе история сопутствуема баснословием; поэт может произвольно черпать из той и другой; он избирает между историческими памятниками и народными преданиями, и из всех сих богатых материалов составляет целое — не по следам Омера, потому что мы не греки, не по следам Тасса и Ариоста, потому что Тасс и Ариост писали для своего народа; но с их вдохновением, потому что поэзия не имеет двух языков (Рассужден. г. Гнедича).

Но перевод Омера русским размером столь же бесполезен, как был бы перевод Тасса экзаметрами. Его станса (ottave rime) так точно есть природная форма его поэзии, как экзаметр природная форма Омера; а форма, как сказано выше, неразлучна с духом. — Перестанем же самовольно отделять их. Пусть это делают те, которые поэзию ограничивают рифмами, или те, которые, подобно Стихотвору Горация, не хотят признаться в неведении того, чему они не учились. Вы же, любезный мой соизыатель, — так знакомы с истинным духом поэзии, что без сомнения будете почитать черту, которая и вас отличает. При сем случае я обещаю вам торжественно противиться всякому, кто захочет вашего прелестного *Мотылька* переложить экзаметрами на каком бы то языке ни было.

Позвольте мне таким образом окончить мое письмо и, дружески обняв вас, остаться при моем убеждении. — Позвольте мне еще присовокупить, что никакая разность в мнениях о словесности не повредит истинному и душевному почитанию, с каким я всегда был и буду.

1815

«ОПЫТЫ В СТИХАХ И ПРОЗЕ» г-на БАТЮШКОВА

В политике, как и в литературе, нет сходства между соседними поколениями. Эта истина особенно ощутима у тех народов, которые и не остановились еще в своем развитии, и не идут назад. Беспреданное развитие мысли постоянно приводит к новым результатам, и это развитие становится иногда столь стремительным, что тридцатилетние и шестидесятилетние, кажется, говорят на

разных языках, кажется, не являются даже соотечественниками. Эти внезапные переходы, не имеющие ничего общего с *вечным совершенствованием*, становятся все более явными в нашей литературе. Если должно называть *школой* некоторое количество писателей, исходящих из одних и тех же доктрин, возросших на одних и тех же учениях, стремящихся к одной и той же цели, хотя и разными средствами, и убежденных в необходимости объединиться во имя общих принципов, если, повторяю, это является необходимым условием для создания *школы*, то нельзя не признать, что в русской литературе их по крайней мере две. Мы не намерены сравнивать эти школы; подобные сопоставления почти всегда в чем-то ошибочны и часто вызывают отвращение; в литературе, как и в политике, все хорошо в свое время, и старая школа (если допустимо объединить под одним названием князя Кантемира и Ломоносова) представлена многими именами, уже давно заслужившими бессмертие. С воцарением Александра I в России началась новая эпоха; новая эра открылась и в литературе; мы попытаемся проследить отличительные свойства *новой школы* на произведениях одного из самых блестящих представителей ее.

Несомненно, что среди нынешнего поколения поэтов первое место принадлежит Жуковскому; даже враги его — а было бы досадно, если б он их не имел, — кажется, не оспаривает этого утверждения. Певец 1812 года — любимец нации. Это общепризнанно; отдавая превосходство его таланту и не оспаривая права его на первое место, ценители затрудняются определить место Батюшкова, про которого можно сказать *non secundus sed alter* *. Поэтический талант его, который во многих отношениях не ниже таланта Жуковского, столь отличен от него по своему характеру, что мысль о подчинении неуместна. Для них является общим тонкое чувство красоты языка, воображение блестящее, гармония совершенная; но они идут разными путями: Жуковский, воспитанный на творениях английских и немецких поэтов, создал у нас жанр Вальтер Скотта, лорда Байрона и Гете; Батюшков, страстный любитель итальянской и французской поэзии, увлечен подражанием *molle atque facetum* **, которое отличает первую, и остроумным изя-

---

* не второй, а другой (лат.).

** нежность и тонкость (лат.)

ществом последней. Жуковский более красноречив и устремлен ввысь, Батюшков же изысканнее и законченнее; один смелее, другой не оставляет ничего на волю случая; первый — поэт Севера, второй — поэт Юга. Краски Жуковского сильны и живописны, стиль его сверкает образами, чувство, живое и глубокое, одухотворяет все его сочинения. Батюшков более уравновешен и сдержан, в проявлениях смелости у него сквозит мудрость, вкус его изощреннее; он скорее эротичен, нежели влюблен, более страстен, нежели чувствителен, он с равным успехом подражает Тибуллу и Парни. Среди произведений, помещенных во втором томе, особо выделяются несколько элегий, написанных в манере Тибулла, два три очаровательных стихотворения в подражание Парни, перевод из Мильвуа «Состязание между Гомером и Гезиодом», несколько дружеских посланий, пьеса, в которой любви к путешествиям противопоставлены прелести уединенной жизни; наконец, элегия «Умиравший Тасс», которую можно считать его шедевром. Действительно, немногие сюжеты могли бы так воспламенить воображение. Капитолий в ожидании триумфа поэта, улицы осыпаны цветами, первосвященник готов увенчать лаврами певца Готфрида и вознаградить его наконец за несправедливость судьбы, ожесточенно его преследовавшей, — и посреди этой картины грустное ложе Тасса, тщетно умоляющего Провидение продлить на один день его жизнь, Тасса, умирающего в момент своего апофеоза, с именем любимой Элеоноры на устах. Можно сказать, что Батюшков оказался достойным избранного им сюжета. Его язык изобилует богатством выражений, краски его необычайно живые, в нем много вкуса и чувствительности. При чтении этого произведения, кажется, чувствуешь дыхание Италии. Знатоки восторгаются этим стихотворением и неустанно выставляют его как образец тем из наших молодых поэтов, которые не находят удовлетворения в случайном подборе рифм.

Выход в свет произведений Батюшкова — услуга отечественной литературе; мы рассмотрели его поэзию; впрочем, в прозе он пишет с той же изысканностью и приятностью. Первый том содержит прозу, второй — стихотворения.

Д. Н. БЛУДОВ

«ДВЕНАДЦАТЬ СПЯЩИХ ДЕВ»

ПОЭМА г. ЖУКОВСКОГО

Французы не созданы для эпопей, — сказали однажды Вольтеру, и ему, бесспорно, не удалось опровергнуть этот предрассудок своею «Генриадою». Не знаем, винить ли в том один лишь дух и вкус французской нации или же полагать вслед за некоторыми философами, что при нынешнем состоянии цивилизации эпопея обречена на неуспех, в какой бы стране ни была она рождена. Как, говорили они, прибегать к чудесному в век всеобщего неверия! Но философы судили о мире по парижским салонам, а о веке по мимолетным своим успехам и краткодневному бытию. Люди верующие есть и ныне; мало того, не подлежит сомнению, что они будут всегда, ибо человеку необходимо верить, и *если когда-либо религия исчезла бы с лица земли, на смену ей немедленно явилось бы суеверие*. Но и в этом случае, который, по счастью, невозможно даже вообразить, чудесное осталось бы для истинного таланта одним из могущественных средств для овладения фантазией публики, каковым оно и является ныне для всякого истинного таланта, каковым и являлось оно во все века. Следственно, причиной неуспеха Вольтера и большинства поэтов французских следует считать один только род чудесного, ими избранный. *Любовь*, которую привыкли мы видеть в облике танцовщицы из Оперы, аллегорическая фигура *Раздора*, пришлось бы кстате лишь в аллегорической поэме, которой автор, кажется, первый готов посмеяться над своими выдумками и не имеет иных притязаний, кроме как позабавить читателей своих зрелищем блистательно преодоленных трудностей. Нет! вымыслы Древней Греции, как бы ни были они радостны и прекрасны, не могут принести успеха современной эпопее; они будут подобны тем убогим копиям прекрасных Праксителевых изваяний, что не вызывают ни восхищения знатоков, ни поклонения простецов. Но есть сверхъестественные действователи, коих существование узаконено нашей религией; к нашим услугам также предания и верования, осенявшие нашу колыбель и тем самым возымевшие над нашим воображением власть, которой не в силах при-

обрести вымыслы, почерпнутые из книг либо усвоенные на школьной скамье. Там-то и следует искать чудесное, подобающее современной поэзии. Если Мильтон знает лишь чудесное первого рода, Тасс, по счастью, прибегал также и ко второму, а *Ариост*, *Боярдо* и *Пульчи* почерпнули сюжеты и движители своих поэм в народных сказках *. Тот же род чудесного доставил успех английским и немецким поэтам наших дней, сочинителям романсов или лирических историй, которым шотландцы присвоили, весьма неточно, наименование баллад.

Г. Жуковский первым попытался ввести в русскую литературу этот вид *народной эпопеи*: усилия его увенчались самой блистательной победой. Сами противники признают, что баллады его содержат красоты первоклассные, более же всего замечательны из этих баллад те, коих сюжеты принадлежат самому автору. Баллада, названная *Двенадцать спящих дев*, более всех других удостоилась внимания и похвал людей со вкусом как благодаря занимательности действия, так и благодаря чарам и блеску стиля, исполненного мыслей, богатого образами и созвучиями, а главное, благодаря умелому обращению поэта с чудесным. Кто может вспомнить без восхищения миг, когда герой поэмы *Громобой*, имевший неосторожность заключить в молодые годы договор с одним из духов ада, а затем посвятивший целую жизнь раскаянию и покаянию, ждет решения своей участи и участи чад своих. Нарисовав великолепную картину ночного покоя и противопоставив ей смертные муки грешника, автор с беспримерным искусством приуготовливает тот миг, когда пред нами предстанут божества небесные и адские. Природа молчит, исполненная ужаса; кажется, она ждет чуда; внезапно воздух содрогается; с востока влечется нежный и скорый ветерок; издали доносится несказанно благозвучная музыка. В тот же миг отворяются двери храма и в сиянии является милосердный посланец небес, коему надлежит защитить *Громобоя* от духа тьмы и спасти от расплаты за преступ-

---

* Не стоит труда повторять здесь то, что было уже столько раз говорено, а именно, что изображенный этими поэтами Карл Великий принадлежит сказкам, а не истории. Карлу Великому подобен и наш великий Владимир, также выступающий в роли, так сказать, двойственной, и если когда-нибудь родится в России Ариост, он сможет прибегнуть разом и к чересчур немногословному рассказу Нестора и ко всем преданиям, которые связывает с именем Владимира народ.

ление. Впрочем, небесное правосудие еще не удовлетворено; *Громобой* должен понести наказание за величайший из всех своих грехов — готовность купить жизнь ценою жизни чад своих. Следственно, он осужден на временную муку, которая продлится столько столетий, сколько останутся погружены в сон дочери его. Сну положит конец юный рыцарь; посланный судьбой освободить *двенадцать спящих дев*, влюбленный в одну из них, никогда им не виданную, и руководствуемый их небесным покровителем, он должен выйти победителем из всех испытаний, устоять противу всех искушений и отвагой, невинностью и добродетелями своими вымолить у неба прощение *Громобоя* и пробуждение его дочерей.

Это искупление чужих грехов служит сюжетом новой баллады или, вернее, второй части поэмы г. Жуковского. Все поклонники словесности с нетерпением ожидали ее появления. На днях автор наконец выдал ее в свет, и мы вправе сказать, что публика не будет обманута в своих ожиданиях. Эта вторая часть даже превосходит первую как ведением сюжета, так и стилем; без сомнения, это превосходнейшее творение таланта, обретшего зрелость благодаря ходу времени и изучению великих образцов. Никогда еще Муза Жуковского не рождала ничего более очаровательного, нежели сцена *Вадима* и киевской княжны в пещере. Сон юного рыцаря, коему суждено освободить дочерей *Громобоя*, описание грозы, заставшей его в лесной чаще; бой, плавание по Днепру, таинственное обручение и другие отрывки, кои могли бы мы привести, способны выдержать сравнение со всеми самыми восхитительными и прославленными красотоми, какими могут похвастать другие поэмы в этом роде. Наконец, в великолепном эпилоге поэт показывает нам разверзтые небеса и дочерей *Громобоя*, блистающих у подножия мистического креста сверхъестественной красотой в окружении небесных духов, радующихся их спасению. Так оканчивается новая поэма г. Жуковского, которой, осмелимся сказать, недостает лишь исторических имен, более широкой рамы и более сложного действия, дабы сделаться подлинною эпопеею. Но и в нынешнем своем виде она лишний раз доказывает, что поле чудесного у современных народов отнюдь не истощено и что обряды нашей религии, христианские небеса и ад принадлежат поэзии, несмотря на презрение современных философов и авторитет Буало.

Обе части этой поэмы изданы вместе и образуют небольшой томик *in* — 12°, украшенный прелестной гравюрой; он продается у *Грефа* и *Сленина*. Цена за экземпляр на веленовой бумаге 6 рублей, на обычной бумаге — 5 рублей. Поэме предпослано вольное подражание некоторым стансам Гете *in ottave rime* *. Это еще одна счастливая попытка присвоить нашему стихосложению новый размер.

С. С. УВАРОВ. К. Н. БАТЮШКОВ

О ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ

Arcades ambo...

Virg.**

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Сию рукопись получили мы из Арзамаса следующим образом: за несколько лет пред сим жили там два приятеля, оба любящие страстно литературу. Во время, свободное от хозяйственных занятий, читали они вместе поэтов древних и новых и нередко старались им подражать для собственного наслаждения; не для публики, которая их не знала и о коей они не помышляли. По стечению обстоятельств были они принуждены прекратить дружеские беседы свои; один из них был избран в земские заседатели; другой поступил во внутреннюю стражу, и бумаги их остались на руках арзамасского трактирщика, от которого мы оные получили. В том числе находилась статья, которую мы решились напечатать. Она, конечно, не может удовлетворить совершенно справедливое требование знатоков: безделки двух беспечных провинциалов могут ли не оскорбить невольно утонченный вкус столицы? Впрочем, предаем мы их на общий суд без дальнейших объяснений; статья была подписана так: *Ст.....* и *А....* — *Davus sum non Oedipus* ***.

---

* октавами (*ит.*).

** Дети Аркадии оба... (*лат.*; *Вергилий*. Буколики, VII, 4).

*** Дав я, не Эдип (*лат.*; *Теренций*. Девушка с Андроса, акт I, сд. II).

В числе несметных сокровищ древней литературы, донныне у нас неприкосновенных, находится богатая руда греческой Антологии. Под именем Антологии разумеем мы собрание мелких стихотворений, включая в сие число надписи и лирические отрывки. Собрание сие содержит все эпохи греческой поэзии. Оно огромно: но кто бы не пожелал, чтобы оно было еще огромнее? Если все, что означает нравственное бытие народа, занимавшего первое место в мире, имеет право на наше любопытство, то Антология должна почитаться драгоценнейшим памятником. Посредством Антологии мы становимся современниками греков, мы разделяем их страсти, мы открываем даже следы тех быстрых, мгновенных впечатлений, которые, как следы в развалинах Геркуланума, заставляют нас забывать, что две тысячи лет отделяют нас от древних. Посредством Антологии участвуем в празднествах, в играх, следуем за гражданами на площадь, в театр, во внутренность домов: одним словом, мы с ними дышим, живем. Самая глубокая ученость едва ли может составить из остатков Греции слабое изображение гражданской жизни древних. Здесь открывается нам богатая и блистательная картина, представляющая в цвете жизни, в полной юности сей чудесный народ, которого благотворная природа наделила всеми совершенствами ума, всеми прелестями красоты и вкуса.

Не мы одни, русские, мало занимались Антолигиею. В Германии, в сей колыбели филологии, прежде Гердера никто не помышлял о красотах и достоинстве оной. Здравая критика возникла не более пятидесяти лет и только с сего времени сделалась любимым предметом лучших немецких филологов. Французские литераторы и ученые, — выключая немногих, — оставили Антологию почти без внимания. Мы знаем несколько подражаний Вольтера (мастерски переведенных Дмитриевым); но вообще сей изобильный источник поэзии и поныне в неизвестности или в небрежении. Виною сего, полагаю, великое затруднение в самом чтении Антологии. Она требует необыкновенного знания греческого языка. Разнообразие диалектов, гибкость в выражениях и оборотах — и самая неисправность печатного текста — препятствовали узнать в совершенстве сие прекрасное произведение. Поэты, желавшие подражать красотам Антологии, чувствовали, сколь опасна борьба с греками (пере-

водить ее в прозе и помышлять не должно!). Французы, лишенные ритмической просодии, должны были довольствоваться подражанием. Немцы старались всеми силами перенести в язык свой метрические формы древних: переводы Гердера и Якобса верны, но может быть, не довольно гибки, не довольно игривы. Желая познакомить читателей наших с Антологиею, предлагаем здесь перевод некоторых эпиграмм; перевод вольный, но, по мнению нашему, напоминающий подлинник.

Надобно объяснить с точностию то, что греки понимали под словом *эпиграмма*. Мы называем эпиграммою краткие стихи сатирического содержания, кончающиеся острым словом, укоризною или шуткою. Древние давали сему слову другое значение. У них каждая небольшая пьеса, размером элегическим писанная (то есть гекзаметром и пентаметром), называлась эпиграммою. Ей все служит предметом: она то поучает, то шутит и почти всегда дышит любовью. Часто она не что иное, как мгновенная мысль или быстрое чувство, рожденное красотами природы или памятниками художества. Иногда греческая эпиграмма полна и совершенна, иногда небрежна и не кончена... как звук, вдали исчезающий. Она почти никогда не заключается разительною, острою мыслию, и чем древнее, тем проще. Этот род поэзии украшал и пиры и гробницы. Напоминая о ничтожности мимолетной жизни, эпиграмма твердила: «Смертный, лови миг улетающий!» Резвилась с Лайсою и, улыбаясь кротко и незлобно, слегка уязвляла невежество и глупость. Истинный Протей, она принимает все виды, и когда мы к ее пленительной живости прибавим неизъяснимую прелесть совершеннейшего языка в мире, языка, обработанного превосходнейшими писателями, тогда только можем иметь понятие ясное и точное, с каким восхищением, с какою радостью любитель древности перечитывает греческую Антологию.

Но дабы почувствовать в полной мере сии красоты нежные, тонкие и, так сказать, убегающие, необходимо нужно знать не только язык греческий, но должно вникнуть глубоко в самый гений сего народа, единственного во всех отношениях. Сие сочетание ума и воображения, столь гибкого и богатого, с природою юга, столь роскошною и изобильною, должно обратить на себя все внимание наше.

Поэзия древних объясняется небом, землею и морем Италии и Греции. Мы, жители севера, посредством силь-

ного напряжения ума, а не быстрого чувства постигаем те пламенные впечатления, которые природа производит на юге... И можем ли мы вполне постигнуть сие благоговение к солнцу, сие страстное желание прохлады, свежести, ночи? сие сожаление о летах юности, в земле столь счастливой, сию любовь к наслаждениям, сие искреннее восхищение при виде красоты; сие чувство, коим греки одарили и цветы, и растения; одним словом, сие дивное согласие между всеми существами мира, от коего и бездушная природа приемлет движение и жизнь? Древние ограничивались внешними, окружающими их предметами и пренебрегали вносить светильник опыта в мрачную глубину души человеческой: все призывало их ко внешним предметам природы благодетельной. Нас, напротив того, все отталкивает от них, все принуждает обращать внимание на самих себя. Для древних жизнь была *все*: для нас самая жизнь есть только переход к другому, совершеннейшему бытию. Они устремляли неизмеримую силу своего гения на кратковременное поприще настоящего: нас, может быть против воли, сердце увлекает в невидимый, но известный край, где *другое солнце, другое небо* нас ожидают. Поэзия древних, при возвышенном своем полете, не могла выступить за пределы их гражданской жизни. В новейших временах все, что носит печать поэзии, принадлежит к такому высокому порядку вещей, что самая поэзия парит и теряется в области бесконечного.

Сие отступление от главного предмета не совсем бесполезно, ибо необходимо нужно объяснить прежде всего, чем именно поэзия древних различествует от нашей. Кто не имеет ясного понятия о сем различии, тот не должен мечтать, что имеет ключ к сокровищам словесности древних. В особенности Антология потеряет всю свою цену, если мы не станем смотреть на нее глазами древних. Чем вернее и ближе она изображает все подробности их нравственного бытия, тем более она требует верного и опытного взгляда. Если история народа не ограничивается повествованием о войнах или родословною владельцев; если народный дух, обычаи, нравы составляют драгоценнейшую часть исторических преданий, то можно смело сказать, что без Антологии и Аристофана мы не знали бы греков, и многое у них осталось бы вечною загадкой.

Упомянув здесь об Аристофане, почитаю нужным представить мои мысли: почему древние так часто нару-

шали законы благопристойности и оскорбляли стыдливый слух? Давно уже почитают Аристофана самым необузданным стихотворцем. Он, конечно, заслужил сие нареkanie; но суждение это не должно быть ограничено и резко. Точное понятие о комике аттическом прольет некоторый свет на самую Антологию. Заметим одну странность: греки писали не для женщин, но были скромнее в мыслях и выражениях, чем новейшие писатели, коих творения читаются и тем и другим полом. Я не хочу утверждать, чтобы несколько эпиграмм в Антологии и большая часть комедий Аристофановых не отличались необузданною свободою; но нагота в Антологии, особливо в Аристофане, походит на наготу греческих статуй: она не возбуждает чувства. Привычка называть все вещи, все предметы настоящим и естественным их именем притупляет воображение. Сия грубость может даже соединиться с некоторым простодушием, совершенно противным нашему искусству выражать все полусловами и развращать сердце, не оскорбляя слуха и вкуса. В Аристофане мы видим беспечную наготу дикаря; мы видим Отайти,

Où l'amour sans pudeur n'est pas sans innocence! *

Слишком утонченное просвещение и грубое первоначальное невежество диких часто походят друг на друга и почти равны относительно к законам строгой нравственности. Но кто не коротко знаком с греками, тот, конечно, с удивлением заметит, что они посреди самых отвратительных заблуждений чувственности сохранили весь свой аттицизм, и, если смею сказать, всю свою *graciu*. Нельзя и думать без удивления, что постыдный порок — которому дали они свое имя — не только не внушал им слов грубых, но внушал самые нежные и красивые выражения. Короче: сладострастная поэзия греков походит на нашу, как пламенные наслаждения Атлета на прихоти изнеможенного сибарита.

Следующий отрывок из Гераклида Понтийского показывает нам в нравах афинян самое странное сочетание силы и слабости, роскоши, любви к наслаждениям и твердости духа. Вопреки общему мнению, поставляющему бедность, строгость нравов и умеренность основанием каждого республиканского правления, Гераклид приписывает роскоши и сладострастию афинян их могу-

---

* Где любовь невинна, хотя и не знает стыдливости! (*фр.*)

щество и храбрость. «Цари и владельцы, — говорит он, — располагающие всеми благами жизни и узнавшие их по собственному опыту, предпочитают роскошь: ибо ею возвышается дух. Предающиеся неге и сладострастию всегда великодушны и великолепны; так, например, персы и меды. Более всего они любят утех и суть храбрейшие из варваров. Наслаждаться и жить роскошно — вот удел свободных! ибо наслаждение дает уму ясность и благородство. Трудиться должны одни рабы: оттого и способности душевные стесняются в них природою. Афины, утопая в сладострастии, процветали и производили мужей великих. Под длинными пурпуровыми мантиями, в позлащенных и пестрых одеждах афиняне являлись на площади. Они связывали волосы свои на теме и украшали их золотыми цикадами. Рабы носили складные креслы, чтобы господа их не были принуждены отдыхать на жестком месте. Вот каковы были победители при Маратоне и рушители всех сил Азии!»

Можно не согласиться с теориею Гераклида; но признаться должно, что сей отрывок драгоценен в отношении к жизни греков, которая нам еще до сих пор не совершенно известна. Герои Маратона — изнеженные и роскошные! — Какая странность! — Размышляя о свойстве греков, мы всегда поражаемся неожиданными противоположностями. Чтоб узнать их характер, надобно долго наблюдать за ними: надобно учиться истории их, не столько в дееписателях, сколько в поэтах.

История Антологии известна. Ученые знают Мелеагра Сирийского, Константина Кефаласа и монаха Плануда. Между новейшими критиками никто не трудился над нею столь прилежно, как г. Якобс в Готе. Он издал лучшие донные комментарии с новым изданием «Аналектов» Брунка и, сверх того, напечатал верный список с так называемой Палатинской рукописи, из Гейдельберга в Рим, из Рима в Париж, а теперь из Парижа обратно в Гейдельберг перенесенной. Печатные издания Антологии многочисленны: первое явилось во Флоренции в 1494 году. Расположение эпиграмм в сих изданиях неодинаково. Приводя их, я стану держаться порядка «Аналектов» Брунка; ибо сие издание более известно любителям словесности.

Произведениями Мелеагра Гадарского открывается Антология. Он имеет право на сие преимущество как поэт и первый ее собиратель. Мелеагр жил во время последнего из рода Селевкидов, вступившего на престол

в 3-й год 170-й Олимпиады. В его стихах единогласно находят чистоту, красоту и смелость в выражениях, редкую чувствительность и воображение пылкое. Вот каким образом оплакивает он смерть любовницы:

В обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слез,
И вопль отчаянья над холодной могилой,
И горсть, как ты, минутных роз.
Ах! тщетно все! Из вечной сени
Ничем не призовем твоей прискорбной тени;
Добычу не отдаст завистливый Аид.
Здесь онемение; все холодно, все молчит;
Надгробный факел мой лишь мраки освещает...
Что, что вы сделали, властители небес?
Скажите, что краса так рано погибает?
Но ты, о мать-земля! с сей данью горьких слез
Прими почившую, поблеклый цвет весенний,
Прими и успокой в гостеприимной сени!

Эта эпиграмма Мелеагра написана в строгом и чистом вкусе древности: или оттого, что поэт с намерением следовал примеру древних, или потому, что язык истинного чувства сам собою принимает вид простоты непритворной. В поэзии древних голос сердечной чувствительности поражает нас, как унылый звук посреди игривой и очаровательной музыки. Но у них любовь чаще, нежели думают, находит язык глубокой страсти и пленительной нежности. Приведем в пример эпиграмму Асклепиада Самосского, современника Теокрита, но о котором мы более ничего не знаем.

Свидетели любви и горести моей,
О розы юные, слезами омочены!
Красуйтесь в венках над хижиной смиренной,
Где милая таится от очей.
Помедлите, венки! еще не увядайте!
Но если явится: пролейте на нее
Все благовоние свое
И локоны ее слезами напитайте;
Пусть остановится в раздумье и вздохнет.
А вы, цветы, благоухайте
И милой локоны слезами напитайте!

Вот одна из прелестнейших эпиграмм во всей Антологии! Ничто не может сравниться с очаровательными стихами подлинника. Повторим еще сказанное нами. Греки никогда не старались заострить конец эпиграммы. Все предметы художеств, все явления природы, все случаи гражданской жизни могли служить поводом к надпи-

си. Иногда находим в Антологии картину без фигур (tableau de genre), где поэт, как живописец, изображает некоторые мелкие подробности: но изображает их мастерскою кистию. Приведем для примера эпиграмму Гедила. Поэт входит в великолепный чертог, видит остатки пиршества, осушенные чаши, догорающие светильники, разбросанную одежду и цветы; повсюду следы веселия и роскоши; кругом глубокое молчание...

Свершилось: Никагор и пламенный Эрот
За чашей Вакховой Аглаю победили...
О радость! Здесь они сей пояс разрешили,
Стыдливости девической оплот.
Вы видите: кругом рассеяны небрежно
Одежды пышные надменной красоты;
Покровы легкие из дымки белоснежной,
И обувь стройная, и свежие цветы:
Здесь все развалины роскошного убора,
Свидетеля любви и счастья Никагора!

Гедилова жизнь малоизвестна. Знаем только, что он жил в царствование Птолемея Филадельфа; древние полагали, что он родился в Афинах или в Самосе. Собиратели Антологии не заботились оставить нам биографических сведений о стихотворцах, полагая, конечно, что жизнь поэта вся в стихах его. Так, например, находим мы в Антологии несколько Антипатеров и не можем отличить одного от другого. Нельзя даже отделить того, что принадлежит Антипатеру Сидонскому, от того, что писал Антипатер Фессалонийский. Под именем первого находится прелестная надпись, которую Якобс называет *suave carmen* *.

ЯВОР К ПРОХОЖЕМУ

Смотрите, виноград кругом меня как вьется!
Как любит мой полуистлевший пень!
Я некогда ему давал отрадну тень;
Завял: но виноград со мной не растается.
Зевеса умоли,
Прохожий, если ты для дружества способен,
Чтоб друг твой моему был некогда подобен
И пепел твой любил, оставшись на земли.

Другая надпись того же Антипатера заслуживает здесь место по необыкновенному великолепию и живости красок. Она написана на разорение Коринфа консулом

---

* сладостная песнь (лат.).

Муммием (от основания Рима в 609 году). Поэт предполагает, что Нереиды, дочери Океана, сетуя на развалинах величественного Коринфа, поют:

Где слава, где краса, источник зол твоих?
Где стогны шумные и граждане счастливы?
Где зданья пышные и храмы горделивы,
Мусия, золото, сияющие в них?
Увы! погиб навек, Коринф столповенчаный!
И самый пепел твой развеян по полям.
Все пусто: мы одни взываем здесь к богам,
И стонет Алкион один в дали туманной!

У древних божества морские имели свойство мягко-сердечия и сострадательности. В трагедии Эсхиловой Океаниды утешают Прометея, прикованного к вершине Кавказа. Любители поэзии, читая сей отрывок, вспомнят плач Пророка на развалинах опустошенного Тира; они вспомнят также, что по разорении Коринфа Муммий нашел отрока, который сказал ему несколько стихов из Омера. Смысл сих стихов был: блажен тот, кто в могиле!

В последнем стихе эпиграммы Антипатеровой сказано: *σὼν ἄγερον ἄλκιονες*, что в буквальном переводе значит: *мы (Нереиды) Алкионы твоей горести*. Трудно было сохранить такое выражение, и самая мысль, кажется мне, далека от природы. Знаю, как опасно подчинять строгим и мелким правилам нашего вкуса совершенную свободу древних; но в этом случае отступление позволительно. Сетующий Алкион (в естественном смысле) кажется нам трогательнее холодной метафоры. Вид моря, берег, загроможденный развалинами, бывшими некогда Коринфом (*et campus ubi Troja fuit*) *, мертвое молчание, изредка прерываемое стенанием Алкиона: вся сия картина более трогает, более поражает, нежели метафора неожиданная и, повторю еще, холодная.

Имена сочинителей большей части эпиграмм совершенно неизвестны, и к сим безыменным принадлежит эпитафии, надписи, стихи на случаи исторические и проч. Некоторые имеют вид разговора; в слоге их легкость, краткость и быстрота неподражаемая! Вот одна из оных. Разговор, на улице, молодого человека с девушкою не строгих правил:

Куда, красавица? — За делом, не узнаешь! —
Могу ль надеяться? — Чего? — Ты понимаешь. —
Не время. — Но взгляни: вот золото, считай. —
Не боле? Шутить! Так прощай!

---

* И поля, где Троя стояла (*лат.*).

Я с намерением оставил для заключения сей статьи одного из новейших и, может быть, из лучших стихотворцев Антологии — Павла Силенциария. Полагают, что он жил в седьмом веке по Р. Х. Византийские историки пишут, что он происходил из богатого и знатного рода. Стихи его свидетельствуют, что он имел редкое дарование, пламенное воображение, глубокую чувствительность и был напитан чтением древних писателей. Любопытно отличать в его стихах древние мысли от новейших. Павел, рожденный и воспитанный в христианстве, должен был сохранить в душе своей неизгладимую печать религии; но поэзия его более принадлежит к роду поэзии древних; все их формы строго соблюдены. Иногда вам кажется, что Павел есть современник Мимнерма; но вдруг черта, совершенно неожиданная, открывает в нем более сходства с нежным Петrarком, нежели с пламенною Сафою. Вот его первая эпиграмма:

Сокроем навсегда от зависти людей
Восторги пылкие и страсти упоенье:
Как сладок поцелуй в безмолвии ночей,
Как сладко тайное любви наслажденье!

Пятая эпиграмма Павлова представляет картину, полную жизни и движения, и имеет форму почти драматическую.

В Лайсе нравится улыбка на устах,
Ее пленительны для сердца разговоры,
Но мне милей ее потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очах.
Я в сумерки, вчера, одушевленный страстью,
У ног ее любви все клятвы повторял
И с поцелуем к сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекал.
Я таял, и Лайса млела...
Но вдруг уныла, побледнела,
И слезы градом из очей!
Смущенный, я прижал ее к груди моей;
Что сделалось, скажи, что сделалось с тобою? —
Спокойся, ничего, бессмертными клянусь;
Я мыслию была встревожена одною:
Вы все обманчивы, и я... тебя страшусь.

В этих стихах узнаем мы нравы народа, привыкшего возвышать цену наслаждений искусным смешением впечатлений противоположных. Греки давали иногда наслаждению томный вид меланхолии; статую Смерти они нередко ставили посреди пиршеств и чаш веселия.

Следующая эпиграмма исполнена живости и жара.
Поэт обращается к постарелой красавице:

Тебе ль оплакивать утрату юных дней?
Ты в красоте не изменилась
И для любви моей
От времени еще прелестнее явилась.
Твой друг не дорожит неопытной красой,
Не зрелой в таинствах любовного искусства.
Без жизни взор ее стыдливый и немой
И робкий поцелуй без чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и в мертвый камень;
И в осень дней твоих не погасает пламень,
Текущий с жизнью в крови.

Мы принуждены были смягчить и, может быть, ослабили некоторые выражения: впрочем, перевод довольно верен.

В одной из своих надписей поэт мастерски изображает грусть преждевременной старости: печальный плод нескромного наслаждения жизни и страстей огненных.

Увы! глаза потухшие в слезах,
Ланиты впалые от долгого страданья
Родят в тебе не чувство состраданья,
Жестокою улыбку на устах...
Вот горькие плоды любви страстной,
Плоды ужасные мучений без отрад,
Плоды любви, достойные наград,
Не участи, для сердца столь ужасной...
Увы! как молния внезапная небес,
В нас страсти жизнь младую пожирают
И в жертву безотрадных слез,
Коварные, навеки покидают.
Но ты, прелестная, которой мне любовь
Всего, и юности, и счастья, дороже,
Склонись, жестокая, и я... воскресну вновь
Как был или еще бодрее и моложе!

Чтобы познакомить совершенно читателя с нашим поэтом, избрали мы эпиграмму, которой мысли и оборот напоминают французские мадригалы:

Улыбка страстная и взор красноречивый,
В которых вся душа как в зеркале видна,
Сокровища мои... она
Жестоким Аргусом со мной разлучена!
Но очи страсти прозорливы.
Ревнивец злой, страшись любви очей!
Любовь мне таинство быть счастливым открыла,
Любовь мне скажет путь к красавице моей:
Любовь тебя читать в сердцах не научила.

Заключу сии выписки эпиграммою, которую считаю лучшим произведением Павла. Она достойна примечания и потому, что носит печать времени новейших. Не Петрарка ли слышим? Не его ли страстные и одушевленные звуки; не та ли самая живость в оборотах, которая пленяет нас в красноречивом любовнике Лауры?..

Изнемогает жизнь в груди моей остылой.
Конец борению; увя! всему конец.
Киприда и Эрот, мучители сердец!
Услышьте голос мой последний и унылой.

Я вяну и еще мучения терплю;
Полмертвый, но сгораю.

Я вяну; но еще так пламенно люблю
И без надежды умираю!

Так, жертву обхватив кругом,
На алтаре огонь бледнеет, умирает
И, вспыхнув ярче пред концом,
На пепле погасает.

ПРИБАВЛЕНИЕ

Желая облегчить труд поэта, обогащающего нашу словесность сими прелестными произведениями греческой поэзии, сотрудник его в одно время переводил те же самые пиесы на французский язык. Эти стихи были написаны не для Парижа, равно как и русские не для Петербурга. Мы решились их напечатать потому только, что они не могут ни придать, ни отнять славы у писателей, с славою незнакомых и совершенно неизвестных на поприще нашей литературы. Дружеское соревнование, удовольствие сличать силы двух или трех языков, учиться их механизму, наслаждаться их красотами, — вот цель и возмездие сих опытов. Вольтер твердил часто:

Faites tous vos vers à Paris
Et n'allez pas en Allemagne *.

Что сказал бы насмешливый старик при чтении стихов французских, написанных в *Арзамасе*?

---

* Сочиняйте все ваши стихи в Париже и не ездите в Германию (*фр.*).

(Méléagre. Br. Anall. CIX. T. I, pag. 30)

Dans le séjour des morts reçois ma triste offrande,
Ces soupirs douloureux, ces regrets superflus,
Ces pleurs cruels, amers, que le tombeau demande,
De tendresse et de l'amour doux et derniers tributs;
L'Erèbe ne rend plus ton ombre gémissante,
Tout est sourd à mes cris en ces lieux pleins d'horreur.
Qu'avez-vous fait, grands dieux, de cette fleur charmante?
La poussière a flétri son éclat enchanteur:
Déesse vénérable, ô Terre bienfaisante,
Dans ton sein maternel reçois-la sans douleur.

II

(Asclepiade. Br. Anall. IV. T. I, pag. 24)

Sur le seuil de Phryne je suspends ces guilandes:
Festons que j'ai tressés, que j'arrosai de pleurs,
Soyez de mon amour l'emblème et les offrandes,
Versez autour de vous vos suaves odeurs;
Mais si Phryné paraît, repandez sur sa tête
Ces pleurs, témoins discrets de mes longues douleurs.
Qu'un spectacle si doux la surprenne et l'arrête;
Fleurs, versez vos parfums, et faites en ce jour
Boire à ses blonds cheveux les larmes de l'amour.

III

(Hedyle. Br. Anall. I. T. I, pag. 483)

Le vin, les doux propos, l'amour et Nicogore
Ont vaincu d'Aglaé la crainte et les refus.
O vous, dont sa beauté s'embellissait encore,
Je vous vois en désordre, épars et confondus,
Vêtemens somptueux, frais et légers tissus,
Fleurs qui pariez sa tête, élégante chaussure,
Voile délicieux par l'amour inventé,
Ornemens d'Aglaé, débris de sa parure,
Témoins du doux sommeil et de la volupté.

IV

Le platane sec au voyageur

(Antipater. Br. Anall. XXXVII. T. II, pag. 16)

De mon tronc desséché cette vigne sauvage
 Est encor la grâce et l'appui;
 A ses fruits savoureux j'ai donné mon ombrage,
 Je l'aimais autrefois, elle m'aime aujourd'hui.
 Si ton coeur est sensible et tendre,
 Demande aux dieux, ô voyageur,
 De trouver ici bas un ami dont le coeur
 Appartienne encor à ta cendre.

V

Chant des néreïdes sur les ruines de Corinthe

(Antipater. Br. Anall. L. T. II, pag. 20)

Où sont ta grandeur et ta beauté fatale,
 Ta couronne de tours, tes temples, tes trésors,
 Tes superbes palais, ta pompe orientale,
 Et ces flots d'habitants répandus sur tes bords?
 La guerre a tout détruit, malheureuse Corinthe,
 Tout, jusqu'à tes débris; nous seules en ces lieux,
 Filles de l'Océan, nous implorons les dieux,
 Et le triste alcyon redit au loin sa plainte.

VI

(Anonyme. Br. Anall. LXV. T. III, pag. 163)

— Bonjour, la belle enfant, où vas-tu? — Que t'importe?
 — Pourrait-on espérer? — Qu'est-ce? — Une nuit. — Le lieu?
 — Chez toi. — Mais les présents? — Voici ce que j'apporte,
 C'est de l'or... tiens! — Ceci? tu plaisantes, adieu...

VII

(Paul le Silentiaire. Br. Anall. I. T. III, pag. 71)

Cachons à tous les yeux les combats de Cypris,
 Nos baisers, nos transports, ta feinte résistance;
 Il est doux de jouir dans l'ombre et le silence,
 Et les plaisirs cachés n'en ont que plus de prix.

VIII

(Le même. Br. Anall. V. T. III, pag. 72)

Le sourir de Laïs sans doute est plein de charmes;
Mais son regard baissé, ses yeux noyés de larmes,
Ont un attrait cent fois plus doux.
Hier tandis qu'à ses genoux
Je lui peignais l'excès de ma vive tendresse,
Tout à coup, au sein de l'ivresse,
Un long ruisseau de pleurs s'échappe de ses yeux;
Je la prends dans mes bras, je l'embrasse, la presse,
Je la prie en pleurant, j'interpelle les dieux:
«Parle, ô mon tendre amour!..— Eh bien, me repond —
t-elle,
Apprends le motif de mes pleurs,
Je tremble que l'amour ne te rende infidelle,
Vous êtes tous volages et trompeurs».

IX

(Le même. Br. Anall. VIII. T. III, pag. 73)

Pourrais-tu regretter l'inconstante jeunesse?
Tes traits n'ont rien perdu de leur vive beauté.
Crois-tu, mon aimable maîtresse,
Le temps, qui détruit tout, a pourtant respecté
Et tes appas et notre ivresse;
Une beauté novice est moins faite aux amours,
Son ardeur incertaine use de cent détours
Dont ne se sert jamais la nôtre;
Mais habile à jouir, savante en volupté,
Ton automne vaut mieux que le printemps d'une autre,
Ton hiver a des feux que n'a pas son été.

X

(Le même. Br. Anall. X. T. III, pag. 74)

Mes cheveux gris, mes yeux mouillés de larmes,
Ont excité ton sourire moqueur,
Ce sont les fruits de mes tendres alarmes,
De mes soucis mêlés de mille charmes,
Et des plaisirs qui consumaient mon coeur.
Mon front ridé, ma démarche incertaine,
Tout m'avertit de ma trop longue erreur;

Comme l'éclair de la flamme inhumaine
En dévorant s'enfuit l'âge trompeur;
Les noirs regrets succèdent à l'ivresse;
O toi, qu'Amour doua de mille attraits,
Donne à mes vœux le prix de la tendresse,
Et sur mon front, dans mon cœur, dans mes traits,
Avec l'amour renaîtra la jeunesse.

XI

(Le même. Br. Anall. XXI. T. III, pag. 77)

Hélas! ces doux propos, ces souris enchanteurs,
Ces regards éloquens où l'âme se déploie,
Des jaloux déchainés sont devenus la proie;
Il faut leur cacher tout, tout jusqu'à nos douleurs.
Toi, qu'un ennemi plaça près de ma belle,
Afferux Argus, je brave tes fureurs!
Nous saurons te cacher notre ardeur mutuelle,
L'amour ne t'apprit pas à lire dans les cœurs.

XII

(Le même. Br. Anall. XVIII. T. III, pag. 77)

La flamme de l'amour dans mon cœur est éteinte;
J'ai cessé de lutter, ô Vénus, mais je meurs,
Je meurs en t'adressant une inutile plainte,
Car du cruel Amour je ressens les fureurs;
Il se rit de mes maux, il insulte à mes peines,
Il coule avec mon sang, il brûle dans mes veines;
C'en est fait, je succombe! O regrets! ô douleurs!
En consumant l'offrande, ainsi la flamme avide
Diminue et pâlit, puis sur l'autel sacré
Se ranimant soudain, jette un éclat perfide,
Et s'éteint sans effort quand tout est dévoré.

Сверх сего, нашли мы еще на обверточном листе издаваемой нами рукописи следующую надгробную надпись, с греческого переведенную:

С отвагой на челе и с пламенем в крови
Я плыл — но с бурей вдруг предстала смерть ужасна:
О юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
Верьйся челноку! Плыви!

МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ

В. Л. ПУШКИН

МЫСЛИ И ХАРАКТЕРЫ

Желать невозможного есть совершенное несчастье.

Излишняя недоверчивость к людям сушит сердце.

Хвалить всех без разбора не хорошо; никого не хвалить — и того хуже.

Счастлив тот, кто любит несчастных!

Кто мечтает о дружбе, тот уже достоин иметь друга.

Богачи по большой части имеют чугунные головы и железные сердца.

Не проси *многого*, получишь *малое*.

Красноречие есть прекраснейший дар Неба. Блажен тот, кто употребляет его в пользу добродетели!

Многие любят спорить и забывают, что нередко спор бывает предшественником брани и что брань рождает злобу.

Ликаст — человек странный: он имеет порядочное состояние и им не пользуется. Он проживает все свои доходы на разъездах. Первое его удовольствие таскаться из дома в дом и быть, так сказать, на посылках у каждого. Графиня П... занемогла — он скачет за доктором. Князь Б... дает бал — он всем развозит карты. Генерал С. ищет красного сукна на мундир — он ему привозит образчики из разных магазинов. Ликаст — везде и ни-

где. Ему недосуг есть, ему некогда спать. Он часто оставляет свой обед, чтоб скакать за устрицами для какого-нибудь вельможи. Славный Роде приехал в Москву и дает концерт. Не беспокойся о билете. Ты просыпаешься, и Ликаст с торжественным лицом тебе подает его. Ты можешь даже не отдавать ему денег. Он и тем доволен, что билет в концерт ты получил от него, а не от кого другого. Ликаст добр, услужлив, — не спорю, но быть Ликастом и мучеником одно и то же.

Аглая — женщина самая несчастная. Безделица ее терзает и приводит в отчаяние. Собачка переломила ногу, она обливается слезами, не спит ночами, сердится на мужа, бранит детей, доктора, служанок. Никто ей угодить не может. Всякое слово, всякое рассуждение для нее досадно. Она была на бале. Княгиня Д... получила из Петербурга новую шляпу. Аглая возвращается домой в мигрени, в спазмах. На другой день окна ее спальни закрыты. Доктор сидит в головах, и никто пошевелиться не смеет. Муж ее запирается в кабинете и читает «Московские Ведомости». Дети сидят с гувернером на антресолях. Везде плохо, везде глубокое молчание. Веселый дом превратился в тюрьму. И от чего? От новомодной шляпки.

Все сказано, — говорит Ла-Брюйер, и он прав; но для иных и сказанное повторить бесполезно.

Колкое слово врезывается в сердце.

Карты не только убивают разговор, но — время, здоровье, кошелек.

Я читал, не помню, в какой-то книге, что в пожилых летах жизнь наша делается важною: мы тогда приближаемся к вечности, то есть к величайшему благу.

Многие складно говорят о сущих безделицах, а иные хорошо думают и дурно изъясняются.

Дамон сидит в глубоком размышлении. Не думаете ли вы, что он занимается политическими происшествиями или домашними делами? Нимало. Он едет на игру и рассчитывает, сколько тот вечер ему принесет денег. Вчера ему рутировала двойка, третьего дня — туз, се-

годня он ожидает большой фортуны от дамы. Не говорите с Дамоном ни о чем. Он вам отвечать не будет: он вечно молчит и вечно играет. Многие неопытные юноши сделались от него нищими, он о том не заботится. Он живет с женою в одном доме и по целым месяцам ее не видит. Дети его без платья, без обуви, без учителей — ему нужды нет. Карты и деньги, деньги и карты — вот вся его жизнь, весь его ум и все его упражнения.

Арист знает латинский язык и Горация наизусть, но он не знает жить. Он занимается физикою и натуральною историею и не занимается общежитием. Разговор его сух, груб и скучен до крайности. Знатная дама идет за стол, он ее опереживает и садится на ее место. Официант разносит шампанское, Арист кричит: «Поддай сюда!», берет рюмку, обливает своего соседа и не извиняется. Он сидит повеся нос или хохочет некстати. Говорят о политике, и чудаку удивляется, что Наполеон живет на острове Св. Елены. Он не слыхал ни о каких происшествиях. Во все время знаменитых войн Арист занимался собранием мошек и дурным переводом Марциала. Хорошо Аристу, что Марциал не живет в наше время!

Дельфина, богатая молодая вдова, никогда не выезжала из России и вечно вздыхает о чужих краях. Она здесь ничем не довольна. Климат для нее несносен, общества скучны. Всякого иностранца она принимает с восхищением. Он не русский, и этого довольно. Она находит в нем ум, любезность и все достоинства. Приезжает в Москву шевалье де N..., чрез неделю он делается ее другом и знает все ее семейственные тайны. «Как он мил! — говорит Дельфина. — Какая ловкость в обхождении! Какие правила! Видно, что он воспитан в Париже, а не с урангутангами». Шевалье де N. все это слышит и торжествует, но торжество его продолжается недолго. Полиция открывает, что он не что иное, как бродяга, и за разные бездельничества его выгоняют из России. Дельфина от стыда запирается дома, но в уединении своем не престаёт горевать и плакать о том, что она не французенка.

Некоторые рассуждают о словесности, о русском языке и вооружаются против галлицизмов, а сами пишут себе вместо *себѣ*, *невжда* вместо *невѣжда* и утверж-

дают, что *философия* есть *галлицизм*, то есть *французское слово*.

Наша Поэзия обязана Ломоносову многим, и это неоспоримо; но мне кажется, что талант Державина превосходнее. В стихах последнего находится все: Поэзия, Философия и Мораль.

Сумароков писал с большою легкостью... слабые стихи.

Баллады Жуковского — настоящие поэмы; некоторые поэмы хуже простонародных песен.

В сочинениях Карамзина не только приметны отличные его дарования, но и прекрасная его душа; зоицы преобразователя русского слога ни тем, ни другим похвастаться не могут.

Я читаю басни Крылова с большим удовольствием, а желаю подражать Дмитриеву.

Хороший слог не безделица. «Между Прадоном и мною, — говаривал Расин, — есть одна разница: я умею писать».

Слог иных писателей никогда не стареется, но вечно остается в пеленах.

Клеон пишет трагедии, комедии, поэмы, сатиры, *водевилли*. В некоторых обществах его венчают лавровыми венками, равняют с Молиером и Дебрео, удивляются его дарованиям, превозносят его ум — одним словом, почитают его гением нашего времени. Этот гений не что иное, как наглый и безграмотный писатель, не учившийся ничему, не знающий начальных правил грамматики, и который сочиняет плоские и водяные стихи единственно по слуху и напад.

Алцест все знает, обо всем спорит и не дает никому выговорить слова. Кабинеты всех европейских держав ему открыты, он со всеми ведет переписку и всякой почты ожидает нетерпеливо. Жаль только того, что вести его почти всегда ложные. Он жаловал князя Н... в генерал-губернаторы, а напротив того, князь Н... отставлен,

и велено ему выехать из столицы. Он утверждал, что скоро загорится война в Европе, и в тот самый день приезжает курьер с объявлением о мире. Вчера, в доме Алины, он объявил, что княжна Л..... больна и без всякой надежды. «Ко мне пишут, — говорил он с печальным видом, — что отец и мать в отчаянии. *Крайтон* отказался, и я почти уверен, что милой княжны нет на свете». Все соболезнуют и ужасаются. Алина, двоюродная сестра княжны Л....., падает в обморок. Алцест звонит в колокольчик, бросается в другую комнату, приносит спирт, в смятении разбивает фарфор, зеркало, роняет стулья и столы. Во всем доме страшная тревога и уныние. Вдруг входит почталион и приносит письмо из Петербурга. Княжна Л... уведомляет, что она пожалована в фрейлины и что накануне того дня ее помолвили за графа Д....., известного умом своим и любезностью.

Элиза оставляет веселые общества, не ездит на балы, не следует моде, сидит дома и рассуждает о суетах мира. Сестра ее играет на арфе, она затыкает уши. Всякая забава для нее не что иное, как сети диавола. Элиза была жива, весела, любезна. Все переменялось. Она сделалась печальною, робкою, скучною. Она всякий день у обедни, и где же? У иезуитов. Иезуиты причиною такой удивительной перемены. Воспитанная в православной вере греческой, она, вопреки рассудку, переменяет свой закон и предается иезуитам. Она любила своего мужа и ныне видит в нем еретика, достойного проклятия. Дети ее не смеют к ней приласкаться: она их отталкивает со слезами и тогда только покойна, когда их не видит. Вот ужасные следствия пагубного воспитания! Элиза никогда не читывала русских книг, никогда не беседовала с учителями церкви нашей. Хитрые иезуиты вкрались в ее сердце и счастливое семейство превратили в несчастнейшее.

«Я люблю, — сказал мне однажды подагрик Хризипп, — я истинно люблю умных молодых людей». Любезность и таланты сближают все возрасты и все состояния. Сколько стариков, которые умом моложе пятнадцатилетних мальчиков!

Молчание всегда полезно: с глупцами говорить не должно, а умных хорошо слушать.

Я сравниваю добродетельную и покойную старость с тихим вечером, наступившим после бурного дня.

В одном дружеском разговоре я заметил следующие прекрасные слова: «Упование на Провидение есть единственное в мире счастье». — «Мыслить, чувствовать и действовать хорошо — вот наши обязанности». — «Смерть возвращает нас в объятия отца».

Я кружусь в обществах, и многие думают, что рассеянность есть моя стихия; но кому известно, что возвращаюсь я часто домой с утомленным сердцем и с унылою душою? Доказательство, что нет ничего обманчивее наружности.

1815

Д. Н. БЛУДОВ

УКРАДЕННАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

В тесных долговременных связях мы иногда страдаем не от несогласия мыслей и чувств, а, так сказать, от неравенства в их возвышенности и силе. Вот два инструмента: оба настроены верно и в том же тоне; но на втором меньше струн. Оттого есть ноты, возможные лишь на лучшей арфе; оттого она часто звучит одна. О досада на безответственность, когда сердце стремится выразить себя! О скорбное ощущение какой-то пустоты неожиданной в круге, где заключен наш мир! Кто, испытывая тебя, не покушался роптать на рок? Но не будем же несправедливы, не будем требовать того, что почти невозможно, и вспомним, что большая часть жизни принадлежит к категории незнания тонов.

Наши добродушные предки говаривали, что нельзя дому стоять без дурака. Иногда хотелось бы прибавить, что трудно и сносить жизнь без мечты, следственно, дурачества.

Не только любовь, но и дурачество бывают способны к порывам, весьма невинным, *искренней лести*, и лесть такого рода едва ли не опаснее хитрого ласкательства придворных, ибо скорее поверишь не обманщику, а тому,

кто обманывает себя: и увы! чье самолюбие, несмотря на частые доказательства и всегдашнее чувство немощи, иногда не верит похвалам, самым невероятным.

В. говорит, что NN, силясь укусить, только муслит. Много таких людей, от которых слышать брань не больно, а гадко.

Да, прибавил С. D, а h. h. еще больше замуслит, когда захочет полизать.

Не всякий даже иногда умеет быть догадливым, но всякий, по крайней мере иногда, бывает недогадлив.

D. N., видя людей, у которых голова закружилась от почестей, боится осуждать их, чтобы внутренний пророческий голос не сказал ему, что, говорят, сказал один простодушный парижский мещанин, глядя на пьяного соседа в грязи: «О унижение человеческое! а и мне быть таким в воскресенье».

Неблагодарность оскорбляет меня так же, как неверные звуки в музыке: не меньше и не больше.

С умом то же, что с монетою: кроме истинной цены, она имеет условную, иногда непомерную, там, где известно и уважаемо клеймо ее; а сколько еще дикарей, которым не объяснишь даже и внутреннего ее достоинства, и с другой стороны, сколько таких монет, которые драгоценны лишь для одних любителей или суеверов нумизматической учености.

На всех умных людей находят минуты глупости, но вы, которые в разговоре с известным человеком не встретили ожидаемого, знайте сверх того, что из лучшего кремня искры высекает лишь железо.

Есть мысль грустнее даже той, что друзья наши могут некогда разлюбить нас: увы! то, что, быть может, мы должны будем их разлюбить.

Самолюбие, усмиренное советами философии или наставлениями веры, можно сравнить с давно залеченною ранюю. Ее как будто не бывало, но вдруг перемена погоды или даже неосторожное прикосновение, и старая язва скажется забытою болью.

Однажды, слушая, как NN хвалился успехами и на поле ратном, и на поле любви, и на поле или полях двора и большого света, С. Д. сказал мне на ухо: он лжет другим, но обманывает лишь себя.

Какой-то старинный острослов (и всякий отгадает, что это было в старину), указывая на дом одного боярина, покровителя некоторых воевод, говорил: «Вот страховая контора грабительства».

Люди всего более уважают в других и любят в себе одно: силу.

Я часто слышу от иных умников, что примеры наказания не действуют; но они забывают вставить одно слово между двумя последними. И ядры наши, и пули не все попадают в неприятелей; и затем неужели не должно стрелять из осажденного города.

Кто не чувствует нарушения нежных обязанностей дружбы, тот сам не довольно нежно любит виноватого друга; а кто, чувствуя, не прощает, тот уже перестает любить.

С местами и чинами приходит и ум, говорят добрые немцы. Но часто мы видим противное: люди от почестей как будто шалеют. Об ином можно подумать, что он с Громобоем купил мирские выгоды у черта и заранее, прежде смерти, выдал ему из себя все *нетелесное*.

Река величественная, прозрачная, где исток твой? Может быть, в глухом, вечною мглою покрытом болоте. — Так иногда и великое, изумляющее геройством дело, и даже целая жизнь полезной деятельности произошла не от высоких бескорыстных побуждений. Но за то неужели должно не уважать их? Нет! Будем снисходительны к совершенству всего земного: черпая воду из всякой реки, не будем спрашивать, всегда ли она чиста была, уверимся только, чиста ли теперь.

Предвидеть бедствия и заранее к ним готовиться, значит настоящей почти добродетельной мукой уменьшить муку будущего, ибо всякая горесть язвительнее, когда она неожидана. Это почти то же, что уплачивать тягостный долг по частям в разные сроки.

Потеряв ногу от какого-нибудь несчастного случая, многие не унывая заменяют ее ногою искусственную: иногда этот представитель ноги сделан так хорошо, что не вдруг отгадаешь подлог. Также многие, без ума природного, заменяют его занятым, умом памяти, разница в том, что последние реже обманывают других, а чаще себя.

Презирать все житейское не значит еще презирать жизнь: значит знать истинное определение и, следовательно, истинную высокую цену ее.

Господа! вы кричите вслед за Крыловым: «Избави Бог и нас от этаких судей!», а я напомнил бы вам, что иным авторам не должно бояться самых злых критиков, так же, как нищим воров.

Всякий, кто пытался писать не только для того, чтобы сказать: *здравствуй* или *при сем отправляю*, а чтобы выразить свои чувства и мысли, знает, как часто слова его не соответствуют намерению. На что же, перечитывая, марая, переменяя, иногда не поправишь и после тысячи примеров возвратишься к старому? Значит ли это, чтоб старое было хорошо? Нет! нет! мы и в судьбе человеческой лучше некоторого состояния не можем ничего придумать; а лучшее есть; ибо сердце наше жаждет его; и как счастье в жизни лишь тень того, которое будет, так и выражение в искусствах есть лишь отголосок, не всегда верный, сего тайного первобытного языка души, беседующей с собою.

Общее мнение как желудок; когда он испорчен, то и хорошая, здоровая пища ему делается противна.

Здесь главная цель наша действовать не на других, а чрез других на себя.

Времен три, и можно сказать, что каждое существует для одного из трех элементов человеческой природы. Будущее для ума, который всегда ищет проникнуть в него; настоящее едва ли не для одного чувства физического, а прошедшее для сердца.

Н. Н. говорил об ...р.: один взгляд на него лучше всех словарей объясняет разницу между небытием и ничтожеством.

Правосудие Небес тем не похоже на земное, что судит не одно дело, а все дела и чувства, то есть всего человека: оттого иногда казнит его в минуту невинности, но не безвинно. В дружбе должно щадить так же и сверх того, как во многих случаях связанные законом присяжные, придавать виновного в милость Верховного Судьи: сердца, полного нежных воспоминаний.

Что несноснее бремени самых скучных дел? Бремя безделья или праздности; и есть люди, страждущие в одно время от того и другого. Хотите ли доказательств? Подите в большой дом на NN улице под N — там есть человек, который от утра до вечера подписывает бумаги, так называемые деловые, а голова его во всегдашнем бездействии.

Совершенство в точном строгом смысле сего слова невозможно для человека, по крайней мере в здешнем свете. Но мы должны к нему стремиться, и Провидение положило нам цель недостижимую для того именно, чтобы мы всю жизнь и беспрестанно шли вперед. На которой точке сего пути застанет нас конец земного испытания? Это тайна, и без нее не было бы нравственной деятельности, не было бы той надежды, которую религия назвала добродетелью, которая одна из всех никогда нас без нашей вины не обманывает.

Претерпевый до конца той спасен будет. Великая, многозначительная истина! Всё нам и каждую минуту доказывает ее. Терпи с пером в руках, пока мысли не предстали глазам ума в совершенной ясности, с выражением, вполне их изображающим; без того не будешь писателем. И, от безделки обращаясь к делу всей жизни, — терпи, человек, пока завеса земного не отдернута пред тобою рукою судьбы; так велел промысел для созревания души твоей, и в том условии лучшего века.

«Добродетель — мечта», — сказал Брут умирая. Несчастный! он не знал добродетели истинной; ибо не знал пределов нашей деятельности, хотел кинжалом преправлять законы судьбы, неизвестные, но всегда справедливые.

Минуты сладостные! Когда мы, так сказать, согреваемся благодарностию к Творцу и доброжелательством

к ближнему, вы даете понятие о рае. Тогда сердце забывает оскорбления, воображения, страхи, и ум, отбросив бремя сомнений, вдруг по какому-то мгновенному откровению постигает тайный порядок всего, так же, как по струе света, прорвавшейся сквозь ставень, мы узнаем о дне и солнце; тогда все предметы не изменяясь принимают для нас вид новый, и на каждое впечатление извне в нас что-то отвечает с любовью, что Божий мир прекрасен и человеческий лишь кажется дурным.

О многих опасностях и бедах можно то же сказать, что суеверным детям говорят о призраках: погляди им прямо в глаза, и ужас исчезнет.

Видя, как NN судит о литературе, чего он требует от поэзии и ораторского красноречия, как ценит блистательные выражения, сии верные отпечатки живых чувств и мыслей, неволью вспомнить человека, который в разговоре о дарах роскошной полуденной природы сказал: «Из цветов и фруктов я больше всего люблю... говядину».

Богиня красоты родилась от пены моря; но отцом ее был Зевес, отец небожителей. Красавицы, сей мифологический вымысел не означает ли двоякий род и судьбу даже наружных ваших прелестей? Все лишь земное, свежесть молодости, величавость или нежная гибкость стана и правильность форм, и самая пленительная соразмерность в чертах лица, исчезают мгновенно, как летучая пена морских валов. Но есть небесная часть красоты, неподвластная времени и случаю: выражение, так сказать, всей души, всех вдохновений ума, всех движений сердца в красноречивом взоре, в тонкой или кроткой улыбке, в игре неизъяснимо, но понятно говорящей физиономии: увы! и оно может измениться; но от того лишь, что безобразит или унижает внутреннего человека.

О порывах, иногда нескромных, самолюбия в нашем друге — говорят, что он самолюбив, как люди в природном состоянии бывали наги: *бесстыдно и невинно*.

Талант Жуковского можно определить двумя или тремя словами: удивительное, чудесное разнообразие в *привычном* однообразии.

Область творческого ума, ясных понятий, свежих мыслей, сильных горячих чувств и выражений, ими вдохновенных! Ты была для меня землей обетованной. и, как Моисей, обнимая тебя взором, я не вступаю в твои пределы!

Когда человек, нами давно любимый, начинает изменяться или изменять себе в глазах наших, как долго мы спорим с очевидностью, как долго ищем чего уж нет или и не было; как тяжело сказать: призрак друга! прости; и что будет на твоём месте, даже не могила, и не ничто, а хуже!

О хитрость самолюбия! Иногда мы гордимся даже смирением.

NN судит о книгах и людях, об умах и характерах с видом необыкновенного простодушия. В его замечаниях нет ничего эпиграмматического, а часто они ужасают своею точностью. Слышите ли, сказал об нём однажды С. Д., кажется, наш друг совсем не думает колоть, и в самом деле только трогает, но всегда за большое место.

Человек, у которого отсохла рука, потерял ли ее? Она существует, но только для вида, или иногда и для страдания. Ах! то же случается и с нашим бранным умом; бывает, что какой-то удар морального паралича незаметно разрушает его, и в нём остается одно болезненное чувство немощи.

Проповедники равнодушия, ибо оно имеет также своих учителей, часто говорят, указывая на иных людей: взгляните, не счастливы ли они в своём бесчувственном спокойствии? Что их тревожит, погруженных в наслаждения обеда или в расчеты виста? Правда; и болотную воду почти ничто не волнует; но река не вдруг может заглохнуть и сделаться болотом.

С. Д. сравнивает отправление текущих канцелярских дел с трудом буточников, которые подметают улицы; завтра будет новая грязь и новая работа.

Отчего неправодушие для иных частных людей бывает средством обогащения и не может никогда обога-

тить правительство? Оттого, что частный человек, завладев чужим, может оставить дела, не иметь нужды в кредите и таким образом скрыться от естественных последствий нажитой им худой славы; а правительство должно непременно и вечно быть *в торговых сношениях*, и с теми именно, которых оно обидело; оттого еще, что с частным, даже известным плутом не так боятся иметь дело: его можно принудить к исполнению обязанностей, а на правительство — нет суда; наконец оттого, что частный человек и незаконными средствами может увеличить свое капитальное имущество; а капитал правительства, единственный источник его доходов, весь в людях, которых оно разоряет.

Мы все знаем и говорим, что человек часто бывает не похож на себя; что наши мысли и чувства, способности ума и силы души подвержены влиянию случайных ощущений и, следовательно, обстоятельств, кои от нас не зависят; а как мы судим о людях: по одному делу, по одному слову, по одному дню.

Есть люди, которые не стараются извлекать непосредственной пользы из чтения. Они не хотят ни писать, ни говорить, ни думать о том, что находят даже в самых лучших книгах, а читают для того, что им приятно читать. Боже мой! Неужели и я люблю иногда мыслить и рассуждать о добродетели только для того, что мне приятно рассуждать и мыслить!

В детях все будущее родителей: «Они их воплощенная надежда». Не знаю, кто сказал это, и сказал ли правду? Ах, при взгляде на детей, когда все ощущения исчезают в удовольствии их видеть и когда сердце трепещет от нежности, отец узнает, что есть наслаждение настоящей минуты, а часто он и боится подумать о будущем.

Что сказать об удовольствии, с которым я читал «Вильгельма Мейстера»? Отчего оно происходит? Всей прелести слога я не в состоянии чувствовать, а в содержании нет того, что привыкли называть интересом романа. Я не был увлекаем ни любопытством, ни сильным участием. Но автор имеет чудное искусство нежить душу и воображение. Он как будто играет перед нами волшебным призмом, где блистает сияние цветов и ни один не останавливает взора; мы с ним пролетаем чрез

все состояния общества, чрез все положения жизни; он намекает нам о всех мечтах юности, о живости первых впечатлений и, касаясь всем фибрам сердца, пробуждает в нем их сладкие воспоминания, их темные надежды. И особливо достойно замечания, что везде его изображения наружной природы очень живы и ясны, а характеры и поступки людей до самого конца остаются в каком-то обманчивом сумраке. Читатель вместе с Вильгельмом блуждает в унылом недоумении: перед ним мелькают происшествия без видимых причин, без ожидаемых последствий; и весь роман представляет заманчивую, но беспорядочную картину, похожую на сон и на... жизнь!

«Зачем писать личные сатиры?» Так говорят и думают многие. «Их читать с удовольствием могут одни современники; а поэт должен трудиться для потомства». Однако ж любители картин и теперь покупают портреты, написанные Вандиком.

Виды будущего в разных состояниях можно сравнить с горизонтами плователей. Один своим легким челноком едва рассекает струи узкой речки; он отсюда стеснен берегами, и взоры его не могут лететь в отдаленность. Зато ему ясно видима вся окрестность его; там леса и холмы, где он был вчера, где будет завтра, там родительская хижина, там жатва, им произращенная: все предметы ему знакомы, и всякая точка есть пристань. Между тем его брат на пышном корабле своем мчится по огромным зыбям океана; перед ним простирается горизонт, полный величия, влекущий к себе любопытного, возвышающий воображение и беспредельный, как надежда: но ах! сколь часто туманный, обманчивый, грозный! Мореходец! будь осторожен; наблюдай за стрелкой, наставницей руля твоего: может быть, свет наук и труда беспрестанный спасет тебя от опасностей, неизвестных сельским плователям.

Так, думал я, прочтя написанное, горизонты людей разнообразны: но над ними одно небо.

Говоря об горизонтах, вспоминаю, что однажды известная умная женщина сказала: «Есть люди, похожие на горизонт: на них наступишь, когда подойдешь к ним близко». — Признаюсь, я не понимаю этого сравнения

и не знаю, как можно подойти к горизонту. Напротив, мне иногда хотелось бы сказать некоторым лицам: вы презираете людей, стоящих на краю горизонта, они вам кажутся малы и низки: но мудрено ли? Вы на них смотрите издали.

Мы почти никогда не думаем, а только мечтаем о будущем и в мечтах не думаем избегать крайностей. Иногда, увлекаясь живою потребностью счастья, создаем без основания мир произвольный и прелестный: иногда болезнь уныния рождается в душе нашей; какой-то мрак распространяется в воображении; мы предвидим одни бедствия и ожидаем будущего, как таинственного страшилища. Но здешний мир есть темная ночь, а мы блуждающие дети; пусть солнце религии озарит предметы в глазах наших; тогда увидим, что нас ужасали тени, а прельщало сияние гнилого дерева.

Везде пословицы называют хранилищем мыслей народных; мне кажется, что русские можно назвать и хранилищем сердечных чувствований. Наши предки завещали нам как святыню не только остроумные наблюдения отцов своих, не только советы их благоразумия, но и выражения чувствительности. Все знают пословицу: *Не по хорошу мил, а по милу хорош*, которая сказывает нам тайну любви и ее странностей. Другая: *Милому сто смертей*, очень живо изображает беспокойство сердца, творящего для себя ужасы. — Но, может быть, всех лучше и трогательнее одна, меньше известная: *Не сбывай с рук постылого, приберет Бог милого*. Какая прекрасная, почти небесная мысль, любовью к друзьям охранять врагов от самых желаний ненависти! Она дышит нежностью, великодушием и верою в Провидение.

Многие хвалят посредственность; но во всем ли хороша она? Я, например, часто вижу людей, которые достойны названия посредственных. Они не знают, что такое ум и не скажут замечательной глупости: в их поступках нет ни порывов, ни правил; в сердцах нет склонности к злобе и нет расположения к благородным или нежным привязанностям; вся жизнь их без цели, без занятий, без побуждений подобна стоячей болотной воде, по которой нельзя доплыть ни к крутой скале ума и добродетели, ни к пологому берегу порока и глупости.

Должно ли их предпочитать глупцам и бездельникам? Не знаю: они между людьми то же, что скука между чувствами; а иногда бывает тяжелее зевать, нежели плакать.

Мысль о неизмеримости можно назвать *врожденным чувством*. Рассудок и воображение с трудом постигают ее; но сердцу она известна. В нем есть неизмеримость желаний, надежды и любви!

Чтобы быть без страха, должно смиряться пред судьбою, то есть заранее решиться на все несчастья; но это смирение сообщает нам спокойство минутное и никогда не сделается обыкновенным состоянием души нашей. Решительность на бедствия без подкреплений и обманов надежды есть то же, что канат танцовщика: *фуриозо* может на нем стоять, ходить, даже прыгать, и не может прожить ни одних суток.

Вопреки якобинцам всех веков народ не есть судья царей, но он их критик и, подобно прочим, может исправлять только людей с дарованием. Продолжая сравнение, мы скажем царям и авторам: не сердитесь за критику и не всегда ей верьте; но умеете слушать и понимать ее. Скажем рецензентам и народам — первым: критикуя автора, не оскорбляйте человека; другим, напротив: критикуя человека, не забывайте прав государя и престола.

Женщины! хотите ли знать разницу между *влюбленным* и тем, который *любит*? Один для вас бросает жизнь свою; другой вам отдает ее.

Презирать злобу людей может не добродетельный человек, а разве нечувствительный и ветреный. Напрасно ты вооружаешь себя героизмом философии; напрасно отказываешься заранее от наслаждений избытка и от успехов тщеславия: с этим твое сердце еще не будет неуязвимым. Тебя принудят страдать в любви к семейству, к друзьям или, по крайней мере, в общей любви к человечеству.

Слог самый простой не есть еще язык обыкновенных разговоров, так же, как самый простой фрак не есть еще шлафрок.

Иногда славные авторы обходятся с читателями, как иные мужья с своими женами. Они старались им нравиться только до свадьбы: любовь жены, по их мнению, есть верная собственность, и можно не радеть о ней. Авторы, коих имена возбуждают в нас ожидание удовольствия, вы наши супруги: но берегитесь развода!

Мы имеем чудесное искусство обманывать свою совесть. Пожелать кому-нибудь смерти — это ужасно; а кто иногда не думает с тайным желанием о том, что не может случиться иначе, как после смерти того или другого и, может быть, многих.

Что мы более всего любим в друзьях? потребность их в нашей любви.

Я часто вижу, как дети сердятся, когда, говоря своим особым языком, они чувствуют, что их не понимают. Но нет ли в сем смысле младенцев между отличнейшими из людей?

Великое дело или постоянство в добре; порыв души бескорыстный и выпренный или слог, оживленный огнем воображения и силою чувства: все это не есть ли язык непонятный в так называемом свете?

Первые впечатления окрестной природы на душу столь сильны, что следы их приметны не только в творениях живописцев и поэтов, но и в произведениях того искусства, которое, кажется, почерпает жизнь в одном внутреннем чувстве. В народной музыке, кроме изображения движений сердца, всем общим, и иногда особенного тона, сообразного характеру или веку, мы находим нечто, напоминающее места, где раздались в первый раз сии звуки живые или нежные. Кто слышал песни тирольцев? Они неумоимою работою голоса повторяют все тысячи отголосков своего горного эха. В наших русских, напротив, мы слышим протяжные, почти однообразные ноты, как будто умирающие вдали, и воображению невольно представляются горизонт необозримых полей или бесконечное зеркало чистой реки, в которой тонет заря вечерняя.

Не будучи ученым богословом, я люблю в преданиях Ветхого Завета искать пророческих изображений

Христа. Повесть прекрасного Иосифа, трогая мое сердце, оживляет его неизъяснимою, новою надеждою. Иосиф, проданный враждебными братьями, из рабства восходит на ступени престола фараонов, и братья-гонители у ног его, и между одиннадцати один невинный. Но вместо укоризн и угроз Иосиф плачет, скрывая свои слезы. Первые слова его: *я брат ваш*, и после сквозь рыданий он едва прибавляет: *проданный вами*. О ты! изображенный в Патриархах и Пророках! Ты, чрез жертву крови нас усыновивший отцу своему! И тебя мы, неблагодарные, предаем ежечасно, за обманы сего мира, за блага, кои презирает наш собственный разум! Когда настанет роковая минута, когда мы явимся пред Твоей славой, простертые, без прав на прощение, приговор ли Судии поразит нас или мы услышим слова утешительные: *я брат ваш Иосиф!*

Скука и горе! Кто вас не знает? Вы принадлежите к общему наследию детей Адамовых, вы то для души, что болезни для тела. Но печали можно сравнить с ужасными припадками, коих немедленный последователь есть смерть или выздоровление; а скука похожа на болезнь неприметную и слабую в начале: она невидимо расслабляет человека, часто в течение долгой жизни томит и не дает покоя; наконец и лучшие лекарства уже не имеют над нею действия. Всякий легко узнает сию болезнь в себе и в других; но иногда бывает стыдно в ней признаться. Есть люди, кои, обманывая себя, называют ее меланхолией. Какая ж между ими разница? Меланхолия рождается от избытка мыслей и чувства, а скука от недостатка в сих двух источниках наслаждений и муки.

Слог Батюшкова я хотел бы сравнить со внутренностию жертвы в руках жреца: она еще вся трепещет жизни и теплится ее жаром.

Глядя на пышное освещение Петергофского сада, мы всего более любовались необыкновенным цветом зелени. От огня плошек в ней является чудесная, пленительная нежность, коей она не имеет при естественном свете. Так искусство может украсить природу; так блистательное выражение дает известной мысли новую жизнь и свежесть.

Чувство благодарности так сладостно, что я желал бы распространить его за обыкновенные пределы, то есть на благодетелей без намерения. Тогда мы будем с удовольствием счастливой любви смотреть и на красоты природы, и на произведения искусств, их отражающие. О Ж ***! Если бы я не имел к тебе чувства бессмертного, в коем все сливается, и почтение к твоей благородной душе, девственной от всех порочных побуждений, и бесценное ощущение твоей любви, наконец и воспоминание первых лет и надежд; Ж ***! я бы еще любил тебя из благодарности за те минуты, в кои оживляюсь твоими стихами, как увядающий цветок возвращенным свежим воздухом. Два дня я страдал моральною болезнью; и эту болезнь можно назвать *каменной*, ибо в ней все способности души каменеют. Мне казалось, что я утопаю в какой-то пустоте и тщетно ищу в ней себя; наконец случай привел мне на память стихи Ж ***, давно не читанные, и я опять начал чувствовать свое сердце. Очаровательная музыка! Тобой я всегда буду лечиться от новой тарантулы, которая не дает смерти, но отнимает жизнь.

Слышишь ли, — сказал однажды А., как скрипит эта дверь? — Странно! в ее крыпе выходит верная музыкальная нота.

— Это одна из шуток случая, — отвечал Б. Так у иных поэтов бывают удачные стихи; а у иных *искаательных* проскакивают через душу благородные чувства.

Однажды в припадке чрезмерного добродушия кто-то вздумал хвалить *** за мягкость его характера и даже сердца. В самом деле, — примолвил Б., — его сердце мягко как грязь.

Когда умный человек ошибается, то в его ложном мнении необходимо должна быть частица истины, иногда блестящая; ибо истина и ум одно и то же, и всякое заблуждение есть род сумасшествия, более или менее явного, полного ли частного. Что же глупость? Такая дорога, с которой нельзя и взглянуть на истину.

Сколько людей, которые в свой век наделали много зла и однако же не могут быть признаны злодеями! Это название для них слишком благородно: они не злодействуют, а только *пакостят* со вредом для ближнего.

Есть на свете и на Руси такие стихи, что их нельзя назвать и дурными, а разве *жалкими*.

Наблюдение приличий и других условных обязанностей общества почти то же, что большая дорога в путешествии. В стране мало знакомой сохрани Бог с нее сбиться; но в местах, где мы все знаем и нас знают все, для чего иногда не идти по тропе, которая прямее или приятнее.

Что ты, древний ларчик Пандоры, что, кроме сердца человеческого? Из него все бедствия вышли с страстями; и на дне его также не гаснет искра надежды.

С большою предосторожностью можно предохранить себя от злобы людей, но как спастись от их глупости?

Великое ум только постигает, достигают до него страсти.

САТИРА

В. Л. ПУШКИН

ОПАСНЫЙ СОСЕД

Loripedem rectus derideat Aethiopem albus.
Juvenali. Sat. 1, I, s. II, v. 23.

Ох! дайте отдохнуть и с силами собраться!
Что прибыли, друзья, пред вами запираяться?
Я все перескажу: Буянов, мой сосед,
Проживший все свое именье в восемь лет
С цыганками, с б....., в трактирах с ямщиками,
Пришел ко мне вчера с небритыми усами,
Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком,
Пришел, — и понесло повсюду кабаком.
«Сосед, — он мне сказал, — что делаешь ты дома?
Я славных рысаков подтибрил у Пахома;
На масляной тебя я лихо прокачу».
Потом, с улыбкою ударив по плечу,
«Мой друг, — прибавил он, — послушай, есть находка;
Не девка — золото; из всей Москвы красotka.
Шестнадцать только лет, бровь черная дугой,
И в ремесло пошла лишь нынешней зимой.
Ступай со мной, качнем!» К плотскому страсть имея,
Я, виноват, друзья, послушался злодея.
Мы сели в обшивни, покрытые ковром,
И пристяжная вмиг свернулася кольцом.
Извозчик ухарской, любуюсь рысаками,
«Ну! — свистнул, — соколы! отдернем с господами».

---

* Над кривоногим смеется прямой и над неграми — белый.

Ювенал. Сатиры, кн. 1, сатира 2,
стих 23 (перевод Д. Недовича и
Ф. Петровского).

Пустился дым густой из пламенных ноздрей
По улицам как вихрь несущихся коней.
Кузнецкий мост, и вал, Арбат и Поварская
Дивились *двоице*, на бег ее взирая.
Позволь, варягоросс, угрюмый наш певец,
Славянофилов кум, взять слово в образец!!
Досель, в невежестве коснея, утопая,
Мы, *парой* двоицу по-русски называя,
Писали для того, чтоб понимали нас.
Ну, к черту вкус и ум! пишите в добрый час!
«Приехали», — сказал извозчик, отряхаясь.
Домишко, как тростник от ветра колыхаясь,
С калиткой на крюку представился очам.
Херы с Покоями сцеплялись по стенам.
«Кто там?» — нас спросил охрипый голос грубый.
«Проворней отворяй, не то — ракалью в зубы! —
Буянов закричал, — готовы кулаки», —
И толк ногою в дверь; слетели все крюки.
Мы, сгорбившись, вошли в какую-то каморку,
И что ж? С купцом играл дьячок приходской в горку;
Пунш, пиво и табак стояли на столе.
С широкой задницей, с угрями на челе,
Вся провонявшая и чесноком, и водкой,
Сидела сводня тут с известною красоткой;
Султан Селим, Вольтер и Фридерик Второй
Смиренно в рамочках висели над софой;
Две гостьи дюжие смеялись, рассуждали
И «Стерна Нового» как диво величали.
Прямой талант везде защитников найдет!
Но вот кривой лакей им кофе подает;
Безносая стоит кухарка в душегрейке;
Урыльник, самовар и карты на скамейке;
«Я здесь», — провозгласил Буянов-молодец.
Все вздрогнули — дьячок, и сводня, и купец;
Но все, привстав, поклон нам отдали учтивый.
«Ни с места, — продолжал сосед велеречивый, —
Ни с места! Все равны в борделе у б.....
Не обижать пришли мы честных здесь людей.
Панкратьевна, садись; целуй меня, Варюшка;
Дай пуншу; пей, дьячок». И началась пирушка!
Вдруг шепчет на ухо мне гостья на беду:
«Послушай, я тебя в светлицу поведу;
Ты мной, жизненочек, останешься доволен;
Варюшка молода, но с нею будешь болен;
Она охотница подарочки дарить».

Я на нее взглянул. Черт дернул! — так и быть!
Пошли по лестнице высокой, крючковой;
Кухарка вслед кричит: «Боярин тороватый,
Дай бедной за труды, всю правду доложу,
Из чести лишь одной я в доме здесь служу».
Сундук, засаленной периною покрытый,
Огарок в черепке, рогожью пол обитый,
Рубашки на шестах, два медные таза,
Кот серый, курица мне бросились в глаза.
Знакомка новая, обняв меня рукою,
«Дружок, — сказала мне, — повеселись со мною;
Ты добрый человек, твой мне приятен вид
И, верно, девушке не сделаешь обид.
Не бойся ничего; живу я на отчете,
И скажет вся Москва, что я лиха в работе».
Проклятая! Стыжусь, как падок, слаб ваш друг!
Свет в черепке погас, и близок был сундук...
Но что за шум? Кричат. Несется вопль в светлицу,
Прелестница моя, накинув исподни́цу,
От страха босиком по лестнице бежит;
Я вслед за ней. Весь дом колеблется, дрожит.
О ужас! Мой сосед, могучею рукою
К стене прижав дьячка, тузит купца другою;
Панкратьевна в крови; подсвечники летят,
И стулья на полу ногами вверх лежат,
Варюшка пьяная бранится непристойно;
Один кривой лакей стоит в углу покойно
И, нюхая табак, с почтенъем ждет конца.
«Буянов, бей дьячка, но пощади купца», —
Б... толстая кричит сердитому герою.
Но вдруг красавицы все приступают к бою.
Лежали на окне «Бова» и «Еруслан»,
«Несчастный Никанор», чувствительный роман,
«Смерть Роллы», «Арфаксад», «Русалка»,
«Дева Солнца»;

Они их с мужеством пускают в ратоборца.
На доблесть храбрых жен я с трепетом взирал;
Все пали ниц; сосед победу одержал.
Ужасной битве сей вот было что виною:
Дьячок, купец, сосед пунш пили за игрою,
Уменье в свете жить желая доказать,
Варюшка всем гостям старалась подливать;
Благопристойности ничто не нарушало.
Но Бахус бедствиям не раз бывал начало.
Забав невинных враг, любитель козней злых,

Не дремлет сатана при случаях таких.
Купец почувствовал к Варюшке вожделенье
(А б...., в том спору нет, есть общее именье),
К Аспазии подсев, дьячку он дал толчок;
Буянова толкнул, нахмурившись, дьячок;
Буянов, не любя приветствия такого,
Задел дьячка в лицо, не говоря ни слова;
Дьячок, расхоробрясь, купца ударил в нос;
Купец схватил с стола бутылку и поднос,
В приятелей махнул,— и сатане потеха!
В юдоли сей, увы! плач вечно близок смеха!
На быстрых крыльях веселие летит,
А горе тут как тут!.. Гнилая дверь скрипит
И отворяется; спокойствия рачитель,
Брюхастый офицер, полиции служитель,
Вступает с важностью в мундирном сертуке.
«Потише,— говорит,— вы здесь не в кабаке;
Пристойно ль, господа, у барышень вам драться?
Немедленно со мной извольте расквитаться».
Тарелкою сосед отвечивал ему.
Я близ дверей стоял, ко счастьем моему.
Мой слабый дух, боясь лютейшего сраженья,
Единственно в ногах искал себе спасенья;
В светлице позабыл часы и кошелек;
Через бревны, кирпичи, чрез полный смрада ток
Перескочив, бежал, и сам куда не зная.
Косматых церберов ужаснейшая стая,
Исчадье адово, вдруг стала предо мной,
И всюду раздался псов алчных лай и вой.
Что делать! — Я шинель им отдал на съеденье.
Снег мокрый, сильный ветер. О! страшное мученье!
В тоске, в отчаянье, промокший до костей,
Я в полночь наконец до хижины своей,
О милые друзья, калекой дотащился.
Нет! полно! — Я навек с Буяновым простился.
Блажен, стократ блажен, кто в тишине живет
И в сонмище людей неистовых нейдет;
Кто, веселясь подчас с подругой молодою,
За нежный поцелуй не награжден бедою;
С кем не встречается опасный мой сосед;
Кто любит и шутить, но только не во вред;
Кто иногда стихи от скуки сочиняет
И над рецензией славянской засыпает.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

СРАВНЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА С МОСКВОЙ

У вас Нева,
У нас Москва.
У вас Княжнин,
У нас Ильин.
У вас Хвостов,
У нас Шатров.
У вас плутам,
У вас глупцам,
Больным
Дурным стихам
И счету нет.
Боюсь, и здесь
Не лучше смесь:
Здесь вор в звезде,
Монах в
Осел в суде,
Дурак везде.
У вас Совет,
Его здесь нет —
Согласен в том;
Но желтый дом
У нас здесь есть.
В чахотке честь,
А с брюхом лезть —
Как на Неве,
Так и в Москве.
Мужей в рогах,
Девиц в родах,
Мужчин в чепцах,
А баб в портках
Найдешь у вас,
Как и у нас,
Не пяля глаз.
У вас «авось»
России ось
Крутит, вертит,
А кучер спит.

⟨1811⟩

В. Л. ПУШКИН

СЫЧИ

Сияние златого Феба
Не может нравиться Сычам.
Когда по тонким облакам,
Средь светло-голубого неба,
Он, гордо шествуя, дарит отраду нам,
Враги его в дуплах скрываются, стонают
И Феба проклинают.
Меж солнца и земли луна
Однажды проходила
И в полдень темной вселенную покрыла:
Луне такая власть дана,
И мы, знакомые с небесным сим явленьем,
Зовем его затмением.
«Итак, затмился солнца свет! —
В восторге Сыч кричит. — Друзья, злодея нет!
Светильник пагубный не существует боле.
Нет, полно жить в неволе.
Глядеть во все глаза нам велено судьбой;
Тьма благотворная навеки воцарилась;
Летите вслед за мной!»
Безумцев стая возгордилась,
И тучею они стремятся к небесам.
Но вечно ль ликовать Сычам?
Затмение кончилось, и солнце воссияло,
В величии свой путь небесный восприяло;
Возвеселился мир; все оживилось вновь:
Долины, горы, рощи;
Воспели соловьи безумство и любовь;
Одни любимцы темной ночи,
Прослыть орлами возмечтав,
Летят стремглав!

*

Как солнца светлого лучи,
Сияют дар, ученье;
Невежество — умов затмение,
Невежды-авторы — Сычи.

⟨1812⟩

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Спасителя рождением
Встревожился народ;
К малютке с поздравленьем
Пустился всякий сброд:
Монахи, рифмачи, прелестники, вельможи —
Иной пешком, другой в санях;
Дитя глядит на них в слезах
И вопит: «Что за рожи!»

Совет наш именитой,
И в лентах и в звездах,
Приходит с шумной свитой —
Малютку пронял страх.
«Не бойся, — говорят, — сиди себе в покое,
Не обижаем никого,
Мы, право, право, ничего,
Хоть нас число большое!»

Наш Неккер, запыхаясь,
Спасителю сквозь слез,
У ног его валяясь,
Молитву произнес:
«Мой боже, сотвори ты в нашу пользу чудо!
Оно тебе как плюнуть раз,
А без него, боюсь, у нас
Финансам будет худо!»

Склонись на просьбу нашу.
Рука твоя легка,
А для тебя я кашу
Начну варить пока.
О мастерстве моем уже здесь всякий сведал,
Я кашу лучше всех варю,
И с той поры, как взят к царю,
Я только то и делал».

Сподвижник знаменитый
Его достойных дел,
Румянами покрытый,
К Марии вдруг подсел.

Он говорит: «Себе подобного не знаю,
Военным был средь мирных лет,
Теперь, когда торговли нет,
Торговлей управляю!»

Пронырливый от века
Сибирский лилипут,
Образчик человека,
Явился Пестель тут.

«Что правит бог с небес землей — ни в грош
не ставлю;

Диви, пожалуй, он глупцов,
Сибирь и сам с Невы берегов
И правлю я, и граблю!»

К Христу на новоселье
Несет министр овец,
Российское изделие,
Суконный образец!

«Я знаю, — говорит, — сукно мое дрянное,
Но ты носи, любя меня,
И в «Северной» о друге я
Скажу словцо-другое!»

Вдруг слышен шум у входа:
Березинский герой
Кричит толпе народа:
«Раздвиньтесь: я герой!»

«Пропустимте его, — вдруг каждый повторяет, —
Держать его грешно бы нам,
Мы знаем: он других и сам
Охотно пропускает!»

Украшенный венками,
Приходит Витгенштейн,
Герою рифмачами
Давно приписан Рейн!

Он говорит: «Бог весть, как с вами очутился,
Летел я к славе налегке,
Летел, летел с мечом в руке,
Но с Люцена я сбился!»

Нос кверху вздернув гордо
И нюхая табак,
Столп государства твердой,

А просто — злой дурак!
Подводит из Москвы полиции когарту;
Христос, ему отбивши спесь,
Сказал: «Тебе не место здесь,—
Ты убирайся к черту».

Захаров пресловутый,
Присяжный славянин,
Оратор наш надутый,
Беседы исполин,
Марии говорит: «Не занят я житейским,
Пишу найтием благим,
И всё не языком людским,
А самым уж библейским!»

Дородный Карабанов
Младенцу на досуг
Выносит из карманов
Стихов тяжелый пук.
Тот смотрит на него и рвется из пеленок,
Но, хорошенько рассмотрев,
Сказал: «Наш разживает хлев,
К ослу пришел теленок!»

С поэмою холодной
Студеный Шаховской
Приходит в час свободной
Читать акафист свой.
При первых двух стихах дитя прилег головкой.
«Спасибо! — дева говорит. —
Читай, читай, смотри, как спит,
Баюкаешь ты ловко!»

К Христу оратор новый
Подходит, Филарет:
«К услугам вам готовый,
Аз невский Боссюэт!
Мне, право, никогда быть умником не снилось,
Но тот шепнул, другой сказал,
И, что я в умники попал,
Нечаянно случилось!»

К Марии благодатной
Растрепанный бежит
Кликушка князь Шахматной,

Бьет об грудь и визжит:
«Святая! Будь мне щит, я вовсе погибаю;
Лукавый смысл мне помрачил,
Шишковым я испорчен был,
Очисти! Умоляю!»

Хвостовы пред малюткой
Друг с другом входят в бой;
Один с старинной шуткой,
С мешком стихов другой.
Один кричит: «Словцо!» Другой мяучит: «Ода!»
Малютка, их прослуша вздор,
Сказал, возвыся к небу взор:
«Несчастливая порода!»

За ними пара Львовых
Выходит из толпы,
Беседы стен Петровых
Надежные столпы.
Прослушавши Христос приветствие их длинно
И смеря с ног до головы,
«Уж не Хвостовы ли и вы?» —
Спросил он их невинно.

Трактат о воспитанье
Приносит новый Локк:
«В малютке при старанье,
Поверьте, будет прок.
Отдайте мне его, могу на Нижний смело
Сослаться об уме своем.
В Гишпанье, не таюсь грехом,
Совсем другое дело!

Горация на шею
Себе я навязал,—
Я мало разумею,
Но много прочитал!
Малютку рад учить всем лексиконам в мире,
Но математике никак,
Боюсь, докажет — я дурак,
Как дважды два четыре!»

К Марии с извиненьем
Подкрался Горчаков,
Удобривая чтеньем

Похвальных ей стихов.
Она ему в ответ: «Прошу, не извиняйся!
Я знаю, ты ругал меня,
Ругай и впредь, позволю я,
Но только убирайся!»

Беседы сын отважный,
Пегаса коновал,
Еров злодей присяжный,
Языков тут сказал:
«Колена преклоня, молю я Иисуса:
Храни, спаси нас от еров,
Как я спасаюсь от чтецов,
От смысла и от вкуса».

1814

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ПЛАЧ О ПИНДАРЕ

Быль

Однажды наш поэт Пестов,
Неутомимый ткач стихов
И Аполлонов жрец упрямый,
С какою-то ученой дамой
Сидел, о рифмах рассуждал,
Свои творенья величал, —
Лишь древних сравнивал с собою
И вздор свой клюквенной водою,
Кобенясь в креслах, запивал.
Коснулось до Пиндара слово!
Друзья! хотя совсем не ново,
Что славный был Пиндар поэт
И что он умер в тридцать лет,
Но им Пиндара жалко стало!
Пиндар великий! Грек! Певец!
Пиндар, высоких од творец!
Пиндар, каких и не бывало,
Который мог бы мало-мало
Еще не том, не три, не пять,
А десять томов написать, —
Зачем так рано он скончался?

Зачем еще он не остался
Пожить, попеть и побренчать?
С печали дама зарыдала,
С печали зарыдал поэт —
За что, за что судьба сослала
Пиндара к Стиксу в тридцать лет!
Лакей с метлою тут случился,
В слезах их видя, прослезился;
И в детской нянька стала выть;
Заплакал с нянькою ребенок;
Заплакал повар, поваренок;
Буфетчик, бросив чашки мыть,
Заголосил при самоваре;
В конюшне конюх зарыдал, —
И словом, целый дом стонал
О песнопевце, о Пиндаре.
Да, признаюся вам, друзья,
Едва и сам не плачу я.
Что ж вышло? Все так громко выли,
Что все соседство взгомозили!
Один сосед к ним второпях
Бежит и вопит: «Что случилось?
О чем вы все в таких слезах?»
Пред ним все горе объяснилось
В немногих жалобных словах.
«Да что за человек чудесный?
Откуда родом ваш Пиндар?
Каких он лет был? молод? стар?
И что о нем еще известно?
Какого чину? где служил?
Женат был? вдов? хотел жениться?
Чем умер? кто его лечил?
Имел ли время причаститься?
Иль вдруг свалил его удар?
И словом — кто таков Пиндар?»
Когда ж узнал он из ответа,
Что все несчастья от поэта,
Который между греков жил,
Который в славны древни годы
Певал на скачки греков оды,
Язычник, не католик был,
Что одами его пленялся,
Не понимая их, весь свет,
Что более трех тысяч лет,
Как он во младости скончался, —

Поджав бока свои. сосед
Смеяться начал, да смеяться
Так, что от смеха надорваться!
И смотрим, за соседом вслед
Все — кучер, повар, поваренок,
Буфетчик, нянька и ребенок,
Лакей с метлой, и сам поэт,
И дама — взапуски смеяться!
И хоть я рад бы удержаться,
Но признаюсь вам, друзья,
Смеюсь за ними вслед и я!

1814

В. Л. ПУШКИН

ЛЮБЛЮ И НЕ ЛЮБЛЮ

Люблю я многое, конечно,
Люблю с друзьями я шутить,
Люблю любить я их сердечно,
Люблю шампанское я пить,
Люблю читать мои посланья,
Люблю я слушать и других,
Люблю веселые собранья,
Люблю красавиц молодых.

Над ближним не люблю смеяться,
Невежд я не люблю хвалить,
Славянофилам удивляться,
К вельможам на поклон ходить.
Я не люблю людей коварных
И гордых не люблю глупцов,
Похвальных слов высокопарных
И плоских, скаредных стихов.

Люблю по моде одеваться
И в обществах приятных быть.
Люблю любезным я казаться,
Расина наизусть твердить.
Люблю Державина творенья,
Люблю я «Модную жену»,
Люблю для сердца утешенья
Хвалу я петь Карамзину.

В собраниях не люблю нахалов,
Подагрой не люблю страдать,
Я глупых не люблю журналов,
Я в карты не люблю играть,
И наших Квинтильянов мнимых
Суждений не люблю я злых,
Сердец я не люблю строптивых,
Актеров не люблю дурных.

Я в хижине моей смиренной,
Где столько горя и забот,
Подчас, Амуром вдохновенной,
Люблю петь граций хоровод;
Люблю пред милыми друзьями
Свою я душу изливать
И юность резвую с слезами
Люблю в стихах воспоминать.

<1815>

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

КОГДА? КОГДА?

Когда утихнут дни волнения
И ясным дням придет чреда,
Рассеется звездой спасенья
Кровавых облаков гряда?
Когда, когда?

Когда воскреснут добры нравы,
Уснет и зависть и вражда?
Престанут люди для забавы
Желать взаимного вреда?
Когда, когда?

Когда корысть, не зная страха,
Не будет в храминах суда
И в погребях, в презренье Вакха,
Вино размешивать вода?
Когда, когда?

Когда поэты будут скромны,
При счастье глупость не горда,

Красавицы не вероломны
И дружба в бедствиях тверда?
Когда, когда?

Когда очистится с Парнаса
Неверных злобная орда
И дикого ее Пегаса
Смирит надежная узда?
Когда, когда?

Когда на языке любовном
Нет будет *нет*, да будет *да*
И у людей в согласье ровном
Расти с рассудком борода?
Когда, когда?

Когда не по полу прихожей
Стезю проложат господя
И будет вывеской вельможей
Высокий дух, а не звезда?
Когда, когда?

Когда газета позабудет
Людей морочить без стыда,
Суббота отрицать не будет
Того, что скажет середа?
Когда, когда?

1815

ГУСЬ И ЗМЕЯ

«Ну был ли кто когда
Щедрее наделен меня рукой природы? —
Кричал спесивый Гусь на берегу пруда. —
Покорны и земля, и воздух мне, и воды,
Всё делаю, что б я ни захотел;
Препятствий нет моей непостоянной воле!
Наскучил плавать? Полетел.
Наскучилось летать? Прогуливаюсь в поле». —
«К чему изволишь, Гусь, так величать себя? —
С насмешкой хвостуну Змея,
Подкравшись, просвистала. —
Оленьего, мой друг, в тебе проворства нет.

С полетом сокола не равен твой полет;
А щука о тебе на дне и не слыжала!
Итак, советую смиренхонько сидеть.
И милости твоей я доложу: не трудно
    На всё кидаться безрассудно
    Но трудно в чем-нибудь успеть».

Поэт! Нет-нет! Рифмач! Наш трагик, наш сатирик,
    Наш баснослов, наш лирик.
    Назвать тебя остерегусь,
Но на ухо тебе шепну: ты тот же Гусь!

(1815)

А. С. ПУШКИН

ТЕНЬ ФОНВИЗИНА

В раю, за грустным Ахероном,
Зевая в рощице густой,
Творец, любимый Аполлоном,
Увидеть вздумал мир земной.
То был писатель знаменитый,
Известный русский весельчак,
Насмешник, лаврами повитый,
Денис, невежде бич и страх.
«Позволь на время удалиться, —
Владыке ада молвил он, —
Постыл мне мрачный Флегетон
И к людям хочется явиться».
«Ступай!» — в ответ ему Плутон;
И видит он перед собою:
В ладье с мелькающей толпою
Гребет наморщенный Харон
Челнок ко берегу; с подорожной
Герой поплыл в ладье порожной
И вот — выходит к нам на свет.
Добро пожаловать, поэт!

Мертвец в России очутился,
Он ищет новости какой,
Но свет ни в чем не пременялся.
Все идет той же чередой;

Все так же люди лицемерят,
Все те же песенки поют,
Клеветникам как прежде верят,
Как прежде все дела текут;
В окошки миллионы скачут,
Казну все крадут у царя,
Иным житье, другие плачут,
И мучат смертных лекаря,
Спокойно спят архиереи,
Вельможи, знатные злодеи,
Смеясь, в бокалы льют вино,
Невинных жалобе не внемлют,
Играют ночь, в сенате дремлют,
Склонясь на красное сукно;
Все столько ж трусов и нахалов,
Рублевых столько же Киприд,
И столько ж глупых генералов,
И столько ж старых волокит.

Вдохнул Денис: «О боже, боже!
Опять я вижу то ж да то же.
Передних грозный Демосфен,
Ты прав, оратор мой Петрушка:
Весь свет бездельная игрушка,
И нет в игрушке перемен.
Но где же братии-поэты,
Мои парнасские клеветы,
Питомцы граций молодых?
Желал бы очень видеть их».
Небес оставя светлы сени,
С крылатой шапкой набекрени,
Богов посланник молодой
Слетает вдруг к нему стрелой.
«Пойдем,— сказал Эрмий поэту,—
Я здесь твоим проводником,
Сам Феб меня просил о том;
С тобой успеем до рассвету
Певцов российских посетить,
Иных — лозами наградить,
Других — венком увить свирели».
Сказал, взвились и полетели.

Уже сокрылся ясный день,
Уже густела мрачна тень,

Уж вечер к ночи уклонялся,
Мелькал в окошки лунный свет,
И всяк, кто только не поэт,
Морфею сладко предавался.
Эрмий с веселым мертвецом
Влетели на чердак высокий;
Там Кропов в тишине глубокой
С бумагой, склянкой и пером
Сидел в раздумье за столом
На стуле ветхом и треногом
И площадным, раздутым слогом
На наши смертные грехи
Ковал и прозу и стихи.
«Кто он?» — «Издатель «Демокрита»!
Издатель, право, пресмешной,
Не жаждет лавров он пиита,
Лишь был бы только пьян порой.
Стихи читать его хоть тяжко,
А проза, ох! горька для всех;
Но что ж? Смеяться над бедняжкой,
Ей-богу, братец, страшный грех;
Не лучше ли чердак оставить
И далее полет направить
К певцам российским записным?»
«Быть так, Меркурий, полетим».
И оба путника пустились
И в две минуты опустились
Хвостову прямо в кабинет.
Он не спал; добрый наш поэт
Унизывал на случай оду,
Как божий мученик кряхтел,
Чертил, вычеркивал, потел,
Чтоб стать посмешищем народу.
Сидит; перо в его зубах,
На ленте анненской табак,
Повсюду разлиты чернила,
Сопит себе Хвостов унылый.
«Ба! в полночь кто катит ко мне?
Не брежу, полно ль, я во сне!
Что случилось с бедной головою!
Фонвизин! ты ль передо мною?
Помилуй! ты... конечно, он!»
«Я, точно я, меня Плутон
Из мрачного теней жилища
С почетным членом адских сил

Сюда на время отпустил.
Хвостов! старинный мой дружище!
Скажи, как время ты ведешь?
Здорово ль, весело ль живешь?»
«Увы! несчастному поэту, —
Нахмуясь отвечал Хвостов, —
Давно ни в чем удачи нету.
Скажу тебе без дальних слов:
По мне, с парнасского задору
Хоть удавись — так в ту же пору.
Что я хорош, в том клясться рад.
Пишу, пою на всякий лад.
Хвалили гений мой в газетах,
В «Аспазии» боготворят.
А все последний я в поэтах,
Меня бранит и стар и млад,
Читать стихов моих не хотят,
Куда ни сунусь, всюду свист —
Мне враг последний журналист,
Мальчишки надо мной хохочут.
Анастасевич лишь один,
Мой верный крестник, чтец и сын,
Своею прозой уверяет,
Что истукан мой увенчает
Потомство лавровым венцом.
Никто не думает о том,
Но я — поставлю на своем.
Пускай мой перузмахер снова
Завьет у бедного Хвостова
Его поэмой заказной
Волос остаток уж седой,
Геройской вружась отвагой,
И жизнь я кончу над бумагой
И буду в аде век писать
И притчи дьяволам читать».
Денис на то пожал плечами;
Курьер богов захохотал
И, над свечой замахнув крылами,
Во тьме с Фонвизиним пропал.
Хвостов не слишком изумился,
Спокойно свечку засветил —
Вздохнул, зевнул, перекрестился,
Свой труд доканчивать пустился,
Поутру оду смастерил
И ею город усыпил.

Меж тем, поклон отдав Хвостову
Творец, списавший Простакову,
Три ночи в мрачных чердаках
В больших и малых городах
Пугал российских стиходеев.
В своем *боскете* князь Шальной,
Краса писателей-Морфеев,
Сидел за книжкой записной,
Рисую в ней цветки, кусточки,
И, движа вздохами листочки,
Мочил их нежною слезой;
Когда же призрак столь чудесный
Очам влюбленного предстал,
За платье ухватясь любезной,
О страх! он в обморок упал.
И ты, славяно-росс надутый,
О Безглагольник пресловутый,
И ты едва не побледнел,
Как будто от Шишкова взгляда;
Из рук упала *Петриада*,
И дикий взор оцепенел.
И ты, попами воскормленный,
Дьячком псалтири обученный,
Ужасный критикам старик!
Ты видел тени грозный лик,
Твоя невинная другиня,
Уже поблекший цвет певиц,
Вралих Петрополя богиня,
Пред ним со страха пала ниц.
И ежемесячный вздыхатель,
Что в свет бесстыдно издает
Кокетки старой кабинет,
Безграмотный школяр-писатель,
Был строгой тенью посещен;
Не спас ребенка Купидон;
Блюстителю чести муз усердный
Его журил немилосердно
И уши выдрал бедняка;
Страшна Фонвизина рука!

«Довольно! нет во мне охоты,—
Сказал он,— у худых писцов
Лишь время тратить; от зевоты
Я снова умереть готов;
Но где певец Екатерины?»

«На берегах поет Невы». —
«Итак, стигийския долины
Еще не видел он?» — «Увы!»
«Увы? скажи, что значит это?»
«Денис! полнощный лавр отцвел,
Прошла весна, прошло и лето,
Огонь поэта охладел;
Ты все увидишь сам собою;
Слетим к певцу под сединою
На час послушать старика». —
Они летят, и в три мига
Среди разубранной светлицы
Увидели певца Фелицы.
Почтенный старец их узнал.
Фонвизин тотчас рассказал
Свой в том мире похождения.
«Так ты здесь в виде привиденья?.. —
Сказал Державин, — очень рад;
Прими мои благословенья...
Брысь, кошка!.. сядь, усопший брат;
Какая тихая погода!..
Но, кстати, вот на славу ода, —
Послушай, братец». И старик,
Покашляв, почесав парик,
Пустился петь свое творенье,
Статей библейских преложенье,
То был из гимнов гимн прямой.
Чета бесплотных в удивленье
Внимала молча песнопенье.
Поникнув долу головой:

«Открылась тайн священных дверь!..
Из бездн исходит Луцифер,
Смиренный, но челоперунный.
Наполеон! Наполеон!
Париж, и новый Вавилон,
И кроткий агнец белорунный,
Превосходясь, как дивий Гог,
Упал, как дух Сатанаила,
Исчезла демонская сила!..
Благословен господь наш бог!»...

«Ого! — насмешник мой воскликнул, —
Что лучше эдаких стихов?
В них смысла сам бы не проникнул

Покойный господин Бобров;
Что сделалось с тобой, Державин?
И ты судьбой Невтону равен,
Ты бог — ты червь, ты свет — ты ночь...
Пойдем, Меркурий, сердцу больно;
Пойдем — бешуся я невольно».
И мигом отлетел он прочь.

«Какое чудное явление!» —
Фонвизин спутнику сказал.
«Оставь пустое удивленье, —
Эрмий с усмешкой отвечал. —
На Пинде славный Ломоносов
С досадой некогда узрел,
Что звучной лирой в сонме россов
Татарин бритый возгремел,
И гневом Пиндар Холмогора
И тайной завистью горел.
Но Феб услышал глас укора,
Его покоить захотел,
И спотыкнулся мой Державин
Апокалипсис преложить.
Денис! он вечно будет славен,
Но, ах, почто так долго жить?»

«Пора домой, — вещал Эрмию
Ужасный рифмачам мертвец, —
Оставим наскоро Россию;
Бродить устал я наконец».
Но вдруг близ мельницы стучащей,
Средь рощи сумрачной, густой,
На берегу реки шумящей
Шалаш является простой:
К калитке узкая дорога;
В окно склонился древний клен,
И Фальконетов Купидон
Грозит с усмешкой у порога.
«Конечно, здесь живет певец, —
Сказал, обрадуясь, мертвец, —
Взойдем!» Взошли и что ж узрели?
В приятной неге, на постеле
Певец пенатов молодой
С венчанной розами главой,
Едва прикрытый одеялом,
С прелестной Лилою дремал

И, подрумяненный фиалом,
В забвенье сладостном шептал.
Фонвизин смотрит изумленный.
«Знакомый вид; но кто же он?
Уж не Парни ли несравненный,
Иль Клейст? иль сам Анакреон?»
«Он стоит их,— сказал Меркурий,—
Эрата, грации, амуры
Венчали миртами его,
И Феб цевницею златою
Почтил любимца своего;
Но, лени связанный уздою,
Он только пьет, смеется, спит
И с Лилой нежится младою,
Забыв совсем, что он пиит».
«Так я же разбужу повесу»,—
Сказал Фонвизин, рассердясь,
И в миг отдернул занавесу.
Певец, услыша вещей глас,
С досадою весь в пуху проснулся,
Лениво руки протянул,
На свет насилу проглянул,
Потом в сторонку обернулся
И снова крепким сном заснул.
Что делать нашему герою?
Повеся нос, идти к покою
И только про себя ворчать.
Я слышал, будто бы с досады
Бранил он русских без пощады
И вот изволил что сказать:
«Когда Хвостов трудиться станет,
А Батюшков спокойно спать,
Наш гений долго не восстанет,
И дело не пойдет на лад».

1815

В. Л. ПУШКИН

ЗАВИСТНИКИ СОЛОВЬЯ

Весною пел лесов Орфей,
И все ему внимали.
В восторге дерева, казалось, трепетали,

Игривый не шумел ручей,
И пастухи свои оставили свирели.
Угрюмые сычи, нахмурясь, сидели
Иль, лучше, прятались в дуплах.
Но филин, завистью свой побеждая страх,
Кричит прислушникам: «Друзья, вы оробели;
Стыдитесь: я за вас! Чего страшиться нам?
Летите кучею к болотистым водам.
Лягушка, друг наш неизменный,
Заквакает,— и соловей,
Оставленный, презренный,
Не будет восхищать гармонией своей».
Приказ провозглашен — и, вкуса враг известный,
Лягушка дерзкая квакала в водах.
И филин, и сычи, от радости в слезах,
Воскликнули: «О, дар небесный!
Какой с лягушкою равняется певец?»
Малиновка, трусиха,
Виляя хвостиком, твердила исподтиха:
«Лягушке слава и венец!» —
«Тебе ли,— говорит ей зяблик с сожаленьем,—
Пленяться кваканьем лягушки водяной?»
Малиновка, что сделалось с тобой?
Одумайся! Сама ты восхищалась пеньем
Весны любимца, соловья...
Неужели сычи малиновке друзья?
Меж нами ты слыла вострушкой;
Но долго ль до беды? Заквакаешь лягушкой.
Нелепое суждение вралеи
Нимало не обидно,
Но в шайке быть сычей
Малиновке грешно и стыдно.

<1815>

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

К ПЕРУ МОЕМУ

Перо мое! давно бродящая рука
По девственной тебя бумаге не водила;
Дремотой праздности окованы чернила;
И Муза, притаясь, любимцу ни стишка
Из жалости к нему и ближним не внушила.

Я рад! Пора давно расстаться мне с тобой!
 Что пользы над стихом чужих и свой покой,
 Как труженик, губить с утра до ночи темной
 И теревить свой ум, чтоб шуткою нескромной
 Улыбку иногда с насмешника сорвать?
 Довольно без меня здесь есть кому писать;
 И Глазунов моей не алчет скудной дани.
 К тому ж, прощаясь, я могу тебе сказать:
 С тобой не наживу похвал себе, а брани.
 Обычай дурен твой, пропасть недолго с ним.
 Не раз против меня ты подстрекало мщенье;
 Рожденный сердцем добр, я б всеми был любим,
 Когда б не ты меня вводило в искушение.
 Как часто я, скрепясь, поздравить был готов
 Иного с одою, другого с новой драмой,
 Но ты меня с пути сбивало с первых слов!
 Приветствием начну, а кончу эпиграммой.
 Что ж тут хорошего? В посланиях моих
 Нескромности твоей доносчик — каждый стих.
 Всегда я заведен болтливостью твоею;
 Все выскажешь тотчас, что на сердце имею.
 Хочу ли намекнуть об авторе смешном?
 Вдыхалов, как живой, на острие твоём.
 Неуждой нужно ль мне докончить стих начатый?
 Любой славянофил идет в мой стих заплатой.
 И кто мне право дал, вооружась тобой,
 Парнасской братьи быть убийцей-судией?
 Мне ль, славе чуждому, других в стихах
 бесславить?
 Мне ль, быв защитником несправедливой войны,
 Бессовестно казнить виновных без вины?
 Или могу в вину по чести я поставить
 Иному комику, что за дурной успех
 Он попытался нас трагедией забавить,
 Когда ее презрел единодушный смех?
 Прямой талант — деспот, и властен он на сцене
 Дать Талии колпак, фафошку Мельпомене.
 Иль, вопреки уму, падет мой приговор
 На од торжественных торжественный набор,
 Сих обреченных жертв гостеприимству Леты,
 Которым душат нас бездушные поэты?
 Давно — не мне чета — от них зевает Двор,
 Но как ни оскорбляй рифмач рассудок здравый,
 Пред взором венчанной премудрости и славы
 Под милостивый он подходит манифест.

Виновник и вина равно забыты оба;
Без нас их колыбель стоит в преддверье гроба.
Пуускай живут они, пока их моль не съест!
Еще когда б — чужих ошибок замечатель —
Ошибкам чужд я был, не столько б я робел,
С возвышенным челом вокруг себя смотрел,
И презрен был бы мной бессильный неприятель.
Но утаить нельзя: в стихах моих пятно
В угоду критике найдется не одно.
Язык мой не всегда бывает непорочным,
Вкус верным, чистым слог, а выраженье точным;
И часто, как примусь шутить насчет других,
Коварно надо мной подшучивает стих.
Дай только выйти в свет, и злоба ополчится.
И так уже хотел какой-то доброхот
Мидасовым со мной убором поделиться.
Дай срок — и казни день решительный придет.
Обиженных творцов, острящих втайне жалы,
Восстанет на меня злопамятный народ.
Здесь бранью закипят досужные журналы;
И Гаспар с шубами нагрывает на меня,
А там, перед людьми и небом обвиня,
Смущенный моралист безделкою невинной
За шутку отомстит мне проповедью длинной,
От коей сном одним избавлюсь разве я.

Брань ядовитая — не признак дарованья.
Насмешник может быть сам жертвой осмеянья.
Не тщетной остротой, но прелестью стихов
Жуковский каждый час казнит своих врагов,
И вкуса, и ума врагов ожесточенных.
В творениях его, бессмертью обреченных,
Насмешек не найдет злословцев жадный взор;
Но смелый стих его бледнеющим зоилам
Есть укоризны нож и смерти приговор.
Пример с него бери; но если не по силам
С его примером мне успехам подражать,
То лучше до беды бумаге и чернилам,
Перо мое, поклон нам навсегда отдать.
Союз наш разорвем; в нем вред нам неизбежный;
В бездействии благом покойся на столе;
О суете мирской забудь в своем угле
И будь поверенным одной ты дружбы нежной.
Но если верить мне внушения ума,
Хоть наш разрыв с тобой и мудр, и осторожен,

Но, с грустью признаюсь, не может быть надежен;
Едва ль не скажет то ж и опытность сама.
Героев зрели мы, с полей кровавой бури
Склонившихся под сень безоблачной лазури
И в мирной тишине забывших браней гром;
Вития грозных дней — меч праздный со щитом
В обители висел в торжественном покое:
Семейный гражданин не думал о герое.
Корысти алчный раб, родных берегов беглец,
Для злата смерть презрев средь бездны
разъяренной,
Спокойный домосед, богатством пресыщенной,
Под кровом отческим встречает дней конец,
Любовник не всегда невольником бывает.
Опомнится и он! оковы разрывает
И равнодушно зрит, отступник красоты
Коварства новых жертв — игралище мечты.
Есть свой черед всему — трудам, успокою;
И зоркий опыт вслед слепому заблуждёнью
С светильником идет по скользкому пути.
Рассудку возраст есть; но в летописях света
Наш любопытный взгляд едва ль бы мог найти
От ремесла стихов отставшего поэта.
Он пишет, он писал, он будет век писать.
Ни летам, ни судьбе печати не сорвать
Раз врезанной в чело служителя Парнаса.
В пеленках Арует стихами лепетал,
И смерть угрюмую стихами он встречал.
Несчастья от Муз не отучили Тасса.
И Бавий наш в стране, где зла, ни мести нет
(О тени славные, светила прежних лет,
Простите дерзкое имен мне сочетанье),
И Бавий — за него пред небом клятву дам —
По гроб не изменит ни рифмам, ни свисткам:
Вотще насмешки, брань и дружбы увещанье!
С последним вздохом он издаст последний стих.

Так, видно, вопреки намерений благих,
Хоть Бавия пример и бедствен и ужасен,
Но наш разрыв с тобой, перо мое, напрасен.
Природа верх возьмет, и в самый этот час,
Как проповедь себе читал я в первый раз,
Коварный Демон рифм, злословцам потакая
И слабый разум мой прельщеньем усыпляя,
Без ведома его, рукой моей водил

И пред лицом судей с избытком отягчил
Повинную главу еще виною новой.
С душою робкою, к раскаянью готовой,
Смирясь пред судьбой и вновь дружусь с пером.
Но Бавия вдали угадываю взором:
Он место близ себя, добытое позором,
Указывает мне пророческим перстом.

1816

ПОГРЕБ

С Олимпа изгнаны богами
Веселость с Истиной святой
Шатались по свету друзьями,
Людьми довольны и собой;
Но жизнь бродяг им надоела,
Наскучила и дружбы связь,
В колодезь Истина засела,
Веселость в погреб убралась.

На юность вечную от граций
С патентами Анакреон
И мудрый весельчак Гораций
К ней приходили на поклон.
Она их розами венчала,
И розы дышат их теперь;
Она Державина внушала,
Когда ковша он славил дочь.

Она в Мелецком воскресила
На хладном севере Шолье
И с Дмитриевым друзей манила
На скромное жите-бытье.
И Пиндар наш — когда сослаться
На толки искренних повес —
Охотник в погреб был спускаться,
Чтобы взноситься до небес!

Почто же наших дней поэты
Не подражают старикам
И музы их, наяды Леты,
Зевая, сон наводят нам?
Или, покрывшись облаками,

Не хочет Феб на нас взглянуть?
Нет! К славе путь зарос меж нами
За то, что в погреб брошен путь!

От принужденья убегает
Подруга резвости, любовь;
Она в гостинной умирает,
А в погребѣ живится вновь.
У бар частехонько встречаешь,
Что разум заменен вином,
Перед столом у них зеваешь,
Но не зеваешь за столом.

Друзья! Вы в памяти храните,
Что воды воду лишь родят, —
Восторг стихов вы там ищите,
Где расцветает виноград.
О, если б Бахус в наказание
Мне шайку водоопийц отдал,
Я всех бы их на покаянье
В порожний погреб отослал!

1816

ВСЯКОЙ НА СВОЙ ПОКРОЙ

Портных у нас в столице много,
Все моде следуют одной,
Шьют ровной, кажется, иглой,
Но видишь, всматриваясь строго,
Что каждый шьет на свой покрой.

Портными нас всех можно счислить:
Покрой у каждого есть свой,
И тот, кто мастер сам плохой,
Других принудить хочет мыслить
И поступать на свой покрой.

Дай бог покойнику здоровье!
Волтер чудесный был портной:
В стихах, записочке простой,

В исторье, в сказках, в богословье —
Везде найдешь его покрой.

Уча, нас комик забавляет:
Хвастун тому пример живой;
Но Гашпар сам себе большой,
И на смех прочим одевает
Он Талию на свой покрой.

Старик Федул, муж правил строгих,
Быть хочет в доме головой;
Жена молчит пред ним рабой,
Но *голове*, не хуже многих,
Наряды шьет на свой покрой.

Язык наш был кафтан тяжелый
И слишком пахнул стариной;
Дал Карамзин покрой иной.
Пускай ворчат себе расколы!
Все приняли его покрой.

Пусть про баллады точат сказки,
И черт качает в них горой;
Но в них я вижу слог живой,
Воображенье, чувство, краски,—
Люблю Жуковского покрой.

Пусть мне дурачество с любовью
Дурацкий шьют кафтан порой;
Лишь парк триумвират седой
Не торопился б по условию
Убрать меня на свой покрой!

<1817>

КАТАЙ-ВАЛЯИ

Какой-то умник наше тело
С повозкой сравнивать любил
И говорил всегда: «В том дело,
Чтобы вожатый добрый был».

Вожатым мне любовь досталась,
Пускай несет из края в край,
Пока повозка не сломалась,
Катай-валяй!

Когда я приглашен к обеду,
К надменному вельможе в дом,
Или в ученую беседу,
Пускай везут меня шажком.
Но если еду на свиданье,
Где с другом ждет меня Токай
Иль граций милое собранье
Катай-валяй!

По нивам, по коврам цветистым
Не буду торопиться в путь;
В тени деревьев, под небом чистым
Готов беспечно я заснуть.
Спешит от счастья безрассудной:
Меня, о время, не замай;
Но по ухабам жизни трудной
Катай-валяй!

Издатели сухих изданий,
Творцы, на коих Север спит,
Под ношей ваших дарований
Пегас как вкопанный стоит.
Но Феба и Беллоны крестник,
Пегаса смело ты седлай
И к славе удалой наездник,
Катай-валяй!

Любовь! вожатый мой, хранитель,
Молю, пребудь всегда со мной!
Но время, радостей губитель,
Несется нам вослед с косою.
Оно поймает и с дороги
Потащит в мрачный свой сарай...
Друзья! Пока хранят нас боги,
Катай-валяй!

Вторая половина 1810-х гг.

А. Ф. ВОЕЙКОВ

ДОМ СУМАСШЕДШИХ

(Редакция 1814—1817 гг.)

1

Други милые! Терпенье!
Расскажу вам чудный сон.
Не игра воображенья,
Не случайный призрак он.
Нет — но мщенью предыдущий
И грядущий с неба глас,
К покаянию зовущий
И пророческий для нас.

2

Ввечеру, простившись с вами,
Я в углу сидел один,
И Кутузова стихами
Я растапливал камин,
Подбавлял из Глинки сору
И твоих, о Мерзляков!
Из «Амура» по сю пору
Недоконченных стихов.

3

Дым от смеси этой едкой
Нос мне сажей закоптил
И в награду крепко, крепко
И приятно усыпил.
Снилось мне, что в Петрограде,
Чрез Обухов мост пешком
Перешед, спешу к оgrade
И вступаю в желтый дом.

От любви сумасшедших
 В список бегло я взглянул
 И твоих проказ прошедших
 Длинный ряд вспомянул,
 О Кокошкин! Долг романам
 И тобою заплачен;
 Но сказав «прости» обманам,
 Ты давно уж стал умен.

Ах! И я... Но сновиденье
 Прежде, други, расскажу:
 Во второе отделение
 Я тихонечко вхожу.
 Тут — один желает трона,
 А другой — владеть луной,
 Тут — портрет Наполеона
 Намалеван как живой.

Я поспешными шагами
 Через залу перешел
 И увидел над дверями
 Очень четко: «Сей отдел —
 Прозаистам и поэтам,
 Журналистам, авторам,
 Не по чину, не по летам,
 Здесь места по номерам».

Двери настежь Надзиратель
 Отворя мне, говорит:
 «Нумер первый — ваш приятель,
 Каченовский здесь сидит,
 Букву «э» на эшафоте
 С торжеством и пеньем жжет,
 Ум его всегда в работе:
 По крюкам стихи поет,

То кавыки созерцает,
 То обнюхивает гниль,
 Духу роз предпочитает,
 То сметает с книжиц пыль
 И в восторге, восклицая,
 Набивает ею рот:
 «Сор славянский, пыль родная!
 Слаще ты, чем мед и сот!»

Вот на розовой цепочке
 Спичка Шаликов в слезах,
 Разрумяненный, в веночке,
 В ярко-планжевых чулках.
 Прижимая веник страстно,
 Кличет граций здешних мест
 И, мяуча сладострастно,
 Размазю без масла ест.

Номер третий: на лежанке
 Истый Глинка восседит.
 Перед ним дух русский в склянке
 Нераскупорен стоит,
 Книга кормчая отверста,
 И уста отворены,
 Сложены десной два перста,
 Очи вверх устремлены.

«О Расин! Откуда слава?
 Я тебя, дружок, поймал —
 Из российского Стоглава
 Ты «Гафолию» украл.
 Чувств возвышенных сиянье,
 Выражений красота
 В «Андромахе» — подражанье
 «Погребению кота»».

«Ты ль Хвостов? — к нему вошедши,
 Вскликнул я. — Тебе ль здесь быть?
 Ты дурак — не сумасшедший,
 Не с чего тебе сходить». —
 «В Буало я смысл добавил,
 Лафонтеня я убил,
 Я Расина обесславил», —
 Быстро он проговорил.

И читать мне начал оду,
 Я искусно улизнул
 От мучителя, но в воду
 Прямо из огня нырнул:
 Здесь старик с лицом печальным
 Букв славянских красоту
 Мажет золотом сусальным
 Пресловутую *фиту*.

И на мебели повсюду
 Коронованное *кси*,
 Староверских книжиц груды
 И в окладе *ик* и *пси*,
 Том в сафьян переплетенный
 Тредьяковского стихов
 Я увидел, изумленный,
 И узнал, что то Шишков.

Вот Сладковский восклицает:
 «Се, се Россы, се сам Петр!
 Се со всех сторон сияет
 Молния из тучных недр!
 И чрез Ворсклу при преправе
 Градов на суше творец
 С твердостью пошел он к славе —
 И поэме сей конец!»

Вот Жуковский, в саван длинный
 Скутан, лапочки крестом,
 Ноги вытянув умильно,
 Черта дразнит языком,
 Видеть ведьму вображает
 И глазком ей подмигнет,
 И кадит, и отпевает,
 И трезвонит, и ревет.

Вот Кутузов: он зубами
 Бюст грызет Карамзина,
 Пена с уст течет ручьями,
 Кровью грудь обогрена.
 Но напрасно мрамор гложет,
 Только время тратит в том,
 Он вредить ему не может
 Ни зубами, ни пером.

Но Станевич в отдаленьи,
 Увидав, что это я,
 Возопил в остервененьи:
 «Мир! Потомство! За меня
 Злому критику отмстите,
 Мой из бронзы вылив лик.
 Монумент соорудите,
 Я заслугами велик!»

«Как! И ты бессмертьем льстишься?
 О червяк! Отец червей! —
 Я сказал. — И ты стремишься
 К славе из норы своей?
 И тогда как свет не знает,
 Точно где, в каких местах
 Храбрый Игорь почивает,
 Где Пожарского скрыт прах,

Где блистала Ниневия
 И роскошный Вавилон,
 Русь давно ль слывет Россия?
 Кем наш север заселен?» —
 «Двор читал мой творенья, —
 Прервал он, — и государь
 Должен в знак благоволенья...»
 Стой, дружок. Наш добрый царь

Дел без нас имеет кучу:
 То мирит смятенный мир,
 От царей отводит гучу,
 То дает соседям пир,
 То с вельможами хлопочет,
 То ссылает в ссылку зло,
 А тебя и знать не хочет,
 Посиди — тебе тепло.

Чудо! Под окном на ветке
 Крошка Батюшков висит
 В светлой, проволочной клетке
 В баночку с водой глядит,
 И поет певец согласный:
 «Тих, спокоен сверху вид,
 Но спустись туда — ужасный
 Крокодил на дне лежит».

Вот Грузинцев, и в короне,
 И в сандалиях, как царь,
 Горд в мишурном он хитоне,
 Держит греческий букварь.
 «Верно, ваше сочиненье?» —
 Скромно задал я вопрос.
 «Нет, Софоклово творенье», —
 Отвечал он, вздернув нос.

Я бежал без дальних споров,
 «Вот еще», — сказали мне.
 Я взглянул: Максим Невзоров
 Углем пишет на стене:
 «Если б так, как на Вольтера,
 Был на мой журнал расход,
 Пострадала б горько вера:
 Я вредней, чем Дидерот».

От досады и от смеху
 Утомлен, я вон спешил,
 Горькую прервав утеху,
 Но Смотритель доложил:
 «Ради вы или не ради,
 Но указ уж получен:
 Вам нельзя отсель ни пяди».
 И указ тотчас прочтен:

«Тот Воейков, что Делиля
 Столь безбожно исказил,
 Истерзать хотел «Эмиля»
 И Вергилию грозил,
 Должен быть как сумасбродный
 В цепь посажен в желтый дом;
 Темя всё обрить сегодня
 И тереть почаще льдом».

Прочитав, я ужаснулся,
 Хлад по жилам пробежал,
 И, проснувшись, не очнулся,
 И не верил сам, что спал.
 Други, вашего совету,
 Без него я не решусь:
 Не писать — не жить поэту,
 А писать начать — боюсь.

1814—1817

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

УХАБ

Кибитка не Парнас.

В. Л. Пушкин

Над кем судьбина не шутила?
И кто проказ ее не раб?
Слепая приговор скрепила —
И с бала я попал в ухаб!

В ухабе сидя, как в берлоге,
Я на досуге рассуждал
И в свете, как и на дороге,
Ухабов много насчитал.

Ухабист путь к столице счастья,
Но случай будь на облучке —
Ни ям не бойся, ни ненастья!
Засни — проснешься, сон в руке!

Тебя до места, друг убогий,
Достоинство не довезет:
Наедет случай — и с дороги
Как раз в ухаб тебя столкнет.

Чем груза более в поклаже,
Чем выше ход твоих саней,
Тем путь опасней! Яма та же
В смиренных розвальнях сносней!

Хоть выровнен паркет придворный,
Но встретишь ямы и на нем;
Простяк в них сядет, а проворный
Готов вскарабкаться ползком.

Коварный друг с улыбкой сладкой
Вам руку ласки подает,
А сам, того и жди, украдкой
Другой рукой в ухаб толкнет.

Иной по Липецкому тракту
Доехать к Талии хотел,

Но с первого он сбился акту,
В ухаб попался и засел.

Рифмач! Когда в тебе есть совесть,
В чужие сани не садись:
Ты Фаэтона вспомни повесть
И сесть в ухаб поберегись!

Друзья! Для вас моя проказа!
Я приговора жду от вас:
С хребта крылатого Пегаса
В ухаб попал ли в добрый час?

1818

ИЗ «СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ»

Кто-то написал:

Пускай Сперанский образует,
Пускай на вкус Беседа плюет
И хлещет ум в бока хвостом:
Я не собьюся с панталыка!
Нет, мое дело только пить
И на них глядя говорить:
Сомте ça брусника!

С этим припевом написано было несколько куплетов. Вьельгорский положил их на музыку, и они весело и шумно распевались на приятельских ужинах.

ЭПИГРАММЫ

К. Н. БАТЮШКОВ

СОВЕТ ЭПИЧЕСКОМУ СТИХОТВОРЦУ

Какое хочешь имя дай
Твоей поэме полудикой:
Петр длинный, Петр большой, но только Петр Великой —
Ее не называй.

1810

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ДРУЗЬЯ НЫНЕШНЕГО ВЕКА

Картузов другом просвещенья
В листках провозгласил себя.
О времена! О превращенья!
Вот каковы в наш век друзья!..

⟨1812⟩

* * *

Картузов — сенатор,
Картузов — куратор,
Картузов — поэт.
Везде себе равен,
Во всем равно славен,
Оттенков в нем нет:
Худой он сенатор,
Худой он куратор,
Худой он поэт.

⟨1813⟩

* * *

Один Фаон, лезбосская певица,
Тебе враждой путь к морю проложил;
Другой Фаон, по смерти твоей убийца,
Тебя в стихах водяных потопил.

1810-е гг.

* * *

В двух дюжинах поэм воспевший предков сечи,
Глаголом ни стиха наш лирик не убил.
Как жалко мне, что он частей и прочих речи,
Как и глаголы, не щадил.

1810-е гг.

ОТВЕТ ФОНВИЗИНА

Тупой остряк и приторный шутник,
Прославленный толпы минутным шумом,
Проговорясь — знать, враг ему язык, —
Фонвизина назвал Минервы кумом.
«Зачем же нет? — смеясь, сказал ему
У русских муз Теренция наместник. —
Быть может, в ней и нажил я куму,
Но поручусь, что был не ты наш крестник!»

1810-е гг.

* * *

Между Харибдой и Сциллою
Немилосердный рок Россию волновал,
Погибшую ждал плен унылый,
Спасенную — ее Мизинцев с песнью ждал.

1813 (?)

* * *

Шишков недаром корнеслов;
Теорию в себе он с практикою вяжет:
Писатель, вкусу шиш он кажет,
А логике он строит ков.

1810-е гг.

* * *

Кто вождь у нас невеждам и педантам?
Кто весь иссох из зависти к талантам?
Кто гнусный лжец и записной зоил?
Кто, если мог вредить бы, вреден был?
Кто, не учась, других охотно учит,
Врагов смешит, а приближенных мучит?
Кто лексикон покрытых пылью слов?
Все в один раз ответствуют: Шишков!

<1815>

МАДРИГАЛ ГАШПАРУ

Сбылось мое пророчество пред светом:
Обмолвился Гашпар, и за мои грехи
Он доказал из трех одним куплетом,
Что можно быть дурным поэтом
И написать хорошие стихи.

<1816>

А. С. ПУШКИН

* * *

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

1815

В. Л. ПУШКИН

ЭПИТАФИЯ

Здесь Пушкин наш лежит; о нем скажу два слова:
Он пел Буянова и не любил Шишкова.

1816

В. Л. ПУШКИН (?)

СРАВНЕНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ РОДИМОЙ СЛОВЕСНОСТИ С ИНОЗЕМНОЮ

Кто наши трагики? — Грузинцев, Висковатов.

Кто лирик наш? — Мурза Шихматов.

Кто Депрео, Вольтер? — Шуб краденых певец.

Кто Фонтенель, Томас? — Захаров молодец.

Кто наш Фрерон? — Анастасевич.

Гробокопатель Юнг? — Станевич.

Ламотт, Шолье, Лафарг? — Всех перешиб Хвостов!

Кто Мармонтель, Лагарп? — Что за вопрос! Шишков!

Кто Сен<-Реаль>, Веротт? — Гераков, внук Биаса.

Какая честь! увы! для русского Парнаса!

<1816>

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

* * *

Когда беседчикам Державин пред концом
Жилища своего не завещал в наследство,
Он знал их твердые права на желтый дом
И прочил им соседство.

Конец 1816 — начало 1817

А. С. ПУШКИН

* * *

*Пожарский, Минин, Гермоген,
Или Спасенная Россия.*

Слог дурен, темен, напыщен —
И тяжки словеса пустые.

1814—1817

В. Л. ПУШКИН

<НА ПОСТАНОВКУ ТРАГЕДИИ «АЛЬЗИРА»,

переведенной П. М. Карбачковым>

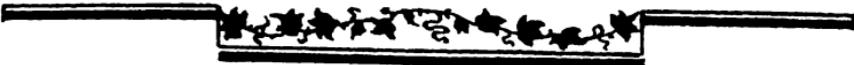
Гусмана видел я, Альзиру и Замора.
Умора!

<1816>

* * *

Читая Пустодома,
Несчастный жребий свой наш Гашпар предузнал.
Партера грозного он, не дождавшись грома,
Осмеянный — упал.

1819

«ХВОСТОВИАНА»

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

* * *

Ага, плутовка мышь, попалась, нет спасенья!
Умри! Ты грызть пришла здесь Дмитриева том,
Тогда как у меня валялись под столом
Графова сочиненья!

⟨1811⟩

* * *

Зоилы берегов Невы!
Достоинства от вас Хвостову не убудет:
Он вам назло и был, и есть, и будет
Эзопом с ног до головы.

1810-е гг.

* * *

Твой список послужной и оды,
Хвостов! доказывают нам,
Что ты наперекор природы
Причелся к графам и певцам.

1810-е гг.

* * *

Как «Андромахи» перевод
Известен стал у стихских вод,
И наших дней Прадон прославился и в аде.

«Зачем писать ему? — сказал Расин в досаде.—
Пускай бы он меня в покое оставлял,
Творения с женой другие б издавал».
Жена же, напротив, когда он к ней подходит,
Жалеет каждый раз, что он не переводит.

1810-е гг.

* * *

Как мастерски пророков злых подсел
Рифмач, когда себя в печать отправил;
Им вопреки, он на своем поставил
И сотню од не про себя пропел:
В наборщиках читателей имел
И цензора одобрить их заставил.

1810-е гг.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ПИСЬМО

(при посылке басен)

Покойный батюшка, учитель в здешней народной школе, писал стихи, но не отдавал их в печать потому, что, несмотря на благодетельные следы отечественного просвещения, из российских городов не более десяти пользуются типографиями, а наш принадлежит к тому числу, которое довольствуется читать еще по рукописям. Не худо, мне кажется, было бы выслать к нам из столиц отчаяннейших мучителей печати; пускай бы они здесь посидели на рукописном прокормлении, авось отстали бы от охоты прибирать слова к словам. Но дело не в том; любимый род батюшки был притчи. Он часто говаривал, кто что ни сказывай, а скотов легче заставить говорить, чем людей. По крайней мере не взыщут, если за них проврешься. Притчи его, переписанные за несколько дней до кончины, были преумножены посвящением, но к кому, не знаю. Признаюсь в своем невежестве, я не батюшкин сынок: он смотрел всегда в книги или на бумагу, матушка за учениками, которые были поболее ростом, а я за гусями, которыми город наш гораздо богаче, чем людьми. Оттого родитель мой

мне никогда и не сказывал о своих упражнениях, и я никогда и не спрашивал о них. Однако же в завещании родительском нашел его желание, чтобы все бумаги были пересланы в Петербург. Один проезжающий сказывал мне на днях, что недавно учрежден Комитет опекунства о Арзамасских гусях, наподобие того, который учрежден о жидах. Сему радостному известию обязан я сыновним удовольствием исполнить последнюю волю покойного родителя и просить вас принять под свое покровительство притчи, единоплеменные гусям, с которыми совокупно повергаясь к ногам вашим с истинным высокопочитанием пребуду навсегда ваш нижайший слуга

Ефрем Гусин

*Арзамас
1-го апреля 1817 г.*

ПРИТЧИ

Я в царстве притченном так, как пчела, летаю.

«Мешки судьбы». Притчи гр. Хвостова.

Ослу в рот не вложи разумны разговоры,
Ни филину, сове не дай прекрасны взоры.

Поэма «Притчи» гр. Хвостова.

Уверь, что звери все перед моим крыльцом.

Из той же поэмы и того же гр. Хвостова.

Не вздумай по небу кататься на ослах.

Все из той же поэмы и того же гр. Хвостова

Словесность на верхи кремнистых гор взлетает.

Из «Послания о пользе словесности» гр. Хвостова.

Иные, разум весь включая в сладость уха,
Не требуют в стихах ни вымысла, ни духа.

Гр. Хвостов.

Однако неоспоримо то, что притчи есть род
самостоятельный.

*(Из примечаний гр. Хвостова к посланиям
гр. Хвостова)*

Итак, писатель оныя (притчи) необходимо должен погрузить свое перо в совершенную естественность.

Гр. Хвостов

Кому противно что,
Тому, конечно, то
Не надо ни на что.

*Притча «Мышь и Орехи»
гр. Хвостова.*

Коль хочешь, так кусай и злился,
Но только не воняй.

Гр. Хвостов.

Павлиным гласом петь толико неспособно,
Как розами клопу запахнуть неудобно.

(Притча Дмитрия Хвостова из «Собеседника любителей Российского слова» 1783 года.)

ПОСВЯЩЕНИЕ ПРИ СЛЕДУЮЩИХ ПРИТЧАХ

Непринужденный баснослов,
Люблю я твой язык скотов:
Он прост, щеголеват и сладок,
Парнаса нашего ты приподнял упадок,
И с Елисейских нив
К тебе, наш Лафонтен, твой мастер,
Друг Сумароков Муз кричит: «Не будь ленив,
От ран словесности ты будь надежный пластырь.
Очисти вкус:
Скажи невеждам ты и школьникам Парнаса,
Что тыква, что арбуз,
И чтоб за нектар нам не выдавали кваса».
Услышь и ты мою мольбу:
Не дую я в трубу,
Не посажен я Музой в славной шайке;
Я так бренчу
На балалайке,
И сам себе я только по плечу.
Но ты, мой Меценат, взгляни на эти притчи,
В них, может быть, найдешь ты много
дичи,
Но на себя пеняй: я б их не написал,
Когда тебя бы не читал.

СОБАКА

Лягавая в болоте
Увязла на охоте
И думает себе: «Ну если б был здесь мост,
Я **(б)** прямо пробежала
И со стыдом бы здесь в грязи не утопала,
Не грызли б мне лягушки хвост».
Хоть у собаки ум и прост,
Но в этом случае не так-то глупо судит,
Вдруг издали плывет бревно,
Одно
Оно

Надежду на душе лягавой тотчас будит.
Великой аргумент: авось.
И говорит себе лягавая: не бось!
Приблизилась к бревну и вот уж поравнялась,
Собака кое-как вдруг на него взобралась
И села попросту верхом.

Потом
Собака сделалась гребцом,
Гребет, гребет не веслами, ногами,
И не поет, как вечерами
Поют матросы на Неве
Иль матушке Москве,
А просто лает,
Но к берегу, однако, счастливо приплывает.

Учитель лучший нам — нужда.
Приди беда,
И всякая собака —
Не хуже Телемака.

СТОЛ И РЕПА

Кичлива репища сидела на столе,
Как будто сосна на земле,
И осклабляя рыло,
Возвеличавшись, столу так говорила:
«Послушай стол,
По милости моей ты стал теперь престол,
Сойду, так будешь пешкой».
А стол ей отвечал с усмешкой:
«В тебе от гордости дух сперт,

Пожалуйста, ты не боцись как Ферт,
Как скушают тебя, так подадут десерт».

Так думает гордец надутый,
Что общества он честь и витязь пресловутый.

МЫШЬ

В стране, где пенится Иртыш,
Жила и проживала мышь,
А может быть, и крыса.
Она, как баба Василиса,
Все веселилася, не думая о том,
Что, может быть, придет ей встретиться с котом.
А кот — зверок известной,
И с рыла, и с хвоста премилый, препрелестной,
А попадись ему, так будет тесно.
Мяучит кот,
А мышь пищит и, прыгая, идет
Коту навстречу.
Кот мышку цап —
И вмиг царап.

Смысл басенки моей я вам, друзья, замечу:
Мы здесь живем,
К бедам плывем;
Рок — кот, мужчина — крыса;
А баба всякая — такая ж Василиса.

КЛЯЧА И КОБЫЛА

На сивой лошади из-за Москвы мужик
В октябрьски дни вез сено;
Русак ходить привык,
Не гнется под ногой колено,
Не станет он в тупик.
На голове хоть не парик,
А шапка из овчинки,
Величиною, правда, с крынки,
Но все ходить ему легко,
Хоть на ноге и не трико,
Не плис, не нанка,
А байка, да и та едва ли не изнанка.

А Буцефал,
Иль попросту сказать Российская ослица,
Сперва орал —
Его отечество не Лондонска столица.
И жеребцу
Не молодцу
Идет на лакомство лишь отрубей частица
Да из пруда водица.
Мужик идет пешком,
Лошадку бьет кнутом
И вдруг навстречу
Алпийская гора;
А грязь спора.
Мужик с лошадкою не входит в сечу,
Не бьет, не рвет, кричит: ура!
Гора крута, дорога вся из теста;
Пришлось, хоть и ни с места.
Но Русской конь
Его не тронь,
Ему труды — игрушка,
А смерть полушка.
Взобралась клячь
Без дальних сдач.
Тут вместе ехал Князь, на Английской
кобылке.
Мужик уже взошел на вышнюю степень,
А Князь мой в пень,
И на горе торчит, как гусь на вилке.
Не по хорошу мил, а по милу хорош.
Дукатов поверней подчас Российской грош.

САПОЖНИК

«Кой черт, —
Ворчит сапожник,
Работая ботфорт, —
Счастливее меня, я чаю, и пирожник!
Точу,
Стучу,
А есть-таки хочу,
Как ни верчу».
Тут Меньшиково шло с лотком потомство.

О вероломство!
Он в лужу шарк —
В лотке вить нет проворства барк,
Не поплывет он по пучине грязной,
Как исполин морской развязной,
И в луже пирожки,
Творения пирожничьей руки,
По волюшке судьбинушки проказной
Попадали в грязи,
А в пирожках ведь нет большой связи,
Щелкни тузом лишь их, развалятся на части.
Размокли разны вкусны сласти,
И моего сразил пирожника Перун!
А что же делает сапожник наш горюн?
На это глядя,
Сказал ему его почтенный дядя:
«Стыдись, стыдись, дурак,
Безмозглый плакса!
Пирожник пятится из лужи сей, как рак,
Товар его прощай, хоть в нем бывал и смак,
А сапогу в беде помочь возможен вакса».

Чем приведу свою я басенку к концу?
У каждого лица, ко каждому лицу
Своя бывает такса.
Аякс в Гектора прет, а Гектор прет в Аякса.

КЕНЬГА, САПОГ И НОГА

Однажды кеньга
Приходит к сапогу
И говорит ему: «Ты гнешь меня в дугу,
А право, за меня заплачена и денгя.
Чем я тебе не брат,
Не кум, не сват?»
Сапог молчит,
Но ножке говорит:
Послушай,
Меня хоть скушай,
А я тебе скажу,
Иль, если вслух боюсь, то скрыпом прожужжу.
Зачем меня ты давишь
И так в грязи бесславишь?»
Нога на то ответа не дарит,

А только что бежит.
Тут барин подоспел домой из булеvara,
Снял кенгу мокрую, снял мокрый сапожок.
А ножку? — нет, ее он поберег
И высушил, согрев водой из самовара.

Мы любим то, что не любить нельзя.
Такие, я видал, и на роду друзья!

ОХОТНИК И ПЛОТНИК

В одном лесу гулял охотник,
Тут был и плотник
Иль, если правильной сказать, то дровосек.
Но нет беды! Ведь он такой же человек.
Читатели простят, я не грамматик,
А просто баснослов-лунатик.
К тому ж, с кем Муза здесь дружна,
Тот знает, что подчас нам рифма солона,
Горька как редька.
Поэт, коль рассудить, несчастный, право,
Федька.

Но ба, ба! именной указ,
Такого-то числа и году,
От Феба Пиндскому народу:
Нам делать не велит отводу,
А просто продолжать начатый раз
Рассказ,
Сейчас,
Мой милостивый Феб! Прости, вперед не буду
И твой приказ
Я не забуду.
Воротимся ж в свой лес,
Где встретим мы своих повес.
Один из них, в овчинной бурке,
Был с топором,
Другой в зеленой куртке,
С ружьем.
Один пилит себе покойно елку,
Другой, на ней завидя перепелку,
Кричит: «Постой,
Негодник злой!
Ты видишь, я здесь забавляюсь
И сам стрелять на елку попускаюсь,

Дороже топора ружье».
А тот, мужик хоть неучтивый,
Но смыслом справедливый,
Сказал ему: «вранье,
Я здесь дрова рублю отцу на новоселье,
Я дело делаю, а ты безделье».

Читатели мои!
Как чванство гордое ни чванься, ни сопи,
Полезному всегда забава уступи.

ЛИСИЦА, ВОЛК И МЕДВЕДЬ

Лисица съела петуха
Иль попросту дала дурашке треуха.
Лисицу, господин чиновник,
Лесной полковник,
Зубастый волк,
Ногою толк;
Тут свистнул в ухо,
А там, безмолвствуя, себе запрятал в брюхо.
Лисице сухо;
Наш волк, насытившись, гордится впопыхах;
Но из лесу медведь, и — волк наш в дураках!
Медведю волк наш приглянулся,
Но он еще и не очнулся,
А в рот уж чебурах!
И мой бедняк лежит в медвежьих кишках.

У сильных слабые в тисках.

ПРОСВИРНЯ И ШОРНИК

В каком-то городе Французском,
А может быть, и в Прусском,
До географии ведь в баснях дела нет,
С соседкой жил сосед,
Как брат с сестрою, мирно.
Он шорник был, она была просвирной;
Да, кажется, и как им доходить до при
Иль до ссоры?

Один работал шоры,
Другая просвиры.
Вдруг, вышед из домов до утренней зари,
На улице они нашли копейку;
А в свете сплошь
Цари ведут войну за грош.
Вот бросились они на медную злодейку!
Просвирия вдруг кричит:
«Копейка мне принадлежит!»
А шорник-
Ерник
Кричит: «Нет мне!»
Дошло до драки;
Дерутся как собаки,
Как турки на войне.
Тут будочник, услыша крики
И вопли дики,
Пришел,
Взял деньги
И в съезжую моих соседов он повел,
Его без сапогов, ее без кенгги.

Отец Зевес,
Чтоб люди не дремали,
А иногда себя щипали,
Пустил на землю интерес.

ОСЕЛ

Осел <мяси>стый, вислоухой,
Тащася по полю, раз повстречался с мухой.
«Здорово, брат!» —
«Сеструшничка, здорово!»
На наш живут и звери лад:
Поклон, привет на случай, — все готово;
Не замешайся тут не то,
Ни братом, ни сестрой <не назовет> никто.
Но далее пойти, и смысл нам будет ясен.
В толк быль возьмем и быль под рожей — басен.
Идут,
Полаут;
Но мухе —
Ей всё ведь в труд;

Соскучилась и вдруг взлетела — и на ухе
У осла

Как королева прилегла.

Осел ей говорит: «Послушай ты, воструха,
Но вон с уха!

Я не носилки для тебя».

А муха говорит: «Не слушаюся я!»

И впрямь, что сделаешь с бедою неминучей?

Хоть тяжело, сердись — так будет круче;

Ты лучше потерпи. И мой осел,

Поосердяся,

Пораскричася,

Но муху <на ночлег> легохонько привел.

ТАНЦОВЩИК

Один Гишпанец

Вел вечно танец;

И день и ночь

Кувёркается, пляшет,

Глазами, головой, рукою, брюхом машет

И с полу не отходит прочь,—

Во всю трясется мочь.

Народ глядит и говорит: «Бесовщик!»

— Неправда, он простой танцовщик.

Ты говоришь ему о братьях, о куме,

О Римских чудесах, о Вавилонском саде,

А у него Фанданго на уме.

Народ глядит и говорит: «В разладе

Гишпанский ум!»

Напрасен шум!

Гишпанец не дурак, гишпанец не безбожник,

Он на свой вкус художник.

О люди, люди! вы,

Гишпанцы все, увы!

Мы все, коль рассудить, живем без головы.

Гишпанцу танцы,

Заводчику фаянцы,

Скупцу рубли,

Завоевателю клочок земли,

Любовнику приятны глазки —

Не те же ли гишпански пляски?

Один француз
Жевал арбуз.
Француз хоть и Маркиз Французский,
Но жалует кус русский,
И сладкое глотать он не весьма ленив.
Мужик, вскочивши на осину,
За обе щеки тряс рябину,
Иль, попросту сказать, Российский чернослив:
Знать, он в любви был несчастлив!
Осел, увидя то, ослины лупит взоры
И лает: «Воры! Воры!»
Но наш француз
С рожденья не был трус;
Мужик же то ж не пешка,
И на ослину часть не выпало орешка.

Здесь в притче кроется толикий узл на кус:
Что госпожа ослица,
Хоть с лаю надорвись, не будет ввек лисица.

ДОЖДЬ

Однажды
Шел дождик дважды.
А если дождь идет, то знают, что мокро,
Промокнет и ребро.
Но здесь не в этом дело,
И притченно мое перо
Изобразить не то усердие имело.
Гласит мужик:
«О Зевс велик!
Подчас и я не прочь, чтоб дождик шел на время,
Но если два дождя, то уж несносно бремя».
Зевес ему в ответ на то гремит:
«Послушай, брат! ты Жид,
Но Христианин будь, спроси лягушек племя.
Я зрю, что мочится твое плешиво темя;
Но зрю, что и с засух у них спина болит».

Когда б Зевесу внять, что вопиют Немчурки,
Французы, Итальянцы, Турки,
Пришлось ему играть бы в жмурки.

КОНЧИНА КОРОВЫ

Притча

(Подражание притче «Осел и рябина»)

У мужика корова,
Как бык была здорова,
И ест и пьет,
И долг природе свой день каждый отдает,
Иль, говоря по-русски:
Давать и творогу и сливок на закуску
Ничуть не устает.
Корова не заморска птица,
Но делать молоко ужасна мастерица.
В коровушке своей души не знал мужик,
То есть до молока охотник он велик;
Ведь у людей все внутренние части
Корыстолюбия во власти.
Но вдруг
Коровушку мою сразил недуг:
Ей невзлюбился луг,
Стал лоб нахмурен,
Она худа, бледна,
И цвет в лице стал дурен,
И голова дурна.
Бывало, светлый глаз: днесь обгорела плошка;
Корова-здоровяк — ни дать ни взять
Ободранная кошка!
Мужик ревет не час, не два, не пять,
Ревет он целы сутки;
Для мужика
Без молока
Приходит не до шутки.
Но как ни плачь, но как скотинушки ни жаль, —
Ее отправь хоть в гошпиталь.
На вопль хозяина сбежались из деревни
Матроны древни;
Весь бабий факультет
К больной приходит на совет.
Та говорит: «В корове сперлись спазмы,
Ее бы в ванну посадить»;
Другая: «Может быть, в коровушке маразмы;
Не худо прилепить
Ей шпанску муху
К уху».
А третья: «Поверьте мне, легко

В корове разлилось, быть может, молоко»;
Четвертая: «Чтобы больной помочь здоровью,
Привейте оспу ей коровью».
Тут мысль был класть всяк лих
И лезет в эскулапы.

Корова между тем, крестом сложивши лапы,
Вздыхнула раз, другой — и нет ее в живых.

Такие ж и у нас бывают штуки,
Кто как ни глуп, а лезет всяк в совет,
Доит корову в обе руки,
А всё корове пользы нет.

1813—1817

А. С. ПУШКИН

ОДА

ЕГО СИЯТ. ГР. ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ

Султан ярится ¹, Кровь Эллады
И резвоскачет ², и кипит.
Открылись грекам древни клады ³,
Трепещет в Стиксе лютый Пит ⁴.
И се — летит продерзко судно
И мечет громы обоудно.
Се Бейрон, Феба образец.
Притек, но недуг быстропарный ⁵,
Строптивный и неблагодарный
Взнес смерти на него резец.

Певец бессмертный и маститый,
Тебя Эллада днесь зовет
На место тени знаменитой,
Пред кою Цербер днесь ревет.
Как здесь, ты будешь там сенатор,
Как здесь, почтенный литератор,
Но новый лавр тебя ждет там,
Где от крови земля промокла:
Перикла лавр, лавр Фемистокла;
Лети туда, Хвостов наш! сам.

Вам с Бейроном шипела злоба,
Гремела и правдива лесть.
Он лорд — граф ты! Поэты оба!
Се, мнится, явно сходство есть. —

Никак! Ты с верною супругой ⁶
Под бременем Судьбы упругой
Живешь в любви — и наконец
Глубок он, но единообразен,
А ты глубок, игрив и разен,
И в шалостях ты впрям певец.

А я, неведомый пиита,
В восторге новом воспою
Во след пиита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бегущу,
Да Бейрона он узрит кущу ⁷,
И да блудут твой мирный сон ⁸
Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея,
Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подражание г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

² Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером в стихотворном его письме к г. Грибоедову.

³ Под словом *клады* должно разуметь правдивую ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жестоким чалмоносцам.

⁴ Г. Питт, знаменитый английский министр и известный противник свободы.

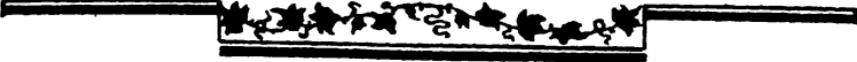
⁵ Горячка.

⁶ Графиня А. И. Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститого нашего певца. Во многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее Темирою (см. последн. замеч. к оде: «Заздравный кубок»).

⁷ Подражание его высокопр. действ. тайн. сов. Ив. Ив. Дмитриеву, знаменитому другу гр. Хвостова:

К тебе я руки простирал
Уже из отческа кущи,
Взирая на суда бегущи.

⁸ Здесь поэт, увлекаясь воображением, видит уже великого нашего лирика, погруженного в сладкий сон и приближающегося к берегам благословенной Эллады. Нептун усмиряет пред ним продержавшие волны; Плутон исходит из преисподней бездны, дабы узреть того, кто ниспослет ему в непродолжительном времени богатую жатву теней поклонников лжепророка; Зевес улыбается ему с небес; Цитерея (Венера) осыпает цветами своего любимого певца; Геба подымлет кубок за здравие его; Псиша, в образе Иполита Богдановича, ему завидует; Крон удерживает косу, готовую разить; Астрея предчувствует возврат своего царствования; Феб ликует; Игры, Смехи, Вакх и Харон веселую толпою следуют за судном нашего бессмертного пииты.

ПОСЛАНИЯ

В. А. ЖУКОВСКИЙ

К Б(ЛУДОВ)У

Послание

Веселого пути
Любезному желаю
Ко древнему Дунаю;
Забудь покой, лети
За русскими орлами;
Но в поле, под шатрами
Друзей воспоминай
И сердцу милый край,
Где ждет тебя, уныла,
Твой друг, твоя Людмила,
Хранитель-ангел твой...
С крылатою мечтой
Проникни сокровенно
В чертог уединенный,
Где, с верною тоской,
С пылающей душой,
Она одна вдыхает
И Промысл умоляет:
Да будет твой покров
В обители врагов.
Смотри, как томны очи,
Как вид ее уныл;
Ей белый свет постыл;
Одна, во мраке ночи,
Сокрылась в терем свой;
Лампаду зажигает,
Письмо твое читает
И робкою рукой

Ответ ко другу пишет,
Где в каждом слове дышит
Души ее печаль.
Лети в безвестну даль;
Твой гений над тобою;
Среди опасна бою
Его незримый щит
Тебя приосенит —
И мимо пролетит
Стрела ужасной Гелы.
Ах! скоро ль твой веселый
Возврат утешит вновь
И дружбу и любовь?..
Для скорби утоленья
Податель благ, Зевес,
Двум жителям небес
Минуты разлученья
Поверил искони.
«Да будут, — рек, — они
Один — посол разлуки,
Свидания — другой!»
И в час сердечной муки,
Когда, рука с рукой,
В тоске безмолвной, други,
Любовники, супруги
С последнею слезой,
В последнем лобызанье
Последнее прощанье
Друг другу отдают,
Мольбы из сердца льют
И тихими стопами,
С поникшими главами,
В душе скрывая стон,
Идут, осиротелы,
В свой терем опустелый;
Сын Дия Абеон,
Задумчивый, бескрылый,
С улыбкою унылой,
С отрадой скорбных слез,
Спускается с небес,
Ведомый Адеоном,
Который тихим звоном
Волшебных струн своих
Льет в сердце упованье
На близкое свиданье.

Я вижу обоих:
Один с своей тоскою
И тихую слезою,
С надеждою другой.
Прости, мой друг нелестный!
Надолго ль? неизвестно.
Но верую душой
(И вера не обманет):
Желанный день настанет —
Мы свидимся с тобой.

Или... увы! незримо
Грядущее для нас!..
Быть может, — в оный час,
Когда ты, невредимо
Свершив опасный путь,
Свободою вздохнуть
Придешь в стране родимой
С Людмилою своей, —
Ты спросишь у друзей:
«Где скрылся друг любимый?»
И что ж тебе в ответ?
«Его уж в мире нет...»
Так, если в цвете лет
Меня возьмет могила
И участь присудила,
Чтоб первый я исчез
Из милого мне круга, —
Друзья, без скорбных слез
На прах взирайте друга.
Где светлую струей
Плескает в брег зеленый
Извилистый ручей,
Где сенистые клены
Сплетают из ветвей
Покров гостеприимный,
Лобзаясь с ветерком;
Туда — лишь за холмом
Луна сквозь облак дымный
При вечере блеснет
И липа разольет
Окрест благоуханье —
Сберитесь, о друзья,
В мое воспоминанье.

Над вами буду я,
Древес под зыбкой сенью,
Невидимую тенью
Летать, рука с рукой
С утраченным Филоном.
Тогда вам тихим звоном
Покинутая мной
На юном клене лира
Пришельцев возвестит
Из таинственна мира,
И тихо пролетит
Задумчивость над вами;
Увидите сердцами
В незнаемой дали
Отечество желанно,
Приют обетованный
Для странников земли.

1810

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

⟨К БАТЮШКОВУ⟩

Мой друг! С полей амурам вслед
Погнались ласточки толпами:
Эол, предвестник сельских бед,
Шумя парит под облаками.
Дриады скрылись по дуплам,
И разукрашенная Флора,
Воздушного не слыша хора,
В печали бродит по садам.
Спешి скорей в Москву, ленивец,
Счастливый баловень харит,
Парнаса, Пафоса любимец,
Спеши, философ-сибарит!
Тебя веселье призывает
И дружба с нежностью зовет!
А тот, кто зва их не внимает,
Тот счастья вечно не найдет!
Пока еще лелеет младость,
Повеселимся, милый мой!

Пускай венки плетет нам радость,
Пока не прибрела с клюкой
Плешивая дочь ада, старость,
С подагрой, с святцами в руках
Или с твореньями Шишкова,
С сухой площадкой на грудях
И с жалкой рожею Хвостова.

1810

В. Л. ПУШКИН

ДВА ПОСЛАНИЯ

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Первое из сих Посланий (к В. А. Ж***) напечатано было в 12-м номере «Цветника» 1810 года и было причиною происшествия весьма странного в нашей словесности. Всем известна польза, истекающая из сего рода дидактических сочинений: древние и новые писатели употребляли оные для исправления пороков или, переходя от общего к частному, для направления на прямой путь в словесности молодых, неопытных авторов. Важная и благородная цель сочинений сих всегда была достойно уважаема: кто бы подумал, что в наше просвещенное время будут презирать их, подражания оным называть *модными посланиями* и, что всего хуже, отвечать на них непозволительными личностями? В одном «Присовокуплении», читанном, как уверяют, в Академии (в чем, однако ж, я весьма сомневаюсь), г. сочинитель говорит следующее:

«Сии судьи и стихотворцы в посланиях своих вызывают к *Виргилиям, Гомерам, Софоклам, Еврипидам, Горациям, Ювеналам, Саллустиям, Фукидидам*, затвердя одне только имена их и, что всего удивительнее, научась благочестию в «Кандиде» и благонравию и знаниям в *Парижских переулках*, с поврежденным сердцем и помраченным умом вопиют против невежества и, обращаясь к теням великих людей, толкуют о науках и просвещении!»

Risum teneatis, amici? * И я вместо того, чтобы сер-

* Можете ли, друзья, удержаться от смеха? (лат.)

даться на такую нескладицу, хотел бы лучше сам посмеяться ей от доброго сердца: но обвинения, относящиеся до нравственности и веры, слишком важны. Я должен был опровергнуть оные и, кажется, исполнил сие во *втором* послании к Д. В. Дашкову, равномерно навлекшему на себя учтивою критикою гнев новейших славян.

К В. А. Ж<УКОВСКОМУ>

Licuit semperque licebit
Signatum praesente notâ producere nomen.
Ut silvae foliis pro nos mutantur in annos,
Prima cadunt; ita verborum vetus interit aetes,
Et juvenum ritu florent modò nata, vigentque.

Horat. Ars poet <ica> *

Скажи, любезный друг, какая прибыль в том,
Что часто я тружусь день целый над стихом?
Что Кондильяка я и Дюмарсе читаю,
Что логике учусь и ясным быть желаю?
Какая слава мне за тяжкие труды?
Лишь только всякой час себе я жду беды;
Стихомарателей здесь скопище упрямо.
Не ставлю я нигде ни *семо*, ни *овамо*;
Я, признаюсь, люблю *К а р а м з и н а* читать
И в слоге *Д м и т р е в у* стараюсь подражать.
Кто мыслит правильно, кто мыслит благородно,
Тот изъясняется приятно и свободно,
Славенские слова таланта не дают,
И на Парнас они поэта не ведут.
Кто русской грамоте, как должно, не учился,
Напрасно тот писать трагедии пустился;
Поэма громкая, в которой плана нет,
Не песнопение, но сущий только бред.

Вот мнение мое. Я в нем не ошибаюсь
И на Горация и Депрео ссылаюсь:
Они против врагов мне твердый будут щит,

---

* Всегда было и будет впредь позволено использовать слова, освященные употреблением. Как леса на склоне года меняют листья и опадают те, что появились прежде, так проходит пора старых слов и в употреблении цветут и крепнут вновь появившиеся. *Гораций*. Наука поэзии (*лат.*).

Рассудок следовать примерам их велит.
Талант нам Феб дает, а вкус дает ученье.
Что просвещает ум? питает душу? — чтение.
В чем уверяют нас Паскаль и Боссюэт,
В Синописе того, в Степенной книге нет.
Отечество люблю, язык я русской знаю,
Но Тредьяковского с Расином не равняю;
И Пиндар наших стран тем слогом не писал,
Каким Боян в свой век героев воспевал.

Я прав, и ты со мной, конечно, в том согласен;
Но правду говорить безумцам — труд напрасен.
Я вижу весь собор безграмотных славян,
Которыми здесь вкус к изящному поправ,
Против меня теперь рыкающий ужасно!
К дружине вопиет наш Балдус велегласно:
«О братие мои, зову на помощь вас!
Ударим на него, и первый буду аз.
Кто нам грамматике советует учиться,
Во тьму кромешную, в геенну погрузится;
И еще смеет кто Карамзина хвалить,
Наш долг, о людие, злодея истребить».

Не бойся, говоришь ты мне, о друг почтенный.
Не бойся: мрак исчез! Настал нам век блаженный!
Великий Петр, потом Великая жена,
Которой именем вселенная полна,
Нам к просвещению, к наукам путь открыли,
Венчали лаврами и светом озарили.
Вергилий и Гомер, Софокл и Еврипид,
Гораций, Ювенал, Саллустий, Фукидид
Знакомы стали нам, и к вечной славе россов
Во хладном Севере родился Ломоносов!
На лире золотой Державин возгремел,
Бессмертную в стихах бессмертных он воспел;
Любимец аонид и Фебом вдохновенный,
Представил Душеньку в поэме несравненной.
Во вкусе час настал великих перемен:
Явились Карамзин и Дмитриев-Лафонтен!
Вот чем все русские должны гордиться ныне!
Хвала Великому! Хвала Екатерине!
Пусть Клигт рецензии тисненью предает —
Безумцу вопреки, Поэт всегда Поэт.

Итак, любезный друг, я смело в бой вступаю;

В словесности раскол, как должно, осуждаю.
А р и с т душою добр, но автор он дурной,
И нам от книг его нет пользы никакой;
В странице каждой он слог древний выхваляет
И русским всем словам прямой источник

знает,—

Что нужды? Толстый том, где зависть лишь
видна,

Не есть Лагарпов курс, а пагуба одна.
В славенском языке и сам я пользу вижу,
Но вкус я варварский гоню и ненавижу.
В душе своей ношу к изящному любовь;
Творенье без идей мою волнует кровь.
Слов много затвердить не есть еще ученье;
Нам нужны не слова — нам нужно просвещение.

1810

К Д. В. ДАШКОВУ

En blâmant ses écrits, ai-je d'un style affreux
Distillé sur sa vie un venin dangereux?

Boileau. Sat. IX *

Что слышу я, *Дашков*? Какое ослепленье!
Какое лютое безумцев ополченье!
Кто тщится жизнь свою наукам посвящать,
Раскольников-славян дерзает уличать,
Кто пишет правильно и не варяжским слогом —
Не любит русских тот и виноват пред Богом!
Поверь: слова невежд — пустой кимвала звук;
Они безумствуют — сияет свет наук!
Неужель оттого моя постраждет вера,
Что я подчас прочту две сцены из Вольтера?
Я христианином, конечно, быть могу,
Хотя французских книг в камине и не жгу.
В предубеждениях нет святости нимало:
Они мертвят наш ум, и варварства начало.
Ученым быть не грех, но грех во тьме ходить.
Невежда может ли отечество любить?
Не тот к стране родной усердие питает,
Кто хвалит все свое, чужое презирает,

---

* Осуждая его сочинения, заливал ли я в ужасных выражениях на его жизнь опасный яд? *Буало. Сатира IX (фр.)*.

Кто слезы льет о том, что мы не в бородах,
И, бедный мыслями, печется о словах!
Но тот, кто, следуя похвальному внушенью,
Чтит дарования, стремится к просвещенью;
Кто, сограждán любя, желает славы их;
Кто чужд и зависти, и предрассудков злых!
Квириты храбрые полсветом обладали,
Но общежитию их греки обучали.
Науки перешли в Рим гордый из Афин,
И славный Цицерон, оратор-гражданин,
Сражая Верреса, вступаясь за Мурену,
Был велеречием обязан Демосфену.
Виргилия учил поэзии Гомер;
Грядущим временам век Августов пример!

Так сын отечества науками гордится,
Во мраке утопать невежества стыдится,
Не проповедует расколов никаких
И в старине для нас не видит дней благих.
Хвалу я воздаю счастливейшей судьбине,
О мой любезный друг, что я родился ныне!
Свободно я могу и мыслить и дышать,
И даже *абие* и *аще* не писать.
Виргилий и Гомер беседуют со мною;
Я с возвышенною иду везде главою;
Мой разум просвещен, и Сены на брегах
Я пел любезное отечество в стихах.
Не улицы одни, не площади и дома —
Сен-Пьер, Делиль, Фонтан мне были там
знакомы.

Они свидетели, что я в земле чужой
Гордился русским быть и русской был прямой.
Не грубым остяком, достойным сожаленья,—
Предстал пред ними я любителем ученья;
Они то видели, что с юных дней моих
Познаний я искал не в именах одних;
Что с восхищением читал я Фукидида,
Тацита, Плиния — и, признаюсь, «Кандида».

Но благочестию ученость не вредит.
За Бога, веру, честь мне сердце говорит.
Родителей моих я помню наставленья:
Сын церкви должен быть и другом просвещенья!
Спасительный закон ниспослан нам с небес,
Чтоб быть подпорою средь счастья и слез.

Он благо и любовь. Прочь клевета и злоба!
Безбожник и ханжа равно порочны оба.

В сужденьях таких не вижу я вины:
За что ж мы на костер с тобой осуждены?
За то, что мы, любя словесность и науки,
Не век над букварем твердили «аз» и «буки».
За то, что смеем мы учение хвалить
И в слоге варварском ошибки находить.
За то, что мы с тобой Лагарпа понимаем,
В расколе не живем, но по-славенски знаем.

Что делать? Вот наш грех. Я каяться готов.
Я, например, твержу, что скучен *Старослов*,
Что длинные его, сухие поученья —
Морфея дар благий для смертных усыпленья;
И если вздор читать пришла моя чреда,
Неужели заснуть над книгою беда?
Я каюсь, что в *речах* иных не вижу плана,
Что томов не пишу на древнего Бояна;
Что муз и Феба я с Парнаса не гоню,
Писателей дурных, а не людей браню.
Нашествие татар не чтим мы веком славы;
Мы правду говорим — и, следственно, не правы.

1811

К. Н. БАТЮШКОВ

МОИ ПЕНАТЫ

ПОСЛАНИЕ К Ж<УКОВСКОМУ> И В<ЯЗЕМСКОМУ>

Отечески Пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новосельи
Смиренно здесь и там
Расставил по углам;
Где, странник я бездомный,
Всегда в желаньях скромный,
Сыскал себе приют.

О боги! будьте тут
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный фимиам
Поэт приносит вам;
Но слезы умиленья,
Но сердца тихий жар
И сладки песнопенья,
Богинь Пермесских дар!
О Лары! уживитесь
В обители моей,
Поэту улыбнитесь —
И будет счастлив в ней!..
В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхой и треногой
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полузаржавый
Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель —
Все утвари простые,
Все рухляя скудель!
Скудель!.. но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..

Отеческие боги!
Да к хижине моей
Не сыщет ввек дороги
Богатство с суетой;
С наемною душой
Развратные счастливыцы,
Придворные друзья
И бледны горделивцы,
Надутые князья!
Но ты, о мой убогой
Калека и слепой,
Идя путем-дорогой
С смиренною клюкой,
Ты смело постучися,
О воин, у меня;
Войди и обсушися

У яркого огня.
О старец, убеленный
Годами и трудом,
Трикраты уязвленный
На приступе штыком!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя с нагайкой,
Что в жупел и в огни
Летал перед полками,
Как вихорь на полях,
И вокруг его рядами
Враги ложились в прах!..
И ты, моя Лилета,
В смиренный уголок
Приди под вечерок,
Тайком переодета!
Под шляпою мужской
И кудри золотые,
И очи голубые,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащ широкой,
Мечом вооружись
И в полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла — наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущенны
Взвывают по плечам,
И грудь ее открылась
С лилейной белизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вот с улыбкой нежной
Садится у огня,
Рукою белоснежной
Склонившись на меня;
И алыми устами,
Как ветер меж листьями,
Мне шепчет: «Я твоя,
Твоя, мой друг сердечной!..»
Блажен, в сени беспечной
Кто милою своей,
Под кровом от ненастья,
На ложе сладострастья

До утренних лучей
Спокойно обладает,
Спокойно засыпает
Близ друга сладким сном!..

Уже потухли звезды
В сиянии дневном,
И пташки теплы гнезды,
Что свиты над окном,
Щебеча покидают
И негу отрясают
Со крылышек своих;
Зефир листы колышет,
И все любовью дышет
Среди полей моих;
Все с утром оживает,
А Лила почивает
На ложе из цветов...
И ветер тиховойной
С груди ее лилейной
Сдул дымчатый покров...
И в локоны золотые
Две розы молодые
С нарциссами вплелись;
Сквозь тонкие преграды
Нога, ища прохлады,
Скользит по ложу вниз...
Я Лилы пью дыханье
На пламенных устах,
Как роз благоуханье,
Как нектар на пирах!..
Покойся, друг прелестной,
В объятиях моих!
Пускай в стране безвестной,
В тени лесов густых,
Богинею слепою
Забут я от пелен:
Но дружбой и тобою
С избытком награжден!
Мой век спокоен, ясен;
В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой;
Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!

Без злата и честей
Доступен добрый гений
Поэзии святой
И часто, в мирной сени,
Беседует со мной.
Небесно вдохновенье,
Порыв крылатых дум!
(Когда страстей волненье
Уснет... и светлый ум,
Летая в поднебесной,
Земных свободен уз,
В Аонии прелестной
Сретает хоры муз!)
Небесно вдохновенье,
Зачем летишь стрелой
И сердца упоенье
Уносишь за собой? —
До розовой денницы,
В отрадной тишине,
Парнасские царицы,
Подруги будьте мне!
Пускай веселы тени
Любимых мне певцов,
Оставя тайны сени
Стигийских берегов
Иль области эфирны,
Воздушную толпой
Слетят на голос лирный
Беседовать со мной!..
И мертвые с живыми
Вступили в хор един!..
Что вижу? ты пред ними,
Парнасский исполин,
Певец героев, славы,
Вслед вихрям и громам,
Наш лебедь величавый,
Плывешь по небесам.
В толпе и муз и граций,
То с лирой, то с трубой,
Наш Пиндар, наш Гораций
Сливает голос свой.
Он громок, быстр и силен,
Как Суна средь степей,
И нежен, тих, умилен,
Как вешний соловей.

Фантазии небесной
Давно любимый сын,
То повестью прелестной
Пленяет Карамзин;
То мудрого Платона
Описывает нам,
И ужин Агатона,
И наслажденья храм;
То древню Русь и нравы
Владимира времен
И в колыбели славы
Рождение славян.
За ними сильф прекрасной,
Воспитанник харит,
На цитре сладкогласной
О Душеньке бренчит;
Мелецкого с собою
Улыбкою зовет
И с ним, рука с рукою,
Гимн радости поет!..
С эротами играя,
Философ и пийт,
Близ Федра и Пильпая
Там Дмитриев сидит;
Беседуя с зверями
Как счастливый дитя,
Парнасскими цветами
Скрыл истину шутя.
За ним в часы свободы
Поют среди певцов
Два баловня природы,
Хемницер и Крылов.
Наставники-пийты,
О Фебовы жрецы!
Вам, вам плетут хариты
Бессмертные венцы!
Я с вами здесь вкушаю
Восторги пиерид
И в радости взываю:
О музы! я пийт!

А вы, смиренной хаты
О Лары и Пенаты!
От зависти людской
Мое сокройте счастье,

Сердечно сладострастье
И негу и покой!
Фортуна! прочь с дарами
Блистательных сует!
Спокойными очами
Смотрю на твой полет:
Я в пристань от ненастья
Челнок мой проводил
И вас, любимцы счастья,
Навеки позабыл...
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важных муз,
Беспечные счастливыцы,
Философы-ленивцы,
Враги придворных уз,
Друзья мои сердечны!
Придите в час беспечный
Мой домик навестить —
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Ж(уковский) добрый мой!
Стрелюю мчится время,
Веселие стрелой!
Позволь же дружбе слезы
И горечь усладить
И счастья блеклы розы
Эротам оживить.
О В(яземский)! цветами
Друзей твоих венчай,
Дар Вакха перед нами:
Вот кубок — наливай!
Питомец муз надежный,
О Аристиппов внук!
Ты любишь песни нежны
И рюмок звон и стук!
В час неги и прохлады
На ужинах твоих
Ты любишь томны взгляды
Прелестниц записных;
И все заботы славы,
Сует и шум и блажь
За быстрый миг забавы
С поклонами отдашь.
О! дай же ты мне руку,

Товарищ в лени мой,
И мы... потопим скуку
В сей чаше золотой!
Пока бежит за нами
Бог времени седой
И губит луг с цветами
Безжалостной косой,
Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем
И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой
Под лезвием косы
И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы!
Когда же парки тощи
Нить жизни допрядут
И нас в обитель нощи
Ко прадедам снесут —
Товарищи любезны!
Не сетуйте о нас.
К чему рыданья слезны,
Наемных ликов глас?
К чему сии куренья,
И колокола вой,
И томны псалмопенья
Над хладною доской?
К чему?.. Но вы толпами
При месячных лучах
Сберитесь и цветами
Усейте мирный прах;
Иль бросьте на гробницы
Богов домашних лик,
Две чаши, две цевницы
С листьями повилик:
И путник угадает
Без надписей златых,
Что прах тут почивает
Счастливец молодых!

1811—1812

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ЦИДУЛКА К ДАВНО НЕ ЗРИМОМУ ПРИЯТЕЛЮ

Да будешь проклят ты навеки!
И в горестной своей судьбе.
Да б..., стряпчие, аптеки
Объявят все войну тебе!
Да повар твой готовить станет
Тебе лишь кошек и ворон,
Да рой клопов и блох тиранить
Средь ночи твой мятежный сон!
Да чирь на жопе вырастает!
И к довершению всех бед:
Кутузов пусть тебе читает
Свой скучный стихотворный бред!

Конец 1811 или начало 1812

〈К МИЛОНОВУ〉

Тогда, как уши нам терзают
Несносны крики сов, гагар,
И музы в наши дни страдают,
Как предки наши от татар,
Когда Шишков, Батый талантов,
Грозит смерть вкусу нанести,
Шахматов из морских сержантов
В Гомеры хочет перейти.
Когда Хвостов, Анастасевич,
Захаров, Шаховской, Станевич
И вся Батыева орда
Выходит на Парнас войною,
Ты, жрец счастливый муз, тогда,
С горящей пламенной душою
И лирой звонкой, золотой,
Невежд рой шумный оставляешь
И славу на пути встречаешь.
Идущий скромною стезей,
Счастливый путь, друг муз и граций,
Достигни пристани тайком,
И пусть наставник твой Гораций
Поделится с тобой венком!

1812

К. Н. БАТЮШКОВ

К Ж(УКОВСКО)МУ

Прости, Балладник мой,
Белёва мирный житель!
Да будет Феб с тобой,
Наш давний покровитель!
Ты счастлив средь полей
И в хижине укромной.
Как юный соловей
В прохладе рощи темной
С любовью дни ведет,
Гнезда не покидая;
Невидимый поет,
Невидимо пленяя
Веселых пастухов
И жителей пустынных,
Так ты, краса певцов,
Среди забав невинных
В отчизне золотой
Прелестны гимны пой!
О! пой, любимец счастья,
Пока веселы дни
И розы сладострастья
Кипридою даны,
И роскошь золотая,
Все блага рассыпая
Обильною рукой,
Тебе подносит вины,
И портер выписной,
И сочны апельсины,
И с трюфлями пирог,
Весь Амальтеи рог,
Вовек неистощимый,
На жирный твой обед!
А мне... покоя нет!
Смотри! неумолимый
Домашний Гиппократ,
Наперсник парки бледный,
Попов слуга усердный,
Чуме и смерти брат,
Поклявшись латынью
И практикой своей,
Поит меня полынью

И супом из костей;
Без дальнего старанья
До смерти запоит
И к вам писать посланья
Отправит за Коцит!
Все в жизни изменило,
Что сердцу сладко льстило;
Все, все прошло, как сон:
Здоровье легкокрыло,
Любовь и Аполлон!
Я стал подобен тени,
К смирению сердец,
Сух, бледен, как мертвец,
Дрожат мои колени,
Спина дугой к земле,
Глаза потухли, впали,
И скорби начертали
Морщины на челе;
Навек исчезла сила
И доблесть прежних лет.
Увы! мой друг, и Лила
Меня не узнает.
Вчера, с улыбкой злою,
Мне молвила она
(Как древле Громобою
Коварный Сатана):
«Усопший! мир с тобою!
Усопший! мир с тобою!»
Ах! это ли одно
Мне роком суждено
За древни прегрешенья?..
Нет, новые мученья,
Достойные бесов!
Свои стихотворенья
Читает мне Свистов:
И с ним певец досужий,
Его покорный бес,
Как он, на рифмы дюжий,
Как он, головорез!
Поют и напевают
С ночи до бела дня;
Читают и читают
И до смерти меня
Убийцы зачитают!

1812

ОТВЕТ Т<УРГЕНЕ>ВУ

Ты прав! Поэт не лжец,
Красавиц воспевая.
Но часто наш певец,
В восторге утопая,
Рассудка строгий глас
Забудет для Армиды,
Для двух коварных глаз;
Под знаменем Киприды
Сей новый Дон-Кихот
Проводит век с мечтами:
С химерами живет,
Беседует с духами,
С задумчивой луной,
И мир смешит собой!
Для света равнодушен,
Для славы и честей,
Одной любви послушен,
Он дышит только ей.
Везде с своей мечтою,
В столице и в полях,
С поникшей головою,
С унынием в очах.
Как призрак бледный бродит;
Одно твердит, поет:
Любовь, любовь зовет...
И рифмы лишь находит!
Так! верно, Аполлон
Давно с любовью в ссоре,
И мститель Купидон
Судил поэтам горе.
Все нимфы строги к нам
За наши псалмопенья,
Как Дафна к богу пенья;
Мы лавр находим там
Иль кипарис печали,
Где счастья роз искали,
Цветущих не для нас.
Взгляните на Парнас:
Любовник строгой Лоры
Там в горести погас;
Скалы и дикі горы
Его лишь знали глас
На берегах Воклюзы;

Там Душеньки певец,
Любимец нежный музы
И пламенных сердец,
Любил, вздыхал всечасно,
Везде искал мечты;
Но лирой сладкогласной
Не тронул красоты.
Лесбосская певица,
Прекрасная в женах,
Любви и Феба жрица,
Дни кончила в волнах...
И я — клянусь глазами,
Которые стихами
Мы взапуски поем,
Клянуся Хлоей в том,
Что русские поэты
Давно б на берег Леты
Толпами перешли,
Когда б скалу Левкада
В болота Петрограда
Судьбы перенесли!

⟨1812—1813⟩

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

К МОИМ ДРУЗЬЯМ
Ж⟨УКОВСКОМУ⟩, Б⟨АТЮШКОВУ⟩ И С⟨ЕВЕРИНУ⟩

Где вы, товарищи-друзья?
Кто разлучил соединенных
Душой, руками соплетенных?
Один, без сердцу драгоценных,
Один теперь тоскую я!

И, может быть, сей сердца стон
Вотще по воздуху несется,
Вотще средь ночи раздается;
До вас он, может, не коснется,
Не будет вами слышен он!

И, может быть, в сей самый час,
Как ночи сон тревожит вьюга,
Один из вас в борьбах недуга

Угасшим гласом имя друга
В последний произносит раз!

Почий, счастливец, кротким сном!
Стремлюсь надеждой за тобою...
От бури ты идешь к покою.
Пловец, томившийся грозою,
Усни на берегу родном!

Но долго ль вас, друзья, мне ждать?
Когда просветит день свиданья?
Иль — жертвы вечного изгнанья —
Не будем чаши ликованья
Друг другу мы передавать?

Иль суждено, чтоб сердца хлад
Уже во мне не согревался,
Как ветер в пустыне, стон терялся
И с взглядом друга не встречался
Бродящий мой во мраке взгляд?

Давно ль, с любовью пополам,
Плели нам резвые хариты
Венки, из свежих роз увиты,
И пели юные пииты
Гимн благодарности богам?

Давно ль? — и сладкий сон исчез!
И гимны наши — голос муки,
И дни восторгов — дни разлуки!
Вотще возносим к небу руки:
Пощады нет нам от небес!

А вы, товарищи-друзья,
Явитесь мне хоть в сновиденье,
И, оживя в воображенье
Часов протекших наслажденье,
Обманом счастлив буду я!

Но вот уж мрак сошел с полей
И вьюга с ночью удалилась,
А вас душа не допросилась;
Зарей окрестность озлатилась...
Прийти ль когда заре моей?

В. А. ЖУКОВСКИЙ

К БАТЮШКОВУ

Послание

Сын неги и веселья,
По музе мне родной,
Приятность новоселья
Лечу вкусить с тобой;
Отдам поклон Пенату,
А милому собрату
В подарок пук стихов.
Увей же скромну хату
Венками из цветов;
Узорным покрывалом
Свой шаткий стол одень,
Вооружись фиалом,
Шампанского напень,
И стукнем в чашу чашей,
И выпьем все до дна:
Будь верной Музе нашей
Дань первого вина.
Вхожу в твою обитель:
Здесь весел ты с собой,
И, лени друг, покой
Дверей твоих хранитель.
Все ясно вокруг меня;
Закат румяный дня
Живее здесь играет
На зелени лугов,
И чище отражает
Здесь виды берегов
Источник тихоструйный;
Здесь кроток вихорь буйный;
Приятней сень листов
Зефиры здесь колышут
И слаще негой дышут;
Укромный домик твой
Не золотом — чистотой
И светлостью пленяет;
В окно твое влетает
Цветов приятный дух;
Террас пред ним дерновый
Узорный полукруг;

Там ландыши перловы,
Там розовы кусты,
Тюльпан, нарцисс душистый
И тубероза — чистой
Эмблема красоты,
С роскошным анемоном;
Едва приметным склоном
Твой сходит сад к реке;
Шумит невдалеке
Там мельница смиренна:
С колес жемчужна пена
И брызгов дым седой;
Мелькает над рекой
Веселая купальня,
И, гость из края дальня,
Уютный домик свой
Там швабский гусь спесивый
На острове под ивой,
Меж дикою крапивой
Беспечно заложил.

Так! здесь приют поэта:
Душа моя согрета
Влияньем горних сил,
И вся ничтожность света
В глазах моих как сон...
Незримый Аполлон
Промчался надо мною;
Ликуй, мой друг-поэт.
Довольнее судьбою
Поэтов под луною
И не было и нет.
Их жизнь очарованье!
Ты помнишь ли преданье?
Разбить в уделы свет
Преемник древний Крона
Задумал искони.
«Делитесь!» — с горня трона
Бог людям рек. Они
Взроилися, как пчелы,
Шумящи по лугам, —
И все уже уделы
Земные по рукам.
Смиранный земледелец
Взял труд и сельный плод,

Могущество — владелец;
Купец равнину вод
Наморщил под рулями;
Взял откуп арендарь,
А пастырь душ — алтарь
И силу над умами.
«Будь каждый при своем
(Рек царь земли и ада);
Вы сейте, добры чада;
Мне жертвуйте плодом».
Но вот... с земли предела
Приходит и поэт;
Увы! ему удела
Нигде на свете нет;
К Зевесу он с мольбою:
«Отец и властелин,
За что забыт тобою
Любимейший твой сын?»
«Не я виной забвенья.
Когда я мир делил,
В страну воображенья
Зачем ты уходил?»
«Увы! я был с тобою
(В слезах сказал певец);
Величеством, красою
Небес твоих, отец,
Мои питались взоры;
Там пели дивны хоры;
Я сердце возносил
К делам твоим чудесным...
Но, ах! пленен небесным,
Земное позабыл».
«Мой сын, уделы взяты;
Мне жаль твоей утраты;
Но рай перед тобой;
Согласен ли со мной
Делиться небесами?
Блаженствуя с богами,
Ты презришь мир земной».
С тех пор — необожатель
Подсолнечных сует —
Стал верный обитатель
Страны духов поэт,
Страны неоткровенной:
Туда непосвященной

Толпе дороги нет;
Там чудотворны боги
Веселые чертоги
Слияли из лучей,
В мерцающей долине,
Любимице своей
Фантазии-богине;
Ее *Природа* мать;
Беспечно ей играть
Дает она собою;
Но, радуясь игрою,
Велит ее хранить
Трем чадам первородным,
Чтоб прихотям свободным
Ее не заманить
В туманы заблуждений:
То с пламенником *Гений*,
Наука с свитком Муз
И с легкою уздою
Очами зоркий *Вкус*;
С веселою сестрою
Согласные, они
Там нежными перстами
Видят златые дни;
Все их горит лучами;
Во все дух жизни влит:
В потоке там журчит
Гармония наяды;
Храним Сильваном лес;
Грудь юныя дриады
Под коркою древес
Незримая пылает;
Зефир струи ласкает
И вьется вокруг лилей;
Нарцисс глядит в ручей;
Среди прозрачной пены
Летучих облаков
Мелькает рог Селены,
И в сумраке лесов
Тоскует филомела.
Хранят сего удела
Магический покой
Невинность — гений милый
С *Беспечностью* — сестрой;
И их улыбки силой

Ни *Скукою* унылой,
Ни мрачной *Суею*,
Ни *Алчностью* угрюмой,
Ни *Мести* грозной думой,
Ни *Зависти* тоской
Там светлость не мрачится;
Там ясная таится,
Веселью верный друг,
Гордынею забыта,
Посредственность — харита,
И их согласный круг
Одушевляем *Славой* —
Не той богиней бед,
Которая кровавый
Кладет венец побед
В дымящиеся длани
Свирепостию брани, —
Но милою, живой
Небесною сестрой
Небесныя *Надежды*;
Чужда порока, враг
Безумца и невежды,
Ее жилища праг
Ужасен недостойным;
Но тем душам спокойным,
Где чувство в простоте
Как тихий день сияет,
В могущей красоте
Она себя являет
И, в них воспламенив
К великому порыв,
К прекрасному стремленью,
Ко благу страстный жар,
Им оставляет в дар:
Собою наслажденье.
Мой друг, и ты певец;
И твой участок лира;
И ты в мечтах жилец
Незнаемого мира...
В мечтах? Почто ж в мечтах?
Почто мы не с крылами
И вольны лишь мечтами,
А наяву в цепях?
Почто сей тяжкий прах
С себя не можем сринуть,

И мир совсем покинуть,
И нам дороги нет
Из мрачного изгнания
В страну очарования?
Увы! мой друг... поэт,
Призраками богатый,
Беспечностью дитя, —
Он мог бы жить шутя;
Но горькие утраты
Живут и для него,
Хотя перед слепую
Богинею покою
Не тратит своего;
Хотя одной молвою,
Смотря на свет тайком,
В своем углу знаком
С бесславием тщеславных,
С печалью забавных
Фигляров-остряков
И с мукою льстецов,
Пред тронами ползущих
И с бешенством падающих
В изрытый ими ров, —
Но те живейши раны,
Которые, как враны,
Вгрызаясь в глубь сердец,
В них радость истребляют
И жизнь их пожирают,
Их знает и певец.
Какими, друг, мечтами
Сберечь души покой,
Когда перед глазами,
Под дланью роковой,
Погибнет то, что мило,
И схваченный могилой
Исчезнет пред тобой
Души твоей родной;
А ты, осиротелый,
Дорогой опустелой
Ко гробу осужден
Один, сная слезы,
Тащить свои железы?
И много ли замен
Нам даст мечта крылата
Тогда, как без возврата

Блаженство улетит,
С блаженством упованье,
И в сердце замолчит
Унывшее желанье;
И ты, как палачом
Преступник раздробленный
И к плахе пригвожденный,
В бессилии своем
Еще быть должен зритель,
Как жребий-истребитель
Все то, чем ты дышал,
Что, сердцем увлеченный,
В надежде восхищенной,
Своим уж называл,
Другому на пожранье
Отдаст в твоих глазах...
Тебе ж одно терзанье
Над гробом милых благ?

Но полно!.. Муза с нами;
Бессмертными богами
Не всем, мой друг, она
В сопутницы дана.
Кто слышал в час рожденья
Небесной девы глас,
В ком искра вдохновенья
С огнем души зажглась:
Тот верный от судьбины
Найдет здесь уголок.
В покрыты мглой пучины
Замчался мой челнок...
Но светит для унылой
Еще души моей
Поэзии светило.
Хоть прелестью лучей
Бунтующих зыбей
Оно не усмирило...
Но мгла озарена;
Но сладостным сияньем,
Как тайным упованьем,
Душа ободрена,
И милая мелькает
В дали моей Мечта...
Доколь, мой друг, пленяет
Добро и красота,

Доколь огнем священным
Душа еще полна
И дверь растворена
Пред взором откровенным
В святой Природы храм,
Доколь хариты нам
Веселые послушны:
Дотоль еще к бедам
Быть можем равнодушны.
О добрый Гений мой,
Последних благ спаситель
И жребия смиритель,
Да светит надо мной
Во мгле путеводитель,
Твой, Муза, милый свет!

А ты, мой друг-поэт,
Храни твой дар бесценный;
То Весты огонь священный;
Пока он не угас —
Мы живы, невредимы,
И Рок неумолимый
Свой гром неотразимый
Бросает мимо нас.
Но пламень сей лишь в ясной
Душе неугасим.
Когда любовью страстной
Лишь то боготворим,
Что благо, что прекрасно;
Когда от наших лир
Лиются жизни звуки,
Чарующие муки,
Сердцам даючи мир;
Когда мы песнопеньем
Несчастливого дружим
С сокрытым провиденьем,
Жар славы пламеним
В душе, летящей к благу,
Стезю к убогих прагу
Являем богачам,
Не льстим земным богам,
И дочери стыдливой
Заботливая мать
Гармонии игривой
Сама велит внимать:

Тогда и дарованье
Во благо нам самим,
И мы не посраим
Поэтов достоянья.
О друг! служенье муз
Должно быть их достойно:
Лишь с добрым их союз.
Слияв в душе спокойной
Младенца чистоту
С величием свободы,
Боготворя природы
Простую красоту,
Лишь благам неизменным,
Певец — любимец мой,
Доступен будь душой;
Когда к дверям смиренным
Обитатели твоей
Придет, с толпою фей
Желаний прихотливых,
Фортуна — враг счастливых:
Ты двери на замок;
Пускай толпа стучится;
Содом сей в уголок
Поэта не вместится,
Не вытеснив харит.
Но если залетит
Веселый рой вертлявый —
Дверь настезь, милый друг.
Пускай в их шумный круг
Войдут: и *Вах* румяный,
Украшенный венком,
С состаревшим вином,
С наследственной кружкой,
И *Шутка* с погремушкой,
И *Пляски* шумный хор —
Им рад *Досуг* шутливый;
Они осклабят взор
Работы молчаливой.
Задумчивость подчас
Впускай в приют укромный:
Ее чуть слышный глас
И взор приятно-томный
Переливают в нас
Покой и усладенье;
Она уединенье

Собой животворит;
Она за дальни горы
Нас к милому стремится —
И радостные взоры,
Согласные с душой,
За синевой туманной
Встречаются с желанной
Возлюбленных мечтой;
Ее волшебной силой
В гармонии унылой
Осеннего листка,
И в тихом ветерка
Вдоль рощи трепетанье,
И в легком содроганье
Дремавшая волн
Как будто с вышины
Спускается приятный
Минувшего привет,
И то, что невозвратно,
Чего навеки нет,
Опять животворится,
И тихо веют, мнится,
Над нашей головой
Воздушною толпой
Жильцы духовной сени —
Невозвратимых тени.
Но, друг мой, приготовь
В обители смиренной
Ты терем отделенный:
Иметь постой бессменный
И *Дружба и Любовь*
Привыкли у поэта;
Лишась блестящих света
Отличий и даров,
Ему необходимо
Под свой пустынный кров
Все то, что им любимо,
Собрать в единый круг;
С кем милая и друг,
Тот в угол свой забвенный
Обширные вселенны
Всю прелесть уместил;
Он мир свой оградил
Забором огорода
И вдаль за суетой

Не следует мечтой.
Посредственность, свобода,
Животворящий труд,
Веселие досуга
Близ милья и друга
И пенистый сосуд
В час вечера приятный
Под липой ароматной
С забвением сует,
Вот все... Но, друг-поэт,
Любовь — святой хранитель
Иль грозный истребитель
Душевной чистоты.
Отвергни сладострастья
Погибельны мечты
И не восторгов — счастья
В прямой ищи любви;
Восторгов иступленье —
Минутное забвенье;
Отринь их, разорви
Лаис коварных узы;
Друзья стыдливых — музы;
Во храм священный их
Прелестниц записных
Толпа войти страшится...
И что, мой друг, сравнится
С невинною красой?
При ней цветом душой!
Она, как ангел милый,
Одной явленья силой,
Могущая собой,
Вливает в сердце радость,
О скромных взоров сладость!
Движений тишина!
Стыдливое молчанье,
Где вся душа слышна!
Речей очарованье!
Беспечность простоты
И прелесть без искусства,
Которая для чувства
Прекрасней красоты!
Их несказанной властью
Блаженнейшею страстью
Душа растворена;
Вкушает сладость рая;

Земное отвергая,
Небесного полна.
О друг! доколе младость
С мечтами не ушла
И жизнь не отцвела,
Спеши любви сладость
Невинную вкусить.
Увы! пора любить
Умчится невозвратно;
Тогда — всему конец;
Но буйностью развратной
Испорченных сердец,
Мой друг, да не сквернится
Твой непорочный жар:
Любовь есть неба дар;
В ней жизни цвет хранится;
Кто любит, тот душой,
Как день весенний, ясен;
Его любви мечтой
Весь мир пред ним прекрасен...
Ах! в мире сем — она...
Ее святым полна
Присутствием природа,
С денницею со свода
Небес она летит,
Предвестник наслажденья,
И в смутном пробужденье
Блаженстве говорит:
Я в мире! я с тобою!
В тот час, как тишиною
Земля облечена,
В молчании вселенной
Одна обвороженной
Душе она слышна;
К устам твоим она
Касается дыханьем;
Ты слышишь с содроганьем
Знакомый звук речей,
Задумчивых очей
Встречаешь взор приятный,
И запах ароматный
Пленительных кудрей
Во грудь твою лиется,
И мыслишь: ангел вьется
Незримый над тобой.

При ней — задумчив, сладкой
Исполненный тоской,
Ты робок, лишь украдкой
Стремишь к ней томный взор.
В нем сердце вылетает;
Несмел твой разговор;
Твой ум не обретает
Ни мыслей, ни речей;
Задумчивость, молчанье
И страстное мечтанье —
Язык души твоей;
Забыты все желанья;
Без чувства, без вниманья
К тому, что пред тобой,
Ты одинок с толпой;
Она — в сем слове милом
Вселенная твоя;
С ней розно — лишь в унылом
Мечтанье бытия
Ты чувство заключаешь;
Всечасно улетаешь
Душою к тем краям,
Где ангел твой прелестный;
Твое блаженство там,
За синевой небесной,
В туманной сей дали —
Там все, что на земли
И мило и священо,
Вся жизнь, весь жребий твой,
Как призрак оживленный,
Мелькает пред тобой.
Живешь воспоминаьем:
Его очарованьем
Преображенный свет
Один везде являет
Душе твоей предмет.
Заря ли угасает,
Летит ли ветерок
От дремлющих рощи
Или покровом ночи
Одеянный поток
В водах являет тени
Недвижных берегов,
И тихих рощей сени,
И темный ряд холмов —

Она перед тобою;
С природы красотою,
Со всем в душе слита
Любимая мечта.
Когда воспламененной
Ты мыслию летишь
К правителю вселенной
Или обет творишь
Забыть стезю порока,
При всех изменах рока
Быть добрым и прямым
И следовать святым
Урокам и веленьям
И тайным утешеньям
Лишь совести одной,
Когда, рассудка властью
Торжествовав над страстью,
Ты выше стал душой
Иль сироте, убитой
Страданием, сокрытой
Благотворил рукой, —
Кто, кто тогда с тобой?
Кто чувств твоих свидетель?
Она!.. твой друг, твоя
Невинность, добродетель.
Лишь счастьем ея
Ты счастье измеряешь,
Лишь в нем соединяешь
Все блага бытия.
Любовь — себя забвенья!
Ты молишь провиденье,
Чтоб никогда тоской
Взор милый не затмился,
Чтоб грозный лишь с тобой
Суд рока совершился.
Лить слезы, жертвой быть
За ту, кем сердце жило,
Погибнув, жизни милой
Спокойствие купить —
Вот жребий драгоценный!
О друг! тогда для нас
И бедствия священны. \ /
И пусть тот луч угас,
Которым украшался
Путь жизни пред тобой,

Пускай навек с мечтой
Блаженства ты расстался —
Своих лишенный благ,
Ты жив блаженством милой:
Как тихое светило,
Оно в твоих глазах
Меж тучами играет,
И дух не унывает
При сладостных лучах.

Прости ж, поэт бесценный;
Пускай живут с тобой
В обители смиренной
Посредственность, покой,
И музы, и хариты,
И лары домовиты;
Ты к ним любовь питай,
Строй лиру для забавы
И мимоходом Славы
Жилище посещай;
И благодать святая
Ее с тобою будь!
Но, с музами играя,
Ты друга не забудь,
Который, отстранившись
От всех земных хлопот
И, матери забот,
Фортуне поклонившись,
Куда глаза глядят,
Идет своей тропею
Беспечно за судьбою.
Хотя и не богат
Он милостями Счастья,
Но муза от ненастья
Дала ему приют;
Туда не забредут
Ни хитрости разврата,
Ни света суеты;
Не зная нищеты,
Не знает он и злата;
Мечты — его народ:
Сбирает с них доход
Фантазия крылата.
Что ждет его вдали,
О том он забывает;

Давно не доверяет
Он счастью на земли.
Но, друг, куда б Судьбою
Он ни был приведен,
Всегда, везде душою
Он будет прилеплен
Лишь к жизни непорочной;
Таков к друзьям заочно,
Каков и на глазах —
Для них стихи кропает
И быть таким желает,
Каким в своих стихах
Себя изображает.

1812

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

К ЖУКОВСКОМУ

Жуковский, Музам друг и сердцу друг любезный.
Я от тебя хочу принять совет полезный.
Умножить ли, скажи, мне авторов число?
Иль, взявшись за ум, оставить ремесло,
Дающее не всем к успехам равным право.
Счастлив, кто за труды, как ты, обласкан славой!
Но больно за свою к стихам и прозе страсть
В ряды сотрудников на упокой попасть!
Неопытность моя решиться здесь не может,
И в ночь лишает сна и в день меня тревожит:
То лестных мне надежд предавшись мечтам,
Нетрепетной стопой иду вослед творцам,
Которых вкуса бог, не признанный толпою,
В жрецы себе нарек и скрытою тропкою
В святилище привел искусства и Харит!
И Музы мне вдали венец блестящий льстит,
И Дмитриев, я зрю в чаду воображенья,
Приветствует мой дар улыбкой одобренья;
То вдруг волшебной нет картины предо мной:
У Глазунова я с поникшей головой
Жмусь в двери и прошу от благостной щедроты
В храм славы пропуска для будущей субботы!
Тут, ужасом объят, дар гибельной клянущ,

И в Музе пагубной я вижу... Сатану.
Но вдруг переходя от трепета к надежде,
Передаюсь мечтам, меня прельстившим прежде.
И так волнуемый в уме своем всегда,
Я не могу себе сказать: ни нет, ни да!
Реши, отважусь ли на плаванье опасно,
Иль зритель с берегов останусь неучастной?
Разбитый от грозы Вздыхалова здесь челн,
Как вестник опытный гласит о злобе волн.
Там Батюшков, летя вослед звезды надежной
И к верной пристани бег правя осторожной,
Манит меня к себе, — и вопреки всему,
Безумный! я едва не следую ему!
Но кто порукой мне, что жребий своенравный
Нам, после равных бурь, готовит отдых равный
И на смех не велит, чтоб, схваченный волной,
Вздыхалова на дне задел я головой?
Жуковской, будь мой вождь, будь мой хранитель-
Гений!

И на мою беду воюющих сомнений
Ты прекрати во мне всечасную борьбу!
Тебе вверяюсь я; реши мою судьбу!

Вчера я с умником связался разговором,
И что ж он мне сказал, меня обмеря взором?
«Вы можете писать; и почему ж не так?
Охота ко стишкам, по мне, хороший знак.
Но бегайте сатир в младые ваши годы,
А лучший род для вас торжественные оды.
Их сочинять легко, живой пример Свистов!
Война ли, мир у нас, он с одою готов,
И какова ни есть, но вам заметить смею,
Обидит ли кого он одою своею?
Легко того хвалить, который хвалит всех!»
«Как, — отвечал ему я, скрадывая смех, —
Как к одам вознестись мой слабый глас посмеет,
Когда Державина Лавр гордо зеленеет,
Когда от Муз тройным венком увенчан он,
Гораций, Пиндар наш и наш Анакреон?
Когда Тиртей другой, во струны жизнь вдыхая,
Бессмертие стяжал, бессмертных воспевая,
И славой Гимн его Вождям победных сил
Тарутинских полей твердыни огласил?
Мой скудный дар меня еще не ослепляет.
Пусть одой никого Свистов не обижает,

Но и рассудок я обидеть не хочу!
Героев подвиги на лире промолчу:
Им угодить нельзя стихом высокопарным,
Хвали с искусством их иль будь неблагодарным.
Пусть Милорадович в гремящих битвах смел.
Товарища себе Баярд бы в нем узрел.
С восторгом помню я, как в день ужасный боя
Он смерть пренебрегал, почтившую героя!
Как хладен он и тверд средь тысячи громов
Был храбростью своих и трепетом врагов!
Но разве должен он, судеб определеньем,
За славу мне платить страдальческим терпеньем
И снисходительно склонять на скучный бред
Свой приобыкший слух внимать: Ура! побед?
Постыдна похвала иной похвальной оды.
Певцы царю-вождю — Жуковский и народы.
Но если ум во мне к сатире пламенел,
Вам вопреки бы их писать не оробел.
К почтенному всегда я сохраню почтенье.
Насмешку ж на глупца не чту за преступленье.
У римлян Ювенал, а Кантемир у нас,
На глупость и порок свой ополчали глас.
Потомство с трепетом внимает их урокам.
Щадить порочных есть уж шаг один к порокам.
Иль мне причтется в грех, когда в веселый час
Я посмеюсь нисцам, ползущим на Парнас,
Кряхтя под ношею стихов своих тяжелых,
Младенцам по уму, но в летах устарелых?
Иль Бланку не могу я с искренней душой
Сказать, что пишет он свои стихи водой.
И что, когда б они заглавий не носили,
Идиллий от Сатир его б не различили;
Лже-Пиндару что быть понятным иногда,
Хотя и лирик он, но есть еще беда;
Шишкову, что в его Варяжских рассужденьях
Рассудка вовсе нет; а в длинных наставленьях
Невежество и злость наставника видна,
Что проза нам его молитвою для сна,
А Шутовскому дать совет ему полезный,
Чтоб он в сей век для Муз и деток их железный,
В котором родились Димитрий и Фингал,
Дебору под замком без выпуска держал?
Терпенье может всем противостать препонам:
Расинов род не раз уж уступал Прадонам.
Но между тем, как я перебирал раскол,

И многих, может быть, досугом бы начел,
Мой грозный Аристарх ушел, пожав плечами,
И мрачный взор его мне угрожал бедами!
Жуковский! Верно, мне ты лучший дашь ответ:
Надменности в тебе и предрассудков нет.
Ты песен и сатир писать не запрещаешь,
Посредственность одну в талантах осуждаешь.
Остряк Вольтер сказал собратиям своим:
«Все роды хороши, но скучный нестерпим».
И истина сама иначе б не сказала,
Недавно кто-то здесь для желтого журнала
Стих этот запросто для эпитафия взял;
Но скучный вряд ли он для шутки не избрал.

1812

ПОСЛАНИЕ К ЖУКОВСКОМУ
ИЗ МОСКВЫ, В КОНЦЕ 1812 ГОДА

Итак, мой друг, увидимся мы вновь
В Москве, всегда священной нам и милой!
В ней знали мы и дружбу и любовь,
И счастье в ней дни наши золотило.
Из детства, друг, для нас была она
Святылицем драгих воспоминаний;
Протекших бед, веселий, слез, желаний
Здесь повесть нам везде оживлена.
Здесь красится дней наших старина,
Дней юности, и ясных и веселых,
Мелькнувших нам едва — и отлетелых.
Но что теперь твой встретит мрачный взгляд
В столице сей и мира и отрад? —
Ряды могил, развалин обгорелых
И цепь полей пустых, осиротелых —
Следы врагов, злодейства гнусных чад!
Наук, забав и роскоши столица,
Издравле край любви и красоты
Есть ныне край страданий, нищеты.
Здесь бедная скитается вдовица,
Там слышен вопль младенца-сироты;
Их зрит в слезах румяная денница
И ночи мрак их застаёт в слезах!
А там старик, прибредший на клюках
На хладный пепл родного пепелища,
Не узнает знакомого жилища,

Где он мечтал сном вечности заснуть,
Склонив главу на милой дщери грудь;
Теперь один, он молит дланью нищей
Последнего приюта на кладбище.
Да будет тих его кончины час!
Пускай мечты его обманут муку,
Пусть слышится ему дочерний глас,
Пусть, в гроб сходя, он мнит подать ей руку!
Счастлив, мой друг, кто мрачных сих картин,
Сих ужасов и бедствий удаленный
И строгих уз семейных отчужденный,
Своей судьбы единый властелин,
Летит теперь, отмщенъем вдохновенный,
Под знамена карающих дружин!
Счастлив, кто меч, отчизне посвященный,
Подъял за прах родных, за дом царей,
За смерть в боях утраченных друзей;
И, роковым постигнутый ударом,
Он скажет, свой смыкая мутный взор:
«Москва! Я твой питомец с юных пор,
И смерть моя — тебе последним даром!»

Я жду тебя, товарищ милый мой!
И по местам, унынью посвященным,
Мы медленно пойдем, рука с рукой,
Бродить, мечтам предавшись потаенным.
Здесь тускл зари пылающий венец,
Здесь мрачен день в краю опустошений;
И скорби сын, развалин сих жилец,
Склоня чело, объятый думой гений
Гласит на них протяжно: нет Москвы!
И хладный прах, и рухнувшие своды,
И древний Кремль, и ропотные воды
Ужасной сей исполнены молвы!

1813

А. Ф. ВОЕЙКОВ

К Ж(УКОВСКОМУ)

Ты, который с равной легкостью,
С равным даром пишешь сказочки,
Оды, песни и элегии;

Муз любимец и учитель мой
В описательной поэзии!
Добрый друг, открой мне таинства!
Где ты взял талант божественный
Восхищать, обворожать умы,
Нежить сердце, воображение?
Не Зевес ли положил печать
На челе твоём возвышенном?
Не Минерва ль обрекла тебя
При рождении чистым музам в дар?
Нам талантов приобрести нельзя,
Мы с талантами рождаемся.
Все пиитики, риторики,
Все Лагарпы, Аристотели
Не соделают поэтами.
Что наука? Кормчий смысленный,
Искушенный и воспитанный
В школе времени и опытов;
Но без ветра морем плыть нельзя
И писать без дарования.
Ты поэтом родился на свет,
В колыбели повит лаврами.
Родился — и улыбнулася
Мать-природа сыну милому,
И все виды для очей твоих
В красоту преобразились,
И все звуки для ушей твоих —
В сладкогласие небесное.
Представляешь ли Фантазию,
Как она по свету рыскает,
Подостлавши самолет-ковёр,
Алый мак держа в одной руке,
А в другой ширинку белую, —
Претворяешь в пурпур рубище,
В пышный храм шалаш соломенный,
Узы тяжкие железные
В вязь легчайшую, цветочную.
Все блестящи краски радуги
На палитру натираешь ты,
Все цветы, в полях растущие,
Разноцветны, разнообразные,
Рвешь, плетешь из всех один

венок

И венчаешь им прелестную
Дщерь Зевесову — Фантазию.

Со друзьями ли беседуешь
Под покровом кленов сетчатым,
На ковре лугов узорчатом,
Где ручей журчит по камышкам,
Где шум сладкий бродит по лесу,—
Ты, сливая голос с лирою,
Поощряешь к наслаждениям,
К сладострастию изящному.
«О друзья мои! — вещаешь ты,—
Жизнь есть миг, она пройдет, как сон,
Как улыбки след прелестныя,
Как минутный Филомелы глас
Умолкает за долиною.
Посмотрите, как за часом час
Оставляет нас украдкою.
И как знать! Быть может, завтра же
Мы уснем в могиле праотцев;
Так почто же дни столь краткие
Отравлять еще заботами,
Подлой страстью сребролюбия,
Домогаться пресмыканием
Мзды за низкость жалких почестей?
Насладимся днем сегодняшним!
В чаще радости потопим грусть
И, стаканом об стакан стуча,
Смерть попросим, чтоб нечаянно
Посетила среди пиршества,
Так, как добрый, но неожиданный друг».

Иль с Людмилою тоску делишь
О потере друга милого.
Иль с Светланою прелестною
Вечерком крещенским резвишься,
Топишь в чашу белый ярый воск
И, бросая свой золот перстень,
Ты поешь подблюдны песенки.

О соперник Гете, Бюргера!
Этой сладкою поэзией,
Этой милой философией
Ты пленяешь, восхищаешь нас;
Превосходен и в безделицах,
Кисть Альбана в самых мелочах.
Но почто же, мой почтенный друг,
Ты с цветка лишь на цветок летяшь

Так, как пчелка златокрылая,
Так, как резвый мотылек весной?
Ты умеешь соколóm парить
И конем лететь чрез поприще.
Состязайся ж с исполинами,
С увенчанными поэтами;
Соверши двенадцать подвигов:
Напиши четыре части дня,
Напиши четыре времени,
Напиши поэму славную,
В русском вкусе повесть древнюю, —
Будь наш Виланд, Ариост, Баян!
Мы имели славных витязей,
Святослава со Добрынею;
А Владíмир — русско солнышко,
Наш Готфред или Великий Карл;
А Димитрий — басурманов бич;
Петр — Сампсон, раздравший челюсть льва,
Великан меж великанами;
А Суворов — меч отечества,
Затемнивший славой подвигов
Александра, Карла, Цесаря;
А Кутузов — щит отечества,
Мышцей крепкою, высокою
Сокрушивший тьмы и тысячи
Колесниц, коней и всадников
Так, как ветер великий севера
Истребляет пруги алчные,
Губит жабы ядовитые,
Из гнилых болот излезшие
И на нивах воссмердевшие;
А Платов, который так, как волхв,
Серым волком рыщет по лесу,
Сизым орлом по поднебесью,
Щукой зоркой по реке плывет
И в единый миг и там, и здесь
Колет, гонит и в полон берет!

Выбирай, соображай, твори!
Много славы, много трудностей.
Слава ценится опасностью,
Одоленными препятствиями.
В колыбели сын Юпитеров
Задушил змей черных зависти,

Но зато Иракл на небо взят;
И тебе, орел поэзии,
Подле Грея, подле Томсона
Место на небе готовится!

1813

К. Н. БАТЮШКОВ

К Д(АШКО)ВУ

Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары,
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных;
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаянье рыдали,
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил.
И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, —
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки

Везде мои встречали взоры!..
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирных цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем,—
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!

1813

〈ПОСЛАНИЕ К А. И. ТУРГЕНЕВУ〉

Есть дача за Невой,
Верст двадцать от столицы,
У Выборгской границы,
Близ Парголы крутой:
Есть дача или мыза,
Приют для добрых душ,
Где добрая Элиза
И с ней почтенный муж,
С открытою душою
И с лаской на устах,

За трапезой простою
На бархатных лугах,
Без бального наряда,
В свой маленький уют
Друзей из Петрограда
На праздник сельский ждут.
Там муж с супругой нежной
В час отдыха от дел
Под кров свой безмятежной
Муз к грациям привел.
Поэт, лентяй, счастливец
И тонкий философ,
Мечтает там Крылов
Под тению березы
О басенных зверях
И рвет парнасски розы
В уютинских лесах.
И Гнедич там мечтает
О греческих богах,
Меж тем как замечает
Кипренский лица их
И кистию чудесной,
С беспечною прелестной,
Вандиков ученик,
В один крылатый миг
Он пишет их портреты,
Которые от Леты
Спасли бы образцов,
Когда бы сам Крылов
И Гнедич сочиняли,
Как пишет Тянислов
Иль Балдусы писали,
Забыв и вкус и ум.
Но мы забудем шум
И суеты столицы,
Издадим колесницы,
Ударим по коням
И пустимся стрелою
В Приютино с тобою.
Согласны? — По рукам!

<1813>

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

К ТИРТЕЮ СЛАВЯН

Давно ли ты, среди грозы военной
Младой Тиртей, на лире вдохновенной
Победу пел перед вождем побед?
И лаврами его означил след?
Давно ли ты, воспламенен героем,
Воспел его, с бестрепетным покоем
Стоящего пред трепетным врагом?
О, сколь тебе прекрасен перед строем
Казался он с израненным челом!
И ты прочел в священном упоенье
На сем челе судьбины приговор:
Успех вождя и пришлеца позор,
И ты предрек грядущих дней явленье!
Но где тобой обещанный возврат?
Где вождь побед? Увы! и стар и млад,
Предупредя дрожащий луч денницы,
Во сретенье к нему не поспешат!
Не окружают победной колесницы
И спасшей их отмстительной десницы
К устам своим не поднесут стократ!
И каждый шаг его не огласят
Языком чувств, хвалою благодарной!
Не придет сей желанный нами день!
Внезапно смерть простерла ночи тень
На путь вождя, путь славы лучезарной!
Спасенья муж свой зоркий взгляд смежил,
И тесный гроб — великого вместил!
Обвей свою ты кипарисом лиру,
Тиртей славян! И прах, священный миру,
Да песнь твоя проводит в мрачный свод,
И тень его, с безоблачных высот
Склонясь на глас знакомый песнопений,
Твой будет щит и вдохновенья гений.

1813

В. Л. ПУШКИН

К Д. В. ДАШКОВУ

Мой милый друг, в стране,
Где Волга наравне
С берегами протекает
И, съединясь с Окой,
Всю Русь обогащает
И рыбой, и мукой,
Я пресмыкаюсь ныне.
Угодно так судьбине,
Что делать? — Я молчу.
Живу не как хочу,
Как Бог велит — и полно!
Резвился я довольно,
С амурами играл
И ужины давал;
И граций я прелестных,
В Петрополе известных,
На лире воспевал;
Четверкою дихою,
Каретой дорогою
И всем я щеголял,
Диваны и паркеты,
И бронзы, и кенкеты,
Как прочие, имел;
Транжирить я умел!
Теперь пред целым светом
Могу и я сказать,
Что я живу поэтом:
Рублевая кровать,
Два стула, стол дубовый,
Чернильница, перо —
Вот все мое добро!
Иному туз бубновый
Сокровища несет,
И ум, и все дает;
Я в карты не играю,
Бумагу лишь мараю;
Беды в том, право, нет!
Пусть юный наш поэт,
Известный сочинитель,
Мой Аристарх, гонитель,

Стихи мои прочтет,
В сатиру их внесет —
И тотчас полным клиром
Ученейших писцов,
Поэм и од творцов,
Он будет *Кантемиром*
Воспет, провозглашен
И в чин произведен
Сотрудника дружины:
Для важная причины
И почести такой
И покривить душой
Простительно, конечно.
Желаю я сердечно,
Чтоб новый Ювенал
Сатиры наполнял
Не бранью лишь одною,
Но вкусом, остротою;
Чтоб свет он лучше знал.
Обогащать журнал
Чтоб он не торопился;
Но более б читал
И более учился!

Довольно! — мне бранить
Зоилов нет охоты;
Пришли труды, заботы:
Мой друг, я еду жить
В тот край уединенный,
Батый где в старину,
Жестокий, дерзновенный,
Вел с русскими войну.
Увы! Давно ли ныне,
Не зная мер гордыне
И алчности своей,
Природы бич, злодей
Пришел с мечом в столицу,
Мать русских городов?
Но Бог простер десницу,
Восстал... и нет врагов!
Отечества спаситель,
Смоленский князь, герой
Был ангел-истребитель,
Ниспосланный судьбой!
Бард Севера, воспой

Хвалу деяньям чудным!
Но ах! сном непробудным
Вождь храбрых русских сил
На лаврах опочил!

Живущего в пустыне
И в дальней стороне,
Ты вспомни обо мне;
Поверь, для дружбы — ныне
Желаю только жить;
Амуру я служить
Отрекся поневоле:
В моей ли скучной доле
И на закате дней
Гоняться за мечтою?
Ты знаешь, лишь весною
Петь любит соловей.
Досель и я цветами
Прелестниц украшал;
Всему конец!.. с слезами
«Прости, любовь!» — сказал.
Сердце очарованье,
Отрада, упование
Тибуллов молодых!
Жуковский, друг Светланы,
Харитами венчанный,
И милых лар своих
Певец замысловатый
Амуру гимн поют,
И бог у них крылатый
Нашел себе приют;
А я, забытый в мире,
Подчас пою на лире
Блаженство прежних дней
И дружбою твоей
Живу и утешаюсь!
К надежде прилепляюсь,
Погоды лучшей жду.
Беда не все беду
Родит, и после горя
Летит веселье к нам!
Неужели пловцам
В волнах свирепых моря
Всем гибнуть и брегов
Не зреть благополучных?

Неужель власть богов
Превратностей лишь скучных
Велит мне жертвой быть,
Томиться, слезы лить?

Мой милый друг, конечно,
Несчастье не вечно,
Увидимся с тобой!
За чашей круговой,
Рукой ударив в руку,
Печаль забудем, скуку
И будем ликовать;
Не должно унывать,
Вот твой совет полезный:
Терпение, любезный!

1813

В. А. ЖУКОВСКИЙ

К кн. ВЯЗЕМСКОМУ и В. Л. ПУШКИНУ

Друзья, тот стихотворец — горе,
В ком без похвал восторга нет.
Хотеть, чтоб нас хвалил *весь свет*,
Не то же ли, что выпить море?
Презренью бросим тот венец,
Который *всем* дается светом;
Иная слава нам предметом,
Иной награды ждет певец.
Почто на Фебов дар священный
Так безрассудно клеветать?
Могу ль поверить, чтоб страдать
Певец, от Музы вдохновенный,
Был должен боле, чем глупец,
Земли бесчувственный жилец,
С глухой и вялою душою,
Чем добровольной слепотою
Убивший все, чем красен свет,
Завистник гения и славы?
Нет! жалобы твои не правы,
Друг Пушкин, счастлив, кто поэт;
Его блаженство прямо с неба;
Он им не делится с толпой:

Его судьи лишь чада Феба;
Ему ли с пламенной душой
Плоды святого вдохновенья
К ногам холодных повергать
И на коленах ожидать
От недостойных одобренья?
Один, среди песков, Мемнон,
Сидя с возвышенной главою,
Молчит — лишь гордою стопою
Касается ко праху он;
Но лишь денницы появленье
Вдали восток воспламенит —
В восторге мрамор песнь гласит.
Таков поэт, друзья; презренье
В пыли таящимся душам!
Оставим их попать стопам,
А взоры устремим к востоку.
Смотрите: не подвластный року
И находя в себе самом
Покой, и честь, и наслажденья,
Муж праведный прямым путем
Идет — и терпит ли гоненья,
Избавлен ли от них судьбой —
Он сходен там и тут с собой;
Он благ без примеси не просит —
Нет! в лучший мир он переносит
Надежды лучшие свои.
Так и поэт, друзья мои;
Поэзия есть добродетель;
Наш гений лучший нам свидетель.
Здесь славы чистой не найдем —
На что ж искать? Перенесем
Свои надежды в мир потомства...
Увы! «Димитрия» творец
Не отличил простых сердец
От хитрых, полных вероломства.
Зачем он свой сплел венец
Давал завистникам с друзьями?
Пусть Дружба нежными перстами
Из лавров сей венец свила —
В них Зависть терния вплела;
И торжествует: растерзали
Их иглы славное чело —
Простым сердцам смертельно зло:
Певец угаснул от печали.

Ах! если б мог достигнуть глас
Участия и удивленья
К душе, не снесшей оскорбленья,
И усладить ее на час!
Чувствительность его сразила;
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала,
Певцу погибелью была.
Потомство грозное, отмщенья!..
А нам, друзья, из отдаленья
Рассудок опытный велит
Смотреть на сцену, где гремит
Хвала — гул шумный и невнятный;
Подале от толпы судей!
Пока мы не смешались с ней,
Свобода друг нам благодатный;
Мы независимо, в тиши
Уютного уединенья,
Богаты ясностью души,
Поем для муз, для наслажденья,
Для сердца верного друзей;
Для нас все обольщенья славы!
Рука завистников-судей
Душеубийственной отравы
В ее сосуд не подольет,
И злобы крик к нам не дойдет.
Страшись к той славе прикоснуться,
Которую прельщает *Свет* —
Обвитый розами скелет;
Любуйся издали, поэт,
Чтобы вблизи не ужаснуться.
Внимай избранным судиям:
Их приговор зеркало нам;
Их одобренье нам награда,
А порицание ограда
От убивающия дар
Надменной мысли совершенства.
Хвала воспламеняет жар;
Но нам не в ней искать блаженства —
В труде... О благотворный труд,
Души печальныя целитель
И счастья животворитель!
Что пред тобой ничтожный суд
Толпы, в решениях пристрастной,
И ветреной, и разногласной?

И тот же Карамзин, друзья,
Ранимый злобой, несраженный
И сладким лишь трудом блаженный,
Для нас пример и судия.
Спросите: для одной ли славы
Он вопрошает у веков,
Как были, как прошли державы,
И чадам подвиги отцов
На прахе древности являет?
Нет! он о славе забывает
В минуту славного труда;
Он беззаботно ждет суда
От современников правдивых,
Не замечая и лица
Завистников несправедливых.
И им не разорвать венца,
Который взяло дарованье;
Их злоба — им одним страданье.
Но пусть и очарует свет —
Собою счастливый поэт,
Твори, будь тверд; их зданья ломки;
А за тебя дадут ответ
Необольстимые потомки.

1814

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

К БАТЮШКОВУ

Ты на пути возвратном!
В волнении приятном
Уже свиданья день
Сквозь трепетную тень
Я вижу не вдалече,
Уж ты передо мной.
Здорово, гость Герой!
Спасенный в шумной сече
И неизменный брат
Во дни разлуки долгой
Нам отдан ты назад!
Припомнишь ли над Волгой
Прощанья тяжкой час?

Тебя звал славы глас
На поприще Героя;
В цепях обременя,
Рок удержал меня
В бездействии покоя.
Но пламенной душой
Летел я за тобой
На трудной и завидной
Путь славы иль побед
И, праздностью постыдной
Гнушаясь, долгих лет
Ряд темный и безгласный
За день — но день прекрасный —
Отечества сынов
Отдать я был готов.
Садись, мой гость желанный!
Тяжелый меч откинь,
Друг, Лавром увенчанный
И миртом от богинь
Крылатых вдохновений
И звучных песнопений.
Скажи ты другу весть
Про дальние походы,
Как праведная месть,
Подвигнувши народы
Вслед вашим знаменам,
Несла перуны брани
К преступным берегам,
Как мужественны длани
Вождя царей и царств
Сломили Скиптр свинцовый
Злодейства и коварств.
Как он сорвал оковы
С враждующих племен
И мести в день счастливой
Внес меч миролюбивой
В среду мятежных стен.
Ты зрел и храбрость ратных
И мужество вождей,
Ты зрел судеб превратных
Игру-урок людей.
Сегодня царь счастливый,
А завтра из дворца
Изгнанник торопливый!
Нет скиптра — нет льстеца!

Осмеянный рабами,
Он крадется стезями,
По коим с торжеством
Как полубог вселенной
Вчера он шел надменной
С ругательным челом.
Ты был в столице шумной
Ума, искусств и мод.
Ты зрел сей остроумной
Приветливый народ,
Презрительный и славный,
Средь бурь злодейств забавный,
Позор и образец
Для мыслящего мира,
Теперь кумира жрец,
Через час палач кумира,
Раб низкой, иль тиран
Стократ в боях счастливой
Зрел вражеской он стан
В столице горделивой.
И Сены берега
Под облаком печали,
Чудясь, передавали
В окрестные луга,
В соседственные нивы
Веселые отзывы
Богатырей — певцов
Придонских берегов.
Ты видел в год единый
События веков.
Чудесные картины
Превратныя судьбы.
Здесь изгнаны с позором,
Венчанные раздором,
Мятежные рабы;
Там родины изгнанник,
Порфиросный странник
Вступает на престол.
Ряд перемен волшебных,
Надежду благ целебных,
Забвенья прежних зол.
За бурю ужасной
Ты зрел рассвет прекрасной
Сияющей зари,
Оковано злодейство,

Спряглись в одно семейство
Народы и цари.

Спеши ж, молодой воитель,
В счастливую обитель,
В объятия к друзьям!
Повесь свой шлем пернатый,
Окровавленны латы
И меч, грозу врагам.
Прими доспехи мира —
Тоскующая лира
Зовет любимца муз.
Прибавь ей новы струны
Воспеть побед перуны
И счастливый союз
Полунощи со славой!

Но тщетен мой совет!
Предвижу, бог лукавой,
Твой бог от юных лет,
Всегда на месть готовый,
Услыша песни новы,
Не в честь его побед,
Стрелой красноречивой
Тебе докажет живо,
Что ты его поэт.

1814

А. Ф. ВОЕЙКОВ

ДАШКОВУ

Дашков! хранитель бодрый вкуса,
Присяжный враг худых стихов
И невредимый средь искусства!
Когда нелепый М<ерзля>ков
Тебе давал свои уроки,
До непонятности высоки,
И юный вкус твой развращал,
Ты, как спартанец бодрый в поле,
Против соблазнов устоял
И вынес чистый вкус оттоле.—

Так из сражения герой
Выносит щит свой лучезарный...
Хвала тебе! надзвезднопарны
Слова бессильны над тобой.
И многотрудный опыт снова!
Увы! на место М<ерзя>кова,
От коего ты спас твой вкус,
М<ило>нов послан сатанюю,
Ему мегера вместо муз.
Ползет то червем, то змеею;
Под нож и лучший друг, и брат,
Когда годится имя в строку,
И стыд певцам его талант,
И блеск, и торжество пороку,
Но скоро спрятал от него
Ты сердце доброе, простое.
Презренна неприязнь его,
А дружество презренной втрое.
Хвала! ты сердце на руке
К нам вынес как торжествователь.
Но туча реет вдалеке,
Страшнейший мчится неприятель,
На твой рассудок ополчен:
Его хитон хитро изшвем
Фитами, семо и овамо,
Колпак, как пси, стоящий прямо,
Ковыка и ерок в десной
И книга Кормчая в другой,
Как щит огромный Ахиллеса.
Рыкнул, как некий дивий зверь
Иль адский пес на Геркулеса:
«В славянску ересь, чадцо, верь
Или умри пребеззаконный!»
Слова, столь вежливы и скромны,
Тебя подвигнули на смех,
Смеяться над глупцом не грех
И острая — приятна шутка.
Ты бритвой светлого рассудка
Отбрил раскольника за всех
И, поразя в чело уroda,
Воскликнул: «О друзья, свобода!
Воскресни, Карамзин и вкус!»
Но тщетно мы средь восхищений
Ждем новых от тебя творений.
Ты спишь... проснись, любимец муз!

И грянь! твои за правду длани
Сторицей ополчались к брани,
В опале зря святую Русь.
Смотри, как просится Грузинцев
В Виргилии из разночинцев
И вопит: «Я певец Петров!»
Хвостов Расина распинает,
Князь Шаликов девиц пугает,
Дразня аркадских пастухов;
Кряхтит под книжищею Львов,
На слог и на руку нечистый;
Вот, ямбов защищая честь,
Не зная, что гекзаметр есть,
В филиппике многоречистой
Капнист рассказывает нам,
Что в музыке Гораций сам
Не знал ни толку, ни размеру,
Что ухо грубо у Гомера.
Вот здесь Альзира слезы льет:
Ее свирепый нрав Гусманов
Не мучит так, как перевод,
Который сделал Карабанов.
Шихматов ждет себе венца
За то, что публика страдала
И, как задачи, разрешала
Стих за стихом сего певца;
Станевич пишет без конца,
А пылкий Глинка без начала.
Скажи, Дашков! чего ты ждешь,
Зря лютую сию годину?
И скоро ли перо возьмешь
И саранчу сию сметешь,
Как вихрь сметает паутину?

⟨1814⟩

А. С. ПУШКИН

К БАТЮШКОВУ

Философ резвый и пиит,
Парнасский счастливый ленивец,
Харит изнеженный любимец,
Наперсник милых аонид!

Почто на арфе златострунной
Умолкнул, радости певец?
Ужель и ты, мечтатель юный,
Расстался с Фебом наконец?

Уже с венком из роз душистых,
Меж кудрей вьющихся, златых,
Под тенью тополов ветвистых,
В кругу красавиц молодых,
Заздравным не стучишь фиалом,
Любовь и Вакха не поешь;
Довольный счастливым началом,
Цветов парнасских вновь не рвешь;
Не слышен наш Парни российский!..
Пой, юноша,— певец тиисский
В тебя влиял свой нежный дух.
С тобою твой прелестный друг,
Лилета, красных дней отрада:
Певцу любви любовь награда.
Настрой же лиру. По струнам
Летай игривыми перстами,
Как вешний зефир по цветам,
И сладострастными стихами,
И тихим шепотом любви
Лилету в свой шалаш зови.
И звезд ночных при бледном свете,
Плывущих в дальней вышине,
В уединенном кабинете,
Волшебной внемя тишине,
Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливец милый, орошай;
Но, упоен любовью страстной,
И нежных муз не забывай;
Любви нет боле счастья в мире:
Люби — и пой ее на лире.

Когда ж к тебе в досужный час
Друзья, знакомые сберутся
И вины пенные польются,
От плена с треском свободясь,
Описывай в стихах игривых
Веселье, шум гостей болтливых
Вокруг накрытого стола,
Стакан, кипящий пеной белой,
И стук блестящего стекла.

И гости дружно стих веселый,
Бокал в бокал ударя в лад,
Нестройным хором повторят.

Поэт! в твоей предметы воле,
Во звучны струны смело грянь,
С Жуковским пой кроваву брань
И грозну смерть на ратном поле.
И ты в строях ее встречал,
И ты, постигнутый судьбою,
Как росс, питомцем славы пал!
Ты пал и хладною косою
Едва скошенный не увял!.. *

Иль, вдохновенный Ювеналом,
Вооружись сатиры жалом,
Подчас прими ее свисток,
Рази, осмеивай порок,
Шутя, показывай смешное
И, если можно, нас исправь.
Но Тредьяковского оставь
В столь часто рушимом покое.
Увы! довольно без него
Найдем бессмысленных поэтов,
Довольно в мире есть предметов,
Пера достойных твоего!

Но что!.. цевницею моею,
Безвестный в мире сем поэт,
Я песни продолжать не смею.
Прости — но помни мой совет:
Доколе, музами любимый,
Ты пизрид горишь огнем,
Доколь, сражен стрелой незримой,
В подземный ты не снидешь дом,
Мирские забывай печали,
Играй: тебя младой Назон,
Эрот и грации венчали,
А лиру строил Аполлон.

1814

---

* Кому неизвестны «Воспоминания на 1807 год»?

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

К ПАРТИЗАНУ-ПОЭТУ

Анакреон под дуломаном
Поэт, рубака, весельчак!
Ты мил и с пеннистым стаканом,
И с лирой, и в дыму бивак.

Нося любви и Марсу дани!
Со славой крепок твой союз:
Средь брани — ты любитель брани!
На Пинде — ты любимец муз!

Двойным огнем в тебе согрета
Душа — не может охладеть:
На пламенной груди поэта
Геоργия приятно зреть.

Воинским соблазнясь примером,
Когда б Парнас давал кресты,
Святого Феба кавалером
Давно, конечно, был бы ты.

1814

К ДРУЗЬЯМ

Гонители моей невинной лени,
Ко мне и льстивые, и строгие друзья!
Благодарю за похвалы и пени, —
Но не ленив, а осторожен я!
Пускай, довольствуясь быть знаем в круге малом,
Я ни одним еще не завладел журналом,
И, пальцем на меня указывая, свет
Не говорит: вот записной поэт!
Но признаюсь, хотя и лестно, а робею:
Легко, не согласясь с способностью моею,
Обогатить, друзья, себе и вам назло
Писателей дурных богатое число.
Немало видим мы в поэтах жертв несчастных
Успеха первого и первой похвалы;
Для них день ясный был предтечей дней
ненастных,

И ветер, сорвав с берегов, их бросил на скалы.
Притом хотя они бессмертного рожденья,
Но музы — женщины, не нужны объясненья!
Смешон, кто с первых ласк им ввериться готов;
Как часто вас они коварно задирают,

Когда вы их не ищите даров!

А там еще стократ коварней покидают,
Когда вы, соблазнясь притворной лаской их,
Владычиц видите в них и богинь своих!
Смотрите — не искать тому примеров дальних!

Мы здесь окружены толпой

Обманутых любовников печальных!

Не знавшись с музами, они б цвели душой,

И в неге тишины целебной

По слуху знали бы и хлопоты и труд!
Но первый их экспромт разрушил мир волшебный,
И рифмы-коршуны, в них впившись, их грызут.
Быть может, удалось крылатым вдохновеньем
И мне подчас склонять на робкий глас певца
Красавиц, внемлющих мне с тайным умиленьем,
Иль, на беду его, счастливым выраженьем
Со смехом сочетать прозвание глупца.

И смерть пускай его предаст забвенья злобе,
Мой деятельный стих его и в дальнем гробе
Преследует, найдет, потомству воскресит
И внуков памятью о деде рассмешит!

Иль, смелою рукой младую лиру строя,
Быть может, с похвалой воспел царя-героя!
И, скромность в сторону, шепну на всякий страх —
Быть может, боле я и в четырех стихах
Сказал о нем, чем сонм лже-Пиндаров надутых
В громадах пресловутых

Их од торжественных, где торжествует вздор!

И мать счастливая увенчанного сына
(Награда лестная! Завидная судьбина!)

Приветливый на них остановила взор.

Я праведно бы мог гордиться в упоенье;

Но, строгий для других, иль буду к одному

Я снисходителен себе, на смех уму?

Нет! нет! Опасное отвергнув обольщенье,

Удачу не сочту за несомненный дар;

И Рубан при одном стихе вошел в храм славы!

И в наши, может, дни (чем не шутил лукавый?)

Порядочным стихом промолвится Гашпар.

О, дайте мне, друзья, под безмятежной сенью,

Куда укрылся я от шума и от гроз,
На ложе сладостном из маков и из роз,
Разостланном счастливой ленью,
Понежиться еще в безвестности своей!
Успехов просит ум, а сердце счастья просит!
И самолюбия нож острый часто косит
Весенние цветы младых и красных дней.
Нет! нет! Решился я, что б мне ни обещали,
Блаженным Скюдери не буду подражать!
Чтоб более меня читали,
Я стану менее писать!

1814

В. А. ЖУКОВСКИЙ

К ВЯЗЕМСКОМУ ОТВЕТ НА ЕГО ПОСЛАНИЕ К ДРУЗЬЯМ

Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и поэт!
Проблему, что в тебе ни крошки дара нет,
Ты вздумал доказать посланьем,
В котором, на беду, стих каждый заклею
Высоким дарованьем!
Притворство в сторону! знай, друг, что осужден
Ты своенравными богами
На свете жить и умереть с стихами,
Так точно, как орел над тучами летать,
Как благородный конь кипеть пред знаменами,
Как роза на лугу весной благоухать!
Сноси ж без ропота богов определенье!
Не мысли почитать успех за обольщенье
И содрогаться от похвал!
Хвала друзей — поэту вдохновенье!
Хвала невежд — бряцающий кимвал!
Страшися, мой певец, не смелости, но лени!
Под маской робости не скроешь ты свой дар;
А тлеющий в твоей груди священный жар
Сильнее, чем друзей и похвалы и пени!
Пиши, когда писать внушает Аполлон!
К святилищу, где скрыт его незримый трон,
Известно нам, ведут бесчисленны дороги;
Прямая же одна!

И только тех очам она, мой друг, видна,
Которых колыбель парнасским лавром боги
Благоволили в час рожденья осенить!
На славном сем пути певца встречает Гений;
И, весел посреди божественных явлений,
Он с беззаботностью младенческой идет,
Куда рукой неодолимой,
Невидимый толпе, его лишь сердцу зримый,
Крылатый проводник влечет!
Блажен, когда, ступив на путь, он за собою
Покинул гордости угрюмой суеты
И славолюбия убийственны мечты!
Тогда с свободною и ясною душою
Наследие свое, великолепный свет,
Он быстро на крылах могущих облетает
И, вдохновенный, восклицает,
Повсюду зря красу и благо: я поэт!
Но горе, горе тем, на коих Эвмениды,
За преступленья их отцов,
Наслали Фурию стихов!
Для них страшилищи и Феб и Аониды!
И визг карающих свистков
Во сне и наяву их робкий слух терзает!
Их жребий — петь назло суровых к ним судей!
Чем громозвучней смех, тем струны их звучней,
И лира, наконец, к перстам их прирастает!
До Леты гонит их свирепый Аполлон;
Но и забвения река их не спасает!
И на берегу ее, сквозь тяжкий смерти сон,
Их тени борются с бесплотными свистками!
Но, друг, не для тебя сей бедственный удел!
Природой научен, ты верный путь обрел!
Летай неробкими перстами
По очарованным струнам
И музы не страшись! В нерукотворный храм
Стезей цветущею, но скрытою от света,
Она ведет поэта.
Лишь бы любовью красоты
И славой чистою душа в нас пламенела,
Лишь бы, минутное отринув, с высоты
Она к бессмертному летела —
И муза счастья богиней будет нам!
Пушай слепцы ползут по праху к похвалам,
Венцов презренных ищут в прахе
И, славу позабыв, бледнеют в низком страхе,

Чтобы прелестница-хвала,
Как облако, из их объятий не ушла!
Им вечно не узнать тех чистых наслаждений,
Которые дает нам бескорыстный Гений,

Природы властелин,
Парящий посреди безбрежного пучин,
Красы верховной созерцатель
И в чудном мире сем чудесного создатель!
Мой друг, святых добра законов толкователь,
Поэт, на свете сем — всех добрых семьянин!
И сладкою мечтой потомства оживленный...

Но нет! потомство не мечта!
Не мни, чтоб для меня в дали его священной
Одних лишь почестей блистала суета!
Пускай правдивый суд потомством раздается,
Ему внимать наш прах во гробе не проснется,
Не прикоснется он к бесчувственным костям!
Потомство говорит, мой друг, одним гробам;
Хвалы ж его в гробах почиющим невнятны!
Но в жизни мысль о нем нам спутник
благодатный!

Надежда сердцем жить в веках,
Надежда сладкая — она не заблужденье;
Пускай покроет лиру прах —
В сем прахе не умолкнет пень
Душой бессмертной полных струн!
Наш гений будет, вечно юн,
Неутомимыми крылами
Парить над дряхлыми племен и царств гробами;
И будет пламень, в нас горевший, согреть
Жар славы, благодати и смелых помышлений
В сердцах грядущих поколений;
Сих уз ни Крон, ни смерть не властны разорвать!
Пускай, пускай придет пустынный ветер свистать
Над нашею с землей сровнявшейся могилой —
Что счастьем для нас в минутной жизни было,
То будет счастьем для близких нам сердец
И долго после нас; грядущих лет певец
От лиры воспылает нашей;
Внимая умиленно ей,
Страдалец подойдет смелей
К своей ужасной, горькой чаше
И волю промысла, смирясь, благословит;
Сын славы закипит,
Ее услышав, бранью

И праздный меч сожмет нетерпеливой дланью...
Давно в развалинах Сабинский уголок,
И веки уж над ним толпою пролетели —
Но струны Флакковы еще не онемели!
И, мнится, не забыл их звука тот поток
С одушевленными струями,
Еще шумящий там, где дружными ветвями
В кудрявые венцы сплелися древеся!
Там под вечер, когда невидимо роса
С роскошной свежестью на землю упадает
И мирты спящие Селена осребряет,
Дриад стыдливых хоровод
Кружится по цветам, и тень их пролетает
По зыбкому зеркалу вод!
Нередко в тихий час, как солнце на закате
Льет румяный блеск на море вдалеке
И мирты темные дрожат при ветерке,
На ярком отражаясь злате, —
Вдруг разливается как будто тихий звон,
И ветерок и струй журчанье утихает,
Как бы незримый Аполлон
Полетом легким пролетает —
И путник, погружен в унылость, слышит глас:
«О смертный! жизнь стрелою мчится!
Лови, лови летящий час!
Он, улетев, не возвратится».

1814

К ВОЕЙКОВУ

О Воейков! Видно, нам
Помышлять об исправленьи!
Если должно верить снам,
Скоро Пиндо-преставленьи,
Скоро должно наступить!
Скоро, предлетящий громам,
Аполлон придет судить
По стихам, а не по томам!

Нам известно с древних лет,
Сны, чудовищей явленья
Грозно-пламенных комет
Предвещали измененья

В муравейнике земном!
И всегда бывали правы
Сны в пророчестве своем.
В мире Феба те ж уставы!

Тьма страшилищ меж стихов,
Тьма чудес... дрожу от страху!
Зрел оберткой пирогов
Я недавно Андромаху.
Зрел, как некий Асмодей
Мазал, вид приняв лакея,
Грозной кистью своей
На заклею окон Грея.

Зрел недавно, как Пиндар,
В воду огонь свой обративши,
Затушил в Москве пожар,
Всю дожечь ее грозивший.
Зрел, как Сафу бил голик,
Как Расин кряхтел под тестом,
Зрел окутанный парик
И Электрой и Орестом.

Зрел в ночи, как в высоте
Кто-то, грозный и унылый,
Избоченясь, на коте
Ехал рысью; в шуйце вилы,
А в деснице грозный Ик;
По-славянски кот мяукал,
А внимающий старик
В такт с усмешкой Иком тукал.

Сей скакун по небесам
Прокатился метеором,
Вдруг отверзтый вижу храм,
И к нему идут собором
Феб и музы... Что ж? О страх!
Феб — в ужасных рукавицах,
В русской шапке и котях;
Кички на его сестрицах!

Старика ввели во храм,
При печальных Смехов ликах
В стихарях амуры там
И хариты в черевиках!
На престоле золотом
Старина сидит *богиня*;
Одесную Вкус с бельмом,
Простофиля и разиня.

И как будто близ жены,
Поручив кота Эроту,
Сел старик близ Старины,
Сияясь скрыть свою перхоту.
И в гудок для прищлеца
Феб ударил с важным тоном,
И пустились *голубца*
Мельпомена с Купидоном.

Важно бил каданс старик
И подмигивал старушке;
И его державный *Ик*
Перед ним лежал в кадушке.
Тут к престолу подошли
Стихотворцы для присяги;
Те под мышками несли
Расписные с квасом фляги;

Тот тащил кису морщин,
Тот прабабушкину мушку,
Тот старинных слов кувшин,
Тот *кавык* и *юсов* кружку,
Тот перину из бород,
Древле бритых в Петрограде;
Тот славянский перевод
Басен Дмитрева в окладе.

Все, воззрев на Старину,
Персты вверх и, ставши рядом:
«Брань и смерть Карамзину! —
Грянули, сверкая взглядом. —
Зубы грешнику порвем,
Осрамим хребет строптивый!

Зад во утро избием,
Нам обиды сотворивый!»

Вздвогнул я. Призра́к исчез...
Что ж все это предвещает?
Ах, мой друг, то глас небес!
Полно медлить... наступает
Аполлонов страшный суд,
Дни последние Парнаса!
Нас богини мщенья ждут!
Полно мучить нам Пегаса!

Не покаяться ли нам
В прегрешеньях потаенных?
Если верить старикам,
Муки Фебом осужденных
Неописанные, друг!
Поспешим же покаяньем,
Чтоб и нам за рифмы — крюк
Не был в аде воздаяньем.

Мук там бездна!.. Вот Хлыстов
Меж огромными ушами,
Как Тантал среди плодов,
С непрочтенными стихами.
Хочет их читать ушам,
Но лишь губы шевельнутся,
Чтобы дать простор стихам, —
Уши разом все свернутся!

Вот, на плечи стих взгрузив,
На гору его волочит
Пустопузов, как Сизиф;
Бьется, силится, хлопочет,
На верху горы вдовец —
Здравый смысл — торчит маяком;
Вот уж близко! вот конец!
Вот дополз — и книзу раком!..

Вот Груздочкин-траголюб
Убирает лоб в морщины
И *хитомом* свой тулуп
В угожденье Прозерпины

Величает невпопад;
Но хвастливость не у места:
Всех смешит его наряд,
Даже фурий и Ореста!

Полон треску и огня
И на смысл весьма убогий,
Вот на чахлого коня
Лезет Фирс коротконогий.
Лишь уселся, конь распух.
Ножки вверх — нет сил держаться;
Конь галопом; рыцарь — бух!
Снова лезет, чтоб сорваться!..

Ах! покаемся, мой друг!
Исповедь — пол-исправленья!
Мы достойны этих мук!
Я за ведъм, за привиденья,
За чертей, за мертвецов;
Ты ж за что, что в переводе
Очутился из Садов
Под капустой в огороде!..

1814

АРЕОПАГУ

О мой Ареопаг священный,
С моею музою смиренной
Я преклоняюсь пред тобой!
Публичный обвинитель твой,
Малютка Батюшков, гигант по дарованью,
Уж суд твой моему «Посланию»
В парнасский протокол вписал
За скрепой Аполлона,
И я к подножию божественного трона
С повинной головой предстал,
С поправками «Послания»
И парой слов для оправданья!
Прошу, да пред него и Аристарх-певец
С своею критикой предстанет,
И да небесный Феб, по Пинду наш отец,
На наше прение негневным взором взглянет!
За что ж о плане ты, мой грозный судия,

Ни слова не сказал? О, страшное молчанье!
Им муза робкая оглушена моя!

И ей теперь мое «Послание»
Уродом кажется под маской красоты!
Злодей! молчанием сказал мне больше ты
Один, чем критиков крикливое собрание
Разбора строгого шумящею грозой!

Но так и быть, перед тобой
Все тайные ошибки!

О чем молчишь — о том и я хочу молчать!..
Чтоб безошибочно, мой милый друг, писать,
На то талант твой нужен гибкий!

Дерзнет ли свой листок в тот влести венец?
Ужасный стих! так ты воскликнул, мой певец!

И музы все с тобой согласны!

Да я и сам кричу, наморщившись: *ужасный!*
Вотще жую перо, вотще молюсь богам,
Чтоб от сего стиха очистили «Послание»!
Напрасное пера невинного жеванье,
Напрасные мольбы! — поправь его ты сам!
Не можешь? Пусть живет векам на посмеянье!

Кто славы твоя опишет красоту!
Ты прав: *опишет* — вздор, написанный водою,
А *твоя* — урод! Готов одной чертою
Убить сей стих! Но, друг! смиренную чету
Двух добрых рифм кто разлучить решится?
Да, может быть, моя поправка пригодится?..
Кто славных дел твоих постигнет красоту? —
Не лучше ли? Прими ж, мой друг, сию поправку,
А прежний вздорный стих в отставку.

Что далее?.. Увы! я слышу не впервой,
Что стих: *Дробила над главой*
Земных народов брань, и что ж еще: *державы!* —
Смешной и темный стих! Быть может, бес лукавый,
Моих баллад герой,

Спутил таким стихом коварно надо мной.
Над искусителем себя мы позабавим
Балладой новою, а стих хоть так поправим:
Ниспровергала, враг земных народов, брань!..
Нет! выше бурь венеца... Ты здесь, мой друг,

в сомненье;

Но *бури жизни* есть для всякого певца
Не запрещенное от Феба выраженье!
А *бури жизни*, друг, чем лучше *бурь венеца?*
Итак, сомнение приняв за одобренье,

Я с бурями венца отважно остаюсь,—
Вверяясь твоему сомнению,
Спокойно на берегу с моей подругой ленью
Сижу и бурям критики смеюсь.
Другой же стих — твоя, а не моя погрешность;
Затмила, кажется, рассудок твой поспешность:
Ведь *невнимательных царей*
В Послание нет! лишь ты, по милости своей,
Был невнимательный читатель;
А может быть, и то, что мой переписатель
Царей не отделил
От их народов запятою
И так одной пера чертою
Земной порядок помутил.
Итак — здесь виноват не я, а запятая,
И критика твоя косая.—
Под наклонившихся престолов царских сень
Народы ликовать стекались толпами.
По мнению твоему, туман.
Прости! но с критикой твоей я не согласен,
И в этих двух стихах смысл, кажется мне, ясен!
Зато другие два, как шумный барабан,
Рассудку чуждые, лишь только над ушами
Господствуют: *мой трон у галлов над главами,*
Разгрянувшись...
Своими страшными кусками
Подобен сухарю и так же сух, как он.
Словечко *вспыхнул* мне своею быстротою
Понравилось — винюсь, смиряясь пред тобою;
И робкою пишу рукою:
Вспылал, разверзнувшись как гибельный вулкан.
Но чем же странен великан,
С развалин пламенных ужасными очами
Сверкающий на бледный свет? —
Тут, право, милый друг, карикатуры нет!
Вот ты б, малютка, был карикатура,
Когда бы мелкая твоя фигура
Задумала с развалин встать
И на вселенну посверкать.
А тень огромная свирепого тирана...
Нет... Я горой за великана!
Зато, мой друг, при сих забавных трех стихах
Пред критикой твоей бросаю лирой в прах
И рад хоть казачка плясать над их могилой:
Там все...

И вот как этот вздор поправил Феб мой хилый:
Там все — и весь, и град, и храм — зывало:

брань!

*Все, раболепствуя мечтам тирана, дань
К его ужасному престолу приносило...*

Поправка — но вопрос, удачна ли она?

И мздой свою постель страданье выкупало!

Конечно, здесь твой вкус надменный испугало

Словечко бедное: постель? Постель бедна

Для пышности стихов — не спорю я нимало;

Но если муза скажет нам:

И мздой свой бедный одр страданье выкупало,—

Такой стишок ее понравится ль ушам?

Как быть! но мой припев: поправь, как хочешь,
сам!

И дай вздохнуть моей ты лени —

Тем боле, что твои совсем некстати пени

За этот добрый стих, в котором смысла нет;

И юность их была, как на могиле цвет!

Здесь свежесть юная и блеск цветочка милый

Противоположен унынию могилы;

На гробе расцветя, цветок своей красой

Нам о ничтожности сильней напоминает:

Не украшает он, а только обнажает

Пред нами ужас гробовой.

И гроба гость, цветок — символ для нас унылый,

Что все живет здесь миг, и для одной могилы...

И хитростью...

Мой друг, я не коснусь до первых двух стихов!

В них вся политика видна Наполеона!

И всем известно нам, что, неизбежный ков

Измены, хитрости расставивши близ трона,

Лишь только добывал его громами он.

Не будь Наполеон —

Разбитый громами охотно я б поставил!

Последние ж стихи смиренно я поправил,

А может быть, еще поправкой и добил:

По ним свободы враг отважною стопою

За всемогуществом шагал от боя к бою!

Что скажешь? угодил? —

А следующий стих, на ратей переходы

Служащий рифмою, я так переменял:

Спешиши раздробить еще престол свободы.

Еще трем карачун; их смуглый мой вождь

(Воейков)

На смерть приговорил:
*И вслед ему всяк час за ратью рать летела —
И по следам его на место: вслед всяк час*
Поставить рожца мне смуглая велела!
И я исполнил сей приказ!
*Уж указуешь путь державною рукою —
Приказано писать: уж отверзаешь путь.
Перед тобой весь мир — писать: перед тобою*
Мир — весь же зачеркнуть...
Еще на многие стихи он покосился,
Да я не согласился.

1814—1815

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

К ПАРТИЗАНУ-ПОЭТУ

Давыдов, баловень счастливой
Не потаскушки той слепой,
Податливой и вдруг спесивой,
Вертящей мир своей клюкой,
Пред коею народ трусливой
Поник просительной главой, —
Но музы острой и шутливой
И Марса, ярого в боях!
Пусть грудь твоя, противным страх,
Не отливается игриво
В златистых и цветных лучах,
Как радуга на облаках;
Но мне твой ус красноречивой,
Вращенный, завитый в полях
И дымом брани окуренный, —
Повествователь неизменный
Твоих набегов удалых
И ухарских врагам приветов,
Колеблющих дружины их!
Пусть генеральских эполетов
Не вижу на плечах твоих,
От коих часто поневоле
Вздымаются плеча других;
Не все быть могут в равной доле,
И жребий с жребием не схож!

Иной, бесстрашный в ратном поле,
Застенчив при дверях вельмож;
Другой, застенчивый средь боя,
С неколебимостью героя
Вельможей осаждает дверь;
Но не тужи о том теперь!
На барскую ты половину
Ходить с поклоном не любил,
И скромную свою судьбину
Ты благородством золотил.
Врагам был грозен не по чину,
Друзьям ты не по чину мил!
Спешу в объятьях их без страха
И, в соприсутствии нам Вакха,
С друзьями здесь возобнови
Союз священный и прекрасный,
Союз и братства и любви,
Судьбе могущей неподвластный!..
Где чаши светлого стекла?
Пускай их ряд, в сей день счастливой,
Уставит грозно и спесиво
Обширность круглого стола!
Сокрытый в них рукой целебной,
Дар благодатный, дар волшебной
Благословенного *Аи*
Кипит, бьет искрами и пеной! —
Так жизнь кипит в молодые дни!
Так за столом непринужденно
Родятся искры острых слов,
Друг друга гонят, упреждают
И, загоревшись, угасают
При шумном смехе остряков!
Ударим радостно и смело
Мы чашу с чашей в звонкий лад!..
Но твой, Давыдов, беглый взгляд
Окинул круг друзей веселой,
И, среди нас осиротелой,
Ты к чаше с грустью приступил,
И вздох невольный и тяжелой
Поверхность чаши заструил!..
Вздох сердца твоего мне внятен,
Он скорбной траты тайный глас;
И сей бродящий взор понятен —
Он ищет Б<урцо>ва средь нас.
О Б<урцо>в, Б<урцо>в! Честь гусаров,

По сердцу Вакха человек!
Ты не поморщился вовек
Ни с блеска сабельных ударов,
Светящих над твоим челом,
Ни с разогретого арака,
Желтеющего за стеклом
При дымном пламени бивака!
От сиротствующих пиров
Ты был оторван смертью жадной!
Так резкий ветер, посол снегов,
Сразившись с лозой виноградной,
Красой и гордостью садов,
Срывает с корнем, повергает
И в ней надежду убивает
Усердных Вакховых сынов!
Не удалось судьбой жестокой
Ударить робко чашей мне
С твоею чашею широкой,
Всегда потопленной в вине!
Я не видал ланит румяных,
Ни на челе следов багряных
Побед, одержанных тобой;
Но здесь, за чашей круговой,
Клянусь Давыдовым и Вакхом:
Пойду на холм надгробный твой
С благоговением и страхом;
Водяных слез я не пролью,
Но свежим плющем холм украшу,
И, опрокинув полную чашу,
Я жажду праха утолю!
И мой резец, в руке дрожащий,
Изобразит от сердца стих:
«Здесь Б(урцо)в, друг пиров младых,
Сном вечности и хмеля спящий.
Любил он в чашах видеть дно,
Врагам казать лице средь боя,—
Почтите падшего героя
За честь, отчизну и вино!»

1814 или 1815

В. Л. ПУШКИН

ПОСЛАНИЕ К КН. ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ

Quand je pense au dégoût que les Poètes
ont à essayer, je m'étonne qu'il y en ait d'assez
hardis pour braver l'ignorance de la multitude,
et la censure dangereuse des demi-savants, qui
corrompent quelquefois le jugement du Public.

Le Sage *

Как трудно, Вяземский, в плачевном нашем
мире
Всем людям нравиться, их вкусу угождать!
Почтенный Карамзин, к своей коснувшись лире,
В прекраснейших стихах воспел святую рать,
Падение врага, царя России славу,
Героев подвиги и радость всех сердец.
Какой же получил любимец муз венец?
Он, вкуса следуя и разума уставу,
Все чувства души в восторге изливал,
Как друг Отечества и как Поэт писал, —
Но многие ль, скажи, ценить талант умеют?
О, горе, горе нам от мнимых знатоков!
Судилище ума — собранье чудаков,
И в праздности сердца к изящному хладеют.
Давно ли, шествуя Корнелию вослед,
Поэт чувствительный, питомец Мельпомены,
Творец Димитрия, Фингала, Поликсены,
На Севере блистал?.. И Озерова нет.
Завистников невежд он учинился жертвой;
В уединении, стелящий, полумертвой,
Успехи он свои и лиру позабыл!
О зависть лютая, дочь ада, крокодил,
Ты в иступлении достоинства караешь,
Слезами, горестью питаешься других,
В безумцах видишь ты прислужников своих
И, просвещенья враг, таланты унижаешь!
И я на лире пел, и я стихи любил,
В беседе с музами блаженство находил,
Свой ум обогащать учением старался,

---

* Когда я думаю о тех оскорблениях, которые приходится сносить поэтам, я удивляюсь тому, что среди них находятся отважные настолько, чтобы презирать невежество толпы и опасную цензуру полуученых, которые порой искажают приговор публики.
Лесаж (фр.).

И, виноват, подчас в посланиях моих
Я над невежеством и глупостью смеялся;
Желанья моего я цели не достиг:
Врали не престают злословить дарованья,
Печатать вздорные свои иносказанья
И в публике читать, наперекор уму,
Похвальных кучу од, не годных ни к чему!

Итак, я стал ленив и празден поневоле;
Врагов я не найду в моей безвестной доле.
Пусть льются там стихи нелепые рекой,
Нет нужды — мне всего любезнее покой!

Но, от учености к забавам обращаясь,
Давно ли, славою мы русских восхищаясь,
Торжествовали здесь желанный всеми мир?
И тут мы критиков, мой друг, не удержали;
При блеске празднества, при звуке громких
лир,

Зоилы подвиг наш и рвенье осуждали:
Искусство, пышность, вкус и прелестей собор —
Все сделалось виной их споров и укор!

Не угодишь ничем умам, покрытым тьмою,
И, право, не грешно смеяться над молвою.
Какой-то новый Крез, свой написав портрет,
Обжорливых друзей к обеду приглашает:
Богатым искони ни в чем отказа нет.
Друзья съезжаются — хозяин ожидает,
Что будут славного художника хвалить,
Известного давно искусством, дарованьем;
Но сборище льстецов кричит с негодованьем,
И точно думая тем Крезу угодить,
Что в образе его малейшего нет сходства,
Нет живости в лице, улыбки, благородства.
Послушный Апеллес берет портрет домой.
Через месяц наш Лукулл дает обед другой;
Друзья опять на суд. Дворецкий объявляет,
Что барин нужного курьера отправляет
И просит подождать. Садятся все кругом;
О мире, о войне вступают в разговоры;
Европу разделив, политики потом
На труд художника свой бросают взоры.
«Портрет, — решили все, — не стоит ничего!
Прямой урод, Эзоп! Нос длинный, лоб с рогами!
И долг хозяина предать огню его!»
«Мой долг не уважать такими знатоками
(О чудо! говорит картина им в ответ):

Пред вами, господа, я сам, а не портрет!»
Вот наших критиков, мой друг изображение!
Оставим им в удел упрямство, ослепленье.
Поверь, мы счастливы, умея дар ценить,
Умея чувствовать и сердцем говорить!
С тобою жизни путь украсим мы цветами:
Жуковский, Батюшков, Кокоскин и Дашков
Явятся вечерком нас услаждать стихами;
Воейков пропоет твои куплеты с нами
И острой насмешит сатирой на глупцов;
Шампанское в бокал пенистое польется,
И громкое ура! веселью разнесется!

1814

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ОТВЕТ НА ПОСЛАНИЕ ВАСИЛЬЮ ЛЬВОВИЧУ ПУШКИНУ

Ты прав, любезный Пушкин мой,
С людьми ужиться в свете трудно!
У каждого свой вкус, свой суд и голос свой!
Но пусть невежество талантов судьей —
Ты смейся и молчи: роптанье безрассудно!
Грудистых крикунов, в которых разум скудный
Запасом дерзости с избытком заменен,
Перекричать нельзя. Язык их — брань,
искусство —
Пристрастьем заглушать священной правды
чувство,
А демон зависти — их мрачный Аполлон!
Но их безвредное, смешное вероломство
В борьбе с талантами не может устоять!
Как волны от скалы, оно несется вспять!
Что век зоила? — день! Век гения? — потомство!
Учись — здесь Карамзин, честь края своего,
Сокрывшихся веков отважный собеседник,
Наперсник древности и Ливия наследник,
Не знает о врагах, шипящих вокруг него.
Пуускай дурачатся, гордясь рукоплесканьем
Сотрудников своих; их речи — тщетный звон!
Не примечая их, наказывает он

Витийственный их гнев убийственным молчаньем.

Так путник, посреди садов,
Любуясь зеленью и свежими цветами,
Не видит под травой ползущих червяков,

Их топчет твердыми ногами
И далее идет, не думая о них!
Оставим сих слепцов; их сумрачные очи,
Привыкшие ко тьме, бегут лучей дневных,—

И, пожелав им доброй ночи,
Сзовем к себе друзей своих
Стихи читать, не зачитаться,
Поговорить и посмеяться
На свой, подчас и счет других;
Но только с тем, чтоб осторожно!
И в дружеском кругу своем,
Поверь, людей еще найдем,
С которыми ужиться можно!

1814

К ПОДРУГЕ

От шума, от раздоров,
Гостиных сплетен, споров,
От важных дураков,
Забавников докучных
И вечных болтунов,
С злословьем неразлучных,
От жалких пастушков,
При дамских туалетах
Вздыхающих в сонетах;
От критиков-слепцов,
Завистников талантов,
Нахмуренных педантов,
Бродящих фолиантов,
Богатых знаньем слов;
От суетного круга,
Что прозван свет большой,
О милая подруга!
Укроемся со мной.
Простись с блестящим светом,
Приди с своим поэтом,
Приди под кров родной,
Под кров уединенной,

Счастливым и простой,
Где счастье неизменно
И дружбой крыл лишенно
Нас угостит с тобой!
Хотя мы жили мало,
Но в вихре юных лет
Нас горе испытало,
И, по морю сует
Пловцы неосторожны,
Мы часто брали ложный
Путь гибели и бед
За верный и надежный,
Казавший к благу след.
И там с бедой встречались,
Где мы найти ласкались
И счастье, и покой.
О друг бесценный мой!
Испытанное горе
Забвенью предадим,
И треволнений море
Уступим мы другим.
Дар редкой, особливой,
С небес необходим,
Чтоб управлять счастливо
На нем челном своим.
Что ж делать? Не имеем
Искусства мы сего;
Зато, мой друг, умеем
Прожить и без него.
Уже воображенье
Сближает отдаленье
Мне тех счастливых дней,
Когда уединенье,
Покой и размышленье
Смирят души смятенье
И усыпят страстей
Коварное волненье!
Уже среди полей,
Украшенных природой,
Я, свергнув плен цепей,
Горжусь своей свободой
И восхищаюсь ей,
Как пленник освобожденный,
В отчизну возвращенный
От вражеских берегов,

С восторгом внемлет пенью
Знакомых голосов
И веселится тенью
Родительских дубов.
Уже тебя мечтою
Я, утренней порою,
Бегущей вижу в сад,
Для неги и прохлад
И Флорой и тобою
Украшенный стократ!
Твой утренний наряд,
И скромный и прелестной,
Меж зелени древесной
Белеется вдали, —
Ты все обзираешь:
Здесь мирты поливаешь,
Гвоздику расправляешь,
Склоненную к земли;
А там тропу от спальни
К беседке у купальни
Прокладываешь ты!
Но воздух тмится паром,
И солнце пышет жаром
С лазурной высоты;
Тут ты работы бросишь
И розу мне приносишь —
Подобие себя!
Но, ах! могу ли я
Грядущего картину
Искусною рукой
Представить пред тобой?
Нет! Разве тень едину
Тебе изображу;
Нет, разве половину
Я радостей скажу,
Которые нас встретят,
Украсят и осветят
Смиранный наш приют!
С волшебной быстротою
Дни резвые бегут:
Меж утренней зарею
И сумрачной порою
Лишь несколько минут
Сочтем, мой друг, с тобою!
Тогда как в тех домах,

Где гордость с суетою
И подлость впопыхах,
Одна перед другою
В натянутых словах
Невольно открывают
Всю скуку, что питают
В изношенных душах,
Едва тащится время
И каждый миг, как бремя,
Тягчится на плечах.
Быть может, к нам в обитель
Заманим мы друзей:
И тишины любитель,
И младости моей
Наставник и хранитель,
Бессмертной Клии сын,
Трудами утомленный,
Под кров уединенный
Придет вкусить покой;
И, может быть, молодой
Наперсник фей и граций,
Веселый, как Гораций,
И сумрачный порой,
Как самый Громобой,
В полуночи ненастной
Балладою ужасной
Придет нас восхищать
И внемлющих безгласно
И трогать, и пугать;
А с ним и сладострастный
Цитерских битв певец,
Тибулл наш сладкогласный,
И гражданин, и жрец
Благословенной Книды,
От Марса и Киприды
Приявший свой венец,
Быть может, к нам в дубравы .
Перенесет Тибур
И, сердцем Эпикур,
Все обольщенья славы
И шумные забавы
Столицы между нас
Придет забыть на час.
О дружба! Жизни радость,
Твою святую сладость

Из детства выше всех
Я почитал утех!
Всегда была ты страстью
Души моей младой,
И трудный путь ко счастью
Мне положен тобой.
О дружба! Весь я твой.
И на одре недуга
Я, в час мой роковой,
Хочу коснуться друга
Трепещущей рукой!
И, сим прикосновеньем
Как будто возрожден,
С надеждой, с утешеньем
Я встречу смерти сон.

1813

А. С. ПУШКИН

ГОРОДОК

(К ***)

Прости мне, милый друг,
Двухлетнее молчанье:
Писать тебе посланье
Мне было недосуг.
На тройке пренесенный
Из родины смиренной
В великий град Петра,
От утра до утра
Два года все кружился
Без дела в хлопотах,
Зевая, веселился
В театре, на пирах;
Не ведал я покоя,
Увы! ни на часок,
Как будто у налоя
В великий четверток
Измученный дьячок.
Но слава, слава богу!
На ровную дорогу
Я выехал теперь;

Уж вытолкал за дверь
Заботы и печали,
Которые играли,
Стыжусь, столь долго мной;
И в тишине святой
Философом ленивым,
От шума вдалеке,
Живу я в городке,
Безвестностью счастливом.
Я нанял светлый дом
С диваном, с камельком;
Три комнатки простые —
В них злата, бронзы нет,
И ткани выписные
Не кроют их паркет.
Окошки в сад веселый,
Где липы престарелы
С черемухой цветут;
Где мне в часы полдневны
Березок своды темны
Прохладну сень дают;
Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора.
Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно;
Не ходит в модный свет;
На улице карет
Не слышит стук докучный;
Здесь грома вовсе нет;
Лишь изредка телега
Скрыпит по мостовой,
Иль путник, в домик мой
Пришед искать ночлега,
Дорожную клюкой
В калитку постучится...

Блажен, кто веселится
В покое, без забот,
С кем втайне Феб дружится
И маленький Эрот;
Блажен, кто на просторе

В укромном уголке
Не думает о горе,
Гуляет в колпаке,
Пьет, ест, когда захочет,
О госте не хлопочет!
Никто, никто ему
Лениться одному
В постеле не мешает;
Захочет — аонид
Толпу к себе сзывает;
Захочет — сладко спит,
На *Рифмова* склоняясь
И тихо забываясь.
Так я, мой милый друг,
Теперь расположился;
С толпой бесстыдных слуг
Навеки распростился;
Укрывшись в кабинет,
Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю.
Друзья мне — мертвецы,
Парнасские жрецы;
Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они живут.
Певцы красноречивы,
Прозаики шутливы
В порядке стали тут.
Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!
Он Фебом был воспитан,
Издетства стал пиит;
Всех больше перечитан,
Всех менее томит;
Соперник Эврипида,
Эраты нежной друг,
Арьоста, Тасса внук —
Скажу ль?.. отец Кандида —
Он всё; везде велик
Единственный старик!
На полке за Вольтером
Виргилий, Тасс с Гомером

Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.
Питомцы юных граций —
С Державиным потом
Чувствительный Гораций
Является вдвоем.
И ты, певец любезный,
Поэзией прелестной
Сердца привлечший в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен!
Ты здесь — и Дмитрев нежный,
Твой вымысел любя,
Нашел приют надежный
С Крыловым близ тебя.
Но вот наперсник милый
Психеи златокрылой!
О добрый Лафонтен,
С тобой он смел сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побежден!
Воспитанны Амуром,
Вержье, Парни с Грекуром
Укрылись в уголок.
(Не раз они выходят
И сон от глаз отводят
Под зимний вечерок.)
Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фонвизин и Княжнин.
За ними, хмураясь важно,
Их грозный Аристарх
Является отважно
В шестнадцати томах.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видеть вкус,
Но часто, признаюсь,
Над ним я время трачу.

Кладбище обрели
На самой нижней полке

Все школьнически толки,
Лежащие в пыли,
Визгова сочиненья,
Глупона псалмопенья,
Известные творенья
Увы! одним мышам.
Мир вечный и забвенья
И прозе и стихам!
Но ими огражденну
(Ты должен это знать)
Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный,
От члена русских сил,
Двоюродного брата,
Драгунского солдата
Я даром получил.
Ты, кажется, в сомненье...
Нетрудно отгадать;
Так, это сочиненья,
Презревшие печать.
Хвала вам, чада славы,
Враги парнасских уз!
О князь, наперсник муз,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире — знанье света
И слога чистоту,
И в резвости куплета
Игриву остроту.
И ты, насмешник смелый,
В ней место получил,
Чей в аде свист веселый
Поэтов раздражил,
Как в юношески леты
В волнах туманной Леты
Их гургом потопил;
И ты, замысловатый
Буянова певец,
В картинах толь богатый
И вкуса образец;
И ты, шутник бесценный,
Который Мельпомены

Котурны и кинжал
Игривой Талье дал!
Чья кисть мне нарисует,
Чья кисть скомпанирует
Такой оригинал!
Тут вижу я — с *Чернавкой*
Подщина слезы льет;
Здесь князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятенье
Плененные цари,
Забыв войну, сраженья,
Играют в кубари...
Но назову ль детину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнил лишь собой!
О ты, высот Парнаса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Намаранные оды,
Убранство чердаков,
Гласят из рода в роды:
Велик, велик — Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть, право, не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплетать венки:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но, убирайся с богом,
Как ты, в том клясться рад,
Не стану я писать.

О вы, в моей пустыне
Любимые творцы!
Займите же отныне
Беспечности часы.
Мой друг! весь день я с ними,
То в думу углублен,
То мыслями своими
В Элизий пренесен.
Когда же на закате
Последний луч зари

Потонет в ярком злате,
И светлые цари
Смеркающейся ночи
Плывут по небесам,
И тихо дремлют рощи,
И шорох по лесам,
Мой гений невидимкой
Летает надо мной;
И я в тиши ночной
Сливаю голос свой
С пастушьею волынкой.
Ах! счастлив, счастлив тот,
Кто лиру в дар от Феба
Во цвете дней возьмет!
Как смелый житель неба,
Он к солнцу воспарит,
Превыше смертных станет,
И слава громко грянет:
«Бессмертен век пийт!»

Но ею мне ль гордиться,
Но мне ль бессмертьем льститься?..
До слез я спорить рад,
Не бьюсь лишь об заклад,
Как знать, и мне, быть может,
Печать свою наложит
Небесный Аполлон;
Сияя горним светом,
Бестрепетным полетом
Взлечу на Геликон.
Не весь я предан тленью;
С моей, быть может, тенью
Полунощной порой
Сын Феба молодой,
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет
И, мною вдохновенный,
На лире вздохнет.

Покамест, друг бесценный,
Камином освещенный,
Сижу я под окном
С бумагой и с пером,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною

Я ныне вдохновен.
Мой друг, я счастлив ею.
Почто ж ее сестрой,
Любовию молодой
Напрасно пламенею?
Иль юности златой
Вотще даны мне розы,
И лить навеки слезы
В юдоли, где расцвел,
Мой горестный удел?..
Певца сопутник милый,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной,
Дай руку сладострастью
И с чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвения тропой;
И в час безмолвной ночи,
Когда ленивый мак
Покроет томны очи,
На ветреных крылах
Примчись в мой домик тесный,
Тихонько постучись
И в тишине прелестной
С любимцем обнимись!
Мечта! в волшебной сени
Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,
Лиющих огонь в сердца,
И граций стан прелестный,
И снег ее лица;
Представь, что, на коленях
Покоясь у меня,
В порывистых томленьях
Склонилася она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устах,
Горит лицо прекрасной,
И слезы на глазах!..
Почто стрелой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманет — и пропал
Беглец невозвратимый!

Не слышит плач и стон,
И где крылатый сон?
Исчезнет обольститель,
И в сердце грусть-мучитель.

Но все ли, милый друг,
Быть счастья в упоенье?
И в грусти томный дух
Находит наслажденье:
Люблю я в летний день
Бродить один с тоскою,
Встречать вечерню тень
Над тихою рекою
И с сладостной слезою
В даль сумрачну смотреть;
Люблю с моим Мароном
Под ясным небосклоном
Близ озера сидеть,
Где лебедь белоснежный,
Оставя знак прибрежный,
Любви и неги полн,
С подругою своею,
Закинув гордо шею,
Плывет во злате волн.
Или, для развлечения,
Оставя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек;
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.
Газеты собирает
Со всех она сторон,
Все сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Автошка балалайку,

Играя, разломал,—
Старушка все расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает все свое;
А я сижу смиренно
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.
На рифмы удалого
Так некогда *Свистова*
В столице я внимал,
Когда свои творенья
Он с жаром мне читал,
Ах! видно, бог пытал
Тогда мое терпенье!

Иль добрый мой сосед,
Семидесяти лет,
Уволенный от службы
Майором отставным,
Зовет меня из дружбы
Хлеб-соль откусать с ним.
Вечернею пирушкой
Старик, развеселясь,
За дедовскою кружкой
В прошедшем углубясь,
С очаковской медалью
На раненой груди,
Вспомнит ту баталью,
Где роты впереди
Летел на встречу славы,
Но встретился с ядром
И пал на дол кровавый
С булатным палашом.
Всегда я рад душою
С ним время провождать,
Но, боже, виноват!
Я каюсь пред тобою,
Служителей твоих,
Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы,
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских иереев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю,

А с ними крючковатый
Подъяческий народ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплот.

Но, друг мой, если вскоре
Увижусь я с тобой,
То мы уходим горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами,
(И слово уж сдержу)
Я с сельскими попами
Молебен отслужу.

1815

В. А. ЖУКОВСКИЙ

〈К КН. ВЯЗЕМСКОМУ〉

Благодарю, мой друг, тебя за доставленье
Твоих пленительных стихов!
На Волге встретилось с тобою вдохновенье!
Ты, с крутизны ее лесистых берегов
Смотря на пышные окрестностей картины,
С природы список нам похожий написал.
И я тебе вослед мечтою пробегал
Прибрежных скал вершины;
Смотрел, как быстрые крылатые струга,
Сокровищ земледельца полны,
Рулями острыми разрезывали волны;
Как селы между роц пестрили берега;
Как дым их, тонкими подъямляся столбами,
Взвивался и белел на синеве лесов
И, медленно всходя, сливался с облаками, —
Вот что, по милости твоих, мой друг, стихов,
Как наяву, я видел пред собою.
Прочел я их один, потом прочли со мною
Тургенев с Гнедичем, и Блудов, и Дашков.
Потом и критику-богиню пригласили
Их с хладнокровием, ей сродным, прочитать.
Мы, слушая ее, стихи твои херили,
Тебе же по херам осталось поправлять!

Вот *общий* приговор богини беспристрастной:

«Ваш Вяземский прямой поэт!

Он ищет простоты, но простоты прекрасной;

И вялости в его стихах признака нет.

Дар живописи он имеет превосходный!

Природу наблюдать его умеет взор!

Презревши вымыслов блистательный убор,

Он в скромной простоте, красам природы
сродный,

Живописует нам природы красоты!

Он в ней самой берет те сильные черты,

Из коих создает ее изображенье

И списка точностью дивит воображенье».

Такой был *общий* приговор!

Потом перебирать свободно

Богиня принялась стихи поочередно,

И вышел строгий перебор!

Послушай и поправь, когда тебе угодно!

Благоухает древо

Трепещущая сень. Богиня утверждает

(Я повторяю то, поэту не во гнев),

Что худо делает, когда *благоухает*,

Твоя *трепещущая сень*!

Переступившее ж последнюю ступень

На небе пламенном вечернее светило —

В прекраснейших стихах ее переступило,

Да жаль, что в точности посбилося на пути;

Нельзя ль ему опять на небеса взойти,

Чтоб с них по правилам грамматики спуститься,

Чтоб было ясно все на небе и в стихах?

И скатерть синих вод сровнялась в берегах:

Равняться в берегах *твоих* ей не годится,

Когда в *моих* она сровнялася давно

Не синей скатертью, а попросту рекою:

Мой стих перед тобою,

Но красть у бедняка богатому грешно!

О сем стихе, где живописи много:

Кто в облачной дали конец тебе прозрит?

Богиня говорит,

И справедливо, хоть и строго:

Прозреть, предвидеть — все равно!

Прозреть нам можно то одно,

Что не сбылось еще, чему лишь можно сбыться;

Итак, сие словцо не может пригодиться

К концу реки! Он есть давно, хотя и скрыт,

Ты вместо вялого словечка различит
Великолепное прозрит вклеил не к месту
И безобразную с ним сочетал невесту:
И неподвижный взор окованный стоит!
Как хочешь стой, но он в жестоком положении!
Из одинаких весь сей стих лоскутьев шит:

Стоит, оковы, недвиженье —

Одно! Такой халат читателя смешит!
Огромные суда в медлительном паренье:
Запрещено, мой друг, — и нечем пособить! —
Указом критики судам твоим парить:
Им предоставлено смиренное теченье;

А странное: столбы на них —

Простым словцом: и мачты их

Сама своей рукой богиня заменила!
Но те твои стихи она лишь похерила,
В которых ты, *внимая гласу волн,*
Нам говоришь: *люблю гнать резво челн*
По ропотным твоим зыбям и, сердцем весел,
Под шумом дружных вёсел

И прочее: *зво... челн* — ей неприятный звук.

А *вёсел* рифма ли на *весел*, милый друг?

Жаль! Ведь последний стих разительно
прекрасен!

Воображению он сильно говорит;
Но рифма вздорная косится и брюзжит!
Как быть? Она деспот, и гнев ее ужасен!
Нельзя ли рифму нам другую приискать,
Чтобы над веслами беспечно задремать,
Не опасаясь, чтоб вздорщицу смутили,
И также, чтобы нас *воздушные мечты,*
А не тяжелые *златые* веселили?..

Но наше дело — *хер!* Поправки ж делай ты,
Покаты гор крутых! — не лучше ли *пещеры?*
Воспрянувших дубрав! — *развесистых дубрав,*
Или проснувшихся! Слова такой же меры,
А лучше! В этом вкус богини нашей прав?
Воспрянувших, мой друг, понятно, да не ясно.

Все прочее прекрасно!

Но я б весьма желал, чтоб *своды глас забав*
Не галлицизмами окрестности *зверяли,*
А русским языком *волнам передавали.*
Младое пенье их — прекрасная черта!
Их слава ясная, как вод твоих зеркало!
Стих сильный, а нельзя не похерить начало!

Поставь, прошу тебя: *и слава их чиста,*
Чтоб следующим трем был способ приютиться.
О двух других стихах — прекрасных, слова
нет —

Ни я, ни критика не знаем, как решиться:
В них тьма, но в этой тьме скрывается поэт!
Гремящих бурь боец, он ярости упорной
Смеется, опершись на брег, ему покорный!
Боец не то совсем, что ты хотел сказать.
Твой *Гений, бурь боец*, есть просто *бурь*
служитель,

Наемный их боец; а мне б хотелось знать,
Что он их *победитель!*

Нельзя ли этот стих хоть так перемарать:
Презритель шумных бурь, он злобе их упорной
Смеется, опершись на брег, ему покорный!
Презритель — новое словцо; но признаюсь:
Не примешь ты его, я сам принять решусь!
К Фетиде с гордостью... Твоей, мой друг, *Фетиде*
Я рад бы из стихов дорогу указать.
В пучину Каспия приличней бы сказать.
Сравнение полней, и Каспий не в обиде!

А бег виющийся ручья —

Неловко — власть твоя;

Я б смело написал: *журчащего в дубраве.*

Спроси о том хоть музу ты свою,

Виющийся идет не к бегу, а к ручью.

Вот все!.. Согласен будь иль нет, ты в полном
праве!

1815

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

〈К БАТЮШКОВУ〉

Мой милый, мой поэт,
Товарищ с юных лет!
Приду я неотменно
В твой угол, отчужденной
Презрительных забот,
И шума, и хлопот,
Толпящихся бессменно

У знатности ворот.
Пусть, златом не богаты,
Твоей смиренной хаты
Блюстители-Пенаты
Тебя не обрekli
За шумной колесницей
Полубогов земли
Влачить стопы твои,
И в дом твой не ввели
Ни роскоши с станицей
Затейливой своей.
Пусть у твоих дверей
Привратник горделивой
Не будет с булавой
Веселости игривой
Отказывать, спесиво
Качая головой;
А скуке, шестерней
Приехавшей шумливо
С гостями позевать,
Дверь настежь растворять
Рукою торопливой.
И пусть в прихожей звон
О друге не доложит;
Но сердце, статья может,
Шепнет тебе: вот он!
Пусть в храме опрятной,
Уютной и приятной
Для Граций и друзей,
Слепить не будут взоров
Ни выделка уборов —
Труд тысячи людей, —
Ни белизна фарфоров,
Ни горы хрусталей,
И ломких столь и бранных,
Как счастье прилепленных
К их блеску богачей,
Фортуны своенравной
Балованных детей!
Природа-мать издавна
Поэтам избрала
Тропинку здесь простую,
Умеренность благою
В подруги им дала.
Вергилия приятель,

Любимый наш певец,
Не приторный ласкатель,
Не суетный мудрец,
Гораций не был знатным
Под небом благодатным:
Тибурских рощ в тени
Он радостные дни
Посредственности ясной
С улыбкой посвящал,
Друг Делии прекрасной,
Богатства не желал.
И староста Пафоса,
Девичами Теоса
При седилах увит,
Не в мраморных чертогах,
Не при золотых порогах
Угащивал Харит!

. . . . .
Стихов своих игривых
Мне свиток приготовь,
Стихов красноречивых,
И пылких и счастливых,
Где дружбу и любовь
Ты, сердцем вдохновенный,
Поешь неизученно
И где пленяешь нас
Не громом пухлых фраз
Раздутых Цицеронов,
Не пискотнею стонов
Тщедушных селадонов,
Причесанных в тупей,
И не знобящим жаром,
Лирическим угаром
Пиндаров наших дней!
Беседой к смертной казни
Приговоренный Вкус,
Наставник лучший Муз,
Исполненный боязни,
Укрылся от врагов
Под твой счастливый кров!
Да будет неотлучно
Тебя он осенять,
Да будет охранять
Тебя от шайки скучной

Вралей, вестовщиков,
И прозы и стихов
Работников поденных,
Невежеством клейменных
Пристрастия рабов!
Да, убоясь Бога,
Живущего с тобой,
Дверей твоих порога
Не осквернят ногой.
Да западет дорога
К тебе, любимец мой,
Сей сволочи бездумной,
И суетной и шумной
Толпе забот лихих,
Как древле коршун жадной,
Грызущих беспощадно
Прельщенных жертв своих!
Но резвость, но веселья —
Товарищи безделья —
И Вахх под вечерок
С Токаем престарелым
И причетом веселым
Пускай полетом смелым
В твой мчатся уголок;
А там любовь позднее
В условленный пусть срок
Придет к тебе, краснея, —
И двери на замок!
О друг мой! Мне уж зрится:
Твой скромный камелек
Тихохонько курится,
Вокруг него садится
Прятелей кружок!
Они слетелись вместе
На дружеский твой зов
Из разных все концов.
Здесь на почетном месте
Почетный наш поэт,
Белева мирный житель
И равнодушный зритель
Приманчивых сует,
Жуковский, в ранни годы
Гораций-Эпиктет;
Здесь с берега свободы,
Художеств, чудаков,

Карикатур удачных,
Радклиф, Шекспиров мрачных.
Ростбифа и бойцов —
Наш Северин любезный;
Пусть нас делили бездны
Обширныя морей,
Но он не изменился
И другом возвратился
В объятия друзей!
Питомец сладострастья,
Друг лакомых пиров,
Красавиц и стихов,
Дитя румяный счастья,
И ты, Тургенев, к нам!
И ты, наследник тула
Опасных стрел глупцам
Игривого Катулла,
О Блудов, наш остряк!
Завистников нахальных
И комиков печальных
Непримиримый враг!
Круг избранный, бесценный
Товарищей-друзей!
Вам дни мои смиренны
И вам души моей
Обеты сокровенны!
Меня не будут зреть
В прислужниках гордыни,
И не заманит сеть
Меня слепой богини!
Вам, вам одним владеть
Моими в свете днями:
Для вас хочу и с вами
Я жить и умереть!

1815

А. С. ПУШКИН

БАТЮШКОВУ

В пещерах Геликона
Я некогда рожден;
Во имя Аполлона

Тибуллом окрещен,
И светлой Ишпокреной
Сыздетства напоенный,
Под кровом вешних роз
Поэтом я возрос.

Веселый сын Эрмия
Ребенка полюбил,
В дни резвости златые
Мне дудку подарил.
Знакомясь с нею рано,
Дудил я непрерывно;
Нескладно хоть играл,
Но музам не скучал.

А ты, певец забавы
И друг пермесских дев,
Ты хочешь, чтобы, славы
Стезею полетев,
Простясь с Анакреоном,
Спешил я за Мароном
И пел при звуках лир
Войны кровавый пир.

Дано мне мало Фебом:
Охота, скудный дар.
Пою под чуждым небом,
Вдали домашних лар,
И, с дерзостным Икаром
Страшась летать недаром,
Бреду своим путем:
Будь всякий при своем.

1815

А. Ф. ВОЕЙКОВ

ПОСЛАНИЕ К С. С. УВАРОВУ

Муз благодатных славный любимец, владеющий лирой,
Даром языков и грифелем Клии, Уваров! постыдно
Великолепный российский язык, сладкозвучный

и гибкий,

Сделать рабом французской поэзии жалкой, нескладной,
Рифмой одной отличенной от прозы. Не нам

пресмыкаться!

Льзя ль позабыть, что законные мы наследники греков?
Нам с православием вместе науки они завещали —
И сохраним в чистоте наследное наше богатство!
Усыновим богатый и полный Гомеров гексаметр,
Разнообразнейший всех стихотворных древних
размеров!

Как невозможно в одежду младенца одеть великана,
Углем и мелом сходно списать картину Вернета,
Или Моцартов сонат рассказать в простом разговоре,
Так невозможно александрийским стихом однозвучным
В ходе, в падении стоп, в пресечении стиха, в сочетаньи
Рифм, одинаким в течение целой пространной поэмы,
Часто из нескольких песен и тысяч стихов состоящей,
Выразить с тою же верностью, смелой в рисовке,
в смешении
Света и тени, и с тою же яркостью в красках, всю силу
Чувств, всю возвышенность мыслей и блеск, которыми
каждый

Стих «Илиады» и каждый стих «Энеиды» сияет.
Вспомни, Уваров! что пишет Вольтер к китайскому
хану:

Острый старик насмехается едко над варварским,
странным
Правилом их стихотворным, которое требует строго
Двух шестистопных стихов, и друг подле друга стоящих.
Ежели верить Вольтеру: одна стихов половина
Служит для смысла, другая же вечно только для рифмы,
Так что легко, ничего в существе не теряя, французам
Можно во всякой поэме стихов половину убавить.

Участь русской державы и русской словесности сходны:
Долго владычество чуждое Русь ярмом тяготило!
Нас, несогласных, татары, быстро нахлынув, пленили;
Россы, оковы татар разорвав, их самих оковали.
Нам, не радевшим о чести народной, о славе престола,
Дали сарматы царя и красной Москвой овладели.
Иго сарматское сбросили мы; но, приняв от французов
Моды и образ их мыслей, снова стали рабами.
Галлы, тяжелую цепь наложа на поэзию нашу,
Видя, что мы отступили от древних обычаев русских,
Дать и царя своего и уставы свои возмечтали...
Но орел встрепенулся, расторгнул железные путы,
Крикнул германским орлам знакомым их голосом славы
И, распустив могучие крылья, стал над Парижем.

Наши поэты среднего века с умом и талантом:
Славный князь Кантемир, Феофан, Симеон и Буслаев
Правилам польской поэзии, с нашею столько несродной,
Русский, способный ко всем измененьям, язык
добровольно

Поработили. И сам Ломоносов своею чредою
Дань заплатил предрассудкам и мнению века.
Преобразитель словесности нашей пишет, об ней
рассуждая,
Что велелепнейшим метром, и звучным и самым
способным
Выразить скорость и тихость и страсти движенья,
считает
Он анапесты с ямбами. Но увлеченный примером
Немцев, которых словесность была тогда в колыбели,
Больше — примером французов, дал преимущество
ямбам,
И в «Петриаде» своей подражает поэме Вольтера.

Тщетно полезный муж Тредьяковский желал
в «Телемахе»
Истинный путь проложить российской эпической музе:
Многоученный, он не имел дарований и вкуса,
Нужных вводителю новой системы и новых законов.
И Ломоносова гений, увенчанный лавром победы,
Ямб освятил и заставил признать эпическим метром.
И Херасков повлекся за ним — слепой подражатель.
И отважный Петров не посмел изобрести в «Энеиде»
Нового, больше поэме приличного стопосложения!
И стихотворец, рожденный с талантом, Костров
в «Илиаде»

Ямб утомительный выбрал своим стихотворным
размером!
Сам подражатель Кострова, Гнедич уж несколько песен
Переложил шестистопными русскими ямбами с рифмой.
И восхищенный Вергилием и ослепленный Делилем,
Юноша дерзкий, я перевел половину «Георгик»,
Мысля, что рифмой и новым и лучшим размером
украсил
Песни Вергилия, коим в сладости нету подобных.

Честь и слава тебе, Уваров, славный питомец
Эллинских муз и германских! Ты, испытательно
вникнув
В стопосложение греков, римлян, славян и германцев,

Первый ясно увидел несовершенство, и вместе
Способ исправить наш героический стих, подражая
Умным германцам, сбросившим иго рифмы гремушки,
Освободившим слух свой от стука ямбов тяжелых.
Я устыдился, бросил в камин свое земледелье;
Начал поэму сию и новым, и, сколько возможно
Мне было, к метру латинскому самым ближайшим
размером.

В самом деле, сличая ямб всегда одновидный
С разнообразным и звучным гексаметром, вижу
в последнем
Больше, чем тридцать колен, перекаатов в тоны
из тонов:
Можно возвысить свой стих и понизить; быстро
промчатся
Вихрем, кружащим с свистом и шумом по воздуху
листья;
Серной скакать с скалы на скалу, с камня на камень,
Тихо ступать ступень с ступени по лестнице звуков.

Пусть говорят галломаны, что мы не имеем спондеев!
Мы их найдем, исчисляя подробно деяния россов:
Галл, перс, прус, хин, швед, венгр, турок, сармат
и саксонец, —
Всех победили мы, всех мы спасли и всех охраняем.

Мы их найдем, исчисляя прекрасные свойства монарха.
Царь Александр щедр, мудр, храбр, тверд, быстр,
скромен и сметлив.
Хочешь ли видеть поле сраженья: пыль, дым, огонь, гром,
Щит в щит, меч в меч, ядры жужжат, и лопают бомбы,
Сгрянулись рати, брань закипела — и кровь полилася.
Хочешь ли видеть мирное поле под жатвой богатой,
Слышать в гумне на току бой в лад цепов молотящих:
Здесь сквозь доски пила визжит, зацепляясь зубами;
Тут ковачи раз в раз бьют сталь, стуча молотами;
Там раздается лай псов по мхам, по холмам, по долинам.
Грянул перун — и громкое эхо кругом прокатилось;
Свистнул порывистый ветер, буграми вздулося море,
Хлябь ревет и клокочет, огромные волны хлебещут,
Ребра трещат в корабле и скрипят натручены скрепы.
Руль раздроблен, и внезапно вал, на корабль
набежавший,
Перевернув его трижды, стремглав сшиб кормчего
в бездну.

Вот, Уваров! гекзаметр, которому дать не желают
В русской империи права гражданства, законного права!

Я не дивлюся нимало, что есть на святой Руси странные
люди,

Люди, которых упрямство ничем не преклонное губит:
Знают они, что в осьмнадцать годов текущего века
Русское царство в искусствах, в науках, в силе и славе,
Как исполин, на столетие целое смело шагнуло;
Но из упрямства на прежнем старом месте остались,
Смотрят на вещи с той точки, с которой полвека
смотрели,

Верить никак не хотят, что время и опыт открыли
Многое в ходе, в сложеньи вселенныя бывшее тайной;
Мыслят, что всякая новость в правленьи, в науках,
в искусствах

Гибель и веры и нравов и царства ведет за собою.
Проклят, по мнению их, всяк, кто, древних читая,
Вздумает ввесть в поэзию нашу новые метры —
Он прослывет нечестивцем, не знающим бога и правды.

Но признаюсь пред тобой: с удивлением слышу, что те же
Наши великой ученостью в свете славные люди,
Те просвещенные наши большие бояра, которым
Прежде читал я старый свой перевод из «Георгик»,
С жаром которые выше Делилева труд мой ценили,
Ныне, когда им новый читаю, жалеют об рифмах.
Часто, терпенье совсем потеряв, головою качая,
Думаю: «Знать, у больших господ и ... затеи большие!»

<1815—1818>

А. С. ПУШКИН

ИЗ ПИСЬМА К В. Л. ПУШКИНУ

Христос воскрес, питомец Феба!
Дай бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.
Дай бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина.
Чтоб в Академии почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтоб в наши грешны времена
Воскресла предков добродетель,

Чтобы Шихматовым назло
Воскреснул новый Буало —
Расколов, глупости свидетель;
А с ним побольше серебра
И золота et cetera.

Но да не будет воскресенья
Усопшей прозы и стихов.
Да не воскреснут от забвенья
Покойный господин Бобров,
Хвалы газетчика достойный,
И Николев, поэт покойный,
И беспокойный граф Хвостов,
И все, которые на свете
Писали слишком мудрено,
То есть и хладно и темно,
Что очень стыдно и грешно!

1816

К ЖУКОВСКОМУ

Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени
Я с трепетом склонил пред музами колени.
Опасною тропой с надеждой полетел,
Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел.
Страшусь, неопытный, бесславного паденья,
Но пылкого смирить не в силах я влеченья,
Не грозный приговор на гибель внемлю я:
Сокрытого в веках священный судия *,
Страж верный прошлых лет, наперсник муз
любимый

И бледной зависти предмет неколебимый,
Приветливым меня вниманьем ободрил;
И Дмитрев слабый дар с улыбкой похвалил;
И славный старец наш, царей певец избранный **,
Крылатым гением и грацией венчанный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек, неизвестное мной.
И ты, природою на песни обреченный!
Не ты ль мне руку дал в завет любви священный?

---

* Карамзин.

** Державин.

Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнийной струей
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела, —
Нет, нет! решился я — без страха в трудный путь,
Отважной верою исполнилася грудь.
Творцы бессмертные, питомцы вдохновенья!..
Вы цель мне кажете в туманах отдаленья,
Лечу к *безвестному* отважною мечтой,
И, мнится, гений ваш промчался надо мной!

Но что? Под грозною парнасскою скалою
Какое зрелище открылось предо мною?
В ужасной темноте пещерной глубины
Вражды и зависти угрюмые сыны,
Возвышенных творцов зоилы записные
Сидят — бессмыслицы дружины боевые.
Далеко диких лир несется резкий вой,
Варяжские стихи визжит варягов строй.
Смех общий им ответ; над мрачными толпами
Во мгле два призрака склонилися главами.
Один на груди сел и прозы и стихов —
Тяжелые плоды полунощных трудов,
Усопших од, поэм забвенные могилы!
С улыбкой внемлет вой стопосложитель хилый:
Пред ним растерзанный стонает Тилемах;
Железное перо скрыпит в его перстах
И тянет за собой гекзаметры сухие,
Спондеи жесткие и дактилы тугие.
Ретивой музою прославленный певец,
Гордись — ты Мевия надутый образец!
Но кто другой, в дыму безумного куренья,
Стоит среди толпы друзей непросвещенья?
Торжественной хвалы к нему несется шум:
Он — он под рифмою попрал и вкус и ум;
Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный Сумароков,
Без силы, без огня, с посредственным умом,
Предрассуждениям обязанный венцом
И с Пинда сброшенный, и проклятый Расином?
Ему ли, карлику, тягаться с исполином?
Ему ль оспоривать тот лавровый венец,
В котором возблистал бессмертный наш певец,
Веселье россиян, полунощное диво?..*

---

* Ломоносов.

Нет! в тихой Лете он потонет молчаливо,
Уж на челе его забвения печать,
Предбудущим векам что мог он передать?
Страшилась грация цинической свирели,
И персты грубые на лире костенели.
Пусть будет Мевием в речах превознесен —
Явится Депрео, исчезнет Шапелен.

И что ж? всегда смешным останется смешное;
Невежду пестует невежество слепое.
Оно сокрыло их во мрачный свой приют;
Там прозу и стихи отважно все куют,
Там все враги наук, все глухи — лишь не немь,
Те слогом Никона печатают поэмы,
Одни славянских од громады громоздят,
Другие в бешеных трагедиях хрипят,
Тот, верный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зевающую музу,
Бессмертных гениев сорвать с Парнаса мнит.
Рука содрогнулась, удар его скользит,
Вотще бросается с завистливым кинжалом,
Куплетом ранен он, низвержен в прах

журналом, —

При свистах критики к собратьям он бежит...
И маковый венец Феспису ими свит.
Все, руку положив на том «Тилемахиды»,
Клянутся отомстить сотрудников обиды,
Волнуясь восстают неистовой толпой.
Беда, кто в свет рожден с *чувствительной* душой!
Кто тайно мог пленить красавиц нежной лирой,
Кто смело просвистал шутиливою сатирой,
Кто выражается правдивым языком
И русской глупости не хочет бить челом!..
Он враг отечества, он сеятель разврата!
И речи сыплются дождем на супостата.

И вы восстаньте же, парнасские жрецы,
Природой и трудом воспитанны певцы
В счастливой ересц и вкуса и ученья,
Разите дерзостных друзей непросвещенья.
Отмститель гения, друг истины, поэт!
Ллющая с небес и жизнь и вечный свет,
Стрелою гибели десница Аполлона
Сражает наконец ужасного Пифона.
Смотрите: поражен враждебными стрелами,

С потушим факелом, с недвижными крылами
К вам Озерова дух взывает: други! месть!..
Вам оскорбленный вкус, вам знания дали весть —
Летите на врагов: и Феб и музы с вами!
Разите варваров кровавыми стихами;
Невежество, смирясь, потупит хладный взор,
Спесивых риторов безграмотный собор...

Но вижу: возвещать нам истины опасно,
Уж Мевий на меня нахмурился ужасно,
И смертный приговор талантам возгремел.
Гонения терпеть ужель и мой удел?
Что нужды? смело *в даль*, дорогою прямою,
Учению руку дав, поддержанный тобою,
Их злобы не страшусь; мне твердый Карамзин,
Мне ты пример. Что крик безумных сих дружин?
Пускай беседуют отверженные Феба;
Им прозы, ни стихов не послан дар от неба.
Их слава — им же стыд; творенья — смех уму;
И в тьме возникшие низвергнутся во тьму.

1816

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

К ДАВЫДОВУ

Давыдов, где ты? что ты? сроду
Таких проказ я не видал;
Уж подхожу к другому году,
Или, перенимая моду
Певцов конфет и опahal
И причесав для них в угоду
Жеманной музе мадригал,
Скажу: май два раза природу
Зеленым бархатом постлал,
И разогрел дыханьем воду,
И вечных Граций хороводу
Резвиться в рощах заказал —
С тех пор, как от тебя ни строчки,
Ни двоеточия, ни точки
Хоть на смех я не получал.
Чем мне почестъ твое забвенье?

Теряюсь я в недоуменье.
Или, как полный генерал,
Под ношей тучных эполетов,
Ты вместо речи и ответов
Плечом да шпорой говоришь
И лучшего пера не знаешь,
Как то, которым шеголяешь
И гордо с шляпы шевелишь?
Иль дружба, может быть, в отставке,
Отбитая сестрой своей,
Сидит печально на прилавке
У непризнательных дверей.
Ей места нет в походной ставке
Непостоянных усачей?
Будь счастлив с постояльцем новым!
Но берегись, чтоб, наконец,
Хозяином к тебе суровым
Не очутился твой жилец.
Иль, может быть, любовь и дружбу —
Сих двух житейских побродяг —
Ты презрел для небесных благ,
Вступив в мистическую службу?
Чем не пошутит хитрый враг?
Уж верить ли моим гаданьям?
Сказав прости очарованьям,
Назло пленительных грехов,
И упоительным мечтаньям
Весны, веселий и стихов,
Любви призыву ты не внемлешь,
Но в клире набожных певцов
Ковач благочестивых слов
Псалтырь славянскую приемлешь
И мысленно заранее дремлешь
В академических венках!
В твоём камине на кострах
Пылает Сатаны угодник —
Походов девственных певец,
Теоса мудрый греховодник
И соблазнительный мудрец —
Наставник счастья Гораций;
И окаянного Парни,
Причастника единых Граций,
Ты променял во оны дни
На жития церковных дедов,
Постясь в монашеской сени,

Не знаешь жирных мясоедов,
Ни шумных дружеских обедов,
Ни тайных ужинов вдвоем?
И, следуя примерам общим,
Ханжишь, слывя живым усопшим,
С собой, с людьми и с Божеством?
Или... но расстаюсь с пером,
Изобретательному гневу
И стихотворному напеву
Пора мне положить конец.
Ты будь гусар или чернец,
Любви отступник или жрец,
Или шалун неугомонной,
Иль сонный член беседы сонной,—
До этого мне дела нет:
Рядись как хочешь на досуге —
Но мне на голос дай ответ
И, помня о старинном друге,
Ты будь Денисом прежних лет!

1816

К ***

Ты требуешь стихов моих,
Но что достойного себя увидишь в них?
Язык богов, язык святого вдохновенья —
В стихах моих язык сухого поученья.
Я, строгой истиной вооружая стих,
Был чужд волшебства муз и вымыслов счастливых,
К которым грации, соперницы твои,
По утренним цветам любимцев горделивых
Ведут, их озарив улыбкой в юны дни.
Повиновение всегда к тебе готово.
Но что узнаешь ты, прочтя стихи мои?
Зевая, может быть, поверишь мне на слово,
Что над славянскими я одами зевал,
Что комик наш Гашпар плач Юнга подорвал,
Что трагик наш Гашпар Скаррона побеждал,
Что, маковым венком увенчанный меж нами,
Сей старец-юноша, певец Анакреон
Не счастьем, не вином роскошно усыплен,
Но вялыми стихами;
Что Сафе нового Фаона бог привел,

Ей в переводчики убийцу нарекая,
Что сей на Грея был и на рассудок зол,
А тот, чтоб запастись местечком в недрах рая,
Водой своих стихов Вольтера соль развел.
Но мне ль терзать твое терпение искусом
И вызывать в глазах твоих из тьмы гробов
Незнаемых досель ни красотой, ни вкусом,
Смертельной скукою живущих мертвецов?
Тебе ль, благих богов любимице счастливой,
Рожденной розы рвать на жизненном пути,
Тебе ли, небесам назло, мне поднести
Венок, сплетенный мной из терния с крапивой?
Когда Мелецкого иль Дмитриева дар
Питал бы творческою силой

В груди моей, как пепл таящийся остылой,
Бесплодный стихотворства жар,
Когда бы, прелестей природы созерцатель,
Их новой прелестью стихов одушевлять
Иль, тайных чувств сердец удачный толкователь,
Неизъяснимое стихами изъяснять,—
Почувствовавши муз святую благодать,
Пришел бы я с душой, к изящному пристрастной,
Природы красоте учиться при тебе;
Но, заглядевшись на подлинник прекрасный,
Забыл бы, верно, я о списке и себе.

1816

К ГРАФУ ЧЕРНЫШЕВУ В ДЕРЕВНЮ

В стихах твоих, почтенный граф,
Вольтера ученик счастливый,
Как он, насмешник часто льстивый,
Как он, всегда пред Музой прав,—
Есть истина. Но ложь украдкой,
С улыбкой пагубной и сладкой,
Умела приютиться в них.
Не спорю я, когда твой стих
Меня изобличает в лени;
Но как от правды он далек,
Когда твой стих творит мне пени
И ставит лень мою в порок!
Опомнись, граф! Иль надо мною
Ты насмеяться перестань —

За лень я заслужил, не скрою,
Признательности общей дань.
Сошлюсь на всех: весь свет свидетель,
Что твой бессовестен упрек
И что в наш деятельный век
Лень — не порок, а добродетель.
Иль, может быть, в твоей глуши,
Где скрылся с Музой ты и с счастьем,
Знакомый с тихим сладострастьем
От бурь укрывшейся души
И богом вкуса охраненный,
Не знаешь ты, слепец блаженный,
Всех утомительных проказ
Неутомимых наших братьий!
Не видишь, как от их занятий
Стал плодороден наш Парнас
И как плоды его не зрелы.
Не для тебя здесь Комик смелый
Воюет под шумок свистка
С благопристойностью и вкусом.
Другой от опытности трусом
Вредит тайком издалика.
Не для тебя здесь притчи в лицах
За нами гонятся, как грех,
И завладели в двух столицах
Станками типографий всех.
Не для тебя журналы с годом
Родятся и кончают век,
И Фирс клянется пред народом,
Что он великой человек.
Не знаешь ты о наших одах,
Стыде героев и певцах,
О наших тучных переводах
И худощавых образцах;
О наших письменных Аттилах —
Биче рассудка и ушей,
Как топят смысл они в чернилах,
А в Лете всех своих детей.
Твой взор не видит, слух не слышит
Как притупившимся пером
За четырех наш Бавий пишет,
А мыслит за себя с трудом!
Как Мистик, дамских душ святитель
С безумством в тесной кабале,
Невидимого мира житель,

Враг очевидный на земле.
Как проповедует дорогу
Нам к раю читатель старины,
И за его усердые к богу
Терпеньем мы платить должны.
Как свежих слушателей ловлей
Клит промышляет каждый час,
И как бездушных книг торговлей
Усердный Душин душил нас.
Не знаешь ты под тихим кровом,
Куда укрылся от глупцов,
Как коренной наборщик слов
Торжественно нас давит словом.
Как кабинетный генерал
Врагов карает на бумаге,
Раб знатных, продавец похвал
Толкует о народном благе;
Как в тяжком непробудном сне
Слепцы толкуют о картине,
Прадонов шайка о Расине,
Педанты о Карамзине.
Нет! Опыта взгляни глазами
На хлопотливый наш народ,
На разноцветный этот сброд,
Трудящийся за пустяками;
Ты посмотри, как каждый здесь
Без дела о досуге тужит
И как Солонов наших спесь
Ничтожности их маской служит.
Броню терпенья ты надень
И под дождем стихов и прозы
Осмелся делать мне угрозы
И выговаривать за лень.
Я жду тебя. Но мне порукой
Дары к тебе пристрастных Муз:
Твой тонкий ум и здравый вкус.
Что скоро, осажденный скукой,
Ты с сожаленьем и стыдом,
Людских проказ усталый зритель —
Как любопытный посетитель,
Что, заглянув к безумным в дом,
Смеется пополам с тоскою
И прочь от зрелища бежит —
Простишься с ветреной толпою,
Которой вихрь всегда вертит,

Поспешно отворишь взоры
От наших былей-небылиц,
Кляня действительные вздоры
Несчастных действующих лиц.
Тогда раскаешься в упреке,
Прибегнешь к праздности моей
И утвердишь меня в пороке,
Который чудо наших дней.

Но лгать во мне нет, граф, охоты;
Я оправдаться тороплюсь:
Когда ленив я для работы,
То наслаждаться не ленюсь.
Зима к нам с снежных гор скатилась,
В венце блестящем воцарилась
На наших древних берегах.
Волшебный жезл в ее руках.
Она сзывает к нам веселья,
А с ними и любимца их.
Услышь мольбу друзей твоих!
Я вечеринки новоселья,
Любезный граф, уж жду давно:
На ней прилежно до рассвета
Готов читать стихи поэта
И обер-шенка пить вино.

1816

К. Н. БАТЮШКОВ

ПОСЛАНИЕ К Т (УРГЕНЕ) ВУ

О ты, который средь обедов,
Среди веселий и забав
Сберег для дружбы кроткий нрав,
Для дел — характер честный дедов!
О ты, который при дворе,
В чаду успехов или счастья,
Найти умел в одном добре
Души прямое сладострастье!
О ты, который с похорон
На свадьбы часто поспеваешь,
Но, бедного услыша стон,

Ушей не затыкаешь!
Услышь, мой верный доброхот,
Певца смиренного моление,
Доставь крупицу от щедрот
Сироткам двум на прокормление!
Замолви слова два за них
Красноречивыми устами:
«Лишь дайте им!» — промолви — вмиг
Оне очутятся с рублями.
Но кто *оне*? Скажу точь-в-точь
Всю повесть их перед тобою.
Они — вдова и дочь,
Чета, забытая судьбою.
Жил некто в мире сем ...ов,
Царя усердный воин.
Был беден. Умер. От долгов
Он, следственно, спокоен.
Но в мире он забыл жену
С грудным ребенком; и одну
Суму оставил им в наследство...
Но здесь не все для бедных бедство!
Им добры люди помогли,
Согрели, накормили
И, словом, как могли,
Сироток приютили.
Прекрасно! славно! — спору нет!
Но... здешний свет
Не рай — мне сказывал мой дед.
Враги нахлынули рекою,
С землей сровнялася Москва...
И бедная вдова
Опять пошла с клюкою...
А между тем все дочь растет,
И нужды с нею подрастают.
День за день все идет, идет,
Недели, месяцы мелькают;
Старушка клонится, а дочь
Пышнее розы расцветает,
И стала... Грация точь-в-точь!
Прелестный взор, глаза большие,
Румянец Флоры на щеках,
И кудри льняно-золотые
На алебастровых плечах.
Что слово молвит — то приятство,
Что ни наденет — все к лицу!

Краса (увы!) ее богатство
И все приданое к венцу,
А крохи нет насущной хлеба!
Т<ургенев>, друг наш! ради неба —
Приди на помощь красоте,
Несчастью и нищете!
Оне пред образом, конечно,
Затемят чистую свечу,
За чье здоровье — умолчу:
Ты угадаешь, друг сердечной!

1816

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

К КНЯЖНИНУ

Княжнин! В жилище покаянья,
Где вечный колокола звон
Душе наводит мрачный сон,
Где слышишь тайные рошанья
И поздний преступленья стон
Жертв необдуманных обетов,
Затворников-Анахоретов,
Где смех уставом запрещен
И где наш брат, поклонник Феба,
Как церкви враг, отступник неба
На муки ада осужден,
Где кроме проповедей длинных,
Календаря и Псалтыря,
И к наказанию повинных
Ослушников Монастыря,
Творений Постника Парнаса —
Славянского пономаря,
Наездника-богатыря
Варяго-росского Пегаса,
И к ним под пару двух иль трех
Комедий постных и холодных
Реньяров наших ежегодных:
Читать иные книги грех.
В жилище мрачности и скуки
Что делаешь, страдалец мой?
Ты ранами на ложе муки

Сраженный инвалид молодой!
По чести дорогой ценой
Купил ты знание науки,
Необходимой для людей,
Которой нас в Беседе учат,
Когда протяжным пеньем мучат
Протяжных варварских речей,
Которой... Но чтоб ненароком
И мне учености твоей
Излишним не служить уроком,
Конец загадки ускорю:
Я о терпенье говорю.

Еще не вовсе грозным роком
Княжнин! тот смертный здесь гоним,
Который твердостью богатый
С терпением сносит благ утраты,
В надежные одетый латы,
Он ясен, он непобедим.
Пускай несчастье над ним
Скликает гибельные кары:
Скользят по нем его удары,
И он средь бури невредим!
Так и тебя, Княжнин любезной,
Воображает разум мой,
Пускай судьба рукой железной
Отяготела над тобой!
С челом покойным, как и прежде,
Прибегнув к радостной надежде,
Не унываешь ты в борьбе,
И дар наследственный тебе —
Веселость, лучший дар щедроты
Нам благодетельных богов!
Изгнав печали и заботы
С одра болезни и трудов,
Веселья радостной улыбкой
Под твой сзывает мрачный кров!
Так видим мы в поре снегов
Цвет, сохранившийся ошибкой
От ветров бурных средь лугов;
Иль, сбросив, может быть, на время
И скуки и недуга бремя
В тот час, как колокола вой
Во храм собирает православных,
Ты, подстрекаем Сатаной,

В стихах удачных и забавных
Дурачишь Автора-глупца.
Перед тобой пример отца!
Любил он в тихом кабинете
Пером осмеивать смешных:
На то и дураки на свете,
Чтоб иногда дурачить их.

1816 или 1817

〈ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЬ〉

Веселый шум, пенье и смехи,
Обмен бутылок и речей:
Так празднует свои потехи
Семья пирующих друзей.
Все искрится, вино и шутки!
Глаза горят, светлеет лоб,
И зачастую, в промежутки,
За пробкой пробка хлоп да хлоп!

Х о р

Подобно древле Ганимеду,
Возьмемся дружно за одно.
И наливай сосед соседу:
Сосед ведь любит пить вино!

Денис! Тебе почет с поклоном,
Первоприсутствующий наш!
Командуй нашим эскадроном
И батареей крупных чаш.
Правь и беседой, и попойкой:
В боях наездник на врагов,
Ты партизан не меньше бойкой
В горячей стычке острых слов.

Х о р

Подобно древле Ганимеду и проч.

А вот и наш Американец!
В день славный, под Бородиным,
Ты храбро нес солдатский ранец
И щеголял штыком своим.
На память для того Георгий
Украсил боевую грудь:

Средь наших мирных, братских оргий
Вторым ты по Денисе будь!

Х о р

Подобно древле Ганимеду *и проч.*

И ты, наш меланхолик милый,
Певец кладбища, русский Грей!
В венке из свежих роз с могилы
Вином хандру ты обогрей!
Но не одной струной печальной
Звучит душа твоя и речь.
Ты мастер искрой гениальной
И шутку пошлую поджечь.

Х о р

Подобно древле Ганимеду *и проч.*

Ключа Каастальского питомец
И классик с головы до ног!
Плохой ты Вакху богомолец
И нашу веру пренебрег
По части рюмок и стаканов;
Хоть между нами ты профан.
Но у тебя есть твой Буянов:
Он за тебя напьется пьян.

Х о р

Подобно древле Ганимеду *и проч.*

Законам древних Муз подвластный,
Тибулла нежный ученик!
Ты Юга негой сладострастной
Смягчил наш северный язык.
Приди и чокнемся с тобою,
Бокал с бокалом, стих с стихом,
Как уж давно душа с душою
Мы побратилися родством.

Х о р

Подобно древле Ганимеду *и проч.*

Нас дружба всех усыновила,
Мы все свои, мы все родня,
Лучи мы одного светила,

Мы искры одного огня.
А дни летят, и без возврата!
Как знать? быть может, близок час,
Когда того ль, другого брата
Не досчитаемся средь нас.

Х о р

Пока, подобно Ганимеду,
Возьмемся дружно за одно.
Что ж? Наливай сосед соседу:
Сосед ведь любит пить вино.

⟨1816—1817⟩

А. С. ПУШКИН

ТУРГЕНЕВУ

Тургенев, верный покровитель
Попов, евреев и скопцов,
Но слишком счастливый гонитель
И езуитов, и глупцов,
И лени моей бесплодной,
Всегда беспечной и свободной
Подруги благотворных снов!
К чему смеяться надо мною,
Когда я слабою рукою
По лире с трепетом брожу
И лишь изнеженные звуки
Любви, сей милой сердцу муки,
В струнах незвонких нахожу?
Душой предавшись наслажденью,
Я сладко, сладко задремал.
Один лишь ты с глубокой ленью
К трудам охоту сочетал;
Один лишь ты, любовник страстный
И С(оломирск)ой, и креста *,
То ночью прыгаешь с прекрасной,
То проповедуешь Христа.
На свадьбах и в Библейской зале,
Среди веселий и забот,

---

* Креста, сиречь не Анненского и не Владимирского, — а *честнаго* и животворящаго.

Роняешь Луину на бале.
Подъемлешь трепетных сирот;
Ленивец милый на Парнасе,
Забыв любви своей печаль,
С улыбкой дремлешь в Арзамасе
И спишь у графа де Лаваль;
Нося мучительное бремя
Пустых иль тяжелых должностей,
Один лишь ты находишь время
Смеяться лености моей.

Не вызывай меня ты боле
К навек оставленным трудам,
Ни к поэтической неволе,
Ни к обработанным стихам.
Что нужды, если и с ошибкой
И слабо иногда пою?
Пускай Нинета лишь улыбкой
Любовь беспечную мою
Воспламенит и успокоит!
А труд и холоден и пуст;
Поэма никогда не стоит
Улыбки сладострастных уст.

1817

А. Ф. ВОЕЙКОВ

ПОСЛАНИЕ К ДРУЗЬЯМ И ЖЕНЕ

Блажен, кто здравие, посредственность, досуг
И независимость всему предпочитает;
Природы милый гость, сердечный людям друг
Компас свой к небу направляет
И на земле спешит к полезному труду;
Ни в сердце, ни в саду
Волчку и тернию расти не допускает.
Спокойный домосед,
Он видит ясными очами,
Как дни бегут за днями вслед
И как года уходят за годами.
Ах! я довольно знаю свет;
Довольно странствовал; на вечный якорь стану

И, сумасбродную совсем оставив цель,
Искать за тридевять земель
Я Эльдорадо перестану.
Я видел Волгу, Днепр и Дон
И наблюдал людей в столицах.
Везде одно и то ж при переменных лицах,
Повсюду человек и жалок и смешон.
Ум рядом с глупостью, высокое, смешное
И доброе и злое.
Там целых полгода одета льдом земля,
Тут вечно зелены, всегда в цветах поля,
Зато с насильственной должно бороться
властью,
Одушевляемой корысти низкой страстью;
Сражаться с ябедой и часто жертвой быть.
И, живописную с восторгом зря природу,
Но не видав людей средь множества народу,
Себя на вечное молчанье осудить.
Я зрел Кавказ, передо мною
Вставали горы из-за гор.
Казбек и Ельборус блестящей белизною
Одежды ослепляли взор,
Чело из туч приподнимали
И свод небес на раменах держали.
На пропасти нависший лес
Туманной пеленой их ужас закрывает,
И вихорь богатырь, гуляя меж деревьев,
Ломает их иль с корнем вырывает;
И молнийны венцы над черной их главой,
И громаы над горами;
И, прорывая путь меж сению густой,
Между сплетенными корнями,
Сдвигая камни с мест, терзая брег, с стремнин
Бросаются отважно воды
На мягкие ковры долин.
Здесь все ужасное величие природы:
Ущелья, озера, вертепы средь лесов,
Обитель дикая свободы
Черкесов и орлов.
И, зря аулы дерзновенны,
Как гвезда птиц, к скалам нависшим
прилепленны,
Себе не верит взор!
Перуны, радуги и тучи под ногами
И разноцветными огнями

Горящие вершины гор.
Веселая весна — в долинах,
Суровая зима — в горах...
Но в благодарных сих странах,
Где б можно жить как в небесах,
Разбой арканом угрожает,
Кинжал над головой сверкает
И каждый житель на часах,
Забыв изящную природу,
Дрожит за жизнь свою, боится за свободу.
О если бы внушить религию любви
Лезгинцу и черкесу
И веры ложныя сорвать с их глаз завесу!
Тогда б потухла месть наследственна в крови,
Пресекался бы их междоусобны брани,
Стрела искала б только лани
И вепря меткий их свинец.
Чего недостает им в тихой, мирной жизни
Среди богатой всем и вольной их отчизны?
Одежду от овец
Они с избытком получают,
Млеком их кравы наделяют,
Огонь дает тепло зимой,
Пещеры летнюю прохладу.
Нагорный ключ поит водой,
И благовонный сад густой
Подносит крупные им кисти винограду.
Я видел светлого Салгира берега,
Прекрасной Таврии счастливые долины.
Играют ручейки, смеются там луга
И улыбаются утесы-исполины.
И их угрюмость не страшит,
Их образ величав, и дик, и неужасен;
Сердитый моря вид
Великолепен и прекрасен.
Под тихой ясностью Таврических небес
При чистом блеске их лазури
Не мчится на коне черкес;
Внезапные, как горны бури,
Набеги диких не страшат,
Батыевы потомки мирны!
Таврида есть прекрасный сад,
Великолепный и обширный.
Дорожки — то висят над бездною морской,
То сокрываются в ущельях под скалой,

То вьются поясом вокруг скользкого утеса,
 Змией меж камнями уходят в чашу леса;
 То выше облаков
 Ведут нас в горние пределы,
 То по скалам гранитных берегов
 Опустошенные показывают селы,
 Развалины градов,
 И воскресающие кущи,
 И море синее, то близко, то вдали,
 И с золотом русских нив летящи корабли,
 И грады новые цветущи.
 О! как бы я желал на берегу морском
 Сад маленькой развесть, грот маленькой
 построить
 И виды моря, скал, долин себе присвоить.
 Но как безмолвно все кругом!
 Как в южной Таврии пустынно!
 Здесь, наслаждаяся природою картинной,
 Нельзя надеяться и изредка провесть
 В кругу приятелей осенний вечер длинной,
 И новые стихи прочесть,
 И суд о книге произнести.
 Благочестивые татаре, мусульмане
 Крест-накрест ноги на диване,
 Боятся книг, как их пророк Омар
 (Который, гибельный питая в сердце жар,
 Александрийскую сожег библиотеку
 И Алкоран один оставил человеку),
 Курят табак и ночь и день,
 Их дело — праздность, бог их лень;
 Спят крепко, не читав комедий Шаховского;
 Замок за верность жен обязан отвечать,
 Вино в их погребе век может простоять,
 Как граф Хвостов на полке Глазунова.
 Я видел Харьков — там рассвет
 Ручается за полдень ясной;
 Туда переселясь, я сделал бы прекрасно:
 Там можно заглянуть и в свет;
 Найти, не покидая кельи,
 И тихий круг друзей, и шумные веселья.
 Недалеко отсель Капнист-поэт
 В тени дерев скрывается от славы;
 Здесь пылкий Каразин!
 Но берегись и тут отравы!
 Не знаю, право, как рассудка карантин,

Досель разборчивый и строгой,
Немного слабо поступил,
В журналах здешних пропустил
Окольной мимо Муз дорогой
Припадок к площадным словам,
Болезнь писать не хорошо, а много;
И что еще опасней — там
Свирепствует чума зевоты
От неумеренной стихи писать охоты.
Маслович первый зазевал
И мог бы скоро излечиться;
Но надобно ж беде случиться,
Что он в припадке прочитал
Страницу в лист *забавы стихотворной*,
Тут жар в крови своей почувствовал холодной
И пуще зазевал!
Тогда Срезневский сочинял
Моральную статью в журнал
«О том, как делает любовь людей способных
Производить на свет людей себе подобных;
О том, как люди тянут, пьют,
Покуда кровию глаза их обтекут,
Покуда щеки их как вишни побагреют».
(Питомцы лишь его устав сей разумеют!)
И в важных думах сих
Срезневский, занятый глубокою дремотой,
Откликнулся Масловичу зевотой.
И как пожар от корня сосн густых
В миг на корнях и на вершинах их,
По сучьям от сосны к сосне перебегает,
И весь обширный бор пылает:
Так во мгновение от них
Чума к читателям пристала,
От одного к другому прилипала.
Весь город зазевал,
И сам я Харькову откланялся зевая.
Потом был там, был здесь, смотрел и замечал
И, не нашед нигде того, чего искал,
Чего из детства достигал,
Я паруса свиваю
И челн свой в пристани знакомой размещаю,
Иль просто говоря: в Москве я строю дом!
Москва! при имени твоём
Рука до полножен меч острый обнажает,
Гнев в сердце, и уста хотят промолвить: мечь!

Свой царь, отечество, свобода, вера, честь
В душе смятенной воскресает!
Нет! Русскому ничто не заменит тебя!
Ему не надобно, твой славный пепел зря,
Любви к отечеству у афинян учиться
И, по развалинам Италии бродя,
Величию римлян дивиться.
Им славно подражать, славней их превзойти.
И ты их превзошла, о жертва произвольна,
Мать русских городов, Москва первопрестольна!
Иду по лаврами устланному пути:
Что шаг — то славное в душе воспоминанье,
Что взгляд — то злых врагов незаметный след.

Здесь их могилами означен путь побед.
А прямо вдалеке знакомец-лес пред нами
И брег Москвы-реки, обставленный горами —
Подножие, на коем храм
Наш кроткий Александр воздвигнет небесам,
Щитом своим его Россию защитившим
И сокрушителя Европы сокрушившим.
Вот златоглавая обитель жен, девиц,
С оградой, кельями, решетками, крестами,
С рядами тесными гробниц,
Между которыми на благовест с свечами
Отшельницы, спеша в вечерний, тихий час,
Как тени черные мелькают.
Рассеяны друзья лет оных! Здесь для нас
Златые сны опять летают,
Зерцало наших клятв сей древний монастырь!
И вот крапивою заглохший тот пустырь,
Где в ветхом доме мы столь сладко пировали,
Который мы мечтами населяли,
Где цвел тот сад, который мы
В поверенные тайн сердечных выбирали,
Где, распалив вином и спорами умы
И к человечеству любовью,
Хотели выкупить блаженство ближних кровью,
Преобразить спешили мир,
Пилладов выбирали в други,
Шарлотт и Элоиз в подруги.
При звуке радостном покалов, хоров, лир
Нам, юношам неосторожным,
И невозможное казалось возможным:
С Кутузовым мирили муз,

Знакомили с Шишковым вкус,
В мечтаниях сверкал нам острый ум Волтеров
В главе Грузинцева пустой.
И здравый смысл сидел с обритой бородой
В Беседе Староверов.
Казалось, что Степан Смирнов
Не столько набирал ошибок, сколько слов,
Что с нежной ласкою не бил, трепал Дашков
Ланиты впалые Шишкова,
Сходил с ходулей (Мерзляк)ов,
И из густых ушей Хвостова
Ветвь пробивалася лаврова.
Ах! птичкой пролетел наш возраст золотой!
Не воротить молодые лета!
Степенна опытность холодною рукой
Нас из мечтательного света
В действительный спустила мир,
И здесь не сладкий голос лир,
Не хоры сладкие услышали и клики —
Печальный стон, надгробны лики,
И первый нам привет — гроб лучшего из нас!
Тот сорван с высоты и брошен в заточенье,
На свежих лаврах тот угас,
За родину свершая мщенье!
От счастья пробудясь как будто бы от сна,
Мы все воскликнули: существенность бедна!..
И всяк из нас особою тропею
Побрел, склонив главу, за милою мечтою.
Я помню, как, отчалив челн,
В житейское пустился море,
Пловец неопытный среди ревущих волн,
По всем морям свое я мыкал горе,
И погибал уже в волнах седых...
И Ангелом спасен от кораблекрушенья.
Супруга милая! ты Ангел мой была,
Ты мне послом явилась Провиденья,
Мне якорь подала,
К кресту его кольцом любви прикрепила;
Ее таинственная сила
Рассеяла грозу и бури утишила.
И бедный плаватель теперь — хвала тебе! —
Супруг, отец и гражданин, в семье,
Любимый милою, хвалимый только другом,
В посредственности, в простоте,
В добре и красоте,

В работе по сердцу, сменяемой досугом,
Находит счастье и простор:
В очах твоих свой приговор
С боязнию читает
И ободряющий твой взор
Всему предпочитает.
Когда в октябрьску ночь,
Отгнавши негу, лень и сны от ложа прочь,
Я вострепенувшись бегу в свой одинокий
И молчаливый кабинет,
От спальни столь далекий,
Жуковского сосед,
И, окруженный тьмою,
Уединеньем, тишиною,
С согласия Харит и Муз
И вопросив Дашкова вкус,
Россиянам усыновляю
Вергилия, экзаметр и спондей,
Смеюсь над глупостью, пороку угрожаю,
Злодею на чело кладу клеймо: *злодей!*
Иль в зимнюю метель, поближе сев к камину,
Внимая вьюги рев,
Стук ставней, шум трубы, свист скважен, треск
дерев,
Я порываюсь бурь северных картину
В стихах живописать;
Бог златокудрый худо внемлет;
От скуки свечка дремлет
И я начну дремать.
Но между тем заря для Феба
Раззолотит полнеба;
На башне городской бьет громко семь часов:
Тогда одно лишь ухо для стихов
И глаз один я оставляю,
Другие на часы я к двери отправляю...
Боюсь, что не придешь, надеюсь, что придешь...
Дверь настежь — и ко мне малютку ты несешь!
Мой Гений крыльями трепещет,
Стих каждый новизной
И свежестью и остротою блещет.
Так путник, в полудневный зной,
В песках сыпучих утомленный,
Внезапно слышит ключ, журчащий под горой,
И видит древ вдали гостеприимны сени —
Бросается в жару душевном на колени

И небеса благодарит
Безмолвием красноречивым.
Когда, свершив урочный путь,
Феб поспешает отдохнуть
И отдых дать коням ретивым,
Тогда и я спешу в твой терем сердцем жить
И дать покой уму, уставшему за делом,
Грусть надвое делить,
Веселье помножать разделом.
Уютен, светел терем твой,
Как будто Вкус твоей рукой
В нем расставлял уборы:
Все очаровывает взоры
И говорит с душой.
Вот на кресте Спаситель,
Его Лебрень изобразил,
Как бы участником небесных таин был,
Как будто на земле во дни Христовы жил
И был распятия благоговейный зритель.
Вот Библия, вот Локк, Сен Пьер, Жан Поль,
Эмиль,

Вот на ковре, усыпанном цветами,
Нераспустившийся цветок —
Малютка дочь твоя с веселыми очами.
Вот, удаляся в уголок,
Поэт стихи читает с жаром,
Вот ты за самоваром,
И на подносе пред тобой
Фарфор высокою горой.
Канфорка жертвенником зрится;
На ней огонь пылает голубой
И нектар Пекинский варится.
Как я люблю, досуга в светлый час,
Ученых вежливые споры
И миролюбные их ссоры.
Тут блесками ума рассказ
И острою слов сверкает:
Так, об кремень кремень биясь,
Струею искры высекает.
Ах! к месту человек сердечно привыкает!
Воображением в Москву переселясь,
Я счастлив, восхищаюсь,
Но с Дерптом навсегда простясь,
Слезами обливаюсь.
Но так и быть, нам надобно опять

В Москве и на Прудах, друзья, попить.
Москва! Святая Русь! В ней жили наши деды;
Воспоминания в ней жизни молодой,
Веселья зрелых лет и старости победы!

Я там вас стану поджидать,

На старом новоселье.

Подруга милая! с тобой

В обители родной,

Сноснее горести, приятнее веселье.

С твоей любовью и жизнь легко стерпеть.

Предчувствие небес — с ней сладко умереть.

Там все знакомое, там брег твоей отчизны!

В час смерти взор на небо устремя

И на границе вечной жизни,

Увидя весело встречающих меня

Отца и мать, родных, друзей, сестру и брата,

Пожму я руку у тебя

И с верою скажу: сущность богата!

(1816—1817)

К. Н. БАТЮШКОВ

К Н<ИКИТЕ>

Как я люблю, товарищ мой,
Весны роскошной появленье
И в первый раз над муравой
Веселых жаворонков пенье.
Но слаще мне среди полей
Увидеть первые биваки
И ждать беспечно у огней
С рассветом дня кровавой драки.
Какое счастье, рыцарь мой!
Узреть с нагорных вершины
Необозримый наших строй
На яркой зелени долины!
Как сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гул далекий
И погрузиться до утра
Под теплой буркой в сон глубокий.
Когда по утренним росам
Коней раздастся первый топот

И ружей протяженный грохот
Пробудит эхо по горам,
Как весело перед строями
Летать на ухарском коне
И с первыми в дыму, в огне,
Ударить с криком за врагами!
Как весело внимать: «Стрелки,
Вперед! Сюда, донцы! Гусары!
Сюда, летучие полки,
Башкирцы, горцы и татары!»
Свисти теперь, жужжи свинец!
Летайте ядры и картечи!
Что вы для них? для сих сердец,
Природой вскормленных для сечи?
И вот... о, зрелище прекрасно!
Колонны сдвинулись, как лес.
Идут — безмолвие ужасно!
Идут — ружье наперевес;
Идут... ура! — и все сломили,
Рассеяли и разгромили:
Ура! Ура! — и где же враг?..
Бежит, а мы в его домах.—
О, радость храбрых! — киверами
Вино некупленное пьем
И под победными громами
«Мы хвалим господ» поем!..

Но ты трепещешь, юный воин,
Склонясь на сабли рукоять:
Твой дух встревожен, беспокоен;
Он рвется лавры пожинать:
С Суворовым он вечно бродит
В полях кровавая войны
И в вялом мире не находит
Отрадной сердцу тишины.
Спокойся: с первыми громами
К знаменам славы полетишь;
Но там, о горе, не узришь
Меня, как прежде, под шатрами!
Забывтый шумною молвой,
Сердец мучительницей милой,
Я сплю, как труженик унылой,
Не оживляемый хвалой.

1817

Среди трудов и важных муз,
Среди учености всемирной
Он не утратил нежный вкус,
Еще он любит голос лирной;
Еще в душе его огонь,
И сердце наслаждений просит,
И борзый Аполлонов конь
От муз его в Цитеру носит.
От пепла древнего Афин,
От гордых памятников Рима,
С развалин Трои и Солима,
Умом вселенной гражданин,
Он любит отдыхать с Эратой
Разнообразной и живой,
И часто водит нас с собой
В страны Фантазии крылатой.
Ему легко: он награжден,
Благословен, взлелеян Фебом;
Под сумрачным родился небом,
Но будто в Аттике рожден.

1817

К ТВОРЦУ
«ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

Когда на играх Олимпийских,
В надежде радостных похвал,
Отец истории читал,
Как грек разил вождей азийских
И силы гордых сокрушал,—
Народ, любитель шумной славы,
Забыв ристанье и забавы,
Стоял и весь вниманье был.
Но в сей толпе многонародной
Как старца слушал Фукидид,
Любимый отрок аонид,
Надежда крови благородной!
С какою жаждою внимал
Отцов деянья знамениты
И на горящие ланиты
Какие слезы проливал!

И я так плакал в восхищенье,
Когда скрижаль твою читал
И гений твой благословлял
В глубоком, сладком умиленье...
Пускай талант — не мой удел!
Но я для муз дышал не даром,
Любил прекрасное и с жаром
Твой гений чувствовать умел.

1818

А. С. ПУШКИН

ЖУКОВСКОМУ

(Первая редакция)

Когда младым воображеньем
Твой гордый гений окрилен,
Тревожит лени праздный сон,
Томясь волшебным упоеньем;
Когда, возвышенной душой
Летя к мечтательному миру,
Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле
И быстрый холод вдохновенья
Власы подъемлет на челе —
Ты прав: творишь ты *Для Немногих!*
Не для подкупленных судей
Ревнивой милостью твоей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов!
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В завидный получил удел
И твой восторг уразумел
Восторгом сладостным и ясным!..
Смотри, как пламенный поэт,

Вниманьем сладким упоенный,
На свиток гения склоненный,
Читает повесть древних лет!
Он духом там — в дыму столетий!
Пред ним волнуются толпой
Злодейства, мрачной славы дети,
С сынами доблести прямой!
От сна воскресшими веками
Он бродит, тайной окружен,
И благодарными слезами
Карамзину приносит он
Живой души благодаренье
За миг восторга золотой,
За благотворное забвенье
Бесплодной суеты земной...
И в нем трепещет вдохновенье!

1818

В. Л. ПУШКИН

* * *

Поклон усердный Громобую;
Хорош он, молодец!
Ни слова не сказал, что суждено судьбою
Надеть ему златый венец;
Что, прилетев из польския столицы
Любови на крылах,
Лишит он нас прелестныя девицы,
Умножит дам число и в нежных их сердцах
Он зависть поселит, представив им супругу.
Скажи товарищу и другу,
Что счастья в любви могу ему желать,
Но скромного счастливица поздравлять
В досаде не хочу, любя его душою.
Поклон усердный Громобую!

1818

К ЖИХАРЕВУ

За стихи благодарю
И за прозу вместе.
Ты служил, мой друг, царю,
Послужи невесте.
Приезжай в Москву скорей,
Обойми своих друзей,
С милой обвенчайся!
Но женатый, будь все наш,
Не кидай прелестну блажь:
В шампанском купайся.
Писать много не могу —
Недосуг, ей-ей не лгу:
Коляска готова.
Прости, милой Громобой!
Вот еще два слова:
Вот я вас, приятель твой,
Тебя любит всей душой.

1818

А. Ф. ВОЕЙКОВ

ПОСЛАНИЕ К Д. В. ДАВЫДОВУ

Давыдов, витязь и певец
Вина, любви и славы!
Я слышу, что твои совсем
Переменились нравы:
Что ты шампанского не пьешь,
А пьешь простую воду,
И что на розовую цепь
Ты променял свободу;
Что ныне реже скачешь в клоб,
В шумливые беседы,
И скромные в семье своей
Тебе вкусней обеды.
Не завиваешь ты уса;
Конь праздный в стойле тужит,
И сабельная полоса
За зеркало не служит.

Вкруг кивера обвился плющ
И всполз на верх султана;
Паук раскинул сеть свою
По сетке доломана.
Вкруг двоеглавого орла
Твоей блестящей шашки,
Влетев в открытое окно,
Порхают дерзко пташки.
Заглядываю в тайный шкаф —
Он пуст: в печи Буянов,
Гервасида в камельке;
Один певец Русланов
Тихонько прячется в углу,
Загорожен Бюффоном.
И вместо прежних книг — Руссо,
И Кампе с Фенелоном,
И Локка любишь ты читать.
И моралистов строгих
Выписываешь в свой альбом,
Но, чудное для многих,
Открой мне таинство свое!
Скажи, Шольёв наследник,
Кто обратил тебя на путь?
Кто — славный проповедник,
Или писатель — Златоуст?
Кто подал в помощь руку
Закореневшему в грехах
И объяснил науку
Не у прелестниц записных
На ложе сладострастья,
Но в целомудренной любви
Искать прямого счастья?
Нет! то не мог быть человек,
Как мы же, земнородный,
Уверен я, хотя бы он
Мудрец был превосходный.
Я слышу: ангел доброты
К тебе с небес спустился
И в виде грации молодой
С тобою обручился.

Давыдов! правду говоря,
Тебе бы за проказы
Ветрану должно дать в жену

И произвестъ в Пролазы.
Но ты не глуп, не подл, не крив,
Грехи твои забыты,
И верный ты, счастливый стал
Супруг из волокиты.
Любимец ветреных богов,
Которые играли
Тобой средь мира и боев,
Довольно!.. днесь настали
Блаженства тихого часы,
Венере с Марсом смена:
Из баловня богов сих ты
Стал баловнем Гимена.

1819

В. Л. ПУШКИН

К В. А. ЖУКОВСКОМУ

Товарищ-друг! ты помнишь ли, что я
Еще живу в сем мире?
Что были в старину с тобою мы друзья,
Что я на скромной лире,
Бывало, воспевал талант изящный твой?
Бывало, часто я, беседа с тобой,
Читал твои баллады и посланья:
Приятные, увы, для сердца вспоминанья!
Теперь мне некому души передавать:
С тобою, В<яземски>м, со всеми я в разлуке;
Мне суждено томиться, горевать
И дни влачить в страданиях и скуке.
Где Б<лудо>в? Где Д<ашко>в? Жизнь долгу
посвятив,
Они заботятся, трудятся;
Но и в трудах своих нередко, может статья,
Приходит им на мысль, что друг их старый жив.
Я жив, чтоб вас любить, чтоб помнить всякой час,
Что вас еще имею;
Благодаря судьбу, я в чувствах не хладею.
Молю, чтоб небеса соединили нас!

1830

⟨П. А. ВЯЗЕМСКОМУ⟩

Ты с балу на бал, танцуешь и квит,
Я болен, печален и всеми забыт.
Без зову не ежду на твой обед.
Не правда, есть воля — здоровья лишь нет.
Лежу на постеле, вздыхаю, грущу
И, как говорится, я в ногу свищу.
Прости, наслаждайся юностью своей
И подчас, любезной, о друге жалеи.

Не ранее 1816

А. С. ПУШКИН.

ПОСЛАНИЕ К В. Л. ПУШКИНУ

Скажи, парнасский мой отец,
Неужто верных муз любовник
Не может нежный быть певец
И вместе гвардии полковник?
Ужели тот, кто иногда
Жжет ладан Аполлону даром,
За честь не смеет без стыда
Жечь поро́х на войне с гусаром
И, если можно, города?
Беллона, Муза и Венера,
Вот, кажется, святая вера
Дней наших всякого певца.
Я шлюсь на русского Буфлера
И на Дениса храбреца,
Но не на Глинку офицера,
Довольно плоского певца;
Не нужно мне его примера...
Ты скажешь: «Перестань, болтун!
Будь человек, а не драгун;
Парады, караул, ученья —
Все это оды не внушит,
А только душу иссушит,
И к Марину для награжденья,
Быть может, прямо за Коцит
Пошлют читать его творенья.
Послушай дяди, милый мой:

Ступай себе к слепой Фемиде
Иль к дипломатике косою!
Кропай, мой друг, посланья к Лиде,
Оставь военные грехи
И в сладостях успокоенья
Пиши сенатские решенья
И пятистопные стихи;
И не с гусарского корнета,—
Возьми пример с того поэта,
С того, которого рука
Нарисовала Ермака
В снегах незнаемого света,
И плен могучего Мегмета,
И мужа модного рога,
Который, милостию бога,
Министр и сладостный певец,
Был строгой чести образец,
Как образец он будет слога».
Все так, почтенный дядя мой,
Почтен, кто глупости людской
Решит запутанные споры;
Умен, кто хитрости рукой
Переплетает меж собой
Дипломатические вздоры
И правит нашею судьбой.
Смешон, конечно, мирный воин,
И эпиграммы самой злой
В известных «Святках» он достоин.
Но что прелестней и живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней бранных дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?
Они живут в своих шатрах,
Вдали забав и нег и граций,
Как жил бессмертный трус Гораций
В тибурских сумрачных лесах;
Не знают света принужденья,
Не ведают, что скука, страх;
Дают обеды и сраженья,
Поют и рубятся в боях.
Счастливы, кто мил и страшен миру;
О ком за песни, за дела

Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла.
Но вы, враги трудов и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья,
Шепну вам на ухо: вы правы,
И с вами соглашаюсь я!
Бог создал для себя природу,
Свой рай и счастье глупцам,
Злословие, мужчин и моду,
Конечно, для забавы дам,
Заботы знатному народу,
Дурачество для всех,—а нам
Уединенье и свободу!

П И С Ь М А

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКОГО

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

19 сентября 1815. <Петербург.>

Я получил твое милое письмо, любезный друг, и прекрасные стихи — новый род стихотворения, то есть *живописный*, не кажется ли тебе новым? Прекрасно! Действие этих стихов точно такое же, как действие прекрасной природы, как действие спокойного взгляда на великолепные зрелища — в душе после них остается что-то живое и вместе тихое! Ты требуешь моего благословения? Благословляю обеими руками! Если ты не поэт, то кому же сметь называться поэтом! Пиши более для собственного счастья, ибо *поэзия есть добродетель*, следовательно, счастье! Наслаждение, какое чувствует прекрасная душа, производя прекрасное в поэзии, можно только сравнить с чувством доброго дела; и то и другое нас возвышает, нас дружит с собою и делает друзьями со всем, что вокруг нас! Пиши более для чести и славы своего времени — я хотел было прибавить: но это дело постороннее! Рука остановилась — нет! Это не постороннее дело! Эта цель прекрасная! Не суетное честолюбие, но что-то высокое, достойное только благородного сердца. <...>

Твои стихи я читал и один и с ареопагом. В первые два чтения они менее мне и нам понравились, нежели после. Мы перечитали их с Блудовым и Тургеневым еще раз — прекрасно! Они полны свежести! Природа в них дышит! Посылаю мои замечания, написанные в прозаических стихах! От некоторых отказываюсь. *Сень благоухать* может! *Переступившему* светилу позволяется не трудить себя новым восхождением на небо! По другим замечаниям, кажется, надобно необходимо поправить.

Одно может показаться тебе несправедливым, но оно тоже справедливо! *Дрепать* в *златых* мечтах никак нельзя! Златые мечты прекрасно, когда говоришь просто о мечтах и хочешь им дать отдельный образ, но как скоро говоришь о мечтах в отношении к тому, кто их имеет, то *златые* совсем не годятся! Не оправдывай себя моим примером; я сказал в «Кассандре»: в *сновидениях златых* — это такая же точно ошибка, какая у тебя! Она оставлена в моей пьесе за неумением поправить, а поправить было бы весьма нужно. Жду твоего вечера * с нетерпением! Верно, будет у тебя и луна — посмотрим, какую луну ты нам представишь из твоего магазина, а мой уже немного истощился, и этого жаль, потому что мне скоро понадобится еще луна, а для чего, увидишь сам. <...>

Я сделал еще приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Сарском Селе. Милое, живое творенье! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности; боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не помешал себе созреть. Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет. Ему надобно непременно учиться, и учиться не так, как мы учились! <...>

В заключении моего письма скажу тебе о начале твоего; оно разгорячило мне сердце, которое, правду сказать, часто бывает облито каким-то умерщвляющим холодом. Брат, твоя дружба есть для меня великая драгоценность, и во многие минуты мысль об ней для меня ободрительна. <...> Блажен человек, имеющий друзей, которых похвала может возвышать его душу. Такого рода похвала есть цель жизни — это голос собственного сердца; это приговор совести нашей, произнесенный вслух тем человеком, который заступает ее место. Удовольствия самолюбия не имеют в себе ничего трогательного; можно сказать, что они сушат сердце. Но радоваться самим собою в присутствии друзей — вот настоящая радость!

---

* То есть *утро*. Не забавно то, что я, читавши и критиковавши твою пьесу, забыл, что в ней описывается вечер, а не утро. Это, может быть, служит доказательством, что ты, занявшись описанием природы, несколько выпустил из глаз твой главный предмет, то есть *вечер*.

〈Ноябрь 1815. Петербург.〉

...Если рассказывать, то хоть забавное. Здесь есть автор князь Шаховской. Известно, что авторы не охотники до авторов. И он поэтому не охотник до меня. Вздумал он написать комедию и в этой комедии смеяться надо мной. Друзья за меня вступились. Дашков написал жестокое письмо к новому Аристофану; Блудов написал презабавную сатиру, а Вяземскому сделался понос эпиграммами. Теперь страшная война на Парнасе. Около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше было бы, когда бы и все молчали. Город разделился на две партии, и французские волнения забыты при шуме парнасской бури. Все эти глупости еще более привязывают к поэзии, святой поэзии, которая независима от близоруких судей и довольствуется сама собой...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

12 января 〈1816 г. Петербург.〉.

...Арзамасцы говорят, что твоего письма в здешних журналах печатать не надобно, потому что *здесь* уже было объявлено в «Сыне Отечества» о мире — не надобно самим нарушать его! *〈...〉*

Дружеское объятие Батюшкову. Не состряпал ли он чего-нибудь в Каменце?

Вот ему задача! Я начал было писать пародию из Старушки на Шутовского. — Ему, царю пародий, совершить этот подвиг. Моя начинается так.

Макар сквозь сон в каморке прокричал:

Шутихин слышит и бледнеет!

Ужасну весть Макар ему сказал;

Шутихин в трепете потеет

И вопит скорбно: «Где мой дед седой?

Ему соврать мне слово дайте!

Пора в театр! в исходе час шестой!

Скорей, скорей! не опоздайте!»

И к толстяку приходит дед седой —

Его услышано посланье!

И пролог он приносит под полой

Острожского изданья!

Но лишь к одру подносит пролог он,

Вся туша страшно застенала!
Как шум райка ее протяжный стон,
Как будто ложа засвистала!
«Ах, удали свой пролог, дед седой!
Уже не в пользу мне читанье!»
Был страшен вид его главы пустой,
И в пузе слышалось бурчанье!
«Вся жизнь моя в грехах погребена!
Я полоумный сочинитель!
Твоя ж душа от смысла спасена!
Ты будь от смысла мне спаситель!»...

А. И. ТУРГЕНЕВУ

21 октября 1816 г. <Дерпт.>

...Между тем написал, т. е. перевел с немецкого пиесу под титулом: *Овсяный кисель*; не думай, чтоб этот кисель был для Арзамаса; нет, но надеюсь, что он покажется вкусным для арзамасцев, хоть и не разведен на бессмыслице. Этот перевод из *Гебеля*, вероятно тебе неизвестного поэта, ибо он писал на швабском диалекте, и для поселян. Но я ничего лучше не знаю! Поэзия во всем совершенстве простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и нам еще неизвестный род!...

С. П. ЖИХАРЕВУ

31 октября 1816 г. <Дерпт.>

Любезнейший друг, не стыдно ли тебе не отвечать мне на письмо мое? Я просил тебя уведомить меня, что сделал ты и что нужно сделать по просьбе Азбукина о доставлении ему дворянской грамоты и герба. Ты на это ни слова. Еще более: я просил возвратить бумаги Азбукина, и все их не получаю! Стыдись, Громобой! Где бывшая твоя аккуратность? Уж и впрямь не отдал ли ты дьяволу душу? <...> Да напиши, что у вас делается. Ждете ли вы меня, и постарайся узнать, к которому числу, которого месяца можно надеяться, что я буду в Петербурге...

Январь 1817 г. Дерпт.

Здравствуй, Чурка! Если ты дуешься на меня за мое неотвечание на два письма твои, то перестань: раздует тебя горой, и Шаховской подумает, что ты опился Липецких вод: а это будет неприятно для Арзамаса. Я не отвечал тебе на первое письмо от лени; а на другое оттого, что оно доплыло в Дерпт весьма поздно и что я уже не надеялся застать тебя в Рязани и, собираясь в Петербург, думал увидеться с тобою там — не тут-то было! Черт нас развел! Надобно признаться, что этот черт любезен в одних только моих балладах и в одной следующей фразе: черт побери Беседу и Шутовского! Наконец скажи ж мне, Чурочка, где ты? В Петербурге ли и что делаешь! Если еще ничего не делаешь, то примемся вместе за дело! Вот мое предложение: имею благое намерение, по поводу данного мне от природы великого таланта, выдавать ежегодно по две малые книжки и хочу, чтобы ты был мой соиздатель. Одна из сих малых книжек должна состоять вся из одних русских сочинений в стихах и прозе (переводы в стихах позволяют); другая должна быть не иное что, как собрание переводов из образцовых немецких писателей, также в стихах и прозе. Каждая должна иметь форму немецких альманахов, выходить в начале года, иметь не более 10 листов в 12 долю малого формата, след. 240 страниц, быть украшенной: первая, то есть русская, 6 картинками и иметь красивую обертку; а последняя, при такой же красивой обертке, иметь один только гравированный титул с портретом одного из немецких поэтов или прозаистов. Чтобы все это могло быть вовремя исполнено, надлежит готовиться заранее, итак:

1. *Русская книжка*: 1-е). Я бы назвал ее *Аониды*; она бы была продолжением *Аонид Карамзина* с тою отменною, что в нее входила бы и проза. Или не хочешь ли остаться при нашей покойной *Мнемозине*? 2-е). *Картинки*. Это надобно приготовить заранее. Полагаю 6. Рисовальщиком может быть Монферран. Сюжеты: три вида Петербурга или Павловска и три картинки из баллад моих, напр. из *Адельстана*, *Золовой арфы* и *Ахилла*. Титул может быть и без виньеты, а просто гравированный. На обертку что-нибудь приличное титулу. 3-е). *Содержание*. Ты: *Обозрение литературы 1817 г.* (статья постоянная и тебе принадлежащая). *Разговор*, который

ты давно уже начал; кончил ли, не знаю. Что еще благоволишь написать, не ведаю; но воля твоя да будет. Я: Сказка в прозе, которой сюжет уже готов. Два отрывка в прозе, также готовы (в голове). Первая половина Ундины в стихах. — С меня довольно. 4-е). *Сотрудники: Вяземский и Батюшков*: стихи и проза. *Воейков*: Послание к жене и друзьям, но весьма исправленное. *Пушкин* (Александр): он обещал мне доставить свои рукописи. Твое дело послать к нему за ними и их ко мне переслать. Не замедли. *Блудов*: О итальянской литературе, отрывки из записок (вырви эту статью из его лап и пришли ко мне. От него не добьешься. Эти отрывки прекрасные, а он кобенится и жметесь). *Северин*: Воспоминания о Франции, Англии и Италии (заставь его написать эту статью. Он мне обещал и, верно, сдержит слово). *Пушкин*: Вот я вас опять. *Никита Муравьев*: у него будут, верно, готовы отрывки исторические. Несколько басен *Крылова*. Верно, что-нибудь еще получу и от *Мещевского*. NB. Если к тому времени не напечатается новое издание сочинений *Муравьева*, то там есть много нового для поживы. Все, и содержание, и картинки (выгравированные совсем), должно быть готово к началу августа. На *Вяземского*, *Батюшкова*, *Северина* и *Ал. Пушкина* понадеяться можно: у последнего много готово, а те приготовят верно. Мы будем работать. Один *Блудов* опасен; а его статьи капитальные. Стой за ним с розгою и бей его не на живот, а на смерть. Говорят, что *Дмитриев* что-то написал — смотри, голубчик, эта святыня должна быть наша. Его новые статьи могут быть вместо чудотворного образа, который заманит молельщиков в нашу часовню. — Обдумай все это, и если решишься, то задавай рисовать и потом гравировать картинки — от них может быть главное замедление. 5-е). *Печатать*. Это знает *Кавелин*. Деньги могут быть употреблены мои. По выручке их, остальное пополам.

II. *Немецкая книжка*: За нею хлопот немного: материалы готовы, садиться и переводить...

А. И. ТУРГЕНЕВУ

⟨Вторая половина января
1817 г. Дерпт.⟩

...Я послал на этой почте к *Кавелину* рукопись, полученную мною от *Мещевского*: поэма *Наталья боярская дочь*, а к *Карамзину* письмо его, в котором он посвящает

ему свою поэму. Мещевский должен быть приемышем Арзамаса. Я писал к Кавелину и к Блудову о том, что я располагаю сделать с его поэмою; к Карамзину послал его письмо ко мне, в коем он требует помощи. Переговори с ними об этом деле и придумай, что можешь придумать. Между тем я наложил и на тебя, и на Николая подать, нужную для напечатания *Нагальи*; ты сдери ее и с Уварова. Будь деятелен: дело идет о сотворении поэта и спасении человека. Да воскреснет Арзамас!...

А. И. ТУРГЕНЕВУ

24 февраля 1817 г. <Дерпт.>

...Вы собираетесь сделать сбор для напечатания Мещевского поэмы: хорошо! Но скоро ли вы соберетесь? Послать эти деньги Мещевскому, а поэму продать — это скорее и менее хлопот? Правда! Но зато менее и денег. Я бы думал: напечатать 600 экземпляров на счет Арзамаса, 300 распродать самим по 5 рублей экземпляр; остальные 300 продать рубли по два гуртом в лавку: вышло бы 2000 рублей с лишним. Впрочем, сделайте как сами рассудите, только сделайте, и поскорее. В Сибири терпение тяжелее, чем в Москве, и в Дерпте, и в Петербурге.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

12 ноября 1818 г. <Петербург.>

...Вот уж два письма от тебя к Тургеневу такие, которые не понравились. Ты шутишь на мой счет, ставишь меня наряду с пьяным Костровым, Мерзляковым, поешь, что я нынче Чебышев, завтра Катенин; все это шутка — знаю, но не менее того — открываю тебе прямо непосредственное свое чувство — мне неприятно. Мне бы не хотелось, чтобы ты в твоём обхождении со мною сбивался несколько на обхождение с Васильем Львовичем; я не желал бы, чтобы я и *карикатура* были всегда неразлучны в твоём уме. Привычка к такого рода шуткам нечувствительно может оборотиться в образ мыслей; я желал бы, чтобы ты с твоим чувством ко мне обходился как с *недотрогой* и берег бы его для самого себя в некоторой чистоте; не смейся над тем, что говорю — я прав. Неж-

ная осторожность, право, нужна в дружбе. Я не должен быть для тебя буффоном; оставим это для Арзамаса; в другие же минуты воображай меня без протоколов. Некогого рода шутки на мой счет — хотя они и шутки — должны быть для тебя невозможны *. И не забудь, что ты пишешь к Тургеневу! Он на этот счет слишком беспечен. Ему нужно умное письмо, которое бы носить за пазухою и читать встречному и поперечному. Что ж за приличие читать кому ни попало такие письма на мой счет, какие ты пишешь. А он *читает*. Меня не беспокоит то мнение, какое эти письма могут дать на мой счет тому или другому из посторонних; но я не скажу, чтобы было приятно играть хотя на минуту перед другими такую забавную роль, какую играю в письмах твоих; главное же, неприятно то, что Тургенев *читает* эти письма и что его ничто не останавливает читать их: в этом случае досаднее мне он, а не ты! и тем более, что ему также, верно, было бы неприятно, когда бы другой стал читать их при нем. Мы все ошибаемся, считая непринужденностию дружескою многое, чего бы мы себе не позволили с посторонними. В этой непринужденности часто бывает много оскорбительного; иногда позволяешь себе говорить с некоторою беспечною легкостью при всех то, что надобно только сказать наедине: можно ли назвать это откровенностию? Нет! это просто пренебрежение, болтливость, которая вертит языком, не заботясь, оскорбит ли то, что скажешь, или нет! А такого рода забота необходимее с друзьями, нежели с посторонними. В нашем Арзамасе, где мы решились, однако, позволять себе все под эгидою Галиматьи, было много неприличного. Тургенев сам приписал, что он многое неприятное пренебрег. Но в таком случае пренебрежение не позволено; лучше сказать, как я, нежели пренебрегать молча. Как могу я пренебречь то, что мне *от тебя* неприятно; моя обязанность остеречь тебя, потому что и для тебя так же должно быть важно не оскорбить меня, как и для меня...

---

* Сейчас пришли два твоих письма к Воейкову и к Дашкову и еще более уверили во справедливости своих замечаний. Какие нежности для Воейкова и как зато славно отделан Жуковский в письме к Дашкову! Полно, брат, острить об меня перо! Оно и без того остро!

〈Начало апреля 1837 г. Петербург.〉

Посылаю Вам, Старушка, официальное письмо, при нем и сие небольшое Арзамасское завывание; а при сем Арзамасском завывании и статью о смерти Пушкина в двух, тако сказать, экземплярах, с такой изъяснительной прибасенкою: экземпляр-де, означенный № 1, был представлен мною лично государю императору с просьбою о позволении напечатать в «Современнике». Государь, прочитав рукопись, сделал свои замечания и назначил, что выпустить. По указаниям государя я все выпустил, что относилось до него и где говорил об иностранцах поименно, что увидите сами, сравнив № 1 с безномерным экземпляром. Сей последний отдается в цензуру. Благоволите, батюшка Старушка, устремить на сии гусиным пером исчерканные страницы те части бытия вашего, в коих со времен Адама заключается зрительная способность сынов человеческих. Прочитайте с свойственным Вам благоразумием, столь приличным министру просвещения, избранному на сие высокое место доверенностью монарха, страницы, истекшие из-под пера моего, и благоволите сунуть сие творение в раскрытую пасть цензуры, сей гладной коровы, пасущейся на тучных пажитях литературы и жующей жвачку с каким-то философским самоотвержением; благоволите предписать сей корове, чтобы она поскорее изжевала статью мою и поскорее ее выплюнула, дабы я мог немедленно передать блевоту в тиснение в «Современнике». Впрочем, желаю Вам всякого благополучия, а за скорое исполнение просьбы моей пришлю Вам из Арзамаса, в коем надеюсь быть, жирную гусиную гуску, с коей честь имею быть

Светлана.

Да что же статья Карамзина! Господи помилуй! возвратите ее поскорей, Старушка, хоть ради того, кто сидел впереди.

ПИСЬМА К. Н. БАТЮШКОВА

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

9 мая 1813 г. <Петербург.>

Прости мне мое молчание. Все сии дни я был занят или, лучше сказать, не жил дома: вот почему и не успел сделать замечания на твое прекрасное послание. Теперь на досуге приступаю к делу. Вообще весь тон стихов благороден и выдержан, за это тебе поклон,— но мне кажется, что:

Прозаик милый мой...

Прозаик — не хорошо, и еще *милый!* — притом Жуковский, если он прозаик и поэт, то, конечно, и музам друг: следственно: здесь плеоназм. Все четыре стиха растянуты; надобно было вдруг изъяснить, чего ты требуешь.

Я от тебя хочу...

Я от тебя хочу... Против ударения.— Эти стихи легко поправить.

Все следующие прекрасны, а этот очень счастлив:

В сотрудников число на упокой понасть!

Но что значит:

В храм славы пропуска для будущей субботы?

Этой субботы я не понимаю и никто не понял.

Клянупу...

Бумаги выдумку, и перья, и себя...

Немного холодно! скажи как-нибудь повеселее — ты на это мастер.

Зритель *неучастный* — нельзя; лучше, кажется, не-причастный. Но и в таком случае сказать необходимо, в чем? — ибо того требует наше словосочинение.

Благодарю за похвалу (я этого не стою! помилуйте! пощадите!), но *бездумный* — слишком смело; по крайней мере мне так кажется. Потом все стихи прекрасны, кроме растянутых:

Жуковс<ки>й, просвети ты мрак *недоумений*
И на беду мою воюющих *сомнений*
Ты *прекрати* во мне *всечасную борьбу*.

Холодно, потому что одна мысль в разных словах; я желал бы и здесь поболее комических стихов. Далее все хорошо, прекрасно — а этот стих очень счастлив:

Обидит ли кого он одою своею?

Но...

И музами тройным венком *почтимый* он —
нельзя сказать никак!

Пусть одой ближнего Хлыстов не обижает,
Но я и здравый смысл обидеть не хочу!

Прекрасно, прекрасно! Я доволен остальными, а особливо:

На то и дураки, чтобы дурачить их.

Всего счастливее! *Les sots sont ici-bas pour nos menus plaisirs* *.

Зачем ты кончишь Вольтером? — тут никакой связи нет ни в мыслях, ни в словах. А этот стих очень дурен и холоден и неприятен для слуха:

Сей запросто себе стих в эпиграфы вял...

Бога ради, поправь его или, лучше, переделай вовсе. Все, что я заметил важнейшего. Приделай другой конец, дай более жизни иным стихам, и твое послание

* Дураки живут на земле для наших мелких радостей (*фр.*).

будет достойно и тебя, и Жуковского. Я слишком люблю тебя и дорожу тобою, чтоб тебя обманывать. — Перевод из Вольтера не так хорош — и далек от послания. Не поленись, еще раз переправь его и пришли сюда поскорее, только ко мне. Я отдам его в печать, если хочешь. Теперь скажу тебе приятную весть. Жуковс⟨ки⟩й в Белеве. Прислал оттуда к Дмитриеву своего «Певца» с поправками и с посвящением государыне Елизавете Алексеевне, которая написала к Ивану Иванов⟨ич⟩у лестный для Жуковского рескрипт и перстень. Это его должно обрадовать. Пиши к нему в Белев. На прошедшей почте я послал к тебе письмо Северина, доставленное мне Дашковым. Получил ли ты его?

Я ожидаю сюда Бахметева и буду проситься в армию. Прости, будь здоров и помни твоего

Батюшкова.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨Начало июля 1813 г. Петербург.⟩

Я нахожу, что начало твоего «Послания» растянуто. Это можно легко поправить: надобно более сжать до стиха: «О, милая подруга», и не растягивать мыслей в длинных поэтических периодах, которые охлаждают читателя и утомляют любопытство. Сделай начало короче, короче как можно. «Вечных болтунов, С вестями неразлучных». Не лучше ли: «С злословьем неразлучных», ибо болтун невольно делается злословен, а вести не всегда под рукой. «Безграмотных писцов, Числящихся в поэтах». *Числящихся* очень не хорошо, холодно, и ударение не на месте; это надобно необходимо поправить. И далее, вступление à la Gresset * растянуто; впрочем, стихи хороши, но они длинные и задерживают начало, то есть:

О, милая подруга и пр.
Приди под кров родной,
Под кров уединенный,
Счастливый и простой,
Где счастье неизменно.

Если б ты меня звал под свой кров и нанизал в разговоре столько эпитетов, то я, верно бы, не пошел. Бога

---

* в стиле Грессе (фр.).

ради, это поправь! Вообрази себе, что *кров родной* — этого довольно, а еще *уединенный* и *простой*; счастливый — этого мало, но еще *где счастье неизменно*!! Замени это живописными стихами.

Хотя мы жили мало, и пр.

до стиха:

Где мы найти ласкались
И счастье и покой.

прекрасно, истинно прекрасно! И далее все мило! *С небес необходим* можно заменить, но это — безделка. Далее, удвоенные рифмы очень счастливы и придают стихам какую-то прелесть и новость. В них виден abandon *, сердечное излияние, чего до сих пор в твоих стихах я не замечал.

Твой утренний наряд, и пр. —

прекрасно.

А там тропу от спальной
К беседке над купальной
Прокладываешь ты.

Прелестно. Жаль, что рифмы неверны.

И розу мне приносишь —
Подобие себя —

мадригал, но очень кстати. Далее все дышит чувствительностью. Я говорю, что ты здесь в первый раз поэт и не гоняешься за умом. Вот стихи! Противоположность счастья домашнего с шумом и суетой света — очень удачна, и все стихи прелестны, и это доказывает, что начало надобно переменить или сжать более, как я говорил: иначе здесь будет повторение.

То, что ты говоришь о Жуковском, не очень счастливо, то есть первые четыре стиха. *И страшный уж порой* не хорошо; об нем можно лучше говорить; и что значит «*Наперсник ведьм и граций*»? Ведьм!! Не лучше ли Фей? Перемени это. Конец весь прекрасен.

О дружба, жизни радость!
О дружба, весь я твой!

---

* непринужденность, небрежность (фр.).

Прекрасно, и очень кстати! Вообще я доволен твоим посланием и уверительно могу сказать, что оно лучше всех твоих стихов. В нём есть истинные красоты. Постарайся исправить то, что я заметил; дай более жизни началу, выбрось повторения. Тогда критика, любовь и дружба тебя назовут своим поэтом.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

10 января <1815 г. Петербург.>

Письмо твое только вчера отдал мне К. Меншиков, который нашел меня глупым или умным, невеждою или ученым, вот что я тебе сказать не могу. Но о стихах твоих я говорить могу смело: они мне очень понравились и отданы в «Сын Отечества», который принял их с восторгом в холодные свои объятия. Дашков здесь. Он сказывал мне, что Жуковского стихи не совершенно понравились нашим Лебедям и здешние Гуси ими не будут восхищаться. Что нужды! Зато Нелединский плакал, читая их перед императрицей, которой они очень нравятся. Вот лучшая награда. Ошибки в стихах нашего Балладника примечены могут быть и ребенком, он часто завирается. Но зато! Зато сколько чувства! какие стихи! и кто говорил с таким глубоким чувством об императоре? Так, любезный друг! Государь наш, который, конечно, выше Александра Македонского, должен то же сделать, что Александр Древний. Он запретил под смертною казнию изображать лицо свое дурным художникам и предоставил сие право исключительно Фидию. Пусть и государь позволит одному Жуковскому говорить о его подвигах. Все прочие наши одорифмоделители недостойны сего. Они, и стихи их, и проза, и ненависть их, и хвала их, и одобрение, и ласки, и эпиграммы, и мадригалы, и вся сия стишистая сволочь надоела. Чего хорошего? Воейков, приятель Пушкина и Мерзлякова, садит их в дом сумасшедших? Признаюсь тебе, я желаю иметь честь сидеть в желтом доме с честным Глиной, с Мерзляковым, которого люблю дарование, с Пушкиным, которого обожаю от ног до головы, нежели разделять славу и пальмы с Воейковым, который ничего не имеет *веселого* во всем своем поведении. Гибель тому, кого он хвалит. У него в одной руке кадило с фимиамом, в другой бич сатиры. И к чему ведет это? Один хороший стих Жуковского больше приносит пользы словесности,

нежели все возможные сатиры. По крайней мере, будь весел в них.

Я ничего печатать не хочу и долго не буду, а пишу для себя. Теперь кончил сказку «Домосед и странствователь», которая тебе, может быть, понравится, потому что напомнит обо мне. Я описал себя, свои собственные заблуждения и сердца, и ума моего. Пришлю, как скоро будет время. Теперь прости, мой милый друг, я часто на тебя гневаюсь — не за себя, а за тебя. Будь счастлив! Люби <пропуск>! — У меня ничего нет на свете, кроме дружбы твоей и дружбы двух или трех честных людей. Никогда я так грустен не бывал. Живу без надежды и страдаю умом, сердцем и телом.

К. Б.

Я пишу тебе с Луниным, которому я наговорил о тебе много чудес. Он мне родственник и приятель, прошу ваше сиятельство обласкасть его, притом же он, как увидите, человек добрый, весьма умный и веселый и великий охотник пускаться в метафизические споры — спорь с ним до слез.

В отсутствие мое здесь разошлись мои стихи «Певец». Глупая шутка, которую я писал для себя. Вот все славяне п<од>нялись на меня. Хотят жа<лова>ться. Но я ничьих имен не подписывал, и вольно им брать на себя чужие грехи. Как бы то ни было, это скучно и начинает меня огорчать.

Левушке поклонись за меня.

Я болен третий день и не выхожу из комнат. Пиши с оказией.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

<Середина декабря 1815 г. Каменец-Подольский.>

...Что у вас за шум? До твоего письма я ничего не знал обстоятельно. Пушкин и Асмодей писали ко мне, что Аристофан написал «Липецкие воды» и тебя преобразил в Фиялкина. Пушкин говорит мне, что он вооружается эпиграммами. Прежде сего читал в «Сыне Отечества» «Письмо к Аристофану» и тотчас по слогу отгадал сочинителя. Вот все, что я знал. Теперь узнаю, что Аристофан вывел на сцену тебя и друзей, что у вас есть общество, и я пожалован в Ахиллесы. Горжусь названием, но Ахилл пребудет бездействен на черных и черных

кораблях: в печали бо погиб и дух его, и крепость. Нет! Ахилл пришлет вам свои маранья в прозе, для издания; из Москвы. Вот им реестр: 1) Нечто о морали и религии. 2) Итал(ьянские) стихотворцы: Ариост, Тасс и Петрарка. 3) Путешествие в Сире. 4) Воспоминания словесности и отрывок о Ломоносове. 5) Две аллегории. 6) Искаательный, характер. 7) О лучших качествах сердца. Это все было намарано мною здесь от скуки, без книг и пособий; но, может быть, от того и мысли покажутся вам свежее. Пришлю все с удовольствием, но только марайте что не понравится. <...> Поклон Арзамасцам от старого гуся. Союзник нам — время: оно сгложет Аристофана с его драматургией. Не видал его «Вод», не знаю его «Абуфара»; но если они похожи на некоторые другие штучки родителя, то не о чем много хлопотать. До сих пор, кроме водевиля «Казака», я ничего хорошего не знаю, а написано много. Ожидаю еще поэму «Гаральд Храбрый» и нового облегчения комедиями, операми, опереттами, драмами, водевилями; все вместе прочитаю одним духом.— Что делает Беседа? Я люблю ее как душу, аки бы сам себя. Прости, милый друг, обнимаю тебя от всей души, от всего сердца и до свиданья в Москве. К. Б.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

<20—21 марта 1816 г. Москва.>

Благодарю тебя, милый друг, за твою книгу, которую я получил через Гнедича. С жадностью ожидаю второй части и баллад, на которые все вооружаются во имя Расина, вкуса и отечества. В нашей Суздали все хотят писать по-суздальски: на яичке, как в старину писали. Старость тебя бранит, молодость силится тебе подражать: добрый знак! Пиши, иди вперед: тецы убо, солнце наше, и натецы на поэму: вот мое сердечное желание. Не знаю, что у вас делается в вашей Суздали, а в нашей не лучше. У подошвы Парнаса грязь и навоз, то есть личность, корысть, упрямство и варварство. Я забыл прибавить: и зависть. Но ты это лучше ведаешь. Час от часу я более и более убеждаюсь, что Арзамасцы лучше Суздальцев и без них несть спасения. Возьмите в Арзамас доброго Лихачева, которого послание к тебе прилагаю при сем: оно тебе понравится. Стихи приятны и написаны от сердца. Отвечай ему прозою, если

хочешь, отвечай только. Адрес: в Каширу, Тверской губернии. Он теперь там. Здесь двадцать рублей за твою книгу. Он желал иметь билет, и я решился адресовать прямо к тебе. Пошли ее к нему, милый друг.

Ты меня забыл. Что делает Рафаэль-Карамзин в Суздали? Как приняли его картину абдерито-суздальские маляры? Ни слова не пишешь. Даже не отвечал на мое письмо из Каменца. Все тебе прощу, если напишешь поэму или что-нибудь достойное твоего таланта, и если будешь любить меня, как я тебя люблю. Будь здоров, весел и счастлив, если можно, и помни своего собрата по Аполлону. Б.

Тургенева благодарю за письмо. Напомни еще раз об желанной отставке. Мы ожидаем сюда Вяземского. Катерина Андреевна сокрушилась о муже. Я часто ее вижу, и всегда с новым удовольствием: умная, добрая, редка женщина. Она тебя очень любит и уважает. Заметь, это не последнее достоинство в моих глазах.

О новостях не пишу. Мерзляков читает, и, право, хорошо. Я слушал его с большим удовольствием. Пушкин перевел «Игрока»: много счастливых стихов. Прочие все пишут и похвалы себе не слышат. Я знаю, что ты не будешь спать от радости: ты член здешнего общества. Есть надежда, милый друг, что мы попадем в Академию. Если у Уварова есть экземпляр лишний «Элевзинских тайнств», то доставь мне его. У меня давно кое-что бродит в голове: собираю материалы. Здоровье мое час от часу ниже, ниже, и я к смерти ближе, ближе, а писать охота смертная! А еще более хочется прижать тебя к сердцу и сказать тебе, милый друг, как ты мне дорог.

Здесь 25 рублей: 20 за Лихачева, а на пять купи мне Гетевы стихи, если можно, в одной книжке. Если что дороже заплатишь, я тебе доставлю. Письмо это вручит тебе Петр Иванович Полетика. Поклонись Северину, которого покойный Батонди столь счастливо благословил на дипломатию.

Ц. А. ВЯЗЕМСКОМУ

4 марта 1817 г. Деревня.

И я, и брат мой, и все мои благодарим за старание твое, хотя и бесплодное. Я с моей стороны исполнил долг мой: я не желал упустить случая быть полезным

хорошему родственнику, не желал упустить случая тебе дать повод к доброму делу, зная, что это для тебя праздник. Итак, смиряясь перед судьбою, к нам всем довольно строгою, продолжаю отвечать на письма твои.

Благодарю Жук〈овского〉 за предложение трудиться с ним: это и лестно, и приятно. Но скажи ему, что я печатаю сам и стихи, и прозу в Пет〈ербурге〉 и потому теперь ничего не могу уделить от моего *сокровища*, а что вперед будет — все его, в стихах, разумеется. По приезде в деревню я заплатил шесть тысяч. Чахотка в кармане. В виду — ни гроша почти на весь год, если не удадутся мне некоторые обороты. А *жить надобно*, как говорит Шатобриан. (Ей, ей, он это написал! Какова ситуация?) Вот почему я должен взяться за работу, скучную, но полезную. Собираю итали〈анские〉 переводы *в прозе*, отборные места, и хочу выдать две книжки. Может быть, продам их за две тысячи. Итак, ты ясно и сам видишь, могу ли рассеять мою работу в периодическом издании? У меня книга готова. Взял контрибуцию с Данте, с Ариоста, с Тасса, с Маккиавеля и бедного Боккаччио прижал к стене. Всем досталось! Доберусь и до новейших. Чем более вникаю в италианскую словесность, тем более открываю сокровищ истинно классических, испытанных веками. Не знаю только, хорошо ли это будет в русской прозе: вот отчего нередко у меня руки опускаются. Пишу около пятнадцати лет для русской публики (*C'est tout dire*) *, а от совести отучиться не могу! Но я согласен с тобою насчет Жуковского. К чему переводы немецкие? Добро — философов. Но их-то у нас читать и не будут. Что касается до литературы их, собственно литературы, то я начинаю презирать ее (Не сказывай этого!). У них все каряченье и судороги. Право, хорошего немного. Недавно я бросил с досады Иоганна Миллера. Говоря о веке Екатерины, он говорит только о Минихе, потому что он был немец; глубокомысленная пучина, а где рассудок? Слог Жуковского украсит и галиматью, но польза какая, то есть *истинная польза*? Удивляюсь ему. Не лучше ли посвятить лучшие годы жизни чему-нибудь полезному, то есть таланту, чудесному таланту или, как ты говоришь, писать журнал полезный, приятный, философский. Правда, для этого надобно ему переродиться. У него голова вовсе не деятельная. Он весь в воображе-

---

* Этим все сказано (*фр.*).

нии. А для журнала такого, как ты предполагаешь, нужен спокойный дух Адиссона, его взор, его опытность, и скажу более, нужна вся Англия, то есть земля философии практической, а в нашей благословенной России можно только упиваться вином и воображением: по крайней мере до сих пор так. Но полно мне умничать. Поговорим о старосте, от которого я получил письмецо в маленькой прозе и в маленьких стихах. Он все тот же! А мы стареемся. Это меня бесит. Я очень смеялся Шаликову и Ильину. С какою коварною радостью воображал тебя за одним столом с ними — за грехи, конечно. Жихареву мой поклон. Что делает он у вас? Его бы в члены: он не ударит лицом в грязь. <...>

Еще прибавляю:

ЗАПРОС АРЗАМАСУ

Три Пушкина в Москве, и все они — поэты.
Я полагаю, все одни имеют леты.
Талантом, может быть, они и не равны;
Один другого больше пишет,
Один живет с женой, другой и без жены,
А третий об жене и весточки не слышит:
(Последний — промеж нас я мольвю — страшный плут.
И прямо в ад ему дорога!)
Но дело не о том, скажите, ради бога,
Которого из них *Бобрищевым* зовут?

Успокой мою душу. Я в страшном недоумении. Задай это Арзамасу на разрешение. Прочитай это Солнцеву и боле никому. В худой час В<асилий> Л<ьвович> рассердится: у него бывают такие минуты, как и у меня, грешного.

Д. В. ДАШКОВУ

<Конец августа 1817 г. Петербург.>

Если великан, который встретился с Вами вчера, между двух морей, на узком перешейке, — не убил Вас палицей, саблей или стихом Хвостова, то заклинаю вас всеми великанами в свете, начиная с Наполеона и до корректора той типографии, где печатается «Сын Отечества», заклинаю Вас великаном Карабановым: напишите к Свиныну о выправке. Нет ли меня в числе? и не буду ли в будущих? — Не забывайте нас, любезный Дмитрий Васильевич, и, если Вы уже в царстве мертвых, к сожа-

лению живых, — то являйтесь к нам изредка *в подобье тени*: мы будем приветствовать Вас вином и цветами; мы будем обедать с мертвецом и упиваться, как с живым. *Questo é saper, questo é felice vita!* * Жизнь наша, сказал мудрец, преходит как знак на камени. *E un Eсо, unsogno; anzi del sogno un'ombra* **. Славно потерять ее на поле чести и оставить потомству славное наследство: имя! Еще во сто раз славнее ознаменовать ее каким-нибудь полезным подвигом; идти по следам Геркула, который очистил берега Европы от великанов и разбойников, — и там столпы свои поставил, где свету целому предел? Вы также поразили многих Гигантов; сторукий Бриарий Хлыстов лежит полумертвый в лавке Глазунова. Великий Орион, славянин или варяг, историки до сих пор не согласны, Орион, ученик Атласа-Курганова, издыхает в пыльном книгохранилище, — не спасла его сила и храбрость неимоверная! Ни великий колпак наподобие пси! Ни латы хитро кованные из Четьи-Минеи и Пролога серебряными застежками, отъятыми рукою искусного Усмаря у Киевского требника... Погиб, чудовище. Идох мимо и се не бе! — Тщетно израненная рука мертвеца силится ухватить тростие и начертать, по старой привычке, несколько строк из Псалма или из пророчества Аввакума! все напрасно! И кто, кто поразил чудовище? Вы, Милостивый государь. И так Вы же поразите незнакомого рыцаря, которого мы встретили вчера, при свете фонаря и троякой Фебы. Я спокоен на ваш счет. Живите для славы, друзей и отечества.

Катерина Федоровна ждет ответа с нетерпением. Уведомьте ее, Бога ради, милый Дмитрий Васильевич.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

13 сентября 1817 г. <Петербург.>

...Ты спрашиваешь: что я для себя стряпаю? ничего. Спроси у Северина: он лучше моего знает. Надеюсь на его дружбу. Если то, чего он желает, не удастся, то полечу в Тавриду лечить грудь мою и рассеять тоску и болезнь на берегах Салгира, на высотах Чатырдага и на благовонных долинах Поморья. В ожидании сего пью лекарство и вижусь с Жуковским. На него весело глядеть

---

* Это значит знать, это — счастливая жизнь! (ит.)

** И эхо, мечта, вернее, тень мечты (ит.).

моему сердцу и грустно, когда подумаю о разлуке. Он на днях едет к вам. Северин мелькнул и исчез. Остается здесь Арфа. Душу ее можно сравнить с Аретузою, которая, протекая посреди горькой стихии, не утратила своей ясности и сладости природной: посреди шума и суеты всяческой Тургенев день ото дня милее становится. Блудов — ослепительный фейерверк ума. В Арзамасе весело. Говорят: станем трудиться — и никто ничего не делает. Плещеев смешит до надсаду. Карамзины здоровы. Поклонись Гусю Вот я вас, а еще лучше сделаешь, если напомнишь обо мне княгине, которой я усердно и низко кланяюсь. Дай Бог, чтобы все твои и ты сам были здоровы. Очень крепко обнимаю тебя, мой милый и добрый Вяземский...

В. А. ЖУКОВСКОМУ

〈Январь 1818 г. Петербург.〉

Благодарю тебя за два твои воззвания: они меня оживили надеждою. Головы не мог обрить, ибо должен выезжать ежедневно и *хлопотать*. Можешь посудить, весело ли провожу время. Забот множество: все время похищено. Ничего не делаю и глуплю посреди рассеяния. Когда кончится это, не знаю. Желая, чтоб судьба моя решена была: или остаться, или ехать. Здоровье изменило, с ним — музы и счастье; но дружба твоя не изменит моему сердцу, милый Жуковский: она стоит чего-нибудь. Обними Северина и пожелай ему счастья. Обними Вяземского. К первому не пиши: ему теперь не до меня. К Асмодею писать буду, а прошу сегодня сказать ему, что я не берусь издавать стихов его: я здесь не останусь. Лучше поручить это Блудову. Он, верно, согласится, ибо любит Асмодея и лучше моего смастерит. Но вырви у него решительное слово: *печатать!* Давно пора! Напечатать книгу есть условие с публикой дорожить авторскою славою, а Вяземский в состоянии сдерживать такой договор.

Жихареву пьяному поклон — и пожелай жажды; тебе желаю жажды стихов, которую ты не утолишь в Гребеневском ключе, а в собственной душе, из которой извлекаешь прекрасное. Извлеки из нее «Русалку» или что-нибудь подобное. Василья Львовича обними и — прости. Б.

〈Февраль 1818 г. Петербург.〉

Благодарю душевно пророчицу за письмо Светланы, которая похабствует с Жихаревым, а еще более благодарю за статью о Стурдзе, которую прочитал с великим удовольствием. Она истинно прекрасная, и такова будет статья о Радищеве (заметьте, прошу, Радищев интереснее Стурдзы для русских). Горе Вам, что писать не хотите! вот мое пророчество. Пишите. Посвятите прозе три, четыре года, и у вас Слава в горсти. В ваши лета, с вашей опытностью и сведениями надобно писать прозу, и можно.

Возвращаю Вам Мармонтеля и прошу 9 части. Кар〈амзина〉 не возвращаю, ибо не могу проглотить замечаний. Это дрисва после амврозии, Шихматов после Жуковского. Румянцев зовет обедать. Не угодно ли завтра за мной в третьем часу? Я буду ожидать Вас одетый.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

9 мая 〈1818 г. Петербург.〉

...Не забывай приятеля своего. Он отдыхает мыслями при тебе и благодарит судьбу за твое дружество. На днях увижу Жуковского, которого, побранив за *Немногих*, буду хвалить за стихи на рождение великого князя: они, говорят, прекрасны и достойны его гения. Блудов уехал; Северин здесь; Полетика отправился в Америку; Тургенев пляшет до упаду или, лучше сказать, отдыхает в Москве; брат его все в делах; Уваров говорил речь, которую хвалят и бранят. В ней много блистательного, Вигель потащился с Блудовым. Вот история Арзамаса. Забыл о Пушкине молодом: он пишет прелестную поэму и зреет. Что ты пишешь? Что бы ни писал, мы все прочитаем с радостью: ты наша надежда. Не покидай музу. Что без нее в жизни? Пожалей обо мне; я ничего не пишу и долго писать не буду... до времен счастливейших! Обнимаю усердно тебя, милый и бесценный друг. Если вздумаешь писать, то адресуй письмо к Карамзину: он будет знать о месте моего пребывания; еду к нему, вручу ему это письмо и прощусь после обеда. Как ни скучен Петербург, но там, где живут Карамзины, Салтыков, Уваров, Тургенев, Северин, можно найти веселые мину-

ты и отдохнуть умом и сердцем. Прости в последний раз до Тавриды. Обними детей, которые меня знают под именем *дурака*.

А. И. ТУРГЕНЕВУ

10 сентября (1818 г. Москва.)

...Сверчок что делает? Кончил ли свою поэму? Не худо бы его запереть в Гёттинген и кормить года три молочным супом и логикою. Из него ничего не будет путного, если он сам не захочет; потомство не отличит его от двух однофамильцев, если он забудет, что для Поэта и Человека должно быть потомство. К〈нязь〉 А. Н. Голицын московский промотал двадцать тысяч душ в шесть месяцев. Как ни велик талант Сверчка, он его промотает, если... Но да спасут его музы и молитвы наши!...

Д. Н. БЛУДОВУ

〈Начало ноября 1818 г. Петербург.〉

На сих днях отправляюсь в Неаполь. Отъезжая, долго поставляю побеседовать с почтенною Кассандрою, которая забыла свой Арзамас, и Беседу, и Академию. Но мы не забыли ее. Мы огорчились, услышав о ее внезапной болезни, и обрадовались скорому выздоровлению. Дай Бог ей здоровья и всему семейству ее. Спешу возвестить ей наши новости, а в конце письма стану говорить о себе. Карамзин живет в доме Кат〈ерины〉 Фед〈оровны〉, и мне сосед. Мы видимся часто, хотя Кар〈амзин〉 и вступил в Российск. Академию и на днях будет читать речь в ее услышание. Жуковский и Филарет также членами *оной Академии*. Но первый за эту честь заплатил дорого: так простудился, что по сию пору лежит и бредит. Болезнь его может превратиться в неизлечимую, если он не вспотеет вовремя. Шутки в сторону, он болен, Плещеев болен, Салтыков болен, Уваров болен. Все мы платим дань отечественной осени, которая, как вы видите, не благосклонна Арзамасу. Возвратимся к Академии. На другой день торжественного вступления в оную Жуковс〈кий〉 явился к нам бледен как мертвец, как вышедший из Трофония пещеры, рассказывал нам чудеса и поручил мне возвестить вам о своем низшествии в лимб академический, который,

без сомнения, ниже лимба Беседы. «Северная почта» возвестила публике: что Жук(овский) и Фил(арет) поступили на *упалые* места, и редактор оной заметил, что слова *упалые места* есть собственное выражение Академии. Упалое место, говоря о праздных местах, пустых или порожних академических *, очень забавно, и замечание редактора остро и зло. Академия дышит злобою на «Северную почту», а мы насмеялись досыта, сожалея, что вас здесь не было по сию пору, почтеннейший друг наш.

Loïn de nous que faisiez vous alors? * Английс(ие) ученые и английс(кие) Хвостовы не столь забавны, как наши. Здесь «Дунциада» Попе могла бы быть веселее и смешнее. Но я покидаю любезное отечество и, через Вену и Флоренцию, спешу в Рим (на который я и взглянуть недостойн!). В Неаполе буду ждать ваших писем, ибо уверен, что вы удостоите ответом. Вам стыдно забывать меня и оправдываться ленью. Я знаю, что Вы не ленивы любить друзей, а из числа их я усерднейший. Ваше письмо меня истинно обрадует. Возвратимся к Петербургу. Тургеневы здоровы. Старший ни в доброту, ни в любезности не изменился. Пишет отчет биб(лейского) общества и зарыт в катехизисах, Николай — в политич(еской) экономии. Сверчок начинает третью песню поэмы своей. Талант чудесный, редкий! вкус, остроумие, изобретение, веселость. Ариост в девятнадцать лет не мог бы писать лучше. С прискорбием вижу, что он предается рассеянию со вредом себе и нам, любителям прекрасных стихов. Жуковск. пишет глаголы и погрузился в грамматику. Я не пишу. Когда мне? От Северина прямо или из Ахена чрез кого-нибудь имеете о нем известия? Я его здесь не нашел и не имею прискорбного удовольствия обнять его после ужасного несчастья. Дашков занят очень своей должнoстию, но грустит беспрестанно. Вот вся история нашего Арзамаса! Да! кстати! чуть было не забыл о Вяземском. Он написал громаду прекрасных стихов, живых, исполненных благородных мыслей и смысла. Вас. Льв., которого я видел в Москве, пописывает по-старому. На сей раз доволи но. Заклучу мое письмо, пожелав Вам благоденствия, долгоденствия и ясной погоды. Из Неаполя пришлю вам *немного солнца* и землетрясения, если вы до него охотни-

---

* Как ни скажите, все странно!

* Что вы делали тогда вдали от нас? (фр.)

ки. Страшают меня разбойниками и кинжалами. Но Ариоста не ограбили близ Флоренции. Я не Ариост, но его цеха: кого же убоюся? Простите, почтеннейший друг, будьте счастливы, будьте же непременно; вы сего стоите, и не забывайте

К. Батюшкова.

Милостивой Государыне Анне Андреевне прошу засвидетельствовать мое усердное почтение; прошу ее покорнейше не забывать Батюшкова. Г. Кривцову скажите, что мы о нем часто говорим с Плещеевым и Жук(овским) и Пушкиным и что я его люблю и душевно почитаю. Прошу его не забывать в туманах, тех, которые живут на солнце.

А. И. ТУРГЕНЕВУ

24 марта 1819. Неаполь.

...Как бы то ни было, надобно ко всему привыкать. Напомните обо мне Карамзиным. Скажите им, что в Баии мы вспоминали их с графом де-Бре посреди роз и развалин. На прелестнейшем берегу, окруженный тысячами воспоминаний, я буду писать к ним при первом удобном случае. Просите Пушкина именем Ариоста выслать мне свою поэму, исполненную красот и — надежды, если он сам возлюбит славу паче рассеяния. Карамзин говорил речь в Академии; не пропляшет ли чего-нибудь и Светлана? Что она поет теперь и на какой лад? Я получил от Дашкова письмо, в котором он вздыхает об отечестве. Будьте же счастливы там, друзья мои, и верьте, что вас люблю, люблю и буду любить...

ПЕРЕПИСКА
П. А. ВЯЗЕМСКОГО и А. И. ТУРГЕНЕВА

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

29 октября 1813. Остафьево.

...Лобзаю щедрую десницу и забываю роптания. Но только, мой милый, ты мне говоришь о каком-то прежнем письме,

А я того письма не получал,
Тургенев мой ленивый,
И этому дивлюсь! Тебе ж оно не диво,
И сам себе ты мыслишь молчаливо:
«Да как и получить, когда я не писал!»
Признайся: ключ загадки я сыскал?

За одним разом отделаюсь от стихов: у вас какой-то Грузинцев, который пишет стихи, как наш князь из грузинцев, издал поэму: «Спасенную Россию». У нас кто-то, большой неохотник ни до Грузинцева, ни до грузинцев, сказал со вздохом:

Кутузова рукой победной
От дерзких пришлецов Россия спасена,
Но от дурных стихов твоей поэмы бледной,
Ах, не спаслась она!

Теперь примемся за дело. Благодарю тебя, мой милый Тургенев, за твое письмо и за твой зов из Петербурга; будь уверен, ты — частица, и частица немалая, магнита, привлекающего меня к берегам Невы. Зараз отделаюсь от всех своих дел и прилечу к вам, как летают с женою и малюткою и дюжиною *de valets insolants* *. Желал бы очень, хотя и на плечах, притащить и Белевского нашего Тиртея и Горация-Эпиктета; но кажется, он на все наши приглашения нам поет:

Прочь от вас Катон, Сенека
И угрюмый Эпиктет!

---

* грубых слуг (*фр.*).

С нетерпением ожидаю его стихов к тебе, о которых он мне ни слова не говорит, хотя мы с ним ведем самую частую переписку. Я намерен, если не удастся мне выманить его из берлоги, съездить к нему перед поездкой своею в Петербург, как набожные люди ходят поклониться мощам святого или как в Москве старухи ездят ко *всем скорбящим* перед отъездом своим из города.

Ты шутишь надо мною, когда говоришь, что ты мне желаешь уединения и охоты к трудам мирным. Жуковскому — так, но мне к какой стати? Мне ленивейшему, мне пустейшему и неспособнейшему из смертных! Перекрестись, Тургенев; ты, верно, хотел о Шаликове говорить.

Я давно уже знаю и давно говорю, что я *ноль*: с другими числами могу что-нибудь значить, один — ничего. Жалей обо мне или нет, но верь мне, потому что я говорю правду. <...> Я только тем и беру, что не даю никогда себя хорошенько разобрать.

Зачем ты мне ничего не говоришь о Батюшкове: я крайне беспокоюсь о нем, и новая победа придает мне страху. Признаюсь тебе, хотя донес бы ты на меня и «Сыну Отечества», я десяти побед не возьму за Батюшкова. *Que diable allait-il faire dans cette galère?* * И особливо же в то время, как все уже кончается, но, однако же, все еще, по несчастию, довольно вовремя, чтобы воротиться без головы. Я одним дуракам велел бы ходить на войну: им терять нечего. Например, Невзоров убитый что потерял бы, кроме брюха и гузна, Хвостов убитый — кроме подогнутых колен, Шаликов — кроме грузинского носа и так далее.

Пишет ли к тебе швед-Блудов, который, говорят, скучает, как немец. Поклонись ему от меня: я его душевно люблю и душевно желаю, чтобы он скорее воротился в Петербург. Зачем нашей братии скитаться, как жидам? И отчего дуракам можно быть вместе? Посмотри на членов Беседы: как лошади, всегда все в одной конюшне и если оставят конюшню, так цугом или четвернею заложены вместе. По чести, мне завидно, на них глядя, и я, как осел, завидую этим лошадям. Когда заживем и мы по-братски: и душа в душу, и рука в руку? Я вздыхаю и тоскую по будущему. Увижу ли я его и увижу ли как желаю? А то иное будущее и настоящего

---

* Кой черт понес его на эту галеру? (фр.)

хуже. Дело не в том, чтобы зажить иначе, но чтобы зажить радостнее.

Николай Михайлович благодарит тебя за твое о нем воспоминание: он у меня в Остафьеве с самого приезда из Нижнего, но на днях переезжает в город, и мы с женою остаемся одни. Прости, мой милый Тургенев!

Живи здоров, не забывай забот, ни скуки
И веселись, и розы рви одне,
И не бери вовек Хвостова в руки,
Но иногда бери перо ко мне.

Ветер дует, плюет, сует; но я не Шишков и этому не радуюсь, а зябну...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

29 января 1816 г. Москва.

С трепетом беру перо в руки: не помню, в ссоре ли мы с тобою, извините: с вами или нет; но помню, что во всю зиму не получал от тебя или от вас, если мы в ссоре, ни пяти строк, кроме тех, которыми были умараны конверты двух писем, попавших в две огромные руки твоего или вашего превосходительства. (Если мы не в ссоре, превосходительство вышереченное будет по арзамасской табели о рангах; если в ссоре, то по адрес-календарю о жидовских и христианских комитетах).

Я был в горе, был в хлопотах и теперь бьюсь, как рыба об лед, и, следственно, заслуживаю прощение, если писал редко; но ваше превосходительство, которое до дна ежедневно осушаете чашу счастья и удовольствий, веселитесь, как рыба на солнце, плаваете в наслаждениях, как карась в пруде и, кстати говоря о рыбах, так же с друзьями своими немые, как и оне, вам непростительно и грешно забывать о тех, которые помнят и любят вас и посреди страданий душевных, и посреди забот тяжелых и скучных. Простите, жирная и безмолвная превосходительная стерлядь! Сегодня буду любоваться вашим подобием на бригадирском столе его сиятельства графа Федора Андреевича Толстого.

Во всем на стерлядь он похож:
Он, как она, и нем, и жирен, и пригож —

стихи к портрету Александра Ивановича Тургенева...

20 апреля 1816 г. Москва.

Здравствуй, моя Тургенешка, и благодарствуй за письмо и за обещание будущих благ, то есть частых писем, приезда в Москву и присылки колчана, которого ожидаю с нетерпением и с гневом, разумеется, на тебя, потому что ему давно уже надобно быть у меня. <...> Но прежде всего высылайте мне скорее свои образины: я очень ими дорожу. Что делает Громобой? Не убило ли его громом? Он ко мне ни слова не пишет, ни басен Крылова не присылает, ни денег от меня не требует. Овидий-капуцин Батюшков здоров, то есть не очень здоров и телом, и душою: в носу насморк, и в сердце, и в уме то же. Он скоро будет посажен в желтый дом моим состраданием. Силы нет видеть, как он капуцинит. Утешьте его: сделайте старостою его в Библейском обществе, как Пушкин в Арзамасском. Радость эта его приободрит.

Винюсь перед Громобоем: сейчас получил я от него письмо, но за то гнев мой против тебя усилился. Я и от канцлера имею письмо сегодня, а ты, ленивый и сдобный папошник, не только не писал ко мне, но и перьев не высылаешь. По какому праву задерживаешь ты их, всеобщий и вековечный задержатель? После того ты еще хочешь, чтобы я присылал к тебе мои письма к Жуковскому. Когда я к нему пишу, мне прибыли мало будет оттого, что письмо проваливается у тебя две недели на столе с чухонскою Библиею, с чухонскою одою Хвостова и с тарелкою чухонского масла. Однако же сегодня делать нечего: поневоле пишу к нему через тебя, многотрудного потока забвения и беспорядка. <...>

От души поклон арзамасскому гусятнику. Громобоем буду отвечать по той почте. Котенка царапни за меня. Он обо мне и в усенки не дует. Экой Васька!

Единственной чете поклон от души, от сердца, от чувства, от рассудка, от ума, от воображения. Муза моя грозитя на них стихами, но нет перьев. Ты, пожалуй, нарочно подшутишь и не пришьлешь их из ревности ко мне, а может быть, и из жалости к ним, то есть к чете. Ты, пожалуй, спросонья подумаешь, что я говорю из жалости к первым...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

15 июня 1816 г. Москва.

Здравствуй, милая Тургешка! <...> Вот эпитафия Пушкина его сочинения и с нашими вариантами:

Здесь Пушкин наш лежит; о нем скажу два слова:
Он пел Буянова и не любил Шишкова.

Варианты Батюшкова:

Здесь Пушкин наш лежит: на нем лежат два слова:
Он пел Буянова и пр.

Мое:

Здесь Пушкин и пр.
Учился у Тальмы и прочил Шишкова.

Прости! Причту Арзамасскому поклон.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

5 июля 1816 г. Москва.

Не у тебя ли осталась переписанная тетрадь моих старых грехов во имя Феба? Пришли мне ее, моя Арфа — Александра Ивановна. Тебя ждать сюда надобно, кажется, с таким же успехом, как хорошего стиха от Хвостова или доброго дела от Кутузова. Бог с тобою! А мы здесь веселимся да топим добрых людей. Предрассудок Николаевич Батюшков неможет; Василий староста считает по пальцам стопы своих стихов и, умножая каждый стих по двенадцати, радуется огромности своих творений. Я сижу у берега и жду погоды или солнца, то есть тебя, мой красный месяц, радуга моего благополучия, затмение всего дурного. Где наши две северные звезды, женские Кастор и Поллукс? <...> Где Жуковский? Ради Бога, скажи, где Жуковский и что Жуковский? Прости, моя душа, мое сладкое мясо, обнимаю тебя от всей души. Пришли тетрадь, ту, что ты имел от Предрассудка Николаевича.

5 октября 1816 г. Москва.

Что за чудеса пишешь ты ко мне? Ослы сделались себьедами, Смирнова на меня сердится за то, что надоела мне, «Буянов» напечатан? Сила крестная с нами! Ради Бога, пришли «Буянова»: мы станем здесь продавать его в пользу наследников автора. Да, бедный Пушкин умер в Козельске. Несчастный стих засел у него в горле: тетка послала за докторами и за учеными. Съехались и решили, что непременно должно погибнуть стиху или стихотворцу. Пошли споры, толки и, наконец, общим мнением положили сделать *кесарскую операцию* и на всякий страх спасти творение, хотя и на счет творца, но, увы, тесно связанные взаимным родством и сродством, оба сделались жертвою пагубного инструмента. Сообщи печальное известие Карамзиным, Арзамасцам и всем чувствительным сердцам. О ты, Эолова Арфа, достойная соперница трубы стогласной молвы,

Скажи, что Пушкин мертв, восплачь и отдохни!...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

1 марта 1817 г. Москва.

Я сгоряча написал в своей басне глупость, сгоряча отдал ее в Общество; не знаю, с чего прочли ее, оставя ошибку. У меня рифмою *к ней* служит слово *в ней*. Может быть, и ты не заметил моей шалости. Поправь ее вот так:

При счастье чванство впрок бывает у людей,
Но что, скажите, в нем, как счастье к нам спиною?

Так как ты ко мне вовсе не пишешь, и я обращусь к тебе спиною или чем другим пониже и оставлю тебя. Отошли письмо по надписи и скажи Блудову, что я потею над Озеровым.

Дай Бог, чтоб этот пот
Принес хороший плод,
А не такой, как тот,
В котором тонет Вот.

Примечание: Василий Львович Пушкин, по слабости лет, одержим неиссякаемым потом. Посылаю последнее испражнение Старосты.

26 марта 1817 г. Москва.

Где ты, где ты? Что ты, что ты? Как ты, как ты? Если бы ты не писал ко мне с месяц или два, то я жаловался бы на твою лень и попенял тебе за то, что ты меня так жестоко забыл; но теперь, когда ты не писал ко мне с полгода, я уже не знаю, что тебе сказать, как тебя пристыдить и чем привести в совесть. Ты, мне кажется, бессовестнее Шаликова, когда он заставляет своих сестер, Макарова и всю Пресненскую часть слушать его стихи и, подобно Фемистоклу, говорит зевающим слушателям: «Зевайте, но выслушайте». Нет, ты не Тургенев; ты — скучный и досадный Шишков; твой родитель был гневный Шаховской; ты воспитан на скамьях Беседы, учен читать по трагедиям Висковатова и ходишь в кафтане, подбитом листами «Сына Отечества»; я тебя не знаю и жалею, что любил тебя некогда. Посуди, как должно страдать мое самолюбие, не получая ответа на мои письма, когда и письма из Москвы в Нижний пишутся не тщетно. Неужели мой глупее и скучнее? Это сомнение меня убивает. Воскреси меня! Нынешние дни легки для воскресения. Ожидаю чуда и с волнением, трепетом и надеждою обнимаю тебя. Приведи меня на законный путь: я с него давно совратился, и ничто, как твое письмо, не докажет мне, что мертвые воскресают, хотя на Пасхе трехдневной, но полной шестимесячной смерти.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

29 июня 1817 г.

Здравствуйте, любезные друзья: Тургенев, Жуковский, Северин или, правильнее, Эолова Арфа, Светлана и Кот! Пишу к вам из деревни Прасковьи Юрьевны, где, слава Богу, нашел все в изрядном порядке. Не удалось мне попраздновать в недрах Арзамаса тезоименитства своего. Каков Соковнин! Надобно бы наложить ему заочное наказание в отказах арзамасских; например, учредить его бессменным сторожем всего, что выйдет из г -- Арфы и из м п -- Громобоя. <...>

Будешь ли в Москву, моя Светлаша? С каким наслаждением провел бы я с тобою несколько дней под тенью Остафьевских дерев:

Там наших дней хранится старина.

<...> Прощайте, ребята! Вас я и не зову в Остафьево, прибитые седалищем, один — к дипломатическому стулу, другой — к архимандритским креслам. Но всех обнимаю и прошу разделить мои лобызания со всем Арзамасом...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

27 августа 1817 г. Красное Село.

Здравствуйте, мои Арзамасцы! Что сказать вам с берегов Волги? Лучше ничего не придумаю, как то, что я взял с собою на дорогу из книг: Жуковского и «Кума Матвея», или «Кума Матвея» и Жуковского. Подите, дивитесь после играм судьбы! Скорее, кажется, случись хороший стих с стихом Хвостова или Глинку с здравым смыслом. Я могу сказать о себе справедливо:

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный.

Спроси у Жуковского, не икалось ли ему? Чего доброго, я думаю, не обошлось и без ночных грез? Бедняжка! Он и придумать не мог, отчего такое божеское напущение; а всему причина Асмодей второй в угодность Асмодея первого. Знай наших! Простите, голубчики! Более сказать нечего. Проживу еще здесь дня четыре на подножном корме и возвращусь в Остафьево, где надеюсь найти «Вадима» и хорошие вести от вас.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

24 августа 1818 г. Варшава.

...Ради Бога, скажи, как позволяют Каченовскому так ругаться Карамзиным, и в журнале — почти правительственном, ибо он издается университетом? Я вовсе не приверженец самовластных мер; но у нас, где свобода печатания не разрешена, где об актере придворном говорить запрещается, не само ли собою разумеется, что честь писателя, снискавшего уважение сограждан, и отличные знаки благоволения государя и званием государственного историографа причисленного к чином госу-

дарства, должна быть ограждена законами от ругательств презренного мерзавца? <...> мне досадно видеть эту нелепость правительства, которое кричит караул, когда дотронешься до Злова, а Карамзина предает на ругание площадной черни. Я знаю, что Оболенский мыл голову Каченовскому за какие-то стихи, анакреонтические или эпикурейские, напечатанные в «Вестнике», а теперь он молчит. У нас и самое самовластие умеют еще подгадить; эту ядовитую траву употребляют только, чтобы отравливать людей, а никогда не воспользуются ею, где придется случай выжать из нее сок, для иных болезней целебный. Что имеет в себе вредного свобода печатания? То, что честь гражданина предана на оскорбление первому вралю. Поди после судись, но пощечина на щеке. У нас же только тогда и снимают с нее оковы, когда должно было бы связывать ей руки. Знаешь ли, я не узнаю в слоге этой статьи из Лужников, то есть из н - -, Каченовского. Прости, Господи, мое прегрешение: уж не Апостол ли? Право, есть какая-то его замашка. Жаль, что нет ни Блудова, ни Дашкова! Стыдное дело, что Арзамас молчит!...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

20 октября 1818 г. Варшава.

Вот тебе еще мой: брекеке, коах, коах! А ты, злодей, и поешь мне:

Бесславые примыкает к славе,
Друг Вяземский, ты на мель сел:
В Москве умно ты врать умел,
Умей умно молчать в Варшаве.

Пожалуй, ты скажешь, что и этот выкидыш не в ба-тюшку. Но Бог с тобой! Знаешь ли ты, что ты, однако же, меня обидел. Скажи Василию Львовичу, что он поседел, Козодавлеву, что он исподличался, Хвостову, что он испутился; ты врежешь им нож в сердце, потому что давно зеркало, которое та же совесть, или совесть, которая то же зеркало, им то самое сказали. Я и так крылья поджал в унынии, а ты тут же на меня. Скажи Жуковскому в воскресенье, что он пьяница; он навеки с тобою поссорится, потому что суббота у него тут еще на плечах и в голове, и в глазах посоловевших, и на языке побе-

левшем. Со всем тем благодарю от души за письмо, которое тоже вовсе не в батюшку. Как, четыре страницы, кругом исписанные! Да ты стал Геркулес, в добрый час молвить, а в худой промолчать. Главное для меня то, что *онье стихи* тебе и брату твоему понравились. Только растолкуйте мне, что значит в твоём письме: «*двум молодцам будет по товарищу*». Без меня не печатайте, если сделаете какие-нибудь поправки. Этот Жуковский — злодей; он, как медведь: чтобы муху согнать со стиха, стих наповал убьет. К тому же в нем нет капли конституционной крови. Что говорит Николай Михайлович о этих стихах? Я про них ему и заикнуться не смею. Ради Бога, если ему покажете, то скажите, что они Василья Львовича, а Василию Львовичу, что меня за них сошлют в Сибирь, как только государь возвратится из Ахена. Я надеюсь, что Жуковский на меня не сердится за то, что к нему не пишу.

Ты точно он другой!
Вы вместе милы мне! Вы вместе мне священны!

А к тому же писать ему — то же, что в вист играть с деревянным мужичком: ни ответа, ни привета! Как хочешь ему сдавай, а все он козырять не станет...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

8 ноября 1818 г. Варшава.

Ну, если вы и это не сейчас напечатаете, то я клянусь всеми богами и чертями академий, бесед, ученых и Библейских обществ, что пера не возьму в руки, пока Жуковский не издаст полных творений Хвостова, Батюшков не напишет элегии: «*Оживающий (то есть приходящий в себя) Мерзляков*», Варвик Иванович не посвятит своей книги Козодавлеву, а ты, злодей, не променяешь Свечину на Шишкову. Я не шучу: эта штука самая сыноотечественная и арзамасская, самая Вяземско-Герасовская, обоюдный нож, леденец с перцем, ничего и много, все и мало, лисий хвост и волчий рот. У меня еще было кое-что на уме, но и так предисловие мое не в меру. Но дайте срок: это лучший способ пропускать запрещенный товар. Ложка меду и бочка дегтю — и я вымарю многих. Поправьте, если что не ладно, и отдайте переписать Нагибину и напечатайте. Потешьте меня, голуб-

чики! Нелединский в одиночку пил против зеркала; мне здесь некому читать: дайте мне хотя себя почитать по-печатному и против зеркала охорашиваться и притопыриться. Я и то хожу, как убитый, и пою с Сумароковым:

Савушка-Сава,
Где твоя слава?
Ой, ты, Варшава!

Мне что нравится в сумароковской истории? То, что я отсюда вижу его, как он, мертвецки пьян, лезет на сцену и кричит по - -... Батюшки, как надобно писать: *по-матерни*, или *не*, или *нему*? Спроси-ка у академика Жуковского: он теперь должен знать. Мне кажется, будто я вижу Мерзлякова, который в Беседе нашей московской чуть не колотит Антонского, который мастерски описан Воейковым:

Превосходительный профессор наш Ханжеев!
Всем недоволен он, всех судит, всех бранит,
А сам... под верный лишь заклад благотворит.

〈...〉 Хорош и ты! Неужели ты не разнюхал моего сердца и не видишь, что я шутил, когда жаловался на твою критику. Черт вас всех передери и раскроши в крошку! Кто просит вас печатать мои стихи? Скоро ли или долго ли, — мне до этого дела нет, а дело в том, чтобы этот тигр, крокодил-академик прислал мне свои замечания. Мне и Николай Михайлович пишет уже о них, а этот учитель-мучитель не может решиться написать мне страничку. Да что ему стоит, уже не деревянному мужичку, а деревенскому мужику, позвать к себе Нагибина и продиктовать ему, что у вас на уме о стихах моих. Ради Бога, вступишь и защити! 〈...〉 Но пуще всего, пришлите ареопагские, то есть арзамасские замечания, пока я еще не совсем простыл. Я чувствую в себе некоторую ярость: могу многое исправить и кое-что прибавить...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

3 декабря 1818 г. Варшава.

Здравствуй, душка! Мне пришлось поговорить с тобою не в очередь. Но что мне говорить? Твои письма,

как лучи на Мемнонову статую: есть письмо, — и я умен, любезен часа на два, то есть, пока готовлюсь писать, пишу и перечитываю; писем нет — и я камень. Но я посылаю книги к Ивану Ивановичу в Москву через тебя. Совестно пройти по тебе, как по мосту; к тому же я еще не всего Жуковского высадил из сердца. Скажи правду: неужели все его замечания справедливы, и своим ли или арзамасским был он отголоском? Закажи Сверчку пропищать мне то, что он о моих стихах думает. А от Жуковского вытяни как-нибудь при целовании креста признание: по совести ли он так растерзал меня или против совести, как против шерсти?...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

6 августа 1819 г. Варшава.

Послушай, ты до того наумничаешь, что я тебя и вовсе брошу: потому, что не мог, как муха, за — — чужого ко мне письма, то и строчки не пишешь! Прошу покорно не слишком фенелонствовать, а не то не Ментор пырнет в воду Телемака, а Телемак такого даст тумака преподобному Ментору, что на веки веков бултыхнет его на дно. Между тем вот тебе записка, по коей прошу учинить справку. Жара смертоносная, скука поносная, но не в твоём смысле; в твоём обиходе я вовсе от работы отстал и от письменного стола меня оттягивает, как тебя тащит к обеденному. Что делает Батюшков с *carbopari* *? Пишет ли он к вам что-нибудь? <...> Прости, моя радость, а я ничего скучнее радости своей не знаю; прости, моя душа, а моя душа пресна, как вялая рыба или Кутузова стих. Смотри, держи ухо востро! Долго баловать тебя не стану: стоит только раз развязаться, а там ни сам черт не навяжет...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

7 августа 1819 г. Варшава.

...Знаешь ли, что в Жуковском верхнейшая примета его чародейства? — Способность, с которою он себя, то есть поэзию, переносит во все недоступные места. Для него дворец преобразовывается в какую-то святыню, все

---

* карбонарии (*ит.*).

скверное очищается пред ним; он говорит помазанным слушателям: «Хорошо, я буду говорить вам, но по-своему», и эти помазанные его слушают. Возьми его «Славянку», стихи к великой княгине на рождение, стихи на смерть другой. Он после этого точно может с Шиллером сказать:

И мертвое отзывом стало
Пылающей души моей.

«Цветок» его прелестен. Был ли такой язык до него? Нет! Зачинщиком ли он нового у нас поэтического языка? Как думаете вы, ваше высокопревосходительство, милостивый государь Иван Иванович, вы, у коего ум прохолодил душу, а душа, не совсем остывшая, ему назло согревает ум, вы, которые вообще правильный и образцовый стихотворец, а иногда порывами и поэт? Как думаешь ты о том, пуншевая стеклянка, не постигающий тайны языка стихотворного, но посвященный на тайны поэзии, ты, который пропил все свои поэтические пожитки в Беседе московской, Аполлоном разжалованный Мерзляков? Что вы ни думали бы, а Жуковский вас переживет. Пускай язык наш и изменится, некоторые цветки его не повянут. Стихотворные красоты языка могут со временем поблекнуть, поэтические — всегда свежи, всегда душисты. В старом цветнике французов Марот еще благоухает и поныне. Ты мне отпевал Козодавлева, я могу воспевать тебе Жуковского: мы квиты...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

29 августа 1819 г. Варшава.

...Читал ли ты библейскую речь Орлова? Как приняла ее у вас? Это не мне чета, а меня цензура в тисках держит. Я ее читал с отменным удовольствием: много не-правильности в слогое, но всегда сила, всегда живопись, везде отпечаток ума бодрого и души плотной. Я ему пишу, что по всем правам ему принадлежит чин Асмодея, а я — Асмодеюшка. Я никак не понимаю, что дали ему киевские чернокнижники читать это. Как ловко отделался он от церковного пустословия: текстов, Моисеев, духовных гладов и прочего, и прочего. Ну, батюшка, оратор! Он и тебя за пояс заткнул: не прогневайся! Вот пустили козла в огород! Да здравствует Арзамас! Я в восхищении от этой речи и все еще в надежде, что она так с рук ему не сойдет...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

Начало марта 1820 г. Варшава.

...Читал ли ты «Летописи» московского Общества, год III? Это — библия глупости. Отыщи на 22-й странице письмо Хвостова: настоящая притча! *Герой в словесности, облеченный в броню вдохновения!* Не могу выдержать — не выписать; может быть, книжки у тебя под рукою нет, а это золото:

«Судя по преклонности лет моих, может быть, удасться мне принести первому в Елисейские поля о решении последней задачи вашей о способностях и преимуществе друг над другом двух наших лириков... Мы водили хлеб и соль с Гаврилом Романовичем».

Я хотел бы знать, чье это золотое *преимущество друг над другом?* Хвостовщино ли, или Прокоповщино. Кто лучше: папенька или маменька? — И папенька лучше, и маменька лучше...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

20 марта 1820 г. Варшава.

...Выдай за меня сто рублей для семейства Маздорфа, о коем упомянуто в 9-й книжке, и не худо бы сделать для него Арзамасскую складку и так и отослать *из Арзамаса*. Это лучше будет, чем при каждой плевке моей выстав-
лять: *Варшава*; что за клеймо такое!...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

11 июня 1820 г. Остафьево.

...Что вы делаете, арзамасские ребята? Я здесь сижу на размазне: прошел мой мясоед. В Москве не с кем молвить слова: сухая материя халдейского разбора! Я с Булгаковыми не видался; ожидаю их к себе в Остафьево. Староста отдыхает под смоковницею. Кстати о смоковницах. Пришли мне хорошую французскую Библию. <...> Не забывай всех просьб моих; их так много, что я и сам не все упоминаю. Пеняй на себя: ты ободряешь мою наглость. Прости, Сюся! Всем нашим поклон.

24 сентября 1820 г. Варшава.

Воейков заставляет меня отдохнуть от Рембелинского, и того и смотри, что я за него примусь. Что строка, то нелепость в окончании его разбора «Руслана». Как сметь сказать, и то еще *не шутя*: «Красней, забыв должное уважение к читателям». «Вопрошает мрак немой»; если уже позволено «впрошати мрак», и конечно позволено, то как же не придать мраку эпитет: «немой»? А после этого — наврать несколько строк глупых шуток Шишковских! Нет сил следовать за такую дрянью! Не знать, что такое «гробовый голос»! Да что нам за дело, что он не знает: мало ли чего иные люди не знают. Поди спроси у наших министров, что такое ответственность министров.

Уста дрожащие открыты,
Огромны губы стеснены!

Он совсем одурел: открытый рот и стесненные губы быть вместе не могут, а уста и очень. «Мужицкие рифмы: *кругом, копием*». Мужичье примечание, так! Но в рифмах этих ничего нет ни дворянского, ни крестьянского. Нет, воля твоя, при Грече можно было показываться в «Сыне Отечества», а при таком обществе — слуга покорный! Ответ его Блудову глуп и гадок. Без сомнения, никакая книжка «Сына Отечества», со дня рождения своего, не была так унавожена, как эта...

18 декабря 1820 г. Варшава.

...Я боюсь за Жуковского: таким образом и путешествие не проветрит его. Он перенесет свою Аркадию во дворец и возвратится с тем же беспечием, с тем же, смею сказать, отсутствием мужества, достойного его таланта. Ему не душу питать нужно: она сама собою питается, и если бояться за нее, то не отощания, а индигестии, но нужно расшевелить ум, разнообразить впечатления, понятия, чувствования. Я вижу его отсюда: жмет руку немытую Гуфеланда, сравнивает ее с запачканною рукою старца Эверса и говорит:

О, сладкий жар во грудь мою проник,
Когда твоя рука мне руку сжала;
Мне лучшею земная жизнь предстала.

Жуковский тоже дон-Кихот в своем роде. Он помещался на душевное и говорит с душами в Аничковском дворце, где души никогда и не водилось. Ему нужно непременно бы иметь при себе Санхо, например, меня, который ворочал бы его иногда на землю и носом притыкал его к житейскому. Как Жуковский набил руку на душу, чертей и луну, так я набил ее на либеральные блестяшки. Вот тебе мое письмо к Василью Львовичу. Попроси брата отослать и это, и мое табашное к нему послание Михаилу Орлову. Он просит у меня моих стихов, а переписывать лень.

Я читал на днях стихотворения Carnot и нахожу гораздо более поэзии в его защите Анвера. Вообрази себе Шаликова французского, следственно, с большим дарованием: напевает Клоридам и вьет венки Филидам. Ни одного нет движения, слова личного: все без образа. Я поэт, у коего не вырвется никогда: «Я не поэт». Вот почему Ломоносов для меня поэт недоделанный. Природа забыла досветить его, и он был, как эти фейервершные штуки, которые не со всех концов загорелись. Лучше кончить не можно, как потешным огнем...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

31 декабря 1820 г. Варшава.

...Если «Послание» не напечатано еще, то выставь: *глас смелый мужества* вместо: *глас откровенности*. Какие имена выставить точками или заглавными буквами: мое или Каченовского? Моего совсем не надобно; если можно, его, напротив, крупными и четкими буквами. *Михаил Трофимович* — непременно: искусству не надобно пренебрегать союзом природы. Одно имя это — насмешка. Я еще сказал бы: *составляющему «Вестник Европы»*. От природы всякое даяние благо: должно все собирать, всем дорожить и пользоваться.

Похвала Блудова-Кассандры — конфертатив моему честолюбию. Дай Бог его пророчеству сбыться! Впрочем, вкус его — порука непогрешительная, и при его одобрении можно ожидать спокойно приговора мирового. Поблагодари его за меня: такая похвала — одобрение совести. Что скажет историограф? То-то журить нас будет! Отдувайтесь вы, наличные! Мне здесь легче будет. Зато Дмитриев без памяти будет...

28 января 1821 г. Варшава.

...Ты, верно, не читал статьи Остолопова о эпистоле во втором «Сыне»? Золото! В философическом послании «обыкновенно исследуются три вопроса: *когда, как и для чего*», и «Депрео мешал в своих посланиях съестные припасы с Людвигом XIV». Ломоносова хвалит за то, что он никогда Шувалову не говорил: «мой друг»!

Как не стыдно Воейкову печатать такую дрянь и нападать на лежачего Шаликова и ничтожить Иванчина-Писарева, который все гораздо лучше пишет многих упомянутых им с похвалою в статье о «Вестнике Европы», например, Маздорфа, никогда не перешагнувшего за десять стихов, и то с частыми падениями. Иные стихи Писарева врезаются в памяти, а я, живой памятник русских писак, не упомяну ни одного стиха Маздорфа с братиею. Шаликов мог служить игрушкой наших первых шалостей, но теперь, когда ни он, ни его род не существует, то к чему распинать его тень? По крайней мере не был он никогда прислужкой невежества и, сколько мог, и сколько можно, исповедовал благородный образ мыслей и здоровое учение...

Начало февраля 1821 г. Варшава.

...Спасибо за письмо от 26 января. Воля твоя, я принимаю предпочтительное благоволение к себе Дмитриева и поздравляю искренно его с тем. Жуковский был гражданином-песнопевцем в событиях двенадцатого года, Батюшков — никогда; где и когда мог, он ополчался против просвещения, забывая, что не нам нападать на *злоупотребление*, когда и *употребление* самое еще не в употреблении. Тот и другой не написали строки, которую цензура не могла бы благословить, а в нашем положении откупить цензорское разрешение, значит обязаться не *огласить ни одной мысли*, не исключая и *самодержавных*, ибо «История» Карамзина, подверженная горнилу Тимковского, не явилась бы в свет нетронутую. Говорить о луне с августейшим лицом можно, но с глазу на глаз; я и сам позволяю себе непристойности житейские, пью и распутствую по целым ночам с людьми, на которых краснея смотрю при рассвете, но, по крайней

мере, не оглашаю нагло своей шалости и если не совершенно *оправдательно*, то *извинительно* противопоставляю мужественный образ мыслей, смелое исповедание души независимой беспорядочным порывам чувствований своевольных и превратных...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

19 февраля 1821 г. Варшава.

...Что это за гасильные замашки в «Сыне Отечества»? Знакомая незнакомка (которой я не знаю: слава ли, совесть ли), которая *минует бюст Вольтера*, но с живым чувством взглядывает на Сократа. Я надеюсь, что посреди некоторых заблуждений Вольтер завещал свету более истин, чем Сократ. Для нас Сократ вроде Геркулеса, что-то вообразительное. Смерть его — пояс Венеры, двенадцать подвигов Алкида, а жизнь Вольтера — *учение положительное*. Да и что за нападки на нравственность Пушкина и от кого же, от племени Кутузова? Все это гнусно своим невежеством. Журнал должен иметь свою шерсть одноцветную, а не *шахматно-пегую*, по выражению Боброва; или, по крайней мере, содержать оговорки издателей, когда в присланных статьях, впрочем, хороших, находятся нападки на здравую сторону. Неужели Воейков не признает владычества этой силы, которую должно силою вбить в наше общество? Сделай милость, вколачивай ему в уши эти истины.

А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

23 февраля 1821 г. Петербург.

...Ты, сказывают, в одно время собираешься в Париж, Карлсбад, в Кострому, сюда и на год нанял дом в Варшаве. Давай Бог ноги, а то и моим не успеть за тобою. Вряд ли мне удастся быть в Карлсбаде, хотя бы и нужно и кстати было: заехал бы за Жуковским. Блудов, если будет в силах, также туда поедет. Целый бы Арзамас слетелся не на Липецкие, а на Карлсбадские воды. Между тем посылаю тебе Блудова записку о твоём «Подражании Буало» и замечания его.

«С успехом *мог*». Не *мог*, а в самом деле явил. Это погрешность Озеровская.

«*Стих* мастерство одно». Едва ли точно?

«Природе в нас зажечь». Я не очень люблю такие обороты. *C'est de la concision, si l'on veut, mais sans élégance!* *

«Упор его не вреден». Заглянуть бы в лексикон: таково ли точно значение слова *упор*.

«И с рифмой» — лишний *с*, конечно от переписчика (а переписчик ты).

Ласков, Херасков и т. д.: какие странные и прекрасные рифмы и как хороша вся эта тирада и все послание! Наш Асмодей умеет быть оригинальным в самых близких переводах.

«А рифма, *надо мной, ругаясь, мне*».

«Я в пляску *здесь*» — *NB*.

«Из од *своих бы мог*». Ай, ай, Асмодей! За уши: он оскорбляет слух!...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

29 августа 1821 г. Москва.

...Что слышно о Арзамасской братии: Жуковском, Батюшкове, Блудове, Дашкове? Зимую возьмите дилижанс да приезжайте к пустыннику святого Остафьева и не говорите: «Оставь его!» Смотрите, чтобы ни один Арзамасец без меня в Москву не приезжал!..

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

Вторая половина сентября 1821 г. Остафьево.

...Что не говоришь ты мне, получил ли ты мое известие о «Стихотворениях» Василия Львовича; а если получил, то отчего не печатаешь его в «Сыне»? Если тебе некогда печатать и нет у вас человека на примете, коему доверить можно заботы о печатании, то отошли манускрипт сюда. Мы здесь у Семена напечатаем не хуже и скорее вашего. Ты — странный человек: все откладываешь дело, которое отлагательства не терпит. У Василия Львовича воды давно уже прошли и так и прет его издание: что мучить его долгими родами?..

---

* Это, пожалуй, кратко, но не изящно! (*фр.*)

9 января 1822 г. Москва.

Много и премного благодарю вас, любезнейшая Кассандра! Но, помилуйте, зачем не написать было примечаний на особом листе и пером? Половина истерлась, надобно самому переписывать. Соглашаюсь с большею частию переправок и воспользуюсь ими по возможности и умению. Впрочем, коренного не истребишь: и я сам не люблю своего слога, то есть оболочки своих мыслей. В нем нет никакого масла: дерет, но иногда и кожу сдирает, и тогда — слава Богу.

А ты, господин Арфа, молчал, молчал, да и сказал неправду. Что сделали Державин, Кантемир, Нелединский для государства? Ничего, то есть все, что могли сделать в России, где на государственных людей возлагается одна исполнительная власть, то есть власть повиноваться. Был ли Державин то, что Обольянинов? Кантемир не почетнее ли в лице своем представлял Россию, чем Поццо-ди-Борго? Нелединский разве Мясоедов? Как же не сказать, что эти люди явились с честью на чреде государственной службы. Разве я далее не говорю, что наши государственники должны ограничиться и пользою, и молвою временною, следственно, изъясняю, в какой разряд ставлю их.

С каким удовольствием увиделся я с Дашковым! Он пробудет с нами месяц и более. Любопытен, тверд, и благонамерен, и ясновиден. Я радуюсь мысли, что буду с ним говорить: здесь почти не с кем говорить...

18 июня 1822 г. Москва.

То ли дело, как задерешь тебя? С коих пор не получал я письма, подобного последнему! Ты как Василий Львович: его арзамасскими гусями защипали, и он в послании к Арзамасцам запел лебедем. Да и твое длинное письмо чуть ли не лебединая песнь. Впрочем, я рад, что ты рассердился. Гнев — признак жизни, а для меня ты уже давно был трупом, но только не смрадным, а благоуханным. Ты — египетская мумия, хранимая в царских подвалах, но бальзамированная в лучшие времена. А ты меня считаешь мертвецом? Бог знает, кто мертвее? Сочтемся в день Страшного суда. Но когда затрубит

труба? Право, я ее не испугаюсь и не пойду искать членов своих, разбросанных по полю: мое все при мне. Ни в Марьиной роще, ни на Саксонской площади варшавской я ничего не растерял...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

15 апреля 1823 г. Москва.

...Я все стою в том, что Батюшкова можно привести в порядочное состояние, хотя некоторая тоска и будет лежать у него на сердце, и точка помешательства повредит ясность его рассудка. Как никому из вас не пришло в голову написать с эстафетою к Мюльгаузену и заклинать его проводить несчастного до Петербурга, обещая заплатить ему за это? Воля ваша, а ни в ком из вас нет догадки чувства. Этот Петербург наводит и на вас какой-то столбняк. Я пишу сегодня к Мюльгаузену, но боюсь, что письмо мое не придет вовремя; к тому же, вероятно, моя просьба не будет иметь вес петербургской просьбы, которую легко могли бы вы подкрепить участием Нессельроде. Должно сказать с растерзанною душою: «Друзья выдали Батюшкова бедственной судьбе». Как можно было выпустить его из Петербурга одного, в том положении, в каком он находился? Мы только сетовали, как бабы, а нужно было давно действовать! Все, что с тех пор делалось в его пользу, было неполно и поверхностно. Сделай милость, пришли мне письма его последние. <...>

Я писал к Мюльгаузену, что отвечаю ему за убытки, которые он понесет, провозжая Батюшкова. Надеюсь, что легко соберем в истинном Арзамасе несколько тысяч на этот предмет...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

21 мая 1823 г. Москва.

...На днях встречаются в Английском клубе Василий Львович, Дмитриев и Шаховской. — «Кажется, Василий Львович приятель с князем», говорит Дмитриев, «а не он ли сказал:

Я злого Гашпара убил одним стихом».—

«Да я за вас же и за Николая Михайловича вступался», — отвечает Пушкин. — *Дмитриев*: «Как за меня?» — *Василий Львович*: «Шаховской, скажи правду: помнишь ли, как я от тебя ушел с головою болью и поклялся, что нога моя уже не будет у тебя? Мы спорили об Иване Ивановиче. Ты говорил, что Дмитриев не умел в баснях разнообразить язык и что заяц не говорит у него по-зайчьему, а галка по-галчьему». По несчастию, я не был свидетелем этой сцены, но дорого заплатил бы за место...

А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

15 января 1824 г. Петербург.

... Читал ли в «Journal de Paris» 2 Janvier 1824 статью об «Антологии» Сен-Мора? Мейстер собирается отвечать и оправдывать Крылова. Он посадил в котел Вольтера, а не Крылов. Умница наш был осторожнее. Впрочем, поделом. «Les morceaux les plus remarquables sous le rapport de l'originalité sont et de l'agrément des pensées «Swetlana», par M. Joukoffsky, «Une épître» de m-r le comte de Kwastoff, «Les deux pêcheurs» de Gneditch et «Le Tasse mourant» de Batuschkoff» *. Если последний прочтет это, то в другой раз с ума сойдет; да я опасаясь и за радость графа Хвостова. Впрочем, тот же рецензент говорит, «que le peuple russe reçut son alphabet des mains de Pierre le Grand» **.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

5 мая 1824 г. Москва.

...Прощай! Отошли приложение к Воейкову. Дмитриев в ответах своих Хвостову на присылку новых произведений никогда не называет стихов его стихами и всегда ищет какого-нибудь иносказания, например, как следующего: «Благодарю вас за письмо и за приложение», и прочее. На днях застал я Василия Львовича, проповедующего своему знаменитому камердинеру

---

* Самые замечательные своей оригинальностью и прелестью мысли отрывки суть «Светлана» г. Жуковского, «Послание» графа Хвостова, «Два рыбака» Гнедича и «Умиравший Тасс» Батюшкова (фр.).

** Русский народ получил свой алфавит из рук Петра Великого (фр.).

Игнатию твердость и великодушие в пренесении рогов, которые всадила ему жена. «Чем же я тебя хуже,— говорил он ему,— а и я был рогоносец». «Не жалуй меня в майоры,— отвечал Игнатий,— да не — — —». Сцена была бесподобная! Василий Львович утешал его от доброй души; представь себе притом, что вся его дворня была свидетельницею увещаний, и ты постигнешь всю патриархальность этой сцены. Скажи об этом Дашкову: ему коротко знаком Игнатий, и мы с ним праздновали на его свадьбе. Василий Львович, забывши тогда, что гостиная его усажена лакеями и прачками, подходил к нам, потирая свои руки, и спрашивал: «N'est-ce pas, qu'on se trouve assez bien chez moi?» *

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

22 июня 1824 г. Остафьево.

...Я сейчас получаю твое письмо от 17-го. Хорошо делаешь, что хвалишь Карамзина, но дурно делаешь, что бранишь других. Каковое право имел ты разучиться верить дружбе? Тут нет личности, то есть не о себе говорю, потому что моя дружба не имела случая быть испытана тобою, но, например, Жуковский? Уж конечно, по чувствам он исповедует дружбу православно и безгрешно. Ты любишь экзальтироваться. Тут есть и добро, и зло: *mais avant de s'enthousiasmer pour quelques-uns, il faut être juste envers tous* **. В нашем быту, то есть в отделении de l'entrevue Arzamas ***, только и есть хорошего, что мы исповедуем дружбу словом и делом. Не гневи Бога неблагодарностью!...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

13 августа 1824 г. Остафьево.

...Варшаву также я люблю: в ней родилась и погасла эпоха деятельности моего ума. Все интеллектуальные поры мои были растворены; я точно жил душою и умом. Теперь половина заглохла и отнялась. Я не умею жить посреди смерти: мне должно заимствовать жизнь. А здесь где ее взять тому, у кого нет в себе ключа живой

* Вечер удался, не правда ли? (фр.)

** Но прежде, чем восхищаться некоторыми, следует судить справедливо обо всех (фр.).

*** Встречи арзамасские (фр.).

воды? Мне скажут: Карамзин! Конечно, он всех живущее у нас; он один истинно живущий; но так ли бы он жил еще в другой сфере, под другими градусами? Умнейшие из нас, дельнейшие из нас более или менее, а все вывихнуты: у кого рука, у кого язык, у кого душа, у кого голова в лубках.

Твое *письмище* точно и мне дает мысль, что ты должен бы писать свои *воспоминания*. Я всегда замечал, что твое перо умеет залучить к себе и мысль и чувства твои удачнее языка, на котором они не держатся. Ты такой обжора, что глотаешь мысли свои и чувства; шутки в сторону: ты редко договариваешь. Впрочем, и со мною то же: перо развязывает у меня язык ума и сердца. Причина этому, вероятно, та, что мы не имеем привычки говорить. И где могли бы мы натереть свой язык? Арзамас рассеян по лицу земли, или, правильнее, по — — земли, а в обществах халдейских разве может откликнуться ум души? <...>

Эпиграммá может пронять нашего брата, как ни будь он окован в звезды и препоясан лентами, но «сатиры и эпиграммы должны преклонить колена» (как говорил Максим Невзоров в «Друге Юношества» о наших эпиграммах на Боброва) перед неуязвимостью власти. У меня в голове проскакивает глупая шутка, но так и быть: вот она. Я вспомнил о неуязвимости Ахиллеса. Про него можно сказать, что *душа у него была в пятках*, даром, что он был не трус. Сообщи это Екатерине Николаевне, музе моих глупостей. Какой скачок от политической метафизики до лубочной шутки! Да, впрочем, пора мне было соскочить: я ходил по скользкому месту...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

25 марта 1825 г. Москва.

...В «Дамском журнале» напечатаны стихи:

Хвостов на Пинде — соловей,
В Сенате — истины блюститель,
В семействе — гений-покровитель
И нежный всюду друг ушей.

Вот как я их вчера переделал при Дмитриеве:

Хвостов на Пинде — соловей,
Но только соловей-разбойник,
В Сенате он живой покойник
И дух нечистый средь людей,

то есть вонючий...

26 марта 1833 г. Петербург.

...Есть еще несколько новых романов: «Камчадалка» автора «Дочери купца Жолобова», сибирского романа; «Последний Новик», который очень хвалят; повести Бестужева Александра, на которые большой расход. При открытии навигации можно будет все это отправить к тебе на балластовом судне, чтобы прочел ты, хотя сидя на судне, потому что тогда только и есть время тебе читать, как Дмитриев говорил, что Василий Львович только и сочиняет что в карете. Наконец, дошла ли до тебя моя мюнхенская посылка? Право, скучно писать к тебе в неуверенности, что попадется ли выстрел в тебя. Того и смотри, что метишь в ворону, а попадешь в корову. Знал бы, сидел бы на одном месте, а то черт носит тебя как угорелого, и не только письмами, да и собаками не отыщешь тебя. Пока прости, мой странствующий рыцарь, мой скитающийся жид, моя моркотная молоденька, моя всемирная трясогузка, мой старец ueberall und nirgends*. Да угомонись же, проклятый! Дай отдых старым костям! При сем бравурная ария и поклон от всех моих. Бог с тобою и с нами!

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

19 января 1836 г. Петербург.

...Вчера Гоголь читал нам новую комедию «Ревизор» <...> Он удивительно живо и верно, хотя и карикатурно, описывает наши mœurs administratives**. Вигель его терпеть не может за то, что он где-то отозвался о подлой роже директора департамента. У нас он тем замечательнее, что, за исключением Фонвизина, никто из наших авторов не имел истинной веселости. Он от избытка веселости часто завирается, и вот чем веселость его прилипчива. Русская веселость, например, веселость Алексея Орлова и тому подобная, застывает под русским пером. Форма убивает дух. Один Жуковский может хохотать на бумаге и обдавать смехом других, да и то в одних стенах Арзамаса. Дмитриев тот ли письменно, что изустно? Я один, может быть, исключение, то есть

* везде и нигде (нем.).

** чиновничьи нравы (фр.).

был прежде исключение из этого правила: я задорнее письменно, нежели словесно, да и то именно письменно (у меня чернила, как хмель, забирают голову), а не печатно. Когда готовлюсь к печати, то и я уже умничаю, а не завираюсь, и для меня печатный станок есть та же Прокрустова кровать. И тут дело идет не о цензуре: цензура сама по себе, а просто рука сжимается и пальцы холодеют, не так, как у старика Белосельского, про которого старик Мятлев говаривал, что он очень умный человек в разговоре, но жаль, что у него горячка в трех пальцах правой руки. Вот еще убедительный пример: Алексей Михайлович Пушкин. На словах он был водопад веселости, оригинальности: так и заглушит, так и захлещет, забрызжет бурными волнами веселости своей, так и подымает; начнет писать, — и все это сольется в ручей, который тут же и замерзает...

П. А. ВЯЗМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

8 апреля 1836 г. Петербург.

...Субботы Жуковского процветают, но давно без писем твоих. Один Гоголь, которого Жуковский называет Гоголек (никто не равняется с Жуковским в перековеркании имен; помнишь ли, когда он звал Дашкова Дашенькою?), оживляет их своими рассказами...

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА

П. А. ВЯЗМСКОМУ

27 марта 1816. Царское Село.

Князь Петр Андреевич,

Признаюсь, что одна только надежда получить из Москвы русские стихи Шацеля и Буало могла победить благословенную мою леность. Так и быть; уж не пеняйте, если письмо мое заставит зевать ваше пиитическое сиятельство; сами виноваты; зачем дразнить было несчастного царскосельского пустычника, которого уж и без того дергает бешеный демон бумагомарания. С моей стороны, прямо объявляю вам, что я не намерен оставить вас в покое, покамест хромою софийский почтальон не принесет мне вашей прозы и стихов. Подумайте хоро-

шенько об этом, делайте, что вам угодно — но я уже решил и поставлю на своем.

Что сказать вам о нашем уединении? Никогда Лицей (или Ликей, только, ради бога, не *Лицея*) не казался мне так несносным, как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединенье в самом деле вещь очень глупая, назло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто бы жилали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину:

Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединеньи,
Кто видит только в отдаленьи
Пустыню, садик, сельский дом,
Холмы с безмолвными лесами,
Долину с резвым ручейком
И даже... стадо с пастухом!
Блажен, кто с добрыми друзьями
Сидит до ночи за столом
И над славенскими глупцами
Смеется русскими стихами;
Блажен, кто шумную Москву
Для хижинки не покидает...
И не во сне, а наяву
Свою любовницу ласкает!..

Правда, время нашего выпуска приближается; остался год еще. Но целый год еще плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного!.. целый год еще дремать перед кафедрой... это ужасно. Правда, с радостью согласился бы я двенадцать раз перечитать все 12 песен пресловутой «Россиады», даже с присовокупленьем к тому и премудрой критики Мерзлякова, с тем только, чтобы граф Разумовский сократил время моего заточенья. — Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже в невинном удовольствии погребать покойную Академию и Беседу губителей Российского слова. Но делать нечего,

Не всем быть можно в ровной доле,
И жребий с жребием не схож —

От скуки часто пишу я стихи довольно скучные (а иногда и очень скучные), часто читаю стихотворения, которые их не лучше, недавно говел и исповедовался — все это вовсе не забавно. Любезный арзамасец! утешьте нас своими посланиями — и обещаю вам если не вечное блаженство, то по крайней мере искреннюю благодарность всего Лицея.

Простите, князь — гроза всех писателей-стихотворцев <на> Ш. — Обнимите Батюшкова за того больного, у которого, год тому назад, завоевал он Бову-королевича. Не знаю, успею ли написать Василью Львовичу. На всякий случай, обнимите и его за ветреного племянника. Valeas *.

Александр Пушкин.

Ломоносов вам кланяется.

В. Л. ПУШКИНУ

28 (?) декабря 1816. Царское Село.

Тебе, о Нестор Арзамаса,
В боях воспитанный поэт,
Опасный для певцов сосед
На страшной высоте Парнаса,
Защитник вкуса, грозный *Вот!*
Тебе, мой дядя, в новый год
Веселья прежнего желанье.
И слабый сердца перевод —
В стихах и прозою посланье.

В письме Вашем Вы называли меня братом; но я не осмелился назвать Вас этим именем, слишком для меня лестным.

Я не совсем еще рассудок потерял,
От рифм бахических шатаюсь на Пегасе.
Я знаю сам себя, хоть рад, хотя не рад,
Нет, нет, вы мне совсем не брат,
Вы дядя мой и на Парнасе.

Итак, любезнейший из всех дядей-поэтов здешнего мира, можно ли мне надеяться, что Вы простите девяти-месячную беременность пера ленивейшего из поэтов-племянников?

Да, каюсь я, конечно, перед вами
Совсем не прав пустынный-рифмоплет;
Он в лености сравнится лишь с богами,
Он виноват и прозой и стихами,
Но старое забудьте в новый год.

Кажется, что судьбою определены мне только два рода писем — обещательные и извинительные; первые в начале годовой переписки, а последние при последнем

* Прощайте (*лат.*).

ее издыхании. К тому же приметил я, что и вся она состоит из двух посланий, — это мне кажется непростительным.

Но вы, которые умели
Простыми песнями свирели
Красавиц наших воспевать,
И с гневной музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной осмеять,
И мучить бледного Шишкова
Священным Феба языком,
И лоб угрюмый Шаховского
Клеймить единственным стихом!
О вы! которые умели
Любить, обедать и писать,
Скажите искренно, ужели
Вы не умеете прощать?

28 декабря 1816 года.

Р. С. Напоминаю себя моим незабвенным. Не имею более времени писать; но — надобно ли еще обещать? Простите, вы все, которых любит мое сердце и которые любите еще меня.

Шапель Андреевич конечно
Меня забыл давным-давно,
Но я люблю его сердечно
За то, что любит он беспечно
И пить, и пить свое вино,
И над всемирными глупцами
Своими резвыми стихами
Смеяться — право, пресмешно.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

4 ноября 1823. Одесса.

Вот тебе, милый и почтенный Асмодей, последняя моя поэма. Я выбросил то, что цензура выбросила б и без меня, и то, что не хотел выставить перед публикою. Если эти бессвязные отрывки покажутся тебе достойными тиснения, то напечатай, да сделай милость, не уступай этой суке цензуре, отгрызайся за каждый стих и загрызи ее, если это возможно, в мое воспоминание. Кроме тебя, у меня там нет покровителей; еще просьба: припиши к «Бахчисараю» предисловие или послесловие, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы Софьи

Киселевой; прилагаю при сем полицейское послание, яко материал; почерпни из него сведения (разумеется, умолчав об их источнике). Посмотри также в «Путешествии» Апостола-Муравьева статью «Бахчисарай», выпиши из нее что посноснее — да заворижи все это своею прозою, богатой наследницею твоей прелестной поэзии, по которой ношу траур. Полно, не воскреснет ли она, как тот, который пошутил? Что тебе пришло в голову писать оперу и подчинить поэта музыканту. Чин чина почитай. Я бы и для Россини не пошевелился. Что касается до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница. Вроде Дон-Жуана — о печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша так своенравна, что с нею невозможно и размерить круга своего действия — лучше об ней и не думать — а если брать, так брать, не то что и когтей марасть.

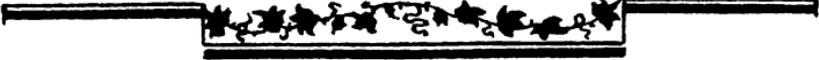
А. П.

Новое издание очень мило — с богом — милый ангел или аггел Асмодей.

Вообрази, что я еще не читал твоей статьи, победившей цензуру? вот каково жить по-азиатски, не читая журналов. Одесса город европейский — вот почему русских книг здесь и не водится.

А. П.

Василию Львовичу дяде кланяюсь и пишу на днях.

ПИСЬМА Д. П. СЕВЕРИНА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

С.П.бург. 11-го декабря 1815.

...Приближаясь к границам отечества, я исполнен был самых патриотических и умилительных чувствований. Это расположение духа сохранил я до Риги. Но тут я готов был не на шутку побраниться с отечеством. Вообрази себе, что в продолжение трехлетних странствований я нигде и никогда не испытал столь различных мучений, как на дороге от Риги до П.бурга. <...>

Но я в Петербурге, и дорожные опасности забыты. Однако ж и здесь не без Сцилл и Харибд. Одни кричат: да здравствует Шутовской-Мольер! Другие горланят: черт возьми дурака Шутовского! И я за последними тоже мяучу! и я... и я... арзамасец!.. Резвый Кот, к вашим услугам. До сих пор не читал ни Кокетки, ни чтений в Беседе, ни Амфиона, но по несчастию попал мне «Русский Музеум». Если бы не стихи твои, Жуковского, Батюшкова, то я бы употребил этот Музеум на хорошее...

С.П.бург. 13 января 1816.

...Жуковский уехал на две недели в Дерпт. С ним прекращаются Арзамасские заседания. Никто не осмеливается заступить его места для сочинения протоколов.

Обнимаю Батюшкова...

С.Петербург. 17 апр<еля 1816 г.>

...С тобою и с Жуковским утекли и деятельность, и слава Арзамаса, а резвый Кот совсем осиротел, и если бы искусство списывать лица не доведено было до совершенства, то не с кем бы ему было и помурлыкать. Но благодаря Соколова, резвый Кот почасту в день бросает взоры на одну из четырех стен, его окружающих, и,

смотря в глаза тебе, шевелит хвостом и радуется. <...>

Какая Муза водила пером Пушкина в вашем путешествии? Но кто знает, и Гораций может быть не написал бы лучших стихов в Яжельбицах? — Между тем мы соберемся на этой неделе для проклятия Старосты за скандное произведение выблядков опасного Соседа. Кассандра уже заботится о протоколе.

С.П.б. 24 июня 1816.

...Кассандра и прочие Арзамасцы восхищаются энергическим ответом Старосты, несмотря на противное мое мнение. Я не нашел в нем ничего необыкновенного. Недостаток в плане самый чувствительный: стихи попарно дружны, а с остальными братьями в ссоре. Наконец, на всем печать посредственности. Один стих выше похвал:

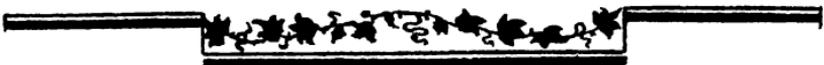
И бурных дней моих на пасмурном закате.

Зато как следующий вял и не живописен!..

СПб. Гене<аря> 19. <1>817.

...Дашков приехал, и рассказывает нам о Москве разного рода *вещи*. Я слушаю во все уши и при каждом повторении слова «Москва» жалею, что я не в Москве или что ты не в Петербурге.

Ты говоришь мне, что собираешься писать об Озере. Долго ли тебе лениться? Ты сечешь немилосердо давно усопшего графа Дмитрия Ивановича, завиваешь искусством убранного Обер-Шенка, а об истинном таланте, украшенном красотами природы, не решаешься написать двух слов. Право, дурно, и я то и смотрю, что красноречивый и остроумный Сын Отечества жестокою выпустит шутку на счет издания с хвостом без головы...

ПИСЬМО П. И. ПОЛЕТИКИ Д. Н. БЛУДОВУ

Париж. 11/23 сентября 1816.

Вы желали, любезный Дмитрий Николаевич, чтоб я писал к вам: дружеское желание совершенно согласно было с моим, и я давно удовлетворил бы оному, если бы беспрестанное странствование и сопряженные с оным хлопоты и душевное беспокойство не отнимали у меня всякой охоты к писанию. Вам известно может быть, что я от природы ленив: недостаток сей должен встретить с вашей стороны некоторое снисхождение, ибо леность была искони добродетелью честных людей. Одним словом, я не писал к вам единственно потому, что был уверен в дружбе вашей и в том также, что молчание мое не приведет вас в сомнение насчет сердечной моей к вам привязанности. Если же вы в том не уверены, то писать было бесполезно.

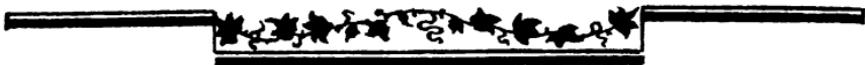
Вам уже известно, что при отправлении моем из С.Пбурга я направился к Брюкенойским водам. Как усердный арзамасец я должен был не доверять всему тому, что называется водами, в справедливом опасении не наткнуться на такие, кои, подобно Липецким, производят противное обещанному действие. На сей раз страх мой был напрасен; я купался и пил воды с пользою, но с немалою скукою, против которой с успехом ополчился Монтанем и сочинением г-на Се. После сего лечения, преодолевая известное вам отвращение мое к путешествиям, я заглядывал в Швейцарию и виделся там в последний раз с старыми приятелями моими в Лозанне и Женеве. Мимоходом кланялся снежным Альпам. В стенах Вавилона живу уже более недели в беспрестанных разъездах то в Мобеж, к графу Воронцову, то на дачу с мадам Моро, в доме которой пишу ныне к вам строки сии. В Мобеже виделся с Алексеем Тургеневым, коего нашел хворым, но на пути выздоровления. От него узнал о производстве непосиделки Александра. Поздравьте его

усерднейше от меня с получением давно уже заслуженного чина.

Чрез пять дней отправляюсь в Лондон и там с нетерпением ожидать буду обещанных вами мне новостей, кои появиться могут в Российской Словесности, наипаче первых листов нашей Истории.— Между тем прошу вас настоятельно засвидетельствовать душевное мое почтение и преданность Анне Андреевне.— Сотворите за меня поклонение в Арзамасе.— Прощайте.

Весь ваш *П. Полетика*.

Не прогневайтесь на меня за прилагаемое у сего письмо. Мне хотелось избавить недостаточного приятеля моего от издержки.

ПЕРЕПИСКА П. А. ВЯЗЕМСКОГО и Д. Н. БЛУДОВА

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — Д. Н. БЛУДОВУ

<Октябрь 1816 г.> Москва.

Благодарю от всего сердца милостивую государыню, любезнейшую Кассандру Николаевну за милое ее письмо и присланные книги. С трепетом внимаю пророческому голосу, с удовольствием и страхом следую его призыванию; но что ждет меня? Стыд или успех? Громкий хохот тучных славян или улыбка одобрения строгого Арзамасского ареопага? Думать нечего: жребий брошен. Смелым Бог владеет, и, может быть, удастся и мне совладать со своим предметом. Со всем тем, всякое лицепритяжение в сторону, мне жаль, что вы уступили мне перо. Я с Тургеневым объяснился на этот счет и повторяю вам то же с прежнею искренностью. А теперь поговорим о деле. Вы назначаете мою статью или, лучше сказать, предназначаете ее в первый том; но тут, мне кажется, приличнее быть известию о жизни автора; а я предполагал кинуть взгляд на драматические заслуги Озерова. Мне хотелось, пробежавши на почтовых песчаную дорожку нашего театра, уткнуться на «Эдипа» и с него пойти по следам Озерова. Вот какая была моя мысль; не знаю, годится ли она к исполнению вашей. Во всяком случае мне хотелось бы иметь понятие о мелких стихотворениях его, обещанных издателями во втором томе. Еще нужно бы мне иметь перед глазами Дюсиса, из которого он взял, как мне сказывали, «Эдипа»; хотя русский «Эдип» во многом сходен с греческим, но в греческом нет смерти Креона. Чья это смерть — Озерова или Дюсиса? Сказывали мне также, что есть какая-то фран<цузская> опера Эдипа, которая служила отчасти образцом ему. Жду вашего разрешения, а между тем, собираясь с силами, примусь помаленьку за работу. Что делаете вы, любезный Дмитрий Николаевич? Долго поджидал я вас

в нашу сторону, по данному обещанию, но вместо оригинала приехал портрет, за который, несмотря на обманутую надежду, благодарю от чистого сердца. Что делает Арзамас?

Все та же ль там краса природы?
Все так ли там, как в старину?

Мы здесь при своем старосте сетуем о прошедшем и гадаем о будущем. А он сам сидит при подагре, раскаиваясь в прошедшем и робея будущего. Рифмы скрылись от него, и он, проживши месяц в деревне на подножном корме, не привез к нам ни белого стиха. Зато сколько у вас белых горячек! Измайлов точно пьяный Крылов.

Олин
Водяною болен;
Капнист
И тощ, и сух, и *чист* (выражение
игрецкое: то есть — проигрался).

Как видите, я говорю о предметах языком, их достойным; недаром слушал я и собираюсь снова слушать лекции Мерзлякова. Век живи, век учись. Что сказать вам о пипиньке-Марсе? Он все болен и ударился в прозу, то есть не совсем лицом в грязь, а, как бы вам сказать, променял ястреба на кукушку. Шутки в сторону: не знаю, хорошо ли он делает, что отстает от стихов. Впрочем, что он ни писал прозою, все имеет цену; но возраст прозы, кажется, еще для него не настал. Есть время всему: за двумя зайцами бежать вдруг невозможно, а русак Батюшкова — стихи.

Простите, любезный согражданин. Поставьте от меня свечку преподобному арзамасскому гусю. Когда приложусь к священной..... его, во имя Светланы, Клещун-Гавинье и облобызавшего ее старосты? Усердным поклонникам его алтаря мой усердный поклон.

Д. Н. БЛУДОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

2 ноября 1816 г. Петербург или Арзамас.

Не знаю, как благодарить Вас, любезнейший Князь Асмодей или Князь Асмодеев. Не знаю, чем доказать Вам благодарность и за письмо Ваше и за обещанную статью. Одно доказательство в моих силах (и то едва): побеждаю лень свою и отвечаю. Но признаюсь, что и это

усилие не совсем бескорыстное: признаюсь, что я им надеюсь выманить от Вас другое письмо и, может быть, статью об Озере несколько дней ранее. Только об одном прошу Вас: *trêve de compliments**! Если, предлагая уступить мне перо, Вы только хотите быть учтивым, то, право, это не хорошо: такая учтивость между Арзамасцами не у места. А если в самом деле вздумали, что моя статья вышла бы лучше Вашей, так это и первого хуже. Ни дружба, ни скромность не должны ослеплять до такой степени. Поверьте, что я в этом не ослепляюсь; и скажу более: даже предполагая во мне одинакую способность (чего я совсем не предполагаю), Вам будет по крайней мере гораздо более удобства говорить об Озере так, как должно говорить об нем, особливо теперь.

Но оставим наконец ролю г-на Деладюра и потолкуем о деле.

Вы требуете, чтобы я сказал Вам свое мнение о плане Вашей статьи. Мне кажется, что Ваш план очень хорош: только, чтобы сделать Вашу статью похожею на обещанное известие о жизни Озерова, мне кажется, нужно при начале сказать несколько слов о первых его летах и упражнениях, и, дошедши до бедного «Олега», то есть до первой границы его поприща театрального, остановиться и, как Вы сами думаете, сделать быстрое обозрение истории нашего театра, представить состояние оного в то время, как Озеров на оном явился сперва *учеником Княжнина*: ибо «Олег» его есть точно произведение этой школы; ** а потом в «Эдипе» учеником древних, но древних, виденных им сквозь мглу французских переводов и при свете, иногда обманчивом, французской теории драматического искусства. Кстати скажу, что я, может быть, Вам и не пришлю Дюсисова «Эдипа»: не знаю, можно ли его найти здесь, не знаю даже, может ли он быть для Вас нужен. Озеров подражал гораздо более Софоклу и не сделал ошибки Дюсисовой, который, как Вам известно, смешал действие Эдипа с действием Альцесты и вместо Тезея приводит царственного слепца к Адмету. После Дюсис переделал своего «Эдипа»: теперь и у него Эдип приходит в Афины; но этой переделанной Дюсисовой трагедии Озеров и не

---

* довольно комплиментов (*фр.*).

** Однако же Озеров был учеником Княжнина более в отношении к слогу; план его Олега, как ни слаб, но оказывает более таланта и искусства, нежели все трагедии Княжнина и Сумарокова (*примеч. Д. Н. Блудова*).

видал: она в первый раз напечатана в прошлом году. А из прежней наш русский автор взял только мысль, чтобы заставить Эдипа простить своему виновному сыну. Но он отделил это прощение от проклятия над Полиником и в этом, кажется, сделал важную ошибку. У Дюсиса в одной сцене раскаяние Полиника, проклятие, а потом нежность растроганного отца, и сцена его гораздо живее и разительнее даже первого свидания Эдипа с сыном в русской трагедии. Что касается до сцены пятого акта, в которой Эдип прощает Полиника, она уже так холодна, что не достойна ни таланта Озерова, ни сравнения с Дюсисом и едва ли достойна русского театра и петербургской публики. Вообще пятое действие «Эдипа», по моему мнению, очень слабо: оно особливо испорчено смертью Креона. Надобно Вам рассказать историю этой смерти. Для того чтобы умножить и усилить действие своей трагедии, Озеров распространил ролю Креона, взятого им из Софокла; в Дюсисе Креона совсем нет. Он придумал новые происшествия: похищение Эдипа, погоню Тезея за Креоном и происходящую от того опасность Антигоны, волнение народа и прочее. Но в пятом действии должно было по первому плану, чтобы Эдип принес себя в жертву мстительным богиням ада и своею смертью заплатил за благодеяния Афин и Тезея. Когда Озеров уже писал четвертое действие, вдруг старый *лицедей* и враль Дмитревский вздумал ему доказывать, что лучше уморить не Эдипа, а Креона, ссылаясь, по обыкновению, на ветхое правило, что театр есть училище нравов и что должно в конце всякой драмы наказывать порок и награждать добродетель. Как будто для добродетельного несчастливца смерть может быть наказанием и как будто казнь преступника, которую надобно оставлять эшафоту, может быть трогательной развязкой в трагедии. Но Озеров, к сожалению, поверил сначала Дмитревскому, а потом успеху своего Эдипа. И от того в последних действиях царь-слепец уже не имеет главной отличительной черты своего характера и положения: этого величественного предчувствия смерти, которым Софокл наполнил всю его ролю и от которого Эдип представляется каким-то существом особого рода, стоящим между земли и неба. Он чрез свои ужасные, невероятные несчастья поставлен уже выше обыкновенных людей, и смерть есть истинное торжество его; он ею возносится над своим благодетелем Тезеем, ибо сам будет своим гробом бла-

готовить ему и Афинам. И это блистательное окончание Озеров променял на казнь Креона, на такую развязку, которая годилась бы в романе; и потерял, может быть, единственный случай познакомить русских с греческими сверхъестественными катастрофами. Лагарп называет их оперными; но вопреки ему и всем французам мне кажется, что они приличнее всяких других характеру древней трагедии, которая принадлежала не к роду Истории, а к роду Эпопеи. И от того греческие трагики вились всегда, или почти всегда, около героических времен и Гомера.

Но я заболтался; пора мне перестать писать, чтобы Вы читать не перестали. Да, впрочем, как хотите, не читайте моих писем; только пишите, пишите об Озерове, заклинаю Вас Арзамасом, Аполлоном и дружбою. Пишите, и если можно, поскорее: типографщик не дает мне покою; а я уж не примусь за перо. Будьте же благодетелем и для него и для меня.

Простите. Ваш или Ваша *Кассандра*.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — Д. Н. БЛУДОВУ

(Ноябрь 1816 г.) Петербург.

Возвращаю Вам, любезнейший Дмитрий Николаевич, «Смерть Олега», которую я списал с вашего позволения. «Смерть Олега» не предсказывала бессмертия Озерова, хотя и видны в ней некоторые поэтические замашки. В переводе героиды найдешь более признаков грядущего Озерова. Ее возвращу вам немедленно. Посторонние занятия не позволили мне идти скорыми шагами к цели, мне вами предложенной. Надеюсь теперь быть поворотливее. Ожидаю ответа вашего на мои расспросы и присылки нужных материалов. Наш Парни-воробушка сидит на отлете и пускается в свои леса. Я без него вовсе осиротею и в декабре, может быть, приеду за запасом жизни к источнику вечно живому Арзамаса. Наш староста чудесно постарел: уговариваю и его съездить со мною омыться в Арзамасском источнике от греха старости и грехов молодости, напр., от дорожных эпиграмм и проч. Но он что-то вас боится.

Простите, любезнейший согражданин. Да здравствует гусь, да погибнет сова Беседы. Но, кажется, она и так приумолкла или, по крайней мере, поет наразно-голосицу. Впрочем, ей тому не учиться.

Преданный вам *Асмодей*.

С.П.б. 9 января 1817-го года.

Препровождая к Вам, сиятельный Асмодей, письмо уехавшей от нас Светланы, я чувствую непреодолимое желание сказать Вам несколько слов. то есть попенять Вашему Арзамасскому Превосходительству и от себя, и от типографщика, и от Публики, а что всего важнее, от памяти несчастного Озерова. Вы клялись Арзамасом, что в ноябре посадите цветок на его гробнице, но вот уж и январь, а нет цветочка и нет ни слуху ни духу об цветке и об садовнике. Сжальтесь надо мною, ради Бога, того Бога, который Вам всегда покровительствует, которого все (кроме членов Беседы) называют Богом вкуса. Сжальтесь и пришлите мне поскорее Вашу статью об Озерове; пришлите хоть что-нибудь, хоть то, что уж есть, но пришлите скорее. Мы как-нибудь здесь в Арзамасе и спишем и напечатаем, даже, если хотите, без Вашего имени. Сделайте одолжение, присылайте и спасайте Вашу покорную услужницу Кассандру.

Не забудьте возвратить послание Элоизы к Абелиярд: оно не мне принадлежит.

Б.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — Д. Н. БЛУДОВУ

22 января <1817 г.>

Не гневайся, о Кассандра,
Такая на меня хандра
Навьючилась, что ей-ей
Беседы я глупей всей.
Писать ничто не пишется,
Боюсь я, что мне придется
Безмолвным быть, как Кикин,
И к Глинке завистью треснуть,
Что славой так умел блеснуть.
Парнаса коренный крик!
О муж невский! Червь никитский
С трудом тебе в гостинец
Стихи пустил на конец
Так сказать бы яжелбщики!

Уф! одышка взяла. Насилу разделался, только, ради Бога, не посылайте этих стихов в Публичную Императорскую библиотеку. Что тут хорошего будет? Прочтут, напечатают, да еще и добродушного Греча хвалить их заставят: у него, я думаю, и так уже от похвал в горле

засохло.— Любезнейшая Кассандра, рассмейтесь, а не то я пропал; скажу Вам на ухо: мне хотелось обезоружить Вас смехом, чувствуя в полной мере законность гнева Вашего. Что прикажете делать? Какая-то *арфическая лень* и *Эоловское бессилие* околдовали меня. Я ни к чему не годен: насилу догадался, что напрасно Гнедич сделал из Юпитера, отца богов, пророка, который, между прочим, пророчествует, что бюст Ахиллеса будет стоять в Эрмитаже, а русские станут переводить Омера. Юпитер худой пророк! Фетиде до Эрмитажа, право, нет никакого дела, а что Николай Иванович будет певец Ахиллеса Пелеедовича, это и скрыть можно было от нежности материнского сердца. Вы, почтенная Кассандра, пророк истинного Вкуса. Я уверен, что Вы предсказываете дурной перевод «Илиады», а я благоговею перед Вашею пронизательностью. Все это хорошо, говорите Вы, то есть не хорошо, но дело не о том:

Мужайся, стой и дай ответ!

Я, право, занимаюсь Озеровым и без статьи о нем к Вам не приеду. Прислать же написанное мною невозможно, потому что хотя уже и намарана малая толика, но о творениях Озерова еще ни слова нет. Я говорю о жребии дарования, о преследованиях и сплетнях зависти, о русском театре, о Реме и Ромуле, о Пунических войнах, о том и о другом, но не сказал еще ни слова о *баране*. Скажите, Бога ради, кто у Вас в пустыню удалился? Орлов говорит, что в Париже один пустынный *Жуи*, а в Петербурге их много и они... Поставьте *x* вместо *ж*. Тут и будет мах! Мы здесь еще не знаем, хвалить ли Пустынника, слушать ли его, или дать ему преподавать в пустыне! Мне кажется, что он уездный балагур, который глядит на свет из разбитого окошка. Право, надобно бы Арзамасу выдавать журнал не на живот, а на смерть. Никогда литература не была у нас в подобном *положении*: она лежит врасстяжку, пора приподнять ее на ноги. Жуковский с ума сошел на том, чтобы выдавать по книжке в год. Дело ли тут до перепалки, когда надобно дуть картечью? Не раз в год, а каждый месяц, каждую неделю, каждый день, если можно; бейте по щекам эту посадскую бабу, зовомую публикою! Авось очнется! Приведите ее кровь в движение: толкайте ее пинками в спину и кормите не овсяными киселями, а добрыми киселями в жопу! Тогда она и пойдет плясать по нашей дудке. Иначе ничего путного не сделаешь. Тогда, дер-

жавши публику настороже, можно с большею пользою действовать на нее от времени до времени тяжелою артиллериею. Желудок ее, приготовленный и укрепленный горькими каплями, будет в состоянии принимать всякую пищу, которую теперь он и сварить не в силах. Один глаз на нас, а другой в Арзамас! Вот как надобно поставить публику, у которой глаза слипаются с такою скоростью. Что сделал Жуковский со своими стихотворениями? Ни следа не осталось на толстой роже вышереченной бабы! Как приведешь в движение стоячую воду пруда? Ройте землю, открывайте новые источники, проводите каналы, и рыба не уснет в Вашем пруде. Жуковского стихотворения прекрасная стерлядь, пущенная в пруд нашей словесности: поиграла немного на солнце, да и дело с концом. Расплодиться ей нельзя. Бросьте ее в реку, пойдут детки и внучата. Постойте немного: чего же хочу я? Ухвачусь за хвост стерляди, авось вынесет из пучины моего многоглаголения. Итак, я хочу, чтобы пруд нашей словесности преобразился бы в проточную воду и, думаю, что хороший журнал мог бы сделать теперь желаемую перемену, и уверен, что такой журнал должен непременно издаваться в Арзамасе.

Как волка ни корми, а он все в лес глядит! Выехал на стерляди, а приехал к гусю, с которым честь имею быть, ваш преданный согусник Асмодей, который врал, как черт прямой.

Согусникам мой душевный поклон. В.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — Д. Н. БЛУДОВУ

Москва. 11 февраля (1817 г.)

Получал ли Озеров какие-нибудь знаки благоволения от Государя? Писал ли он что-нибудь по смерти «Олега» и до рождения «Эдипа»? Каких лет умер он? Каким учился языкам? Знал ли древних лично или заочно? Оставил ли начатые творения? Нет ли в жизни его красноречивой черты, по которой всякий, знавший его, мог бы сказать: так! это — Озеров! Фонтенель, показывающий целый сундук ругательств, напечатанных на него, и признающийся, что он ни строки не читал из них; изгнанный Лафонтен, отвечающий другу, призывающему его к себе: я и так к тебе шел, — вот сокровища библиографа, вот краски, одушевляющие его рисунок:

без них изображение будет мертво, без них вместо портрета создашь силуэт, мелом писанный по белой бумаге. Но так и быть! Если не дадите мне сахара, любезнейшая Кассандра, то дайте по крайней мере хлеба, то есть ответы на запросы. Буду ожидать их с нетерпением, а пока занимаюсь разбором его театра. Ему непростительно, что он не уморил Эдипа: позволивши себе конец сверхъестественный смертию Креона, чего ему страшиться было? Со всеми ее пороками лучшая его трагедия — «Дмитрий Донской». В «Поликсене» найдутся явления, которые могут стать наравне с лучшими древнего и новейшего театра. Вообще Озеров, как мне кажется, был удачнее в изображении женских характеров. Возьмите его Антигону, Ксению, Моину, и отпечаток греческой — Гекубу и Поликсену! Сейчас Громобой сказывал мне, что Озеров писал сначала французские стихи: нельзя не упомянуть об этом! Это любопытно! Еще говорил он мне о какой-то трагедии: «Ярослава»! Я понятия о ней не имею! Ради Бога, давайте мне более теста: того и смотри, что выйдет сухой сухарь, наподобие плоских печений булочника, или буточника, сына отечества. Что вы делаете, любезнейший из ленивцев? Я на Арзамас скалю зубы, но зуб неймет. Что делать? Я все еще в ожидании разрешения. Бог весть когда случится! Жуковский на своем ставит, и я глухому читал проповедь. Он хочет закурить нас табаком немецкой литературы. Делать нечего: его, как и Бога, оспорить и перекричать нельзя. Пришлось повиноваться. А я все сплю и вижу арзамасский журнал. Мне хотелось бы заставить сказать: *C'est du Nord aujourd'hui que vous vient la lumière!** Но не тут-то было! Буду сидеть у моря и ждать погоды. Простите, любезнейший Дмитрий Николаевич. Избранным поклон в пояс. Василий Львов сын Пушкин по-прежнему одержим сильною испариною. Капля и камень пробивает, говорит пословица: посмотрим, что будет.

Москва, 11 февраля.

Скажите мне, ради Бога, чем умер или, правильнее, чем изволил обкушаться Александр Иванович?

〈*Приписка С. П. Жихарева.*〉 Вот и я опять в доброй гостеприимной Москве, почтеннейший Дмитрий Николаевич; по приведении всех дел в надлежащий поря-

---

* Свет сегодня сияет нам с Севера! (*фр.*)

док возвращаюсь в недра незабвенного Арзамаса. Дней через десять надеюсь обнять вас. Прошу свидетельство-вать истинное душевное мое почитание Анне Андреевне и поцеловать милых малюток.

Вяземский добивается все прежних творений Озерова, до его ироиды Абельярда и Элоизы. Кажется, у вас есть ода его на смерть Ангальта, писанная на французском языке. Я говорил ему об ней; он считает, что будет хорошо, когда упомянуть в обзрении его творений, что лучший наш трагик начал писать по-французски.

Искренно преданный С. Жихарев.

〈Приписка П. А. Вяземского.〉 Василий Львович, верно, скажет: и я начал французскими стихами! но как кончал? Он на днях читал в Московско-Варяго-Халдейском обществе любителей бессловесности и губителей словесности прекрасную басню, перевод из Лафонтена.

Д. Н. БЛУДОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

С.-Петербург. 20 февраля 1817 г.

Любезнейший Асмодей поздно делает мне запросы и забывает, что я на многое отвечал ему заранее. Между тем наш бедный типографщик в отчаянии чуть не поднял на себя руки, и вероятно, что внутри своего сердца прокликает и Вас и меня, вероятно, говорит: то ли дело наши петербургские, а не арзамасские литераторы, Николай Ивановичи Греч и Гнедич; каково ни напишут, да уж напишут, успевай только наш брат печатать, а публика и наверное не успеет читать! Сделайте одолжение, Асмодей князь Андреевич, заградите уста нашего хулиателя, заградите поскорее, прошу Вас Громобоем, и дочерьми его, и спасителем их Вадимом. Хотите ли, я положу на себя и обещание, вот какое: доставить Вам продолжение «Двенадцати спящих дев», как скоро Вы мне доставите статью об Озере. Но Вы скажете, что для этого надобны многие подробности. Так и быть; несмотря на лень и на онемелость ума, а сообщу Вам или повторю некоторые, сколько теперь припомню.

Озеров получил в кадетском корпусе хорошее воспитание, но, по тогдашнему петербургскому обычаю, был напитан одним французским языком и французскою словесностью: немецкий язык он не любил и знал худо; языки древние были ему совсем неизвестны, и древних авторов он только тогда узнал получше, когда уже

начал заниматься литературой не в шутку. С начала его жизни в свете литература была для него если не шутка, то, по крайней мере, не более как забава. Рожденный с пылкими страстями и воображением романическим, он искал наслаждений и счастья не в трудах ума, а в мечтах своего сердца: в людях, в обществе, в женщинах или, справедливее сказать, в одной женщине. Для нее он жил несколько лет, почти все лета своей молодости; с нею питался восторгами платонической страсти; был часто возле счастья и не был счастлив, ибо любезная ему женщина была замужняя и добродетельная. Для нее он играл французские трагедии, писал французские стихи, читал французские романы. Эту слабость к романам Озеров сохранил и в зрелых летах и после потери любимого предмета. Он как будто хотел участием в вымышленных несчастьях любви напоминать себе те страдания нежности, к которым сердце его привыкло, и нет сомнения, что от сих первых его впечатлений и от того, что романы остались для него навсегда если не главным, то любимым чтением, и самый его поэтический талант получил какой-то цвет романизма. Черты, напоминающие это расположение души его, разбросаны во всех его трагедиях, иногда некстати, как, например, в «Димитрии», но везде они трогательны, ибо вырвались из сердца автора. Долговременная сердечная связь имела также влияние и на характер нашего трагика. Давно говорят, что любовники похожи на детей, а Озеров сохранил что-то детское и во всех отношениях жизни. Он как ребенок был добродушен, своенравен и застенчив; то подозрителен, то легковверен и к людям и к надеждам, иногда самолюбие доводило его до малодушия, иногда от лишнего смирения он впадал в отчаяние. Главным свойством его сердца была любовь к друзьям; он часто делался их невольником, видел, чувствовал ими, но готов был рассердиться за малейшую неосторожность и также не мог устоять против малейшего знака нежности. Эти слабости нередко мучили его в жизни и конечно были причиною конца преждевременного и несчастного. Несколько раз он, так сказать, бросал целый свет: сначала после смерти своей милой Л...ой; тогда он оставил и начатые труды литературные, и общество, которое любил, потому что в глазах его оно украшалось ею; он тогда же удалился бы в деревню, если бы бедность состояния и воля отца не принудили бы его заниматься службою. В продолжение семи или

восьми лет он только что служил, имел успехи, но очень мало ими радовался и не мог снести первой неприятности. При начале царствования Александра его начальники спросили, не нужно ли сделать реформу в его Департаменте; Озеров счел этот вопрос за совет идти в отставку и тотчас вышел. Принужденный жить в деревне с отцом, он там нашел неприятности другого рода, на которые не мог и жаловаться; но, по счастью, любовь к словесности в нем пробудилась; сперва он только читал, однако читал уже с выбором, от французских авторов перешел к древним (в переводе), и Софокл дал ему мысль написать «Эдипа». Как он писал его, Вы знаете из подробного письма, которое получили от меня осенью. В то же время Озеров начал больше знакомиться с русскою словесностью. Как воспитаннику Кадетского корпуса, ему прежде были известны только Княжнин и Болтин; он их почитал образцами стихов и прозы. Живучи в уединении, он узнал наших истинных образцов и с восторгом, достойным и таланта и души его, читал, перечитывал, твердил Державина, Дмитриева и Карамзина. Он чувствовал им цену и не стыдился по ним учиться; к несчастью, немного поздно: оттого остался у него в слоге какой-то запах времен Княжнина и прочих. Уважение к своим и нашим учителям вкуса Озеров сохранил во всю жизнь, несмотря на суждения его мнимых приятелей, несмотря на свои ослепительные успехи, на клеветы, которыми многие доброты осыпали Карамзина и Дмитриева, даже несмотря на их некоторую несправедливость или неполную справедливость к нему. Такая черта достойна примечания и делает тем более чести Озерову, что с его щекотливым сердцем и раздражительным самолюбием было трудно переносить невыгодные отзывы, особливо от Карамзина и Дмитриева.

Между тем пока Озеров жил, скучал в деревне и думал об Эдипе, я приехал в Петербург и вызвал его своими письмами. В Департаменте, где он прежде служил, не произошло никакой перемены, и он опять вступил в службу. Через два года после того публика узнала его «Эдипа». Спустя потом еще год он написал «Фингала», лучшую, по моему мнению, из всех трагедий его и из всех русских трагедий. В «Димитрии» больше красот, но зато нет такого характера, как Старн, есть невероятности в басне и во нравах, самое действие иногда слабеет, а в «Фингале» интерес, не будучи поддержан ни русскими именами, ни воспоминаниями славного проис-

шествия, беспрестанно усиливается и увлекает душу самого холодного зрителя. «Димитрий» довольно скоро последовал за «Фингалом». Он представлен во время первой войны с французами: в начале 1807-го года; но многие стихи могут заставить думать, что эта трагедия писана после 1812-го года: в ней есть настоящие пророчества. «Поликсену» Озеров кончил в 1809 году, живучи опять в деревне, куда его загнали неприятности по службе, может быть, легкие для другого, но для него несносные. Остальное Вам известно: говорят, что им в деревне начата «Медея» и что он написал уже три действия, но до меня не дошло ни одного стиха этой новой трагедии. Об «Ярославе» Озеров и не думал: Громобойю это приснилось в могиле. Между «Олегом» и «Эдипом» им написаны две оды: 1-я на смерть Екатерины, 2-я на восшествие Александра на престол: эти оды не были напечатаны.— Вы их увидите в первом томе его сочинений; тут же будут и стихи его к Державину, сочиненные в тот же промежуток. Озеров поехал отсюда с планами трех трагедий, именно: «Медеи», «Вельгарда», то есть варяга мученика при Владимире, и «Осады Дамаса»; в последней хотел он подражать одной английской трагедии. (Однако ж он не знал по-английски.)

Но полно: я очень устал, а Вы, я думаю, еще более. Прочтете ли Вы это маранье. Если явите такой опыт богатырского терпения, то довершите чудо, потрудитесь еще найти и прочесть то письмо, которое я писал к Вам прошлою осенью: там я больше говорю об Озёрове, а повторять мне и не хочется и не вспомню.

На что Вам знать отличия, полученные нашим трагиком? Он был генерал-майором, имел 3-го Владимира: но это не имеет отношения к литературным трудам его. За три первые трагедии: «Эдипа», «Фингала» и «Димитрия» государь лично изъявил ему свое благоволение и подарил за каждую по перстню; за «Димитрия» с вензелем, такой же, как ныне Жуковскому.

Характер Озерова я описал Вам как мог наскоро. Прибавлю, что он был довольно мрачен. Похоронив в молодости милую женщину, обманувшись во многих надеждах, во многих привязанностях, он мало любил жизнь, с удовольствием думал о смерти, и это чувство изображается в последних стихах Поликсены, которые были, вероятно, последними в его жизни. В них, кажется, видно предчувствие ужасной судьбы, омрачившей остаток дней чувствительного и слабого поэта.

Но еще раз простите, простите любезный Асмодей: я не кланяюсь Громобою, мой поклон с ним разъедется на Валдайских пригорках. Об журнале Арзамаса, если не поленюсь, скажу Вам свое мнение на будущей почте. Теперь у меня перо иступилось, а ум так же туп, как и при начале. Единственно из повиновения к Вам я решился наболтать целую тетрадь нескладицы, которой не решусь прочесть. Дай Вам Бог здоровья, если Вы прочтете.

P. S. Да возвратите мне послание *Элоизы*: от меня его требует настоящий хозяин.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — Д. Н. БЛУДОВУ

25-го февраля 1817 г.

Благодарность дает мне киселя, и я падаю к ногам Вашим, многомилостивая Кассандра. Письмо Ваше прочитано и перечитано с живейшим удовольствием, не смею еще сказать, с пользою, но я что-то бодрее думаю о труде своем, который теперь пойдет безостановочно. Ваши оба письма об Озере так хороши, что их надобно целиком напечатать бы, и Озерова тень не будет тосковать о памятнике. Если не удастся мне подтибрить и стакан, то по крайней мере вытяну из него все, что можно, за здоровье Озерова и Ваше. С нетерпением ожидаю обещанного Вами письма о журнале, тем более что, отделивши Озерова, хочу приняться я за журналы и написать нечто о свойстве и духе их на Руси до сего времени и о том, который нужно им иметь. Простите. Оставляю Вас ради Вас, то есть и для того, чтобы долее не скучать Вам, и для того, чтобы надоесть Вам после, или, попросту сказать, стану продолжать статью свою. Преподобная Кассандра! Моли Бога о нас! Разумеется, Бога ума и вкуса. Я чаю, что Вы и с другими также коротко знакомы, но теперь я еще не намерен выпрашивать стульчик в библейском обществе: у меня голова и так болит уже и от одного общества, в котором Долгорукой клеветом невинности, а Шаликов поэзии. Преданный Вам душою

Вяземский.

Жихарев здесь еще все громобойничает.

ПИСЬМА П. А. ВЯЗЕМСКОГО Д. В. ДАШКОВУ

Варшава. 2/14 ноября 1818.

Алла! алла! алла! Слава и благодарение великому Пророку благоверных арзамасцев за письмо, розу воспоминания, жемчужинку радости! Читая в Варшаве строки, написанные в Буюкдере любезнейшим Дмитрием Васильевичем, оглядываюсь с головы до ног, додрагиваюсь и спрашиваю у себя: он ли ко мне пишет? я ли его читаю? на земной ли мы еще планете или, выспавши сон жизни, не очнулись мы уже в мире духовном? Но число, выставленное на письме от 23 апреля / 5 мая и полученном мною 1/12 ноября спускает меня на землю, уверен, что почта должна идти скорее от одной планеты к другой. Но шутки в сторону, кто мог бы предвидеть год назад, что черт, верно околдованный волхвами Беседы, рассеет, как жидов, верных чад православного Арзамаса. И когда явится Мессия и соберет свою дружину? Я здесь, в жидовской Польше или, если хотите, польской Иудее, начинаю быть их веры и ожидаю второго пришествия. Авось тогда будет лучше. Авось арзамасцы тогда будут вместе, а беседчики порознь. Как часто, хотя и далеко от России, жалею я о том, что вас в России нет. Вы не поверите, что делает Каченовский? Вы один могли бы надеть намордник этой бешеной собаке, которая в «Вестнике» с цепи сорвалась на Карамзина. Карамзин молчит, это его дело; но кому-нибудь надобно бы прикрикнуть, а вам уже не впервые возиться с собаками. Не одна поджала от вас хвост. Вы — как покойный князь Дашков (это, видно, какой-нибудь талисман, сокрытый в таинственном имени вашем), который выходил обезоруженный на самых злых собак и, смотря им прямо в глаза, усмирлял их злость и заставлял их ласкаться около него. Иван Иванович писал ко мне недавно, что историографа

берется защищать один только Василий Львович своим Бильбоке, яко Давид своею пращою. Но для шутки велите на досуге прислать себе ругательства Каченовского и на основании либеральной конституции выпренной Оттоманской Порты отляпайте ему голову хотя en effigie *. Знаете ли, что эта голова, прибитая к Царьградским воротам, пойдет в Историю наряду с Олеговым щитом. Вы спрашиваете меня о моем житье-бытье? Последнее-то есть, а первого-то нет. Я здесь прозябаю, а не живу. Впрочем, все к лучшему в лучшем из миров. Только жаль, что Польша не лучшая часть лучшего мира. Счастливец Батюшков едет в Неаполь. Хорошо тому, у кого семья составлена из нескольких элегий, а будущее потомство в зародышах рифм. Тот едет себе, куда глаза глядят, а еще лучше и того, глядеть ему незачем. Но наш брат, грешник, тяжел на подъем. Дочь, да еще дочь, да сын, не говоря о надежде *будущих талантов и прочих за труды наград*, приковыывают к месту. В частом ли вы сношении с Россиею и родимым Арзамасом? Я здесь только и дышу что русским воздухом, и подивитесь, кто мой постояннейший отдушник — Тургенев! Клянусь вам его Библиею, вашим Алкораном и моим Талмудом. Вам можно будет поместить это в какие-нибудь чудеса арабской сказки. Ничего не знаю о Блудове, но, по несчастию, знаю о Северине. Не сомневаюсь, что у вас бывают частые сношения с Петербургом, не посылаю вам требуемого моего адреса, а советую и униженно прошу, когда придет такой счастливый час, надписывать для доставления ко мне письма свои к преобразенному Тургеневу, который не по-прежнему пожирает все, что под руки ему попадетя, а сделался человек обстоятельный, умница, спит не более пяти часов в сутки, спрашиваете вы? нет! погодите: в день обедает не более двух раз, а ужинает с трудом три раза. Зато Жуковский? сперва он писал ко мне редко, теперь никогда. Сперва писал он для немногих, теперь не для кого. Но бог вступился за меня, и его упрятали в Российскую Академию, с кем же? С Филаретом?

Прочь, кошуны! Есть бог!

Я вижу отсюда, как их повезут в одной карете. Один девственник по званию, другой по склонности. C'est à

---

* заочно (фр.).

dire l'un artiste puceau et l'autre amateur puceau *. Жуковский отрекается от Сатаны (вот отчего он не пишет к Асмодею) и всех дел его. Жуковский пишет послание: к Старцу Шишкову под пару к посланию *Старцу Еверсу*. Жуковский говорит:

Шихова брат! так, я сказать дерзаю,
Что имени сего всю цену знаю!

И начинает врать. И мы хотим Жуковского усо-вестить, а он показывает на Академию и говорит:

Там мне Шишков на братство руку дал.

И мы принуждены молчать. И Жуковский нам читает стихи в Арзамасе, и мы ему говорим со слезами: Жуковский! Жуковский! мы тебя не узнаем! а он стихи в карман и, подразнивая нас, говорит нам:

Что мрачно *здесь*, то будет ясно *там*.

И потом скажет:

Не унывать, хотя и смысла нет —
Вот правило для брата Филарета.

Но, кажется, я не унываю, хотя не имею чести быть академиком. И как подумаю, какой путь предлежит вранью моему, то, право, краснею от стыда. Прошептать глупость соседу за столом простительно; но дурачиться так во все горло из Варшавы в Царьград бесстыдно. Впрочем, разведывайтесь с вашим турецким предопределением, которое или вас назначило слушать мой вздор, или меня посвятило в болтуны. А я не могу удержаться: здесь я такой выдерживаю карантин, что как помешанный кидаюсь при малейшем случае настезь растворить двери закупоренному своему вранью. Жена уже давно получила с благодарностью присланную кيسю; не понимаю, как письмо от нее отстало. Но, впрочем, я надеюсь, что Булгаков или Тургенев уведомили вас о получении посылки. Жена моя кланяется вам от всего сердца. Она здорова и дети также. Я начинаю думать, что одного счастья в жизни не довольно: к нему нужны и удовольствия. Это хлеб, который надобно для вкуса посолить. Я здесь счастлив, потому что все, меня окружающее, здорово, но со всем тем скучаю, как изгнанник на скале Св. Елены:

---

* Иначе говоря, один артист девственник, другой любитель девственник (*фр.*).

И пред изгнанником зияет
Неумолимый океан.

То есть неумолимая толпа, которая, как я ее ни упрашиваю, не понимает меня и ничего не говорит сердцу. Простите, любезнейший собрат! Питайте иногда меня выписками из Алкорана и в мечетях молитесь о мне великому Пророку, а мой Талмуд всегда к вашим услугам, и в синагоге раздадутся всегда клики радости и благодарности с молитвами о долгом здравии вашем при получении дружеской грамотки. Падаю до ног по-польски, кланяюсь, берусь за голову по-турецки *, а обнимаю по-русски, т. е. от всего сердца.

Простите.

Остафьево. 30 мая (1824 г.).

La représaille est juste! ** Только я вас, кажется, уже перешеголял, отвечая сегодня на письмо от 8 апреля. Да, скажите сами, любезнейший Дмитрий Васильевич, до вас ли было мне дело, когда черт дернул меня иметь дело с дураками? Как отвечать мне было творцу книжки: *О легчайшем способе возражать на критики* (quel nom, dans ma retraite osais-je prononcer?) *** — у вас теперь, верно, книги этой и в помине нет! — Да и мне не лучше ли сжечь ее? — когда я принялся за труднейший и за неприятнейший и, так сказать, принял к себе на хлеба и кормил ничтожность лже-Дмитриева! Потом были у меня хлопоты другого рода и проводы жены, отправившейся в Одессу. Извиняться, однако же, никогда не поздно, и я извиняюсь перед вами не в молчании, которое, может быть, охотно простите, но в том, что я вас отяготил глупым занятъем по ответу моему Самозванцу-Булгарину. Простите, вперед, кажется, не буду! Кажется! — а головою отвечать не стану. Бог знает, что лучше: отмалчиваться или отбраниваться? Конечно, полемика наша самое поганое ремесло, ибо вводит в сношения с людьми, не стоящими уважения; но общее мнение или, по крайней мере, то, что заменяет у нас общее мнение, стоит уважения. Хорошо Карамзину пренебрегать тем, что мыслит о нем Каченовский, и

---

* Ради бога, не подумайте, что обнимаю по-турецки. Сила крестная с нами.

** Возмездие справедливо! (фр.)

*** Какое имя в моем удивлении осмелился я произнести? (фр.)

вследствие его мыслей, что мыслит о нем часть публики нашей, но не каждому дано право брать пример с великих подлинников. *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*: * от великодушного презрения к ничтожным оскорблениям до малодушного претерпения христианских пощечин тоже один только шаг. Поди после разбери, по какую сторону стал ты едва означенной черты. Беда только в том, что я один если не из хороших, то, по крайней мере, из честных полемиков, и потому всегда или сам должен наскочить на какого-нибудь плюгавца, или какому-нибудь плюгавцу дать наскочить на себя. И в том и в другом случае накладно если не бокам, то имени, которое должно схлеститься с именами позорными и быть вывешено на псарне наших журналов! — Кстати, не помните ли о французском стихотворении под именем *disputes littéraires*? оно должно быть в виде поэмы или *d'un discours en vers* **. Разумеется, говорю не о Рюльеровском стихотворении. На днях обедал я в городе у Ив. Ив., и мы говорили о лени вашей и лени Блудова, которые лишают нас много хорошего. Неужели и Воейков не усовестил вас? Ожидаю с нетерпением ех-каноника Тургенева. Остается ли он хотя в Библейском и женском обществах? Вот до чего мы дожили! И то ли еще будет? — Доживем и до новых и глупейших глупостей? думаете вы — нет, а до того, что и Арзамас воскреснет и выйдет в люди! Помяните мое слово! *Si du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*, не забудьте же, что и *du ridicule au sublime il n'y en a qu'un aussi* *** — моя логика не худа, даром что Михаил Дмитриев утверждает за Александром Воейковым, что я без логики. Чем хуже, тем лучше! Чем темнее, тем скорее будет светло! Чем беседнее, тем скорее будет арзамасно! Это неоспоримо, как и то, что дважды два четыре! Но мы доживем ли до того, или только дети наши, а если мы, то считать ли в этом мы и Василия Львовича? Вот тут запятая, которую разрешу, глядя по тому, что новое Министерство разрешит ли точки! ах! бедный наш Василий Львович! он точно на точке оттепели физической и нравственной. Читали ли вы его последние стихи в «Дамском журнале», где он, оборотясь задом к Вьель-

---

* От величественного до смешного один шаг (фр.).

** Литературные споры; рассказ в стихах (фр.).

*** Если от величественного до смешного только один шаг, то и от смешного до величественного тоже один шаг (фр.).

горскому, говорит ему смиренно, что если он на глаза его еще не совсем *урод* и *если я для вас гожусь*, то еще может наслаждаться жизнью! Советую вам отыскать их! Давал ли вам Тургенев читать в письме моем описание сцены, которую застал у него с Игнатием, когда барин увещевал своего камердинера сносить терпеливо рога свои, подкрепляя увещевания собственным своим примером. Много видал я комических сцен у Васил. Льв., но эта была из лучших.

Я в самом тошном расположении духа по отъезде жены и смерти Бейрона. Без нее пусто мне в домашнем мире, а без него в литературном. После смерти Наполеона никакая смерть так глубоко в душу мою не врезывалась, как его. Наш век есть точно век мирмидонов; кто только немножко перерастет головою казенную меру посредственности, тот сейчас людьми или Судьбою выключается из списков. Простите, любезнейший друг. Когда увидимся? Не грянет ли и на вас какой-нибудь благодетельный донос, который поворотит оглобли ваши в нашу сторону! а не то мало надежды мне увидеться с вами. Пока обнимаю вас от души.— Где Блудов? Поехал ли он в Европу?

В.

ПИСЬМО Д. В. ДАВЫДОВА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Умань. 28 июля (1818)

Ты радуешься за меня, любезный Вяземский, что я близко *Рейна* и *источника моих Элегий*. Напрасно! Все уже переменялось! Корпусная наша квартира переходит в Херсон, а источник элегий, трудами *добрых людей*, насильственно обращается против своей склонности и бежит к Неве, где (быть может) отдаст свой долг северному климату и навсегда для меня застынет.

Тебя тревожат воспоминания! Но если посреди какой бы то ни было столицы вздыхаешь о предметах твоей дружбы, то каково мне будет в Херсоне, где степь да небо? Каково мне, удаленному от женщины, которую люблю так давно, и с каждым днем более и более, и которую с намерением увлекают вовсе в противную сторону той, где я осужден убивать не последние уже года, но последние дни истинной жизни? Я надеялся по отъезде ее сколько-нибудь утешить сердце на берегах *Рейна*, но перемещение нашей корпусной квартиры

разрушает и эту надежду. Впрочем, хотя я Орлова очень и очень люблю, но, правду сказать, несчастье мое не подвластно его утешениям; надо человека, которого бы сердце отвечало моему, а Орлов слишком занят отвлеченною своею химерою, чтобы понять меня. Ты один, точно один для меня, которому я могу открывать все чувства мои, не опасаясь сухой математической улыбки. Чтобы я дал быть бесчувственным или по крайней мере заглушить заблуждениями ума заблуждения сердца! Этот проклятый романический мой характер и мучит и бесит меня. Я думаю, что, удрученный годами, в серебряных локонах, я буду тот же,— более:

Когда я лягу на одр смерти, и
Тогда на дни мои, протекшие при ней,
Я обращаю еще мой взор слезами полной,
Еще в последний раз вздохну о них невольно,
Невольно постыжусь я слабости своей...
Но в гроб снесу печаль утраты милых дней!

Я вчера получил письмо от Федора Толстого, между прочим, он мне описывает свои ужины, но не говорит о ссоре Катенина с Батюшковым за тебя, а ты знаешь, что о таком приключении Толстой не промолчит. О Дмитрие Давыдове не беспокойся, он жив и здоров, а слух сей нарочно пропустил, дабы узнать, кто его истинно любит или не любит. Что мне тебе еще сказать? Жуковского стихи на рождение великого князя мне нравятся — есть места прелестные, но зачем притащил он Пожарского, Романова, Петра, пир Екатерины в минуту его смятения и неведения еще о решении судьбы великой княгини?

Что же касается до двух ангелов, предсказания его великости, потому что он родился в Кремле, где возмужал орел наш двоеглавый, и желания, чтобы он встретил обильный честью век,— это превосходно!

Я, любезный друг, каждый день в славной Софиевке, но ничто не пробуждает музыки моей! Не могу писать, когда слишком грустно. Прости, скажи мое почтение княгине и поцелуй детей за меня.

Твой верный друг *Денис Давыдов*.

Присылай мне, подобно Александру Бор. Голицыну, всякого рода запрещенные книги, нет ли у тебя нового романа «Jean Sbogar»? *

---

* «Жан Сбогар» (фр.).

〈Начало 1817 г. Дерпт.〉

Виноват, о муж пасый Израиля. В стихах я проповедываю бесстрашие, а на деле раб страстей; в стихах своих

Хочу, чтоб светлый ключ, с горы моей текущий,
 Не наводняя нив, их пеной освежал;
 Хочу, чтоб солнца шар, и жизнь, и свет лиющий,
 Лучами грел луга, но их не сожигал;
 И ветры, принося древам моим прохладу,
 Не обивали бы ни слив, ни винограду.

А на деле и обжигаюсь огнем страстей, и утопаю в их тине. Не смешно ли тебе, мужу крепкодушну сушу, покажется, что я мучусь бессонницею с тех пор, как узнал, что ты собираешь в хранительный ящик письма, достойные сего отличия по мыслям, слогу или чувствам? Сплю и вижу написать такое письмо, которое бы, в товариществе с письмами Дмитриева, Жуковского, Блудова и Дашкова, дошло до самого дальнего потомства. *Aut Cesar, aut nihil!** восклицают военные честолюбцы. В ящик или под стол! восклицает автор Воейков. Как достигнуть до моей цели? Задача, которую я не разрешил еще.

После двухнедельного глубокого размышления, остановился я на мысли написать к тебе о языке русском, о пользе просвещения и о мерах, которые нахожу полезными для распространения в Отечестве нашем изящных искусств, наук и необходимых художеств; перечитал для этого Ж.-Ж. Руссо, Локка, Бецкого, Жан-Поля, Песталоцци, переписку Иоанна Миллера с Бонштетеном и пр.; настроил для этого и голову, и сердце, и воображение; призвал на помощь всех святых Чети Миней и Мифологии... и что же? О непостоянство судьбы человеческой! Один вечер все перевернул и все смешал в голове моей так, что ничего сообразить не могу: прощай, надежда на сафьянный переплет с золотым обрезом, на жизнь в потомстве! Прощай, хранительный ящик с образцовыми письмами! Между мною и тобою стоит Шишков, как тень Стигийская, точно в том виде, в каком я видел его в последний раз в Петербурге! Еще гремит в ушах его бесконечная проповедь! Слушай, я расскажу тебе мое ужасное приключение:

* Или Цезарь, или ничто! (лат.)

На днях я посетил один почтенный дом,
Где рассуждаемо о просвещеньи было;
Сперва меж двух-трех лиц, а там и четвером.
Гляжу — все поднялось, и все заговорило.

И все умолкло! Шишков, игравший в вист, седым
челом приподнялся и десницею дал знак, что он гово-
рить хочет к обществу.

Так бушевание бури, ропот ужасный на сушу
Ветром гонимого моря слышит Нептун. В глубочайших
Хлябях смятенье; и сильно встревожен, бросает далекий
Взор, и чело из моря — знаменье мира — подьмлет.

Казалось, Шишков грозил указательным перстом
собранию, как бог морей неугомонным ветрам, и только
что не выговорил: quos ego! *

Две букли, кошелек, глазетовый кафтан,
С букетами камзол без слов об нем вещали;
Синопися с Требником у ног его дремали.
«Славяне, — он сказал, — не читывали встарь
По многу толстых книг! К чему они? Букварь,
Стоглав с Грамматикой прочесть, Максима Грека,
Вот все, что надобно для счастья человека!
Наречья Русского языка Славенский царь;
Известно это всем, как дважды два четыре:
Им говорят поднесь все Ангелы в эфире;
Им с Еввою Адам в эдеме говорил;
Он, он, санскритское наречие родил
За двести двадцать лет до страшного потопа.
Им исключительно гласила вся Европа.
Град Липецкий от лип славяне нарекли;
Град Вена за княжной российской отдан в вено;
На Сене кашивал в Петровки Рюрик сено;
В Пирмонте пироги подовые пекли.
Мы ж, внуки сих славен, как говорим? По-русски!
А бабы с парнями и хуже, по-французски!
Поверье в виршах их словесники приняв,
Забыли склад *Бовы*, смак смочный *Ерусалана*,
И по мосту-мосту, и шла Татьяна-пьяна.
Увы нам! Сульцеров да Блеров прочитав,
Одни по правилам сих греков сочиняют,
Другие нехристи немецкой подражают.
Одно лишь средство есть безвредным сделать яд:
Пусть просвещение Беседе поручат;
Мы гибель отвратим Российския державы —
И будет славянин опять наследник славы!

Старик, проговоря свою филиппику, замолчал и сел
опять за карточный стол спокойно доигрывать пулю;

---

* я вас! (лат.)

но каково было мне, *присяжному Арзамасцу*, слушать это? И каково же было впечатление, сделанное сею речью над многолюдным и, по-видимому, просвещенным обществом? Я был как на иглах.

Шум одобрения по комнатам пошел;
Качая головой, дивилось все собрание,
Зачем правительство не верит воспитанье
Народное таким по старым их летам,
По опытности их уважаемым мужам,
Ученые любящим, но им не развращенным
И в честь Отечества столь пламенно влюбленным!

После этой сцены простыл у меня жар писать к тебе о пользе народного просвещения, благонамеренным правительством направляемого к истинной своей цели, к сделанию людей добродетельнее и счастливее. Я ушел в угол, бросился в кресла, голова моя кружилась как от угару, и я бормотал себе под нос:

О ты, который мнишь, что вне славенских книг
Нет слога верного, наук и просвещенья;
Муж при уме тупой! Сбрось тягость сих вериг:
Дозволь в Жуковском нам искать очарованья,
И вкус Карамзину прости за дарованья...
Признай....., что в Вяземском опрятный слог нашел,
Что в нем Вольтерова и острота, и сила;
Что Батюшкова ты тихонько сам прочел...
Но ах! Горбатого исправит лишь могила.

Этого мало! Я думал уже, что все кончилось. Гости начали понемногу разъезжаться, в комнатах сделалось просторнее. Слуги впопыхах бегали из угла в угол; все предвещало, что накрывают стол... Часы мои показывали полночь и подтверждали мою догадку. Уже два длинных официанта в золотых галунах и с салфетками в петлице разнесли гостям водку и закуску; уже отворились настежь все двери, ведущие в столовую, которая была освещена ярко. Блеск бесчисленных хрустальных свеч, отражающийся в бронзовых люстрах, в вызолоченных жирандолях и граненых хрустальных корзинах, делал сей пир похожим на пиры древних афинян.

Я ожидал, что тут польются острые слова, как пенистое шампанское, что я услышу сладкое витийство вельможи, рассуждающего об общем благе; жаркий рассказ об сражении под Кульмом или под Фершампенуазом полководца; скромное суждение дам об новой басне Крылова, об бронзовом Пожарском Мартоса, об новом около света путешествии Головнина... Не тут-то было!

На одном конце стола генерал от кавалерии NN громко-гласно рассказывал, как он играл *grande misère partout*; * на другом конце сенатор из иностранцев М. М. повествовал изломанным, едва понятным русским языком великие подвиги свои во время Американской войны на Голландском флоте, где тогда его высокопревосходительство служил — матросом. Что со мною будет? — думал я, наклоня голову в тарелку, как будто бы желая прочесть на ней мое неизбежное... Между тем грядущее сделалось настоящим и поневоле привело мне на память стих доброго нашего Пушкина. *Несчастливого меня с Вральевым посадили!* В самом деле, я находился между огнем и пламенем. С правой стороны сидел подле меня набожный Масон,

Благочестивого пера на острие
И кухню и подвал устроивший себе,

по левую сторону молодой генерал Б.,

Храбростью обязанный усам,
Суждений резкостью медалям и крестам;
Занявший блеск ума от пары эполетов.

Лишь только узнал набожный сосед мой, что я служу по части просвещения, то и обратился ко мне с плодами своих бдений. «Мне давеча не хотелось противоречить старику, почтенному по своему чину и летам (сказал он). Признаюсь, однако, что мне жалко было его слушать; какой вздор нес он! По его мнению, величие народа, сияние добродетелей и самое царство небесное зависит от языка славенского, между тем как мы знаем, что язык есть не больше, как оболочка мысли. Какая нужда, что оболочка сия французская или русская, когда и самая мысль есть скорлупа, в которой заключено зерно истины? Впрочем, я совершенно согласен с ним в том, что науки, как они теперь есть, науки, которые преподаете вы в университетах и Академиях, — есть зло нравственное. Они вводят роскошь, развращают нравы, сводят человека с степени духовной на степень скотскую. Одним словом, мирские, светские

Науки — сумасбродство!
Героглифика, Теория духов —
Их список послужной, в чины их производство;
Наука тайных слов, юродивости, снов;

---

* мизер (*фр.*).

От ближних, от родных, от мира отречение: *
Вот настоящее, друг милый, просвещение!
Теперь на светские науки бросим взгляд.
Рассмотрим, что их цель, орудия и средство? —
В увитый розами покал лить сладкий яд,
Под позолотою скрыть жизни тленность, бедства.
Ваятель, страсти в нас желая распалить,
Спешит от пелены Венеру обнажить,
И дышит каждая округлость сладострастьем.
Поэт над слабостью грустит с таким участием,
Что слабость и порок готовы мы любить.
Но в краски вдунув огонь и образ дав холстине,
И кисть не менее преступна на картине.
Развернем наугад журналы! Возглас
Любимый авторов: *сегодня только наше;*
Пить наслаждение спешите полной чашей!
Пусть смерть придет: она в пиру застанет нас!
Вот то, что в книгах мы и в книжечках читаем
И портимся, хотя того не примечаем.

«Одним словом (прибавил он), я больше требую от писателя чистой нравственности, нежели чистого слога; требую, чтоб он больше смотрел на небо, нежели на землю, на будущее, нежели на настоящее». — «А я, напротив (холоднокровно возразил я), поставляю чистую, высокую цель нравственную за первое условие,

— Я требую, чтоб люди не спеша
Земной дорогой шли, худа иль хороша;
Чтоб верили Вождю и, попирая терны,
Срывали на пути растущие цветы.
Преступен, кто, на мир покров набросив черный,
Закрыв от наших глаз природы красоты,
Беглец с земли и благ небесных недостойн,
Как лавров со стыдом ушедший с поля воин.

Хотя и сам я люблю мечтать о смерти, о бессмертии, о будущей жизни и молю всякий день Бога, чтобы, когда ударит последний час мой, мог я сказать, как Лерберг: *я готов, Господи!* И кто из нас не любит летать на небеса в воображении?

Как гор Кавказских конь,
Ног быстрою вихрь, ретивостью огонь,
Удой и местом тем, где он идет, скушает
И взором впереди пространство пожирает:
И он, у пламенной занявши Веры крылы,
От настоящего к грядущему парит.

---

* На все это смотрится здесь с дурной стороны. Есть мистика истинная, высокая, которой основание у человека в сердце: это чувство своего небесного происхождения и тайное стремление к Отечеству.

Иль вживе, обопрясь об крест, чрез ров могилы
Шагает, чтоб обнять утраченных друзей
И очи бранные насытить вечной славой.
Утеха сладкая; но ах! дает ли право
Забуть оставленных на сей земле детей,
Семейство, родину? Терпи на свете белом,
Летай на небеса, но житель будь земной.
Верь сердцем, исполняй Евангелие делом!
Что пользы, что кимвал звучит, коль он пустой?

— «Все это отчасти справедливо! — сказал мой противник запинаясь; — но мы удалились от своего предмета, от наук». — «Лучше скажите (отвечал я), что вы хотите отдалить меня от наук, с которыми я желаю вас примирить и сблизить. Говоря о произведениях изящных искусств, вредных для нравственности и религии, вы забыли назвать *Преображение Рафаеля*, *Ночь Корреджия*, *Церковь Св. Петра Мишель-Анжа*, *Мессиаду Клопштока*, *Потерянный Рай Мильтона*, *Надгробные слова Флешье*, *Проповеди Массильона и Филарета*, *Дух Христианства Шатобрианов* и *Сочинения об бессмертии души Гердера*. Вы забыли, что науки —

Подпоры алтаря, друзья благих царей,
Враги мучителей; они у палачей
Исторгнули бичи, цепь рабства разорвали
И потушили огонь торжественных костров,
И ненависть в сердцах у граждан иступленных,
Ножами, пламенем и ядом вооруженных,
За веру резавших и братьев и отцов.
Науки христиан в святой союз создали;
Равно и атеизм и фанатизм изгнали
И проповедали терпимость и любовь.
За то ль достойными соделались гоненья,
За то ли, что, открыв миры на небесах,
На капельках росы, песчинках и листах,
Они к Творцу ведут по лестнице творенья?

Я хотел было продолжать, но усастый герой мой довольно неучтиво перебил речь мою, уверяя, что это дело решено уже, и

Представя мне на суд свой бестолковый толк,
«Давно б завербовать в уланской должно полк, —
Сказал он с гордостью, — ученых и поэтов!
Когда б о храбрости писателей судить
По жару их стихов, по жару сильной прозы,
То в армии таких героев не найти!
Но с делом правил их не можно согласить:
Им горячо в огне и холодно в морозы;
В стихах у них бивак, а на постели розы».

Тут я не выдержал и с жаром негодования доложил герою, что Жуковский, которого «Певец во стане русских воинов» сделался катехизисом военных людей, сражался и пером и шпагою за Отечество; что Батюшков тяжело ранен; что под Вяземским убита в Бородинском сражении лошадь, что пылкий Кайсаров умер на поле чести; что одно имя Давыдова совершенно опровергает ваше положение; что все писатели хорошо или худо дрались под знаменем свободы. И красноречивый мой воин, не много осердясь за то, что я осмелился перервать его, продолжал:

«Вреда наук в глазах разительный пример:
Философы везде выходят за пределы;
Религия шатка, суждения их смелы.
Гельвеций, Даламберт, Дидрот, Жан Жак, Вольтер
И церковь и престол во Франци подрыли,
И Бога огняли, и нравы развратили.
Россиянам лишь две науки должно знать:
Одна — возделывать поля и удобрять;
Другая — не щадя ни золота, ни жизни,
Стрелять, рубить, брать в плен и гнать врагов отчизны.
Теперь последняя наука коротка:
Не надобно ни брать, ни строить укреплений;
Все ограничено наукой уравнений;
Глаз верен, сердце есть, крепка твоя рука,
Ты строен и высок — так ты военный гений!»

— «А взятие Данцига? скоро подхватил я, а построение Кронштадта, ключа к Петербургу, а кораблеплавание, архитектура, мельницы, водяные сообщения, металлургия, артиллерия, самое сельское хозяйство и лечение болезней; пожарные трубы, громовые отводы, предостережение от оспы, язвы и наводнений? Не говорю уже о торговле, о мануфактурах, заводах и фабриках!»

«Вы ошибаетесь (продолжал я), вы слишком скоропостижно сделали ваш смертный приговор наукам и искусствам. Я знаю, что военный суд в двадцать четыре часа должен кончиться; но мы теперь, слава Богу и Государю, ни с кем не воюем, мы мирные граждане. Итак, я могу взять свое дело на апелляцию и вас же самих выбираю в судьи и в посредники. Неужели надобно запретить употребление ножей для того, что есть разбойники, и употребление огня оттого, что есть зажигатели? Против тех и других есть полицеймейстеры; а что иное цари, как не верховные блюстители нравственного благочиния? Молодой человек! Молодой че-

ловек! — сказал я, крепко пожав ему руку, — неужели ты в самом деле веришь, что военная наука и военное искусство не существуют?

Неужли думаешь, что крепостью плеча,
Большими пушками и остротой меча,
Не хитрым разумом — бессмертный вождь Кутузов
В Москве сеть гибели расставил для французов?
Что мор и глад в их стан по случаю зашел?
И что, с Растопчиным не снесшись, случай грубый
Зажег Москву тогда, как вывезены трубы?
Что случай россиян в Тарутино завел?
Что счастье до зимы французов продержало
И в Красном русскими полками управляло?
Что счастье грозные разбойничьи орды
На гибель обрекло без крови и сражений
И снегом замело их трупы и следы?
Когда то счастье, то счастье это — гений!
У турок и татар число решает бой,
И храбрость с силою творят вождей, героев;
У просвещенных же народов — не рукой
Рвут лавры, хитростью, искусством в вихре боев
Распорядить, сдержатъ и влить отвагу в воев.
Все добродетели, осанка, быстрый глаз,
Жар в сердце, лед в уме, честь, слава, дарованье,
Высокость, простота, витийство и познания:
Вот качества вождя великого у нас!
Так! Александров ум и верностьображений,
В Монмартре, в Лейпциге победу одержал;
Глас мудрости Его в союз царей созвал
И развернул хоругвь народных ополчений.
Единый мощный дух Его душою был
Столь разнородной сей махины многосложной.
Все: расстояние, движенье, сумму сил,
И время и места расчислив, он решил,
Что невозможное для мелких душ возможно
Тому, кто твердостью Рок самый утомил,
И таинство постиг высокого искусства —
Любовью покорять под власть сердца и чувства!

Сия последняя, высокая наука полководца называется у тактиков, как сами вы знаете: *Теориею невозможного*. Главные части ее: вера, нравственность, строгий порядок, справедливость в раздаче наград и отеческое попечение об участи воинов...»

Я еще витийствовал, когда ужин кончился. В гостиной оба мои противники один после другого подошли ко мне, пожали у меня руку и с учтивостью объявили мне, что они остаются при прежнем своем мнении, потому что оно справедливо, и что я напрасно терял труд, желая убедить их в пользе просвещения.

В досаде схватил я шляпу, побежал домой, послал за лошадьми, сел в коляску — и поскакал в Чухляндию, в Лифляндию, хотел я сказать.

Приехав в Дерпт, несколько раз принимался я писать письмо к тебе; но так как мне хотелось непременно говорить о пользе наук и просвещения, тогда как сердце кипело еще досадою против невежества, раскола и пустосвятства, то и выливалась всегда чепуха, бред человека в горячке. Потеряв терпенье, бросил я перо и, глубоко вздохнув, подумал: видно, ни одному письму твоему не лежать подле писем Дмитриева, Жуковского, Блудова и Дашкова!

ПИСЬМА В. Л. ПУШКИНА

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

20 февраля 1818 г. Москва.

...Блудов вчера отправился в Петербург. Жуковский и Жихарев его провожали до Черной Грязи; я не поехал по причине слабого моего здоровья; *дряхла и стар бо есмь*. История Российская вся уже раскуплена в Петербурге, а здесь ее продают, но дорогою ценою. Я читаю ее с восхищением и просиживаю за нею целые ночи. Каченовский отдает справедливость трудам Николая Михайловича и преклонил, так сказать, перед ним колена; я за это начинаю любить его. Вигель (Ивиков Журавль) пишет к Блудову, что многие в Петербурге называют Историю Российского Государства славнейшим произведением нынешнего века (что согласно с мнением моим и в чем, кажется, и сомнения нет), а что некоторые критикуют предисловие, утверждая, что он в нем предсказывает падение нашей империи, что автор мало говорил похвального о предках наших и что в новой истории слишком много ссылок и примечаний. Разумеется, что сии критики сущие невежды и глупцы и что они помрачить славы нашего Ливия не могут...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

14 марта 1818 г. Москва.

...С Жуковским, с Булгаковыми я бываю часто. Полетика, Блудов, Северин уехали в Петербург. Третья книжка «Für Wenige» * вышла, но я ее еще не имею. — «История Российского Государства» у меня из рук не

---

* Для немногих (нем.).

выходит. Я уже дочитываю седьмой том. Николай Михайлович, невзирая на нелепые критики, совершил дело великое. Алексей Пушкин на счет истории сей говорит большие глупости, находит в ней множество галлицизмов, которых нет и быть не может, потому что сочинитель, трудящийся тридцать лет в образовании языка нашего, должен быть в нем совершенно сведущ...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

27 марта 1818 г. Москва.

...Наместо Блудова я сделался будильником Жуковского, и с ним часто бываю вместе. В прошедшее воскресенье мы ужинали у Кайсаровых. Жуковский читал «Старушку», я своего «Кабуда». Не знаю, дошла ли до тебя весть о том, что происходило в последнем собрании нашего ученого общества? Мерзляков читал письмо какого-то Анонима, вооружающегося против экзаметров, баллад, одним словом, ругал нашу Светлану сколько душе его хотелось. Вот до чего доводит зависть! Господин профессор, забыв, что Жуковский сам присутствует в собрании, вздумал давать ему уроки, и министр просвещения, попечитель университета, И. И. Дмитриев и многие другие были слушателями. На другой день он явился к приятелю нашему с извинением, и тот, по доброте души своей, простил его. — Я страшно был сердит на нового Зоила и с тех пор еще с ним и не встречался...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

8 июня 1818 г. Москва.

Жуковский еще не бывал. Я его всякой день ожидаю. Батюшков здесь. Мы часто бываем вместе и пьем шампанское как воду. В прошедший понедельник Американец Толстой давал нам ужин. Стешка с своими подругами отличалась и восхищала нас. — До ужина, который был великолепнейший, мы спорили о литературе; Батюшков сразился с Катениным и чуть было за тебя не подрались — но шампанское всех примирило, и мы у Толстого просидели до пяти часов утра...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨9⟩ июня ⟨1818 г. Москва.⟩.

...Катенин написал трагедию «Андромаху». Батюшков уверяет, что трагедия хороша, но что стихи дурны. Новой трагик большой говорун и спорщик и, между нами будь сказано, слишком самолюбив, чтоб написать что-нибудь порядочное...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

*2 августа 1818 г. ⟨Калужской губернии⟩
Козельского уезда.
Село Березичи.*

...Почтенный наш Николай Михайлович остается в Петербурге еще на зиму, а мне сдается, что он и вечно там жить будет. История Российская печатается вторым тиснением, и, кажется, с некоторыми прибавлениями. Каченовский беснуется, Мерзляков пьянствует с досады, Кутузов в иступлении. Ура!...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

11 сентября 1818 г. Москва.

...Вчера я был у И. И. Дмитриева, и много говорили о тебе.— Неистовая критика Каченовского меня бесит; московский фрерон злобою и глупостью превосходит парижского. Ты пишешь, что тебе нельзя, по некоторым обстоятельствам, вступить за Николая Михайловича; но я нахожу, что это несправедливо. Вооружимся, брат, против нелепого Зоила; несмотря на то, что стихотворения мои будут печататься нынешнею зимою, я смело бросаю ему перчатку и отделаю его не хуже славянской братии...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

21 октября 1818 г. Москва.

...Эпиграммы твои на Каченовского хороши, но этого мерзавца надобно отделать иначе. Надобно отвечать на его неистовую критику справедливым, колким

и остроумным рассуждением в прозе. Если бы вы трое, т. е. ты, Блудов и Дашков, были здесь, в Москве, тогда б пошла потеха! — Жаль, что мы рассеяны по лицу Земли! Я пустил в свет золотые слова Николая Михайловича и надеюсь, что это дойдет до гнусного Зоила. Иван Иванович Дмитриев негодует, что гвардия нашего историографа молчит. Должно признаться, что он истинный друг его и почитатель его славы. Я начал писать «Разговор книгопродавца с журналистом» в роде сатир Жильбера. Если из этого выйдет что-нибудь порядочное, то я тебе, по окончании, пришлю немедленно...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

14 февраля (1819 г. Москва.).

...Тургенев мне прислал книжку Уварова (*Le Janvier **), я осмеливаюсь находить сие произведение нашей почтенной *Старушки* весьма посредственным. Что за охота писать надгробные слова и приводить тексты из Боссюэта? Он очень тяжел для молодых ораторов. <...>

Каченовский не перестает возиться. И. И. Дмитриев сердится, что мы его не потеряем. Правду сказать, этого Зоила проучить надобно...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

16 марта 1819 г. Москва.

...Я восхищаюсь дарованиями моего племянника, но сердечно сожалею, что он посещает таких вандалов, каков воспетый мною Шаховской. Немудрено с волками завять волком. — Киевский житель, которого письма мы читали в «Вестнике Европы», не кто иной, как Каченовский. Здесь сначала многие приписывали их Орлову, но я думал совсем тому противное и узнал тотчас автора по глупым его шуточкам и педантству. Надобно проучить Зоила; грянь на него мужественно и втопчи в говно: он того стоит. Последние стихи Жуковского на кончину королевы Виртембергския не нравятся Ива-

---

* Девятое января (*фр.*).

ну Ивановичу; он их чрезвычайно критикует, а что Пушкин говорит о нашей Светлане, того и пересказать нельзя. В мыслях его я совершенный скот единственно от того, что люблю Николая Михайловича и Жуковского и что отдаю справедливость изящным их дарованиям. Вторая половина оды или, лучше сказать, элегии Жуковского превосходнее первой, и я с тобою в том согласен. В первой много темного, и некоторые изречения, как, например:

Ответного движенья не возмешь —

нехороши.

Итак, Николай Тургенев будет издателем Политического журнала. Я этому радуюсь сердечно и ожидаю от издателя много полезного. Я уверен, что Шаховской и Катенин не будут его сотоварищами. Дерзкая их болтливость Тургенева не ослепит...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

27 марта (1819 г. Москва).

...Новостей у нас не много. Шаховской в Москве, ездит по домам и читает какого-то «Пустодома», новую комедию плодотворной своей Музы. Третьего дня он читал в доме Андрея Семеновича Кологривова; креслы под огромною тушею Гашпара подломились, он упал вверх ногами, панталоны лопнули, и он показал присутствующим

Ce qui sert au premier homme
A procréer le genre humain
La Fontaine.*

Я на этот случай написал следующую эпиграмму:

Читая Пустодома,
Несчастный жребий свой наш Гашпар предузнал:
Партера грозного он не дождавшись грома,
Осмеянный упал.

Посылаю тебе новое стихотворение старого поэта Долгорукова. Многие утверждают, что Жуковского

---

* То, что служило первому человеку для продолжения рода человеческого.

Лафонтен (фр.).

стихи — дрянь, но что сии последние — совершенный *chef-d'oeuvre* *. Алексей Пушкин точно этого мнения, он почти всякой день бывает с Шаховским и восхищается его умом и талантом. Каченовский имеет больших партизанов. Иван Иванович чрезвычайно негодует, что мы не сражаемся с пакостным Зоилом. — Я не был в последнем нашем ученом собрании — признаюсь, что на эту саранчу мне смотреть гадко и что все они мне надоели...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

10 апреля 1819 г. Москва.

...Мысль твоя издать «Московскую Флору» прелестна и, точно, золотая. Каченовский-репейник в 6-й книжке «Вестника Европы» еще более остервенился на Николая Михайловича. Теперь выходит на сцену какой-то *Житель Девичьего поля*. Приятель его, отставной бригадир, ругает нашего историографа наповал. Я удивляюсь, что Оболенский молчит и не препятствует Зоилу нашему изливать желчь свою. — Я писал к тебе о пресловутой Беседе. Я почти намерен вовсе от нее отказаться; гадко быть с этими уродами. Об Антонском я скажу, однако, что он не одобряет ни Каченовского, ни Мерзлякова, но *репейник* и *попынь* дают кашку, а луга литературы нашей чрезвычайно ими изобильны. <...>

Чтоб тебе похвалить нашу пресловутую Беседу, я скажу, что издатель «Журнала для милых», известный Макаров, избран единогласно действительным членом оной. Поздравляю с новым товарищем тебя и себя, Жуковского, Батюшкова, Давыдова — всю братию и все христианство...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

21—24 апреля 1819 г. Москва.

...23 апреля. Середка. <...>

Шаховской все еще в Москве. Он мне сказывал, что племянник мой у него бывает почти ежедневно. Я не отвечал ни слова, а тихонько вздохнул. Шаховской

* шедевр (фр.).

трудится над спектаклем, который завтра будет у Потемкиных. Графиня празднует свои именины; после спектакля будет бал, без сомнения, несносный *cotillon* * и прекраснейший ужин...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

〈20-е числа〉 января 1820 г. Москва.

...Истинный талант торжествует над злобою и завистью. Николай Михайлович получил золотую медаль от лица Академии, и сам Шишков поднес ему ее. Это приятное известие оживило меня в болезни моей, и Иван Иванович, зная любовь мою к нашему почтенному историку, нарочно прислал мне письмо, в котором Тургенев описывает сие происшествие. Я люблю Тургенева, и люблю сердечно. Он умеет ценить достоинства и предан Николаю Михайловичу. Надеюсь, что в этом и я ему не уступаю. Каченовский должен лопнуть с досады...

В. С. АПРАКСИНУ

23 февраля 1820 г. Москва.

...Говорят, у Пашковых за несколько дней до масленицы давали публике очень забавный спектакль. Играли «Воздушные замки» Хмельницкого — изящный сколок с «Испанских замков», этой прелестной комедии Коллена д'Арлевиля, которую всю знаю наизусть, и в которой я сам некогда игрывал не без успеха. Я убежден, что Платон превосходно сыграл роль Казини в «Страсти сватать». Теперь он говорит по-французски гораздо лучше прежнего, и нельзя иметь более естественности, нежели показывает он во всех своих ролях. Тем не менее досаую, что не я играл эту роль. Если бы я добрался до Петербурга, он, вероятно, сам бы отдал ее мне.

Кстати о комедиях. Говорят, что «Какаду» — вещь замечательная. Все же, если графиня Лелева решилась сохранить ту живость, которую она продемонстрировала на «Липецких водах», то осталась лишь щеголи-

---

* котильон (фр.).

хой дурного тона, а дурной тон это то, что еще более невыносимо на сцене, чем в гостиной. Наши драматические авторы, даже наиболее талантливые из них, не имеют никакого представления о большом свете и, более того, не слышали даже хорошего общества (разве через замочную скважину), вот почему их комедии исполнены дурного вкуса, нелепостей и банальностей. И пусть так называемые патриоты Варяго-славяне, или как Вам будет угодно их называть, восстанут на меня, я всегда предпочту веселый французский водевиль нашему «Рекрутскому набору», «Новому Стерну» и всем мнимым шедеврам, наблюдая которые нельзя сдерживать зевоты. Я даже имею смелость утверждать, ни разу не видя Сент-Феликса, что он бесконечно лучше Брянского и ему подобных. Что вы хотите? Это моя слабость, но я стою на своем и буду именно так отзываться о наших Молиерах и Моле с берегов Невы, которые мне наскучили до смерти и которых я нахожу весьма нелепыми...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

3 июня 1820 г. Москва.

...Скажи мое почтение и любовь Николаю Михайловичу и Катерине Андреевне. Я уверен, что они иногда обо мне вспоминают. Племянник мой уехал в Екатеринослав, жалею, что ты не застал его в Петербурге. Читал ли ты некоторые отрывки из его Поэмы, напечатанные в петербургских журналах? и что ты о них думаешь? Какой-то новый критик вздумал нападать на любезного нашего Жуковского. Я и сам, признаюсь, не очень доволен новою его балладою, но Жуковский написал столь много хорошего и, так сказать, изящного, что его критиковать грешно и не должно...

А. И. ТУРГЕНЕВУ

7 октября (1820 г.) Москва.

Приятное письмецо твое от 28 сентября и вторичный варшавский гостинец я получил, любезнейший Александр Иванович. За все и за дружбу твою благодарю чувствительно. Если буду жив, то зимою увидимся непременно; жаль только, что Светлана не будет с нами!

Эпилог племянника моего прелестен. Поэму его вседневно ожидаю. И. И. Дмитриев ее уже имеет и многое в ней очень хвалит и многое критикует. Мы вместе с ним ее читали. Журналисты петербургские взбесились. В рецензии, напечатанной в «Сыне Отечества», я заметил, что критик говорит о мрачных картинах *Корреджия*. Какое невежество! Грации водили кистью Корреджия, и все картины его прелестны. *Le gracieux n'est pas lugubre* *. Критик сочетал Орловского с славным питомцем Италии. Какое сочетание! Что он нашел сходного между ими? В одном месте, говоря о стихах моего племянника, рецензент восклицает: мужицкие рифмы! Сохрани Боже, сударь, <судить> так криво и изъясняться так грубо! <...>

Прошу засвидетельствовать мое почтение и любовь Николаю Михайловичу, Катерине Андреевне и всему их почтенному семейству.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

13 февраля <1821 г. Москва.>

...*Послание* твое к Каченовскому нравится всем истинным любителям поэзии и словесности. Его критикуют только завистники Н. М. Карамзина, Катенин, А. М. Пушкин и им подобные знатоки. И. И. Дмитриев, напротив того, восхищается твоими стихами и благодарит тебя за них. Каченовский, разумеется, чрезвычайно на тебя зол. Он напечатал послание твое в «Вестнике Европы» и с примечаниями, которые глупы и жалки. Ты его убил совершенно. Приезжай, ради Бога, в Москву, и посмеемся вместе над уродами...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

21 февраля <1821 г.> Москва.

...Толстый Шаховской или, так сказать, Гашпар приехал в Москву. Родитель его скончался, и он получает наследство. *Послание* твое к Каченовскому ему не нравится, потому что он ничего хорошего не любит, но я признаюсь, что Гашпар сноснее Катенина и, по крайней мере, не так кричит, и с ним спорить можно.

* Изящное не мрачно (фр.).

Он написал какую-то комедию, которую Катенин украсил прологом. Сюжет из Валтер Скотта. Я не читал ни комедии, ни пролога, но уверен совершенно, что все это дрянь и ни к чему не годится. «Вестник Европы» перебранивается с «Сыном Отечества». Шаховской Грейча не любит, а Каченовскому, как кажется мне, кланяется об ручку и боится его. Бедный Шаликов болен с августа месяца: говорит, что у него обструкции в животе, а неприятели его уверяют, что какая-то *Варюшка* всей беде причиною и что он точно в том же положении находится, в каком некогда был блаженной памяти философ Панглос. <...> Николай Тургенев вчера должен был возвратиться из Симбирска. Я сегодня поеду его отыскивать...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

3 октября <1822 г. Москва.>

Благодарю тебя покорно, мой любезнейший, за все присланное тобою. Я прочел с величайшим удовольствием прекрасную твою рецензию. Замечания мои состоят только в следующих словах: «Браво! Хорошо! Прекрасно!» Более сказать нечего. Боюсь только проклятых невежд цензоров, которые, уважая невежд Варяго-Россов, ее не пропустят. Мне, слава Богу, лучше; сегодня хочу выехать и повезу Монитёра и рецензию твою Ивану Ивановичу для прочтения. Завтра все отправлю в Астафьево обратно. Обними любезного друга Жуковского за лестный его для меня подарок. Не знаешь ли чего о моих стихотворениях: Плетнев молчит, а я в недоумении и сокрушаюсь о том...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Москва. 9-го марта 1830 г.

Завидую тебе, мой любезнейший друг! Ты в Петербурге и, без сомнения, часто видишься с общими нашими друзьями, Дашковым, Жуковским, Блудовым и пр. А я сижу все взаперти и только тех вижу, которые обо мне вспоминают. Страданиям моим нет конца, и хотя мой эскулап уверяет, что мне весною будет лучше, но признаюсь, что я словам его не очень верю. <...> Чем-то занимается на берегах Невы пресловутый

Ф. Ф. Кокошкин? Я думаю, что сочинитель «Липецких вод» угощает его плодовитыми своими трилогиями, комедиями, водевилями, Катенин — изящными своими рассуждениями о *Киклопах*, Хвостов — своими лирическими стихотворениями, и пр. Как он, милый, счастлив и доволен! — На этих днях я пробежал новый альманах «Царское Село»: барона Розена я знаю по слуху, но кто такой Коншин? Мне чрезвычайно понравились в стихах Розена сии романтические изречения: *зык колоколов, дух лет, я еле* и пр. Я также восхитился остроумною сказкою *Медведя-костолома* и ожидаю, что мы скоро будем читать в альманахах: «На море Океане, на острове на Буяне, стоял бык печеный» и пр. Честь и хвала нашим юным писателям! Час от часу произведения их становятся умнее и замысловатее. Что значат «Бедная Лиза», «Наталья Боярская дочь», «Юлия» перед «Медведем-костоломом»? Теперь, по словам Нибура-Полевого, проза Н. М. Карамзина образцом служить не может. Мы просветились, и вкус в литературе переменялся. Перемена чудесная и достойная уважения!

Прошу тебя, любезнейший друг, засвидетельствовать мое искреннее почтение и преданность м. г. Катерине Андреевне и всему ее семейству. Я надеюсь, что твои родные подчас обо мне вспоминают. Будь здоров и благополучен, любезнейший друг! Обнимаю тебя душевно, пруд. *Василий Пушкин.*

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

27 апреля <1830 г.> Москва.

...Каков тебе кажется Шаховской? Он с ума сошел и сделался дурак дураком. Можно ли сочинять и печатать такие пошлые стихи, какие я прочел в последнем его сочинении «Москва и Париж»? <...> Напомни обо мне Д. В. Дашкову, Жуковскому, Блудову. Я рад благополучию Дашкова; хотел писать к нему и поздравить его, но я, забытый в мире, к большим боярам писать не умею. Обнимаю тебя от всего сердца.

Вечно твой

В. Пушкин.

П. П. Прошу тебя засвидетельствовать нижайшее и искреннейшее мое почтение м. г. Катерине Андреевне и всему ее любезнейшему семейству. Я всегда их люблю, почитаю и помню о них.

ПИСЬМА Д. Н. БЛУДОВА В. А. ЖУКОВСКОМУ

19/31 марта 1819. Лондон.

Здравствуй, любезная Светлана! Я думал, что не успею писать к тебе сегодня; и в самом деле, недостаток времени, а еще более недостаток здоровья и, следовательно, сил едва дозволяют мне взяться за перо. Но, при самом отправлении курьера, я вдруг почувствовал что-то похожее на движение швейцарца, который в чужбине слышит родимую песню; мне захотелось, захотелось так сильно сказать тебе... что-нибудь: например, что я люблю тебя и обнимаю, как люблю, то есть от всего сердца. Должно ли прибавлять, что и благодарю за твою грамотку позднюю, но милую? Я получил ее, как благодеяние, и, говоря без всякой метафоры, этот голос дружбы (скажу еще: и голос порядочного человека, что мне редко случается слышать) освежил меня по крайней мере на несколько времени, в моральном и физическом смысле. Такая помощь всегда нужна человеку, который привык жить сердцем; но в моем теперешнем положении она во сто раз нужнее. На сих днях я писал к Северину, что желтею и вяну как растение: это совершенная правда. Страдаю телом и духом; потеряв здоровье, я потерял и бодрость и последнюю уверенность к себе, следовательно, и всякое стремление к будущему: оно, почти как настоящее, в моих глазах совсем без цвета; и если б мне иногда не случалось вспоминать, что я друг Карамзина, Жуковского, Тургенева, Батюшкова, одним словом, арзамасец, то, конечно, уже давно бы причислил себя к тем людям, которые хуже глупцов, хотя не так глупы.

Оставим это: я тебя благодарил; теперь побраню. Возможно ли? Ты забываешь поручения дружбы, когда они касаются до помощи бедным. Отдав пятьсот рублей Афанасьеву и триста Аноховой (должно бы триста пятьдесят), ты еще не сделал главного: не выкупил на другие пятьсот рублей бедных должников из московского магистрата (знаешь, по какому обещанию?).

Пошли эти деньги скорее в Москву, к какому-нибудь надежному человеку, да сделай милость, не забудь опять: заклинаю тебя Богом и нашею дружбою, облегчи мою совесть. Сверх того, ты мне должен за Malte-Brun и Sismondi, по парижским ценам (помнишь наше условие?) 150 франков, то есть 125 рублей; отдай их, по твоему собственному усмотрению, тому, кто может иметь истинную нужду в сей малой помощи. За тем прости. Книжки, коих от меня требуешь, я пришлю к тебе весною с первым кораблем; постарайся и ты прислать мне чего-нибудь нашего. Обойми Карамзина, Арфу, и брата ее, и всех арзамасцев, не забывая особенно нашего бедного и верного Журавля. Говорят, что он опять очень болен; скажи ему в утешение, что я от других причин, но не здоровее его. Прости, Светлана. Я не получил твоего журнала *Для немногих*; пришли мне его, пришли и печатный экземпляр стихов на рождение Великого князя Александра и все, что напечатать, по крайней мере: ибо я уж не смею просить рукописного. Дай весть о Вяземском и <В. Л.> Пушкине и об их чадах или исчадиях. Да! Что делается со вторым изданием «Истории» и с десятым томом и что делает сам бесценный наш историограф? Еще раз обойми его и поцелуй ручку у Катерины Андреевны. Мне кажется, что я вас всех люблю еще больше прежнего. Прости, друг. Твоя навсегда *Кассандра*.

18/30 мая 1820. Лондон.

Друг Жуковский! Я знаю, что все арзамасцы бессовестны, по крайней мере в переписке с друзьями, и потому нимало не удивлюсь, когда сведаю, что ты отпирался в получении моих писем только для того, чтобы не отвечать на них. Однако же знаю также, что пакет, отправленный из Лондона в Петербург через курьера, может очень легко истлеть между руками многочисленных посредников. Ожидая этого, я хотя не всегда, но в некоторых, по моему мнению, важных случаях имею осторожность оставлять у себя копии с писем, которые *пускаю* в даль. Прочтя приложенное дубликатное, ты увидишь или вспомнишь, по какой причине оно должно было мне казаться важным. Если ты, Светлана, получил его в прошлом году, то, надеюсь, уже исполнил мое поручение; если получишь только ныне, то снова прошу тебя, заклинаю Богом и нашею дружбою, — исполни без замедления, ибо отложить и за-

быть для тебя все равно. Буде нет у тебя денег, то займи, заложив что ни есть в твоих руках драгоценного: например, свои сочинения или хоть мои... будущие... Оставя шуточки, друг любезный, я имею право и обязанность требовать, чтобы ты успокоил мою совесть, теперь еще более прежнего, потому что я, правда, не умер до сих пор, но постепенно и приметно умираю. Сверх того, в продолжительном мореплавании могу потонуть. Пусть же грех и клятва будут на одной твоей душе.

Прости, Светлана! Если Бог велит, то за этим «прости» вскоре последует «здравствуй»: я собираюсь в Россию и уже нанял корабль (*The Comet* *), который должен нести нас к устью Невы. Ежели утону, поставьте мне кенотаф в Арзамасе: ежели, напротив, доплыву счастливо, то и в этом случае готовьтесь отпевать меня. Я умел прежде смерти попасть в мертвые. Почти два года мало-помалу разрушаюсь от утомительной и упрямой болезни: доктора называют ее диспепсией, имя варварское, достойное моей немощи. От нее я прежде времени выезжаю из Англии; от нее все, особливо все моральное, во мне завяло; и я теперь стал арзамасец только именем, да разве еще немножко сердцем. Господа собратия! узнаете ли вы меня или скажете с Энеем: *Quantum mutatus ab illo!* ** Чтобы показать, какова перемена в живости моих чувств и надежд, довольно вот этого образчика: когда я оставлял Россию, то жалел о вас и Отечестве, но с удовольствием любопытства стремился в новый для меня край. Теперь... не жалею об Англии и, однако ж, не желаю к вам! Поверишь ли? Но так и быть! Что бы ни ждало меня, возвращусь. И умереть, и даже умирать или худо жить все лучше на своей стороне, посреди старых навыков и старых друзей. Прости еще раз; поклонись всем старым друзьям; в особенности обоими Карамзина и Тургеневых. Где Дашков? Да, ты пишешь, что преемник его, Сергей Тургенев, вам рассказывал многое про меня; я к этому прибавлю, что, вероятно, многое несправедливо, совсем не потому, что он хотел или умел солгать, но потому, что сам иное видел сквозь мои глаза, налитые желчью. Впрочем, Сергей, как и брат его, добрый и милый малый: дай Бог ему счастья, ежели есть счастье!

---

* Комета (*англ.*).

** Как он изменился по сравнению с прежним! (*лат.*)

ПИСЬМА М. Ф. ОРЛОВА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

28 февраля 1820 г. Киев.

...Пришли твои сочинения, ежели есть что-нибудь новое. Издавать журнала здесь в Киеве не буду, воля твоя — а затей русский журнал в Варшаве и помести там все без изъятия прения вашей Каморы. Вот слава тебе, вот честь. Я подпишусь на многое количество экземпляров.

Напиши мне об этом предмете несколько строк, а я тебе о сем напишу огромное письмо. Пожалуй, подумай и скорее отвечай. — Я даже пойду на сотрудничество и на разделение убытков. — Но делать должно осторожно.

22 марта 1820 г. Киев.

Так как ты не шутя пишешь ко мне о журнале, то я также, оставя шутки в сторону, скажу тебе мои мысли.

Как ты хочешь, чтоб здесь в Киеве издавался журнал? Здесь нет ни писателей, ни читателей, ни типографии, ни цензуры. Странно бы видеть свободомыслящий вестник, напечатанный славянскими буквами, сочиненный попами или монахами, и коего каждая книжка отсылалась бы на смотр в Харьков или Петербург. Да и всё под моим ведомством — я, коего и так каждое письмо, каждое слово, каждое дело, подлежит цензурному присмотру. А вот мысль моя, которую прошу обдумать.

Самое настоящее место для издания журнала — это Варшава. Там отголосок европейского просвещения более отдается. Там хотя не существует еще вольное книгопечатание, но, по крайней мере, оно торжественно обещано. Там ты имеешь свое пребывание

постоянно. Сколько предлогов для издания журнала рождаются, так сказать, из самой сущности вещей? Не стыдно ли, что посюда польская конституция еще не переведена на русский язык? Не стыдно ли, что в России неизвестно, о чем поляки рассуждали на последнем сейме? Не стыдно ли, что непроницательная завеса неизвестности покрывает от нас все покушения поляков на Россию? Ты определен, кажется, судьбою, чтоб сорвать сию завесу, чтоб показать, с одной стороны, то, что делается для водворения свободного правления в Польше, а с другой, то, что предпринимается для уничтожения российской славы. Я знаю, как трудно сие исполнить, но у тебя есть голова и перо, у тебя родилось, судя по письму твоему, то священное пламя, которое давно согрело мое сердце и освещало мой рассудок. Тебе предстоит честь и слава.

Показавши цель, покажу и средства.

Проект журнала должен быть составлен в самом умеренном духе. *Во-первых*: в оном должно показать намерение сплести новый узел к соединению двух народов. *Во-вторых*: предварить, что будут помещены статьи о польской словесности, дабы познакомить с оною россиян. *В-третьих*: то же можно сказать и о постановлениях, опираясь на истину, что короткое знакомство есть основание дружбы между людьми как между народами. *В-четвертых*: начать журнал переводом конституции, потом изложением последнего заседания, наконец, переводом речей. К сему политическому изложению можно прибавить перевод каких-нибудь стихов, басенок и проч. *В-пятых*: известие о происшествиях в Европе гораздо скорее доходит до Варшавы, нежели до России, почему и можно будет помещать оные в подробности, опираясь в проекте на истину, что Россия перестанет платить значительную дань чужим землям за их журналы. Сие весьма нужно, хотя единственно для соревнования с гимнами «Инвалида».

Форма журнала должна быть та же, что и французских ежедневных газет. Имя журнала предлагаю: «Российской наблюдатель в Варшаве». На предприятие я сам внесу значительную вкладку. Остальной капитал можно набрать акциями.

Тебе надобно собрать сотрудников, из коих один решится, может быть, на сие дело. Он наш арзамасец, а именно *Никита Муравьев*. Он недавно оставил служ-

бу и, сколько я знаю, горит желанием быть полезным. Я, Николай Тургенев, Дашков и Сергей Тургенев в Царьграде, Блудов в Англии и прочие арзамасцы будут твоими сотрудниками. Таким образом, самое разделение наше послужит к успеху.

Я, с моей стороны, один помешу до двухсот экземпляров. По крайней мере, надеюсь исполнить сие обещание.

Каков тебе кажется мой план? Чтоб не перебивать твоих мыслей, ни одного слова более не прибавлю. Оставляю сие на твое размышление и с нетерпением ожидать буду твоего ответа.

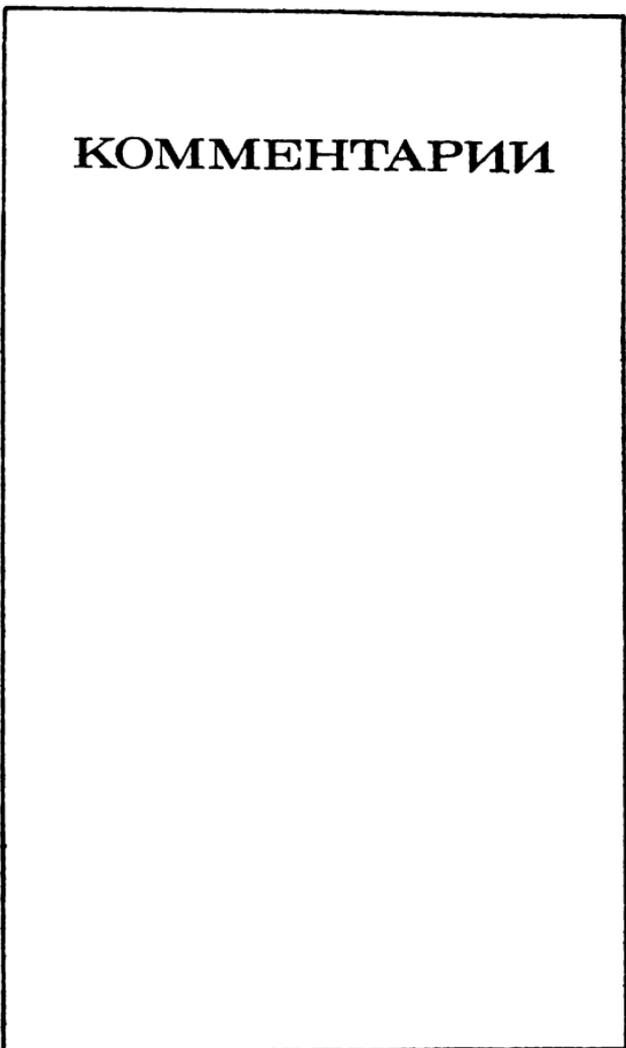
Рейн

21 августа <1823 г. Москва.>

Любезный Асмодей, ты, видно, сделался пастушком, и посох и свирель в первый раз нашлись в руках черта,— и Рейн притек в Москву, где он не намерен запрудиться, а намечает в Середу утром, то есть завтра, быстрою струей соединиться с Днепром. Не угодно ли будет Асмодею велеть запрячь себе колесницу в четыре коня и наподобие Плутона <?> явиться в Москву к Рейну в беседу, а сам Рейн ехать не может, ибо устал да обременен делами.

Рейн

Вторник поутру 21 августа
Рейн течет по Калужской улице.

КОММЕНТАРИИ

Тексты подготовили и примечания составили:

В. Э. Вацуро — стихотворения А. С. Пушкина и В. А. Жуковского (кроме посланий «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» и «К кн. Вяземскому»);

А. А. Ильин-Томич — сочинения и письма В. Л. Пушкина, письма М. Ф. Орлова и Д. В. Давыдова;

Л. Н. Киселева — статьи Д. В. Дашкова (кроме «Нечто о журналах»), С. С. Уварова (кроме «Опыты в стихах и прозе г-на Батюшкова») и Н. И. Гнедича;

К. А. Кумпан — стихотворения П. А. Вяземского (кроме «Застольной песни») и письмо к А. И. Тургеневу от 29 октября 1813 г., послания В. А. Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» и «К кн. Вяземскому»;

В. А. Мильчина — статья Д. Н. Блудова «Двенадцать спящих дев», «О греческой антологии» С. С. Уварова и К. Н. Батюшкова; «Опыты в стихах и прозе г-на Батюшкова» С. С. Уварова; переписка П. А. Вяземского и А. И. Тургенева и письма А. С. Пушкина (совместно с А. Л. Ошоватом);

А. Л. Ошоват — переписка П. А. Вяземского и А. И. Тургенева и письма А. С. Пушкина (совместно с В. А. Мильчиной);

О. А. Проскурин — стихотворения и письма К. Н. Батюшкова, сочинения и письма А. Ф. Воейкова, «Украденная записная книжка» и письма Д. Н. Блудова, статья Д. В. Дашкова «Нечто о журналах», письма В. А. Жуковского, Д. П. Северина, П. И. Полетики, письма П. А. Вяземского Д. В. Дашкову, переписка П. А. Вяземского и Д. Н. Блудова, «Застольная песнь» П. А. Вяземского.

При публикации произведений А. С. Пушкина учтены материалы готовящегося Академического Полного собрания сочинений поэта.

Список условных сокращений см. т. 1, с. 469.

А. Ф. Воейков. Парнасский адрес-календарь... (стр. 7).— РА, 1866, с. 760. Печатается по: *Поэты-сатирики*, с. 597. Традиционно датируется 1818—1820 гг. Между тем из письма А. И. Тургенева к Жуковскому от 23 апреля 1817 г. (см. с. 420, т. 1 наст. изд.) очевидно, что уже весной 1817 г. текст его зачитывался на заседаниях «Арзамаса». Возможно предположить,

что «Адрес-календарь», подобно другой сатире Воейкова, «Дом сумасшедших», строился по кумулятивному принципу, слагаясь в «цепочку» характеристик, которая могла пополняться в течение ряда лет. В «Календаре» пародически используется форма официальной росписи государственных чинов, с «арзамасских» позиций воссоздается панорама современной литературы; с этих же позиций сатириком выстраивается иерархия литературных ценностей.

Стр. 7. *И. И. Дмитриев, действительный поэт 1-го класса.* — Представление о Дмитриеве как о первом поэте современности, не чуждое многим из арзамасцев, было особенно присуще Воейкову, тяготевшему к эклектической и «усредненной» дмитриевской эстетике (см.: Лотман Ю. М. «Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе. — В кн.: Делиль Жак. Сады. Л., 1988, с. 196—205).

«За перевод Заиры». — В коллективном переводе трагедии Вольтера «Заира», осуществленном Нелединским, Гнедичем, М. Е. Лобановым, Шаховским и С. П. Жихаревым (представлена в Петербурге 12 января 1815 г.), Нелединскому-Мелецкому принадлежат два действия, которые были оценены карамзинистами как образцовые по ясности и чистоте языка.

«За сатиры». — Сатиры Горчакова пользовались широкой популярностью и еще при жизни поэта стали своего рода «классикой». К тому же сатирико-дидактическая направленность поэзии Горчакова была близка творческим устремлениям самого Воейкова, что не могло не сказаться на высокой оценке этого «беседчика» в «Адрес-календаре».

Д. В. Дашков... комитета о наблюдении православия в слоге первоприсутствующий. — Имеются в виду критические выступления Дашкова против Шишкова. Характеристика «должности» Дашкова явно перекликается с суждением из дашковской статьи «Нечто о журналах»: «...ничто не удерживает истинного литератора восставать против злоупотреблений и расколов, вводимых в язык наш».

Стр. 8. *Д. И. Баранов* — переводчик и третьестепенный стихотворец; явно завышенная его оценка объясняется, вероятно, давними приятельскими связями Баранова с кругом арзамасцев (подобно Жуковскому, Воейкову, Дашкову, он был воспитанником Благородного пансиона при Московском университете).

М. Т. Каченовский... ордена бани кавалер... — Еще в 1810 г. Каченовский напечатал в *ВЕ* (№ 1 и 23) историческую работу «Исследование банного строения, о котором повествует летописец Нестор». Труд о «банном строении» впоследствии стал восприниматься как некий символ бесплодного и бессмысленного исторического крохоборства.

А. Ф. Мерзляков... великий раздаватель галиматый. — Имеются в виду критические статьи Мерзлякова второй половины 1810-х гг.,

в которых, между прочим, содержались нападки на Жуковского, вызвавшие негодование карамзинистов.

...помещен на вакансию Ж.-Ж. Руссо...— В. И. Измайлов был страстным поклонником Руссо, пытался на практике применять его педагогические идеи (в частности, при издании журнала «Патриот»). Вместе с тем, иронически уподобляя Измайлова Руссо, Воейков метит и в его утрированную сентиментальность.

С. Н. Глинка снабжает отхожий кабинет патриотической русской Музы мягкой бумагой.— Насмешка над журналом Глинки «Русский вестник».

Максим Невзоров, за сумасшествием употреблен при Московском университете.— В пору екатерининских гонений на масонов (1790-е гг.) Невзоров был помещен в больницу для умалишенных.

Евстафий Станевич...— Воейков и литератор-«архаист» Станевич были давними литературными врагами: в свое время Воейков написал резкую рецензию (*ВЕ*, 1808, № 18) на брошюру Станевича «Способ рассматривать книги и судить о них» (СПб., 1808).

А. Н. Грузинцев... За малолетством отпущен в дом родителей доучиться читать и писать.— Скрытая отсылка к посланию В. Л. Пушкина «К В. А. Жуковскому» (1810): «Кто русской грамоте как должно не учился, // Напрасно тот писать трагедии пустился».

Кн. Шаховской, придворный дистиллятор...— Намек на комедию Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды».

Кн. П. И. Шаликов... князь вралей...— Формула, заимствованная из «Видения на берегах Леты» Батюшкова.

Стр. 9. Городчанинов, сорок лет находится при составлении экспромта на взятие графом Минихом города Гданска.— Намек на архаичность и творческое бессилие казанского профессора и стихотворца Городчанинова. Между прочим, «Ода торжественная о сдаче города Гданска» (1734) была одним из наиболее известных произведений Тредиаковского: последний, таким образом, оказывался предтечей, вдохновителем и недостижимым образцом Городчанинова.

Таушев, винный пристав.— Третьеразрядный стихотворец, известный склонностью к пьянству.

Кн. Козловский, при дополнении календаря объединения.— Князь П. Б. Козловский, дипломат, приятель многих карамзинистов, сам не чуждый словесности, отличался обжорством и непомерной толщиной.

Иван Евсеевич Срезневский...— Срезневский, профессор Харьковского университета, был для Воейкова воплощением нелепого и бессмысленного академического крохоборства, отверженного истинным вкусом. Судя по всему, именно Срезневскому намеревался Воейков посвятить свою «арзамасскую» речь: в *ИРЛИ* сохранились наброски и материалы к ней (выписки из сочинений Срезневского).

См. также стихотворение Воейкова «Послание к друзьям и жене» в наст. томе.

П. И. Голешицев-Кутузов, беседист, почетный член Общества завистливых...— Подразумеваются прежде всего доносы Голешицева-Кутузова на Карамзина министру народного просвещения Раузовскому (1811).

Статский советник Яценко... выпускает из себя Дух Журналов.— См. т. 1 наст. изд., с. 403 и 507.

Стр. 10. *Макаров, 14-го класса...*— М. Н. Макаров, издатель «Журнала для милых» (1804) и сотрудник множества московских изданий, вызывал у карамзинистов (в том числе и у самого Карамзина) немалое ироническое отношение. 14 класс (коллежский регистратор) — самый низший в Табели о рангах.

Катенин, царский постельничий...— Приведенные Воейковым стихи пародируют переводы Катенина из Расина (трагедия «Эсфирь», отрывки из трагедии «Гофолия») и подчеркивает ориентированность катенинской эстетики на «славянщину».

А. Ф. Воейков, избран советом немецкого университета...— Подразумевается профессорство Воейкова в Дерптском университете.

Иванчин-Писарев... Росляков.— Третьеразрядные литераторы, дебютировавшие в основном в 1810-х гг.

КРИТИКА

Д. В. ДАШКОВ

Перевод двух статей из Лагарпа, с примечаниями и переводчиком (стр. 11).— Цветник, 1810, № 11, с. 256—303; № 12, с. 404—467). Статья является рецензией на одноименную книгу А. С. Шишкова (отд. изд.: СПб., 1808). Шишков не случайно избрал для выборочного перевода, снабженного обширным комментарием, две статьи Ж.-Ф. Лагарпа: «De la langue française, comparée aux langues anciennes» (Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne, Par J. F. Laharpe. Paris, 1800, t. I. p. 102—163] и «De l'Elocution et des Figures» (Lycée..., t. 3, p. 198—249). После «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (СПб., 1803) и «Прибавления к сочинению, называемому «Рассуждение о старом и новом слоге...» (СПб., 1804) это была следующая ступень в борьбе Шишкова против Карамзина и его последователей. На этот раз Шишков сделал попытку поразить противников их же оружием. Имя Лагарпа — европейца, иностранца, теоретика литературы, авторитетного в кругу карамзинистов, Шишков использовал для подкрепления своих собственных любимых идей. Первая из статей Лагарпа — «Сравнение француз-

ского языка с древними языками» давала Шишкову возможность развить свою старую идею о «скудости» французского языка (ср.: «Рассуждение...», с. 5). Мысль Лагарпа о бедности «нового» французского языка по сравнению с «древними» — греческим и латинским (продолжение спора «древних» и «новых» в европейской культуре) — Шишков использует для доказательства преимуществ «древнего» русского («славенороссийского») языка перед «новым» французским и для критики карамзинистов за их пристрастие к последнему. Вторая статья — «О слововыражении и фигурах» позволила Шишкову продемонстрировать свою положительную программу. Еще в первых двух своих книгах Шишков уделил много внимания «изобретению» «русских названий». Теперь он предложил заменить большое количество заимствованных терминов архаистическими неологизмами: метафора — иносказание; аллегория — инословие; гиперболы — преувеличение; ирония — насмешка; фигура — извятие и т. д. Заметим, что нововведения Шишкова не получили поддержку даже у его сторонников из Российской Академии. Есть и вторая причина, заставившая Шишкова обратиться к переводу статей из «Лицея» Лагарпа. В молодости друг Вольтера и автор антиклерикальных сочинений, Лагарп под влиянием событий Французской революции отказался от прежних убеждений, резко выступил против просветителей и сделался рьяным католиком. Путь Лагарпа подкреплял позиции Шишкова в его борьбе с «лжеумствованиями» XVIII века: обвинения в невежестве он как бы «делил» с европейским автором. Следует подчеркнуть, что борьба Шишкова с заимствованиями в русском языке — это борьба прежде всего с пагубной французской философией (для Шишкова, с его «мифологическим» подходом к языку, слова тождественны идеям; заимствование слов почти автоматически влечет за собой заимствование определенного мировоззрения). Дашков отлично разгадал замысел Шишкова. Его критика исходит из ведущих положений эстетики карамзинизма и развивает аргументы, выдвинутые еще П. Макаровым в его рецензии на «Рассуждение о старом и новом слоге...» (Московский Меркурий, 1803, № 12, с. 155—198).

Стр. 11. *Эпиграф*. — Стихи 106—107 из I-ой сатиры I-ой книги сатир Горация. Перевод М. А. Дмитриева (Квинт Гораций Флакк. Полн. собр. соч. М.—Л., 1936, с. 210).

Стр. 13. *Lycée, t. 14, p. 246*. — См.: Laharpe J. F. Sur le style l'Orphelin. — Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne; Par J. F. Laharpe. Paris, 1800, t. 14, p. 246.

Стр. 14. *Дух всюду суций... Бог!* — V—X стихи оды Державина «Бог» (1784).

Дуб с тростию... разговоры... — Из басни И. И. Дмитриева «Дуб и трость» (1795).

Стр. 15. *Песни Оссиановы...*— Мистификация шотландского литератора Д. Макферсона. Эти «песни» воспринимались в Европе второй половины XVIII — начала XIX в. как подлинные древние песни и сказания. Макферсон приписал их авторство воину и барду Оссиану, старшему сыну Фингала — короля легендарного государства Морвен, жившего в III в.

Стр. 18. *...примере из «Послания к римлянам»...*— Сравнение церковнославянского и французского текстов из 2-й гл. «Послания ап. Павла к Римлянам» («Се ты Иудей...») Шишков предпринял уже в «Рассуждении о старом и новом слоге...» (см. с. 232—233). Ср.: «Перевод двух статей из Лагарпа...», с. 7—10.

C'est ce petit rimeur...— Цитата из сатиры Жильбера «Mon Apologie» (Oeuvres complètes de Gilbert... Paris, 1806, p. 26). У Жильбера: «C'est un petit rimeur, de tant de prix enflé... academique?»

Стр. 19. *Перевод Тюротова стиха...*— Один из вариантов надписи к скульптурному портрету работы Ж. Гудона: «Eripuit coelo fulmen, tox sceptrum tyrannis». («Он вырвал у неба молнию и затем у тиранов — скипетры» — парафраза стиха из поэмы Манилия «Об астрологии»).

Стр. 20. *Живый в движенъи вещества...*— 2-й стих из оды Державина «Бог».

Царям подвластен мир...— 2-я строфа «Подражания одам Горация (книга III, ода 1)» И. И. Дмитриева (1794).

Горацовой басни мыши...— Имеется в виду эпизод из VI-й сатиры II-й книги сатир Горация, представляющий похвалу сельской жизни. Латинские стихи приведены у Шишкова: Rusticus urbanum murem mus raupere fertur... Ср. перевод М. А. Дмитриева: «Мышь деревенская раз городскую к себе пригласила//В бедную нору, — они старинными были друзьями» (Квинт Гораций Флакк. Указ. соч., с. 271).

Стр. 21. *...в приведенном из Ломоносова отрывке...*— Цитата из «Слова похвального ей величеству государыне императрице Елисавете Петровне, говоренное ноября 26 дня 1749 года». Ломоносова.

...другой пример из Ломоносова...— Там же, с. 240.

Стр. 22. *...в письме Филлиды к Демофону...*— Имеется в виду «Письмо второе. Филлида Демофону» из «Героид» Овидия. Далее цитируются стихи 87—88.

...перевода Казичкого...— Не исключено, что Шишков неверно указал имя переводчика. Из переводов Овидия Г. Козмидким известно отдельное издание «Метаморфоз» (см.: Публия Овидия Насона превращения, переведенныя с Латинскаго на Российскій язык. Кн. I—II. СПб., 1772—1774). «Героиды» перевел прозой В. Рубан (см.: Две ироиды, или Два письма древних ироинь, сочиненныя Публием

Овидием Насоном, с приобщением Авторской жизни... СПб., 1774), однако в его переводе отсутствуют инверсии (см. с. 21).

Стр. 24. ...*Христорогопоклоняемая страна*...— По предположению М. Г. Альтшуллера, эти эпитеты составил сам Дашков, пародируя пристрастие Шишкова и С. А. Ширинского-Шихматова к сложным словам. См.: Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. Л., 1975, с. 161. Здесь же см. о пародиях Сумарокова и Крылова на подобные эпитеты.

...*не попущу*...— См.: Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика...— Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 7. М.—Л., 1952, с. 194, § 119.

Стр. 25. ...*очисти город*.— Там же.

Стр. 27. ...*старинный перевод Библии Скорина*...— См.: Книга Исуа Сирахова... вполне выложена на русский язык доктором Франциском Скориною с Полоцка... Прага, 1517, с. 62 об.— 63. У Скорины: «притче».

Стр. 30. ...*в пример Ломоносова*.— Слова Шишкова, процитированные Дашковым, видимо, отсылают к шестой главе «Риторики» Ломоносова — «О фигурах предложений» (§§ 216, 219, 220, 228). Следует заметить, однако, что «опущение» у Ломоносова не упоминается, а «прохождение» (§ 228) и «умолчание» (§ 229) рассматриваются как разные фигуры.— См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 7, с. 276—277.

Стр. 31. *Volt*.— См.: Dictionnaire Philosophique... Paris, 1816. Т. 5. Р. 232. ...*усты костоснедными*» (*Русск. летоп.*)— Шишков весьма произвольно цитирует главу «Царство Греческое Константина Дукки». Ср.: «Сей видев именован силу греческую женою обладаему паче же юною и неистовящеюся, и детемже сущим младым и маломощным: наниже он яко змий восвистав, яко на птища бесперые, ихже поглотили хваляся костоснедными» (Русская летопись по Никонову списку. Изданная под смотрением Императорской Академии наук. Часть первая до 1094 года. СПб., 1767, с. 149).

Стр. 32. ...*моря черемную пучину*...— См.: Начало ирмосов 4-го гласа. Песнь 1.— Ирмологий знаменного распева... ч. 1. М., 1772, с. 152.

Стр. 33. ...*ни в Лизе, ни в Анюте*...— Имеется в виду собирательный иронический образ сентиментальной литературы карамзинского толка. В первом случае, конечно, подразумевается повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза», во втором — видимо, повесть В. В. Измайлова «Ростовское озеро», где героиню зовут Анютой.

...*стих Сумарокова в «Семире»*...— Реплика Оскольда в явл. 1, д. 1 трагедии Сумарокова «Семира». У Сумарокова — «коль горько было нам» (Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений... СПб., 1787, ч. III, с. 267).

...*Вольтеровыми стижами*...— Слова Этана (Etan) из явл. 3, д. 1 трагедии «Китайский сирота». См.: Voltaire. L'Orphelin de la Chine.— Collection Complète des oeuvres de Mr. de Voltaire. Geneve, 1768, t. 5, p. 164.

Стр. 35. ...*tu t'en souviens, Cinna, etc.* — Цитата из монолога Августа (явл. 1, д. 5) трагедии П. Корнеля «Цинна» (см.: Corneille P. Cinna ou la clémence d'Auguste.— Theatre de Corneille. Nouvelle éd. Paris, s. d., p. 172).

Трувор (Синаву) — монолог Синава из явл. 2, д. 2 трагедии «Синав и Трувор». Ср. в печатном тексте вторую строку: «Пролей, о государь! своей ту кровь рукою» (Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч..., ч. III, с. 143).

Стр. 40. *Словарь Франц. Акад.* — См.: Dictionnaire de l'Académie française. 4-me ed. Paris, 1762. Т. 1—2.

Ibi omnis effusus labor. — Стих 492 из 4-й книги «Георгик» Вергилия.

Стр. 41. ...*стижи из трагедии «Спасенный Рим»*... — Монолог Катилины из явл. 1, д. 2. См.: Voltaire. Catilina, ou Rome sauvée.— Collection Complète des oeuvres de M. de Voltaire. Geneve, 1768, t. 4, p. 447.

Жорж-Дандин — Жорж Данден (George Dandin) — главный герой комедии Мольера «Жорж Данден, или Одураченный муж» (1668).

Стр. 42. *Лемиерово... изображение невежества*... — Цитата из 3-ей песни дидактической поэмы А. М. Лемиера «Живопись». См.: La peinture. Poëme en trois chants. Par M. Le Mierre. Paris [1769], p. 61.

О легчайшем способе возражать на критики (стр. 44). — Отд. изд. — СПб., 1811. В апреле 1811 г. рукопись была представлена в Цензурный комитет, который потребовал от автора ряд исправлений. Автор на них не согласился, и рукопись была «удержана» в Комитете. Однако 12 сентября 1811 г. последовало цензурное разрешение. Сведениями о том, что Дашков внес требуемые исправления, мы не располагаем (ЦГИА, ф. 777, оп. 1, № 109; сообщено С. И. Пановым). Полемиическая брошюра Дашкова написана в связи с критическими нападками на рецензию «Перевода двух статей из Лагарпа...», содержащимися в «Присовокуплении» к «Рассуждению о красноречии Священного Писания» А. С. Шишкова (СПб., 1811, с. 171—281). Статья Дашкова выходит за рамки «ответа на критики», поскольку касается самых основ литературно-языковых воззрений и полемиической тактики Шишкова. Дашков продолжает и развивает свою критику шишковской концепции единства церковнославянского и русского языка. В основе его критики — само понимание языка, принципиально отличное от шишковского.

Если для Шишкова язык — особая божественная субстанция (см. его «Речь при открытии Беседы». — *ЧБ*, кн. 1, 1811, с. 1), то для Дашкова это прежде всего средство, инструмент выражения мыслей. Поэтому для Дашкова абсурдно утверждение, что на языке «основана вера и законы». В противовес «мифологизированному» подходу Шишкова Дашков пытается рассматривать язык исторически. Опираясь на предисловие Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке» он прослеживает этапы становления русского литературного языка, приурочивает момент его отделения от церковнославянского к Петровской эпохе. Шишков, прекрасно знакомый с трудами Ломоносова, этот важнейший момент его лингвистической концепции демонстративно игнорировал. Для него факт единства родного языка с церковнославянским («священным») языком — залог близости к божественному первоисточнику. Поступить этой основополагающей идеей он не мог ни при каких обстоятельствах. Поэтому вынужденный признавать в языке определенные изменения, он постоянно подчеркивал их поверхностный характер. Отсюда — настойчивое разграничение Шишковым понятий «язык» («корни слов и ветви от них происшедшие») и «слог» или «наречие» (язык в обычном смысле, подверженный изменениям и «порче»). Еще одно важнейшее свойство языка, по Шишкову, в том, что он — неотъемлемая часть национального характера, основа «национальной гордости». Карамзинисту Дашкову была близка идея общеевропейского единства культур, национальное начало играло для него важную, но все же второстепенную роль. Для Шишкова, напротив, первично национальное начало, и нигде максимализм и нетерпимость его взглядов не проявляются с такой очевидностью, как в этом вопросе. Любовь к своему языку для него — это любовь к Отечеству, а любовь он понимает как безоговорочное предпочтение «своего» «чужому». Сомнения, рефлексия равносильны для Шишкова предательству национальных интересов. Вопрос, заданный в «Легчайшем способе...»: «Какое влияние споры о словесности могут иметь на священную любовь к отечеству, равно пылающую во всякой груди русской», конечно, казался Шишкову лишь плодом заблуждения поврежденного ума. Дашков безошибочно выделил черты полемического стиля Шишкова: бездоказательность обвинений, передергивание цитат, некорректное воспроизведение точки зрения оппонента и — наконец — доносительный тон, обыкновение «к суждениям о языке примешивать нравственность и веру», придание литературной критике политического характера. Против такого стиля ведения полемики выступал еще П. И. Макаров (см. Московский Меркурий, 1803, № 12, с. 187—189), а Дашков иронически охарактеризовал его в заглавии своей статьи. Дар полемиста, остроумие, гибкость, полное владение диалектикой доказательств позволили Дашкову создать статью, которая составила эпоху в полемике о языке и в истории

русской критики. Это была попытка всестороннего анализа чужой точки зрения и, одновременно, призыв к плодотворному диалогу разных литературных групп. Однако диалога не могло состояться, поскольку система Шишкова монологична и строится на нескольких не подлежащих обсуждению аксиомах. Они говорили на разных языках.

Стр 45. ...*сие относится к другим особам...*— Имеется в виду В. Л. Пушкин. Его послание «К В. А. Жуковскому» опубликовано в том же номере «Цветника», что и статья Дашкова (1810, № 12). На него намекает Шишков: «Они в посланиях своих зывают к Вергилиям, Гомерам» (ср.: «Вергилий и Омер, Софокл и Эврипид//... Знакомы стали нам»). Упомянуто и пребывание В. Л. Пушкина в Париже в 1803—1804 г.

Стр. 46. ...*Буаловы стихи...*— Цитируется IX сатира Буало. См.: Oeuvres de Boileau Despréaux. Paris, t. 1, p. 93.

Стр. 49. ...*грубому слогу Тредиаковского?*— Видимо, выпад против Ширинского-Шихматова.

Стр. 50. ...*г. Издатель «Вестника Европы»...*— М. Т. Каченовский. Упомянутая статья — отклик на книгу Шишкова (Каченовский М. Т. Разговоры о словесности.— ВЕ, 1811, № 12, с. 285—305; № 13, с. 34—57).

...*гг. профессоров Московского Университета...*— См.: Объявление о Благородном пансионе, учрежденном при Императорском Московском университете. М., 1811, с. 25. Речь идет об учебных занятиях, проводившихся с воспитанниками доктором словесных наук Н. Ф. Кюшанским, о котором и сказано: «Он будет переводить на русский лучшие места с славянского и других языков».

Стр. 53. ...*Ланиты его аки фиалы аромат...*— Песнь песней, гл. V, ст. 13, 15, 16.

...*переводе Игоревой песни...*— Имеется в виду труд Шишкова: Примечания на древнее сочинение, называемое ироническая песнь о походе на половцев, или Слово о полку Игореве.— Соч. и переводы, издаваемые Российской Академиею, ч. I. СПб., 1805, с. 26—234.

Стр. 54. *Словарь Российской Академии...*— См.: Словарь Академии Российской, ч. I—VI. СПб., 1789—1794.

Стр. 57. *Предисловие Св. Синода...*— См.: Предисловие на нынешнее С. Библии издание. Божиею милостию Святейший правительствующий всероссийский Синод.— Библия, сиречь книги Священнаго Писания Ветхаго и Новаго Завета.— СПб., 1751, с. 8 об.

Стр. 61. ...*Гомера и Тасса переводов...*— Имеются в виду прозаические переводы Шишкова — песни из «Илиады» с английского: Шишков А. С. Гомеровой «Илиады». Песнь XVI.— Соч. и переводы, издаваемые Российской Академиею, ч. II. СПб., 1806, с. 185—

246; а также «Освобожденного Иерусалима» Тассо (см.: Собр. соч. и переводов Адмирала Шишкова... ч. VIII—IX. СПб., 1826—1827).

Стр. 62. ...*мнимым нашим Квинтилианам*...— Имеется в виду Шишков.

Стр. 63. ...*Кострова перевод Илиады*...— См.: Гомерова «Илиада», переведенная Ермилом Костровым. СПб., 1787.

...*творениями хороших писателей*...— Дашков ссылается на мысль Н. М. Карамзина, выраженную в его статье «Отчего в России мало авторских талантов» (1802): «Что ж остается делать автору? Выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи» и т. д. (Карамзин Н. М. Соч. в 2-х т., т. 2. Л., 1984, с. 124).

Стр. 67. ...*в первый раз А. П. Сумароковым*...— См.: Сумароков А. П. О коренных словах русского языка.— Трудолюбивая пчела. 1759, февр., с. 91, 98.

...*не знаяши наречия высоко!*...— См.: ВЕ, 1811, № 12, с. 294.

...*яко змиеве*...— Иеремия, гл. 14, ст. 6. В синодальном издании Библии (СПб., 1751) — «браша».

Стр. 68. *Церковный словарь П. Алексеева*...— См.: Церковный словарь, или Истолкование речений славенских древних, також иноязычных без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах... сочиненный... Петром Алексеевым, ч. II. СПб., 1794, с. 96 («Лучица, Исход: 2, 3. Порóст трава в воде»); то же см.: Словарь Академии Российской, ч. III. СПб., 1792, с. 1341.

Нечто о журналах (стр. 69).— Санкт-Петербургский вестник, 1812, № 1, с. 1—21. Статья была прочитана Дашковым на заседании ВОЛСНХ 22 июля 1811 г., когда общество приступило к подготовке материалов для задуманного журнала (см. т. I наст. изд.).

«Нечто о журналах» — программная статья, отразившая не только мысли Дашкова об идеальном журнале, но и его представления о путях, по которым должна следовать русская литература. Эти представления формировались в отталкивании от выступлений «архаистов», что и обусловило внутреннюю полемичность статьи (при том, что никто из здравствующих русских писателей Дашковым по имени не назван). Литературные взгляды Дашкова в целом ориентированы на европейскую классицистическую эстетику. По Дашкову, идеальная литература должна строиться на принципах логики, вкуса, меры, здравого смысла. Характерно также безоговорочное признание им строгой жанровой системы как организующего начала словесности. При этом классицистическая традиция воспринимается Дашковым как форма связи русской литературы с общеевропейской культурой, а отступление от этой традиции, обнаруживающееся в сочинениях «архаистов», — как стремление свергнуть отечественную словесность в пучины «варварства». Соответственно

литературные противники предстают в статье не столько как защитники старого (вопреки самоосмыслению Шашкова), сколько как бесплодные и невежественные нововводители, отринувшие общеобязательную эстетическую норму. Проецируя современные словесные баталии на «Спор о древних и новых» во Франции конца XVII — начала XVIII в., Дашков ощущает себя представителем «древних» — носителем и защитником великой традиции, освященной временем, разумом и истиной. В то же время в традиционную иерархию Дашков стремится вписать новые — карамзинистские — ценности (см. апологетические оценки Карамзина, Дмитриева, Озерова), что порой приводит его к натяжкам и внутренним противоречиям. Так, у Дмитриева выделяются не басни, сказки и сатиры (его действительные поэтические достижения), а оды — жанр более «важный» и престижный. «Прекраснейшие баллады» Жуковского Дашков вынужден относить к маловажным литературным мелочам и оправдывать их главным образом тем, что они «хорошо написаны», и т. п. Статья Дашкова имеет переходный, «промежуточный» характер и представляет собой важную веху в развитии арамасской критики от полемического периода начала 1810-х гг. к «позитивным» выступлениям последующих лет, в которых эстетические критерии будут обновляться и усложняться.

Стр. 70. *Ужасные происшествия, недавно возмущившие спокойствие Европы...* — События Великой французской революции.

Стр. 71. *...лучший прозаист наш будет первым русским историком.* — Подразумевается Н. М. Карамзин; Дашков (главным образом, через И. И. Дмитриева) был осведомлен о ходе его работы над «Историей государства Российского».

Стр. 72. *По словам Буало...* — Поэтическое искусство, песнь III.

...во Франции были люди, которые по слепому предубеждению хотели изгнать баснословие из эпической поэзии. — Подразумевается «Спор о древних и новых», развернувшийся между французскими литераторами на рубеже XVII—XVIII в. «Новые» (Ш. Перро, Б. Фонтенель и др.) выступили за изгнание античной мифологии из современной поэзии; их позиция была оспорена Буало и другими «древними». Подробнее см.: Спор о древних и новых. М., 1985. Взгляды, близкие Буало, высказывает и Дашков.

«Сии враги изящных искусств, — говорит Вольтер...» — Цитируется «Философский словарь» Вольтера (раздел «Fable»).

...с некоторого времени они стали и у нас появляться. — Выпад против русских «арханстов»; изустно и печатно выступавших против употребления в поэзии мифологических образов и сюжетов с позиций христианской ортодоксии. См., например, свидетельство Жихарева о яростных нападках С. Шихматова на античную мифологию на вечере у Шашкова 2 февраля 1807 г. (Жихарев, с. 352). Гонителем «мифологических богов» был и издатель «Русского вестника»

С. Н. Глинка. Ближайшим поводом для реплики Дашкова послужила, очевидно, печатная перепалка между Глинкой и его оппонентами. В «Журнале драматическом» (1811, № 2, с. 99—100) появилось стихотворение «Следствие Аполлоновой шутки» (за подписью «Ш»; видимо, Шаликова) со следующим авторским примечанием: «Я предлагал сии стихи в оба Вестника. Сперва в «Вестник Европы»... потом в «Русский вестник»... Г. Глинка написал ко мне следующее: «Напечатать стихов не могу, ибо они не соответствуют плану моего журнала. Мифологических богов не приемлю в Р. Вестник; по этой самой причине не поместил трех пьес Г. Р. Держав(ина). Если б в стихах ваших просто без Аполлона и Фемиды воспет был благодетель несчастных, с радостью бы напечатал». Выгонять мифологических богов из их области неужели также принадлежит к патриотизму? Это, мне кажется, принадлежит к отважному подвигу Титанов!» Глинка вскоре ответил на этот выпад. Помещая в своем журнале сочинение «Старой Россиянки» («Стихи русским воинам, прославившимся в Грузии»), издатель снабдил его примечанием: «Уведомляю также почтенную Россиянку, что стихов на мое имя и других, в которых находятся названия баснословных богов, не могу напечатать. Хотя мне и были печатные укоризны за неприятие греческого баснословия в «Русский Вестник», но я не отступлю от моей цели и буду по возможности предлагать подлинное отечественное. Греки славили свое; будем и мы собственное поддерживать» («Русский вестник», 1811, № 5, с. 134—135).

Стр. 73. *...предпочсть ученические восклицания или пустой набор неупотребительных слов?* — Выпад против гонителя «греческого баснословия» Шихматова, в частности — против его поэмы «Петр Великий» (1810). Формула Дашкова восходит к суждениям карамзинистов и близким им литераторов. Ср.: «Поэма громкая, в которой плана нет, // Не песнопение, но сущий только бред» (В. Л. Пушкин. «К В. А. Жуковскому»); «Уродливая поэма к<нязя> Ш<ихматова> — есть мозаика славенских слов, говорил М<ерялков> (Б а т ю ш к о в К. Н. Нечто о поэте и поэзии. М., 1985, с. 177; записная книжка 1810 г.); в статье Батюшкова «Опыты в прозе» Шихматов назван «Мевием, написавшим огромную поэму, в которой нет ни смысла, ни связи (может быть, потому, что он за ними не гоняется, занят будучи нанизыванием славянских слов)» (ВЕ, 1810, № 21).

...кто из читателей не восхищался его Казанским лесом и царством Зимы! — Имеется в виду поэма Хераскова «Россияда».

Другое заблуждение... состоит в смешении эпопеи с одою под именем лирического песнопения. — Подзаголовок «лирическое песнопение» имела поэма Шихматова «Петр Великий».

Стр. 74. *Из сего, однако, не следует, чтобы ода и всякое вдохновенное стихотворение могли существовать без правил и плана... поэт*

в самых отступлениях своих должен руководствоваться логикой...— Высказывания Дашкова об оде полемически заострены против «Рассуждения о лирической поэзии или об оде» Державина. Ср. у Державина: «Беспорядок лирический значит то, что восторженный разум не успевает чрезмерно быстротекущих мыслей расположить логически.— Потому ода плана не терпит» (*ЧвБ*, кн. 3, ч. I, 1811, с. 12).

...покорение Сибири и взятие Варшавы столь же достойно воспеть, как и падение Измаила.— Подразумеваются сочинения И. И. Дмитриева «Ермак» (1794) и «Глас патриота на взятие Варшавы» (1794), поставленные Дашковым в один ряд с одой Державина «На взятие Измаила» (1790—1791).

Стр. 75. *Утверждать, что выражения: «на груди у него красное солнце»...*— См.: Ш и ш к о в А. С. Разговоры о словесности. СПб., 1811, с. 73. Предромантический фольклоризм Шишкова был чужд Дашкову.

Стр. 76. *Что же касается до новоизобретенных драматических представлений... то журналисту остается только с прискорбием говорить об их успехе...*— Видимо, подразумевается имевшее большой сценический успех «историческое представление» Л. И. Неваховича «Сульеты, или Спартанцы оснадцатого столетия» (преьера в Петербурге — 30 июня 1809 г., отд. изд.— СПб., 1810). В пьесе Неваховича содержалось множество отступлений от принципа «трех единств».

...в «Исторический словарь» Новикова.— «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1771) Н. И. Новикова.

Стр. 77. *Всякий день мы видим новые труды стихотворцев наших: то прекраснейшие баллады, то хорошие послания, элегии, надписи и т. п...*— Намек на баллады и элегии Жуковского, послания В. Л. Пушкина.

...человек, знающий сей язык, тотчас поймет значение каждого слова...— Завуалированный выпад против Шишкова; ср. изобличение Шишкова в невежестве в рецензии на «Перевод двух статей из Лагарпа...» и в памфлете «О легчайшем способе возражать на критики».

Сколь сузи пред ним почти все наши напыщенные похвальные слова и речи, или рассуждения...— Выпад против многочисленных «похвальных слов» П. Ю. Львова и недавних выступлений Шишкова — «Рассуждения о любви к отечеству» и «Речи при открытии Беседы».

Стр. 78. *Чувства должны означать себя...*— Цитата из статьи «О смешанной и немой актерской игре» («Журнал драматический», 1811, № 6, с. 133), принадлежавшей, вероятно, издателю журнала М. Н. Макарову. К нему (как и вообще к московским «вадыхателям» из круга Шаликова) будущие арзамасцы относились неизменно иронически.

С. С. Уваров. Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре (стр. 78). — *ЧвБ*, чт. 13. СПб., 1813, с. 56—68. Статья Уварова, следующий за ней «Ответ» Гнедича и публикуемый далее уваровский «Ответ В. В. Капнисту» представляют собой центральный эпизод в полемике о гекзаметре, развернувшейся в русской литературе в 1810-е гг. Толчком к ней послужило решение Гнедича продолжить перевод «Илиады» Гомера, начатый Е. И. Костровым в XVIII в. (первые семь песен были опубликованы в 1787 г.). Восьмая песнь «Илиады», переведенная Гнедичем александрийским стихом, была напечатана в *ЧвБ*, чт. 5. СПб., 1811, а публичное чтение состоялось на заседании I разряда «Беседы» 15 декабря 1811 г. В начале 1810-х гг. появились теоретические работы о русском гекзаметре: «Памятник дактилохорейческому витязю...» Радищева (1801 г.; опубл. в «Собрания оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева», ч. IV. М., 1811), «Опыт о русском стихосложении» А. Х. Востокова (Санкт-Петербургский вестник, 1812, № 4, с. 39—68; № 5, с. 168—206; № 6, с. 271—288; отд. изд.: СПб., 1817), статья Я. Галинковского и его перевод первой эклоги Вергилия (*ЧвБ*, чт. X. СПб., 1813, с. 117—126). Под воздействием работ Радищева и Востокова, а также убеждений эллинистов Уварова и А. Н. Оленина Гнедич обратился к гекзаметру (первый опыт — перевод IV песни «Илиады» — был приложен к его статье «Ответ г-на Гнедича»). Для него это было тем более органично, что еще в ранней молодости он внимательно изучал «Тилемахиду» Третиакковского (см.: *Жихарев*, с. 191). Статьи Уварова и Гнедича вызвали возражение в «Письме В. В. Капниста к С. С. Уварову о эксаметрах» (*ЧвБ*, чт. 17. СПб., 1815, с. 18—42), на которое последовал «Ответ» Уварова. Poleмика продолжалась в 1817—1819 гг. В ней участвовали с одной стороны — Д. Самсонов, В. Соц, А. Мерзляков, а с другой — В. Кюхельбекер, Н. Гнедич, И. Давыдов, А. Воейков. Подробнее см.: Burgi Richard. A History of the Russian Hexameter. Connecticut, 1954, p. 89—117; Егун о в А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.—Л., 1964, с. 179—188; новейший взгляд на проблему см.: Г а с п а р о в М. Л. Очерки истории русского стиха. М., 1984, с. 125—127. Итогом явилось окончательное утверждение гекзаметра как размера для перевода «Илиады» (полный текст в переводе Гнедича издан в 1829 г.), а затем «Одиссеи» (перевод Жуковского, 1849), а также активизация употребления этого размера в русской поэзии. Обсуждение вопроса о гекзаметре находилось на перекрестке таких проблем, как: 1. обновление русской метрики; 2. адекватная передача средствами русской силлабо-тоники античных размеров с целью более глубокого проникновения в дух античной поэзии и культуры в целом; 3. решение проблемы национального эпоса, свободного от влияния французской литературной традиции.

История проблемы уходит корнями в XVIII в. Первый пример

русского гекзаметра в новой силлабо-тонической системе стихосложения был дан Ломоносовым в «Письме о правилах российского стихотворства» (1739). Однако сам Ломоносов канонизировал в русской метрике ямб, а для эпической поэмы избрал александрийский стих (шестистопный ямб с парной рифмовкой). Сказалось воздействие французской традиции и особенно «Генриады» Вольтера. После поэмы Ломоносова «Петр Великий» (1760—1761) александрийский стих не только сделался русским эпическим размером (см., например, «Россияду» М. М. Хераскова, 1779), но и использовался при переводах античных текстов («Илиада» в переводе Е. Кострова, «Энеида» в переводе В. Петрова). Особняком стоял В. К. Тредиаковский, теоретически и практически разработавший русский гекзаметр (см. его «Тилемахиду» и предисловие к ней: Предъизъявление об иронической пиме.—Тилемахида, или Странствование Тилемаха сына Одиссеява... СПб., 1766, т. 1, с. XXXV—LXIV). Его искания отчасти предвосхищали поиски немецких поэтов, разрабатывавших гекзаметр: поэма Клопштока «Мессиада» была начата в 1748 г. (закончена в 1773 г.), а его трактат о гекзаметре был впервые напечатан в 1769 г. (подробнее см. коммент. Л. В. Пумпянского в кн.: Р а д и щ е в А. Н. Полн. собр. соч., т. 2. М.—Л., 1941, с. 396—398). Новаторство Тредиаковского не было оценено современниками, «Тилемахида» была осмеяна и гекзаметр не получил широкого распространения. Причиной был, конечно, не новый стихотворный размер сам по себе, а стилистическая какофония «Тилемахиды». Наибольшие трудности подстерегали поэта-переводчика как раз в области словесного заполнения ритмической схемы гекзаметра.

С защитой и апологией Тредиаковского — реформатора стиха — выступил Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву», а затем в «Памятнике дактилохореическому витязю». Вслед за Тредиаковским он настаивал на необходимости освобождения русского стиха от засилья ямбов, на обновлении русской метрической системы (см. его собственные хореические и полиметрические опыты), пропагандировал белый стих.

Все эти проблемы всплыли на поверхность, когда встал вопрос, каким размером переводить «Илиаду»: привычным, освященным авторитетом Ломоносова и Вольтера, александрийским стихом или гекзаметром — стихом осмеянной «Тилемахиды». Уваров выдвигает несколько аргументов в пользу гекзаметра: 1) он более соответствует природе русского языка, 2) он является истинным эпическим размером («все эпические поэмы писаны сим размером»), 3) александрийский стих «недостаточен» сам по себе и изобретен французами в соответствии с природой своего языка, следовательно, для русского языка не подходит. В эпоху 1812 г. настоятельное стремление «освободиться от тяжелых цепей французского вкуса» и «иметь словесность народную, нам истинно свойственную», приоб-

ретаю уже не чисто литературный, а общественно-политический смысл.

Русский гекзаметр не мог быть полным аналогом античного в силу разницы языковых и метрических систем (античная метрика основана на чередовании долгих и кратких слогов, которых нет в русском языке). Поэтому его освоение было творческим, а не механическим процессом. Античный «дактилический гекзаметр», размер «Илиады» и «Одиссеи» определяется как «шестимерник», или «6-стопный дактиль — — —», каждая стопа которого может быть замещена равнодольным ему спондеем — —» (Г а с п а р о в М. Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989, с. 71). На русской почве была неизбежна замена спондея хореем, что сделал уже Тредиаковский. Однако желание доказать близость русского гекзаметра к античному побудило в 1812 г. А. Х. Востокова писать о сочетании в нем дактилических стоп со спондеями, а стремление доказать разнообразные возможности отечественного гекзаметра — дать схему 16 вариантов и теоретически предположить 32 вариации размера (Санкт-Петербургский вестник, 1812, № 4, с. 47—49; во втором издании говорится о замене спондеев хореем: Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817, с. 56 и далее). Уварова в первой статье не занимают технические подробности, он дает концептуальное обоснование заново осваиваемого размера.

Стр. 78. ...*Омер, а не Омир.*— В начале XIX в. была принята традиционная старославянская форма «Омир», вошедшая в употребление еще в X в. (см.: Е г у н о в А. Н. Указ. соч., с. 9). Наряду с предложенной Уваровым формой А. Н. Оленин изобрел форму «Омър», опираясь на то, что «ъ» в некоторых русских говорах «соответствует звуку «и» и, таким образом, написание «Омър» дает сразу оба произношения: и «Омир» и «Омер» (Е г у н о в А. Н. Указ. соч., с. 194). В 1820-х гг. Гнедич стал употреблять форму «Гомер» (ср.: «Илиада» Гомера, переведенная Н. Гнедичем... ч. I. СПб., 1829), которая со временем и закрепилась в русской традиции.

...*некоторых Омеровых песней...*— Вслед за гнедичевским «Ответом» Уварову в 13-м ЧвБ была опубликована «Илиады песнь IV» в гекзаметрическом переводе Гнедича (см.: с. 75—86), другие опыты до нас не дошли.

Стр. 79. ...*Российского стихотворства...*— Уваров свободно цитирует следующее место «Письма о правилах российского стихотворства» по изд. 1803 г.: «За наилучшие, велелепнейшие, и к сочинению негчайшие, во всех случаях скорость и тихость действия и состояния всякого пристрастия изобразить наилучнейшие, оные стихи почитаю, которые из анапестов и хореев состоят. <...> Очень также способны и падающие, или из хореев и дактилев составленные, стихи к изображению крепких и слабых аффектов, скорых и тихих действий, быть видятся» (Полн. собр. соч. Михайла Васильевича Ломоносова..., ч. I. СПб., 1803, с. 19). В сноске Уваров указывает

неверные данные: впервые «Письмо о правилах...» было опубликовано в 1778 г. (см.: Покойного статского советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собр. соч. в стихах и в прозе, кн. II. М., 1778, с. 3—16). А. Х. Востоков, цитируя это место, полагал, что в него вкралась ошибка переписчика и что вместо «анапестов и хореев» следует читать «анапестов и ямбов» (см.: Санкт-Петербургский вестник, 1812, № 4, с. 56—57).

...сей род стихотворения...— Не исключено, что автор полемизирует с трактатом Державина «Рассуждение о лирической поэзии или об оде» (ЧвБ, чт. 2. СПб., 1814; чт. 6. СПб., 1812; чт. 14. СПб., 1815), где сделана попытка отождествить с одой (весьма широко понятой) лирическую поэзию всех времен и народов. Державин называет еврейский народ изобретателем оды, но находит ее и у «египтян, финикийн, индейцев, греков, римлян, аравитян и прочих народов» (Соч. Державина, т. 7. СПб., 1872, с. 518 и 521). *Новейших наречий* — отголосок спора «древних» и «новых» во французской литературе и, в частности, позиции авторитетного для карамзинистов Ж.-Ф. Лагарпа (см. наст. том, с. 453—454). Шишковистам эта идея также импонировала.

Стр. 80. *...loqui ore rotundo...*— См.: Гораций. Наука поэзии, ст. 323—324. В поэтическом переводе: «Грекам, грекам дались и мысли, и дар красноречья» (Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970, с. 391).

...иначе, как экзаметром...— Развивая в «Ответе В. В. Капнисту» мысль о гекзаметре как единственном размере античной эпопеи, Уваров ссылается на Аристотеля (см. ниже). Ср. утверждение современного исследователя, что после «Илиады» и «Одиссеи» «гексаметр навсегда остается в античности размером большого эпоса, а из него спускается в средние жанры» (Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха, с. 71).

Стр. 81. *...начали писать правильно...*— Уваров имеет в виду французскую силлабику XVI в., когда александрийский стих, созданный в XII—XIII вв., «был воскрешен поэтами «Плеяды», чтобы напомнить в эпосе об античном гексаметре, а в драме об античном триметре» (Гаспаров М. Л. Указ. соч., с. 125). Окончательно торжество «героического александрийца» закрепляется во французской литературе «великого века» и затем на протяжении XVIII и XIX вв. положение не меняется.

«Александр Великий»...— Свое название александрийский стих получил в XV в. от заглавия «Романа об Александре» Ламбера де Тора и Александра де Берне — эпопеи об Александре Македонском в 20 тыс. строк, написанных 12-сложником (6 + 6).

...au Roi de la Chine.— См.: Au Roi de la Chine, sur son recueil de vers qu'il a fait imprimer (1771).— В кн.: Epitres, stances, et odes, de Voltaire. Paris, 1800, p. 177.

Стр. 82. ...красоту подлинника? — Уваров ставит здесь очень важную для передачи античного стиха проблему эквилинейрного перевода.

...во французском платье...— Подчеркнута устойчивая ассоциация александрийского стиха с традицией французского классицизма, в частности, с классицистической традицией XVII в., где античные герои одевались в платья французских придворных эпохи Людовика XIV.

Стр. 83. ...верные метрические переводы...— Гекзаметрические переводы Гомера на немецкий язык появились в 1770-х гг. (опыты И. И. Бодмера, гр. Ф. Штольберга). Полные тексты «Одиссеи» и «Илиады» были переведены И. Г. Фоссом в 1781 и 1793 гг., а «Илиада» в 1802—1804 гг.— Хр. Г. Гейне.

...tacto animo...— Часть латинского изречения «Macte animo, genegose ruet, sic itur ad astra» (Дерзай, благородный отрок, так идет к звездам), представляющего цитату из поэмы Стация «Сильвы» (V, ст. 297).

Н. И. Гнедич. Ответ <С. С. Уварову> (стр. 83).— ЧзБ, чт. 13. СПб., 1813, с. 69—72.

Стр. 84. Поощряемый А. Н. О(лениным)...— В 1811 г. Гнедич стал сотрудником Публичной библиотеки, и ее директор Оленин обеспечил благоприятную для переводческой работы обстановку: снабжал поэта разнообразными археологическими и даже лингвистическими справками, оказавшими неоценимую услугу в передаче многих реалий античного быта, вооружения и т. д. (см.: Оленин А. Н. Переписка с разными лицами по поводу предпринятого Н. И. Гнедичем перевода Гомеровой «Илиады».— В кн.: Оленин А. Н. Археологические труды, т. 1. Вып. I. СПб., 1872).

...нов для некоторых читателей...— Несмотря на «Апологию «Тилемахиды» и шестистопов» в «Памятнике дактилохореическому витязю» Радищева и на то, что в «Опыте о русском стихосложении» Востокова была приведена подробная схема вариаций гекзаметра (см. выше), Гнедич имел право назвать гекзаметр новым размером для рядового читателя. Вполне уместно и то, что он приводит гекзаметрическую схему, во многом аналогичную востоковской. Существенно то, что Гнедич прямо пишет о хорях, а не о спондеях, но преимущество его схемы перед востоковской состоит в приведении конкретных стихотворных примеров на каждый вариант гекзаметра, что, безусловно, способствовало более адекватному восприятию нового размера читателями.

...всегда почти короткие...— Здесь Гнедич коснулся одного из самых сложных для русской стиховедческой теории и практики XVIII — начала XIX в. вопроса — о классификации односложных слов. На этой трудности основаны и так называемые амфибрахические

кие «псевдо гексаметры» А. Ф. Мерлякова (см., например: Улисс у Алкиноя (отрывок из Гомерово́й «Одиссеи»).— В кн.: Мерляков А. Ф. Стихотворения. Л., 1958, с. 120—123). Гнедич рассматривает «односложные частицы» (союзы) как «короткие» (безударные) и вместе с тем трактует первую стопу строки «Но Адраста живым уловил...» как хорей, ставя метрическое ударение на «но», чтоб не допустить восприятия стопы как анапестической.

С. С. УВАРОВ

Ответ В. В. Капнисту на письмо его об экзаметре (стр. 85).— *ЧсБ*, чт. 17. СПб., 1815, с. 47—66; представляет собой ответ на статью: Письмо В. В. Капниста к С. С. Уварову о экзаметре.— Там же, с. 18—42 (статья Капниста перепечатывалась в кн.: Капнист В. В. Собр. соч., т. 2. М.—Л., 1960).

Участие Капниста в полемике о гекзаметре было вполне закономерно. Опытный поэт, автор переводов и подражаний античным авторам (особенно Анакреону и Горацию), он в 1798 г. сделал попытку перевести начало «Одиссеи» Гомера александрийским стихом. Именно Капнист склонил Гнедича продолжить костровский перевод «Илиады», готов был редактировать перевод и даже выхлопотал своему подопечному пенсион, чтобы поэт мог завершить свой труд (см. переписку Капниста и Гнедича: Капнист В. В. Собр. соч. т. 2. М.—Л., 1960). Разумеется, отступничество Гнедича от александрийского стиха не могло не задеть Капниста. Однако его полемика с Уваровым — Гнедичем носит не личный, а принципиальный характер. Главное возражение Капниста на идею перевода «Илиады» гекзаметром сводилось к тому, что, по его мнению, предложенный вариант «русского» гекзаметра не являлся полноценным адекватом античного метра. Капнист настаивает на том, что гекзаметр — дактилический шестистопный размер, где последняя стопа заменяется непременно спондеем, и приводит собственные примеры «правильных экзаметров» (переделки «неправильных» стихов Гнедича из его перевода «Илиады»):

Страшную битву народов оставил бессмертных Богов сонм:
В поле же, тамо и тамо, свирепый сраженья шумел вихрь...

(*ЧсБ*, чт. 17, с. 23).

Эти «отрицательные» примеры должны были убедить оппонента и читателей в невозможности на русской почве настоящего гекзаметра. Уваров ссылается на опыт других новых европейских языков, где также «спондеев весьма мало», и делает следующий вывод: «Лучше жертвовать некоторо́й метрическою строгостию, нежели вовсе лишиться надежды иметь превосходнейшее стопосложение, верный отголосок древней поэзии». В дальнейшем Уварова поддержал Вос-

токов: «Конечно, за недостатком сей стопы (спондея) экзаметр наш всегда останется весьма несовершенным подобием греческого и римского. Но ежели и в сем несовершенном подобии он для эпического стихотворца несравненно выгоднее ямбического или другого какого размера, то зачем не присвоить нам его в таком виде, т. е. заменяя спондеи хорейми?» (Восток в А. Х. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817, с. 55).

Истинный смысл возражений Капниста против гекзаметра проясняется тогда, когда он переходит к предложению переводить «Илиаду» русским народным размером. Исходные мотивы рассуждений Капниста те же, что и у Уварова и Гнедича: он стремится к обновлению русской метрики, к освобождению ее от французского влияния (поэтому не возражает против отказа от александрийского стиха), к воспроизведению духа подлинной античности. Однако акценты несколько иные. Эпическое начало для Капниста — это народное начало. Предлагая гекзаметр, Уваров — Гнедич акцентировали то обстоятельство, что «Илиада» — греческий эпос, а Капнист стремился в первую очередь подчеркнуть народную природу «Илиады» и поэтому для адаптации ее русской культуре предлагает шестистопный хорей, воспринимавшийся как русский национальный метр. Именно так, считал Капнист, будет передан дух подлинной античности.

В выборе шестистопного хорей как литературного адекват русскому народному стиху Капнист продолжил традиции XVIII в., в частности, эксперименты своего старшего друга Н. А. Львова (а также Карамзина, Хераскова, в начале XIX в. — Мерзлякова, Востокова и др.). Не менее существенным был для Капниста и опыт Радищева. Любопытно, что и в этом оппоненты тесно соприкасаются, но приходят к противоположным результатам. Полемизируя с Капнистом, Уваров прямо ссылается на авторитет Радищева, опираясь на его апологию гекзаметра. Капнист же продолжает традиции радищевского «Бовы», «Песен, петьх на состязаниях...» и др. экспериментов в области литературной передачи народного стиха. Недаром и свое переложение отрывка из «Илиады» Капнист сопровождает введением, явно соотносящимся стилистически с «Памятником дактилехорейческому витязю»: «Выступая пред толь просвещенным собранием на позорище, в смуром кафтане, в кумачной рубаше и с шапкою в руках, для возглашения русским размером Омировых стихов, уверен я, что являюсь пред людьми, которые не по платью встречают: и так поклоняся добрым людям, как водится, и, разгляда бородку, начинаю размером простонародной песни: *Как бывало у нас, братцы, через темный лес* (чт. 17, с. 37). Возражая Капнисту, Уваров перифразирует его выражение «в смуром кафтане, в кумачной рубаше...» и в то же время слова Радищева: «Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное

им полукафтаны», «древний треух на Виргилия надет Ломоносовским покроем». Вывод Уварова решителен: «Омер в русском зипуне столь же мне противен, как во французском кафтане». Оспорить эту позицию Капнисту не удалось ни в «Письме» «о эксаметре», ни в следующей статье: «Краткое изыскание о Гипербореанах и о коренном Российском стихосложении» (*ЧвБ*, чт. 18. СПб., 1815, с. 3—41), ни своими переводами од Горация.

Эпиграф.— Распространенное латинское выражение, восходящее к судейской присяге в Афинах.

Стр. 86. ...*рыцарем Омера*...— Уваров перефразирует выражение Капниста: «По примеру многих доблестных древних рыцарей (<...>) мы сразимся за преимущество прелестей милых нам красавиц» (чт. 17, с. 19).

...*знаменитом Творце*...— Курсивом выделены цитаты из статьи Капниста (см.: чт. 17, с. 27 и 29).

«...*нас в сей истине*»...— Здесь и ниже имеется в виду следующее рассуждение из «Поэтики» (гл. 24) Аристотеля: «Эпопея отличается как длиною своего состава, так и метром. Что касается предела этой длины, то он достаточно выяснен: надо, чтобы сразу можно было обозреть и начало, и конец (<...>) А так называемый героический метр присвоен ей на основании опыта: в самом деле, если бы кто стал сочинять повествовательное произведение каким-нибудь другим метром или же многими, то это показалось бы неуместным. Героический размер действительно из всех метров самый спокойный и полный достоинства; вот почему он особенно принимает в себя глоссы и метафоры, так как и само повествовательное произведение отличается размерами от прочих. (<...>) Поэтому никто не сочинил большой поэмы в другом размере, чем героический, но, как мы сказали, сама природа указывает выбор ей подходящего» (Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957, с. 122—123).

Стр. 87. ...*сафическим стихом?*— Античные размеры, названные по именам культивировавших их поэтов. См. схемы и примеры этих стихов: Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха, с. 57—58.

...*весьма скуден*...— Курсивом выделена цитата из Капниста (ср.: чт. 17, с. 21).

...*пена кипела*...— Этот стих Ломоносов приводит в «Письме о правилах российского стихотворства» в качестве примера гекзаметра в новой силлабо-тонической системе стихосложения (см. первое изд.: Ломоносов М. В. Собр. разных соч. в стихах и в прозе, кн. II. М., 1778, с. 7).

...«*dactyle*»...— См. Энциклопедическую статью «Hexamètre, Littérat.», подписанную «L'abbé Mallet» в кн.: Encyclopédie Méthodique. Grammaire et Littérature, dédiée et présentée A Monsieur Le

Camus de Néville, Maître des Requêtes... Т. I. Paris, 1784, p. 243—244 (эта энциклопедия представляла собой часть огромного издания: Encyclopédie methodique ou par de ordre de matieres par une Société de gens de lettres, de savants et de'artistes. Paris, 1782—1832).

...teneatis, amici! — Цитата из «Науки поэзии» (ст. 5) Горация. В поэтическом переводе: «Кто бы, по-вашему, мог, поглядев, удержаться от смеха» (Квинт Гораций Флакк. Указ. соч., с. 383).

Стр. 89. ...ille triplex est.— Цитата из оды Горация (кн. 1, ода III, ст. 9). См.: там же, с. 47.

...in front magnanime.— Стихи воспроизведены в примечаниях к 91-му стиху IV сатиры Буало: Oeuvres de Nicolas Boileau Despréaux. Avec des éclaircissemens historiques, donnez par lui-meme. Т. 1. Amsterdam, 1718, p. 48.

Стр. 91. ...некто из наших писателей... — Уваров, будущий министр народного просвещения, ссылается здесь на авторитет Радищева и воспроизводит большую часть главы «Тверь» из запрещенного «Путешествия из Петербурга в Москву» (см.: Семенов В. П. Радищев. Очерки и исследования. М.— Л., 1923, с. 299). Текст слегка сокращен и отредактирован Уваровым («опричь», например, заменено на «кроме», «неутомимый Тредиаковский» вместо радищевского «неутомимый возовик Тредиаковский»), последовательно проведено написание «Омер» (вместо «Омир») и «Тилемахида» (вместо «Телемахида») и т. п. Однако через посредство Уварова читатель начала XIX в. смог познакомиться со значимым отрывком и важными эстетическими идеями «Путешествия». Имя «писателя Р.....», «о котором Российские музы не без сожаления вспоминают», в контексте апологии гекзаметра и после публикации «Памятника дактилохорейческому витязю» вряд ли могло остаться нераскрытым для сколь-либо осведомленных читателей.

...Иова или Псалмопевца... — Т. е. духовные оды Ломоносова — «Ода, выбранная из Иова», переложения псалмов (145, 103 и др.), написанные четырехстопным ямбом.

«Семира», «Димитрий» — трагедии А. П. Сумарокова «Семира» (1751) и «Димитрий Самозванец» (1771).

...осьмилетнем своем труде... — Имеется в виду героическая поэма М. М. Хераскова «Россяда» (1771—1779).

...Ломоносовским покровом... — Подразумевается перевод В. Петровым «Энеиды» Вергилия александрийским стихом по образцу поэмы Ломоносова «Петр Великий».

...Костров, зотя и не стихотворец... — Говорится о переводе Е. И. Костровым «Илиады» (см. выше).

Стр. 92. ...речи на открытие... Библиотеки... — См.: Гнедич Н. И. Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности. — В кн.: Описание торжественного открытия Импера-

торской Публичной Библиотеки, бывшего генваря 2 дня 1814 года. СПб., 1814, с. 52—98.

Стр. 93. ...*русским размером*...— Речь идет о замысле незавершенной сказочно-богатырской поэмы «Владимир», над которой Жуковский начал работать в 1814 г.

Стр. 94. ...*Стихотвору Горация*...— Пересказываются стихи 416—419 «Науки поэзии» Горация: «Я на диво сочиняю — //Все остальное провал побери, а мне неприлично//Вдруг признаться, что я, не учась, чего-то не знаю» (Квинт Гораций Флакк. Указ. соч., с. 393).

...*премlessly Мотылька*...— Речь может идти о двух анакреонтических стихотворениях Капниста: «Мотылек» (Аонида, 1796, кн. 1, с. 60; см.: Капнист В. В. Избр. произведения. Л., 1973, с. 121—122) и «Неосторожный мотылек» (Лирические соч. Василия Капниста. СПб., 1806, с. 229; Капнист В. В. Указ. соч., с. 129—130).

«Опыты в стихах и прозе» г-на Батюшкова (стр. 94).— *Conservateur impartial*, 1817, 16/28 октября, № 83, с. 414. В наст. изд. печатается в переводе с французского М. И. Гиллельсона по: *Гиллельсон*, с. 97—100. Статья напечатана в 1817 г. анонимно; неполный перевод: *ВЕ*, 1817, ч. 96, № 17—18; обоснование принадлежности ее Уварову см.: *ДНТ*, с. 235. Эта же статья опубликована в переводе А. Л. Андреева в кн.: *Литературно-критические работы декабристов*. Составление, вступ. статья и примеч. Л. Г. Фризмана. М., 1978, с. 329—331; здесь она атрибутирована Кюхельбекеру, на что нет оснований. Статья представляет собой рецензию на первый сборник произведений Батюшкова, вышедший в свет в 1817 г. (первый том — июнь, второй — октябрь). Батюшков ответил Уварову стихотворной надписью на экземпляре «Опытов» (см. в наст. томе).

Стр. 95. ...*вечным совершенствованием*...— Принцип исторического развития, который отстаивали французские просветители XVIII в.; наиболее развернуто изложил его Кондорсе в «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» (1795); в 1800—1810-х гг. наиболее последовательной сторонницей этой концепции была Ж. де Сталь (см.: Сталь Ж. де. *О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями*. М., 1989, с. 60—65). По-видимому, отказывая описываемым им явлениям в принадлежности к процессу вечного совершенствования, Уваров подчеркивает отсутствие преемственности между «старой школой» в ее современном виде («Беседа») и поэтами «новой школы».

Певец 1812 года...— Намек на стихотворение Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812).

Нежность и тонкость...— Гораций. Сатиры, I, 10, 44.

Стр. 96. ...первый — поэт Севера, второй — поэт Юга.— Оппозиция «литература Севера» — «литература Юга» была введена в европейскую культуру XIX в. Жерменой де Сталь (см. ее книгу «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями»; 1800); Уваров был знаком не только с сочинениями Сталь, но с нею лично (см.: Дурылин С. Н. Госпожа де Сталь и ее русские отношения.— Лит. наследство, т. 33—34. М., 1939, с. 233—238).

...он с равным успехом подражает и Тибуллу и Парни.— Линия преемственности Тибулл — Парни — Батюшков была своего рода «общим местом» в устах современников русского и французского поэтов. Парни постоянно сравнивали с Тибуллом («полу-Тибулл», по выражению Экушара-Лебрена), а Батюшкова — с Парни («Парни Николаевич», по слову А. И. Тургенева).

Д. Н. Блудов. «Двенадцать спящих дев». Поэма г. Жуковского (стр. 97).— *Conservateur impartial*, 1817, 7/19 августа, № 63, с. 325—326, без подписи; принадлежность Блудову удостоверяется письмом Н. И. Тургенева к С. И. Тургеневу 16 октября 1817 г.: «Статья Блудова о Жуковском тебе не нравится, я нахожу ее недурной, а только как-то ненатуральной или натянутой. Статья Уварова о Батюшкове, которую получишь вместе с письмом сим, также не весьма замечательная, но также не дурна, только в начале также натягута» (*ДНТ*, с. 235; ср. там же, с. 40—41). Поэма состоит из двух частей: баллады «Громобой» (1810); опубл.: *ВЕ*, 1811, № 4 и «Вадим» (1814—1817); опубл. вместе с первой частью и посвящением «Лагарпу-Блудову»: «Двенадцать спящих дев, старинная повесть, соч. Василия Жуковского». СПб., 1817.

Стр. 97. *Французы не созданы для эпоса...*— См. «Опыт об эпической поэзии» Вольтера (1726; гл. 9).

«Генриада» (1723—1728) — эпическая поэма Вольтера.

...прибегать к чудесному...— Термин «чудесное» обозначал в европейских поэтиках XVII—XVIII вв. вмешательство в действие сверхъестественных сил, олицетворяющих волю Провидения. В конце XVII в. в ходе «Спора о древних и новых» развернулась дискуссия о том, каким должно быть «чудесное» в эпоху нового времени, — языческим, как у Гомера или Вергилия, или христианским. «Древние» отстаивали языческое чудесное, полагая, что использование в поэзии христианских образов дискредитирует религию; «новые» утверждали, что языческие мифы лживы и не отвечают потребностям человека нового времени; они предлагали эпическим поэтам черпать героев, в том числе и сверхъестественных, из христианских преданий. К критике языческой мифологии и противопоставлению ей мифологии христианской европейские литераторы вернулись на рубеже XVIII—XIX в.; наиболее ярко эта точка зрения представлена в трактате Ф.-Р. де Шатобриана «Гений христианства» (1802),

к которому, по всей вероятности, и восходят соответствующие положения статьи Блудова.

Стр. 98. *...изображенный этими поэтами Карл Великий...* — Король, а затем император франков Карл Великий является героем многочисленных старофранцузских эпических поэм, наиболее известная из которых — «Песнь о Роланде»; эпический Карл Великий — идеальный король, воплотивший в себе черты нескольких правителей VII—IX вв., а также народные представления о воинской доблести и царской справедливости. См.: Волкова Э. Н. Эпос Франции. М., 1984, с. 151—158.

...преданиям, которые связывает с именем Владимира народ. — Князь Владимир как воплощение народных представлений о государственности выступает персонажем многих русских былин.

...шотландцы присвоили... наименование баллад. — В англо-шотландской народной поэзии XIV—XVI вв. балладами назывались лиро-эпические произведения на исторические темы, сходные с испанскими романсами и русскими былинами и историческими песнями; интерес к народной балладе привел в конце XVIII — начале XIX в. к созданию литературной баллады со сказочной или исторической тематикой.

Стр. 99. *...и авторитет Буало.* — Буало в третьей песни своей поэмы «Поэтическое искусство» (1674) выступил решительным противником христианской эпопеи.

Стр. 100. *...вольное подражание некоторым стансам Гете...* — Вступление к обеим частям «Двенадцати спящих дев» («Опять ты здесь, 'мой благодатный гений...») — перевод посвящения первой части «Фауста» Гете; под названием «Мечта» было напечатано в *СО* (1817, ч. 29, № 32).

С. С. Уваров. К. Н. Батюшков. О греческой антологии (стр. 100). — Написано в 1817 г. для арзамасского журнала. Прозаический текст и французские переводы эпиграмм принадлежат Уварову, русские стихи — Батюшкову. Отдельное издание — СПб., 1820 (цена. разрешение 7 ноября 1819 г.) тиражом 70 экз. Издание осуществил Дашков, ему же принадлежит предисловие «От издателя». Книга вызвала восторженные отклики современников. И. И. Дмитриев 25 февраля 1820 г. писал А. И. Тургеневу: «Искренно благодарю Вас (...) за присылку прекраснейшего перевода из Антологии. Это совершенство русской версификации: какая гибкость, мягкость, нежность и чистота! Словом, Батюшков владеет языком по произволу. Искренно уважаю талант его. С тою же искренностью отдаю справедливость и французскому переводчику (*РА*, 1867, стлб. 1121). «Совершенство просодии», «сладостную мелодию» и «исполнинскую силу выражений» отмечал в своем разборе Кюхельбекер (*СО*, 1820, ч. 62, № 23, с. 141—151; ср.: К ю х е л ь б е

кер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979, с. 450—453). «И стихи (Батюшкова русские, Уварова французские) и проза (Уварова) очень хороши», — писал 1 марта 1820 г. в дневнике С. И. Тургенев (цит. по: *Гиллельсон*, с. 154). В брошюре выразились восходящие к Винкельману и Гердеру представления о греческой антологии как художественном воплощении национального характера древних греков, их исторического и нравственного бытия и — шире — мысль о национально-географической обусловленности культуры любого народа, усвоенная европейским романтизмом от Монтескье и госпожи де Сталь. Желание воспроизвести дух греческого оригинала сочетается в брошюре со свободным отношением к размеру подлинника. Хотя Уваров, автор «Письма к Н. И. Гнедичу о греческом экзаметре», выступал принципиальным сторонником русского гекзаметра, в эпиграматике он счел возможным отступить от размера оригинала — алегического дистиха (который, напротив, воспроизвел в своих переводах из антологии, выполненных в 1818—1824 гг., Дашков); французские переводы Уварова выполнены классическим александрийским стихом (что вполне соответствует общей тенденции Уварова к некоторому «сглаживанию» вольностей греческого оригинала). Что касается Батюшкова, то он, пользовавшийся из-за незнания греческого языка уваровскими переводами, вообще не ограничивал себя одним определенным размером (о соотношении переводов Уварова и Батюшкова см.: Ф р и д м а н Н. В. Поэзия Батюшкова. М., 1971, с. 234—247). Батюшков, по-видимому, был доволен переводами из антологии, поскольку собирался ввести их во второе издание своих «Опытов в стихах и прозе» (см. С е м е н к о И. М. Батюшков и его «Опыты». — Б а т ю ш к о в К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977, с. 484).

Стр. 100. *...один... избран в земские заседатели; другой поступил во внутреннюю стражу...* — Возможно, пародийные намеки на новации в служебной карьере Уварова и Батюшкова: первый в 1818 г. стал президентом Академии Наук, второй в том же году уехал на дипломатическую службу в Италию.

Ст..... и А.... — Арзамасские прозвища сочинителей — Старушка и Ахилл.

Стр. 101. *...мастерски переведенных Дмитриевым...* — И. И. Дмитриев перевел из антологии эпиграммы «Надпись к статуе Юпитера» (по Паризо); «К Венериной статуе» (по Вольтеру) и «Леандр, в последний раз возникнув из валов...».

Стр. 102. *...переводы Гердера и Якобса...* — Гердер в 1785 г. выпустил «Цветы, собранные из греческой антологии»; Х.-Ф.-В. Якобс выпустил в 1794—1813 гг. 13-томное издание «Греческой антологии» (2-е изд. — 1813—1817, т. 1—4).

Стр. 104. *Где любовь невинна...* — Делить. Сады (1788; II, 521).

Стр. 105. ...победители при Маратоне...— В Маратонской (Марфонской) битве (490 до н. э.) греки впервые одержали победу над персами.

История Антологии известна.— Мелеагр Сирийский, или Гадарский (по месту рождения в палестинском городе Гадара), составил первую по времени антологию греческих эпиграмм «Венок» (60 г. до н. э.), до нас не дошедшую. Сохранились два других сборника — один, в 15 книгах, составленных в X в. Константином Кефалою (Кефаласом); в его составе до нас дошло около 130 эпиграмм Мелеагра; другой, в 7 книгах, составленный Максимом Планудом, — сокращенный вариант сборника Кефалы, куда, однако, вошли 388 эпиграмм, у Кефалы отсутствующих (их принято присоединять к антологии Кефалы в качестве 16-й книги). Сборник Плануда был обнаружен византийским филологом И. Ласкарисом и напечатан раньше сборника Кефалы — в 1494 г; антология Кефалы была найдена французским ученым Салмазием (Клодом де Сомезом) в гейдельбергской Палатинской библиотеке в 1606 г. (отсюда ее название — «Палатинская антология»).

«Аналекты» (лат. *analecta* — «остатки») *Брунка* — антология греческих эпиграмм, изданная в 1772—1776 г. в трех томах французским филологом Брунком. Приводим номера эпиграмм, вошедших в книгу Уварова-Батюшкова, по Палатинской антологии: I—VII, 476; II—V, 415; III—V, 199; IV—IX, 231; V—IX, 151; VI—V, 107; VII—V, 219; VIII—V, 250; IX—V, 258; X—V, 264; XI—V, 262; XII—V, 239; XIII—VII, 282.

Стр. 106. *В обители ничтожества унылой...*— Там же эпиграмма была переведена Дашковым; впервые опубли. в изд.: *Поэты 1820—1830-х гг.*, т. 1. Л., 1972, с. 84.

...*Асклепиада Самосского, современника Теокрита...*— Оба поэта жили в III в. до н. э.

Стр. 107. ...*в царствование Птоломея Филадельфа...*— в 285—246 гг. до н. э.

...*разорение Коринфа консулом Муммием...*— Греческий город Коринф был захвачен и разрушен римским полководцем Луцием Муммием в 146 г. до н. э.

Стр. 108. ...*плач Пророка на развалинах опустошенного Тира...*— Книга Пророка Исаии, 23, 1—18 («пророчество о Тире»).

И поля, где Троя стояла...— В е р г л и й. Энеида, III, 10.

Стр. 109. *Мимнерм* считается основоположником эротической лирики в древнегреческой литературе.

Стр. 111. *Сочиняйте все ваши стихи в Париже...*— Вольтер. Храм вкуса (1733).

Стр. 115. *С отвагой на челе...*— Та же эпиграмма Феодориды (III в. до н. э.) была более точно переведена Дашковым (опубли. в «Северных цветах» на 1825 г., с. 305; ср.: *Поэты 1820—1830-х гг.*,

т. 1, с. 73): «В бурных волнах я погиб; но ты плыви без боязни! // Море, меня поглотив, в пристань других принесло». Перевод Батюшкова вызвал неодобрительное замечание Кюхельбекера: «Теперь позволим себе попросить у г. Издателя объяснения следующей надгробной надписи, которую нашел он на оберточном листе изданной им рукописи и которой мы, признаемся, не понимаем...» (К ю х е л ь б е к е р В. К. Указ. соч., с. 453).

МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ

В. Л. Пушкин. Мысли и характеры (стр. 116).— Российский музей, 1815, ч. IV, № 12, с. 300—309, с подписью «N». В. В. Измайлов, издатель журнала, сопроводил публикацию следующим примечанием (с. 300): «Нам не дозволено наименовать Автора; но читатели не смешают его с другим Автором, недавно выдавшим мысли, портреты и характеры» (имеется в виду изданная в Москве в 1815 г. книга П. И. Шаликова «Мысли, характеры и портреты»). Авторство В. Л. Пушкина устанавливается из письма Вяземского к А. Ф. Воейкову 19 октября 1821 г. (РС, 1904, № 1, с. 115; ср. там же коммент. И. А. Бычкова). «Мысли и характеры» В. Л. Пушкина (в 1808 г.— первый его опыт в этом роде: «Мысли» — «Аглая», февраль, подпись «В. П.», указано С. И. Пановым; в 1827 г.— в «Литературном музее на 1827 год» — «Замечания о людях и обществе») были замечены арзамасцами. Так, в качестве одной из мер наказания старосты за опоздание в «Арзамас» 15 марта 1816 г. сочлены собирались заставить его «вместо лимона выжимать из головы своей мысли и подсыпать толченых характеров вместо сахару...». Это же произведение среди других курьезов нашей словесности упоминается в стихотворном отчете Жуковского о заседании «Арзамаса» в июне 1817 г. (см. в т. 1 наст. изд.). Отношение Вяземского к «Мыслям...» зафиксировано в «Мыслях и замечаниях» Блудова: «Вяземский вздумал однажды сказать Пушкину (разумеется, Василью Львовичу): «Вы должны быть вечно благодарны Шаликову: он вам подал мысль написать мысли». Все засмеялись; Пушкин не понял эпитаграммы: а в самом деле, в его мыслях только и есть одна эта мысль, за которую он обязан Шаликову (К о в а л е в с к и й Ег. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1866, с. 243; сходным образом построена эпитаграмма Вяземского «Наши Ларошфуко», помещенная в «Московском телеграфе» (1826, № 6). Но не только насмешки арзамасцев определяют интерес «Мыслей и характеров» — в них содержится ряд суждений о словесности, важных для выяснения системы литературных взглядов писателей арзамасского круга.

Стр. 116. *Ликаст — везде и нигде...* — Формула подсказана на-

званием романа Х.-Г. Шписса «Старик везде и нигде» (русский перевод — 1808).

Стр. 117. *Все сказано...*— Источник цитаты: «Характеры, или Нравы нынешнего века» Ж. де Лабрюйера (гл. 1, главка 1).

Колкое слово врезывается в сердце...— Ранее была другая редакция: «Колкое слово острее всякого ножа» («Аглая», 1808, ч. I, № 2, с. 63; публикация выявлена С. И. Пановым).

Дамон — в этом персонаже нашли отражение некоторые черты, обычно выделяемые В. Л. Пушкиным в бытовом поведении А. М. Пушкина.

Рутировала двойка...— Т. е. постоянно приводила к выигрышу при все увеличивающихся ставках.

Стр. 118. *Некоторые рассуждают о словесности, о русском языке...*— Имеется в виду Шишков, автор «Разговоров о словесности» (1811), «Рассуждения о красноречии Священного Писания...», «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка».

Стр. 119. *...хуже простонародных песен...*— Выпады В. Л. Пушкина против простонародного творчества, возможно, отчасти полемически ориентированы на Шишкова.

«Между Прадоном и мною...» — Известный литературный анекдот заимствован из «Лицея...» Ж.-Ф. Лагарпа ч. II, гл. 3, прибавление к разделу VII.

Клеон — Шаховской.

В некоторых обществах его венчают лавровыми венками...— Намек на события 24 сентября 1815 г. (см. примеч. к «Венчанию Шутовского» Дашкова в т. 1 наст. изд.) позволяет заключить, что «Мысли и характеры» были закончены не ранее октября 1815 г.; ср. сообщение Карамзина в письме к А. И. Тургеневу 29 октября 1815 г.: «Эпиграммы сыплются на к. Шаховского, даже и московские приятели наших приятелей острят на него перья. Василий Пушкин только что не в конвульсиях...»

Стр. 120. *Крайтон* — лейб-медик Арчибальд-Уильям (Александр Александрович) Крейтон (1791—1863).

Элоиза. — Сюжет, связанный с этим персонажем, имеет в виду волну обращений в католичество в 1814—1815 гг. вследствие пропаганды иезуитов, вызвавшую указ 20 декабря 1815 г. о высылке иезуитов из обеих столиц.

Хризипп — образ автобиографичен. И. И. Дмитриев говорил о В. Л. Пушкине, что «он кончит тем, что будет дружен с одними грудными младенцами, потому что чем более стареет, тем все более сближается с новейшими поколениями» (Вяземский П. А. Соч. в 2-х т., т. 2. М., 1982, с. 258).

Д. Н. Блудов. Украденная записная книжка (стр. 124).— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5228, л. 1—22 (писарская копия; с пометой рукой П. А. Вяземского: «Блудова»).

Значительная часть блудовских афоризмов была опубликована Е. П. Ковалевским в книге «Граф Блудов и его время» (СПб., 1866, с. 242—259) — однако без указания на источник и без какой-либо мотивировки состава и композиции материалов. Между тем имеется несколько рукописных источников наследия Блудова-моралиста: это «Отрывки из статьи, представленной Кассандрою Арзамасскому обществу» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 553; писарская копия, включающая 10 афоризмов, с пометой Вяземского: «из бумаг Воейкова»); «Статья для Арзамасского общества, доставленная членом оною Кассандрою» (ГПБ, ф. 286, оп. 2, № 71; писарская копия на 12 листах, имеются пропуски мест, не разобранных переписчиком); записи афоризмов, сделанные рукой А. И. Тургенева в принадлежащем ему альбоме (ИРЛИ, ф. 309, № 619; записи сделаны не ранее 1823 г.) и, наконец, «Украденная записная книжка». Основания для предпочтения текста «Украденной записной книжки» таковы: хронологическая приуроченность к «арзамасскому» периоду (в публикацию Ковалевского вошли и афоризмы позднейшего времени), полнота и явно авторское расположение текста (он в основном совпадает с записями в альбоме Тургенева, восходящими, несомненно, к автографу Блудова; однако из альбома вырезано несколько листов, и потому часть текста утрачена). Наконец, свидетельством того, что именно «Украденную записную книжку» Блудов готовил к публикации, является устранение или зашифровка личных имен, а также исключение афоризмов на французском языке: готовящийся текст осознавался как факт русской литературы.

Обладая тонким вкусом и несомненным писательским даром, но не чувствуя в себе сил овладеть крупными литературными формами, Блудов с юных лет избирает путь «русского Ривароля» (французский моралист XVIII в.) и культивирует в себе «риваролевские» черты — остроумие, скептический юмор, дар рассказчика и блестящего собеседника. Подобно Риваролю, Блудов долго оставался по преимуществу мастером «устной литературы» — автором эпиграмм, экспромтов, афористических сентенций. Множество устных острот Блудова зафиксировал Вяземский в «Старой записной книжке» (Вяземский. ПСС, т. 8, с. 53, 125, 491). Сохранилось любопытное свидетельство об одном из «риваролевских» замыслов Блудова. В не полностью сохранившемся и недатированном (но, судя по реалиям, написанном в конце 1813 г.) письме к Вяземскому Дашков заключал рассказ о выступлениях литературных консерваторов восклицанием: «Ах, где наш Блудов со своим *Petit Almanach des Grande hommes!* Какая бы для него обильная жатва!» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1820, л. 9). Название «Альманаха» Блудова повторяет наименование известного памфлетного сборника Ривароля (см. т. 1 наст. изд., с. 482); судьба этого замысла, оформившегося, как явствует из письма Дашкова, еще до отъезда Блудова за границу в 1812 г., неизвестна.

Тем не менее к середине 1810-х гг. репутация «русского Ривароля» прочно закрепилась за Блудовым. 27 июня 1814 г. Карамзин пишет А. И. Тургеневу: «Кланяюсь Блудову-Риваролю и Батюшкову-Парни» (РС, 1899, № 2, с. 466).

Идея собрать и обработать для печати свои мысли и афоризмы, очевидно, возникла у Блудова (не без давления друзей) в период подготовки арзамасского журнала. Итогом этой работы и стала «Украденная записная книжка» (стилизованное название, данное самим автором или кем-то из арзамасцев; ср. «Старую записную книжку» П. А. Вяземского). Сочинение Блудова представляет дополнительный интерес тем, что в нем, судя по всему, отразились не только авторские наблюдения, но и реплики, каламбуры, остроты, бытовавшие в арзамасской и околоарзамасской среде. Сопоставление различных рукописных редакций блудовских мыслей и афоризмов позволяет проследить пути постепенной «универсализации» текста, увидеть, как вся конкретика постепенно зашифровывается, уходит в подтекст, оставаясь уделом узкого круга посвященных. В «Отрывках из статьи...» одна из сентенций начинается так: «В припадке чрезмерного добродушия наш друг Тургенев вздумал хвалить Розенкампа за мягкость его характера...» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 553, л. 1 об.; Г. А. Розенкамф — старший член совета Комиссии составления законов. «Вздумал хвалить» его, конечно, А. И. Тургенев; Н. И. Тургенев характеризовал Розенкампа как «преподлое, презрительное и опасное, в особенности в нынешнее время, творение». — АБГ, III, с. 196). В так называемой «Статье для Арзамасского общества...» фраза выглядит уже иначе: «Однажды в припадке чрезмерного добродушия наш друг Тургенев вздумал хвалить NN...» (ГПБ, ф. 286, оп. 2, № 71, л. 10 об.). Наконец, в «Украденной записной книжке» это место приобретает такой вид: «Однажды в припадке чрезмерного добродушия кто-то вздумал хвалить ***...» Аналогичную эволюцию проделала и другая фраза, первоначально начинавшаяся так: «Говоря о горизонтах, я вспоминаю, что однажды Свечина сказала...» (в рукописи ГПБ и у Ковалевского, с. 245); в «Украденной записной книжке» Свечина превратилась в «известную умную женщину».

Часть лиц в «Украденной записной книжке» скрыта за инициалами; некоторые из них могут быть раскрыты с полной достоверностью. Легко устанавливаются автор и герой реплики: «В. говорит, что h. h., силясь укусить, только муслит». Соответствующий афоризм сохранился в записной книжке Вяземского: «Шаховской, когда кусает, только что замуслит» (В я з е м с к и й П. А. Записные книжки (1813—1848), с. 25). Ж ***, к которому обращена одна из сентенций, — это, бесспорно, В. А. Жуковский (инициал раскрыт в рукописи ГПБ и в публикации Ковалевского, с. 251). Другая часть криптонимов может быть расшифрована с большей или меньшей степенью убедительности. Не исключено, например, что часто упоминаемый в «Укра-

денной записной книжке» С. Д. (в книге Ковалевского — К. Д.) — это граф И. А. Каподистрия, статс-секретарь по иностранным делам, патрон Блудова. Среди близких знакомых Блудова не удалось обнаружить никого, кроме Каподистрии, чье имя начиналось бы этими инициалами (латинизированное написание имени Каподистрии — Capot d'Histrias; по-русски арзамасцы писали: Капо Д'Истрия, Капо д'Истрия). Если остроумец С.Д. — это действительно Каподистрия, то становятся понятнее мотивы, побудившие арзамасцев присвоить статс-секретарю титул «почетного гуся».

Стр. 124. *Н. Н. говорил об ...р...е...* — В публикации Ковалевского — К. Д. (с. 254).

Стр. 134. *Это одна из шуток случая, — отвечал Б.* — В публикации Ковалевского — Д.

В самом деле, — примолвил Б., — его сердце мягко как грязь. — В «Отрывках из статьи...» и в «Статье для Арзамасского общества...» — Д. Возможно, переписчик «Украденной записной книжки» неправильно прочел соответствующую букву. Если здесь (как и в предшествующей записи) следует читать «Д.», то весьма вероятно, что за этой литерой скрыт Д. В. Дашков.

САТИРА

В. Л. Пушкин. *Опасный сосед* (стр. 136). — Литографическое воспроизведение без выходных данных (1815 или 1816, Мюнхен (?), с подписью «П.....»), изготовленное близким к кругу приятелей В. Л. Пушкина — П. Л. Шиллингом; типографским способом — «Опасный сосед. Стихотворение Василия Львовича Пушкина». Лейпциг, 1855. В России (110 стихов из 154-х) в кн.: Хрестоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах (составил Н. В. Гербель). СПб., 1873, с. 128—130, полностью — в кн.: Бурцев А. Е. *Обстоятельное библиографическое описание редких и замечательных книг...*, т. 4. СПб., 1901, с. 141—143. Б. В. Томашевский был знаком с хранившимся в *ИРЛИ* уникальным экземпляром «тайным образом» напечатанной поэмы, относящимся, по его мнению, к концу 1811 или началу 1812 г. (Карамзин и поэты его времени. М.—Л., 1936, с. 466; Томашевский Б. Пушкин. Кн. первая (1813—1824). М.—Л., 1956, с. 10). В настоящее время это издание неизвестно. Поэма написана весной 1811 г. в Москве (см. письмо Батюшкова к Гнедичу от первой половины апреля 1811 г.). По сведениям Анненкова в ее создании некоторое участие принял Жуковский, а также и другие друзья поэта (Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, с. 18). Об этом же сообщается в неопубликованных мемуарах хорошо

осведомленного М. А. Дмитриева: «Немногие, конечно, знают, что в этой сатире есть стихи Воейкова, и даже один самый нескромный стих принадлежит скромному Жуковскому. Я мог бы указать его, но не смею (ГБЛ, ф. 178, Муз. собр. М., 8141—1, л. 97 об.). «Опасному соседу» (название, возможно, подсказано комедией А. Коцебу «Опасное соседство», шедшей в 1806 г. на московской сцене в вольном переводе родственника Пушкиных П. Н. Приклонского) суждено было стать лучшим произведением В. Л. Пушкина (ср. *Вигель*, ч. 3, с. 136). Сам поэт вполне разделял взгляд на «Опасного соседа» как на вершину своего творчества; в 1816 г. он выделил поэму в своей шуточной автоэпитафии (см. с. 179), а в мае 1830 г., за несколько месяцев до смерти, просил С. Д. Полторацкого напечатать стихи по «исправному списку» в русской типографии за границей: «Оно известно в России только в рукописи, и жаль, если пропадет и не дойдет до потомства» («Опасный сосед...», Лейпциг, 1855, с. 4—5). Отсюда видно, что В. Л. Пушкин не принимал в расчет литографическое воспроизведение поэмы, хотя несомненно был осведомлен о нем (см.: Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939, с. 152, а также письмо Вяземского к А. И. Тургеневу 5 октября 1816 г.). Тем не менее в настоящем издании «Опасный сосед» печатается по обнаруженному недавно экземпляру именно этого литографического издания — ГПБ, ф. 777, оп. 1, № 1351 (см. о нем: Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». М., 1983, с. 29—33; Степанов В. П. Заметки о В. Л. Пушкине.— Пушкин. Исследования и материалы, т. XI. Л., 1983, с. 262—267). Его разночтения с текстом издания 1855 г., выражающим последнюю авторскую волю, не случайны и восходят к ранней редакции поэмы (они подкрепляются, в частности, авторитетным ранним списком из арх. Вяземского — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5550). Этот текст наиболее приближен к тому варианту, который арзамасцы шутливо постановили переписать «чистым почерком, переплести в бархат и признать (...) арзамаскою Кормчею книгою» (протокол заседания 15 марта 1816 г.). Оценка поэмы в среде будущих членов «Арзамаса» была неоднозначной. Ею восхищался Батюшков (письма к Гнедичу 29 мая и за июль 1811 г.), ее сочувственно цитировал Вяземский (ОА, т. 1, с. 1—2), но А. И. Тургенев (письмо к Н. И. и С. И. Тургеневым 15 июня 1811 г.) и Д. В. Давыдов (Избранное. М., 1984, с. 264) отказывали ей в литературных достоинствах. В арзамасских речах «Опасный сосед» оценивался уже только положительно (см. материалы 9-го заседания «Арзамаса» и чрезвычайного заседания 20 апреля 1816 г.).

Эпиграф.— «Смысл этого латинского стиха в применении к новелле иносказателен: над несчастным приключением автора и Буянова... может смеяться лишь тот, кто сам безгрешен» (Степанов В. П. Указ. соч., с. 266). Другие варианты перевода см. в

заметке: П. Б. (Баргенов П. И.) Эпиграф «Опасного соседа». — РА, 1889, № 9, с. 144. *Буянов* — литературное имя, встречающееся в эпиграммах XVIII в. (подробнее см. коммент. Г. В. Ермаковой-Битнер. — *Поэты-сатирики*, с. 657); упоминается в стихотворении В. Л. Пушкина «Вечер» (1798). *Пагом* — «славный московский биржевой ящик и меновщик лошадей» (пояснение в известном Томашевскому экземпляре 1811 или 1812 г. — Карамзин и поэты его времени, с. 467). *...на масляной...* — В ритуал проведения масляной недели (неделя до Великого поста) входило катание с гор и в санях. *Обшиveni* — широкие сани, обшитые лубом. *Вал* — бульвары на месте старинного вала. *Поварская* — ныне ул. Воровского. *Дивились двоице...* — Т. е. паре коней; отсылка к стихотворению Ширинского-Шихматова «Возвращение в Отечество любезного моего брата князя Павла Александровича из пятилетнего морского похода» (1810): «Но кто там мчит в колеснице // На резвой двоице коней»; см. замечание М. Т. Каченовского (ВЕ, 1810, № 19, с. 224). *...варягоросс, угрюмый наш певец...* — Обращение к Ширинскому-Шихматову. *Славянофилов кум...* — Кум славянофила, т. е. А. С. Шишкова. *Ну, к черту вкус и ум! пишите в добрый час!* — По мнению Батюшкова (письма к Гнедичу за первую половину апреля и от 29 мая 1811 г.), этот стих следует читать как реплику Ширинского-Шихматова или всех беседчиков. *Херы с Покоями сцеплялись по стенам...* — Имеются в виду нескромные надписи на стенах (*хер* и *покой* — названия букв *х* и *п* в русской азбуке). Вяземский, перечитывая в старости «Опасного соседа», заметил по поводу этой строки: «Забавно, что этот стих Жуковского» (Старина и новизна, кн. 8. М., 1904, с. 45). *Ракалия* — негодяй, мерзавец. *Горка* — простонародная азартная карточная игра (три листа). *Султан Селим, Вольтер и Фридерик Второй...* — Деятели, привлекавшие внимание публики за несколько лет до создания «Опасного соседа» (см.: ВЕ, 1807, № 16, с. 299—309; Гений времен, 1807, № 15, 20 июля, с. 59—60; 1809, № 20, 10 марта, с. 77—79; Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978, с. 106). *Прямой талант везде защитников найдет...* — Сообщение о том, что этот стих (по выражению Вяземского, «бессмертные слова») принадлежит Жуковскому (Анненков П. В. Указ. соч., с. 18), не соответствует действительности (ср. речи Вяземского, Северина и Жуковского в 9-м заседании и письмо А. С. Пушкина к дядюшке 28(?) декабря 1816 г.; ср. также автовосхваление В. Л. Пушкина в «Послании к арзамасцам»). Возможно, дополнительным импульсом для включения в поэму пассажа, направленного против Шаховского, послужило известие о том, что «в Питере написана новая сатира, весьма колкая, на Карамзина, Пушкина...», автором которой называли Д. П. Горчакова и (или) Шаховского (см. письмо Батюшкова Гнедичу 13 марта 1811 г.). Шаховской болезненно переживал укол В. Л. Пушкина (см. воспоминания

А. А. Кононова.— Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929, с. 343—344; ср. косвенное свидетельство А. Е. Измайлова в «Князь Ш. и актриса Е.» и пытался отомстить литературному обидчику (см. перечень этих попыток в статье А. А. Гозенпуда.— Шаховской, с. 33—38). *Из чести лишь одной я в доме здесь служу...*— Т. е. только за чаевые, не получая платы от содержательницы заведения. О дальнейшей судьбе каламбуризованного В. Л. Пушкиным выражения см. заметку Г. В. Иванова (Русская литература, 1972, № 3, с. 185). *Кот серый...*— По-видимому, равные права на место в ранней редакции поэмы имеет эпитет «сизый» (ср. в протоколе 10-го заседания «Арзамаса» среди наказаний, предусмотренных для опаадывающего В. Л. Пушкина: «...водиться с одним сизым котом; есть с ним из двух медных тазов...»; замечено С. И. Пановым). *Живу я на отчете...*— То есть под постоянным медико-полицейским контролем. «*Бова*» и «*Еруслан*», «*Несчастный Никанор*» «*Смерть Роллы*», «*Арфаксад*», «*Русалка*», «*Дева Солнца*»...— Перечислены лубочные сказки «Знатная сказка о славном и храбром витязе Бове-королевиче» (СПб., 1790) и «Сказка о славном и сильном витязе Еруслане Лазаевиче, о его храбрости и невообразимой красоте царевны Анастасии Вахрамеевны» (СПб., 1797); анонимный роман «Несчастной Никанор, или Приключение жизни российского дворянина, господина.....» (ч. 1. СПб., 1775; изд. 2-е, ч. 1—3. М., 1787—1789); драма А. Коцебу «Смерть Роллы» (М., 1802); роман П. М. Захарьина «Арфаксад, халдейская повесть» (ч. 1—4. М., 1793—1795); опера «Русалка» (ч. 1—4. СПб., 1804—1807, текст 4-й ч.— самостоятельное сочинение Шаховского); другая драма А. Коцебу «Дева Солнца» (М., 1803). Описание драки с книгами строится здесь по аналогии с эпизодом из V песни поэмы Буало «Налой» (см. П е с к о в А. М. Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века. М., 1989, с. 84). *Благопристойности ничто не нарушало...*— Позднейшее замечание Вяземского: «Этот стих в этом месте прелесть» (Старина и новизна, кн. 8. М., 1904, с. 45). *Аспазия* (р. ок. 470 до н. э.) — одна из выдающихся женщин Древней Греции. В ее доме собирались художники, поэты, философы. *Блажен, сто крат блажен, кто в тишине живет и в сомненье людей неистовых нейдет...*— Пародия на текст первого Псалма: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе...». *И над рецензией славянской засыпает...*— Намек на литературно-полемиическую деятельность Шишкова.

П. А. Вяземский. Сравнение Петербурга с Москвой (стр. 140).— «Будущность» («L'Avenir»). Лейпциг — Париж, 1861, 3 (15) января, № 6 (сокращенный и несправный текст). Печатается по: Русская потаенная литература XIX столетия. Отд. 1. Стихотворения. Лондон, 1861, с. 193.

Совет — Государственный совет, высший законодательный орган Российской империи, преобразованный Александром I в 1810 г. по проекту М. М. Сперанского. *Авось* — слово, которое неоднократно обыгрывалось в поэзии начала XIX в. как своего рода национальный символ. *А кучер спит.* — Намек на Александра I.

В. Л. Пушкин. Сычи (стр. 141). — Санкт-Петербургский вестник, 1812, ч. I, № 3, с. 284—285. Читано автором в *ВОЛСНХ* 25 января 1812 г. М. Н. Лонгинов (*РА*, 1905, № 1, с. 175) установил французский источник стихотворения — басня Л.-Ж. Манчини-Мазарини де Ниверне «Le soleil et les oiseaux de nuit» («Солнце и ночные птицы»). Перевод близок к подлиннику, но абстрактное и обширное (17 строк) заключение оригинала заменено краткой концовкой, сообщающей басне литературно-полемический смысл. В условиях литературной борьбы начала 1810-х гг. была очевидна направленность басни против «Беседы». Это видно, в частности, по образной системе басни А. Е. Измайлова «Филин и Чиж» (Санкт-Петербургский вестник, № 5), написанной, судя по всему, ранее «Сычей»; В. Л. Пушкин, вероятно, использует измайловские находки: «Филин — Шишков, Соловей — Карамзин» (запись Д. И. Хвостова в конце лета (?) 1811 г. — *ЛА*, с. 376). Код «Сычи — беседчики» использован в басне «Завистники Соловья» и в «Собственной речи члена Вот» (9-е заседание «Араамаса»); ср. также послание П. И. Шаликова «К В. Л. Пушкину» (*Поэты 1790—1810*, с. 641).

Летят стремглав!.. — При подготовке собр. стихотворений 1822 г. В. Л. Пушкин нашел более энергичный вариант: «Валяются на землю стремглав».

П. А. Вяземский. «Спасителя рождением...» (стр. 142). — Искра, 1870, № 49, стлб. 1539, под заглавием «Святки», с четырьмя дополнительными строфами и с рядом отсутствующих строф и с атрибуцией «нояля» Д. П. Горчакову. Одна из строф также восходит к арзамасскому кругу, так как имеет явную «антибеседную» направленность:

Словесник бессловесный,
Писатель без письма,
Герой, врагам безвестный,
И умник без ума,
Являлся Кикин тут: он первый внук победе,
Он муж всех царств и всех времен,
Он в армии Беседы член,
А генерал в Беседе.

Более точно, но анонимно. — *РА*, 1896, № 7, с. 403, под заглавием «Старинная сатира», без строф 12 и 21 и с рядом цензурных замен. Печатается по: *Вяземский. 1986*, с. 67.

Наш Неккер... — Гурьев Дмитрий Александрович, министр финансов (1810—1823), известный гурманством. *Сподвижник знамени-тый...* — Обресков Михаил Алексеевич, директор департамента внешней торговли министерства финансов. *Румянами покрытый...* — По свидетельству современников, Обресков румянился. *Сибирский миллипут...* — И. Б. Пестель, генерал-губернатор Сибири, взяточник и жестокий деспот, отличался маленьким ростом. *Несет министр овец...* *Суконный образец!* — Речь идет о министре внутренних дел Осипе Петровиче Козодавлеве, который с 1809 г. был редактором «Северной почты»; владелец суконных мануфактур, он помещал в своей газете многочисленные корреспонденции по этому вопросу, которые привлекали внимание и Вяземского, также имевшего ткацкую фабрику. *Березинский герой* — адмирал Павел Васильевич Чичагов, которого современники обвиняли в медлительности, позволившей Наполеону в ноябре 1812 г. переправиться через реку Березину и избежать плена. *Герою рифмачами // Давно приписан Рейн!* — Речь идет о популярном в свое время стихотворении Д. Хотьяйцова «Песня солдата армии Витгенштейна» (1813). *Но с Люцена я сбился!* — После неудачных сражений при Люцене и Бауцене Витгенштейн был отстранен с поста главнокомандующего. *...злой дурак!* — Московский главнокомандующий в 1812—1814 гг., граф, Федор Васильевич Ростовчин. *С поэмою холодной...* — Имеется в виду проиколическая поэма «Расхищенные шубы». *Аз невский Боссюэт!* — Намек на красноречие московского митрополита. *Хвостовы* — двоюродные братья А. С. Хвостов и Д. И. Хвостов. *Пара Львовых* — члены «Беседы» Ф. П. и П. Ю. Львовы. *Трактат о воспитанье // Приносит новый Локк...* — По всей видимости, речь идет о «пятом» и «шестом» письмах из трактата И. М. Муравьева-Апостола «Письма из сожженной Москвы в Нижний Новгород к другу», где речь идет о воспитании. *В Гишпанье* — И. М. Муравьев-Апостол был послом в Испании. *Горация на шею...* — И. М. Муравьеву-Апостолу, принадлежат переводы из Горация и других латинских поэтов. *Похвальных ей стихов.* — Подразумеваются «ноэли» Горчакова. *Я знаю, ты ругал меня...* — Возможно, намек на не дошедшую до нас сатирическую поэму Горчакова.

В. А. Жуковский. Плач о Пиндаре (стр. 146). — РА, 1864, № 10, с. 1019. Написано 20 декабря 1814 г. Входит в так называемые «долбинские стихотворения» (серия шуточных стихов, написанных в имени Киреевских Долбино), непосредственно предвосхищающих «арзамасскую галиматью» Жуковского (см.: Иезуитова Р. В. Жуковский и его время. Л., 1989, с. 207 и след.). При перепечатке стихотворения в Собр. соч. Жуковского (изд. 6-е), оно было снабжено пометой «с французского» (оригинал не установлен).

Однажды наш поэт Пестов... — В Пестове обычно видят графа Д. И. Хвостова, «бездарного представителя пиндарического одописа-

ния» (Жуковский В. А. Стихотворения, т. 2. М.—Л., 1939, с. 522). Упоминания Пиндара как образца высокой одической поэзии постоянны в посланиях Хвостова; в 1805 г. И. И. Дмитриев писал Жуковскому, что Хвостов «беспременно кадит Гомеру и Пиндару и печет оду за одою» (Дмитриев И. И. Соч., т. 2. СПб., 1895, с. 196). Соответственно предполагается, что «ученая дама» также имеет реального прототипа (возможно, А. П. Бунину) и что все стихотворение — сатира на беседистов. Такое толкование, однако, не безусловно; не исключено, что в обоих случаях мы имеем дело с условными или обобщенными образами, включившими отдельные черты реальных лиц, не только Хвостова, но и, например, П. И. Голенищева-Кутузова, переводчика Пиндара (о полемике вокруг его переводов см.: Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века. — XVIII век. Сб. 16. Л., 1989); по самой ситуации стихотворение — скорее юмористическое, нежели сатирическое или литературно-полемическое. *И что он умер в тридцать лет...* — Пиндар скончался в глубокой старости (518—438 до н. э.).

В. Л. Пушкин. Люблю и не люблю (стр. 148). — Российский музей, 1815, ч. 2, № 5, с. 133—135.

Люблю читать мои посланья... — Современники потешались над страстью В. Л. Пушкина читать свои произведения (ср. рассказ А. П. Елагинной в письме к А. А. Елагину 28 июля 1829 г. о первых минутах своего знакомства с поэтом: «Итак, позвольте мне воспользоваться вашим приглашением; позвольте прочесть вам *Элегию* ненапечатанную, а потом позвольте прочесть напечатанную; позвольте прочесть неоконченного *Храброва*, да еще позвольте конченного. Позвольте еще прочесть *Комедию*, — ну, одним словом, не знаю сколько позволений! Библиотека к вашим услугам; — а между тем: Я то-то написал, я то-то говорю. Я то-то видел; — там-то был; — и всех и вся» (ГБЛ, ф. 99, к. 1, № 15, л. 1 об.). *Люблю по моде одеваться...* — Ср.: *Вигель*, ч. 1, с. 188. «*Модная жена*» — сказка И. И. Дмитриева (1792). *Я в карты не люблю играть...* — Ср. в «Мыслях и характерах» (с. 117). *И наших Квинтильянов мнимых...* — Цитата из статьи Дашкова «О легчайшем способе возражать на критики» (стр. 62). Речь идет о Шишкове, претендовавшем на роль теоретика словесности (см. примеч. к с. 118).

П. А. Вяземский. Когда? Когда? (стр. 149). — Российский музей, 1815, № 9, с. 261, подпись: «В ***». Сохранился автограф ранней редакции (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 859, л. 7) под заглавием «А. И. Тургеневу», таким образом, стихотворение задумывалось как послание к другу.

Гусь и змея (стр. 150). — Российский музей, 1815, ч. 4, с. 225. Сюжет басни заимствован из П. М. Ломанди, басня которого

«Le serpent et l'oie» (1804) в свою очередь является переводом басни испанского поэта Т. Ириарте «El pato y la serpiente». Высмеивает Д. И. Хвостова.

Поэт! Нет-нет! Рифмач... — Противопоставление Поэта (И. И. Дмитриева) и Рифмача (Д. И. Хвостова) восходит к полемике 1800-х гг. ...*Наш трагик, наш сатирик // Наш баснослов, наш лирик...* — Ср. сходную характеристику Хвостова в анонимной эпиграмме:

Наш русский Буало, Корнель и Флакк,
И баснослов, и драматург, и лирик!

(«Эпиграмма и сатира». М.—Л., 1931, т. 1, с. 171.)

А. С. Пушкин. Тень Фонвизина (стр. 151). — Модзалевский Л. Б. Тень Фон-Визина. — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 1. М.—Л., 1936, с. 3—25 (полностью). Датируется 1815 г., предположительно ноябем — декабем по реалиям (упоминание журналов «Демокрит» и «Кабинет Аспазии», выходявших только в этом году).

«Тень Фонвизина» — центральное литературно-полемическое сочинение Пушкина-лицейста, примыкающее к арзамасским сатирам по общей позиции и выбору предметов сатирического изображения. Обращение к образу Фонвизина как судьи современной литературы нередко в журналистике 1810-х гг. («Видение на берегах Леты», «Московский бродяга» В. В. Измайлова. — *РМ*, 1815, № 6; «К Денису Ивановичу Фонвизину» Д. И. Хвостова. — «Друг просвещения», 1806, № 4. О роли последнего произведения для замысла «Тени Фонвизина» см.: Сидяков Л. С. «Тень Фонвизина». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 23. Л., 1989, с. 90—98). *Мертвец в России очутился...* — Последующие стихи ориентированы на широко известную сатиру Фонвизина «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» (опубл. 1769), с прямой цитатой («Я мысль мою скажу, — вещает мне Петрушка, — // Весь свет мне кажется ребятская игрушка»). *Там Кропов в тишине глубокой...* — Кропов (пародийный вариант фамилии, от «кропать») — Андрей Фролович Кропотов (1780—1817), издатель журнала «Демокрит» (1815). Его «Разговор с чердака 1813 года декабря 31 дня в 12 часов пополудни с новым 1814 годом» (Демокрит, 1815, № 2) считался примером «площадного слога». Упоминания о «пьянстве» Кропотова имеют в виду, в частности, его «Рондо» (Демокрит, 1815, кн. 3), каждый куплет которого оканчивается словом «пьян». *На стуле ветром и треногом...* — Реминисценция из «Моих пенатов». *Хвостову прямо в кабинет...* — Мотив ночных мучений Хвостова над одой разработан Пушкиным также в неудобной для печати поэме-балладе «Тень Баркова». *Хвостов! старинный мой дружище!* — О личном знакомстве Хвостова и Фонвизина (бывавшего в семье родителей Хвостова, см.: Пигарев К. В.

Творчество Фонвизина. М., 1954, с. 151; примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер в кн.: *Поэты-сатирики*, с. 616). Пушкину могло быть известно по устным рассказам. *Увы несчастному поэту...*— Последующие стихи перефразируют монолог Дамона (Хвостова) в сказке А. Е. Измайлова «Стихотворец и черт» (Пантеон русской поэзии, ч. III, кн. 3. СПб., 1814; Басни и сказки Александра Измайлова. СПб., 1814), пользовавшейся широкой известностью (см. примеч. В. П. Степанова в кн.: Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века. Л., 1969, с. 668). Ср. у Измайлова:

«Ну есть ли кто на свете
Несчастнее меня? И не было и нет!» —
Так говорил Дамон-поэт,
Сидя один в полночь за свечкой в кабинете,
Вздыхая тяжело и нюхая табак,
Которым вымарал лицо, халат, колпак
И, с позволения сказать, свои творенья.

По мне, с парнасского задору // Хоть удавись...— Ср. у Измайлова: «Пришло с Парнаса в петлю лезть!» *Что я хорош, в том клясться рад.*— Ср. у Измайлова: «Уж сорок лет пишу, хвалю себя, хвалю...»

Хвалили гений мой в газетах, // В «Аспазии» боготворят.— У Измайлова: «Платил газетчикам, издателям журналов». «Аспазия» — «Кабинет Аспазии», издававшийся Б. М. Федоровым, А. Рихтером, Бахиревым и И. Исаковым (1815), где было помещено несколько апологетических отзывов о Хвостове (ср., например, примечание в № 3 о «лестной чести украсить <...> журнал произведением славного поэта»). *Меня бранит и стар и млад...*— У Измайлова: «Начну читать стихи — смеются; // Печатаю — не продаются» и т. д. *Анастасевич лишь один...*— Об Анастасевиче см. примеч. к «Певцу... в Беседе славено-россов». Анастасевич издавал журнал «Улей» (1811—1812) «под руководством графа Хвостова» (*Вигель*, ч. 3, с. 154); здесь печатались стихи самого Хвостова и обращенные к нему, а также хвалебные отзывы о его сочинениях. *истукан мой увенчает // Потомство лавровым венцом.*— У Измайлова: «По смерти памятник мне верно сорудят». *И буду в аде век писать // И притчи дьяволам читать.*— Прямая отсылка к сказке Измайлова: «Рад душу черту я отдать // С тем только, чтоб он стал стихи мои читать». *В своем боскете князь Шальной...*— П. И. Шаликов. «Боскет» упоминается в его послании «К соседу» (1808; перепечатано: *Собрание русских стихотворений...*, ч. IV. М., 1811). *И ты, славяно-росс надутый...*— Ширинский-Шихматов. *И ты, попаму воскормленный...*— Шишков.

Ужасный критикам старик.— Ср. в «Певце...»: «О сколь он хладен за столом // И критикам ужасен!» *Твоя невинная другиня.*— А. П. Бунина. См. протокол заседания «Арзамаса» от 25 ноября

1815 г., где сквозной темой был отъезд Буниной в Англию и затрагивались ее взаимоотношения с Шишковым; возможно, что этот пассаж соотносится с речами Жуковского и Уварова. *И ежемесячный вздыхатель...* — Борис Михайлович Федоров (1798—1875), ближайший участник и соиздатель «Кабинета Аспазии». Федоров печатался с 1812 г.; его молодость и литературная плодовитость постоянно вызывали ироническое отношение, отразившееся и в «Тени Фонвизина». *Не спас ребенка Купидон...* — Может быть, намек на стихи Федорова «Жестокая Ниса» (Кабинет Аспазии, 1815, кн. 2); возможно, однако, что здесь реминисценция из «Видения на берегах Леты» (сцена с Мерзляковым). *То был из гимнов гимн прямой...* — Последующие стихи — пародия на «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества» Державина. Строки гимна соединены намеренно хаотически и лишь слегка варьированы или взяты без изменений, ср.: Открылась тайн священных дверь (ст. 21), Ишел из бездн огромный зверь (ст. 22), В плоти седьмглавый Люцифер (ст. 326), Смиренный, кроткий, но челоперунный (ст. 36), Наполеон! Наполеон! (ст. 246), О новый Вавилон, Париж! (ст. 363), А только агнец белоруный (ст. 35), Превозносясь, как некий дивный бог (ст. 71), Упал в душе своей, как дух Сатанаила (с. 407), Упала демонская сила (ст. 339), Благословен господь наш бог (ст. 1). *И ты судьбой Невтону равен.* — Исаак Ньютон в старости страдал ослаблением умственных способностей. *Ты бог — ты червь, ты свет — ты ночь.* — Парафраза стихов Державина из оды «Бог» (1784): «Я царь — я раб — я червь — я бог!» *Татарин бритый возгремел.* — Державин возводил свой род к татарскому мурзе Багриму; этот мотив закреплен в «Видении мурзы» (1783—1784?) и др. одах. *Фальконетов Купидон* — скульптор сидящего Амура работы Э.-М. Фальконе. Ср. «Фалконетов Купидон» (1804) Державина.

В. Л. Пушкин. Завистники Соловья (стр. 158). — Труды *ОЛРС*, 1816, ч. VI, кн. 10, с. 39—40. 3 декабря 1815 г. читано автором в *ОЛРС* (см. Труды *ОЛРС*, 1817, ч. VIII. Летописи Общества, с. 7). Главное действующее лицо басни — Малиновка — относится к числу любимых персонажей автора, оно не имеет единого значения в его произведениях. Ключ к пониманию басни дает «Речь Светланы члену Вот, лежащему под шубами» (9-е заседание «Араамаса», март 1816 г.; см. в т. 1 наст. изд.). Прототипы легко определяются по связи с другими стихотворениями В. Л. Пушкина и А. Е. Измайлова (см. примеч. к «Сычам»): сычи — беседчики, филин — Шишков. Басня порождена ситуацией вокруг комедии Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды»: драматург изображен в виде лягушки (возможно, выбор персонажа продиктован желанием напомнить о комедии Аристофана «Лягушки» и облегчить узнавание Шаховского — ср. адресованное ему «Письмо к новейшему Аристофану»

Дашкова; впрочем, ранее этот образ использовался В. Л. Пушкиным в басне «Пастух и Соловей», 1806), а осмеянный в его комедии Жуковский представлен соловьем. Крылов, тесно связанный с «Беседой» (см.: Альтшуллер Марк. Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество «Беседа любителей русского слова»). *Ann Arbor* (1984), с. 210—243) и издавна поддерживающий дружеские отношения с Шаховским (см.: *Жизарев*, с. 509—514, 533—534, 601, 620), отзывался о «Липецких водах» достаточно сочувственно (см. «Записки» Ф. Ф. Вигеля в т. 1 наст. изд.). По-видимому, «Завистников Соловья» имел в виду Вяземский, когда писал жене в феврале 1816 г.: «Василий Львович катается, как сыр в масле: здесь большой расход на его басню. Он каждый день читает ее по десяти раз; чего же ему более» (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 3266, л. 44).

П. А. Вяземский. К перу моему (стр. 159).— Труды *ОЛРС*, 1816, ч. V, с. 71. Печатается по нижнему слою автографа в арх. Вяземского (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 863, л. 8—9 об.). Вторая часть автографа — авторизованная копия рукой В. Ф. Вяземской. Автограф воспроизведен в *Вяземский. 1935* (с. 107). В наст. публикации не учитывается последующий слой правки этого автографа, в которой менее четко звучит арзамасский «жаргон»: так, например, в ст. 13 «И Глазунов» исправлено на «И книжный ряд», в ст. 30 «Любой славянофил» на «То этот, то другой», в ст. 70 вычеркнуто: «И Гаспар с шубами нагрывает на меня», и т. д. Стихотворение было прочитано в *ОЛРС* 29 апреля 1816 г.

Вздыхалов — П. И. Шаликов. *Итак уже хотел какой-то добротой // Мидасовым со мной убором поделиться.*— Имеется в виду эпиграмма Шаликова на Вяземского «К новому Мидасу», явившаяся откликом на «Отъезд Вздыхалова» Вяземского (подробнее см.: *Вяземский. 1986*, с. 444). В пеленках *Арует стихами лепетал...*— Парафраз стиха из вольтеровского «Послания 37» (1732): «Au sortir du berceau je begayais des vers»; Арует (Аруэ) Мари Франсуа — настоящее имя Вольтера. *И смерть угрюмую стихами он встречал.*— Отсылка к стихотворению Вольтера «Прощание с жизнью» (1778). *Несчастия от Муз не отучили Тасса.*— Торквато Тассо, по приказанию герцога Феррарского был объявлен сумасшедшим и заключен в госпиталь, где продолжал писать стихи.

Погреб (стр. 163).— *ВЕ*, 1816, № 17/18, с. 11, подпись: «К. В-й».

Когда ковша он славил дочь — отсылка к строкам из стихотворения Г. Р. Державина «Кружка» (1777): «Ты дочь великого ковша, // Которым предки наши пили». *Пиндар наш* — М. В. Ломоносов. *Шайка водопийц* — члены «Беседы».

Всякой на свой покрой (стр. 164).— Полярная звезда. СПб., 1823, с. 182, с цензурным вариантом в ст. 14 («баснословье» вместо «богословье») и с рядом изменений в строфах 4, 7, 8. Печатается по авторизованной копии в арх. Вяземского (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 862, л. 69—70), в которой зафиксирована ранняя редакция стихотворения, имеющая более выраженную арзамасскую окраску.

Хвастун — название комедии Я. Б. Княжнина (1786). *Расколы* — т. е. члены «Беседы».

К а т а й-в а л я й (стр. 165).— Альбом северных муз. СПб., 1828, с. 346, с подзаголовком «Партизану-поэту», поздняя редакция. Печатается по авторизованной копии в арх. Вяземского (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 862, л. 70—70 об.). Стихотворение обращено к Денису Давыдову, который в четвертой строфе назван «Феба и Беллоны крестником», т. е. поэтом и воином. К «Гусарскому пиру» Давыдова восходят заглавие и рефрен настоящего стихотворения (у Давыдова: «качай-валяй»).

А. Ф. Воейков. Дом сумасшедших (стр. 167).— Сборник, издаваемый студентами... С.-Петербургского университета, вып. I. СПб., 1857 (с пропусками). «Дом сумасшедших» — одно из популярнейших произведений русской рукописной литературы первой трети XIX в. До наших дней дошло несколько автографов и множество рукописных списков, имеющих весьма существенные разночтения. Ю. М. Лотман на основании тщательного изучения всего рукописного массива пришел к выводу, что понятие «окончательного текста» по отношению к «Дому сумасшедших» в принципе неприменимо. Стихотворение изначально задумывалось как цепочка строф-характеристик, которые можно было добавлять и изымать в соответствии с требованиями момента. Текстологический анализ позволил исследователю реконструировать четыре основные редакции «Дома сумасшедших»: 1-я — 1814—1817 гг., 2-я — 1818—1822 гг., 3-я — 1826—1830 гг., 4-я — 1836—1838 гг. Каждая из этих редакций отразила эволюцию литературно-общественных взглядов А. Воейкова и общее изменение обстановки в культурной и политической жизни России (подробнее см.: Лотман Ю. М. Сатира Воейкова «Дом сумасшедших». — Ученые записки Тартуского гос. ун-та, вып. 306, 1973, с. 3—45 (ср. также коммент. Ю. М. Лотмана в кн.: *Поэты 1790—1810*, с. 832—835). В соответствии с задачами настоящего издания нами публикуется первая редакция текста «Дома сумасшедших», имеющая отчетливо «арзамасский» характер и направленная прежде всего против литературных противников карамзинистов. Текст печатается по изд.: *Поэты 1790—1810*, с. 793—798 (приложение). В последующих редакциях также появлялись стихи, тесно

связанные с арзамасской эстетической программой. Такова, в частности, строфа, посвященная А. Е. Измайлову (написана в сентябре 1820 г.):

Вот Измайлов! — Автор басен,
Рассуждений, эпиграмм,
Он пищит мне: «Я согласен,
Я писатель не для дам.
Мой предмет — носы с прыщами,
Ходим с музою в трактир
Водку пить, есть лук с сельдами —
Мир кварталных есть мой мир».

(Ср. оценки творчества Измайлова в воспоминаниях Ф. Ф. Вигеля, в письмах П. А. Вяземского, заметках Д. Н. Блудова). *Кутузов* — П. И. Голенищев-Кутузов. «Амур» — поэма А. Ф. Мерзлякова «Амур в первые минуты разлуки с Душенькою»; имела репутацию скучной и чрезвычайно растянутой вещи (ср. соответствующий выпад в «Видении на берегах Леты» Батюшкова). *Через Обухов мост пешком...* — Столичная лечебница для душевнобольных находилась на Фонтанке, близ Обухова моста. Неподалеку располагался дом Державина, в котором проводились заседания «Беседы любителей русского слова». Это «соседство» постоянно обыгрывалось в арзамасской сатире. Каченовский М. Т. — к середине 10-х гг. воспринимался карамзинистами как литературный противник; постоянно осмеивались его исторические штудии, интерпретировавшиеся как никчемные «упражнения» педанта. Каченовский сохранял неизменный интерес к филологическим проблемам, пробовал реформировать русский алфавит, приблизив его к греческому (в частности, уничтожив букву «э»). *Крюки* — древнерусское нотное письмо. *Истый Глинка* — С. Н. Глинка. *Сложены десной два перста...* — Глинка крестится как старообрядец (двуперстием); тем самым подчеркнута его приверженность литературному «расколу». «*О Расин! Откуда слава?..*» — Насмешка над аффектированным «патриотизмом» Глинки, чье «отечестволюбие» не желало подчас считаться с историческими фактами. *Стоглав* — сборник решений «Стоглавого собора» (1551). «*Погребение кога*» — лубочная картинка начала XVIII в. *В Буало я смысл добавил...* — Здесь и в следующих стихах осмеиваются переводы Хвостова из Расина («Андромаха»), Лафонтена (басни), Буало («Поэтическое искусство»). *Фита, ук, пси* — буквы церковнославянской азбуки. *Сладковский Р.* — автор поэмы «Петр Великий», считавшейся образцом бессмыслицы и дурного вкуса. В строфе пародируется стиль поэмы Сладковского. *Вот Жуковский...* — Строфа, посвященная Жуковскому, отражает сдержанно-ироническое отношение части арзамасцев к балладам поэта, воспринимавшимся как отступление от норм «правильной» литературы, искупающееся только исключительным дарованием стихотворца. *Вот Кутузов: он*

зубами//Бюст грызет Карамзина...— Имеется в виду П. И. Голенищев-Кутузов, автор политических доносов на Карамзина. *О червяк! Отец червей!*..— Намек на басню Е. Станевича «Черви и стихотворец» (ВЕ, 1806, № 2), которая стала «знаменитой» благодаря комически-нелепым стихам: «Дон! дон! Печальный звон! Друзья, родные плачут, // А черви скачут». Воейков был постоянным литературным оппонентом Станевича и критиковал его еще в середине 1800-х гг. «...Крокодил на дне лежит».— Пародийная цитата из стихотворения Батюшкова «Счастливец» (1810). *И в сандалиях, как царь...*— Намек на подражание Грузинцева греческим трагикам. «...Была на мой журнал расход...» — Имеется в виду издававшийся М. Невзоровым журнал масонской ориентации «Друг юношества» (1807—1815).

П. А. Вяземский. Ухаб (стр. 174).— СО, 1821, № 42, с. 81, подпись: «К. В—ий», в составе 7 строф. Печатается по авторизованной копии в арх. Вяземского (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 862, л. 80 об.— 81), где зафиксирована ранняя редакция 1818 г., обсуждавшаяся в арзамасском ареопаге.

Кибитка не Парнас.— Из послания В. Л. Пушкина арзамасцам (1816): «Я грешен. Видно, мне кибитка не Парнас...» *Иной по Липецкому тракту...*— Отзвук полемики вокруг «Липецких вод» Шаховского.

〈Из «Старой записной книжки»〉 (стр. 175).— *Вяземский. ПСС*, т. 8, с. 434.

Сотте ça брусника!— Этот макаронический припев, как объясняет Вяземский, был взят из подслушанного разговора слуг.

ЭПИГРАММЫ

К. Н. Батюшков. Совет эпическому стихотворцу (стр. 176).— Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе, ч. 2. СПб., 1817. Эпиграмма высмеивает «лирическое песнопение» С. А. Ширинского-Шихматова «Петр Великий» (1810) и отражает общую негативную оценку карамзинистами этого прозаического произведения (ср. примеч. к статье Д. В. Дашкова «Нечто о журналах»). К «Совету эпическому стихотворцу» тематически примыкает позднейшая (не ранее 1812 г.) эпиграмма Батюшкова (которую поэт не включил в «Опыты» — видимо, как чересчур резкую):

Не странен ли судеб устав!
Певцы Петра — несчастья жертвы;
Наш Пиндар кончил жизнь, поэмы не скончав,
Другие живы все, но их творенья мертвы!

(Пантеон русской поэзии, ч. IV. СПб., 1815, с. 274). В эпиграмме противопоставляются, с одной стороны, поэма Ломоносова «Петр

Великий», с другой — поэма Р. Сладковского «Петр Великий» (1803), «лирическое песнопение» Шихматова и поэма А. Грузинцева «Петриада» (1812).

П. А. Вяземский. Друзья нынешнего века (стр. 176). — «Санкт-Петербургский вестник», 1812, № 5, с. 166, подпись: «В. З.» По всей видимости, эпиграмма явилась откликом на помещенное в журнале «Друг просвещения» стихотворение «Ответ», автором которого был редактор журнала П. И. Голенищев-Кутузов; в стихотворении объяснялось значение выражения «быть другом просвещения» (1806, № 1, с. 83). Таким образом, эпиграмма относится к полемике 1800-х гг.; однако в период борьбы с «Беседой» она получает новую жизнь. Обращаясь к Батюшкову с просьбой опубликовать в журнале эпиграммы, Вяземский замечает: «Особливо же на Кутузова. Эту бестию надобно всячески мучить» (*ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 28). Как следует из указанного письма, поводом для актуализации этой эпиграммы (и написания следующей) послужил отказ Голенищев-Кутузова опубликовать речь Мерзлякова «за два слова, сказанные о Карамзине».

«Картузов-сенатор...» (стр. 176). — *РА*, 1866, № 3, с. 489. На копии в арх. Вяземского (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 860, л. 29) помета рукой неустановленного лица (Дашкова?): «Несравненная эпиграмма». Направлена против П. И. Голенищев-Кутузова (*Картузова*). См. письмо Дашкова Вяземскому от 19 февраля 1813 г. в 1 томе наст. изд. О возможном поводе создания эпиграммы см. в предыдущем примеч.

«Один Фаон, лезбосская певица...» (стр. 177). — Полярная звезда. СПб., 1823, с. 268. О легенде, обыгрывающейся в наст. эпиграмме см. в примеч. к стихотворению «К ***».

Другой Фаон — П. И. Голенищев-Кутузов, переводивший стихотворения Сафо.

«В двух дюжинах поэм воспевший предков сечи...» (стр. 177). — *Вяземский. ПСС*, т. 3, с. 249. Адресат эпиграммы — Ширинский-Шихматов.

Глаголом ни стиха наш лирик не убил. — Намек на отсутствие в стихах Ширинского-Шихматова глагольных рифм.

Ответ Фонвизина (стр. 177). — *СО*, 1820, № 4, с. 177, без подписи. Анекдот, положенный в основу эпиграммы рассказан Вяземским в его монографии о Фонвизине (*Вяземский. ПСС*, т. 5, с. 165).

Тупой остряк — А. С. Хвостов. Фонвизина назвал Минервы

кумом. — Речь идет о сатирическом «Послании к творцу послания» (1781) Хвостова, в последнем стихе которого содержится следующее обращение к Фонвизину: «...Музам ты, по крайней мере, кум». *Теренция наместник...* — Фонвизин.

«Между Харибдою и Сциллою...» (стр. 177). — Благонамеренный, 1821, № 10, с. 147, под заглавием «На нее же» (где ей предшествует эпиграмма «На некоторую поэму»; ранний ее вариант см. в письме Вяземского А. И. Тургеневу от 29 октября 1813 г.), без подписи, с пометой: «Варшава». Речь идет о поэме А. Н. Грузинцева (*Мизинцева*) «Спасенная и победоносная Россия».

«Ш и шков недаром корнеслов...» (стр. 178). — *РА*, 1874, № 2, с. 489 в публикации «Из «Старой записной книжки». *Ков* — подвох.

«Кто вождь у нас невеждам и педантам...» (стр. 178). — *Вяземский. 1935*, с. 405, с вариантом в ст. 2. Печатается по: *Вяземский. 1986*, с. 79, где текст опубликован по автографу из арх. Вяземского (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 864), с пометами Жуковского: против ст. 3—4: «Дурно, потому что несправедливо», а против ст. 5—6: «Не только несправедливо, но и дурно».

Мадригал Гашпару (стр. 178). — *СО*, 1816, № 13, с. 24, подпись: «N».

Сбылось мое пророчество... — Вяземский отсылает к стихам из своего послания «К друзьям». *Он доказал одним из трех куплетов...* — Имеются в виду куплеты из оперы-водевиля Шаховского «Крестьяне, или Встреча незваных» (1814).

А. С. Пушкин. «Угрюмых тройка есть певцов...» (стр. 178). — *РА*, 1899, № 2, с. 345. Записано Пушкиным в лицейском дневнике под 10 декабря 1825 г. «Третьего дни хотел я начать ироническую поэму «Игорь и Ольга», а написал эпиграмму на Шах(овского), Шихм(атова) и Шишк(ова), — вот она» (следует текст) (*Пушкин. ПСС*, т. XII, с. 298).

Эпиграмма принадлежит к распространенной во Франции форме «contre-petite» (шести- или восьмистишие, с повторяющимся стихом, в котором составляющие его слова каждый раз меняют порядок). Такого рода эпиграммы есть у Вольтера (см.: Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929, с. 136), в анонимной эпиграмматической французской поэзии XVIII в. (Томашевская Р. Р. К вопросу о французской традиции в русской эпиграмме. — *Поэтика*. Сб. статей, 1. Л., 1926, с. 105) и др. По-видимому, прямым источником пушкинской эпиграммы является эпиграмма против трех членов

Законодательной ассамблеи — К. Базира, А. Мерлена и Ф. Шабо (1792), приписывавшаяся П. Бомарше (позднее печаталась как анонимная). См.: Заметки о Пушкине. 1. Г. Коровин. 2. Б. Томашевский. — Поэтика. Сб. 5. Л., 1929, с. 66—70. Эта эпиграмма (как принадлежащая Бомарше) была известна в лицейских кругах; 23 октября 1815 г. ее сообщал в письме к А. Н. Пещурову лицейский товарищ Пушкина А. М. Горчаков (Красный архив, 1936, № 6 (79), с. 181). См.: Г л а с с е А. Об источнике одной лицейской эпиграммы Пушкина. — Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972, с. 77—79.

В. Л. Пушкин. Эпитафия (стр. 179). — *ОА*, т. 1, с. 49 (в письме Вяземского к А. И. Тургеневу 15 июня 1816), там же варианты, предложенные Батюшковым и Вяземским. По сообщению Л. Н. Павлицева, В. Л. Пушкин «имел страсть писать эпитафии» (Исторический вестник, 1888, № 1, с. 52).

В. Л. Пушкин (?). Сравнение Санкт-Петербургской родимой словесности с иноземною (стр. 179). — *РА*, 1863, № 12, стлб. 897, подп.: «Пушкин (?)» по неизвестному ныне тексту, доставленному А. Н. Афанасьевым; печатается по рукописи из арх. Вяземского (ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 188), дающей несколько иное расположение строк. Впервые этот текст опубликован Г. В. Ермаковой-Битнер (*Поэты-сатирики*, с. 289), приписавшей автограф В. Л. Пушкину (с. 665). Последнее утверждение опровергла Н. И. Михайлова, заявив, что стихотворение записано рукою Батюшкова (Батюшков К. Н. Соч. в 2-х тт., т. 1. М., 1989, с. 486). Можно с уверенностью утверждать, что текст стихотворения записан и не В. Л. Пушкиным и не Батюшковым. Однако сделанная под ним тою же (Д. Н. Блудов?) рукою подпись «Василий Пушкин» (ср. атрибуцию первой публикации) не позволяет пока полностью исключить авторство В. Л. Пушкина. Включение же стихотворения в раздел «Dubia» сочинений Батюшкова, как это сделано в изд. 1989 г., не имеет достаточных оснований. Эпиграмма написана не ранее 1812 (ср. намек на «Расхищенные шубы» Шаховского) и не позже 1816 г. (год смерти упомянутого в ней И. С. Захарова). В ней, как писал Б. В. Томашевский, проведена параллель между «националистически настроенными беседчиками и известными французскими писателями», что, по замыслу автора, «должно подчеркнуть ничтожество их литературных сил в сравнении с отрицаемой ими французской литературой» (Карамзин и поэты его времени, с. 472).

Мурза Шихматов. — Намек на происхождение Шихматова из старинного рода беев Ширинских (мурза — вельможа, князек).

Кто Фонтенель, Томас? — Захаров молодец. — И. С. Захаров, автор «Похвалы Екатерине Великой» (СПб., 1802) и «Похвалы

женам» (СПб., 1811). Б. Фонтенель здесь упомянут как сочинитель похвальных речей в честь умерших академиков, а А. Л. Томас — как автор «Опыта о женщинах в разные века» (1772) и «Опыта о похвальных словах». Фреерон Э.-К. — издатель обзорно-критического журнала «Année littéraire» (1754—1776), сопоставляемого с журналом В. Г. Анастасевича «Улей». Гробокопатель Юнг... — «Ночи» Э. Юнга считались образцом кладбищенской поэмы; ему противопоставлен автор «Размышления при гробе благодетеля» (ЧвБ, чт. I. СПб. 1811). Е. И. Станевич (указано С. И. Пановым). Кто Мармонтель, Лагарп? Шишков! — О претензиях Шишкова на роль теоретика и историка литературы см. примеч. к с. 118. Ж.-Ф. Мармонтель — автор труда «Основы литературы» (1787); Ж.-Ф. Лагарп — многотомного «Лицея, или Курса древней и новой литературы» (1799—1805). Гераков, внук Биаса. — Как установила К. А. Кумпан (указ. соч., с. 567), здесь отсылка к стихотворению С. Н. Марина «На рождение молодого грека», где, по воле автора, Биас (один из семи мудрецов Древней Греции) предсказывает безрадостное литературное будущее Г. В. Геракову (см.: М а р и н С. Н. Полн. собр. соч. М., 1948, с. 76—77). Имеются в виду многочисленные исторические сочинения Геракова, например, брошюра «Достопамятные происшествия в российской истории с рождения Петра Великого до кончины его» (1807). Сен-Реаль, автор «Истории заговора испанцев против Венеции» и Верто д'Обер — французские историки.

П. А. Вяземский. «Когда беседчикам Державин пред концом...» (стр. 179). Вяземский. ПСС, т. 3, с. 334. Прочли им соседство. — Рядом с особняком Державина на Фонтанке находилась Обуховская больница, в которой содержались умалишенные.

А. С. Пушкин. «Пожарский, Минин, Гермоген...» (стр. 180). — Современник, 1863, № 7, с. 164. Текст (копия) находится в лицейском рукописном сборнике «Собрание лицейских стихотворений» (ИРЛИ). Время написания точно неизвестно. Направлено против поэмы Шириного-Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия, лирическая поэма в трех песнях» (СПб., 1807).

В. Л. Пушкин «На постановку трагедии «Альзира», переведенной П. М. Карабановым» (стр. 180). — Отечественные записки, 1854, № 11, отд. II, с. 34 (в составе «Воспоминаний старого театрала» С. П. Жихарева), с первой строкой: «Альзиру видел я, Гусмана и Замора...». Печатается по публикации «Из старой записной книжки» П. А. Вяземского (РА, 1876, № 8, с. 425), где рассказывается следующее: «Помню в доме Апраксина представление трагедии Вольтера «Альзира», в старинном переводе

Карабанова, впрочем, довольно близком и не лишенном достоинства. Тут подвизались Кokoшкин, двоюродный брат его, тоже Кokoшкин с женою своею и поэт Иванов. Если Фед. Фед. был довольно сухощав, то два другие дородством своим занимали на сцене достаточно видное место. Это представление имело, разумеется, свою восторженную и до ломания рук хлопающую публику. И тогда уже были патриотические театралы, почитавшие почти государственною изменою любить хорошее драматическое представление французское, нежели плохое отечественное. Но и тут в числе зрителей были, хотя и в меньшинстве, некоторые из таких государственных преступников и неблагодарных сынов России: они исподтишка улыбались, глядя на трагические усилия усердных лицедеев. Вас. Львов. Пушкин был в числе таких злоумышленников. По добрым свойствам, не очень задирчивый в эпиграммах, он, выходя из театра, сказал довольно забавно:

Гусмана видел я, Альзиру и Замора.
Умора!

Трагедия Вольтера «Альзира, или Американцы» (1736) издавна в стихотворном переводе П. М. Карабанова в 1786 г. в Петербурге. Из-за отсутствия репертуарных сводок для домашних театров невозможно с точностью датировать описанный Вяземским эпизод (краткое упоминание о нем в мемуарах Жихарева также лишено даты — см.: *Жихарев*, с. 614): по-видимому, он состоялся не ранее 1806 (возвращение С. С. Апраксина в Москву из Смоленска — *Жихарев*, с. 164) и не позднее 1816 г. (смерть Ф. Ф. Иванова); дата, предложенная в книге А. М. Пескова «Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века» (М., 1989, с. 137) неверна. В. Е. Васильевым установлен источник эпиграммы — экспромт Буало по случаю постановки корнелевской трагедии «Агезилай»: «J'ai vu l'Agésilas, Hélas» (*Русская эпиграмма*, с. 691; ср. Песков А. М. Указ. соч., с. 83).

Гусман, Замор — персонажи «Альзиры».

«Читая Пустодома...» (стр. 180). — *Поэты-сатирики*, с. 290 (с неточной датой письма, из которого извлечена эпиграмма). Обстоятельства написания и описываемую ситуацию см. в письме В. Л. Пушкина к Вяземскому 27 марта 1819 г. (см. с. 437—438 наст. тома).

Пустодом — комедия Шаховского «Пустодомы» (первая постановка — Петербург 10 октября 1819 г.; опубли. в 1820 г.). *Гашпар* — герой поэмы Шаховского «Расхищенные шубы», именем которого В. Л. Пушкин называл автора (ср. стихотворение «К арзамасцам»).

П. А. Вяземский «Ага, плутовка мышь, попалась, нет спасенья!..» (стр. 181).— Цветник, 1810, № 7, с. 92, с вариантами ст. 2 и 4, с подписью «Т. Ф. Р...щ». Печатается по: «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских...». М., 1811, ч. 5, с. 221, подпись: «В». Вольный перевод эпиграммы, приписываемой либо Брюзону де Ламартиньеру, либо Ж.-Ф. Гишару: «Je te tiens souris téméraire...», в которой противопоставлены Вольтер и Прадон. Противопоставление баснописцев Дмитриева и Хвостова (*Графова*) восходит к полемике 1800-х гг.

«Зоилы берегов Невы!..» (стр. 181).— *Вяземский. 1935*, с. 401.

Эпопом с ног до головы.— Согласно легенде баснописец Эпоп был горбат и безобразен. Ср. ту же тему в анекдоте о разговоре Д. И. Хвостова с А. А. Беклешовым (*Жихарев*, с. 22).

«Твой список послужной и оды...» (стр. 181).— *Вяземский. 1935*, с. 401. Перевод эпиграммы К. де Рюльера «Sur Rezaux qui portait des talons rouges...».

Причелся к графам.— См. примеч. к *Мелочам* на с. 491, т. 1 наст. изд.

«Как «Андромахи» перевод...» (стр. 181).— *Вяземский. ПСС*, т. 3, с. 269 с вариантом в ст. 3 и 7. Печатается по: *Вяземский. 1986*, где эпиграмма воспроизведена по автографу в альбоме С. А. Неелова.

«Андромах» — трагедия Расина; перевод выполнен Хвостовым. *Наших дней Прадон...*— Именем французского драматурга, безуспешно соперничавшего с Расином, назван Д. И. Хвостов; имеется в виду столь же безуспешное соперничество Хвостова с И. И. Дмитриевым.

«Как мастерски пророков злых подсел...» (стр. 182).— *Вяземский. ПСС*, т. 3, с. 248.

Рифмач — кличка Хвостова; обыгрывается страсть Хвостова к печатанью своих произведений.

П. А. Вяземский. Письмо при посылке басен (стр. 182).— *Вяземский. ПСС*, т. 9, с. 5. Печатается по: Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 17. «Письмо» открыто связывает пародии на Хвостова с деятельностью «Арзамаса»: ср. упоминание «Комитета опекунства о Арзамасских гусях» и подпись: «Арзамас».

Комитет о жидак.— Имеется в виду Комитет для устройства евреев, в котором принимал участие А. И. Тургенев как директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий.

Притчи (стр. 183).— *РА*, 1866, № 3, с. 479 (эпиграфы, посвящение, притчи: 1, 3, 7—14, позднейшая редакция текстов), под рубрикой «Арзамасские литературные шалости». Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 7—9, 11—16 (посвящение и притчи: 1—4, 6—9, 11, ранние варианты текстов). Печатаются по авторизованным копиям (нижнему слою текста, без учета правки, сделанной для *РА*), в тетради, озаглавленной: «Притчи российскими стихами» (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 921), кроме притчи 14, которая печатается по авторизованной копии в арх. Вяземского (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 869, л. 10—11). Конъектуры в притче № 10 сделаны по «Записным книжкам» (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1104), так как в тетради на месте некоторых слов оставлены пустые места. В тетради имеется позднейшая помета Вяземского: «Пародии мои в роде Хвостова. Многие напечатаны в Архиве», подтверждающая авторство притч. В преамбуле к публикации в *РА* Вяземский затушевывает свое авторство и замечает: «Эти притчи писаны в подражание, и сказать можно без хвастовства, довольно удачно, притчам гр. Хвостова, особенно тем, которые заключаются в первом издании, явившимся в свет в первых двух-трех годах текущего столетия» (с. 479). В «Притчах» пародируется стилистическая какофония поэтических произведений Хвостова, соединявшего архаизмы с просторечиями.

Эпиграфы:

Я в царстве притченном...— Из притчи «Мешки судеб», опубликованной в изд.: «Избранные притчи из лучших сочинителей стихами» (Изд. 2-е. СПб., 1816, кн. 2, с. 1).

Ослу в рот не вложи...— Из поэмы Хвостова «Притчи» (М., 1807, с. 9).

Уверь, что звери все...— Там же, с. 13.

Не вздумай по небу кататься на ослах.— Там же.

Словесность на верхи...— Из послания Хвостова «О пользе словесности» (Хвостов Д. И. Послания в стихах. СПб., 1814, с. 8).

Иные разум весь...— Из послания «К А. А. Писареву о ложных крестинах» (там же, с. 56).

Однако неоспоримо то...— Из примеч. Хвостова к поэме «Притчи» (М., 1807, с. 24).

Итак, писатель оныя...— Там же, с. 25.

Кому противно что...— Из притчи «Мыши и Орехи» (Хвостов Д. И. Избранные притчи из лучших сочинителей российскими стихами. СПб., 1802, с. 72).

Коль хочешь, так кусай и злися... — Неточная цитата из притчи «Лев и клоп» (там же, с. 200).

Павлиным гласом петь... — Из притчи «Павлин» («Собеседник любителей русского слова». 1783, ч. 5, с. 186).

Собака (стр. 185).

Великой аргумент: авось. — Об использовании слова «авось» арзамасцами см. с. 485—486 наст. тома.

Кляча и Кобыла (стр. 186).

Нанка — бумажная материя, из которой шили куртки и халаты. *Буцефал* — имя легендарного коня Александра Македонского.

Сапожник (стр. 187).

Меньшиково... потомство. — Т. е. пирожники; намек на происхождение князя А. Д. Меншикова.

Кеньга, сапог и нога (стр. 188).

Кеньга — здесь: резиновая покрывка, которая натягивалась на сапоги.

Просвирня и шорник (стр. 190).

Просвирня — женщина в церковном приходе, приставленная печь просфоры. *Шорник* — человек, изготавливающий шоры (конскую упряжь).

Танцовщик (стр. 192).

Вавилонский сад. — Сады вавилонской царицы Семирамиды считались одним из семи чудес света. *Фанданго* — испанский народный танец.

А. С. Пушкин. Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову (стр. 195). — Пушкин. Соч., под ред. П. В. Анненкова, т. VII. СПб., 1857, с. 103—104. Датируется второй половиной февраля — апрелем (не позднее 24-го) 1825 г. по реалиям: в оде упоминается стихотворение В. К. Кюхельбекера, вышедшее из печати 31 января и полученное Пушкиным не ранее второй половины февраля (*Пушкин. ПСС*, т. XIII, с. 144), см. ниже; текст пародии Пушкин переслал в Петербург с Дельвигом, уехавшим из Михайловского 24 или 25 апреля 1825 г. (Цявловский М. А. *Летопись*. М., 1951, с. 560, 594). 4 мая 1825 г. А. И. Тургенев обещал Вяземскому прислать пушкинское «сравнение в стихах Байрона с графом Хвостовым: прелесть!»; 8 мая сообщил, что высылает «оду на графа Хв(остова) и Байрона с примечаниями», — однако Вяземский получил стихи только в самом конце мая или в июне 1825 г. (*ОА*, т. 3, с. 121, 123, 129). Историко-литературный смысл пародии объяснен Ю. Н. Тыняновым, показавшим, что Пушкин ответил в ней на попытки возрождения оди-

ческого жанра, прежде всего Кюхельбекером и отчасти Рылевым; самая тема — смерть Байрона в 1824 г. — была «благодарным поводом» для такого воскрешения (ср., например, «Смерть Байрона» Кюхельбекера. — Мнемозина, 1824, ч. 3 и отд. изд. М., 1824), где наряду с одическими формулами были использованы и исторические примечания, которыми широко пользовался и Хвостов), — отсюда и ироническая интерполяция в тексте цитаты из Кюхельбекера (см. ниже). См.: Тынянов Ю. «Ода его сиятельству графу Хвостову». — Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова. Пушкинист, IV. М. — Пг., 1922, с. 74—92. Выбор Хвостова в качестве адресата пародии был, однако, отнюдь не формальным приемом: отмеченное Тыняновым «оживление его деятельности» в середине 1820-х гг. оживило и традицию арзамасской «галиматши». 28 января 1825 г. Пушкин писал Вяземскому о только что прочитанном им сочинении Хвостова «Послание к N. N. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года, 7 ноября» (Невский альманах на 1825 год. СПб., 1825; отд. изд. СПб., 1825, с нем. переводом), о котором он впоследствии иронически упомянул в «Медном всаднике»: «Пришлите мне ваш Телеграф. Напечатан ли там Хвостов? что за прелесть его послание! достойно лучших его времен. А то он было сделался посредственным, как В(асилий) Л(ьвович), Ив(анчин)-Пис(арев) — и проч. Каков Филимонов в своем Инвалидном объявлении. Милый, теперь одни глупости могут еще развлечь и рассмешить меня» (*Пушкин. ПСС*, т. XIII, с. 137). С этим письмом согласуется и отмеченный исследователями взлет сатирического и эпиграмматического творчества Пушкина, приходящийся как раз на первую половину 1825 г. (см. Цявловская Я. Т. Г. «Муза пламенной сатиры». — Пушкин на юге, т. II. Кишинев, 1962). «Ода» Хвостову — плод этого умонастроения; характерно, что Пушкин стремится ознакомить с ней прежде всего арзамасца Вяземского, автора пародий на Хвостова; для него специально переписывается текст (*ОА*, т. 3, с. 125). Несомненно, эту оду имеет в виду Вяземский в стихотворной вставке в письме Пушкину от 16—18 октября 1825 г.: «Ты сам Хвостова подражатель, // Красот его любостыжатель» (*Пушкин. ПСС*, т. XIII, с. 238); на эти стихи Пушкин ответил еще одной пародией на одические формулы («В глуши, измучась жизнью постной...» — там же, т. XIII, с. 239). В «Оде...» Пушкин пародирует индивидуальные черты хвостовской «галиматши»: выбор «под рифму» семантически неуместных слов («судьбы упругой», «мечет громы обоюдно» и т. д.), какофонию («Перикла лавр», «Вакх Харон»), непродуктивные составные неологизмы («быстропарный») и т. д.; самое сопоставление Байрона и Хвостова имеет гротескный смысл. В этот контекст включены с полемическими целями и отсылки к современным произведениям (см. ниже).

Султан ярится. — Начало оды В. П. Петрова «На войну с тур-

ками» (1768 или 1769). *Резвоскачет*.— Ср. в послании Кюхельбекера «Грибоедову» (1821; опубл.: Московский телеграф, 1825, № 2): «Певец! Тебе даны рукой судьбы // Душа живая, пламень чувства

И резвоскачущая кровь». В мае Пушкин в письме к брату также упомянул о «резвоскачущей крови Гриб.⟨оедова⟩», которая ему «не по нутру» (*Пушкин. ПСС*, т. XIII, с. 175). ...*лютый Пит*.— Упоминание Вильяма Питта-младшего (1759—1806), одного из лидеров европейской антиреволюционной коалиции в 1790-х гг.,— пародия на неоправданный выбор предметов изображения, продиктованный требованиями рифмы. *Где от крови земля промокла* и т. д.— Пародируется богатая рифма, употребленная, в частности, Рылевым («На смерть Байрона»; 1824) и «А. П. Ермолову». Оба стихотворения не были опубликованы, но могли быть (в особенности первое) известны Пушкину в списках. *Ты с верною супругой*...— Ссылка Пушкина на «последн⟨ее⟩ замеч⟨ание⟩ к оде: «Задр⟨авный⟩ кубок», где речь идет о «Темире», сделана, видимо, по памяти. Речь идет об оде Хвостова «Родовой ковш» (СПб., 1823), где действительно есть примечание: «Темирою всегда называет автор свою почтенную супругу, которая ему в сию болезнь оказала примерную дружбу и любовь». Эта ода попала в поле зрения арзамасцев; 26 октября 1823 г. А. И. Тургенев писал Вяземскому: «Читал ли «Родовой ковш» графа Хвостова? Он мне всучил его за обедом у церковного старосты. Он опять становится прелестен» (*ОА*, т. 2, с. 363). *К тебе я руки простирал*...— Цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «К Волге» (1794), сокращенная в пародийных целях (у Дмитриева: «взирая на суда, бегущи // На быстрых белых парусах!»). В первой половине 1820-х гг. отзывы Пушкина о Дмитриеве ироничны и полемичны, что было связано с устной критикой Дмитриевым «Руслана и Людмилы». Сам Дмитриев иронически подчеркивал свои связи с Хвостовым; в 1810—1820-е гг. Хвостов постоянно посылал ему свои стихи, которые Дмитриев собирал как примеры «галиматый». В одном из посланий к Дмитриеву («Приглашение на вечеринку (И. И. Дмитриеву)») Хвостов называет его своим «другом». «Знаменитый друг» — насмешливая формула, широко распространенная в полемической литературе 1820-х гг., после того как А. Ф. Воейков определял ею свой литературный круг (*СО*, 1821, № 13, с. 277). *Пишша в образе Ипполита Богдановича*...— Травестированное упоминание о «Душеньке» И. Ф. Богдановича.

ПОСЛАНИЯ

В. А. Жуковский. К Б⟨лудов⟩у (стр. 197).— *ВЕ*, 1810, № 5 (март), под заглавием: «К ***. При отъезде его в армию» и с подписью «Ж». Написано в феврале 1810 г. по случаю отъезда

Д. Н. Блудова на Дунай в качестве правителя дипломатической канцелярии графа Н. М. Каменского, главнокомандующего русской армией, ведшей военные действия против турок. Послание метрически (трехстопный ямб) предвосхищает «Мои пенаты». Знакомство Жуковского и Блудова, перешедшее в дружеские отношения, начинается в 1801 г., когда Блудов служил в Московской коллегии иностранных дел и сблизился с Дашковым, Андреем и Александром Тургеневым, Вигелем; к этому времени относится и совместное шуточное стихотворение Блудова и Жуковского (см.: К о в а л е в с к и й Е. Граф Блудов и его время. СПб., 1866, с. 17, 19; *Вяземский. ПСС*, т. 10, с. 245). В письмах к Жуковскому 1802—1803 гг. Ан. Тургенев постоянно передает приветы Блудову, которого, как и Жуковский, считает знатоком и авторитетом в литературных вопросах; в 1805 и 1815—1817 гг. Жуковский во время приездов в Петербург неоднократно останавливается на квартире Блудова (см.: Жуковский и русская культура. Л., 1987, по указ., И е з у т о в а Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976, с. 31 и др.). Жуковский не раз заявлял в печати о своем доверии к вкусу Блудова (ср. в посвящении «Двенадцати спящих дев»: «Твой вкус был мне учитель»; ср. также письмо Жуковского Ал. Тургеневу и Блудову от декабря 1806 г.: «Твоя критика для меня закон». — *ПЖТ*, с. 27). Позднее Пушкин резко отрицательно высказался о влиянии Блудова на Жуковского; в апреле 1825 г. он писал Жуковскому: «Зачем слушаешься ты маркиза Блудова? пора бы тебе удостовериться в односторонности его вкуса. К тому же не вижу в нем и бескорыстной любви к твоей славе. Выбрасывая, уничтожая самовластно, он не исключил из Собрания *послания к нему*, произведения, конечно, слабого. Нет, Жуковский,

Веселого пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И <...> его <...>

(*Пушкин. ПСС*, т. XIII, с. 167). Отзыв, однако, отражает позднейшее отношение Пушкина к Блудову; послание к нему Жуковского оказало некоторое воздействие на раннюю лирику самого Пушкина (см. коммент. Ц. Вольпе в кн.: Ж у к о в с к и й В. А. Стихотворения, т. II. Л., 1940, с. 487—489).

Твой друг, твоя Людмила... — А. А. Щербатова, невеста Блудова, мать которой в течение нескольких лет противилась их браку. Свадьба состоялась в 1812 г.; по некоторым сведениям (которые, впрочем, оспаривает биограф Жуковского К. К. Зейдлиц, см. его «Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. 1783—1852. СПб., 1882, с. 48), Жуковский был шафером на их свадьбе. *Абеон* (антич. миф.) — бог, хранитель отъезжающих, Адеон — возвращающихся. *С утраченным Филоном* — Андреем Тургеневым (1781—1803), одним из ближайших друзей Жуковского.

П. А. Вяземский. <К Батюшкову> (стр. 200).— *Вяземский. 1986*, с. 423. Сохранилось в тексте неопубликованного письма Батюшкову из Москвы в деревню, которое по содержанию датируется концом 1810 г. Это первая редакция знаменитого послания «К Батюшкову» («Шумит по рощам ветер осенний...»), опубликованного в *Трудах ОЛРС* (1817, ч. 7). Выбор этой редакции обусловлен ее более резкой направленностью против будущих членов «Беседы».

В. Л. Пушкин. Два послания (стр. 201).— «Предупомление» и «Послание к Д. В. Дашкову» — Два послания Василия Пушкина. СПб., 1811. «К В. А. Жуковскому» — Цветник, 1810, № 12. Печатаются по тексту брошюры 1811 г., имевшей большой успех — см. списки 1810-х гг., сделанные с этого издания: Отдел рукописей Гос. Лит. музея (ф. 254, «П». о. ф. 4114); *ГБЛ* (ф. 99, к. 17, № 8); ср. апологию книги в послании П. И. Шаликова «К В. Л. Пушкину» (1812): «В посланиях твоих гармония сама — // Гармония стихов — стих каждый составляла», «Орудием богов, поэзией, ты первый // В словесности раскол ужасный поразил...», «...Я вижу Аполлона // В творце посланий...» и т. д. (*Поэты 1790—1810*, с. 641, 642).

Предупомление (стр. 201).— «Присовокупление — специальный полемический раздел, прибавленный Шишковым при публикации «Рассуждения о красноречии Священного Писания...», прочитанного 3 декабря 1810 г. в годичном собрании Российской Академии (Соч. и переводы, издаваемые Российской Академиею, ч. 5. СПб., 1811, с. 261—281). Реакция В. Л. Пушкина на выпад Шишкова запечатлена в письме к Вяземскому 7 августа 1811 г.

Кандид — философская повесть Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759). ...в *Парижских переулках*... — Намек на путешествие В. Л. Пушкина в Париж в 1803—1804 гг. Его «Письмо русского путешественника из Парижа от 13 сентября 1803» (*ВЕ*, ч. XI, № 20) исполнено благочестия и показывает надуманность инвектив Шишкова, надолго запомнившихся современникам (*Визель*, ч. 5, с. 111; ср. в речи Дашкова в 9-м заседании «Араамаса»: «Не так ли упал перед тобой и сам Славенофил, тщетно твердя о Парижских переулках»). *Risum teneatis, amici?* — Гораций. Наука поэзии, ст. 5. ...навлекшему на себя учтивою критикою гнев новейших славян.— Шишков отвечал Дашкову в упомянутом выше «Присовокуплении».

К В. А. Жуковскому (стр. 202).— Написано весной 1810 г., в июне распространилось в списках. О послании одобрительно отзывались Батюшков (письмо к Вяземскому 7 июля 1810 г.) и А. И. Тургенев (Письма Александра Тургенева Булгаковым, с. 101), но не показалось Н. И. Тургеневу (*АБТ*, т. 1, с. 401). Публи-

кация в *ВЕ* (см. письмо Д. П. Северина к Вяземскому 29 августа 1810 г.) не состоялась по нежеланию Каченовского «заводить ссоры» с Шишковым, с чем согласился Жуковский (см. его письмо А. И. Тургеневу 12 сентября 1810 г.). В «Цветнике» — с подписью «В. П.», без эпитафии. Еще до выхода журнала послание было включено адресатом в издаваемую им пятитомную поэтическую антологию (см. письмо Жуковского А. И. Тургеневу 27 марта 1811 г. — *ПЖТ*, с. 92). В издании Жуковского (ч. 4. М., 1811, с. 170—173) с подписью «Пушкин». Текст здесь отличается от журнального. Послание В. Л. Пушкина, наряду с антишишковской статьей Дашкова (окончание ее напечатано в том же, 12-м номере «Цветника»), открыло новый, непосредственно ведущий к образованию «Беседы» и «Арзамаса» этап борьбы карамзинистов и шишковистов (см. Речь Асмодея в 9-м заседании «Арзамаса»). «Послание Василья Львовича Пушкина к г. Жуковскому, — записал Д. И. Хвостов в апреле 1811 г., познакомившись с первой публикацией, — называемое защитниками Шишкова *Карусельное орудие*, много потеряло своего блеску в печати. Сочинитель мастер читать, и в его устах оно более нравилось. Сия пьеса сделает шум, поелику метила не в бровь, а в глаз на почтенного Ариста Шишкова, но сама по себе не заслуживает никакого внимания (*ЛА*, с. 370). Стихотворение, действительно «сделало шум» (см., например, Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 120—121, 128—130), появилась эпитаграмма Д. П. Горчакова «Ответ на послание Пушкина, где он жалуется, что не позволяют ни хвалить, ни читать Карамзина» (авторитетный список — *ЦГАДА*, ф. 1406, оп. 1, № 818, л. 25 об.; ср. его описание, сделанное С. П. Шестериковым. — *Известия по русскому языку и словесности*, 1928, т. 1, кн. 1, с. 181—182; текст без заглавия; см., например, в кн.: Эпитаграмма и сатира, т. 1. М. — Л., 1931, с. 29). Еще одна попытка возразить на послание была предпринята Шишковым. По словам Д. И. Хвостова, Шишков отвечает автору разбора «Разговоров о словесности» Каченовскому «длинным, утомительным и бранчливым сочинением, где, привязавшись в конце к стиху Пушкина

Нам нужны не слова, нам нужно просвещение, —

говорит: *сие бессловесные просветители и пр., но сие сочинение еще не напечатано* (*ЛА*, с. 378). Не напечатав антипушкинского пассажа, Шишков в 1817 г. использовал его в официальной переписке. Это обстоятельство спустя полвека обнаружил Вяземский, читая в 1860-х гг., после омерти автора, «Записки А. С. Шишкова»: «Какая была бы радость и честь Василию Львовичу Пушкину, если он мог бы знать, что Шишков в отношении к графу Аракчееву по делам Академии цитирует его, говоря между прочим: «писатели стихов, без наук, без сведений, станут вопиять:

Нам нужны не слова, а нужно просвещение.

(Шишков говорит: *не нужны нам слова* и пр.). Они криком своим возьмут верх, и многие поверят им, что впоплуну можно без разумения слов быть просвещенну. Но по рассудку такое *бессловесное* просвещение прилично только рыбьему, а не человеческому роду» (*Вяземский. ПСС*, т. 10, с. 258; ср. Шишков А. С. Записки, мнения и переписка, т. II. Berlin, 1870, с. 96).

Эпиграф. — Г о р а ц и й. Наука поэзии, ст. 60—62. *Кондильяка* я и *Дюмарсе читаю*... — Имеются в виду работы Э.-Б. де Кондильяка «Об искусстве рассуждения» (Из «Курса занятий по обучению принца Пармского»; 1769—1775), «Логика, или Начала искусства мыслить» (1780) и знаменитая книга С.-Ш. Дю Марсе по риторике «Трактат о тропах...» (1730). *Не ставлю я нигде ни семо, ни овамо*... — Намек на склонность Шихкова употреблять церковнославянизмы (ср. в ранее напечатанных «Мыслях»: «Можно любить русский язык и быть истинно русским, однако ж не употреблять в сочинениях своих ни *семо*, ни *овамо*, ни *абие*» (Аглая, 1808, ч. 1, № 2, с. 64; публикация выявлена С. И. Пановым). *Кто мыслит правильно, кто мыслит благородно, // Тот изъясняется приятно и свободно*... — Эти строки стали крылатыми, см., например, их использование в речи Дельвига (Т о м а ш е в с к и й Б. В. Пушкин, кн. 1, с. 381), в «Истории села Горюхина» (*Пушкин. ПСС*, т. VIII, с. 132), в статье Н. И. Греча (*СО* и Северный архив, 1831, т. XXI, № 27, с. 66). *Кто русской грамоте, как должно, не учился, // Напрасно тот писать трагедии пустился*... — Вероятно, имеется в виду Шаховской, автор трагедии (при участии Л. Неваховича) «Дебора, или Торжество веры». *Поэма громкая, в которой плана нет*... — «Петр Великий, лирическое песнопение, в восьми песнях» С. А. Шихматова (СПб., 1810). *Синopsis* — сборник сведений, материалов по какому-либо вопросу. *Степенная книга* — памятник древнерусской исторической литературы. *Но Тредьяковского с Расином не равняю*... — Сторонникам Шихкова был свойствен сочувственный интерес к творчеству В. К. Тредьяковского (подробнее см.: А л ь т ш у л ь е р М а р к. Указ. соч., с. 308—331). *И Пиндар наших стран тем слогом не писал, // Каким Боян в свой век героев воспевал*... — Характеристика Ломоносова, данная Сумароковым в «Эпистоле» II («Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен») используется здесь, как заметила Е. Н. Дрыжакова, для возражения С. Н. Глинке, писавшему в статье о поэме Шихматова «Петр Великий»: «Песнопевец подвига князя Игоря Святославича писал в исходе двенадцатого столетия; но он так же расволагал слова и мысли, как и Ломоносов, живший в осьмнадцатом столетии» (*РВ*, 1810, № 5, с. 116; ср. *Поэты 1790—1810*, с. 864). *Балдус* — Шишков (справку В. И. Саитова об употреблении этого шуточного прозвания педантов-комментаторов см.: *Батюшков*, т. 3, с. 677). *Аз — я. Аще* — если. Уже в 1740-х гг. эта форма воспринималась как архаичная: «Коль «аще», «точию» обычай истребил, // Кто вудит, чтоб ты их

опять в язык вводил? (Сумароков. Эпистола I), см. также примеч. к с. 205. *Великая жена* — Екатерина II. *Бессмертную в стихах бессмертных он воспел...* — В оде «Фелица» (1782). *Любимец аонид* — И. Ф. Богданович, автор «Душеньки» (1783). *В словесности раскол, как должно, осуждаю...* — О важности «Двух посланий» для оформления сравнения шишковистов с раскольниками см.: П р о с к у р и н О. А. Неизученный эпизод полемики о старом и новом слоге. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984, т. 43, № 1, с. 79—80. *Арист* — Шишков. *Толстый том, где зависть лишь видна...* — «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка». *Не есть Лагарпов курс...* — Об отношении Шишкова и его сторонников к «Лицею» Ж.-Ф. Лагарпа см. с. 453 наст. тома. *Нам нужны не слова — нам нужно просвещение...* — Этот стих, ставший девизом карамзинистов, включен Шаховским в речь нотариуса Спондея в «Расхищенных шубах» (Шаховской, с. 102).

К Д. В. Дашкову (стр. 204). — Написано в Петербурге в августе 1811 г. (см. письмо Д. П. Северина Вяземскому 1 августа 1811 г.; выделенные в письме слова «Об истинном патриотизме» — возможно, первоначальное заглавие или подзаголовок послания). Еще до выхода из печати распространялось в списках: см. письма Батюшкова Гнедичу 27 ноября — 5 декабря 1811 г. и к Вяземскому, конца ноября (Б а т ю ш к о в К. Н. Соч. в 2-х тт., том 2. М., 1989, с. 189; ср. также: ЛА, с. 102).

...*кимвала* звук... — Напыщенное высказывание (кимвал — древний ударный музыкальный инструмент). *Кеиригы* — граждане Древнего Рима. *Сражая Верреса, вступаясь за Мурену...* — Имеются в виду знаменитые речи Цицерона: обвиняющая в злоупотреблениях правителя Сицилии и оправдывающая римского консула, заподозренного в подкупе избирателей. *Абие* — внезапно, тотчас. *Аще* — если, буде, коли. Эти слова (наряду с «семо», «овамо» — см. примеч. к с. 202), редко встречающиеся в лексике шишковистов (ср. Ш и ш к о в А. С. Рассуждение о красноречии Священного Писания... СПб., 1811, с. 51—52), превратились тем не менее в сознании карамзинистов в слова-символы, слова-жупелы — своеобразные знаки враждебной им литературной речи (подробнее см.: Лотман, Успенский, с. 220). *Я с возвышенною иду везде главою...* — Этот стих пародировался не только литературными противниками В. Л. Пушкина (Шаховской, с. 104), но и его единомышленниками (Б а т ю ш к о в К. Н. Соч. в 2-х тт., том 1. М., 1989, с. 249. ...и Сены на брегах... — Во время заграничного путешествия 1803—1804 г. ...*пел любезное отечество в стихах.* — Возможно, В. Л. Пушкин имеет в виду свои прозаические переводы русских народных песен (об этих переводах, напечатанных тогда же в «Mercure de France», см.: Трубицын Н. Н. Из поездки В. Л. Пушкина за границу (1803—1804). — Пушкин и его

современники, вып. XIX—XX. СПб., 1914, с. 239—269). *Остак* — устаревшее наименование нескольких народностей Сибири. *Старослов* — Шишков. ...*в речах иных...*— Намек на «Рассуждение о красноречии Священного Писания...» Шишкова. *Что томов не пишу на древнего Баяна...*— Имеется в виду труд: А. Ш. <Шишков А. С.> Примечание на древнее сочинение, называемое «Историческая песнь о походе на половцев, или Слово о полку Игореве».— Соч. и переводы, издаваемые Российской Академиею, ч. I. СПб., 1805, с. 23—234.

К. Н. Батюшков. *Мои Пенаты* (стр. 206).— Пантеон русской поэзии, ч. I. СПб., 1814, с. 55—69. Печатается по: Батюшков К. Н. *Опыты в стихах и прозе*, ч. 2. СПб., 1817. Предвосхищение мотивов «Моих Пенатов» обнаруживается еще в письме Батюшкова Н. И. Гнедичу от 3 мая 1809 г. (*Батюшков*, т. III, с. 36); однако окончательно тематический диапазон, стилистика и общая концепция послания формируются в пору сближения Батюшкова с московскими карамзинистами (1810—1811 гг.). Сжатый прозаический конспект «Моих Пенатов» содержится в статье Батюшкова «Опыты в прозе» (*ВЕ*, 1810, № 21): концовка статьи представляет собой почти дословное повторение указанного выше письма к Гнедичу, с некоторыми стилистическими вариантами и дополнениями. Непосредственная работа над текстом послания велась с осени 1811 до весны 1812 г. В ходе работы Батюшков пользовался замечаниями Жуковского и Вяземского (см. письма Вяземского от марта — апреля 1812 г.— *ИРЛИ*, ф. 19, № 28, л. 10 об., 13 и др.). Литературными образцами Батюшкову послужили послания французских поэтов Ж.-Ф. Дюсиса «*A mes penates*» («*Моим пенатам*») и Ж.-Б. Грессе «*La chartreuse*» («*Обитель*»), но в целом стихотворение вполне оригинально: это итог эстетических и этических исканий Батюшкова в начале 1810-х гг. «*Мои Пенаты*» имели чрезвычайный успех и сразу же были осмыслены как эталон жанра, вызвали ответные послания Жуковского и Вяземского и породили множество подражателей — от молодого Пушкина («*Городок*») до третьеразрядных стихотворцев. «*Мои Пенаты*» канонизировали в качестве стиха дружеского послания трехстопный ямб с вольной рифмовкой (ранее примененный в послании Жуковского «*Блудову*»).

В ряде авторитетных списков имеются варианты стихов о Карамзине, не вошедшие в печатный текст:

Пером из крыльев Леля
Здесь пишет Карамзин,
Преемник Мармонтеля,
В таблицах Мнемозини
Любовны приключенья
Девиц и светских дам
И сладки откровенья
Чувствительным сердцам.

Иной вариант стихов о Карамзине (затем зачеркнутый) сохранился в автографе (ГПБ):

Всегда внушенный чувством,
Умел он позлатить
Оратора искусством
Повествованья нить
И в слоге плавном слить
Всю силу Робертсона
И сладость Ксенофона;
Аттической пчелы
Волшебной...

(Б а т ю ш к о в К. Н. Соч. М.—Л., 1934, с. 487, 488).

Пенаты (р и м. м и ф.) — боги дома, домашнего очага; отождествлялись с ларами. *Стол ветхой и треногой // С разорванным сукном...* — Разработка традиционной для поэзии конца XVIII — начала XIX в. условно-литературной темы поэтической бедности. *И ты, моя Лилета...* — Эпизод с «Лилетой» является травестийной переработкой традиционного эпического мотива девы-воина (присутствующего и в переведившемся Батюшковым до приезда в Москву «Освобожденном Иерусалиме» Т. Тассо — линия Танкреда и Клоринды). Шутливая травестия героики знаменовала окончательный отказ Батюшкова от претензий на славу эпического стихотворца и переход к карамзинистским ценностям. *Парнасский исполин... лебедь величавый* — Ломоносов. *Наш Пиндар, наш Гораций... Как Суна средь степей.* — Имеется в виду Державин. Соответствующие стихи перефразируют посвящение трагедии В.А.Озерова «Эдип в Афинах», в котором Державин именовался гением, «который с пареннем Пиндара согласил философию Горация», «коего стихотворство... шумно, быстро и чудесно, как водопад Суны» (О з е р о в В. А. Трагедии. Стихотворения. Л., 1960, с. 129). *Суна* — река, на которой находится водопад Кивач, воспетый Державиным в оде «Водопад» (1794). *И ужин Агагона // И наслажденья храм.* — Намек на очерк Карамзина «Афянская жизнь» (1793), где описан ужин у афинянина Гиппия, чей дом был украшен надписью: «Храм удовольствия и счастья, отверстый для всех мудрых любителей наслаждения»; среди героев очерка фигурирует друг Платона философ Агагон. *То древню Русь и нравы // Владимира времен...* — Речь идет о работе Карамзина над «Историей государства Российского». *Сильф прекрасной* — И. Ф. Богданович. *Там Дмитриев сидит...* — В соответствии с карамзинистской иерархией Дмитриев помещен на первое место среди русских поэтов-баснописцев. *Вам, вам плетут хариты // Бессмертия венцы!* — Реминисценция из стихотворения В.Л.Пушкина «К любимцам муз» (1804): «Вас грации давно украсили венками». *И в радости зываю: // О музы! я пиит!* — Шутливая реминисценция из того же стихотворения: «О радость, о восторг! И я... и я пиит!» *Сложи печалей бремя...* — В 1811 г. Жуковский пережил смерть многих близ-

ких, в том числе матери; в начале 1812 г. он неудачно сватался к М.А.Протасовой. Отказ ее матери нанес Жуковскому сильную душевную рану. *Питомец муз надежный*. — Из стихотворения И.И.Дмитриева «Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту» (1798). *Когда же парки тощи // Нить жизни допрядут...* — Реминисценция из стихотворения С.С.Боброва «Ночь» (ок. 1804): «Все спят — прядут лишь парки тощи...» (*Поэты 1790—1810*, с.126). *Наемных ликов глас...* — Хор певчих; образ восходит к оде Державина «На смерть князя Мещерского». *К чему сии куренья//И колокола вой...* — Цитата из баллады Жуковского «Громобой»: «И слышен колокола вой, //И теплятся кадила».

П. А. Вяземский. Цидулка к давно не зримому приятелю (стр. 214). — Впервые по автографу в арх. Батюшкова (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 10, л. 2—2 об.), где записано на листе, озаглавленном «Досуги женатого человека», с пометой: «Дополнение». Датируется в соответствии с заглавием цикла первыми месяцами брачной жизни Вяземского, т. е. самым концом 1811 — началом 1812 гг.

⟨К М и л о н о в у⟩ («Тогда, как уши нам терзают...») (стр. 214). — *Вяземский. ПСС*, т.3, с.19 — поздняя редакция под загл. «Милонову. По прочтении перевода его из Горация». Печатается по автографу в письме Вяземского Жуковскому от 16 марта (1812 г.), где посланию предшествует следующее пояснение: «Кстати о стихах скажу тебе, что я на днях получил весьма нечаянно стихи себе от Милонова, с которыми я никогда не видался. И вот как это сделалось: я писал еще осенью Батюшкову о стихах Милонова, являющихся в многих журналах. Пипинька, который теперь в Питере, показал ему мое письмо, и похвалы мои воспалили его голову, родили экспромты, довольно малозначащие, на которые отвечал я следующими стихами. Я тебе их доставляю, ибо они мне довольно нравятся и вообще заслужили одобрение строгого Ареопага...» (далее текст наст. послания; ЦГАЛИ, ф. 198, оп. 2, ед.хр. 21, л. 13—13 об.). Стихотворение является откликом на публикацию в *ВЕ* (1811, № 12, с.180 — 182) милоновского перевода второго эпода Горация «Похвала сельской жлани» и одновременно (судя по тексту сопроводительного письма) поэтическим ответом на послание М.В.Милонова Вяземскому «Сопоклонник Аполлона» (*Поэты-сатирики*, с. 502), в котором также осмеиваются члены только что основанной «Беседы».

Несносны крики сов, гагар. — Образ «гагар» отсылает к басне И. И. Дмитриева «Лебедь и Гагары» (1805). *Шахматов из морских сержантов // В Гомеры хочет перейти*. — К первому из этих стихов имеется примечание Вяземского: «Он в морской службе» (ЦГАЛИ, ф.198, оп. 2, ед. хр. 21, л. 13 об.). С. А. Ширинский-Шихматов окончил Морской кадетский корпус со званием мичмана и был в чине поручика

определен в этот корпус воспитателем (с 1804 г.); к 1811 г. был автором ряда лиро-эпических поэм.

К. Н. Б а т ю ш к о в. К Ж <у к о в с к о>м у (стр. 215).— Пантеон русской поэзии, ч. 2. СПб., 1814, с. 201—205. Печатается по: Б а т ю ш к о в К. Н. Опыты в стихах и прозе, ч.2. Раннюю редакцию послания см. в письме Батюшкова к Жуковскому от июня 1812 г. (т. 1 наст. изд.).

Прости, балладник мой...— В первоначальном варианте эта строка звучала иначе («Прости, отшельник мой...»). По свидетельству Ф. Ф. Вигеля (т. 1 наст. изд., с. 73), дружеское прозвище «балладник» закрепилось за Жуковским в предразамасский период. Однако нельзя сказать с определенностью, использовал ли Батюшков формулу, уже имевшую хождение в дружеском кругу, или, напротив, именно его послание способствовало закреплению прозвища за Жуковским. *Белева мирный житель...*— В первой половине 1812 г. Жуковский жил в Муратове, близ г. Белева Тульской губ. «*Усопший, мир с тобою!*» — Шуточная цитата из баллады Жуковского «Громобой». *Нет, новые мученья, // Достойные бесов! // Свои стихотворенья // Читает мне Свистов...*— Подразумевается Д.И.Хвостов. Строки, очевидно, содержат намек на сказку А.Е.Измайлова «Стихотворец и черт» (1811), направленную против Хвостова: в ней черт не выдерживает чтения стихов Хвостова (Дамона) и спасается бегством. Эту сказку, опубликованную лишь в 1814 г. (Пантеон русской поэзии, ч. 3), Батюшков, вероятно, знал в рукописи. *И с ним певец досужий, // Его покорный бес...*— Г. П. Ржевский (см. т. 1 наст. изд., с. 575). В шутливом рассказе Батюшкова отразились реальные факты; ср. приписку Н. И. Гнедича к письму Батюшкова сестре от июня 1812 г.: «...он был бы здоров, если б немного не мучил его стихотворец Ржевский, и всегда почти, подобно глисте, натошак» (*Батюшков*, т. III, с. 192).

О т в е т Т <у р г е н е> в у (стр. 217).— Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе, ч. 2, с. 153—156. Традиционно датируется 1812 г. (см., например, аргументацию Д. Д. Благого: Б а т ю ш к о в К. Н. Соч. М.—Л., 1934, с. 496). Однако имеются достаточно веские основания и в пользу другой, более поздней датировки. 15/27 октября 1813 г. Д. В. Дашков пишет Д. Н. Блудову: «Прилагаю при сем новые стихи Батюшкова: «Разлука» и «В альбом гр. Салтыковой» (т. 1 наст. изд., с. 214). 19 декабря 1813 г. он же информирует Вяземского: «Посылаю Вам... прекрасные стихи милого нашего Батюшкова в альбом гр. Салтыковой» (т а м ж е, с. 219). Стихотворение Батюшкова под названием «В альбом гр. Салтыковой» неизвестно; между тем в так называемых Блудовской и Тургеневской тетрадах, содержащих батюшковские тексты (*ИРЛИ*), послание к Тургеневу снабжено пометой: «В альбоме гр. Салтыковой. 1813». Едва ли подлежит сомнению, что в письмах Дашкова речь идет именно об этом произведении. Из писем Дашкова

следует также, что он посылает друзьям новые, еще неизвестные им стихи. Таким образом, «Ответ Т(ургене)ву» может быть с достаточной уверенностью приурочен к летним месяцам 1813 г. (до 24 июля — времени отъезда Батюшкова на театр военных действий). Возможно, адресация стихотворения Тургеневу появилась позднее.

Любовник строгой Лоры — Петрарка, воспевший в своих стихах Лауру. *Душеньки певец* — И.Ф.Богданович; слухи о его несчастной любви были широко распространены в начале XIX в. Они отразились, в частности, в очерке Н. М. Карамзина «О Богдановиче и его сочинениях» (ВЕ, 1803, № 9). *Лесбосская певица* — Сапфо.

П. А. Вяземский. К моим друзьям Ж(уковскому), Б(атюшкову) и С(еверину) (стр. 218). — Санкт-Петербургский вестник, 1812, № 8, с. 153, подпись: «К. В.» Сохранилось несколько авторизованных копий ранней редакции стихотворения. На поздней авторизованной копии с печатного текста (ГБЛ, ф. 63, л. 1) имеется авторская помета: «Писано в Вологде ночью 1812 г.». В письме к А.И.Тургеневу от 7 ноября 1812 г. Вяземский указывает, что стихи эти «вылились» из его души в минуту, когда он «более обыкновенного был удручен мрачными предчувствиями и горестными воспоминаниями» (ОА, т. 1, с. 9). Послание обращено к трем будущим арзамасцам, разбросанным в это время по свету: Д. П. Северин в 1812 г. был в Мадриде в составе русской миссии; В. А. Жуковский осенью 1812 г. находился в действующей армии (в штабе Кутузова), а К. Н. Батюшков — в Нижнем Новгороде.

Один из вас в борьбах недуга... — Речь идет о Жуковском, который осенью 1812 г. лежал «больной в Вильне, один без денег, без услуги», — как сообщал Вяземский А. И. Тургеневу (ОА, т. 1, с. 12).

В. А. Жуковский. К Батюшкову (стр. 220). — ВЕ, 1813, май, с подзаголовком «В мае 1812» и с подписью «В. Ж.»

Ответ на «Мои пенаты», посланные Батюшковым Жуковскому 12 апреля 1812 г. (Батюшков, т. III, с. 178). Воспроизводит метрику «Мои пенатов». Список послания Жуковский переслал Вяземскому, сделавшему на полях свои замечания (см. ниже). В конце Вяземский дал общее критическое заключение: «Теперь скажу тебе вообще мнение мое об твоём послании. Оно отрывками прекрасно; в целом нахожу я некоторые погрешности. Во-первых, оно не есть ответ на Батюшково послание, которое все наполнено сладострастьем, эпикуреизмом, негой. Твое есть послание строгого моралиста, не позволяющего даже иметь и записных красавиц. Сличая оба послания, скажешь тотчас: любезные поэты верно часто видаться не будут! Ж. никогда не может привыкнуть к житию Батюшкова. Пока сей последний будет выходить к калитке навстречу к своей пастушке, первый станет рас-

суждать о платонической любви, и оба будут удивляться друг другом. Наконец, послание твое немного длинновато: есть излишности, как, например, описание Батюшкова жилища». Ниже Жуковский записал, по-видимому, для Батюшкова, которому послал рукопись с пометами: «Я ничего не поправил по этим заметкам, из которых некоторые, замеченные критиком, справедливы. Поправь ты, если хочешь» (см. примеч. Ц. С. Вольпе в кн.: Жуковский В. А. Стихотворения, т. II. Л., 1940, с. 490, где воспроизведены и другие пометы, приводимые ниже). В противоположность прогнозам Вяземского, Батюшков дал восторженный отзыв о послании; в январе 1813 г. он писал Н. Ф. Грамматину об «ответе пенатам», полученном от Вяземского: «дивная поэзия, в которой множество прелестных стихов и в которой прекрасная душа — душа поэта дышит, видна, как в зеркале!» (*Батюшков*, т. III, с. 215). Одновременно он пишет Вяземскому: «...Послание к Бат(юшкову) прелестно. Жуковский писал его влюбленный. Редкая душа! редкое дарование! душа и дарование, которому цену, кроме тебя, меня и Блудова, вряд ли кто знает. Мы должны гордиться Жуковским. Он наш, мы его понимаем. И Василий Львович плакал, читая его стихи» (*Батюшков* К. Н. Соч., т. 2. М., 1989, с. 239). Послание оказало влияние на лицейскую лирику Пушкина (см. примеч. к его посланиям).

Укропный домик мой. — Помета Жуковского, адресованная Батюшкову: «Не выдавши твоего дома, я описал свой». Помета Вяземского: «И очень дурно сделал, потому что у Батюшкова описание своего жилища, а в послании к Пенатам нимало не сходствует с твоим; а хозяину, кажется, скорее поверят. Притом же Батюшков признается, что обитель его ничуть не завидна, а ты делаешь его владельцем прекрасной дачи. Стихи прекрасны, но вовсе не у места». *Ты помнишь ли преданье?* — Последующие стихи — пересказ стихотворения Ф. Шиллера «Раздел земли». *В потоке том журчит // Гармония Наяды.* — Помета Вяземского: «Я этого не понимаю». Жуковский исправил: «В источнике журчит // Там пение Наяды», но в дальнейшем поправкой не воспользовался. *Сильван* — лесное божество. *Неизвестного мира.* Было: «Сего блаженных мира». Помета Вяземского: «В сих двух стихах слова, кажется, слишком разбиты». Жуковский вначале исправил стих на «Таинственного мира». *Погибнет то, что мило...* — Против этого и следующих стихов рукой Вяземского: «Прекрасно! прекрасно!» *Преступник раздробленный.* — Помета Вяземского: «Неприятная картина». *Над гробом милых благ.* — Здесь и далее Жуковский говорит о драматической истории своей любви к М. А. Протасовой. *Небесной девы глас.* — Вяземским подчеркнуты рифмующиеся слова «глас» и «зажглась», — указание на неточность рифмы. *И дочери стыдливой...* — Приписка Вяземского: «Сие подражание известному французскому стиху кажется мне некстати. Парни, верно, один из счастливейших поэтов, а, однако ж, заботливая мать дочери своей читать его

запретит». «Известный стих» — из «Метромании» (1738) А. Пирона: «Мать велит это читать своей дочери». *И в тихом ветерке // Вдоль рощи трепетанье.* — В рукописи было «И в шуме ветерка, // И в тихом горлиц пеньи». Помета Вяземского: «Что хочешь, только не горлиц, я ничего томнее их не знаю». *Невозвратимых тени.* — Помета Вяземского: «Это место прекрасно!» *Он мир свой оградил // Забором огорода.* — Помета Вяземского: «Сколь предыдущие 4 стиха хороши, столь эти два дурны». *Прелестниц записных.* — См. «Моя пенаты». Против этого стиха помета Вяземского: «Зачем мешаешься ты не в свое дело. Записные прелестницы относятся к моей части. Прошу их оставить в покое. С нами бог!» *И запах ароматный* и т.д. — Помета Вяземского: «Как ни сказано пиитически, а все-таки помада». *И следовать святым* и т.д. — Было: «И веровать...» Помета Вяземского: «Как будто мученикам». Жуковский вначале исправил: «Покорствоваться святым...» *При слаждотных лучах.* — Помета Вяземского: «В этом отрывке на каждом стихе должно восклицать: «Прекрасно! прекрасно! (разумеется, в предыдущем)». Далее Вяземским записана общая характеристика послания (см. выше).

П. А. Вяземский к Жуковскому (стр. 235). — *Вяземский. 1935*, с. 104, где текст воспроизведен по несохранившемуся автографу. Печатается по нижнему слою текста авторизованной копии (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 855, л. 4—6). Имеется более ранний автограф (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 856, л. 17—18 об.) со следующими пометами Жуковского:

против ст. 5: «на успехи право»; т. е. грамматическая помета (у Вяземского: «к успехам равным право»);

в ст. 8 подчеркнуто «сотрудников на упокой» и на поле помета: «Не понятно»;

в ст. 21 у Вяземского было: «Прижась к стене прошу...», что вызвало помету Жуковского: «Прижась нельзя, надобно прижавшись».

ст. 40 был: «С Вдыхаловым на дне я стукнул головой», что вызвало возражение Жуковского: «Это неправильно: стукнуть об чего-нибудь»;

ст. 41 был: «Жуковский, факел мой, будь мой хранитель-гений»; Жуковский подчеркнул «факел мой» и «хранитель-гений» и на полях пометил: «Что-нибудь одно»;

против ст. 42 помета: «На беду мою воюющих лишнее»;

ст. 45—46 были: Скучаю, признаюсь, от многих разговором.

Иной мне говорит, меня обмеря взором:

Жуковский подчеркнул «Иной мне говорит» и предложил заменить на: «Трепчоткин»;

против ст. 63 помета: «Дурен <стих> перестановкой слов»;

против ст. 67 помета: «Это темно»;

против ст. 70 помета: «Этого я не понимаю. Ты, верно, хотел сказать *иль довольствуешься в молчании*»;

против стиха 71, который был: «Пусть Милорадович любезен сколь и смел», Жуковский написал: «Кажется Милорадович тебе любезен сколь тебе смел. Надобно непременно прибавить: *он сколь он смел*»;

против ст. 109—110 помета: «Эти два стиха ни к чему не при-вязаны»;

ст. 112 был написан нечетко, и Жуковский пометил: «Этого я не разобрал»;

ст. 124 подчеркнут с пометой «*Поправь*», возможно, относящейся не только к последнему, но и ко всему тексту стихотворения. Выбор настоящей редакции, отчасти исправленной в соответствии с замечаниями Жуковского, объясняется не только ее законченностью, но и тем, что именно она обсуждалась в кругу будущих арзамасцев: копия почти идентичного текста сохранилась в архиве братьев Тургеневых (ИРЛИ, ф. 309, № 1032); близкий вариант был послан Батюшкову (этот автограф не сохранился). В письме к Вяземскому от 9 мая 1813 г. последний дал стилистический разбор послания (см. с. 352 наст. тома).

Вддыхалов — П. И. Шаликов. *Свистов* — Д. И. Хвостов. *Тиртей другой...* — Жуковский (см. «Тиртею славян»). *...Гимн его...* — «Певец во стане русских воинов» Жуковского. *С восторгом помню я...* — Вяземский участвовал в Бородинском сражении. *Лже-Пиндару* — в автографе, опубликованном Нечаевой, — «Шихматову», т. е. стих метит в Ширинского-Шихматова. *Димитрий и Фингал*. Речь идет о драмах Озерова «Димитрий Донской» (1806) и «Фингал» (1805). «*Дебора*» — единственная трагедия Шаховского (1810); не имела сценического успеха. *Раскол* — так в среде арзамасцев именовались беседчики. «*Все роды хороши, но скучный нестерпим*». — «*Tous les genres sont bons hors les genres ennuyeux*». — Цитата из предисловия Вольтера к изданию своей трагикомедии «Блудный сын» (1738). *Недавно кто-то здесь для желтого журнала* и т. д. — Имеется в виду журнал П. И. Шаликова «Аглая», вышедший в 1812 г. в желтой обложке; эпиграфом к журналу был взят указанный выше стих Вольтера.

Послание к Жуковскому из Москвы, в конце 1812 года (стр. 238). — Труды ОЛРС, 1816, ч. 6, с. 35. Ранняя редакция стихотворения под заглавием «К. Жуковскому», с подзаголовком «1813 год» зафиксирована в ряде авторизованных копий и в двух автографах, один из которых содержит следующие пометы и правку Жуковского:

против ст. 7—8 — помета: «*Прекрасно*»;

в ст. 9 подчеркнуто слово «*красится*» и на поле помета: «*Прежних лет не очень печать видна*»;

против ст. 11: «Этому стиху надлежало бы быть быстрым, а он выпадает»;

в ст. 15 в этой редакции было: «И степь полей...», что вызвало замечание Жуковского: «Нельзя сказать *степь полей*» и правку Вяземского: «степь» — на «вид»;

против ст. 19, имевшего вид: «Есть ныне край и слез и нищеты», помета: «*Край слез* неясвенно выражен»;

против ст. 27—28, которые в первоначальной редакции читались:

Где думал он, склоня главу на грудь
Дочернюю, сном вечности заснуть

написан рукою Жуковского вариант, вошедший в основную редакцию;

начиная со ст. 37 до конца текст отчеркнут на полях, с пометой: «Прекрасно!» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 856, л. 3—3 об.). Стихотворение навеяно реальными впечатлениями от разрушенной Москвы, в которую Вяземский возвратился в начале 1813 г.

4 марта 1816 г. читалось у А. И. Тургенева вместе с посланием «К перу моему» (письмо А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу от 7 марта 1816 г.— ИРЛИ, ф. 309, № 382, л. 139).

А. Ф. Воейков. К Ж(уковскому) (стр. 239).— ВЕ, 1813, № 5—6, с. 26—30. Послание характерно как выражение эстетической позиции Воейкова, пытавшегося подвинуть Жуковского на создание болшой «описательной» или «сказочной» поэмы.

Со друзьями ли беседуешь...— Последующие стихи — вариация мотивов стихотворения Жуковского «К Делию (Из Горация)» (1808—1809). *Иль с Людмилою тоску делишь... Иль с Светланой прелестною...*— Отсылка к одноименным балладам Жуковского. *Соверши двенадцать подвигов...*— Здесь поэт уподобляется Гераклу; этот мотив будет разворачиваться на протяжении всего стихотворения. *Напиши четыре части дня, // Напиши четыре времени...*— Намек на поэмы Ж. Делиля «Сельский житель» (ее композиционным центром был описательный эпизод — «Четыре времени года»), дидактическую поэму Дж. Томсона «Времена года» (внутри которой в свою очередь возникает описание одного дня — от рассвета до поздней ночи) и т. п. Впоследствии Воейков сам перевел несколько описательных фрагментов из поэм Делиля (Полярная звезда на 1824 г.; Новости литературы, 1824, № 16). *Напиши поэму славную, // В русском вкусе повесть древнюю...*— Именно Воейков выступил инициатором обращения Жуковского к замыслу старинной сказочной поэмы «Владимир». *Будь наш Виланд, Ариост, Баян!* — Намек на сказочную поэму Виланда «Оберон», поэму Л. Ариосто «Неистовый Роланд» и на неведомые сочинения легендарного древнерусского барда. *А Платов, который так, как волк...*— Отсылка к характеристике Платова в «Певце во стане русских воинов» Жуковского, построенной на реминисценциях из «Слова о полку Игореве».

К. Н. Батюшков. К Д(ашко)ву (стр. 243).— Санкт-Петербургский вестник, 1812, № 10, с. 26—28, под заглавием: К Д. В. Д. (номер вышел весной 1813 г.). Печатается по: Б а т ю ш к о в К. Н. Опыты в стихах и прозе, ч. 2. Стихотворение неоднократно перепечатывалось на протяжении 1810-х гг. Датируется мартом 1813 г. Написано в пору, когда Батюшков ожидал находившегося на излечении «израненного героя» — генерала А. Н. Бахметева, к которому был назначен адъютантом. В стихотворении отразились впечатления Батюшкова от путешествия по разоренной России и от посещения разрушенной и сожженной Москвы. Своеобразный конспект первой части послания содержится в письме Батюшкова Гнедичу от октября 1812 г. (*Батюшков*, т. III, с. 208—209). В изображении ужасов наполеоновского нашествия Батюшков отчасти опирался на «Письма из Москвы в Нижний Новгород» И. М. Муравьева-Апостола (в частности, на письма 1 и 2 — *СО*, 1813, № 35, 36); с Муравьевым-Апостолом Батюшков тесно общался осенью 1812 г. в Нижнем Новгороде и, вероятно, был знаком с его «Письмами...» (или с их замыслом) еще до публикации. Жуковский, откликаясь на появление стихотворения в *СО* (1813, № 31, с. 209—210), писал Вяземскому 26 сентября 1813 г.: «Читал ли ты в «Сыне отечества» маленькое послание Батюшкова к Дашкову? Прекрасно! прекрасно! Этот пипинька превосходный поэт! Зачем черт его понес в службу? Кто тогда станет за него писать?» (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1909-а, л. 5).

⟨Послание к А. И. Тургеневу⟩ (стр. 244).— Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год Б. Федоровым. СПб., 1827, отд. «Стихотворения», с. 6—8. Начиная с Л. Н. Майкова датировалось приблизительно 1817—1818 гг.—временем после выхода «Опытов в стихах и прозе», куда стихотворение не вошло. Л. В. Тимофеев уточнил датировку и отнес послание к лету 1812 — ноябрю 1814 г. (*Русская литература*, 1981, № 1, с. 136—139). А. Л. Зорин установил, что стихотворение написано в середине мая — начале лета 1813 г. (*Известия АН СССР. Серия лит. и яз.* 1988, № 4, с. 372). В стихотворении речь идет о посещении дачи А. Н. и Е. М. Олениных в Приютино, близ Петербурга.

Вандиков ученик...— Т. е. наследник искусства выдающегося фламандского портретиста А. Ван Дейка. *Он пишет их портреты...*— Кивренским действительно были созданы портреты Крылова, Гнедича и самого Батюшкова; некоторые из них сохранились. *Как пишет Тянислов...*— Полемическое прозвище восходит к комедии Крылова «Проказники»; в ней, по свидетельству Н. И. Греча, под этим именем выведен будущий беседчик П. И. Карabanов. Насмешки над Карabanовым были распространены в среде карамзинистов (см. письмо В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому от 8 февраля 1812 г.). *Иль Балдусы писали, // Забыл и вкус и ум.*— Отсылка к посланию В. Л. Пушкина

«К В. А. Жуковскому» («К дружине вопиет наш Баддус велегласно») и к его шутиливой поэме «Опасный сосед» («Ну, к черту ум и вкус! пишите в добрый час!»); соответствующая строка из «Опасного соседа» восхищала Батюшкова (см. его письмо Гнедичу от 29 мая 1811 г.).

П. А. Вяземский. К Тиртею славян (стр. 246).— *Вяземский. ПСС*, т. 3, с. 39. Печатается по: *Вяземский. 1986*. Имеется ранний вариант под заглавием «К Тиртею [Андреевичу]» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 856, л. 5) со следующими пометами Жуковского:

ст. 6—7 отчеркнут и на поле: «Славно»;

к ст. 22: «Хорошо бы тут язык, он отомстит, мне-то кажется, что ты говоришь огласит языком, а это едва ли прилично»;

к ст. 26: «Этот стих при всей своей лучезарности тяжеловат. C'est un clair-obscur. Не на Мерал(якова) ли фабрике он отработан: смежил»;

к ст. 30: Этот стих дурен: проводит в свод — не хорошо, как-нибудь иначе; или спустилась».

Стихотворение явилось откликом на смерть М. И. Кутузова (16 апреля 1813 г.). *Тиртей славян*.— Вяземский называет Жуковского именем древнегреческого автора гимнов, имея в виду его патриотическое стихотворение «Певец во стане русских воинов». *О сколь тебе прекрасен перед строем...*— Парафраз строк из «Певца...» Жуковского, обращенных к Кутузову («О сколь с израненным челом // Пред строем он прекрасен!»). *Кипарис* — поэтический символ траура.

В. Л. Пушкин. К Д. В. Дашкову (стр. 247).— *ВЕ*, 1814, ч. LXXIV, № 7 (апрель), с. 208—212. В одном из автографов, сохранившемся в альбоме Д. А. Остафьева (*ИРЛИ*, ф. 244, оп. 1, № 1757), авторская помета: «Нижний Новгород, 1813 года» (Садовской Борис. Новый автограф Пушкина.— *Лукоморье*, 1915, № 16, с. 11). В «Стихотворениях Василия Пушкина» (СПб., 1822, с. 18—23) — ряд стилистических поправок. Печатается по первой публикации. Об обстоятельствах создания см. письмо Д. В. Дашкова к Д. Н. Блудову 15/27 октября 1813 г., там же — оценка послания адресатом: «весьма посредственно». Перечитав послание в изд. 1822 г., Дашков шутиливо спорит с А. М. Пушкиным, другом и постоянным оппонентом В. Л. Пушкина: «Неблагодарный! Он сердится за то, что в нескольких стихах предан бессмертию. Но мои чувства совсем не таковы. Я три раза благодарю нашего Старосту за его послание ко мне, где он так верно исчислил пропавшие свои образы и кенкеты...» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1820, л. 19 об.).

...в стране, // Где Волга...— В Нижнем Новгороде. *Четверкою лихою, // Каретой дорогою...*— Поэт вспоминает свои потери во время занятия Москвы французами, ср. в письме Вяземскому 14 де-

кабря 1812 г.: «Я потерял все движимое мое имение. Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоценная моя библиотека,— все сгорело» (РА, 1866, № 2, стлб. 241). *Кенкеты* — большие комнатные лампы. *Иному туз бубновый...* — Намек на А. М. Пушкина (ср. в цитированном письме к Вяземскому — РА, 1866, № 2, стлб. 242). *Пусть юный наш поэт... Мой Аристарх гонитель...* — Здесь и далее говорится о М. В. Милонове, высмеявшем В. Л. Пушкина в сатире «К моему рассудку» (1812); см. также письмо В. Л. Пушкина к Д. Н. Блудову 23 мая 1812 г. и примеч. к нему. *Стихи мои прочтет, // В сатиру их внесет...* — В стихотворении «К моему рассудку» есть цитаты и перифраз из «Двух посланий» и «К любимцам муз» В. Л. Пушкина. *И в чин произведен // Сотрудника дружины...* — Намек на то, что появление в ЧвБ (1812, кн. 6, с. 116—117) «К Меценату. Подражание Горацию» Милонова было своеобразной платой за нападки на В. Л. Пушкина. *Природы бич, злодей — Наполеон. Отечества спаситель...* — Кутузов. *Бард Севера...* — Вероятно, Державин. *И милых лар своих // Певец замысловатый...* — К. Н. Батюшков, автор послания «Мои пенаты», оказавшего сильное воздействие на настоящее стихотворение (как и на «Городок» А. С. Пушкина — см.: То м а ш е в с к и й Б. В. Пушкин, кн. 1, с. 70—71). *Вот твой совет полезный...* — В изд. 1822 г. «твой» исправлено на «мой». *Терпение, любезный!* — Стих обыгран в «Речи Светланы члену Вот, лежащему под шубами» (9-е заседание «Арзамаса»).

В. А. Жуковский. К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину (стр. 250). — Российский музей, 1815, № 6, с. 257 под заглавием «Послание к Вяземскому и Пушкину». Черновой автограф в тетради «Долбинские стихотворения» (ЦГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 13, л. 4—5), с датой «13—16 октября» и с предваряющим текст прозаическим конспектом (см. Жуковский В. А. Собр. стихотворений. Под ред. П. А. Ефремова. Изд. 9-е. СПб., 1895, т. 1, с. 529). Беловой автограф (окончание неизвестной рукой) в альбоме Вяземского (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5083, л. 274—275), с небольшой стилистической правкой В. Л. Пушкина (почти не учтенной в окончательном тексте) и правкой первых двух стихов рукою Вяземского: у Жуковского первые два стиха были:

Ты, Вяземский, прямой поэт!
Ты, Пушкин, стихотворец-горе!

то есть Пушкин — горящий поэт. «В детском простодушии ему (Жуковскому) и не приходило в догадку, что Пушкин мог обидеться,— писал позже Вяземский, объясняя свою правку тактическими соображениями литературной борьбы.— Насилу уговорил я его переменить стих, которым насмешники могли бы заклеить нашего доброго приятеля» (Вяземский П. А. Объяснения к письмам

Жуковского.— *РА*, 1866, № 6, с. 877). Настоящее послание — одно из трех стихотворных «эпистол», которыми Жуковский откликнулся на поэтический диалог своих друзей (см. опубл. ниже послания В. Л. Пушкина и «Ответ» Вяземского (с. 277 и 279); ср. также открывшее тему диалога послание В. Л. Пушкина «К В. А. Жуковскому», с. 202). Две другие стихотворные «эпистолы» Жуковского при жизни поэта не публиковались (впервые: *РА*, 1866, № 6, с. 863, 865). Первое из них («Вот прямо одолжили...») представляет собой разбор и критику посланий Вяземского и Пушкина, а второе (фактически третье), от 17 октября («На этой почте все в стихах...») подводит итог дискуссии. Выбор второго послания для публикации в наст. изд. продиктован особым местом, занятым им в арзамасской борьбе. Содержащийся здесь упрек в адрес влиятельных завистников, сыгравших трагическую роль в судьбе В. А. Озерова («*Димитрия творца*»), что современники однозначно расшифровывали как намек на Шаховского, по всей видимости, спровоцировал появление образа Фиалкина в «Липецких водах».

Мемнон. — Имеется в виду статуя египетского фараона Аменхотепа III близ Фив, которую греки называли именем героя послегомеровских мифов, сына богини Эос. По преданию, статуя на утренней заре издавала жалобный звук, и считалось, что душа Мемнона приветствует свою мать. *Моина* — героиня трагедии Озерова «Фингал». *Он вопрошает у веков*. — Речь идет об «Истории государства Российского».

П. А. Вяземский. К Батюшкову (стр. 253). — *Вяземский. 1935*, с. 84. Послание относится к 1814 г., ко времени возвращения Батюшкова из заграничного похода.

...над Волгой // Прощанья тяжкой час? — Речь может идти о прощании поэтов в конце 1812 г., когда Батюшков приезжал из Нижнего Новгорода к Вяземскому, проживавшему с семьей в Вологде. О встрече их в каком-либо волжском городе («над Волгой») в это время сведений нет. *Вождя царей и царств...* — Александра I. *А завтра из дворца // Изгнанник торопливый!* — Намек на события Великой французской революции. *Ты был в столице шумной...* — В Париже. *Порфиросный странник // Вступает на престол.* — Людовик XVIII. *Полночь* — здесь: Россия. *Твой бог* — Амур.

А. Ф. Воейков. Дашкову (стр. 255). — Современник, 1857, № 3, Библиография, с. 86—88. Печатается по: Русская литература, 1986, № 3, с. 120—121 (текст, выделенный на основании ряда списков С. А. Кибальником). В записной книжке Вяземского послание снабжено стихотворным «Постскриптумом» (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1104) с пометой Вяземского: «Постскриптум Жуковского». Это стихотворение Жуковского впервые опубликовано В. С. Нача-

евой (Русская литература, 1962, № 4), вторично, с некоторыми уточнениями — С. А. Кибальником (там же, 1986, № 3, с. 123):

Мое postscriptum, брат Дашков!
Нельзя ли усмирить певцов
Твоею прозою целебной
И заглянуть с твоим пером
В Парнасский сумасшедший дом?
Какой-то, слышу, дух враждебный
Поэтов так перемутил,
Что Феб, узнав, их заключил
В бедлам. Теперь за нумерами
Опутанные кандалами,
Обритые, табак жуют,
И все, как думные, поют.
Смотри, о горе! вот в чулане
Сидит наш друг, певец во стане,
И горькую микстуру пьет,
И ей в бесовском исступленьи
«Хвала, Микстура» вопиет.
Вот наш Воейков в заточеньи,
Наш стихотворец-готтентот,
За то, что силой русска слога
Преобразил, забывши Бога,
Сады Делиля в огород
И на Вергилия грозился
Напасть с гекзаметром врасплох!
Три сотни б насчитать я мог!
Но видишь, сам я очутился
В конце страницы и письма!..
Войди! Здесь стихотворцев тьма:
В чулане каждый, с каждым лира!
Что здесь услышишь, запиши,
И будет добрая сатира —
Мы посмеемся от души!

Написано в середине мая — начале июня 1814 г. (см. письмо Дашкова Вяземскому от 25 июня 1814 г. в 1 т. наст. изд.). И послание Воейкова, и «Постскриптум» Жуковского свидетельствуют о кристаллизации замысла «Дома сумасшедших» Воейкова в обстановке муратовской «галиматийности». Когда нелепый Мерзляков... — Мерзляков преподавал в Московском университетском пансионе, где учился Дашков. *М(ило)нов послан сатанюю...* — М. В. Милонов, соученик Дашкова по пансиону, первоначально принадлежал к числу его приятелей. Однако к концу 1811 г. между ними произошел разрыв (обстоятельства и причины его до конца не ясны); под именем Злослова Дашков выведен в сатире Милонова «К моему рассудку» (1812); Милонов принимал также активное участие в изгнании Дашкова из *ВОЛСНХ. Страшнейший мчится неприятель...* — Шишков; подразумевается полемика между Шишковым и Дашковым в 1810—1811 гг. (см. наст. том). «Я певец Петров!» — Намек на поэму Грузинцева «Петриада». *Хвостов Расина распинает.* —

В 1814 г. вышло 3-е изд. трагедии Расина «Андромаха» в переводе Д. Хвостова.

А. С. Пушкин. К Батюшкову (стр. 258).— Российский музей, 1815, № 1, с заглавием «К Б-ву» и с подписью: «1... 14—16». Датируется июлем — октябрем 1814 г. по подписи, которой Пушкин пользовался в мае — октябре этого года (Цявловский и М. А. Статьи о Пушкине. М.— Л., 1962, с. 85, 87), почерку автографа и времени выхода «Моиx пенатов» Батюшкова, знакомство с которыми ощущается в стихотворении (начало июля 1814 г.— см.: *СПб. вед.*, 1814, № 54, 7 июля). Предполагается, что поводом к посланию было возвращение Батюшкова из заграничного похода в июне 1814 г. (*Батюшков*, т. III, с. 282) и декларированный им в послании «К Дашкову» отказ от гедонистических тем своего раннего творчества. «Вызов писать стихи» в начале послания традиционен, однако он имел для Пушкина реальные субъективные основания. Можно думать, что Пушкин следил за публикациями Батюшкова в «Пантеоне русской поэзии», где в кн. 1 части I были напечатаны «Моиx пенаты» и две незначительные эпиграммы; в кн. 2 (вышла в августе 1814 г.— *Моск. ведомости*, 1814, № 67, 22 августа, с. 1642) стихов Батюшкова не было совсем; в кн. 3 (часть II) (вышла в сентябре 1814 г.— там же, № 78, 30 сент., с. 1887) появилось послание «К Дашкову» и (без подписи) «Разлука»; кн. 4 (с посланием «К Ж(уковско)му» и «Пленным», также без подписи) вышла уже после послания Пушкина (*Моск. ведомости*, 1814, № 101, 19 декабря, с. 3386). Таким образом, если стихотворение Пушкина написано в сентябре — октябре, у него могло создаться впечатление сознательного и декларированного отказа Батюшкова от поэтического творчества.

Философ резвый и пшит...— Ср. в «Моиx пенатах»: «Философ и пшит» (об И. И. Дмитриеве). Последующие строки также варьируют фразеологию «Моиx пенатов» («любимцы славы», «наперники забавы», «беспечные ленивцы», «философы-счастливыцы» и пр., ср. также стихи 20—34 и 69—148 «Моиx пенатов»). *Уже с венком из роз душисты...*— Здесь и далее (в ст. 11) парафразы из «Веселого часа» Батюшкова. *Певец Тиисский* — Анакреонт (VI в. до н. э.), уроженец ионийского города Теоса. *Когда ж к тебе в досужий час* и т. д.— Отзвук рассказов о дружеских вечерах у Ф. Ф. Иванова и Вяземского, где Батюшков бывал в 1809—1810 и в 1811 гг. См. примеч. к «Застольной песне» Вяземского в наст. изд. Ср.: *Батюшков*, т. III, с. 86, 155, 674—675; Майков Л. Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб., 1896, с. 84 и след. Самое описание варьирует формулы «Моиx пенатов» и связанных с ними посланий Вяземского (например, «К партизану-поэту», 1814; опубл. 1815), Жуковского («К Батюшкову», 1812, опубл.—1813) и др. *От ялена с греском сво-*

бодясь.— Вариация стиха из «Любителя нынешнего света» Д. О. Баранова («Со треском свободясь, обрызгивая всех, // Звездами, искрами шипя летит из плена». — Собр. русских стихотворений, изд. Василием Жуковским, ч. IV. М., 1811, с. 91). *С Жуковским пой кроваву брань...*— Имеется в виду «Певец во стане русских воинов». *И ты в строях ее встречал...*— Пушкин ссылается на «Воспоминание» Батюшкова (в ранних редакциях — «Воспоминания 1807 года»), где описывается участие Батюшкова в битве под Гейльсбергом 29 мая (10 июня) 1807 г., где он был ранен. *Иль вдохновенный Ювеналом...*— Подразумеваются «Видение на берегах Леты» и «Певец, или Певцы в Беседе славено-россов». *Но Тредьяковского оставь...*— Существует предположение, что эти строки возникли под впечатлением прочитанного Пушкиным трактата Радищева «Памятник дактило-хореическому витязю», вошедшего в ч. IV его собр. соч. (ч. 1—4, 1807—1811), где Радищев взял под защиту стихотворные эксперименты Тредиаковского. Под воздействием Радищева Пушкин в 1814 г. начал писать поэму «Бова». См.: Б л а г о й Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.— Л., 1950, с. 89. Вероятнее, однако, что Пушкин указывает Батюшкову на более актуальные объекты сатиры (см. ниже). *Пера достойных твоего.*— После этого стиха в рукописи следовало:

Скажи по милости Графону,
 Ползком ползущу к Геликону,
 Чтоб перестал писать, писать
 И бедных нас морить со скуки.
 Скажи ему, что наши внуки
 Не станут вздор его читать.
 Все, все, позволено поэту:
 Скажи всему, коль хочешь, свету,
 Что <Висковатов> невпопад,
 Уродов выставя на сцену,
 Визжать заставил Мельпомену;
 Что Клит был добрый человек,
 Тихонько проводил свой век,
 Своим домком спокойно правил
 И жил без горя, без забот,
 Покамест не печатал од,
 Где здравый смысл вверх дном поставил,
 Где вы навидитесь всего,
 Где все чудовища геенны —
 На жертву агнцы обреченны...
 Где нет лишь смысла одного;
 Что с горя ныне иссыхает;
 Что неуклюжий славянин,
 Изменник ревностных дружин,
 Варяжски песни затевает
 Теперь на дудочке простой
 И слогом древности седой
 В деревню братьев приглашает.
 Сошел с ума — и в пастухи!
 Вот какво писать стихи!

Скажи по милости Графону... — Графон — Д. И. Хвостов. Стих «ползком ползущу» в одной из копий подчеркнут, что обычно означает цитату. Может быть, Пушкин варьирует строку Хвостова «Ползущих на Парнас не умножай числа» из стихотворения «О красоте русского языка» (СПб., 1814, ценз. разр. 13 августа). *Что... не-попад Уродов выставя на сцену, // Визжать заставил Мельпомену.* — П. В. Анненков, располагавший ныне утраченной копией первой редакции стихотворения, заменил точки фамилией «Висковатов»; чтение это в настоящее время общепринято. Вероятно, Пушкин опирается не столько на собственные впечатления от трагедий Висковатова, сколько на рецензию Жуковского на переведенную Висковатовым трагедию Кребиллона «Радамист и Зенобия» (ВЕ, 1810, № 22), где перевод был подвергнут резкой критике; самое слово «визг» могло быть подсказано этой статьей («ухо, легко оскорбляемое скрипом и визгом проклятых от Аполлона слов», ср.: Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985, с. 256). У Пушкина употребление этого слова каламбурно (Визгов — Висковатов, ср. «Городок»). *Что Клит был добрый человек...* — Противопоставление «доброего человека» и «дурного автора» см., например, в послании В. Л. Пушкина «К В. А. Жуковскому» («Арист душою добр, но автор он дурной»), где имеется в виду А. С. Шишков. Иногда «Клит» в этой строке раскрывается как «Державин» (Пушкин. ПСС, т. 1, с. 506; Справочный том (М.—Л), 1959, с. 241, 185 (под словами «Клит», «Державин»); предполагается, что последующие строки имеют в виду стихотворения Державина «К Евгению. Жизнь Званская» и «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества» (см. примеч. к стих. «Тень Фонвизина»); эту гипотезу нельзя считать окончательно доказанной. *Что неуклюжий славянин...* — По разъяснению М. А. Цявловского (корректурa примеч. к т. 1, Пушкин. ПСС, ИРЛИ), речь идет о стихотворении С. А. Ширинского-Шихматова «Сельский житель» (1814 г. Месяц Цветень), с идилическим описанием сельского уединения (отсюда «изменник ревностных дружин»). Стихотворение посвящено брату автора, П. А. Ширинскому-Шихматову («в деревню братьев приглашает»). *Сошел с ума — и в пастуши!* — Ср. в «Сельском жителе»:

Покоит тварей бессловесных
И души милует скотов,
Служащих для потреб телесных
Товарищей его трудов;
Блюдет, чтоб здравые жилища
Хранили оных бытие,
Чтоб им не оскудела пища
И не иссякло питье.

П. А. Вяземский. К партизану-поэту (стр. 261). —
Новости литературы, 1823, № 2, с. 27, с подзаголовком: «1814 года»

и с вариантами в ст. 3, 4, 7—10, 15. Печатается ранний текст послания по трем авторизованным копиям (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 860, л. 11—12; там же, ед. хр. 862, л. 11—13; там же, л. 46—47) и по идентичной им копии в арх. братьев Тургеневых (*ИРЛИ*, ф. 309, № 1032). Первое из дошедших до нас стихотворных обращений Вяземского к Давыдову.

Дуломан (доломан) — гусарская куртка, на которую накидывается ментик. *Геоorgia приятно зреть*. — Давыдов был награжден орденом Георгия 4-й степени за боевые отличия в кампании 1812 г.

К друзьям (стр. 261). — Российский музей, 1815, № 2, с. 132. Обращено к Жуковскому и Батюшкову.

Пени — упреки. *Воспел царя-героя*. — Имеется в виду «Надпись к бюсту императора Александра I», опубли. в брошюре по случаю празднования взятия Парижа (М., 19 мая 1814 г.). *И мать счастливая увенчанного сына* и т. д. — Вдовствующая императрица Мария Федоровна с одобрением отозвалась о надписи Вяземского. *И Рубан при одном стихе вошел в храм славы!* — Имеется в виду «Надпись к камню, назначенному для подножия статуи императора Петра Великого (1770). *Порядочным стихом промолвится Гашпар*. — Ср. эпиграмму Вяземского «Мадригал Гашпару» (с. 178 наст. тома).

В. А. Жуковский. К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям (стр. 263). — Отрывок, от слов «Надежда сердцем жить в веках...» — Российский музей, 1815, № 3. Написано 8—9 ноября 1814 г., входит в «Долбинские стихотворения». Ответ на послание Вяземского «К друзьям», откуда и взята выделенная курсивом цитата.

Сабинский уголок — поместье Горация (Флакка). *Поток* — Бандузский ключ в имении Горация (см. Гораций. Оды, III, 13).

К Воейкову (стр. 266). — Современник, 1856, т. 60, № 11. Смесь (публикация М. Н. Лонгинова, с раскрытием зашифрованных имен); *РА*, 1864, стлб. 1022 (публикация П. А. Вяземского), с датой «21 дек.». Написано 21 декабря 1814 г. Входит в «Долбинские стихотворения».

...*Андромаху* — перевод «Андромахи» Расина гр. Д. И. Хвостовым. ...*Греш* — сочинений Т. Греш в переводе П. И. Голенищева-Кутузова, переводившего также Сафо и Пиндара (см. примеч. к речи Вяземского в арзамасских протоколах). *И. Электрой, и Орестом*. — Имеется в виду трагедия «Электра и Орест» (1810) А. Н. Голенищева. Критический разбор этой трагедии сделал Жуковский (*ВЕ*, 1811, № 7; Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985, с. 264—272). *Ик* — название начертания церковнославянского «у».

Хлыстов — Д. И. Хвостов. *Пустопузов* — по объяснению М. Н. Лонгинова, С. А. Ширинский-Шихматов. *Груздочкин-траголюб* — А. Н. Грузинцев. *Фирс коротконогий* — возможно, П. Ю. Львов, отличавшийся малым ростом; *«полон треску и огня»* — насмешка над высокопарной патетикой сочинений Львова. *«Сады»* — описательная поэма Ж. Делиля, переведенная Воейковым (1806—1815); хронологию перевода см.: Д е л и л ь Ж. Сады. Изд. подг. Н. А. Жирмунская, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, И. Я. Шафаренко. Л., 1987, с. 225—226. *Под капустой в огороде!*... — Возможно, намек на памфлет А. Ривароля «Капуста и брюква. Г-ну Делилию на его поэму «Сады» (1782); см. русский перевод в кн.: Д е л и л ь Ж. Сады, с. 94—95, 225. Ср. «Постскрипtum» (с. 524 наст. тома).

Ареопагу (стр. 270) — РА, 1864, № 10. Написано во второй половине декабря 1814 — январе 1815 г., входит в «Долбинские стихотворения». Стихотворный ответ на замечания на послание «Императору Александру», сделанные по просьбе Жуковского Батюшковым и Воейковым (см. ниже). Замечания Батюшкова содержались в его письме А. И. Тургеневу от октября — ноября 1814 г. (см. *Батюшков*, т. III, с. 299—302 и в наст. изд.); послание «К Ареопагу» непосредственно связано с этим письмом (см. коммент. к нему). Почти все варианты, предложенные Жуковским в послании, вошли в окончательный текст; исключения см. ниже.

Спешащих раздробить еще престол свободы. — В окончательном тексте: «истребить». *Там все — и весь, и град, и храм — зывало: брань!* — В окончательной редакции Жуковский вернулся к первому варианту («Там все, и сам Христов алтарь, зывало: брань!»); следующие стихи — как в послании. *И мздой свой бедный одр...* — В печатной редакции — как в первоначальном варианте: «свою постель». *Я с бурями венца отважно остаюсь.* — В печатной редакции Жуковский принял поправку Батюшкова («бурь земных»). *И вслед ему всяк час за ратью рать летела...* — Этих стихов в печатной редакции нет.

П. А. Вяземский. К партизану-поэту (стр. 274). — Амфион, 1815, № 4, с. 71. Печатается по этому источнику с правкой ст. 2—3 по авторизованным копиям (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 855, л. 11—13 об.; ЦГАЛИ, т а м ж е, ед. хр. 862, л. 11—13 об.) и по копии в арх. братьев Тургеневых (ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 1032), т. к. эти стихи изменены по цензурным соображениям (в печатном варианте: «Не той волшебницы слепой // И благосклонной и спесивой»). В стихотворении имеются в виду служебные неудачи Давыдова, который, вернувшись в июне 1814 г. в Москву из заграничных походов, получил уведомление о якобы ошибочном провозе его в чин генерал-майора (за сражение под Бриенном); недоразумение разрешилось лишь в начале 1815 г.

Не потаскушке той слепой.— Речь идет о Фортуне, которая изображалась с повязкой на глазах. *Пусть грудь твоя... Не отливается игриво.*— Давыдов многократно был обойден наградами за боевые заслуги. *Au* — марка шампанского. *Aрак* — водка, приготовленная из риса, сахара или изюма.

В. Л. Пушкин. Послание к кн. Петру Андреевичу Вяземскому (стр. 277).— Российский музей, 1815, ч. I, № 2, с. 135—137; ценз. разрешение I ч.— 22 декабря 1814 г. Написано не ранее июля и не позже сентября 1814 г., что определяется датой в письме Д. В. Дашкова к Вяземскому 25 июня 1814 г. (о нем см. ниже) и временем создания Жуковским в Долбино трех посланий «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (16—17 октября 1814 г.), содержащих разбор не только стихотворений В. Л. Пушкина, но и ответа на него Вяземского (см. в наст. томе и Жуковский В. А. Собр. соч., т. 1. М.—Л., 1959, с. 224).

В прекраснейших стихах...— Карамзин Н. М. Освобождение Европы и слава Александра I. М., 1814; восторженно было принято стихотворение Вяземским и А. И. Тургеневым (ОА, т. 1, с. 22, 24), о критических высказываниях Шаховского см. в письме Дашкова к Вяземскому 25 июня 1814 г. *Корнелий* — П. Корнель. *Поэт чувствительный, питомец Мельпомены...*— В. А. Озеров; далее перечислены его трагедии «Димитрий Донской», «Фингал» и «Поликсена». *И Озерова нет.*— Имеется в виду душевная болезнь драматурга, по арзамасской легенде, вызванная завистливыми происками Шаховского (подробнее см.: Гиллельсон, с. 3—34). *Похвальных кучу од...*— Имеются в виду, в частности, стихотворения П. И. Голенищева-Кутузова: «Ода его императорскому величеству государю императору Александру Первому на покорение столицы Франции победоносным его оружием» (читана 25 апреля 1814 г. на празднестве в Московском университете.— Северная почта, 1814, № 37, 9 мая) и «Радостная песнь во славу бессмертных подвигов великого государя императора Александра Первого...» (1814). *Торжествовали здесь желанный всеми мир?*— По случаю взятия Парижа в доме Д. М. Полторацкого состоялось торжество, в организации которого принимал участие (в том числе и материальное — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5497, л. 2, 6) В. Л. Пушкин. Ему принадлежит краткое описание праздника в петербургской газете «Conservateur Impartial» (1814, № 5); за ужином пелись «Народная песня» и «Хор» В. Л. Пушкина, напечатанные затем в кн.: Вельяшев А. П. Описание праздника, данного в Москве 19 мая 1814 г. обществом благородных людей, по случаю взятия российскими войсками Парижа и счастливых происшествий, последовавших за занятием сей столицы» (М., 1814; перепечатаны: СО, 1814, № 26). *Зоицы подвиг наш и рвенья осуждали...*— Речь, возможно, идет о критических

замечаниях в адрес стихов Вяземского, высказанных Шаховским (см. о них в письме Дашкова к Вяземскому 25 июня 1814 г.). *Крез* (595—546 до н. э.) — царь Лидии, чье богатство вошло в поговорку. *Апеллес* — знаменитый греческий живописец (IV в. до н. э.). *Лукулл* (ок. 117 — ок. 56 до н. э.) — римский полководец, славившийся роскошью пиров. *Нужный курьер* — сверхважный. *Воейков... острой насмешит сатирой на глупцов...* — Вероятно, имеется в виду послание Воейкова к Д. В. Дашкову 1814 г., о котором упоминается также в письме Дашкова к Вяземскому 25 июня 1814 г.

П. А. Вяземский. Ответ на послание Василью Львовичу Пушкину (стр. 279). — Российский музей, 1815, № 3, с. 261. К стихотворной переписке поэтов присоединился и Жуковский, обратившийся к ним с тремя посланиями (см. с. 263 и примеч. на с. 528).

Ливия наследник. — Имеются в виду исторические труды Крамзина, в частности, его «История государства Российского».

К подруге (стр. 280). — *Вяземский. ПСС*, т. 3, с. 95. Печатается по: *Вяземский. 1986*, с. 84. Послание создавалось несколько лет: о нем упоминает впервые Батюшков в письме от 10 июня 1813 г.: «...я с нетерпением буду ожидать послания к княгине...» (*Батюшков*, т. III, с. 228). Первый вариант послания был закончен к июлю 1813 г. и подвергся серьезной критике будущих арамасцев — Батюшкова и Жуковского. Батюшков посвятил его разбору специальное письмо (см. с. 354 наст. тома). Имеется также ранняя редакция послания — копия рукой В. Ф. Вяземской (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 861) с пометами Жуковского, которые приводятся ниже.

Ст. 5—6 были: «И вечных болтунов//С вестями неразлучных». Жуковский подчеркнул слова «вечных» и «С вестями» и против ст. 5 написал: «Этот стих может заменить „И злых вестовщиков“ и следующий не лучше ли? — „С злословьем неразлучных“».

Между 9 и 10 ст. были строки: «Безграмотных писцов//Числящихся в поэтах». Слово «Числящихся» Жуковский подчеркнул как неудачное.

Ст. 10—14 подчеркнуты Жуковским целиком как неудачные.

В ст. 18 («Укроемся со мной») Жуковский подчеркнул первое слово и отметил: «Я думаю, здесь надобно бы было сказать куда укроемся».

Ст. 20—24 подчеркнуты Жуковским, и ниже его помета: «Батюшков прав: эти стихи растянуты: гораздо было бы лучше, если бы без всех прибавлений можно было сказать: приди под кров родной, где счастье, лишенное крыл дружбы, угостит нас и пр. На что здесь „неизменно“?»

Ст. 28 был: «Но в сроке юных лет». К нему имеется следующая

помета Жуковского: «Не знаю, правильно ли „в сроке“ и можно ли это поставить вместо „в течении“».

Против ст. 31—32 помета: «Прекрасно».

Ст. 33 был: «Путь гибелей и бед», что вызвало помету Жуковского: «Непременно в единственном» (слово «гибелей» здесь же исправлено Вяземским на «гибели»).

Ст. 28—51 отчеркнуты по полю и против них помета Жуковского: «Прекрасно!»

Против ст. 44—47 помета: «Не лучше ли переставить так:

Чтоб управлять счастливо
На нем челном своим,
Дар редкий особливый
Для нас необходим.

Ст. 53 подчеркнут и против него помета: «Это нехорошо. Что значит «сближает отдаленье»? Как-нибудь переменить. Но и вся эта статья мне не нравится. Нелепо говорить об усыплении страстей и прочее. Ты здесь думаешь <1 нрзб.> о том времени, когда возвратишься в уединение с женой своей и не имеешь, кажется, нужды говорить о том «счастливом времени», когда уединение и покой усыпят в ней бурное волнение страстей. Ты здесь написал не то, что хотел написать». Эта помета относится к следующим стихам.

Уже воображенье
Сближает отдаленье
Мне тех счастливых дней,
Когда уединенье,
Покой и размышленье
Смирят души смятенье
И усыпят страстей
В ней бурное волненье!

Ст. 62 (был: «Сорвавши плен цепей») вызвал помету Жуковского: «Этот стих достоин чистой огласки».

В ст. 65 подчеркнуто слово «свобожденный» и помечено: «Вместо „освобожденный“. Этих вольностей я не люблю. Да здесь это слово и лишнее».

Против ст. 69 («Знакомых голосов») вопрос Жуковского: «Каких?»

Против ст. 70—71 помета: «Прекрасно».

Против ст. 79—80 — «Очень хорошо».

Против ст. 84—85 — «Прекрасно».

К ст. 86 помета Вяземского: «Батюшков замечает, что нельзя сказать „спальной“, а надобно „спальни“, но разве нельзя сказать „спальная комната“?»

Против ст. 91 вариант Вяземского: «Не лучше ли „с лазурной высоты“?» и помета Жуковского: «Лучше».

В ст. 92 Жуковский отмечает грамматическую ошибку, пометая на полях: «бросаешь» (вместо «бросишь»).

Против ст. 93—94 помета: «NB. Не мало ли подробностей в этом изображении удовольствий уединения. Ты только упомянул об них и уже от них удаляешься».

Против ст. 102 помета: «Прекрасно».

Против ст. 106—107, которые в этом варианте были: «С несметной быстротою//В нем наши дни бегут», вариант Жуковского: «С какою быстротою//Дни наши побегут».

Против ст. 118—119, которые в этом варианте были: «Всю скуку, что питают // Они в своих душах» помета Жуковского: «Гордость и суета и подлость питают в своих душах скуку. Можно ли? Не лучше ли «Они в пустых душах».

Против ст. 120 помета: «Здесь нет связи с предыдущим. Нельзя ли так:

Столь медленно там время!
Там каждый миг как бремя
Тягчится на плечах

„Тягчится“ — нехорошо, выдумай что-нибудь другое».

Против с. 125—126 помета: «Эти 2 „и“ мне здесь скребут душу».

Против ст. 133—136, которые в этом варианте были:

Наперсник ведьм и Граций
И милый как Гораций
И страшный уж порой,
Как самый Громобой

Жуковский, отметив наречие «уж», написал на полях: «Не выдавай меня за ужа» (здесь же на полях Вяземский записывает новый вариант этих ст., близкий к окончательной редакции).

Против ст. 140—141 помета Жуковского: «Ох мне эти „и“!»

В ст. 143 было: «Цитерских тайн певец». Жуковский подчеркнул слово «тайн».

Против ст. 168 помета: «Превосходно!» Кроме того, на верху листа имеется общий вопрос Вяземского: «Прошу прочесть, перечесть и все заметить, что покажется вам требующим поправки. Скажите мне, что думаете о конце. Можно ли так заключить или нужно ли напомнить о главной цели, от которой я немного отошел. Впрочем, я кончил концом». Жуковский в ответ отчеркнул конец текста (со ст. 156) и на полях написал: «Конец прекрасен!»

Стихотворение обращено к жене поэта — Вере Федоровне Вяземской.

Бессмертной Клии сын — Карамзин. *Как самый Громобой.* — В этом и предыдущем стихе речь идет о Жуковском, названном именем персонажа его баллады «Двенадцать спящих дев». *Тибулл наш сладкогласный...* — Батюшков; Вяземский поджидал его осенью 1815 г.

из Каменец-Подольска в Остафьево. *Книда* — город в Малой Азии, в котором находился храм Венеры. *Тибур* — город близ Рима, в окрестностях которого располагалась вилла Горакия.

А. С. Пушкин. *Городок* (стр. 284).— Российский музей, 1815, № 7, с. 3—15, с подписью: «1... 17—14», без стихов 15—17, 186—189, 411—416, 419—422, 427—430 (купюры цензурного происхождения). Датируется условно, по историко-литературным реалиям (знакомство с посланием Батюшкова Жуковскому в кн. 4 части II «Пантеона русской поэзии», вышедшей в ноябре или декабре 1814 г.) и по времени употребления псевдонима-анagramмы — «1...17—14» концом 1814—июнем 1815 г.

Литературным образцом «Городка» является послание Грессе «*La Chartreuse*» («Обитель»); ближайшим источником — ориентированные на него «Мои пенаты» и связанные с ними арзамасские послания (Батюшкова, Жуковского и др.). В адресате послания предполагали реальное лицо — князя Н. И. Трубецкого (1797—1874), в 1815 г. чиновника Московского архива Коллегии иностранных дел (Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 226—227); более вероятно, однако, что адресат условен (Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1, с. 72—73).

Я нанял светлый дом.— Ср. в «Моих пенатах» описание жилища поэта, ставшее затем общим местом дружеских посланий. *Иль путник в домик мой...*— Ср. «Мои пенаты», ст. 49 и след. *Рифмов* — по определению Л. Н. Майкова (Пушкин. Сочинения, изд. имп. АН, т. 1. Изд. 2. СПб., 1900, с. 82, примеч.), — С. А. Ширинский-Шихматов (ср. «Рифматов» в послании «К другу-стихотворцу»); возможно, однако, что образ носит собирательный характер. *Друзья мне мертвецы...*— Подобное же перечисление любимых поэтов, с заключительным обращением к ним, см. в «Моих пенатах». Это место «Городка», говорящее об арзамасских симпатиях лицеиста Пушкина, полностью процитировал Белинский в четвертой статье о Пушкине (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, с. 284—287). *Скажу ль?.. отец Кандида...*— Возможно, это упоминание — полемический отклик на памфлетный выпад Шишкова против В. Л. Пушкина, где «Кандид» Вольтера символизировал безнравственную литературу (см. примеч. к посланию В. Л. Пушкина «К Дашкову»). *Питомцы юных граций...*— Ср. «Мои пенаты». *Но вот наперсник милый...*— И. Ф. Богданович, автор «Душеньки» (1778, полн. изд. 1783) на сюжет романа Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» (1669). Мнение, что Богданович превзошел свой образец живостью и самым фактом обращения к стихотворной форме, было высказано еще Карамзиным в статье «О Богдановиче и его сочинениях» (1803). *За ними, змурясь важно...*— «Лицей, или Курс древней и новой литературы» (т. 1—17, 1799—1805) Лагарпа слу-

жил в Царскосельском лицее основным пособием по истории литературы. *Визгова сочиненья, // Глупона псалмопенья...* — Пародийные прозвища беседистов — может быть, представляют собой обобщенные сатирические маски и поэтому расшифровываются лишь условно. Визгов — возможно, С. И. Висковатов (см. примеч. к стих. «К Батюшкову»). Под Глупоном обычно понимают Н. М. Шатрова, который «славился <...> подражаниями или переложениями псалмов Давида» (Аксаков С. Т. Собр. соч. в 4-х томах., т. 3. М., 1956, с. 10). Шатров принадлежал к кружку Н. П. Николева и выступал против Карамзина еще в 1790-е гг.; ср. иронические упоминания о нем в письме Батюшкова Жуковскому от августа 1815 г. (*Батюшков*, т. III, с. 346) и в сатирических стихах Вяземского «Сравнение Петербурга с Москвой» (до 1811): «У вас Хвостов, у нас Шатров» (см. с. 140 наст. тома). См. *Пушкин. ПСС*, т. I, с. 505 («Глупон»). *Хвала вам, чада славы...* — Цитата из «Певца во стане русских воинов» Жуковского. Ср. также в «Моиx пенатах» обращение к Жуковскому и Вяземскому («Но вы, любимцы славы...» и след.) *Князь, наперсник муз.* — По определению Л. Н. Майкова (Пушкин. Соч., изд. имп. АН, т. 1. Изд. 2. СПб., 1900, с. 82—83 примеч.), — князь Д. П. Горчаков, автор многочисленных сатирических сочинений (в том числе и «куплетов» — «нозлей»), расходившихся в списках. Горчакова-сатирика ценили и в арзамасских кругах (см. в наст. томе «Парнасский адрес-календарь» А. Ф. Воейкова). Отнесение этих строк к Горчакову в настоящее время общепринято. Между тем известная антикарамзинистская позиция Горчакова и самое положение фрагмента рядом со строками о Батюшкове и В. Л. Пушкине заставляют предположить, что адресат этих строк — князь Вяземский. Все характеристики «князя, наперсника муз» («игривый», «острый», «резвый» и т. д.) впоследствии будут повторены Пушкиным в поэтических обращениях к Вяземскому (см.: Вацуро В. Э. «Князь, наперсник муз» в пушкинском «Городке». — Русская речь, 1990, № 3). *И ты, насмешник смелый...* — Батюшков, с его «Видением на берегах Леты». *И ты, замысловатый Буянова певец...* — В. Л. Пушкин, как автор «Опасного соседа». Пушкин знал эту поэму уже, видимо, в 1811 г., когда вместе с дядей приехал в Петербург для поступления в Лицей. Существует рассказ (Д. Н. Блудова) о чтении В. Л. Пушкиным своих бесцензурных стихов в доме И. И. Дмитриева (лето—осень 1811 г.), когда, получив приказание дяди выйти из комнаты, Пушкин ответил: «Зачем вы меня прогоняете, я все знаю, я все уже слышал» (Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. 1. М.—Л., 1951, с. 23). В эти месяцы В. Л. Пушкин читал в Петербурге как раз «Опасного соседа» (см. письмо Д. В. Давыдова Вяземскому от 25 августа 1811 г. — Старина и новизна, кн. 22. Пг., 1917, с. 18). *И ты, шутник бесценный...* — И. А. Крылов с его «шут-

трагедией» «Трумф» («Подщипа», 1798 или 1800). *Но назову ль детину...* — Речь идет об И. С. Баркове (1732—1768), авторе непечатных стихов, частью приписанных ему в позднейшее время. *Почто стрелой незримой...* — Ср. в «Моих пенатах»: «Небесно вдохновенье, // Почто летишь стрелой?» *Газеты* — здесь в значении: вести, новости. *Кого жена по моде // Рогами убрала.* — Намек на сказку И. И. Дмитриева «Модная жена» (1791). *На рифмы удалого* и т. д. — Парафраз строк Батюшкова из послания «К Жуковскому» (датирующий признак, см. выше), где они относятся к Г. П. Ржевскому (см. примеч. к этому стихотворению); здесь: характеристика «Свистова» (Д. И. Хвостова). Мотив, по-видимому, не основан на реалиях и носит чисто литературный характер. *Иль добрый мой сосед // Восьмидесяти лет* и т. д. — Описание включает фразеологические заимствования и реминисценции из нескольких стихотворений, в том числе из «Моих пенатов» (ст. 49—69), стихотворения Державина «Философы пьяный и трезвый» (1792: «Гонялся я за звучной славой, // Встречал я смело ядры лбом...» — См.: Городецк и й Б. П. Лирка Пушкина. М.—Л., 1962, с. 44) и, возможно, из стихотворения Д. Давыдова «Договоры» (1807), где есть упоминание «добросердечного степенного соседа // Шестидесяти лет»; все эти стихи вошли в ч. 1—2 «Пантеона русской поэзии»).

Но друг мой, если вскоре и т. д. — Ср. в «Моих пенатах» ст. 277—280, обращенное к Вяземскому, а также послание В. Л. Пушкина «К Д. В. Дашкову» («Мой милый друг, в стране...»).

В. А. Жуковский. <К кн. Вяземскому> («Благодарю, мой друг, тебя за доставленье...») (стр. 294). — РА, 1866, № 6, с. 869, третья в цикле «Письма в стихах В. А. Жуковского». В послании разбирается стихотворение Вяземского «Вечер на Волге». В архиве Жуковского имеется авторизованная копия этого стихотворения (ЦГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 47), с замечаниями поэта, нашедшими отражение и в настоящем послании. Часть предложений Жуковского была учтена Вяземским в окончательном тексте стихотворения.

И скатерть синих вод сровнялась в берегах... в моих она сровнялась давно... — Намек на сходство стиха Вяземского со стихом из баллады Жуковского «Громобой» («Река сровнялась в берегах»).

П. А. Вяземский. <К Батюшкову> («Мой милый, мой поэт...») (стр. 297). — *Вяземский. ПСС*, т. 3, с. 100, под заглавием «К Батюшкову», по поздней авторизованной копии (ЦГАЛИ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 855, л. 17—20), где переработаны 8 стихов. Печатается по верхнему слою правки в автографе: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 859, л. 1—3, где зафиксирован самый ранний текст послания: стихотворение было разделено на главы («полотнища»), впоследствии

устраненные на этом же автографе, а также содержало следующие зачеркнутые варианты текста и замечания Жуковского и Воейкова:

Перед ст. 1 — зачеркнутый фрагмент, изъятие которого, по всей видимости, было связано с замечанием Жуковского здесь же на поле: «Мне не нравится»:

Певцу рукоплесканье
И миртовый венок
За новое посланье,
И свиток мерных строк,
Нескладное маранье;
Щедротам богача
Убогого дар тощий,
Крикливого Грача
Ответ Орфею рощи!

К ст. 8 («У знатности ворот») помета Вяземского: «Это очень дурно, я как будто говорю о знатности, то есть о степени ворот. Но что делать? До сих пор ничего на ум нейдет». В позднейшей авторизованной копии «знатности» заменено на «Крезовых».

В ст. 17 («Ни роскоши с станицей») «Ни» подчеркнуто Жуковским с пометой: «Ни» — лишнее». Впоследствии исправлено Вяземским на «Фортуны с вереницей».

В ст. 26 («Приехавшей шумливо») «шумливо» подчеркнуто Жуковским с пометой: «Славно».

К ст. 38 («Ни выделка уборов») помета рукой Воейкова: «Выделка не значит отделка; прим. Воейкова».

Ст. 39 («Труд тысячи людей») подчеркнут и на поле помета Воейкова: «Труд трудный стихотворца виден».

Ст. 42—44 отчеркнуты по левому полю и рядом помета Воейкова: «Очень хорошо. Вое(й)к(ов) вопит браво!»

В ст. 42 («И ломких столь и бранных») подчеркнуто слово «столь» и на поле помета Жуковского: «Мне кажется, что „столь“ лишнее». Впоследствии Вяземский исправил на «Сяющих и бранных».

В ст. 49 («Тропинку здесь простую») подчеркнуто слово «здесь» и на поле помета Жуковского: «„здесь“ — лишнее».

К ст. 50 («Умеренность благу») помета Воейкова: «Мне кажется, что должно сказать «и умерен(ость)», но тогда будет лишняя стопа».

К ст. 82 («Причесанных в тупей») примечание Вяземского: «Батюшкова стих в „Видении на берегах Леты“ (см. ниже).

Ст. 104—105 подчеркнуты Жуковским с его пометой: «Прекрасно».

В ст. 107 подчеркнуто слово «сволочи» с пометой рукой Жуковского: «Воей(ков) говорит низко, а Жук(овский) говорит хорошо».

К ст. 112 помета Воейкова: «Надобно «Прельщенные жертвы свои», Просим почаще кушать грамматику и слитаксис».

Ст. 121 («В условленный пусть срок») подчеркнут с пометой Жуковского: «Дурен стиль, очень груб». Впоследствии Вяземский заменил на: «Пускай в условный срок».

Ст. 145 исправлен Вяземским; был: «Нас с ним делили бездны».

Ст. 150 исправлен Вяземским; был: «Друг лени, сладострастья».

Ст. 155—156 отчеркнуты по полю с пометой Жуковского: «Нельзя ли это как-нибудь переменить. Тул здесь для Катуллы. Довольно бы сказать „наследник стрел“. Еще подумаешь, что Блутов наш получил один пустой тул. Это уж и обидно».

В позднейшей авторизованной копии (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 855, л. 20) имеется набросок строк, обращенных к В. Л. Пушкину (после ст. 162, т. е. после строк, посвященных Блутову):

И ты простосердечный
Приятель и поэт,
При седилах беспечный
Счастливец дев <и> лет,
Доверчивый к надеждам,
Назло судьбе своей
Пел женщин и друзей,
Но грозный враг невеждам
Назло подагры вечной...

Судя по зачеркнутому началу, стихотворение является ответом на послание Батюшкова «К другу», адресованное Вяземскому. Датируется концом 1815 г. Вероятно, о нем идет речь в письме Батюшкова Вяземскому от 11 ноября 1815 г. (см.: Прометей. М., 1967, т. 2., с. 147, публ. Н. В. Фридмана).

Пусть златом небогаты... Блюстители-Пенаты и т. д. — Реми-ниценция из послания «Мои пенаты» Батюшкова. *Тибурский роц* — см. примеч. «К подруге» (с. 534). *Друг Делии* — Тибулл. *Староста Пафоса* — Анакреон; Пафос — город на Кипре, славившийся храмом Афродиты. *Теос* — город в Малой Азии, в котором, по преданию, родился Анакреон. *Причесанных в тупей...* — Из «Видения на берегах Леты» Батюшкова (характеристика Шаликова). *Белева мирный житель...* — Жуковский; цитата из послания Батюшкова «К Жуковскому». *С берега свободы...* — Далее речь идет о Северине, который в 1814 г. вернулся из Англии. *И комиков печальных // Непримируемый враг!* — Намек на памфлет Блутова «Видение в какой-то огаде».

А. С. Пушкин. Батюшкову (стр. 301). — Российский музей, 1815, № 6, с. 266. Подп.: «Александр Нкшп». Предполагается, что послание написано как отклик на посещение Батюшковым больного Пушкина в Лицее 31 марта — 2 апреля 1815 г., о чем Пушкин писал Вяземскому 27 марта 1816 г. (обоснование даты визита см.: Зорин А. Л. Батюшков в 1814—1815 гг. — Известия АН СССР. Серия лит. и яз. № 4. 1988, с. 376—377). Поводом для визита

могло быть недавно вышедшее из печати (20 января 1815 г.) первое послание Пушкина к Батюшкову («Философ резвый и прият...»). Батюшков в это время декларативно отказывался от гедонистических тем своего раннего творчества; в ст. 19—24 ощущаются отзвуки спора как раз на эту тему. По-видимому, с полемическими целями Пушкин пишет свое послание трехстопным ямбом «Моих пенатов» и послания Жуковского «К Батюшкову».

Тибуллом окрещен.— Имя Тибуллы здесь употреблено как имя классика «легкой» и любовной лирики. *Сын Эрмия* (Гермеса) — бог Пан, изобретатель свирели. *Будь всякий при своем.*— Цитата из послания Жуковского «К Батюшкову» (см. в наст. томе).

А. Ф. Воейков. Послание к С. С. Уварову (стр. 302).— *ВЕ*, 1819, № 5, с. 15—24. Послание тесно связано с полемикой между С. С. Уваровым и В. В. Капнистом вокруг проблемы «русского гекзаметра» (см. в наст. томе). Стихотворение Воейкова, в котором широко использованы суждения и аргументы Уварова, должно было, помимо прочего, служить наглядным свидетельством органичности гекзаметра для русской поэзии.

Вспомни, Уваров! что пишет Вольтер к китайскому хану...— Подразумевается стихотворение Вольтера «Eptre au Roi de la Chine»; ср. использование этого текста в первом «письме» Уварова к Гнедичу (наст. том, с. 81). *Дали сарматы царя...*— Имеется в виду польская интервенция в начале XVII в. и царствование Лжедмитрия I (1605—1606). *Преобразитель словесности нашей пишет, об ней рассуждая...*— Подразумевается «Письмо о правилах русского стихотворства» Ломоносова; ср. с суждениями о стиховедческих взглядах Ломоносова в статьях Уварова. *...подражает поэме Вольтера.*— Намек на поэму Вольтера «Генриада». *И Херасков повлекся за ним — слепой подражатель.*— Эпические поэмы Хераскова «Россиада» и «Владимир Возрожденный» написаны шестистопным ямбом. *И отважный Петров не посмел изобрести в «Энеиде»...*— Речь идет о стихотворном переложении «Энеиды» Вергилия, выполненном В. П. Петровым. *Костров в «Илиаде»...*— Е. И. Костров перевел александрийским стихом 9 песен «Илиады». *Сам подражатель Кострова, Гнедич...*— Гнедич перевел александрийским стихом 7 и 8 песни «Илиады», первоначально рассматривая свой перевод как продолжение костровского (7, 8 и часть 9 песни «Илиады» в переводе Кострова появились в печати в 1811 г.). *...ослепленный Делилем...*— Ж. Делиль, почитателем и переводчиком которого был Воейков, считал, что древних поэтов следует переводить александрийским стихом. Именно так им были переведены на французский язык «Георгики» Вергилия. *Начал поэму сию... к метру латинскому самым ближайшим размером.*— Гекзаметрические переводы «Георгик», выполненные Воейковым, печатались в *ВЕ* (1814, № 7; 1815, № 10;

1816, № 9, 10, 11). Пусть говорят галломаны, что мы не имеем спондеев! — Выпад против Капниста, утверждавшего, что «русский язык спондеями весьма скуден» (*ЧвБ*, чт. 17, 1815, с. 21). Разработку теории и практики «русских спондеев» Воейков считал своей особой заслугой. Последующие стихи должны были продемонстрировать диапазон изобразительных возможностей гекзаметра, «обогащенного» спондеями. Эксперименты Воейкова вызвали неоднозначное отношение даже среди карамзинистов. Так, о «Послании к С. С. Уварову», как и о самой идее русского гекзаметра, неодобрительно высказался Вяземский (*ОА*, т. 1, с. 419). М. В. Милонов откликнулся на публикацию стихотворения Воейкова едким пародийным пассажем в «Послании к издателю «Благонамеренного» («Благонамеренный», 1820, № 10):

Ах! прошу вас, внемлите совет Рифмокласта:
Сам он, отрекшись от рифм, благозвучным экзаметром пишет.
«Видите ль, — он говорит, — можно все им писать, что захочешь:
Турк, перс, влах, финн, швед, галл, лях и татарин обритый,
Сладость вяв метра сего, вас поймут и не знаяши по-русски.
Гул, вой, гром, треск и блеск сей стих нашим чувствам рисует;
Раз в раз щелканье в сталь чрез него отдается во слухе».

(*Поэты-сатирики*, с. 513—514).

А. С. Пушкин. Из письма к В. Л. Пушкину (стр. 306). — Полярная звезда на 1856 год, издаваемая Искандером, кн. 2. Лондон, 1856, под заглавием: «Христос воскрес». Соч. Пушкина под ред. П. В. Анненкова, т. VII. СПб., 1857, под заглавием: «Желание» и с цензурными пропусками. Часть несохранившегося письма к В. Л. Пушкину (см. ответное письмо от 17 апреля 1816 г., где перефразированы ст. 19—22). Датируется по содержанию 6—11 апреля 1816 г. (Пасха в 1816 г. приходилась на 9 апреля).

И Николев, поэт покойный. — Возможно, упоминание возникло под впечатлением биографического очерка о только что скончавшемся Николеве (*СО*, 1816, № 12).

К Жуковскому (стр. 307). — *СО*, 1840, кн. 5, с. 246—249. Автограф с подписью: «Араамасец» — *ИРЛИ*. Датируется по содержанию предположительно сентябрем — октябрем 1816 г. (написано после смерти В. А. Озерова 5 сентября 1816 г.: см. ст.: «К вам Озерова дух взывает...») и до января 1817 г., так как не вошло в список стихотворений, составившийся в декабре 1816—январе 1817 г.; см.: *Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 225—226. Подробный коммент. к этому стихотворению см.: Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 105—130. Дореволюционные комментаторы относили стихотворение к 1817 г. на основании подписи. Однако она означает не фор-*

мальное членство в «Арзамасе», а духовное единомыслие; более того, она маловероятна как автообозначение члена общества, имевшего арзамасское имя. См. также ниже, коммент. к стиху 119 («Пускай беседуют отверженные Феба»). Послание должно было открывать сборник стихотворений Пушкина, на который и испрашивается «благословение» старшего поэта. Оно — одно из первых свидетельств установившейся личной и литературной близости Пушкина и Жуковского; ему предшествовало другое послание, до нас не дошедшее. Сохранились рассказы об их творческом общении в 1815—1816 гг. (за это время Жуковский провел в Петербурге около 8,5 месяцев, см.: Ц я в л о в с к и й. Статьи о Пушкине, с. 113—116). 19 сентября 1815 г. Жуковский сообщал Вяземскому о своем первом знакомстве с молодым Пушкиным, вручившим ему послание (см. в наст. томе); 28 ноября Пушкин записал в дневнике: «Жуковский дарит мне свои стихотворения» (*Пушкин. ПСС*, т. XII, с. 295). По воспоминаниям П. А. Плетнева, Жуковский ездил в Лицей читать Пушкину свои стихи, которые Пушкин запоминал наизусть; при этом «Жуковский имел привычку исправлять стих, забытый Пушкиным; каждый такой стих считался дурным по одному этому признаку» (А н н е н к о в П. В. Материалы для биографии Пушкина. М., 1985, с. 48). Настоящее послание создается в период этих интенсивных общений. *Не грозный приговор на гибель внемлю я...* — Обращение к учителям традиционно. Один из образцов этого фрагмента — «Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту» в переводе И. И. Дмитриева (1798). *Сокрытого в веках священный судия* и т. д. — Речь идет о нападках на Карамзина Шишкова, Шаховского и в особенности Голенищева-Кутузова. Это место соотносится с арзамасскими посланиями (см. в наст. томе «Послание к кн. Петру Андреевичу Вяземскому» В. Л. Пушкина, «Ответ на послание Василью Львовичу Пушкину» Вяземского (с характеристикой Карамзина, перефразированной в настоящем послании), «Послание к Вяземскому и Пушкину» Жуковского и др.) *Приветливый меня вниманьем ободрил...* — Об интересе Карамзина к лицезсту Пушкину писал А. Д. Илличевский П. Н. Фуссу уже 20 марта 1816 г. (Грот К. Пушкинский лицей (1811—1817). Бумаги 1-го курса, собранные акад. Я. К. Гротом. СПб., 1911, с. 62). Ср. также переданные И. В. Малиновским слова Карамзина, обращенные к Пушкину-лицезсту: «Пари, как орел, но не останавливайся в полете» (Пушкин и его современники, вып. 38—39. Л., 1930, с. 214). В мае — сентябре 1816 г. Пушкин постоянно бывал у Карамзина, проводившего лето в Царском Селе (Ц я в л о в с к и й М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. 1. М., 1951, с. 97, 100—101, 103).

И Дмитриев слабый дар с улыбкой похвалил. — Этот отзыв неизвестен.

И славный старец наш, певец царей избранный... — Речь идет

о реакции Державина на чтение Пушкиным «Воспоминаний в Царском Селе» на лицейском экзамене 8 января 1815 г., о чем Пушкин вспоминал в «Table-Talk» и в строфе 2 VIII главы «Евгения Онегина»: «Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли» (*Пушкин. ПСС*, т. XII, с. 158). Ср. несколько отличный рассказ И. И. Пущина: «патриарх наших певцов в восторге, со слезами на глазах бросился целовать» Пушкина и «осенил кудрявую его голову»; тогда же Державин за обедом у А. К. Разумовского возражает министру, желавшему «образовать» Пушкина «к прозе»: «Оставьте его поэтом» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974, с. 88, 455—456). По утверждению Ф. Н. Глинки, Державин указывал на Пушкина как на своего преемника (Г л и н к а Ф. Н. Избранные произведения. Л., 1957, с. 425). *В ужасной темноте пещерной глубины...* — Эта экспозиция — общее место арзамасских памфлетов (ср. изображение царства мрака в «Видении в какой-то ограде» Блудова, в арзамасских речах Дашкова (29 октября), Жуковского (11 ноября 1815), Блудова (16 декабря 1815 и 15 марта 1816 г.). *Один* — В. К. Третьяковский. Эпитет «хилый» восходит к «Видению на берегах Леты» Батюшкова. *Мевий* — римский поэт, противник Вергилия, осмеянный Горацием (эпод 10), нарицательно — дурной поэт. Здесь, по-видимому, А. С. Шишков. *Он — он под рифмою попрал и вкус и ум.* — В этом стихе и ст. 110 («Спесивых риторов безграмотный сбор») — парафраза двух стихов послания В. Л. Пушкина «К Жуковскому»: «Я вижу весь сбор безграмотных славян, // Которыми здесь вкус к изящному погран». *Явится Депрео — исчезнет Шапелен.* — Poleмика Н. Буало (Депрео) с Ж. Шапленом (1595—1674), автором эпической поэмы о Жанне д'Арк, рассматривалась арзамассцами как исторический аналог их борьбе с «Беседой» (см.: Томашевский Б. В. Пушкин и Буало. — Пушкин в мировой литературе. Л., 1926, с. 22—31); тот же смысл имеет противопоставление Сумарокова и Ломоносова. *Тот, верный своему мятежному союзу...* — А. А. Шаховской.

Куплетом ранен он, повергнут в прах журналом. — См. кантату Дашкова «Венчание Шутовского», переписанную Пушкиным в дневник 28 ноября 1815 г. См. также «Письмо с Липецких вод» Вяземского и «Письмо к новейшему Аристофану» Дашкова. *При свистах критики к братьям он бежит...* — Речь идет о венчании Шаховского лавровым венком в доме М. М. и В. И. Бакуниных (см. воспом. Вигеля в т. 1 наст. изд.). Этот эпизод получил отражение в печати (*РМ*, 1815, № 12, с. 306) и в дневнике Пушкина. В речи Жуковского в «Арзамасе» 29 октября 1815 г. венок Шаховского был назван «маковым венком беседной пакости» (см. наст. изд., т. 1); ср. также упоминание «макового венка» в стих. Вяземского «К Е. С. Огаревой» (*СО*, 1816, № 16, 21 апреля). *Феспис* (VI в. до н. э.) — древнегре-

ческий поэт, по легенде — основатель драматического жанра. *Он враг отечества, он сеятель разврата.* — См. примеч. к посланиям В. Л. Пушкина «К В. А. Жуковскому» и «К Дашкову». *И речи сыплются дождем на сопостата.* — Намек на речи Шишкова в «Беседе» и Российской Академии (Рассуждение о красноречии Священного Писания», 3 декабря 1810 г. и «Рассуждение о любви к отечеству» в декабре 1811 г.). *Смотрите: поражен враждебными стрелами...* — См. послания В. Л. Пушкина «К П. А. Вяземскому» и Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину», а также «Письмо к новейшему Аристофану» Дашкова. Пушкин воспринимает концептуальные моменты «легенды об Озерове» («зависть» и с другой стороны «чувствительность» как причины его гибели). В отличие от Жуковского, апеллировавшего к суду потомства, Пушкин занимает активную полемическую позицию. В конце 1818 г., под влиянием личного знакомства с Шаховским, Пушкин меняет свою точку зрения; к этому времени относится его разговор с Катениным, состоявшийся после визита к Шаховскому. По рассказу Катенина, радушный прием был тем приятнее для Пушкина, «что он за собою знал против Шаховского маленький грешок»; по пути домой он сказал Катенину: «Знаете ли, что он в сущности очень хороший человек? Никогда не поверю, что он серьезно желал повредить Озерову или кому бы то ни было. Катенин: Вы так думали, однако, это писали и распространяли — вот что плохо. — Пушкин. К счастью, никто не прочел этого школьного бумагомарания; вы думаете, что он знает что-нибудь о нем? Катенин. Нет, потому что он никогда не говорил мне об этом. Пушкин. Тем лучше, поступим, как он, и никогда не будем больше говорить об этом». Ясно, что милому А. С. совестно стало, хотя, конечно, он невольно погрешил против старика». Катенин односторонне объяснял выпад против Шаховского (несомненно, речь идет именно о данном стихотворении) чужими внушениями (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 185; слова Катенина и Пушкина — по-французски). *Уж Мевий на меня назмурился ужасно.* — Здесь Мевий — вероятно, М. Т. Каченовский, не напечатанный в *ВЕ* посланные Пушкиным стихи (Цявловский и М. А. Статьи о Пушкине, с. 359—364). *Пускай беседуют отверженные Феба.* — Намек на заседания «Беседы» (см.: *ВЕ*, 1899, № 8, с. 866—867). О прекращении заседаний «Беседы» сообщил Дашков в собрании «Арзамаса» 1 ноября (см. т. 1 наст. изд.); формально она, однако, не была распущена и еще в конце 1816 г. могла рассматриваться как существующая.

П. А. Вяземский. К Давыдову (стр. 310). — Урагия. М., 1826, с. 40, поздняя редакция, под заглавием «Д. В. Давыдову», с подзаголовком «1816 года». Печатается по автографу в арх. Вяземского: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 863, л. 1—2 (опубл. с неточно-

стями: *Вяземский. 1935*, с. 111). Эту раннюю редакцию послания Вяземский собирался опубликовать в арзамасском журнале.

Давыдов, где ты? — В мае 1816 г. (этот месяц упоминается в тексте послания) Давыдов был в Елисаветграде. Даты перемещения Давыдова по России в этом году установлены В. Э. Вацуру в кн.: Д а в ы д о в Д е н и с. Стихотворения. Л., 1984, с. 207. ...*май два раза природу // Зеленым бархатом постлал* и т. д.— То есть дважды наступила весна; Вяземский пародирует парафрастический стиль сентименталистов. *Походов девственных певец...*— Вольтер, автор иронической поэмы «Орлеанская девственница» (1735). *Теоса мудрый греховодник...*— Анакреон, уроженец Теоса.

К *** («Ты требуешь стихов моих...») (стр. 312).— *СО*, 1816, № 3, с. 141, подпись: «В.». В арх. Жуковского (*ГПБ*, ф. 286, оп. 1, № 15) имеется копия послания, с открытым адресатом и вариантом ст. 33 («Жуковского иль Батюшкова» вместо «Мелецкого иль Дмитриева»). Послание обращено к Елизавете Сергеевне Огаревой (урожд. Новосильцева; 1786—1870), жене сенатора, петербургской знакомой Вяземского.

Сей старец-юноша, певец Анакреон и т. д.— В этом и двух следующих стихах речь идет о переводе Анакреона, изданном в 1801 г. И. И. Мартыновым. *Сафе нового Фаона бог привел* и т. д.— Речь идет о переводах стихотворений Сафо Голенищевым-Кутузовым (СПб., 1805). Вяземский иронически обыгрывает поэтическое предание о смерти Сафо, которая из-за неразделенной любви к юноше Фаону бросилась в море с Левкадской скалы. *Что сей на Грея был и на расчудок зом.*— Имеется в виду перевод Голенищева-Кутузова элегии Т. Грея «Сельское кладбище». *Водой своих стихов Вольтера соль развеял.*— Речь идет о переводе П. М. Карabanова трагедии Вольтера «Альзира»; эпиграммы на этот перевод см. с. 180 наст. тома.

К графу Чернышеву в деревню (стр. 313).— *Мнемозина. М.*, 1824, ч. I, с. 47, поздняя редакция, с цензурными изъятиями ст. 37—40, 49—52, 57—64 и 73—74. Печатается по авторизованной копии: *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 862, л. 34 об.— 37. Впервые наст. ред. публиковалась — *Вяземский. 1935*, с. 113, с рядом интерполяций из позднейших списков. Написано в ноябре 1816 г. и является «росским ответом на гальское послание <...> графа Чернышева» (*ОА*, т. 1, с. 63). Французское послание адресата не обнаружено.

Камик — А. А. Шаховской. ...*притчи в лицах...*— Басня Д. И. Хвостова. *Мистик* — Александр Федорович Лабзин, писатель и масон; его близость к придворным кругам в эти годы вызывала раздражение у Вяземского и его друзей. ...*усердный Душин.*— В копии *ЦГАЛИ*

(ф. 195, оп. 1, ед. хр. 870) к этому месту имеется примеч. автора: «Душин — московский книгопродавец».

К. Н. Батюшков. Послание к Т (ургене)ву (стр. 316).— Пантеон русской поэзии, ч. VI, 1815, с. 234—237, под заглавием «К другу». Печатается по: Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе, ч. 2, с. 142—145. Стихотворение было послано Батюшковым в письме А. И. Тургеневу от 14 октября 1816 г., причем Батюшков подчеркивал экспромтный характер своего сочинения («Ей-ей, impromptu!»).

Жил некто в мире сем ...ов...— Речь идет о губернском секретаре И. И. Попове, умершем в 1810 г. Его жена Дарья Васильевна (урожд. Молчанова) и дочь лишились имущества во время московского пожара 1812 г. Тургенев был восхищен посланием Батюшкова (см. *ОА*, т. 1, с. 61) и оказал семейству Поповых денежную помощь (см. письмо Батюшкова Жуковскому от июня 1817 г.— *Батюшков*, т. III, с. 447).

П. А. Вяземский. К Княжину (стр. 318).— *Вяземский*. 1935, с. 117, с неточностями. Печатается по копии в арх. Вяземского (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 855, л. 23 об.— 25), по нижнему слою списка, без учета позднейшей авторской правки, не доведенной до конца и снимающей арзамасские реалии и намеки. В указанной единице хранения (л. 44) имеется автограф начала послания с правкой, перерастающей в черновик другой редакции стихотворения.

В жилище покаянья...— В «Беседе». *Славянского пономаря* — Шишкова. *Комедий* постных и холодных.— Речь идет о комедиях Шаховского. *Инвалид младой!* — А. Я. Княжнин был тяжело ранен в Бородинской битве, в которой принимал участие вместе с Вяземским; имел чин майора. *Перед тобой пример отца!* — Я. Б. Княжнина, знаменитого драматурга.

〈Застольная песнь〉 (стр. 320).— *Вяземский*. *ПСС*, т. 8, с. 508—510, в составе «Старой записной книжки». Стихотворение было снабжено следующей преамбулой: «...Немцы и французы имеют целую литературу застольных песен. А мы, охотно поющие и охотно пьющие, ничего такого не имеем. В старых московских бумагах отыскалась подобная исключительная застольная песнь, которую сюда и заносим». В стихотворении речь идет о пиршествах, устраивавшихся карамзинистами и их друзьями в доме Вяземского с начала 1810-х гг. В «Застольной песне» упоминаются Денис Давыдов («Денис»), Ф. Толстой-Американец («наш Американец»), Жуковский («Певец кладбища, русский Грей»), В. Л. Пушкин («Ключа Кастальского питомец»), Батюшков («Тибулла нежный

ученик»). Стихотворение не поддается точной датировке: во всяком случае, оно написано после 1812 г. (обыгрываются «партизанство» Давыдова, Георгиевский крест, полученный Толстым за Бородино). В то же время показательно упоминание среди собутыльников Батюшкова, вернувшегося в Москву из заграничного похода в 1814 г. Наконец, Жуковский появляется в Москве после долгого отсутствия лишь в октябре 1817 г. (когда там отсутствует Батюшков). Сам Вяземский покидает Москву в конце 1817 г.

А. С. Пушкин. Тургеневу (стр. 322). — РА, 1895, № 12, с. 498—499. Авторизованная копия, с датой «8 ноября 1817 г.» — *ИРЛИ*. В копии подпись рукой А. И. Тургенева «Пушкин», к которой Пушкиным приписано: «сверчок». Вторая, идентичная копия — в архиве Тургеневых (*ИРЛИ*); рукой А. И. Тургенева под текстом подписано: «Алек. Пушкин — в арзамасском крещении Сверчок». 12 ноября 1817 г. А. И. Тургенев отправил эти стихи Жуковскому; в сопроводительном письме он писал: «Посылаю послание ко мне Пушкина-Сверчка, которого я ежедневно браню за его лень и нерадение о собственном образовании. К этому присоединились и вкус к площадному волокитству, и вольнодумство, также площадное, 18 столетия. Где же пища для поэта? Между тем он разоряется на мелкой монете! Пожурь его» (Пушкин. Письма, т. 1. 1815—1825. М.—Л., 1926, с. 191). Ср. подобные же упреки в письмах Батюшкова 1818 г. (Измайлов Н. В. Пушкин в переписке и дневниках современников. — Временник Пушкинской комиссии, 1962. М., 1, 1963, с. 30—31). Стихотворение Пушкина создает парадоксальный облик «деятельного ленивца»; схватывая реальные черты личности А. И. Тургенева, как они представлялись, в частности, его арзамасским друзьям, оно содержит поэтическую концепцию «лености» как атрибута поэтической природы (см.: Иезуитова Р. В. Жуковский и его время. Л., 1989, с. 222—224).

Тургенев, верный покровитель... и т. д. — К этому времени Тургенев был директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий, секретарем Библейского общества, членом комитета для устройства евреев; активно участвовал в деятельности Женского Патриотического общества. *...гонимый... езуитов...* — Тургенев принимал непосредственное участие в подготовке указа от 20 декабря 1815 г. об удалении иезуитов из Петербурга. *И Соломирской ой, и креста.* — Имя Соломирской в копиях зашифровано («С-ой») и восстанавливается по поздней копии неизвестного происхождения, опубликованной (частично) в журнале «Русское богатство» (1901, № 1, с. 61—62). О какой Соломирской идет речь, и в какой мере авторитетно самое раскрытие — неясно. *Роняешь Луницу на бале.* — По предположению Т. Г. Цявловской (Пушкин и А. С. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 1, с. 648—649), имеется в виду Екатерина Петровна

Лунина (1787—1886), впоследствии графиня Риччи; другая Лунина — Екатерина Сергеевна, сестра декабриста М. С. Лунина, знакомая Тургенева, была уже в это время замужем и носила фамилию Уварова. *И спишь у графа де Лаваль*. — В доме графа И. С. Лавалья был известный петербургский салон, который посещали Карамзин, А. И. Тургенев, Пушкин и др. Этот стих Тургенев вспоминал в письме к Жуковскому от 4 сентября 1831.: «Скажи ему (Пушкину), что я все еще оправдываю стихи его и «сплю» — если не у графа де Лаваль, то в театре» (Лит. наследство, т. 58. М., 1952, с. 104). *Поэма* — «Руслан и Людмила», над которой Пушкин работал с начала 1817 г.

А. Ф. Воейков. Послание к друзьям и жене (стр. 323). — *СО*, 1821, № 4, с. 177—186, под заглавием: «Послание к жене и друзьям» (позднейшая редакция). Печатается по: *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1104, л. 32 об. — 40 об. (список рукой В. Ф. Вяземской с пометами П. А. Вяземского), с уточнением по письму Воейкова Вяземскому от 8 октября 1818 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1234). В рукописи после заглавия следует помета: «Написано в Дерпте 1816-го года по возвращении из Крыма и Одессы» (л. 32 об.); подобная помета есть и в журнальной публикации: «1816. Августа 20 дня. Дерпт» (с. 186). Однако еще А. Н. Веселовский усомнился в точности авторской датировки, предположив, что «несколько стихов в конце добавлено несколько лет спустя» (Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904, с. 139). Имеющиеся материалы показывают, что августом 1816 г. можно датировать лишь самую раннюю редакцию стихотворения (до нас не дошедшую); значительная часть текста дописывалась в течение нескольких лет. Так, фрагмент с описанием Москвы Воейков впервые сообщает в письме А. И. Тургеневу 28 февраля 1817 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 2705, оп. 1, № 34), фрагмент с характеристикой Харькова — в письме Вяземскому 8 октября 1818 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1234). В журнальной редакции появляются новые вставки (в частности, более детализированная характеристика дерптского окружения автора).

Послание связано с замыслом большой описательной поэмы; из заготовленных к ней материалов Воейков на протяжении длительного времени комбинировал различные тексты. К примеру, описание Кавказа и Крыма Воейков включает в «Послание к моему другу-воспитаннику о пользе путешествия по отечеству» (*ВЕ*, 1818, № 12, с. 275—278), а затем (в редакции *СО*) вновь «возвращает» его в «Послание к жене и друзьям». По сообщению М. А. Дмитриева, стихи, «содержащие насмешку над тогдашними славенофилами» (они вошли в публикуемое в наст. томе письмо Воейкова А. И. Тургеневу от начала 1817 г.), также входили в какую-то из редакций «Послания...»

Сам Воейков в письме Вяземскому от 8 октября 1818 г. прямо указывает на то, что рассматривает свои журнальные публикации как фрагменты поэмы: «...Что касается до похвалы моей поэме, то тебе надобно стоять за нее грудью: ты ввел меня во искушение; ты виноват в этом смертном грехе. Я написал несколько отрывков, прочитал тебе, ты нашел их хорошими, я возгордился, схватил перо — и поэма кончена. Теперь она лежит под спудом: надобно забыть свои стихи, дать время воображению освежиться, и тогда можно будет читать их как чужие, без всякого предубеждения: тогда поправим, послушаем, что скажете вы с Жуковским, Дашковым и Батюшковым, потом опять поправим и наконец переправим — и станем ждать лавров» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1234, л. 30). Своей поэмы в полном виде Воейков, однако, так и не опубликовал, и «Послание к друзьям и жене» осталось одним из наиболее значительных его оригинальных произведений в «опи-сательном роде».

Предпочтение, которое в наст. изд. отдано рукописи, а не печатной редакции, объясняется большей близостью рукописного варианта к «арзамасской» поэтике и полемической остротой, смягченной в тексте *СО*. Стилистические и иные разночтения между редакциями, как правило, не оговариваются. В стихотворении объединены впечатления 1800-х гг. (Москва), 1813 (Кавказ), 1815 (Крым и Украина), 1816 и последующих годов (Дерпт).

Я зрел Кавказ... — Описание Кавказа ориентировано на послание Жуковского «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...», 1814). *Недалеко отсель Капнист поэт...* — В 1810—1820 гг. В. В. Капнист жил преимущественно в родовом селе Обуховке Миргородского уезда Полтавской губернии. *...пылкий Каразим!* — В. Н. Каразин, энтузиаст просвещения в Слободской Украине, один из основателей Харьковского университета. *В журналах здешних...* — Имеются в виду основанные в 1816 г. в Харькове журналы «Украинский вестник» (издатели — Е. М. Филомафитский, Р. Т. Гонорский, Г. Ф. Квитка) и «Харьковский Демокрит» (издатель — В. И. Маслович). Далее высмеиваются сочинения, публиковавшиеся в этих журналах. *Питомцы лишь его...* — Студенты Харьковского университета, где профессорствовал Срезневский. *И сам я Харькову откланялся зевая...* — Этой строкой заканчивается описание Харькова в письме Воейкова Вяземскому 8 октября 1818 г. *Подножие, на коем храм // Наш кроткий Александр воздвигнет небесам...* — Подразумевается храм Христа-Спасителя, заложенный на Воробьевых горах в 1816 г. (строительство не было завершено). *Вот златоглавая обитель жен, девиц...* — Новодевичий монастырь. *Рассеяны друзья лет юных!* — Эти и последующие строки посвящены воспоминаниям о временах Дружеского литературного общества. *Где в ветхом доме мы столь сладко пировали... Где цвел тот сад...* — Понятная посвя-

щенным отсылка к стихотворениям Андрея Тургенева «К ветхому подевическому дому А. Ф. В(оейко)ва» (1801): «Сей ветхий дом, сей сад глухой» и посланию Жуковского «Тургеневу, в ответ на его письмо» (1813): «Нет и следов! Исчезло все — я сад, // И ветхий дом...» ...*И к человечеству любовью, // Хотели выкупить блаженство ближних кровью...* — Парафраз стихов из «Послания к Дмитриеву» (1794) Карамзина: «Любил с горячностью людей... // Желал добра им всей душою, // Готов был кровию моею // Пожертвовать для счастья их». С *Кутузовым мирили муз...* — В тексте *СО* имена «староверов» заменены полемическими прозвищами: Кутузов — Безмозглов, Шишков — Вралев, Грузинцев — Скотинин, Шишков — Ослов, Хвостов — Глупцов. В тексте *СО* отсутствует упоминание С. Смирнова (пансионского преподавателя) — видимо, как чересчур «домашнее»; имя Мерлякова отсутствует и в журнальной публикации, и в письме к А. И. Тургеневу (последнего связывали с Мерляковым более теплые отношения, чем Воейкова). *Степенна опытность голодною рукою...* — Ср. в послании Жуковского «Тургеневу...»: «Но опыт вдруг накинул покрывало // На нашу даль...» *Не горы сладкие услышали и клики — // Печальный стон, надгробны лики.* — Реминисценция из оды Державина «На смерть князя Мещерского» (1779): «Где пиршеств раздавались клики, // Надгробные там воют лики». *И первый наш привет — гроб лучшего из нас!* — В *СО* к этому стиху сделано примечание: «Андрей Иванович Тургенев» (с. 180). *Тот сорван с высоты и брошен в заточенье.* — Видимо, член Дружеского общества С. Е. Родзянко, сошедший с ума вскоре по окончании пансиона. *На свежих лаврах тот угас...* — В *СО* снабжено примечанием «Андрей Сергеевич Кайсаров» (с. 180). *Мы все воскликнули: существенность бедна!* — Цитата из стихотворения Карамзина «К бедному поэту» (1796): «Мой друг! существенность бедна: // Играй в душе своей мечтами». *И всяк из нас особою тропюю... Побрел, склонив главу, за милою мечтою.* — Вариация стихов Жуковского: «Иль всяк своей тропюю... Тащиться осужден до бездны гробовой» («Вечер»), «Мы разными дорогами пошла» («Тургеневу»). *Якорь, крест, кольцо* — символы надежды, веры, любви.

К. Н. Батюшков. К Н(и ките) (стр. 332). — Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе, ч. 2. СПб., 1817, с. 199—201. Написано в начале июля 1817 г. Обращено к Н. М. Муравьеву. Муравьев, сын воспитателя и матрона Батюшкова М. Н. Муравьева, приходился поэту троюродным братом. Неоднократные упоминания о нем содержатся в переписке Батюшкова; вероятно, не без участия Батюшкова Муравьев был принят в «Арзамас». Однако в «арзамасскую» пору дружеские и родственные связи осложнились серьезными идеологическими разногласиями: сохранились пометы

Муравьева на I томе «Опытов в стихах и прозе», свидетельствующие о решительном неприятии молодым декабристом комплекса воззрений зрелого Батюшкова (см.: *Батюшков*, т. II, с. 451, 526—528). К И. И. Дмитриеву восходит предание о том, что осведомленность Батюшкова об участии Муравьева в деятельности Тайного общества стала причиной сумасшествия поэта (*Мелочи*, с. 197). По наблюдению И. З. Сермана, литературным источником послания послужила сирвента провансальского трубадура Гийома де Сен-Григори, французский перевод которой помещен в хорошо известной Батюшкову книге С. де Сисмонди «De la littérature du midi de L'Europe» (Учен. зап. ЛГУ. Серия филологич. наук, вып. 3, 1939, с. 263).

〈С. С. Уварову〉 (стр. 334). — Северные цветы на 1826 г. СПб., 1826, с. 4 (под заглавием «NN», с искажениями к тексту). По автографу — «Москвитянин», 1841, №29, с. 189—190. Стихотворение представляло собой надпись на подаренном Уварову экземпляре «Опытов в стихах и прозе» (не обнаружен). Написано в пору наиболее тесного сближения и совместной работы Батюшкова и Уварова над этюдом «О греческой антологии». В послании подчеркивается энциклопедическое многообразие дарований и интересов Уварова — главным образом в области классической филологии и античной истории.

Среди трудов и важных муз... — Намек на деятельность Уварова в качестве попечителя Петербургского учебного округа и президента Академии наук. *И борзый Аполлонов конь...* — Пегас; здесь и далее подразумеваются поэтические опыты Уварова (на французском и отчасти на немецком языках), не оставленные им и во второй половине 1810-х гг.

К творцу «Истории Государства Российского» (стр. 334). — Полярная звезда на 1824 г. СПб., 1824, с. 21—22. Датируется началом 1818 г. В феврале 1818 г. Батюшков отправил свое послание А. И. Тургеневу и жене историка — Е. А. Карамзиной. В стихотворении отразились впечатления Батюшкова от чтения первых томов «Истории государства Российского» Карамзина. Литературным источником послания послужил эпизод из «Эмилиевых писем» М. Н. Муравьева, где рассказывалось о том, как легендарный «отец истории» Геродот читал свою «Историю грекоперсидских войн» на Олимпийских играх в присутствии будущего историка Фукидида.

В надежде радостных похвал... — Автореминисценция из стихотворения «Гезиод и Омир — соперники» (1816 — начало 1817 г.).

А. С. Пушкин. Жуковскому (стр. 335). — Ранняя редакция — *СО*, 1821, № 52, с. 276—277, под загл. «К Ж ***. По прочтении изданных им книжек «Для немногих», без подписи и с

примеч.: «Сочинитель не подписал своего имени, но кто не узнает здесь того поэта, который в такие лета, когда другие еще учатся правилам стихотворства, стал наряду с нашими первоклассными писателями! *Издатели*». В 1819 г. Пушкин переработал стихотворение, сократив его наполовину (отбросив, в частности, стихи 27—44), однако напечатал первоначальную редакцию с двумя стилистическими исправлениями (в ст. 4 и 15). В 1826 г. в сборник «Стихотворения А. Пушкина» он также включил полную редакцию; краткая редакция (без последних 17 стихов) впервые появилась в «Стихотворениях А. Пушкина» 1829 г. (ч. I).

В наст. изд. печатается первая редакция послания, находящаяся в письме Жуковского Вяземскому от 17 апреля 1818 г. (впервые — *РА*, 1896, № 10, с. 205—208; ср. *Пушкин. ПСС*, т. II, с. 535—536). Датируется мартом — началом апреля 1818 г.

Послание написано по выходе трех или четырех первых книжек «Für Wenige» («Для немногих»), издававшихся Жуковским для своей ученицы великой княгини Александры Федоровны в 1818 г.; в них печатались (вместе с подлинниками) переводы Жуковского из немецких поэтов (Гете, Шиллера, Гебеля и др.).

Сообщая стихотворение Вяземскому, Жуковский писал: «Чудесный талант! Какие стихи! Он мучит меня своим даром, как привидение!» В ответном письме от 25 апреля 1818 г. Вяземский также дал восторженную оценку посланию: «Стихи чертенка-племянника чудесно хороши. «В дыму столетий!» Это выражение город. Я все отдал бы за него, движимое и недвижимое. Какая bestia! Надобно нам посадить его в желтый дом, — не то этот бешеный сорванец всех заест, нас и отцов наших. Знаешь ли ты, что Державин испугался бы дыма столетий? О прочих и говорить нечего» (Вяземский П. П. А. С. Пушкин (1816—1825) по документам Остафьевского архива кн. П. А. Вяземского. СПб. (1880), с. 27—28). Более критичным был отзыв Д. В. Давыдова, получившего текст послания, по-видимому, от Вяземского; в письме Вяземскому из Каменца от 2 июня 1818 г. он писал: «Стихи Пушкина хороши, но не так, как тебе кажутся, и не лучшие из его стихов. Первые четыре для меня непонятны. Но *И быстрый холод вдохновенья власы подъемлет на челе* прекрасно! И меня подрал мороз по коже. От стиха сего до рифмы ясным не узнаю молодого Пушкина. *В дыму столетий* чудесно! но *великаны сумрака* Карамзина... что скажешь? А мысль одинаковая. Замечание твое насчет *злодейства* и с сынами справедливо. Теперь от рифмы *окружен* до рифмы *земной* я слышу Василья Львовича, напев его. Но стих *И в нем трепещет вдохновенье* — прелестен! Вот мое мнение насчет этих стихов» (Старина и новизна, кн. 22. Пг., 1917, с. 26). При переработке Пушкин учел целый ряд замечаний Давыдова: убрал стихи 1—4 и всю вторую половину послания (в том числе и стихи, восхищавшие

Давыдова и Вяземского). Вместе с тем, как показал Н. Я. Эйдельман, история публикации послания отражает колебания во взаимоотношениях Пушкина с Карамзиным: в «Сыне Отечества» печатается редакция, вероятно, известная Карамзину в рукописи, и она же входит в посланный Карамзину сборник 1826 г.; лишь после смерти Карамзина Пушкин останавливается на сокращенной редакции послания (Эй д е л ь м а н Н. Я. Карамзин и Пушкин. Из истории взаимоотношений.— Пушкин. Исследования и материалы, т. 12. Л., 1986, с. 299—304). *Смотри, как пламенный поэт...*— К. Н. Батюшков. Эти и последующие строки, а также стихи 20—27 представляют собой парафразу на тему стихотворения К. Н. Батюшкова «К творцу «Истории Государства Российского», написанного под впечатлением чтения первых 8-ми томов труда Карамзина, вышедших в феврале 1818 г. Стихи Батюшкова были посланы им в феврале 1818 г. А. И. Тургеневу и Е. А. Карамзиной (Б а т ю ш к о в К. Н. Соч. в 2-х томах, т. 2, с. 480) и, несомненно, стали известны Пушкину от адресатов писем или от самого Батюшкова, находившегося в Петербурге. Пушкин варьирует концовку стихотворения Батюшкова:

И я так плакал в восхищенье,
Когда скрижаль твою читал
И гений твой благословлял
В глубоком, сладком умиленье...
Пускай талант — не мой удел!
Но я для муз дышал недаром,
Любил прекрасное и с жаром
Твой гений чувствовать умел.

В. Л. Пушкин. «Поклон усердный Громобою...» (стр. 336).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 5082, л. 70, с датой «Марта 27» и подписью «Вот я вас опять». Обращено к Вяземскому, находившемуся в Варшаве, куда между 3 и 11 марта 1818 г. приехал С. П. Жихарев (ОА, т. 1, с. 95, 96).

...прелестныя девицы...— Феодосии Дмитриевны Нечаевой (1795—1850), ставшей женою Жихарева (см. письмо А. И. Тургенева к Вяземскому 23 октября 1818 г.— ОА, т. 1, с. 134).

К Ж и х а р е в у (стр. 337).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 36—36 об. В составе письма В. Л. Пушкина к Вяземскому 2 мая 1818 г., где, в частности, сказано: «Обнимаю Жихарева за милые его стихи. Сегодня истинно писать некогда» (л. 35 об.). Не дошедшие до нас стихи Жихарева находились, возможно, при утраченном письме Вяземского к В. Л. Пушкину от 15 апреля, благодарность за которое находится здесь же (л. 34). *Ты служи, мой друг, царю, // послужи невесте.*— Это свидетельство того, что намерение выйти в отставку, осуществленное лишь осенью (ОА, т. 1, с. 134) имелось

у Жихарева в апреле 1818 г., что весьма значимо для его биографов (ср. мнение Б. М. Эйхенбаума о политической подоплеке отставки. — *Жихарев*, с. 646—648). *В шампанском купайся*. — Чему охотно следовал адресат послания (см., например, *ОА*, т. 1, с. 190).

А. Ф. Воейков. Послание к Д. В. Давыдову (стр. 337). — *СО*, 1821, ч. 68, с. 180. Шуточное послание написано в связи с женитьбой Давыдова (1819 г.). ...*в печи Бюянов*. — Поэма В. Л. Пушкина «Опасный сосед». *Гервасида в камельке*... — Как явствует из контекста, речь идет не о «жанре классицистического эпоса как такового» (коммент. М. Г. Альтшуллера в кн.: *Поэты 1790—1810*, с. 831), а о порнографической рукописной поэме. *Один певец Русланов*... — А. С. Пушкин. В пору создания послания Воейкова Пушкин закончил 5 песен «Руслана и Людмилы» (см.: *Томашевский* и Б. В. Пушкин. Кн. 1, с. 297); литераторы арзамасского круга с особым интересом следили за работой Пушкина, связывая с ней надежду на создание «арзамасской» поэмы. Комплиментарная характеристика Пушкина у Воейкова выражает позицию всего кружка. После выхода в свет полного текста «Руслана и Людмилы» Воейков (чьи отношения с рядом арзамасцев в ту пору осложнились) откликнулся на поэму весьма сдержанной, а местами — мелочно-придирчивой рецензией (*СО*, 1820, № 34—37); эстетические искания молодого Пушкина в целом Воейкову оказались чужды. *И вместо прежних книг — Руссо, // И Кампе с Фенелоном, и Локка любишь ты читать*. — Подразумеваются педагогические сочинения этих авторов; шутливый намек на потенциальное отцовство Давыдова. Комизм перечня усугублялся тем, что популярное сочинение И.-Г. Кампе «Детская библиотека» было известно русскому читателю в переводе Шишкова; этот перевод неоднократно вышучивался на арзамасских заседаниях. *Ветрану должно дать жену // И произвесть в Пролазы*. — Ветрана — героиня сказки И. И. Дмитриева «Причудница» (1794), наделенная вздорным нравом; Пролаз — персонаж сказки Дмитриева «Модная жена» (1791), муж-рогоносец. *Венере с Марсом смена*... — Обыгрывается характеристика Давыдова в «Парнасском адрес-календаре» Воейкова.

В. Л. Пушкин. К В. А. Жуковскому (стр. 339). — Литературная газета, 1830, № 19, 1 апреля, с. 150, с пометой «Москва. 9 января 1830».

Молю, чтоб небеса соединили нас! — Когда это желание исполнилось, Жуковский сообщил Д. П. Северину 13 апреля 1830 г.: «Пушкин Василий болен подагрой, а муза его водяною» (*РС*, 1896, № 7, с. 84).

⟨П. А. Вяземскому⟩ (стр. 340). — *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 198, с подписью «Вот я вас опять»; отсюда следует, что

стихотворение написано не ранее середины августа 1816 г. На обороте листка: «Любезному Асмодею».

А. С. Пушкин. Послание В. Л. Пушкину (стр. 340).— Полярная звезда на 1824 год. СПб., 1824, с. 234—235 (ст. 55—75). Перепечатано в «Стихотворениях А. Пушкина» (СПб., 1826 и СПб., 1829, ч. 1). Полностью — «Полярная звезда на 1858 год», кн. 4. Лондон, 1858, с. 265—268. Критический текст установлен в кн.: *Пушкин. ПСС*, т. 1, с. 250—252. Датировано самим Пушкиным 1817 г. Написано, вероятно, накануне выхода из Лицея, когда Пушкин думал о выборе жизненного пути.

...на русского Буффлера — К. Н. Батюшкова. И на Дениса храбреца — Д. В. Давыдова. Воздействие гусарской лирики Давыдова ощутимо и в настоящем послании. Но не на Глинку офицера... — Ироническое отношение к Ф. Н. Глинке и его «Письмам русского офицера...» (ч. 1—8. М., 1815—1816) было свойственно уже лицейской литературной среде (см. пародию на них в рукописном журнале «Лицейский мудрец». — Грот К. Я. Пушкинский Лицей (1811—1817). СПб., 1911, с. 291—292). И к Марину для награждения и т. д. — Парафраза формул из послания Батюшкова «К Ж(уковско)му: «И к вам писать посланья//Отправит за Коцит» (см. в наст. томе). Упоминание С. Н. Марина, члена «Беседы», умершего в 1813 г., отсылает прежде всего к его знаменитой «Пародии на оду 9-ю Ломоносова, выбранную из Иова» («О ты, что в горести напрасно//На службу ропщешь, офицер...», 1801), где военный быт изображен в трагестированной оде. *Возьми пример с того поэта...* — Речь идет о И. И. Дмитриеве и его стихотворениях «Ермак» (где изображен, в частности, бой Ермака с Мегмет-Кулом, братом Кучума, побежденным и взятым в плен) и «Модная жена». *Смешон, конечно, мирный воин...* — П. А. Кикин (см. в наст. томе «Спасителя рожденьем...») («Святки») Вяземского, на которое ссылается Пушкин).

Как жил бессмертный трус Гораций... — Ср. Г о р а ц и й. Оды, II, 7. Эту оду Горация Пушкин впоследствии перевел («Кто из богов мне возвратил...»; 1835).

ПИСЬМА

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКОГО

П. А. Вяземскому. 19 сентября 1815 г. (стр. 343).— Жуковский В. А. Собр. соч. в 4 томах, т. 4. М.—Л., 1960, с. 562—565, с исправлениями по автографу: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 61—62 об.

Стр. 343. ...прекрасные стихи... — Стихотворение Вяземского

«Вечер на Волге». *Посылаю мои замечания, написанные в прозаических стихах!* — Послание «Вяземскому» («Благодарю, мой друг, тебя за доставленье...»). Далее Жуковский корректирует свои замечания, высказанные в этом послании (см. примеч. к посланию в наст. томе).

Стр. 344. *Дрепать в златых мечтах никак нельзя!* — Вяземский учел это замечание Жуковского; в печатной редакции соответствующий стих читается иначе: «Забывшись, наяву один дрепать в мечтах».

...я сказал в «Кассандре»... — Имеются в виду следующие стихи из баллады Жуковского «Кассандра» (1809): «Благ своих не постигает://В сновидениях златых//И бессмертья не желает//За один с Пелидом миг».

Я сделал еще приятное знакомство! — См. примеч. к посланию А. С. Пушкина «К Жуковскому» («Благослови поэт!... В тени парнасской сени...») в наст. томе.

То есть утро. — Подразумевается стихотворение Вяземского «Весеннее утро» (1815); в ЦГАЛИ сохранился автограф стихотворения с замечаниями Жуковского.

А. П. Киреевской (Елагиной). Ноябрь 1815 г. (стр. 345). — Уткинский сборник. М., 1904, с. 18.

П. А. Вяземскому. 12 января 1816 г. (стр. 345). — Русская литература, 1975, № 1, с. 123 (публикация В. В. Пухова), с уточнениями по автографу: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 55—55 об.

Арзамасцы говорят, что твоего письма в здешних журналах печатать не надобно... — Речь идет о «Письме с Липецких вод».

...здесь уже было объявлено в «Сыне Отечества» о мире... — См. «Мнение постороннего» в 1 т. наст. изд.

...пародию из Старушки... — Шуточное стихотворение Жуковского является пародическим перепевом его «Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне...» (1814).

Ему, царю пародий... — Намек на «Певца... в Беседе славенороссов» Батюшкова — Измайлова.

А. И. Тургеневу. 21 октября 1816 г. (стр. 346). — ПЖТ, с. 346.

Стр. 346. *...надеюсь, что он покажется вкусным для арзамасцев...* — См. протокол заседания «Арзамаса» 24 декабря 1816 г.

С. П. Жихареву. 31 октября 1816 г. (стр. 346). — Жуковский В. А. Соч., т. 6. СПб., 1878, с. 425.

Д. В. Дашкову. Январь 1817 г. (стр. 347). — Жуковский В. А. Соч., т. 6. СПб., 1878, с. 439—443.

Письмо выражает позицию Жуковского в отношении к замыслу арзамасского журнала (см. т. 1 наст. изд.). Идею журнала, который объединял бы писателей-карамзинистов, Жуковский стал вынашивать вскоре после отхода от издания *ВЕ*. 26 сентября 1813 г. он писал Вяземскому из деревни: «В голове у меня вертится план журнала. Какой он должен быть — еще не знаю, — но только знаю то, что будущий год стану готовить материалы (так, чтобы их было заранее приготовлено по крайней мере на полгода). Выдавать будет кто-нибудь из вас в Петербурге или Москве, а мне останется только присылать к вам материалы. Обдумаю план; потом к тебе его доставлю. Весьма было бы хорошо выдавать что-нибудь подобное Аддисонову Спектатору...» (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1909-а, л. 4 об.). Однако в «арзамасский» период Жуковский, как явствует из письма к Дашкову, от бывшего намерения отказался. Как опытный издатель, он понимал трудности в регулярном обеспечении журнала необходимыми материалами со стороны не очень расторопных друзей-литераторов. Жуковский склоняется к идее альманаха, который мыслится им как наследник карамзинской традиции. Судя по письму (упоминание «покойной Мнемозины»), «альманашный» замысел обсуждался Жуковским с Дашковым еще до начала 1817 г. Идея Жуковского вызвала разноречивые отклики в кругу арзамасцев. С резкой критикой замысла альманаха выступил Вяземский, принципиальный сторонник ежемесячного журнала (см. его письмо к Блудову от 22 января 1817 г. в наст. томе). На его упреки Жуковский отвечал 27 января 1817 г.: «Не гневайся на меня, душа моя душенька! Я прав! Теперь о журнале думать нам нечего: начнем и не кончим! В этом я уверен. Будем довольствоваться перепалкою в ожидании возможности стрелять картечью и ядрами со всех батарей. Это время придет. Пока станем помогать друг другу в малом. Я намерен издавать в начале каждого года по две книжки: в одной будут одни русские сочинения в стихах и прозе (разумеется, что переводы в стихах принадлежат к сочинениям), в другой будут переводы образцовых пьес с немецкого. Плана делать нечего. Разнообразие — вот план. Я желал бы, чтобы ты поступил с французскою литературою, а Батюшков с италианскою так же, как я хочу поступить с немецкою. Таким образом, в начале каждого года являлось бы несколько весьма свежих и ароматных цветков, которые приучили бы русские носы к тонкому обонянию. О собрании своей немецкой книжки я не забочусь — материалов бездна; но для русской нужно мне деятельное пособие, твое, Батюшкова и других арзамасцев. Соиздателем моим будет для обеих книжек Дашков, если не откажется. Они должны выйти в начале будущего года; следовательно, все надобно приготовить в начале августа нынешнего года. Доставь мне все твое поскорее; да припаси

что-нибудь в прозе. Так же крикни на Батюшкова: без его роз и лепестков не будет лучшего в моем букете. Требую от него прозы и стихов, и к началу августа, не позже. Сказывали мне в Петербурге, что наш патриарх поэзии опять принялся за перо: правда ли это? Я говорю о новых стихах Дмитриева! Какая бы для меня блестящая добыча! От женатого Дениса Давыдова ожидать нечего — но если он что-нибудь писнет, лови и не выпускай из рук и бросай в мою котомку. Ты должен быть в Москве моим таможенным приставом и никакого стихотворного товара, разумеется хорошего, не впускать в границы других журналов, все конфискуй и отсылай в мой магазин. Я желал бы, чтобы ты состряпал что-нибудь в прозе; но требую разрешения на поцравку: иногда ты жестоко грешишь против грамматики; и часто, так же как и я, заговариваешься» (Г и л л е л ь с о н М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество с. 371). Споры о типе «арзамасского» издания вскоре перекинулись на заседания общества (см. протокол заседания 22 апреля 1817 г.). В результате усилий Орлова и Вяземского возобладала мысль о журнале; однако в силу ряда причин до ее практической реализации дело так и не дошло (см. 1 том наст. изд.).

Стр. 347. *Ты: Обзорение литературы 1817 г. ...*— Эта статья Дашковым, вероятно, не была написана.

Стр. 348. *Блудов: О итальянской литературе...*— Это сочинение Блудова неизвестно.

...отрывки из записок...— См. «Украденную записную книжку» Блудова в наст. томе.

Северин: Воспоминания о Франции, Англии и Италии...— Этой статьи Северин не написал.

Пушкин: Вот я вас опять.— Несомненно, подразумевается послание В. Л. Пушкина «К арзамасцам», за которое он, прежде разжалованный в «Вотрушку», получил имя «Вот я вас опять!» (см. т. 1 наст. изд.).

Никита Муравьев: у него будут, верно, готовы отрывки исторические.— Около 1816 г. Н. Муравьев приступает к систематическим штудиям по истории: в эту пору появляется его первый печатный труд «Рассуждения о жизнеописаниях Суворова» (СО, 1816, № 6, 16, 46). Видимо, Муравьевым были тогда же созданы (или задуманы) и другие исторические сочинения.

II. Немецкая книжка...— Далее в письме перечисляются материалы, которые в перспективе могли бы составить содержание многих томов переводного альманаха, — сочинения Гете, Шиллера, Тика, Жан-Поля, Лихтенберга, Якоби, Гебеда, Новалиса, Шлегеля и других.

А. И. Тургеневу. Вторая половина января 1817 г. (стр. 348).— ПЖТ, с. 171.

Письмо отражает роль Жуковского в хлопотах о судьбе «приемыша Арзамаса» А. И. Мещевского — питомца Московского университетского пансиона, при неясных обстоятельствах разжалованного в солдаты в 1812 г. и сосланного на Урал. Во многом благодаря энергии Жуковского к хлопотам о Мещевском подключились Тургенев, Вяземский, другие арзамасцы и сам Карамзин. Однако усилия арзамасцев успехом не увенчались: Мещевского с Урала вызволить не удалось, и он скончался от чахотки около 1820 г. Стихотворения Мещевского см.: *Поэты 1790—1810*, с. 703—718.

Стр. 348. ...поэма «Наталья боярская дочь»... — Поэму Мещевского удалось опубликовать в 1817 г. в Москве под криптонимом: «А. М.»

Стр. 349. ...к Карамзину послал его письмо ко мне, в коем он требует помощи. — Карамзин отвечал Жуковскому 18 февраля 1817 г.: «Оренбургский поэт... без сомнения, достоин жалости; но как вмешаться в дело, которого не знаем?» (РА, 1867, стлб. 1386).

А. И. Тургеневу. 24 февраля 1817 г. (стр. 349). — ПЖТ, с. 174. В письме речь идет о той же поэме Мещевского.

П. А. Вяземскому. 12 ноября 1818 г. (стр. 349). — Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, с. 53—54, с исправлениями по автографу: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909-а, л. 20—21.

Письмо связано с размолвкой между Жуковским и Вяземским, вызванной иронически-фамильярными высказываниями последнего о литературных вечерах Жуковского. О реакции Жуковского на шутки московского друга извещал Вяземского А. И. Тургенев в письме от 30 ноября 1818 г. Тургеневу Жуковский показал и публикуемое письмо. Напротив слов «А он читает!» Тургенев приписал: «Неправда», а все упреки в свой адрес парировал репликой: «Эти замечания были бы справедливы, если бы были основательны. Т—в» (л. 20 об.).

Стр. 349. Ты шутишь на мой счет, ставишь меня наряду с пьяным Костровым, Мерзляковым, поешь, что я нынче Чебышев, завтра Катенин... — В письме от 13 октября 1818 г. к Тургеневу Вяземский писал: «Нельзя ли при верной оказии переродить и Жуковского?

Кто бывает у него по субботам? Сделай милость, смотри за ним в оба. Я помню, как он пил с Чебышевым и клялся Катениным. С ним шутить нечего. «Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas» («от великого до смешного один шаг — фр.): в первую субботу напьется с Карамзиным, а в другую с Шишковым». — ОА, т. 1, с. 129). И в том же письме: «Всех наших обними, да купи для Жуковского портрет Кострова: авось уймется! Костров по крайней мере пил и пел, Мерзляков пьет и врет, а этот?» (с. 130—131). Второе письмо, упомянутое

Жуковским, — очевидно, письмо Вяземского Тургеневу от 20 октября 1818 г.: «Скажи Жуковскому в воскресенье, что он пьяница; он навеки с тобою поссорится, потому что суббота у него тут еще на плечах и в голове, и в глазах посололевших, и на языке побелевшем» (ОА, т. 1, с. 132).

Стр. 350. ...как зато славно отделан Жуковский в письме к Дашкову! — Имеется в виду письмо Вяземского к Дашкову от 2/14 ноября 1818 г. (см. ниже).

С. С. Уварову. Начало апреля 1837 г. (стр. 351). — Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л., 1969, с. 25—26 (публикация Т. П. Мазур, М. Н. Малова).

Ближайший контекст публикуемого письма таков: в феврале 1837 г., когда развернутые печатные отклики на смерть А. С. Пушкина были практически запрещены (за соблюдением соответствующего предписания следил министр народного просвещения С. С. Уваров — в 30-е гг. один из злейших врагов поэта), Жуковский создает статью «Последние минуты Пушкина». Эта статья, в основе которой — письмо С. Л. Пушкину, сыграла важную роль в посмертной судьбе поэта (об этом см.: Вацуро В. Э. Пушкин в сознании современников. — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х томах, т. 1. М., 1974, с. 32—34). Свое сочинение Жуковский направил лично Николаю I, который сделал в тексте ряд вымарок, но в целом его одобрил. Об этом Жуковский сообщал в письме Уварову (вероятно, в марте 1837 г.): «Мою... статью о Пушкине я показывал Государю; он приказал многое выбросить. Как скоро поспеет моя операция, представлю вам статью в обоих видах» (Пушкин и его современники, вып. IV, с. 87—88). Статью «в обоих видах» Жуковский послал Уварову в сопровождении официального письма (пока не обнаруженного) и публикуемого «арзамасского завывания». «Арзамасский» тон письма призван был напомнить Уварову о временах молодости и долге перед памятью «арзамасского братства». Статья Жуковского увидела свет в «Современнике» (1837, ч. V).

Стр. 351. По указаниям государя я все выпустил, что относилось до него и где говорил об иностранцах поименно... — Первоначальный текст письма Жуковского С. Л. Пушкину (с обозначением мест, исключенных при публикации в «Современнике») см. в кн.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987, с. 152—172.

Да что же статья Карамзина! — Речь идет о выдержках из работы Карамзина «Записка о древней и новой России», которые Пушкин безуспешно пытался напечатать в «Современнике». После долгих цензурных мытарств (см.: Переселенков С. А. Материалы для истории отношений цензуры к Пушкину. — Пушкин и его современники, вып. VI. СПб., 1908, с. 8—18) разрешение на публикацию отрывков, в свою очередь существенно купированных, было

получено (29 марта 1837 г.). Ведущая роль в «борьбе за Карамзина» принадлежала Жуковскому (см.: Модзалевский В. К истории «Современника». (Письмо В. А. Жуковского к С. С. Уварову). — Пушкин и его современники, вып. IV, с. 85—89).

ПИСЬМА К. Н. БАТЮШКОВА

П. А. Вяземскому. 9 мая 1813 г. (стр. 352). — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 г. Л., 1984, с. 145—147 (публ. В. А. Кошелева).

Стр. 352. ...*замечания на твое прекрасное послание.* — «К Жуковскому» («Жуковский, музам друг...», 1813). Большая часть замечаний Батюшкова была учтена Вяземским (см. текст послания и примеч. к нему в наст. томе).

Стр. 354. ...*государыне Елизавете Алексеевне.* — Батюшков не вполне точен: исправленная редакция гимна Жуковского «Певец во стане русских воинов» была отправлена не Елизавете Алексеевне (жене Александра I), а вдовствующей императрице Марии Федоровне (матери государя). Она и наградила поэта перстнем.

Я ожидаю сюда Бахметева и буду проситься в армию. — Батюшков был принят в военную службу 29 марта 1813 г. и назначен адъютантом к генерал-лейтенанту А. Н. Бахметеву, который после тяжелого ранения при Бородине находился на излечении в Нижнем Новгороде. Не дождавшись Бахметева, Батюшков выехал на театр военных действий в конце июля 1813 г.

П. А. Вяземскому. Начало июля 1813 г. (стр. 354). — *Батюшков*, т. III, с. 311, где неверно датировано 1815 г.

Стр. 354. ...*начало твоего «Послания».* — «К подруге» (ранняя редакция). Вяземский воспользовался частью замечаний Батюшкова (см. с. 280—284 наст. тома).

П. А. Вяземскому. 10 января 1815 г. (стр. 356). — *Батюшков*. 1986, с. 386—388.

Стр. 356. *Но о стихах твоих я говорить могу смело.* — Подразумеваются стихотворения Вяземского «Песнь на день рождения... Александра I» и «Песнь на открытие в Москве дома Российского благородного собрания» (СО, 1815, № 3).

...*Жуковского стихи.* — Послание «Императору Александру».

...*здешние Гуси.* — Петербургские «архаисты», члены «Беседы» и Российской Академии.

Зато Нелединский плакал, читая их перед императрицей. — Батюшков не вполне точен; стихи Жуковского императрице читал

А. И. Тургенев (см. письмо Тургенева Жуковскому от 1 января 1815 г.— РА, 1864, № 4, с. 448—452).

...предоставил сие право исключительно Фидию.— Покровительством и особым расположением Александра Македонского пользовался не Фидий (умерший задолго до рождения завоевателя), а скульптор Лисипп.

Воейков, приятель Пушкина и Мерзлякова, садит их в дом сумасшедших?— Подразумевается сатира А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших»; в некоторых списках фигурирует В. Л. Пушкин (см.: *Поэты 1790—1810*, с. 799).

Стр. 357. *Теперь кончил сказку «Домосед и странствователь»...*— Сказка «Странствователь и домосед» (Амфион, 1815, № 6).

...заблуждения и сердца, и ума моего.— Формула отсылает к роману французского писателя К.-Ж. Кребийона «Заблуждения сердца и ума» (1736).

...здесь разошлись мои стихи «Певец».— «Певец, или Певцы в Беседе славено-россов». Уничжительная самооценка связана как с обычной робостью Батюшкова в моменты распространения его полемических сочинений, так и с пересмотром взглядов на сатиру в целом (ср. с отзывом о Воейкове).

Левушке поклонись за меня.— Имеется в виду Л. В. Давыдов, общий московский приятель Батюшкова и Вяземского.

В. А. Жуковскому. Середина декабря 1815 г. (стр. 357).— *Батюшков*, т. III, с. 358—359.

Стр. 358. *Вот им реестр...*— Все эти сочинения (кроме характерологического очерка «Искательный») были затем опубликованы Батюшковым в журналах и в «Опытах в стихах и прозе».

...не знаю его «Абуфара»...— Подразумевается перевод с французского Шаховским трагедии Ж.-Ф. Дюсиса «Abufar, ou le famille agabe» (преьера в Петербурге — 3 ноября 1815 г.).

...кроме водевиля «Казака»...— «Казак-стихотворец».

Ожидая еще поэму «Гаральд Храбрый»...— Эта поэма Шаховского неизвестна.

В. А. Жуковскому. 20—21 марта 1816 г. (стр. 358).— *Батюшков*, т. III, с. 382—383.

Стр. 358. *Благодарю тебя, милый друг, за твою книгу...*— Жуковский прислал Батюшкову I часть своих «Стихотворений» (СПб., 1815).

Не знаю, что у вас делается в вашей Суздали, а в нашей не лучше.— Подразумеваются «Беседа» и Российская Академия в Петербурге и ОЛРС в Москве. Письмо строится на игровом осмыслении современной литературной ситуации в «художественных» категориях («Арзамас» проецируется на Арзамасскую художественную школу, цитадель нового искусства в русской провинции; враждеб-

ные ему группировки — на «суздальскую живопись», старинное иконописное ремесло.)

Стр. 358. *Возьмите в Арзамас доброго Лихачева...*— Речь идет о незначительном литераторе, знакомце Батюшкова; в «Арзамас» Лихачев принят не был. Его послание к Жуковскому неизвестно.

Стр. 359. *Что делает Рафаэль-Карамзин в Суздали?*— Весной 1816 г. Карамзин хлопотал в Петербурге об издании «Истории государства Российского».

Как приняли его картину абдерито-суздальские маляры?— Подразумеваются литераторы из круга «Беседы» и Российской Академии. Абдера — место действия романа немецкого писателя К. М. Виланда «История абдеритов» (1774—1779), мир глупости и невежества.

Катерина Андреевна — Карамзина.

Мерзляков читает...— В 1816 г. Мерзляков в доме А. Ф. Кокоскиной читал публичные лекции, посвященные словесности и эстетике.

Пушкин перевел «Игрока»...— Имеется в виду перевод комедии Ж.-Р. Реньяра «Игрок», выполненный А. М. Пушкиным. Несмотря на хлопоты, опубликовать перевод не удалось. Ср. письмо Вяземского А. И. Тургеневу от 9 октября 1816 г. (ОА, т. 1, с. 55).

...и похваля себе не слышат.— Вольная цитата из сатиры И. И. Дмитриева «Чужой толк» (1794).

...ты член здешнего общества.— Вяземский был избран Действительным членом ОЛРС.

...экземпляр лишний «Элевзинских таинств»...— Книга С. С. Уварова на французском языке «Опыт об Элевзинских таинствах» в 1816 г. вышла вторым изданием в Париже.

П. А. Вяземскому. 4 марта 1817 г. (стр. 359).— *Батюшков*, т. III, с. 426—431.

Стр. 359. *...благодарим за старание твое, хотя и бесплодное.*— Вяземский хлопотал об устройстве на место директора вологодской гимназии П. А. Шипилова — родственника Батюшкова.

Стр. 360. *Благодарю Жук(овского) за предложение трудиться с ним...*— Речь идет о задуманном Жуковским альманахе (см. его письмо к Д. В. Дашкову от января 1817 г. и примеч. к нему в наст. томе).

...я печатаю сам и стихи, и прозу...— Подразумевается готовящийся Батюшковым авторский сборник «Опыты в стихах и прозе».

Собираю итали(анские) переводы в прозе, отборные места, и хочу выдать две книжки.— Этот замысел Батюшкова реализован не был.

Недавно я бросил с досады Иоганна Миллера.— Подразумевается посмертно изданный курс лекций И. Миллера «Книги по всемирной истории» (1811); в письме речь идет о 10 главе 23 книги.

Стр. 361. *Его бы в члены...*— Батюшков не знал (или забыл), что Жихарев был принят в члены «Арзамаса» в 1815 г.

Запрос Арзамасу.— Переделка стихотворений Вольтера «Три Бернарда». О ком идет речь в этой «галиматийной» эпиграмме — не вполне ясно. Согласно одной расшифровке, здесь подразумеваются В. Л. и А. М. Пушкины, а также Н. С. Бобринцев-Пушкин; согласно другой — В. Л., С. Л. и А. М. Пушкины. Высказывавшееся предположение о том, что один из трех Пушкиных — это Александр Сергеевич, наиболее уязвимо, поскольку противоречит всему содержанию стихотворения: А. С. Пушкин тогда не жил в Москве и был гораздо моложе своих родственников.

Д. В. Дашкову. Конец августа 1817 г. (?) (стр. 361).— Б а т ю ш к о в К. Н. Нечто о поэте и поэзии. М., 1985, с. 336. Датировка письма приблизительна; целый ряд содержащихся в нем намеков не поддается пока расшифровке. Отсутствие непосредственно «арзамасских» реалий и активное обыгрывание полемических выступлений Дашкова начала 1810-х гг. позволяет отнести письмо и к более раннему периоду.

Стр. 361. *...если Вы уже в царстве мертвых...*— Подразумевается либо отъезд Дашкова в Турцию (1817), либо одна из поездок его в родовое имение в Спасском уезде Рязанской губ.

Стр. 362. *...являйтесь к нам изредка в подобье тени...*— Шутливая автоцитата из стихотворения Батюшкова «Привидение» (1810).

...и там столпы свои поставил...— Цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «Глас патриота на взятие Варшавы» (1794).

...сторукий Бриарий Хлыстов...— Бриарий (Бриарей) — чудовищное существо с 50 головами и сотней рук, сын бога неба Урана и богини земли Геи (греч. миф.). Батюшков намекает на издевательскую речь Дашкова в *ВОЛСНХ* (1812) по случаю избрания в почетные члены Д. И. Хвостова.

Великий Орион...— А. С. Шишков; подразумеваются полемические выступления Дашкова против Шишкова в 1810—1811 гг.

...ученик Атласа-Курганова...— Отсылка к характеристике Шишкова в «Видении на берегах Леты» Батюшкова («Кургановым писать учен»).

Ни великий колпак наподобие пси! — Обыгрывается характеристика Шишкова в послании А. Ф. Воейкова «Дашкову» (1814): «Колпак, как пси, стоящий прямо».

Идох мимо и се не бе.— Пс. 36, ст. 36.

...тройкой Фебы.— Подразумевается луна.

Катерина Федоровна — Е. Ф. Муравьева.

П. А. Вяземскому. 13 сентября 1817 г. (стр. 362).— Б а т ю ш к о в, т. III, с. 468—469.

Стр. 362. *Спроси у Северина...*— Северин хлопотал о получении Батюшковым места при дипломатической миссии в Италии.

В. А. Жуковскому. Январь 1818 г. (стр. 363).— *Батюшков*, т. III, с. 488—489.

Стр. 363. *Здоровье изменило...*— Автореминисценция из послания «Жуковскому» (1812).

Обними Северина и пожелай ему счастья.— Речь идет о женитьбе Северина.

...тебе желаю жажды стихов, которую ты не утолишь в Гребеневском ключе...— Намек на стихотворение Державина «Ключ» (1779), которое заканчивалось строками, потешавшими арзамасцев: «Творца бессмертной «Россиады», // Священный Гребеневский ключ, // Поил водой ты стихотворства». Ср. запись Вяземского: «Державин сделал без умысла забавную эпиграмму на Хераскова в своей пьесе Ключ:

Творца бессмертной Россиады
Поил водой ты стихотворства!

И какая вода!» (Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 67).

Извлеки из нее «Русалку»...— Речь идет о нереализованном Жуковским замысле поэмы.

Д. Н. Блудову. Февраль 1818 г. (стр. 364).— *ЦГАЛИ*, ф. 72, оп. 1, № 1.

Стр. 364. *...еще более благодарю за статью о Стурдзе...*— Подразумевается рецензия Д. Н. Блудова в «Журнале императорского человеколюбивого общества» (1817, № 2—5) на книгу А. Стурдзы «*Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe*» (Веймар, 1816; «Размышления об учении и духе православной церкви»).

...такова будет статья о Радищеве.— Эта статья Блудовым, вероятно, не была написана; свидетельством интереса арзамасцев к Радищеву служит сочувственное упоминание последнего в статье С. С. Уварова «Ответ В. В. Капнисту на письмо его об экзаметре».

Кар<амзина> не возвращаю...— Речь идет об «Истории государства Российского».

П. А. Вяземскому. 9 мая 1818 г. (стр. 364).— *Батюшков*, т. III, с. 494—495.

Стр. 364. *На днях увижу Жуковского, которого, побранив за Немногих, буду хвалить за стихи на рождение великого князя...*— Имеются в виду сборник Жуковского «Для немногих» (1818) и его «Поздравление великой княгине Александре Федоровне на рождение великого князя Александра Николаевича».

Блудов уезжал...— Блудов отправился в конце апреля 1818 г. в Лондон, куда был назначен советником посольства.

Тургенев — А. И. Тургенев.

...брат его...— Н. И. Тургенев.

Уваров говорил речь...— Речь Уварова на открытии кафедры восточных языков, в Педагогическом институте, произнесенная 22 марта 1818 г. (отд. изд.— СПб., 1818) была проникнута умеренно-либеральным духом и произвела большой эффект в обществе.

Забыл о Пушкине молодом: он пишет прелестную поэму и зреет.— Подразумевается «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина. Письмо Батюшкова — одно из самых ранних свидетельств о начале работы Пушкина над поэмой.

Стр. 365. *Прости в последний раз до Тавриды.*— Батюшков собирался отправиться на лечение в Крым; однако изменившиеся обстоятельства вынудили его выехать 11 мая в Одессу (через Москву).

А. И. Тургеневу. 10 сентября 1818 г. (стр. 365).— Батюшков, т. III, с. 533—534.

Д. Н. Блудову. Начало ноября 1818 г. (стр. 365).— ИРЛИ, Р-III, оп. 1, № 518.

Стр. 365. *На сих днях отправляюсь в Неаполь.*— Батюшков выехал из Петербурга 19 ноября 1818 г.

...хотя Кара(мзин) и вступил в Российск. Академию и на днях будет читать речь в ее услышание.— Карамзин был избран в Российскую Академию 10 июля и произнес вступительную речь 10 декабря 1818 г.

Жуковский и Филарет также членами оной Академии.— Жуковский и архимандрит Филарет были избраны в Российскую Академию 5 октября 1818 г.

...бледен как мертвец...— Автоцитата из послания «Жуковскому» (1812).

Стр. 366. *«Северная почта» возвестила публике...*— Соответствующая информация помещена в номере «Северной почты» за 16 октября 1818 г.

Жуковск. погрузился в глаголы и погрузился в грамматику.— Насмешка над педагогическими занятиями Жуковского с великой княгиней Александрой Федоровной.

...обнять его после ужасного несчастья.— Имеется в виду кончина жены Северина.

Дашков занят очень своей должностию...— Дашков в эту пору находился на должности советника посольства в Константинополе.

Он написал громаду прекрасных стихов...— Речь идет о стихотворении Вяземского «Петербург» (1818).

Стр. 367. *Г. Кривцову скажите, что мы о нем часто говорим...*— Н. И. Кривцов был приятелем многих арзамасцев.

А. И. Тургеневу. 24 марта 1819 г. (стр. 367).— *Батюшков*, т. III, с. 550.

ПЕРЕПИСКА П. А. ВЯЗЕМСКОГО И А. И. ТУРГЕНЕВА

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу, 29 октября 1813 г. (стр. 368).— *ОА*, т. 1, с. 17.

Стр. 368. *...какой-то Грузинцев... издал поэму...*— «Спасенная и победоносная Россия в девятом-на-десять веке» была напечатана в 1813 г. с посвящением Александру I.

...наш князь из грузинцев...— П. И. Шаликов, сын небогатого грузинского князя.

Кутузова рукой победной...— Эпиграмма Вяземского; в несколько иной редакции опубликована в «Благонамеренном», 1821, № 10 (см.: *Вяземский. 1986*, с. 66, 446—447).

...Белевского нашего Тиртея и Горация-Эпиктета...— Жуковского.

Прочь от вас Катон, Сенека...— Цитата из «Стансов к Н. М. Карамзину» И. И. Дмитриева (1793).

Стр. 369. *...стихов его к тебе...*— Послание Жуковского «Тургеневу, в ответ на его письмо» (написано в сентябре 1813 г.; опубли. в 1815 г. в «Стихотворениях Василия Жуковского». СПб., ч. 1).

...ездят ко всем скорбящим...— Очевидно, церковь Всех скорбящих радости на Ордынке.

...я крайне беспокоюсь о нем... новая победа...— Батюшков в конце октября 1813 г. находился в Веймаре при генерале Н. Н. Раевском, который лечился там от раны, полученной в Лейпцигском сражении (16—19 октября 1813 г.).

Кой черт понес его на эту галерею?— Мольер. Прodelки Скапена (1671; д. 2, сц. VII).

...швед-Блудов...— Блудов с октября 1812 г. служил советником русской миссии в Стокгольме.

Стр. 370. *...но я не Шишков...*— Намек на статью «Сравнение Сумарокова с Лафонтеном», где Шишков одобрительно цитирует Сумарокова: «Борей мой дует, Борей мой плюет» (см.: Вацуро В. Из ист.-лит. комментария к стихотворению Пушкина.— Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1976, с. 307).

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 29 января 1816 г. (стр. 370).— *ОА*, т. 1, с. 39—40.

...по арзамасской табели о рангах...— Всякий член Общества именовался «его превосходительство гений Арзамаса».

...о жидовских и христианских комитетах...— Тургенев служил директором Главного управления духовных дел иностранных вероисповеданий и принимал участие в работе Комитета для устройства евреев.

Я был в горе...— Возможно, имеется в виду болезнь жены Вяземского, о которой он сообщает Тургеневу в письме от 22 января 1816 г.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 20 апреля 1816 г. (стр. 371).— ОА, т. 1, с. 43—45.

Овидий-капуцин Батюшков...— Батюшков назвал себя Овидием в письме к Вяземскому от 19 декабря 1811 г. Капуцин во французском языке имеет значение «ханжа»; подразумевается склонность Батюшкова к меланхолии и религиозной рефлексии.

...сделайте старостю его в Библейском обществе...— Тургенев состоял секретарем Библейского общества с момента его основания в 1812 г.; возглавлял общество кн. А. Н. Голицын.

...с чужонскою Библиею...— Библейское общество ставило одной из целей перевод Священного Писания на национальные языки.

Котенок — Резвый Кот, т. е. Д. П. Северин.

Единственная чета — С. П. Свечина и ее сестра кн. Е. П. Гагарина (обе урожд. Соймоновы).

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 15 июня 1816 г. (стр. 372).— ОА, т. 1, с. 48—49.

Учился у Тальмы...— Во время своего пребывания в Париже в 1803 г. будущий староста «Арзамаса» брал уроки декламации у Тальмы, что было предметом ненаменных шуток среди арзамасцев.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 5 июля 1816 г. (стр. 372).— ОА, т. 1, с. 51.

...наши две северные звезды...— Очевидно, С. П. Свечина и кн. Е. П. Гагарина.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 5 октября 1816 г. (стр. 373).— ОА, т. 1, с. 54.

Стр. 373. *«Буянов»* — поэма В. Л. Пушкина «Опасный сосед» (см. с. 136 наст. тома).

...Пушкин умер в Козельске...— Комический слух, периодически распускаемый А. М. Пушкиным.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 1 марта 1817 г. (стр. 373).— ОА, т. 1, с. 71.

...написал в своей басне глупость...— Речь идет о басне Вяземского «Доведь», прочитанной в ОЛРС 23 февраля 1817 г. В. Л. Пушкиным; басня впервые напечатана в Трудах ОЛРС (1817, ч. 9) с учетом

поправок, сообщаемых в данном письме. Ср. в письме Батюшкова Вяземскому от 9 марта 1817 г. по поводу этой басни: «Спасибо за стихи. Никак не сладишь с ней: да выкинь оба стиха! А басня ей-ей замысловата и хорошо заострена» (Батюшков К. Н. Соч. в 2-х т., т. 2. М., 1989, с. 428).

...скажи Блудову, что я потею над Озеровым.— Имеется в виду статья «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» (1817) в первом томе Соч. Озерова. Блудов, приходившийся Озерову (умершему 5 сентября 1816 г.) двоюродным братом, был инициатором этого издания и собирался писать вступительную статью, но затем отказался от этого намерения. Переписку Вяземского и Блудова по этому поводу см. в наст. томе.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 26 марта 1817 г. (стр. 374).— *ОА*, т. 1, с. 71—72.

...всю Пресненскую часть...— Шаликов жил в собственном доме на Пресне.

«Зевайте, но выслушайте».— Вяземский пародийно переиначивает известные слова афинского полководца Фемистокла спартанскому полководцу Эврибиаду: «Бей, но выслушай!» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Фемистокл, XI).

...письма из Москвы в Нижний...— Намек на одноименное сочинение И. М. Муравьева-Апостола, члена «Беседы», опубликованное в *СО* в 1813—1814 гг.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу, 29 июня 1817 г. (стр. 374).— *ОА*, т. 1, с. 73.

Стр. 374. *...из деревни Прасковьи Юрьевны...*— Из села Мещерского Сердобского уезда Саратовской губ., принадлежавшей теще Вяземского.

...глаголющего своего.— Имеется в виду день рождения Вяземского — 12/23 июля.

Каков Соковнин!— Приятель Жуковского, Тургенева и Вяземского, воспитанник Московского университетского благородного пансиона С. Соковнин в силу психической неуравновешенности преследовал В. Ф. Вяземскую любовными признаниями; в апреле 1817 г. он неоднократно падал перед ней на колени на бульваре, за что 19 апреля был арестован и препровожден в родительский дом.

Стр. 375. *Там наших дней хранится старина.*— Из «Послания к Жуковскому. Из Москвы в конце 1812 года», написанного Вяземским в 1813 г. и опубликованного в Трудах *ОЛРС* (1816, ч. 6), где эта строка напечатана в несколько иной редакции: «Здесь красится дней наших старина» (см.: *Вяземский. 1986*, с. 64).

...один — к дипломатическому стулу, другой — к архимандритским креслам.— Имеются в виду Северин, состоявший в это время

на службе в канцелярии министерства иностранных дел, и А. И. Тургенев (см. примеч. к с. 370).

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 27 августа 1817 г. (стр. 375). — *ОА*, т. 1, с. 83—84.

Красное село — имение Вяземского в Костромской губернии. «*Кум Матвей*» (1766; русск. пер. П. А. Пельского, 1803) — скабрезный роман А.-Ж. Дюлорана.

Я памятник себе воздвиг... — Строка из «Памятника» Державина (1795).

«*Вадим*» — вторая баллада из «Двенадцати спящих дев» Жуковского (впервые опублик. в отд. изд. 1817).

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 24 августа 1818 г. (стр. 375). — *ОА*, т. 1, с. 115—116.

Стр. 375. *...как позволяют Каченовскому так ругаться Карамзиным...* — В майском и июньском номерах «Украинского вестника» за 1818 г. — без позволения Карамзина и с грубыми ошибками — опубликована его «Записка о достопамятностях Москвы», доставленная В. Н. Каразинным. Каченовский, давний противник Карамзина, напечатал в *ВЕ* (1818, ч. 100, № 13, с. 39—51) письмо «К господам издателям «Украинского вестника» (подпись «Лужники»), где сделал вид, что не верит авторству Карамзина, подверг статью издательской критике.

Стр. 376. *...Оболенский мыл голову Каченовскому за какие-то стихи... напечатанные в «Вестнике»...* — *ВЕ* издавался при Московском университете, попечителем которого был А. П. Оболенский.

...уж не Апостол ли? — Возможно, И. И. Муравьев-Апостол.

...нет ни Блудова, ни Дашкова! — Блудов с мая 1818 г. исполнял обязанности поверенного в делах в Лондоне; Дашков с 1817 г. служил вторым советником при русском посольстве в Константинополе.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 20 октября 1818 г. (стр. 376). — *ОА*, т. 1, с. 132—133.

Стр. 376. *...brekeke, коах, коах!* — Стих из комедии Аристофана «Лягушки» (неоднократно повторяющаяся реплика хора лягушек).

Пожалуй, ты скажешь, что и этот выкидыш не в батюшку. — 9 октября 1818 г. Тургенев писал Вяземскому о его эниграммах на Каченовского («Наш журналист и сух и тощ, как сичка...» и «Иссохлось бы перо твое бесплодно...»), присланных в письме от 25 сентября: «Эти детки не в батюшку. По ним тебя не узнают» (*ОА*, т. 1, с. 128).

Стр. 377. *...онные стихи тебе и брату твоему понравились.* — Речь идет о «Петербург», посланном Жуковскому 28 сентября 1818 г. (см. письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от этого числа — *ОА*, т. 1,

с. 125). 9 октября 1818 г. Тургенев писал Вяземскому, что прочитал «прекрасные стихи <...> три раза с братом Николаем, который восхищался ими по многим причинам» (ОА, т. 1, с. 127).

...«двум молодым будет по товарищу». — Слова из письма Тургенева к Вяземскому от 9 октября 1818 г.

Ты точно он другой! — Пародийная реминисценция из послания В. Л. Пушкина «К арзамасцам» (1816); см. с. 368 т. 1 наст. изд.

...*государь возвратится из Азена.* — С конгресса Священного Союза, проходившего 29 сентября — 21 ноября 1818 г.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 8 ноября 1818 г. (стр. 377). — ОА, т. 1, с. 141—142.

Стр. 377. *Ну, если вы и это не сейчас напечатаете...* — Статью «О письме Екатерины к Сумарокову», анонимно напечатанную в СО (1818, ч. 50, № 49, с. 166—173).

«*Оживающий... Мерзляков*»... — пародийное обыгрывание названия элегии Батюшкова «Умирающий Тасс» (1817).

Стр. 378. *Савушка-Сава...* — Цитата из «Песенки» (1760) А. П. Сумарокова, осмеивающей подьячего-взяточника (см.: Сумароков А. П. Избр. произведения. Л., 1957, с. 268).

Превосходительный профессор наш Ханжеев! — Стихи Воейкова из его письма к Вяземскому от 8 октября 1818 г. (впервые опубли.: ОА, т. 1, с. 526).

...*в Беседе нашей московской...* — В ОЛРС, где председателем был добродушный А. А. Прокопович-Антонский, а действительным членом — резкий А. Ф. Мерзляков.

...*крокодил-академик...* — Жуковский, избранный в 1818 г. членом Российской академии.

Мне и Николай Михайлович пишет уже о них... — В письме Карамзина от 30 октября 1818 г. (см.: ОА, т. 1, с. 527).

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 3 декабря 1818 г. (стр. 378). — ОА, т. 1, с. 161.

Стр. 379. ...*как лучи на Мемнонову статую...* — См. примеч. на с. 523 наст. тома.

...*все его замечания...* — Замечания Жуковского на «Петербург» Вяземского.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 6 августа 1819 г. (стр. 379). — ОА, т. 1, с. 284.

...*не слишком фенелонствовать... Ментор... Телемак...* — Пародийные реминисценции из эпической поэмы в прозе Фенелона «Приключения Телемака» (1699); Ментор — мудрый наставник сына Одиссея Телемака.

Что делает Батюшков с carbonari? — Батюшков в это время находился на дипломатической службе в Неаполе.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 7 августа 1819 г. (стр. 379).— ОА, т. 1, с. 285.

Стр. 380. «Славянка» (1815) — элегия Жуковского.

...стихи к великой княгине на рождение...— послание «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича» (1818 г.).

...стихи на смерть другой.— Элегия «На кончину ее величества королевы Виртембергской» (январь 1819 г.).

И мертвое отзывом стало...— Из стихотворения Жуковского «Мечты» (1812; вольный перевод «Идеалов» Шиллера).

«Цветок» — стихотворение Жуковского «Цвет завета» (1819 г.; опублик. в 1837 г.). Тургенев прислал Вяземскому это стихотворение, написанное «по заказу великой княгини» Александры Федоровны, в письме от 30 июля 1819 г. (ОА, т. 1, с. 276).

Ты мне отпевал Козодавлева...— В письме Тургенева от 30 июля 1819 г.: «Третьего дня схоронили мы Козодавлева. Многие жалеют о нем, а я жалею о том, что часто смеялся над ним, хотя совесть и не упрекает меня в несправедливости. Я узнал после, что он был добрый человек...» (ОА, т. 1, с. 274).

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 29 августа 1819 г. (стр. 380).— ОА, т. 1, с. 299.

...библейскую речь Орлова? — Произнесена 11 августа 1819 г. в Киевском отделении Библейского общества, которого М. Ф. Орлов был вице-президентом (см. Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, с. 45—52). Отзыв Тургенева о речи Орлова см. в его письме к Вяземскому от 26 августа 1819 г. (ОА, т. 1, с. 295—297). В конце 1810-х гг. речь Орлова распространялась в списках; ср. в письме И. И. Дмитриева А. И. Тургеневу от октября 1819 г.: «Будет ли напечатана в «Северной почте» речь Орлова, говоренная в К<иевском> Библи<ейском> Отделении? Она здесь ходит в рукописи» (РА, 1867, стлб. 1115).

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. Начало марта 1820 г. (стр. 381).— ОА, т. 2, с. 28—29.

«Летописи»... московского Общества, год III? — Труды ОЛРС (1818, ч. 12), где, среди прочего, было напечатано письмо Д. И. Хвостова председателю ОЛРС Прокоповичу-Антоновскому от 18 декабря 1817 г. с похвалами трудам Общества.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 20 марта 1820 г. (стр. 381).— ОА, т. 2, с. 31.

...для семейства Маздорфа, о коем упомянуто в 9-й книжке...— В СО (1820, № 9) было напечатано приглашение (за подписью А. Из-

майлова) помочь вдове недавно скончавшегося баснописца А. К. Маздорфа.

...при каждой плевке моей выставлять: Варшава...— Частая подпись (рядом с датой) под стихами Вяземского при их публикации в журналах в годы его пребывания в Варшаве.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 11 июня 1820 г. (стр. 381).— ОА, т. 2, с. 39.

Староста — В. Л. Пушкин.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 24 сентября 1820 г. (стр. 382).— ОА, т. 2, с. 74—75.

...его разбора «Руслана».— Рецензия Воейкова на поэму Пушкина «Руслан и Людмила», печатавшаяся в СО (1820, № 34—37).

...при Грече можно было показываться в «Сыне Отечества»...— С середины 1820 и до начала 1822 гг. соредактором Греча в СО был Воейков.

Ответ его Блудову...— В № 36 СО за 1820 г. Блудов поместил «Письмо к издателю» (без подписи), где указал на неисправность публикации доставленного им стихотворения Батюшкова «Надгробие русскому младенцу, умершему в Неаполе» (СО, № 35). В № 37 СО Воейков напечатал свой ответ («Благодарность знаменитому литератору»), содержащий грубые личные выпады в адрес Блудова.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 18 декабря 1820 г. (стр. 382).— ОА, т. 2, с. 120—121.

Стр. 382. *...и путешествия не проветрит его.*— Жуковский в октябре 1820 г. покинул Россию и до февраля 1822 г. путешествовал по Германии и Швейцарии.

О, сладкий жар во грудь мою проник...— Из стихотворения Жуковского «Старцу Эверсу» (1815).

Стр. 383. *...мое табашное к нему послание...*— Стихотворение Вяземского «Василий Львович, милый! Здравствуй!»

...стихотворения Carnot... в его защите Анвера...— Сборник стихов французского полковника Карно вышел в Париже в 1820 г. (Opuscules poétiques de général L.-N.-M. Carnot); Карно, прославившийся в сражениях времен Французской революции, при Наполеоне удалился от политической деятельности, но в 1814 г. сам вызвался защищать Антверпен (Anvers), положение которого было почти безнадежно, и не сдавал город вплоть до самого отречения Наполеона (Антверпен капитулировал 16 апреля 1814 г.).

...«Я не поэт».— Автоцитата из эпиграммы на П. П. Свиньина («Что пользы, говорит расчетливый Свиньин...»; 1818), кончающейся словами: «Я не поэт, я дворянин».

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 31 декабря 1820 г. (стр. 383). — *ОА*, т. 2, с. 132—133.

Стр. 383. «Послание» — «Послание к М. Т. Каченовскому», опубликованное в *СО* (1821, № 2) с купюрами и подписью: к. Вяземский.

Похвала Блудова... — Письмо, присланное Вяземскому при письме Тургенева от 24 декабря 1820 г.; в нем Блудов, хотя и делает несколько стилистических замечаний, дает «прекрасному посланию нашего Асмодея» восторженную оценку (см.: *ОА*, т. 2, с. 127).

Конфертатив — по-видимому, от фр. глагола conférer — даровать, жаловать.

Историограф — Карамзин, писавший Вяземскому 20 января 1821 г.: «Пишу (<...>) почти в сердце на вас за эпистола к Каченовскому, хотя в ней и много прекрасных стихов. Вы знаете мой образ мыслей, весьма искренний. Я не имею нужды ни в защите, ни в мести и если не врагам, то друзьям своим говорю от души: «Оставьте меня в покое». Вы, кажется, все еще не хотите мне верить: вот о чем жалею... Неприятели и друзья! Вы не сделаете меня ни хуже, ни лучше — ни менее, ни более. Если это не смирение, то и не гордость, а любовь к независимости, которую люблю любить» (Старина и новизна. СПб., 1897, кн. 1, с. 109).

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 28 января 1821 г. (стр. 384). — *ОА*, т. 2, с. 148.

...статьи Остолопова о эпистоле во втором «Сыне»? — Статья «О послании», с подзаголовком: «Из первой части «Словаря древней и новой поэзии, составленного Н. Ф. Остолоповым», опубликованная в *СО* (1821, № 2).

Как не стыдно Воейкову... нападать на лежачего Шаликова и ничтожить Иванчина-Писарева... — В «Историческом и критическом обозрении российских журналов» (*СО*, 1821, № 2, с. 51—54) Воейков уничижительно отозвался о «школе сентиментальности», которая господствовала в *ВЕ* при В. В. Измайлове и была представлена стихами Шаликова, Иванчина-Писарева и проч. Напротив, Маадорфа Воейков причислил здесь к писателям, которые «с честью выступили на поприще словесности» (там же, с. 55).

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. Начало февраля 1821 г. (стр. 384). — *ОА*, т. 2, с. 155—156.

Спасибо за письмо от 26 января. — В нем Тургенев цитирует письмо И. И. Дмитриева, сказавшего о «Послании к Каченовскому» Вяземского: «Вяземский оправдал мою надежду: он показал талант и душевную энергию. Люблю Жуковского и Батюшкова по-прежнему, но да не прогневаются они: Вяземскому в сердце моем первое место» (*ОА*, т. 2, с. 145).

Жуковский был гражданином-песнопевцем в событиях двенадцатого года...— Имеется в виду стихотворение Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812).

«История» Карамзина, подверженная горнилу Тимковского...— Цензором «Истории» Карамзина был сам Александр I.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 19 февраля 1821 г. (стр. 385).— *ОА*, т. 2, с. 166—167.

Знакомая незнакомка...— Название статьи Ф. Н. Глинки (*СО*, 1821, № 6, с. 256—260, с подписью *Θ. Г.*). Под «незнакомкой» подразумевается истина.

...нападки на нравственность Пушкина ...от племени Кутузова? — В статье члена петербургского *ОЛРС* Н. И. Кутузова «Аполлон с семейством» (*СО*, 1821, № 5) утверждалось, что А. С. Пушкин имеет талант великий, но одушевленный не чувством, а чувственностью. Вяземский намекает на родство Н. Кутузова с П. И. Голенищевым-Кутузовым, сочинителем доносов на Карамзина.

...шахматно-пегую, по выражению Боброва...— Намек на описание аспидов («шахматное, пего чрево») в поэме С. С. Боброва «Херсонида» (1798—1804), часто обыгрывавшееся в «эпиграммах на Боброва (ср. «шахматно-пегий гений» в эпиграмме Вяземского «Быль в преисподней»; 1810).

А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 23 февраля 1821 г. (стр. 385).— *ОА*, т. 2, с. 167—168.

Стр. 385. *Ты... собираешься в Париж, Карлсбад...*— Поездки не состоялись.

«Подражание Буало» — послание Вяземского «К В. А. Жуковскому. (Подражание сатире III Депрео)», написанное в августе 1819 г. и опубликованное в *СО* (1821, № 10, с цензурными купюрами и смягчениями); действительным источником является сатира II Буало «Господину де Мольеру».

Стр. 386. *Это погрешность Озеровская.*— Ср. в статье самого Вяземского об Озерове: «Часто употребляет он во зло присвоенную русским языком переноску слов и, сбиваясь в истинном их значении, довольствуется словом, близким к настоящему» (*Вяземский П. А.* Соч. М., 1982, т. 2, с. 34).

...в самых близких переводах.— У Буало: «La raison dit Virgile, et la rime Quinault» (Разум говорит: Вергилий, а рифма: Кино).

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 29 августа 1821 г. (стр. 386).— *ОА*, т. 2, с. 205.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. Вторая половина сентября 1821 г. (стр. 386).— *ОА*, т. 2, с. 213.

...известие о «Стихотворениях» Василия Львовича Пушкина.—

Заметка Вяземского «Об издании стихотворений Василия Львовича Пушкина» была опубликована в *СО*, 1821, № 46, с. 284—286 (ср.: *Вяземский. ПСС*, т. 1, с. 71—72). Замечания Вяземского в связи с неточностями в публикации см.: *ОА*, т. 2, с. 226—229.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 9 января 1822 г. (стр. 387). — *ОА*, т. 2, с. 238.

...благодарю вас, любезнейшая Кассандра! — За замечания на полях рукописи «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», опубликованной в качестве предисловия к сочинениям Дмитриева в 1823 г.; Блудов, в частности, писал: «Ваш слог (разумеется, в статье, которую мы рассматриваем) имеет только внутреннее достоинство: надобно подумать и о наружном; о правильности, опрятности, гармонии и проч. и проч. В этом довольно важном отношении ваши отрывки, небрежно и, без сомнения, наскоро писанные, должны быть не только поправлены, но, так сказать, переправлены» (цит. по: Вяземский П. А. Соч. М., 1982, т. 2, с. 316).

Что сделали Державин, Кантемир, Нелединский для государства? — В статье Вяземский писал, что литературные заслуги не должны считаться «препятствием развитию государственных способностей»: «...мы можем выставить на уличение клеветы и невежества имена Кантемира, Державина, М. Н. Муравьева, Нелединского и несколько других, которые являются в одно время и с честью на стезе государственной жизни и со славою при алтаре муз» (Вяземский П. А. Указ. соч., с. 49).

Разве я далее не говорю... и пользаю, и молвою временною... — «Имена хороших правителей, если события необыкновенные не возносят их на степень высшую, с коей могут они подействовать непосредственно на жребий государства и заготовить себе место в истории народа, должны довольствоваться и пользаю и молвою временною; имена хороших писателей, не затмеваемые блеском событий современных, разливающие сияние благодетельное на эпохи бледные и скудные, всегда сохраняются признательно у народов просвещенных, как лучшее их достояние, как неотъемлемая собственность!» (Вяземский П. А. Указ. соч., с. 50).

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 18 июня 1822 г. (стр. 387). — *ОА*, т. 2, с. 263—264.

Стр. 387. *...письма, подобного последнему!* — Письмо Тургенева от 12 июня 1822 г. (*ОА*, т. 2, с. 261), где обсуждаются достоинства и недостатки рецензии Вяземского на книгу М.-Ф. Валерио «Итальянская грамматика, подведенная под простые правила» (опубл. — *СО*, 1822, № 29, с. 129—131).

Ты, как Василий Львович... — См. примеч. на с. 566 т. 1 наст. изд.
...а для меня ты уже давно был трупом... — Вяземский имеет

в виду политическую осторожность Тургенева, проявившуюся, в частности, во фразе из письма от 31 мая 1822 г.: «...намеки свободомыслия, которые не совсем у места в объявлении о грамматике» (ОА, т. 2, с. 257).

Стр. 388. *Ни в Марьиной роще...*— Продолжение темы, заявленной в предыдущих письмах: «Вот что написал я вчера и что подтверждаю ныне, после бурного дня, проведенного в Марьиной роще с медведями, кулачными бойцами, под громом цыганок и в море шампанского...» (письмо Вяземского от начала июля 1822 г.— ОА, т. 2, с. 260); «Цензура была и при Монтескье, а Мачиавелли и не с Красовским возился; но и тот и другой, несмотря на оковы того времени, оставили вечные уроки и тебе, и мне, и нашим наставникам. Альпы сии существуют: освежайся их горным воздухом: но ты возишься в Марьиной роще — с медведями» (Письмо Тургенева от 12 июня 1822 г.— ОА, т. 2, с. 261—262).

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 15 апреля 1823 г. (стр. 388).— ОА, т. 2, с. 312.

...Батюшкова можно привести в порядочное состояние... проводить несчастного до Петербурга... выпустить его из Петербурга одного...— Первые признаки душевной болезни появились у Батюшкова еще в Италии в 1820 г., а затем повторились в 1821 г. в Германии, где он лечился на водах; весной 1822 г. он вернулся в Россию и почти сразу же выехал на Кавказ и в Крым, где трижды покушался на самоубийство и сжег свои рукописи.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 21 мая 1823 г. (стр. 388).— ОА, т. 2, с. 323.

Я злого Гашпара убил одним стихом.— Из послания В. Л. Пушкина «К арзамасцам» (с. 367 т. 1 наст. изд.).

А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 15 января 1824 г. (стр. 389).— ОА, т. 3, с. 3—4.

Читал ли в «Journal de Paris» ...статью об «Антологии» Сен-Мора?— В этой статье Баур-Лормиана о составленной Сен-Мором «Русской антологии» (1823, т. 1) утверждалось, что басня Крылова «Сочинитель и разбойник» (1817; фр. перевод Кс. де Местра) направлена против Вольтера; того же мнения придерживался и Греч (см.: СО, 1819, № 22, с. 136—137); от этих обвинений Крылова защитил Я. Н. Толстой в брошюре «Несколько страниц о Русской Антологии в ответ на критику этого труда, помещенную в Журналь де Пари», вышедшей в 1824 г. в Париже на французском языке.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 5 мая 1824 г. (стр. 389).— ОА, т. 3, с. 41—42.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 22 июня 1824 г. (стр. 390).— *ОА*, т. 3, с. 56.

...получаю твое письмо от 17-го... хвалишь Карамзина... бранишь других.— В письме от 17 июня Тургенев сообщал о своей отставке: «То, что на меня наклепано, так гадко и глупо, что едва ли и на словах пересказать духу достанет. Писать не хочу, да и скучно. Я вознагражден общим мнением, но всего более дружбою Карамзина. Мысль о сем унесу с собою всюду и на всю жизнь. У других слезы навертываются, когда говорят о доказательствах его дружбы ко мне. Что же должен чувствовать я? Я, разучившийся верить дружбе» (*ОА*, т. 3, с. 54—55).

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 13 августа 1824 г. (стр. 390).— *ОА*, т. 3, с. 73, 75.

Стр. 391. *Твое письмище... писать свои воспоминания.*— В письме от 5 августа 1824 г. (*ОА*, т. 3, с. 64—65) Тургенев сообщал о том, что Жуковский советовал ему писать «Записки», то есть «Mémoires».

...как говорил Максим Невзоров...— В статье «Живописные и философские отрывки из сочинений Боброва» («Друг юношества», 1810, кн. VI, июнь, с. 111—112).

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 25 марта 1825 г. (стр. 391).— *ОА*, т. 3, с. 109.

В «Дамском журнале» напечатаны стихи...— «Надпись к портрету Д. И. Хвостова» за подписью «Е. Лялин» (Дамский журнал, 1825, ч. X, № 7, с. 28).

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 26 марта 1833 г. (стр. 392).— *ОА*, т. 3, с. 230.

«Камчадалка» (1833) — роман И. Т. Калашникова; его роман «Дочь купца Жолобова» был впервые издан в 1831 г.: «Последний Новик», или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого» — роман Лажечникова (1-е изд.— 1831—1832. 2-е изд.— 1833).

...повести Бестужева Александра...— «Русские повести и рассказы» А. А. Бестужева (Марлинского) вышли анонимно в 1832—1834 гг. (СПб.— М., т. I—VIII).

...черт носит тебя, как угорелого...— В июле — августе 1832 г. Тургенев был в Германии и Австрии, в сентябре 1832 — июне 1833 г. — в Италии, в июле — октябре 1833 г. — в Швейцарии.

...везде и нигде...— Реминисценция из названия «готического» романа немецкого писателя К.-Г. Шписа «Старик везде и нигде» (1792—1793); слова эти любил цитировать и Тургенев (см.: Современник, 1836, т. 1, с. 288), ср. примеч. на с. 478—479.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 19 января 1836 г. (стр. 392).— *ОА*, т. 3, с. 285—286.

Вчера Гоголь читал нам...— Согласно позднейшей приписке Вяземского к его статье 1836 г. о «Ревизоре», чтение происходило «у Жуковского на вечере, при довольно многолюдном обществе» (Вяземский П. А. Соч. М., 1982, т. 2, с. 162).

...о подлой роже директора департамента.— Вигель был в это время директором Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 8 апреля 1836 г. (стр. 393).— *ОА*, т. 3, с. 313—314.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА

П. А. Вяземскому. 27 марта 1816 г. (стр. 393).— *РА*, 1874, кн. 1, стлб. 111—114. *Пушкин. ПСС*, т. XIII, с. 2—3.

Стр. 393. *...русские стихи Шапеля и Буало...*— То есть анакреонтические и сатирические стихи Вяземского.

...софийский почтальон...— То есть царкосельский (София — с 1808 г. часть Царского Села, близ которой находился Лицей).

Стр. 394. *...над славенскими глупцами...*— То есть над членами «Беседы».

«Россиада» (точнее, «Россияда», 1779) — эпическая поэма М. М. Хераскова. А. Ф. Мерзляков опубликовал в 1815 г. в журнале «Амфион» (№ 1—3, 5—6, 8—9) ее пространный разбор.

Граф Разумовский (Алексей Кириллович) был в 1810—1816 гг. министром народного просвещения.

Не всем быть можно в ровной доле...— Из стихотворения Вяземского «Ж партизану-поэту», адресованного Д. В. Давыдову (Амфион, 1815, № 4).

Стр. 395. *...гроза всех писателей-стихотворцев на Ш.*— То есть «беседчиков» А. А. Шаховского, С. А. Ширинского-Шихматова и А. С. Шишкова, служивших предметом эпиграмм как Вяземского, так и самого Пушкина («Угрюмых тройка есть певцов...»; 1815).

...у которого... завоевал он Бову-королевича...— «Бова» (1814) — неоконченная лицейская поэма, работу над которой Пушкин прекратил, узнав, что к тому же сюжету обратился Батюшков.

В. Л. Пушкину. 28(?) декабря 1816 г. (стр. 395).— *СО*, 1821, № 11, с. 178—180; *Пушкин. ПСС*, т. XIII, с. 4—6.

Стр. 395. *Опасный для певцов сосед...*— Намек на название поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед».

...Защитник вкуса...— Реминисценция из послания В. Л. Пуш-

кина «К В. А. Жуковскому» (1810): «Но вкус я варварский гоню и ненавижу».

...девятимесячную беременность пера...— Письмо дяди, на которое отвечает Пушкин, датировано 17 апреля.

Стр. 396. *...Клеймить единственным стихом!*— Реминисценция из послания В. Л. Пушкина «К арзамасцам».

Шапель Андреевич— Вяземский.

П. А. Вяземскому. 4 ноября 1823 г. (стр. 396).— *РА*, 1874, кн. 1, с. 124—125; *Пушкин. ПСС*, т. XIII, с. 73—74.

Стр. 396. *Вот тебе...последняя моя поэма. ...напечатай...*— Вяземский издал поэму «Бахчисарайский фонтан» в 1824 г. (вышла в свет 10 марта) со своим предисловием «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова».

Стр. 397. «Путешествие» Апостола-Муравьева — книга И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде» (1823).

...писать оперу и подчинить поэта музыканту.— Имеется в виду водевиль на музыку А. Н. Верстовского «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом», написанный Вяземским и Грибоедовым (преьера 24 января 1824 г.).

...не роман, а роман в стихах...— «Евгений Онегин» был начат в Кишиневе 28 мая 1823 г.

«Дон-Жуан» — поэма Байрона (1818—1823).

...если брать, так брать...— Реминисценция из басни Крылова «Вороненок».

...статьи, победившей цензуру...— Статья Вяземского «О двух статьях, напечатанных в «Вестнике Европы» (1822), в то время так и не была опубликована; впервые напечатана в 1878 г. (*Вяземский. ПСС*, т. 1.).

ПИСЬМА Д. П. СЕВЕРИНА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

11 декабря 1815 г. (стр. 398).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2727, л.93 об.— 94 об.

Стр. 398. *Приближаясь к границам отечества...*— Письмо написано вскоре по возвращении Северина из Испании, где он находился в качестве советника русского посольства.

До сих пор не читал ни Кокетки, ни ... Амфиона, но по несчастью попал мне «Русский Музеум».— Подразумеваются комедия Шаховского «Урок кокеткам...», журналы «Амфион» и «Российский музеум», в которых сотрудничали и арзамасцы. Северин еще не видел почти сплошь «арзамасский» 12-й номер «Российского музеума», где были помещены многочисленные стихотворения Вяземского, его

эпиграммы на Шаховского, «Письмо с Липецких вод», а также статья Батюшкова «Нечто о морали, основанной на философии и религии».

13 января 1816 г. (стр. 398).— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2727, л. 95 об.

17 апреля 1816 г. (стр. 398).— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2727, л. 97—98 об.

Стр. 399. *Какая Муза водила пером Пушкина в вашем путешествии?* — Здесь и далее речь идет о «дорожных» стихах В. Л. Пушкина (см. т. 1 наст. изд.).

24 июня 1816 г. (стр. 399).— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2727, л. 100.

Стр. 399. *Кассандра и прочие арзамасцы вослищаются энергическим ответом Старосты...*— Подразумевается послание В. Л. Пушкина «К арзамасцам».

19 января 1817 г. (стр. 399).— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2727, л. 107 об.— 108.

Стр. 399. *Ты говоришь мне, что собираешься писать об Озерове.*— Подробнее см. переписку Вяземского и Д. Н. Блудова в наст. томе.

Ты сечешь немилосердно давно усопшего графа Дмитрия Ивановича...— Ср. письмо Вяземского А. И. Тургеневу от 27 ноября 1816 г.: «...Пригрел я басни, виноват, притчи Хвостова по поводу калмыков, или второго издания, вышедшего в Петербурге. Батюшков отправил мое чадо к «Сыну Отечества». Не знаю, уживутся ли они? Мне совестно перед всеми честными людьми и в особенности перед Блудовым, что я променял ястреба на кукушку и бросил Озерова, чтобы пощипать Хвостова. Виноват! Обыкновенно дают в театре «Магомета», а после «Филаткину свадьбу»; а я, напротив, начал с «Филатки», доберусь до трагедии» (ОА, т. 1, с. 64). Возможно, речь идет о написанной Вяземским издевательской рецензии на «Избранные притчи» Хвостова; их подробный разбор был обещан в СО (1816, № 32, с. 245), но в печати так и не появился.

...завиваешь искусством убранного Обер-Шенка...— Подразумевается послание Вяземского «К графу Чернышеву в деревню» (с. 313 наст. тома).

ПИСЬМО П. И. ПОЛЕТИКИ Д. Н. БЛУДОВУ

11/23 сентября 1816 (стр. 400).— ГПБ, ф. 78, № 19, л. 1—2.

Полетика — один из «периферийных» арзамасцев (см. его характеристику в «Записках» Ф. Ф. Вигеля), не принимавший сколько-нибудь заметного участия в деятельности общества. Однако публикуе-

мое письмо свидетельствует о том, что «арзамасский период» не прошел для него бесследно. Ностальгические воспоминания об «Арзамасе» и арзамасцах содержатся также и в письме Полетики Блудову от 28 сентября/10 октября 1816 г. из Лондона: «Здесь нет ни Арзамаса, ни добрых друзей, с которыми мог бы я иногда облегчить сердце... Кланяйтесь от меня Жуковскому, Тургеневу, Вигелю, Дашкову» (л. 3 об.).

Стр. 400. ...при отправлении моем из С.Пбурга...— Полетика, назначенный советником посольства в Лондон 29 января 1816 г., предварительно совершил вояж по Европе.

...я направился к Брюкенойским водам.— Подразумевается курорт Брюкенау близ Киссингена (Бавария), знаменитый своими минеральными источниками.

...сочинением г-на Се.— Вероятно, речь идет о книге французского экономиста Ж.-Б. Сея «De l'Angleterre et des Anglais» («Об Англии и англичанах», 1815).

В стенах Вавилона...— В Париже.

...к графу Воронцову...— Имеется в виду бывший посланник в Лондоне С. Р. Воронцов, после отставки в 1806 г. живший преимущественно за границей. Воронцов покровительствовал Полетике и состоял с ним в дружеских отношениях.

От него узнал о производстве непосиделки Александра.— А. И. Тургенев был произведен в действительные статские советники 22 июня 1816 г.

Стр. 401. ...наипаче первых листов нашей Истории.— Речь идет о первом томе «Истории государства Российского» Карамзина.

ПЕРЕПИСКА П. А. ВЯЗЕМСКОГО И Д. Н. БЛУДОВА

Из многолетней переписки Вяземского и Блудова (с годами делавшейся все более официально-отчужденной) письма за 1816—1817 гг. представляют наибольший историко-литературный интерес. Они связаны с подготовкой к печати сочинений В. А. Озерова, которые увидели свет в 1817 г. со вступительной статьей Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова». Издание осознавалось арзамасцами как литературный памятник драматургу (скончавшемуся 5 сентября 1816 г.). Статья Вяземского закрепляла арзамасскую легенду об Озерове как одном из творцов новой литературы, павшем жертвой интриг Шаховского и его сателлитов (см. коммент. к стихотворению Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» в наст. томе). Переписка Вяземского и Блудова демонстрирует как сам процесс арзамасского сотворчества (некоторые места из писем Блудова Вяземский целиком переносит в свою статью), так и пути трансформации фактического материала под воздействием полемической установки статьи Вяземского.

П. А. Вяземский — Д. Н. Блудову. Октябрь 1816 г. (стр. 402). — *ОА*, т. 5, вып. 1, с. 105—107, где датировано концом 1816 г. Основание для более точной датировки — тесная соотношенность с письмами Вяземского А. И. Тургеневу от октября 1816 г. (см. ниже).

Стр. 402. *...за милое ее письмо и присланные книги.* — Это письмо Блудова (его упоминает Вяземский в письме А. И. Тургеневу 16 октября 1816 г.) не обнаружено.

...мне жаль, что вы уступили мне перо. — Первоначально предполагалось, что автором вступительной статьи к сочинениям Озерова будет Блудов — двоюродный брат драматурга.

Я с Тургеневым объяснился на этот счет... — В письме от 16 октября 1816 г. (*ОА*, т. 1, с. 57—58).

...уткнуться на «Эдипа»... — Речь идет о трагедии Озерова «Эдип в Афинах» (1804).

Еще нужно бы мне иметь перед глазами Дюсиса... — Подразумевается трагедия французского драматурга Ж.-Ф. Дюсиса «Эдип у Адмета».

...в греческом нет смерти Креона. — Имеется в виду трагедия Софокла «Эдип в Колоне», известная Озерову во французском переводе.

...какая-то фран(цузская) опера... — «Oedipe à Colone», opera en 3 actes. Paroles de Gillard, musique de Sacchini (1786).

Стр. 403. *Измайлов точно пьяный Крылов.* — Этот афоризм Вяземский занес в свою записную книжку (Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848), с. 23). Реплика вызвана выходом в свет 2-го издания «Басен и сказок» А. Е. Измайлова (СПб., 1816), отличавшихся неприемлемой для карамзинистов грубоватостью и натуралистичностью. Выпад против Измайлова связан с надеждой на пробуждение творческой активности долго молчавшего И. И. Дмитриева. Ср. реплику в письме Вяземского А. Тургеневу от 16 октября 1816 г.: «Иван Иванович написал несколько превосходных басен. Скипетр — в руках законного царя! горе и стыд самозванцам!» (*ОА*, т. 1, с. 58).

Олин Водяною болен... — Переключка с язвительным отзывом об Олине (вызванном его стихотворением «Цевница Эрота») в письме Вяземского Тургеневу от 12 октября 1816 г. (*ОА*, т. 1, с. 56).

Капнист//И тощ, и сух, и чист... — Ср. с замечанием о Капнисте (навеянным написанной им эпитафией Державину): «Хорош Капнист! Нашел чем шутить! Смертию друга, родственника, поэта, Державина! Четыре стиха его возмутили мою душу. Его, кажется, уже высохла» (*ОА*, т. 1, с. 58).

...недаром слушал я и собираюсь снова слушать лекции Мерзлякова. — А. Ф. Мерзляков в 1815—1816 г. читал публичный курс лекций (в доме А. Ф. Кокошкиной), посвященный русской словесности. На одном из чтений он, между прочим, подверг строгому разбору

трагедию Озерова «Дмитрий Донской» (см.: Аксаков С. Т. Собр. соч., т. 3. М., 1956, с. 28).

Что сказать Вам о пипиньке-Марсе? — Речь идет о Батюшкове.

Он все болен и ударился в прозу... — Ср. письмо Батюшкова Н. И. Гнедичу от начала сентября 1816 г., где перечисляются прозаические сочинения, подготовленные для «Опытов в стихах и прозе».

Д. Н. Блудов — П. А. Вяземскому. 2 ноября 1816 г. (стр. 403). — Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, с. 365—367 (без первого абзаца). Печатается с дополнениями и исправлениями по автографу: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1467, л. 3—6 об.

Стр. 404. ...«Олег» его есть точно произведение этой школы... — Подразумевается первая трагедия Озерова «Ярополк и Олег» (1798). Эту трагедию (впервые опубликованную лишь в 1828 г.) Блудов переслал Вяземскому в рукописи.

Стр. 405. ...она первый раз напечатана в прошлом году. — Блудов ошибся; «Эдип в Колоне» Дюсиса (2-й вариант драматической разработки мифа об Эдипе) был впервые опубликован в 1797 г.

...вдруг старый лицедей и враль Дмитревский вздумал ему доказывать, что лучше уморить не Эдипа, а Креона... — Эти сведения Вяземский использовал в своей статье, заменив имя Дмитревского (еще здравствовавшего в 1817 г.) перифрастическим описанием: «один актер, в школе Сумарокова воспитанный...» (Вяземский П. А. Соч., т. 2. М., 1982, с. 25).

Стр. 406. ...потерял, может быть, единственный случай познакомиться русских с греческими сверхъестественными катастрофами. — Эту фразу Вяземский с небольшими изменениями повторил в статье (там же).

...типографщик... — П. Пекарский, в типографии которого печатались «Сочинения» Озерова.

П. А. Вяземский — Д. Н. Блудову. Ноябрь 1816 г. (стр. 406). — Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1887 г. СПб., 1890, с. 219—220, где датировано: «Октябрь или ноябрь». Датировка уточняется по содержанию.

Стр. 406. «Смерть Омега» не предсказывала бессмертия Озерова... — Эта мысль повторена в статье «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» (с. 26).

В переводе героиды найдешь более признаков грядущего Озерова. — Подразумевается сочинение: «Элоиза к Абельярдю. Ироида. Вольный перевод с французского творения господина Коллардо В. Озеровым». СПб., 1794. Сходная оценка повторена в статье (с. 20).

Наш Парни-воробушка сидит на отлете и пускается в свои леса. — Батюшков выехал из Москвы в Даниловское (имение отца) в 10-х числах декабря 1816 г.

Д. Н. Блудов — П. А. Вяземскому. 9 января 1817 г. (стр. 407). — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1467, л. 7—7 об.

Стр. 407. *...уезжавшей от нас Светланы.* — Жуковский отправился из Петербурга в Дерпт в начале января 1817 г.

П. А. Вяземский — Д. Н. Блудову. 22 января 1817 г. (стр. 407). — Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, с. 368—369, с уточнениями по автографу: ЦГАЛИ, ф. 72, оп. 1, № 3, л. 3—4 об.

Стр. 407. *...не посылайте этих стихов в Публичную Императорскую библиотеку.* — Насмешка над торжественным чтением в Публичной библиотеке, состоявшимся 2 января 1817 г. (см. коммент. к речи Н. И. Тургенева при вступлении в «Арзамас» в 1 т. наст. изд.).

...у него, я думаю, и так уже от позвал в горле засохло... — Насмешка над «Обзором русской литературы 1815 и 1816 годов» Н. И. Греча, читанным на торжествах в Публичной библиотеке.

Стр. 408. *...напрасно Гнедич сделал из Юпитера, отца богов, пророка...* — Вяземский иронически пересказывает финал поэмы Гнедича «Рождение Гомера», также читавшейся на библиотечных торжествах. См.: Гнедич Н. И. Стихотворения. Л., 1956, с. 179.

Мужайся, стой и дай ответ! — Цитата из «Оды, выбранной из Иова...» Ломоносова.

...не сказал еще ни слова о баране. — Отсылка к французской поговорке: *Revenons a nous moutons* («Вернемся к нашим баранам»).

...кто у вас в пустыню удалился? — Вольная цитата из популярной песни «Я в пустыню удаляюсь» (1791), приписываемой М. В. Зубовой. Речь идет о журнале П. Корсакова «Русский пустыльник, или Наблюдатель отечественных нравов» (1816). Шутливое использование той же цитаты см. в арзамасской речи М. Ф. Орлова.

...Жуковский с ума сошел на том, чтобы выдавать по книжке в год. — См. письмо Жуковского к Дашкову от начала 1817 г. в наст. томе.

...кормите не овсяными киселями... — Намек на сделанный Жуковским в 1816 г. перевод идиллии Гебеля «Овсяный кисель».

П. А. Вяземский — Д. Н. Блудову. 11 февраля 1817 г. (стр. 409). — ОА, т. 5, вып. 1, с. 107—108.

Стр. 410. *Со всеми ее пороками лучшая его трагедия — «Дмитрий Донской».* — В своей статье Вяземский скорректировал это утверждение: «совершеннейшим произведением» Озерова и «лучшей трагедией нашей» он провозгласил «Поликсену» (1809). Вероятно, сделанная перемена была продиктована полемическими соображениями: именно совершеннейшее произведение Озерова должно было, по Вяземскому, усугубить интриги недоброжелателей и завистников, погубивших драматурга.

Возьмите его Антигону, Ксению, Моину и отпечаток греческой — Гекубу и Поликсену! — Антигона — героиня трагедии Озерова «Эдин в Афинах», Ксения — трагедии «Димитрий Донской», Моина — трагедии «Фингал», Гекуба и Поликсена — трагедии «Поликсена».

Стр. 410. *Жуковский на своем ставит...* — См. фрагмент из письма Жуковского к Вяземскому от 27 января 1817 г., в котором отстаивается идея ежегодного сборника (Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, с. 371).

Стр. 411. *Он на днях читал в Московско-Вяраго-Халдейском обществе любителей бессловесности и губителей словесности прекрасную басню...* — 27 января 1817 г. В. Л. Пушкин читал в ОЛРС басню «Преимущество дарований» (Труды ОЛРС, 1817, т. VIII, 138).

Д. Н. Блудов — П. А. Вяземскому. 20 февраля 1817 г. (стр. 411). — Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, с. 371—374, с исправлениями по автографу: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1467, л. 8—11 об.

Стр. 411. *...доставить вам продолжение «Двенадцати спящих дев»...* — «Вадим».

...справедливее сказать, в одной женщине... — Рассказ Блудова об «утаенной любви» Озерова перенесен Вяземским — местами дословно — в текст статьи (см.: Вяземский П. А. Соч., т. 2, с. 16—17).

Стр. 413. *При начале царствования Александра его начальники спросили...* — Вяземский перенес этот рассказ в текст статьи (с. 17), убрав, однако, упоминание о времени инцидента.

...было трудно переносить невыгодные отзывы, особливо от Карамзина и Дмитриева. — О более чем сдержанных оценках творчества Озерова, принадлежавших Карамзину и Дмитриеву, Вяземский умолчал в своей статье из тактических соображений, хотя утверждение Блудова вполне достоверно. Так, 15 сентября 1809 г. Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Озеров с великим талантом и чувством. Я беспрестанно ссорюсь за него с Карамзиным, который называет Фингала дрянью» (ПЖТ, с. 52).

...я приехал в Петербург и вызвал его своими письмами. — Блудов был переведен из Московского архива к делам коллегии иностранных дел в Петербурге 29 октября 1802 г.; указ о вторичном назначении Озерова в Лесной департамент последовал 21 января 1803 г. (Гиллельсон М. И. Указ. соч., с. 376).

Стр. 414. *...говорят, что им в деревне начата «Медя»...* Озеров поехал отсюда с планом трех трагедий... — Эти сведения вошли в статью Вяземского (с. 33).

П. А. Вяземский — Д. Н. Блудову. 25 февраля 1817 г. (стр. 415). — Гиллельсон М. И. Указ. соч., с. 377—378, с уточнениями по автографу — ЦГАЛИ, ф. 72, оп. 1, № 3, л. 1.

Стр. 415. *...хочу приняться я за журналы и написать нечто о свойстве и духе их на Руси...*— См. т. 1 наст. изд., с. 459—461.

...у меня голова и так болит уже от одного общества.— Подразумевается ОЛРС.

...в которой Долгорукой клеветом невинности...— Намек на стихотворение И. М. Долгорукова «Невинность».

ПИСЬМА П. А. ВЯЗЕМСКОГО Д. В. ДАШКОВУ

2/14 ноября 1818 г. (стр. 416).— Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, с. 34—35.

Стр. 416. *Читая в Варшаве строки, написанные в Буюкдере...*— Дашков, находившийся на дипломатической службе в Турции с 1817 г. жил в Стамбуле и Буюкдере (около Стамбула).

Вы не поверите, что делает Каченовский?— В 1818 г. статьей «К господам издателям «Украинского вестника» (ВЕ, 1818, № 13) Каченовский открыл критическую кампанию против Карамзина, продолжавшуюся до 1821 г. включительно (подробнее см.: Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценке современников. М., 1989, с. 75—102). Вяземский включился в полемику с издателем ВЕ «Посланием к М. Т. Каченовскому» (СО, 1821, № 2).

Иван Иванович писал мне недавно...— Далее — цитата из письма И. И. Дмитриева Вяземскому от 7 октября 1818 г. (Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому. СПб., 1898).

Стр. 417. *Впрочем, все к лучшему в этом лучшем из миров.*— Шутливая цитата из повести Вольтера «Кандид».

Счастливец Батюшков едет в Неаполь.— Сам Батюшков, готовившийся к отъезду в Неаполь, отнюдь не считал себя «счастливецем». 10 сентября 1818 г. он писал: «Я знаю Италию, не бывав в ней. Там не найду счастья: его нигде нет...» (Батюшков, т. III, с. 531).

...по несчастью, знаю о Северине.— Подразумевается кончина жены Северина.

Сперва писал он для немногих...— Обыгрывается название сборника Жуковского «Для немногих» («Für Wenige». СПб., 1818).

...и его упрятали в Российскую Академию.— Ср. письмо Батюшкова Блудову от начала ноября 1818 г.

Стр. 418. *Жуковский говорит...*— Далее следует пародический перепев стихов из послания Жуковского «Старцу Эверсу» (1815):

Брат Эверса!.. так! я сказать дерзаю,
Что имени сего всю цену знаю!

Там Эверс мне на братство руку дал.

Не унывать, хотя и счастья нет... —
Вот правила для Эверсова брата.

...изгнанник на скале Св. Елены — Наполеон.

30 мая 1824 г. (стр. 419). — Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, с. 42—44.

Стр. 419. ...*черт дернул меня иметь дело с дураками?* — Весной 1824 г., после появления предисловия Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина, разгорелась ожесточенная полемика между Вяземским и М. А. Дмитриевым (племянником И. И. Дмитриева) вокруг принципов романтизма. Подробнее об этом споре см.: Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.—Л., 1959, с. 201—208.

Да и мне не лучше ли сжечь ее? — Реплика вызвана недоброжелательным отзывом Дашкова о полемических выступлениях Вяземского в 1824 г. Отвечая Вяземскому 24 июня 1824 г., Дашков в свою очередь писал: «Вы намерены сжечь мой легчайший способ — и поделом! — Но вы найдете там славенский ответ на славенскую учтивость нынешнего министра просвещения о подзатыльниках; мой же девиз, и девиз неизменяемый в литературе, дружбе и правилах жизни: *semper ubique idem* (Всегда и всюду тот же. — *лат.*). Мне жаль было видеть не словесную войну вашу с бессловесными, а формы войны; с честным корсаром дерутся по правилам, а морских разбойников вешают без суда на бизань-мачту» (Гиллельсон М. И. Указ. соч., с. 45).

...по ответу моему Самозванцу-Булгарину. — Ф. В. Булгарин выступил в полемике в поддержку М. Дмитриева (Литературные листки, 1824, № 8).

Стр. 420. *Ожидая с нетерпением ex-каноника Тургенева.* — А. И. Тургенев вышел в отставку с поста директора департамента духовных дел иностранных исповеданий 17 мая 1824 г. — через два дня после падения министра народного просвещения и духовных дел А. И. Голицына. Отставка Голицына и Тургенева была вызвана усилиями Аракчеева, М. Магницкого и консервативных деятелей православного клира — митрополита Серафима и архимандрита Фотия.

Читали ли вы его последние стихи в «Дамском журнале»... — Имеется в виду стихотворение В. Л. Пушкина «Экспромт графу М. Ю. Вельгорскому, спросившему, который мне год» (Дамский журнал, 1824, № 7, с. 24).

Стр. 421. *Давал ли вам Тургенев читать в письме моем описание сцены, которую застал у него с Игнатием...* — Соответствующий эпизод изложен Вяземским в письме к Тургеневу 5 мая 1824 г. (ОА, т. 3, с. 41—42).

Я в самом тошном расположении духа по отъезде жены и смерти

Бейрона. — Известие о смерти Байрона (14 апреля 1824 г.) дошло до Вяземского в день отъезда в Одессу жены с сыном Николаем (см. его письмо к А. И. Тургеневу от 26 мая 1824 г. — *ОА*, т. 3, с. 48).

ПИСЬМО Д. В. ДАВЫДОВА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

28 и ю л я 1818 г. (стр. 421). — Старина и новизна, кн. 22. Пг., 1917, с. 28—29; печатается с уточнениями по автографу (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1801, л. 8—8 об.).

Стр. 421. *Ты радуешься...* — Письмо Вяземского неизвестно.

...я близко Рейна... — М. Ф. Орлов (Рейн) был начальником штаба 4-го пехотного корпуса в Киеве (*Умань* — уездный город Киевской губ. в 332 верстах от Киева).

...источника моих Элегий. — По-видимому, речь идет о вдохновительнице V, VI и VII элегий Давыдова (см. коммент. В. Э. Вацура в кн.: Д а в ы д о в Д е н и с. Стихотворения. Л., 1984, с. 205—207); имя ее не выяснено.

Корпусная наша квартира... — С 19 февраля 1818 г. Давыдов служил начальником штаба 7-го пехотного корпуса.

...посреди какой бы то ни было столицы... — Вяземский находился в Варшаве.

Стр. 422. *...отвлеченною своею гимерою...* — Речь идет о революционных идеях М. Ф. Орлова.

...о ссоре Катенина с Батюшковым... — Источник сведений о ней Вяземского — письмо В. Л. Пушкина от 8 июня 1818 г.

...слуш сей... — О смерти Д. А. Давыдова (ср. письмо В. Л. Пушкина к Вяземскому 2 августа 1818 г. — *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 5082, л. 74—74 об.).

...Жуковского стихи... — Речь идет о написанном в апреле 1818 г. стихотворении «Государыне великой княгине Александре Феодоровне на рождение вел. кн. Александра Николаевича» (М., 1818, ценз. разрешение — 7 мая).

Софиевка — знаменитый парк в Умани (ныне государственный заповедник).

...подобно Александру Бор. Голицыну... — А. Б. Голицын, адъютант вел. кн. Константина Павловича, находился в Варшаве, где и мог приобретать запрещенные в России иностранные книги.

«*Жан Сбогар*» — роман Шарля Нодье (1812), вышедший анонимно в Париже в 1818 г. Некоторые сентенции его главного героя, благородного разбойника, воспринятые как призыв к революции, вызвали запрещение книги, что не помешало ее популярности (Пушкин включил ее в круг чтения Татьяны Лариной).

ПИСЬМО А. Ф. ВОЕЙКОВА А. И. ТУРГЕНЕВУ

〈Начало 1817〉 (стр. 423).— РА, 1872, № 6, с. 1184—1195, с пометой: «Сообщено князем П. А. Вяземским». Очевидно, самим Вяземским из соображений литературной скромности было зашифровано его собственное имя («В...й»), упоминаемое Воейковым исключительно в хвалебном контексте. В настоящей публикации полное написание имени восстановлено.

Так бушевание бури, ропот ужасный на сушу...— Вергилий, «Энеида», I, 131—132. Очевидно, перевод выполнен самим Воейковым.

Стр. 424. *Две букли, кошелек, газетовый кафтан...*— Сатирический «портрет» Шишкова отсылает к полемической сказке А. Измайлова «Шут в парике», впервые опубликованной лишь в 1849 г., но читавшейся автором в 1811 г. на заседании ВОЛСНХ и, бесспорно, известной в кругу карамзинистов. Речь Шишкова представляет собой пародийный пересказ суждений из «Разговоров о словесности», «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка», «Рассуждения о красноречии Священного Писания».

ПИСЬМА В. Л. ПУШКИНА

П. А. Вяземскому. 20 февраля 1818 г. (стр. 432).— Пушкин. Исследования и материалы, т. XI. Л., 1983, с. 217 (публ. Н. И. Михайловой); печатается со сверкой по автографу (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 20—20 об.).

Черная Грязь — станция в 28-ми верстах от Москвы, до которой москвичи обыкновенно провожали едущих в Петербург.

История Российская вся уже раскуплена в Петербурге...— К этому времени было продано 1900 экз.; через неделю, 27 февраля 1818 г., Карамзин напишет: «Сбыл я с рук последний экземпляр моей Истории... Это у нас дело беспрецедентное: в 25 дней продано 3000 экз.» (Письма Карамзина к А. Ф. Малиновскому и письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву. М., 1860, с. 26; ср.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 235).

Я читаю ее с восхищением...— Ср. отзыв В. Л. Пушкина об «Истории государства Российского» в письме А. Я. Булгакова к Вяземскому 23 февраля 1818 г.: «Книга следующая после Библии и басен Дмитриева» (ИВ, 1881, № 5, с. 4).

Каченовский отдает справедливость...— Имеется в виду благожелательный отзыв об «Истории...» Карамзина в анонимной статье «Московские записки» (ВЕ, 1818, ч. 97, № 4, с. 307—309).

...пишет к Блудову...— Письмо неизвестно; о петербургских толках вокруг «Истории...» см. также запись в дневнике Н. И. Тургенева (АБТ, т. 5, с. 120).

П. А. Вяземскому. 14 марта 1818 г. (стр. 432).— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 24—24 об.

Für Wenige — сборник, типа альманаха, составленный из произведений Жуковского и издававшийся в крайне ограниченном числе экземпляров для занятий русским языком с вел. кн. Александрой Феодоровной (М., 1818, № 1—6). О судьбе экземпляра, принадлежащего В. Л. Пушкину, см. письмо П. И. Шаликова к Вяземскому 18 ноября 1837 г.— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 3034, л. 14 об.— 15.

...*дочитываю седьмой том...*— В 1818 г. вышли 1—8 тома «Истории...».

П. А. Вяземскому. 27 марта 1818 г. (стр. 433).— Пушкин. Исследования и материалы, т. XI. Л., 1983, с. 218—219 (публ. Н. И. Михайловой, без окончания письма, сохранившегося в одном из альбомов Вяземского с автографами — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5082, л. 81—82 об.). Печатается с уточнением по автографу (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 29—29 об.).

В прошедшее воскресенье...— 24 марта.

«*Старушка*» — стихотворение Жуковского (перевод из Р. Саути), позже переименованное в «Балладу, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди» (1814; опубл.— 1831).

«*Кабуд*» — стихотворная сказка В. Л. Пушкина (Труды ОЛРС, 1817, ч. X, кн. 16, с. 96—106).

...*в последнем собрании нашего ученого общества?* — В 33-м заседании ОЛРС 22 февраля 1818 г.

...*письмо какого-то Анонима...*— «Письмо из Сибири» А. Ф. Мерзлякова (опубл. Труды ОЛРС, 1818, ч. XI, с. 52—70, с сильными сокращениями — см. *Мелочи*, где подробно описан этот конфликт).

Министр просвещения — А. Н. Голицын.

Попечитель университета — А. П. Оболенский.

П. А. Вяземскому. 8 июня 1818 г. (стр. 433).— Пушкин. Исследования и материалы, т. XI, с. 219. Печатается с исправлениями по автографу (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 45—45 об.).

В прошедший понедельник — 3 июня.

Стешка — знаменитая цыганская певица Степанида, возлюбленная Ф. И. Толстого.

...*Батюшков сразился с Катениным...*— Ср. Письмо Д. В. Давыдова к Вяземскому от 28 июля 1818 г. (с. 422 наст. тома).

П. А. Вяземскому. <9> июня 1818 г. (стр. 434).— Пушкин. Исследования и материалы, т. XI, с. 220, с датой <9—13> июня <1818> (публ. Н. И. Михайловой). Печатается со сверкой по автографу (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 137 об.), где письмо ошибочно

помечено: «8 июня». Точная дата устанавливается по следующему фрагменту из письма: «Сегодня поеду в Благородное собрание на хоры...» Бал в Благородном собрании был 9 июня (см., например, *ИВ*, 1881, № 5, с. 14).

Катенин написал трагедию «Андромаху».— Катенин в письме к Н. И. Бахтину от 9 января 1828 г. утверждал, что Батюшков знал «Андромаху» еще до представления (1827) (см.: Катенин П. А. Размышления и разборы. М., 1981, с. 276). Работа над трагедией с перерывами продолжалась с 1809 по 1818 гг.

П. А. Вяземскому. 2 августа 1818 г. (стр. 434).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 5082, л. 75.

...печатается вторым тиснением...— 2-е изд. «Истории государства Российского» (1818—1829); в 1818 г. напечатаны первые три тома. *Кутузов* — П. И. Голенищев-Кутузов.

П. А. Вяземскому. 11 сентября 1818 г. (стр. 434).— Пушкин. Исследования и материалы, т. XI, с. 222 (публ. Н. И. Михайловой). Печатается с уточнениями по автографу (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 53—53 об.).

Неистовая критика Каченовского...— В «Украинском вестнике» (1818, № 5) без ведома автора была напечатана статья Карамзина «Записка о достопамятностях Москвы». В письме «К господам издателям «Украинского вестника» (*ВЕ*, 1818, ч. С, № 13, с. 39—61; анонимно, с пометой в конце: «Лужники») прозвучали насмешки в адрес этой публикации.

...московский фрерон...— М. Т. Каченовский; для его характеристики использовано имя французского журналиста, прославившегося журнальной перепалкой с энциклопедистами (см. примеч. к с. 179).

...по некоторым обстоятельствам...— См. письмо В. Л. Пушкина к Вяземскому 14 октября 1818 г. (с. 443, т. 1 наст. изд. и примеч. к нему).

...стихотворения мои будут печататься нынешнею зимою...— Книга вышла лишь в 1822 г.

...Я смело бросаю ему перчатку...— Пересказывая 28 сентября 1818 г. А. И. Тургеневу это место пушкинского письма, Вяземский писал:

«Василий Львович храбрится в Москве против Каченовского <...>. Как другой Раевский, выставляет он себя с детьми перед рядами» (*ОА*, т. 1, с. 126). По поводу этого же порыва В. Л. Пушкина иронизировал И. И. Дмитриев в письме к Вяземскому 7 октября 1818 г.: «По расселении друзей моих и приятелей по разным странам света Москва сделалась для меня совсем чужбиною. Боюсь, чтобы Каченовский и вдосталь не охолодил меня к ней: он решительно

посягнул на кроткого историографа; хочет следовать за ним шаг за шагом; ученое войско его без сомнения будет многочисленно, не считая чтецов всяких книжек, которых он легко может склонить также на свою сторону. А историографа берется защищать один только Василий Львович своим бильбоке, яко Давид своею пращою! Все прочие други и приверженцы прижались с нежностью к своим творениям. Слава и честь бескорыстному, усердному рыцарю!» (Старина и новизна, кн. 2. СПб., 1898, с. 129; ср. пересказ дмитриевско" шутки в письме Вяземского к Д. В. Дашкову 2/14 ноября 1818 г.).

...не хуже славянской братии...— Имеются в виду полемические выступления В. Л. Пушкина против беседчиков «Два послания», «Опасный сосед» и др.

П. А. Вяземскому у. 21 октября 1818 г. (стр. 434).— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 57—57 об.

Эпиграммы твои на Каченовского...— «Наш журналист и сух, и тощ, как спичка...», «Иссохлось бы перо твое бесплодно...»; включались в письма к друзьям в конце сентября 1818 г. (ОА, т. 1, с. 124; тексты см. также в кн. Русская эпиграмма, с. 211).

...надобно отделать иначе.— В. Л. Пушкин далее вновь опирается на идеи письма Вяземского к И. И. Дмитриеву (РА, 1866, № 11—12, стлб. 1693; ср. примеч. к письму В. Л. Пушкина к Вяземскому 14 октября 1818 г. в т. 1 наст. изд.).

...надобные слова Николая Михайловича...— О своем нежелании отвечать Каченовскому Карамзин писал И. И. Дмитриеву 2 августа 1818 г.: «Я стар и ленив. Делать зла не желаю и тем, которые хотят сделать его мне» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 245); ср. также письмо Карамзина к Вяземскому 11 сентября 1818 г. (Старина и новизна, кн. 1. СПб., 1897, с. 62).

...до гнусного Зоила.— До М. Т. Каченовского.

Иван Иванович Дмитриев негодует...— Ср. письмо И. И. Дмитриева к А. И. Тургеневу 17 октября 1818 г. (Д м и т р и е в И. И. Соч., т. II. СПб., 1893, с. 235).

«Разговор книгопродавца с журналистом»...— Эта сатира В. Л. Пушкина, вероятно, не была окончена, она неизвестна. Повидимому, о начале работы над ней рассказывает 19 сентября 1818 г. И. И. Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу. Поблагодарив за присылку эпиграммы на Каченовского А. С. Пушкина, Дмитриев сообщает: «Почтенный дядя его недавно читал мне несколько стихов о том же предмете. Не знаю еще, что выйдет, но он исполнен священным негодованием, зияет молнией и громом говорит» (РА, 1867, № 7, стлб. 1094—1095). Через два месяца, 21 ноября Дмитриев писал тому же корреспонденту, что «Василий Львович еще не опустил мстительной руки своей...» (Д м и т р и е в И. И. Указ. соч., с. 237; ср. также: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866,

с. 253; Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939, с. 167). *В роде сатир Жильбера...* — Имеются в виду сатиры «Le dix-huitième siècle» («Восемнадцатый век», 1775) и «Mon apologie» («Моя апология, 1778).

П. А. Вяземскому. 14 февраля 1819 г. (стр. 435). — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 17, 18.

...книжку Уварова... — Речь идет об анонимной брошюре (не для продажи) на французском языке, посвященной памяти великой княжны Екатерины Павловны, королевы Виртембергской — «Le neuf Janvier (28 decembre 1818 v. st.). A la mémoire de la Reine de Wirtemberg...» (Pétersbourg, 1819).

Каченовский не перестает возиться. — Имеется в виду критика на Карамзина в статье: Ф. (Каченовский М. Т.) От Киевского жителя к его другу. — ВЕ, 1819, ч. СIII, № 2—4; ч. CIV, № 5—6.

И. И. Дмитриев сердится... — Ср.: Дмитриев И. И. Соч., т. II. СПб., 1893, с. 213.

П. А. Вяземскому. 16 марта 1819 г. (стр. 435). — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 72 об. — 73. Частично (строки о Пушкине) — Вопросы литературы, 1979, № 6, с. 152.

Стр. 435. *Я восхищаюсь дарованиями моего племянника...* — Очевидно, это отклик на неизвестное ныне письмо Вяземского об общении с А. С. Пушкиным в конце января — начале февраля 1819 г.; рассказать о племяннике В. Л. Пушкин просил Вяземского в письме от 14 февраля 1819 г. (эту часть письма см.: Вопросы литературы, 1979, № 6, с. 152).

Немудрено с волками завять волком... — Очевидно, В. Л. Пушкину стало известно, что, услышав несколько отрывков из «Руслана и Людмилы», Шаховской «пришел от них в восторг...» (Катенин П. А. Воспоминания о Пушкине). — Лит. наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 636).

...многие приписывали их Орлову... — См.: ОА, т. 1, с. 192.

...стихи Жуковского... — «На кончину ее величества королевы Виртембергской». СПб., 1819 (цена. разрешение — 2 февраля 1819 г.).

Стр. 436. *Пушкин* — А. М. Пушкин.

...Николай Тургенев будет издателем Политического журнала... — Некоторые подробности этого неосуществленного замысла см.: АБТ, т. 5, с. 181—191, 367—382; ДНТ, с. 68—76, 273—274, 276—279, 282; Дмитриев И. И. Соч., т. II. СПб., 1893, с. 247. 14 февраля 1819 г. В. Л. Пушкин писал Вяземскому: «Имеешь ли ты книгу Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов»? Она стоит того, чтоб ее прочесть, и Тургенев будет человек государственный. Сочинение его доказывает, что он занимался политическою Экономиею и читал много, и с пользою» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 71). И. И. Дмитриев

надеялся приобрести в лице тургеневского издания орган, противостоящий *ВЕ* Каченовского: «Правда ли, что Николай Иванович намерен издавать также журнал. Прошу вас сказать ему, что я непременный его подписчик. Я уже устал насыщаться журналом профессора Московского университета, забавляющего обе столицы не критикою, а глумлением своим на счет почетного члена М(осковского) у(ниверситета) и историографа Империи» (письмо к А. И. Тургеневу 27 марта 1819 г.— *РС*, 1903, № 12, с. 715).

П. А. Вяземскому. 27 марта 1819 г. (стр. 436).— Полностью: Пушкин. Исследования и материалы, т. XI, с. 225 (публ. Н. И. Михайловой). Печатается по автографу (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 115—116).

Стр. 436. «*Пустодом*» — комедия «*Пустодомы*» (пост. 1819, опубл. 1820).

Читая Пустодома...— См. с. 180 и примеч. к ней. 12 апреля 1819 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Варшавы: «Василий Львович прислал мне по тяжелой почте легкую эпиграмму на Шаховского. Не сообщаю ее тебе; она, верно, уже прислана в Петербург и ко всем иногородним» (*ОА*, т. 1, с. 216).

...новое стихотворение старого поэта Долгорукова.— «Стихи на кончину ее величества королевы Виртембергской... посвященные е.и.в. государыне императрице Марии Феодоровне сочинителем кн. Ив. Дол... ким». М., 1819.

Жуковского стихи...— См. примеч. к с. 435.

Стр. 437. *Иван Иванович чрезвычайно негодует...*— См. примеч. к с. 436; ср.: Дмитриев И. И. Соч., т. II. СПб., 1893, с. 245.

...в последнем нашем ученом собрании...— В 41-м заседании *ОЛРС* 8 марта 1819 г.

...на эту саранчу мне смотреть гадко...— Заседания *ОЛРС* посещали М. Т. Каченовский и А. Ф. Мерзляков.

П. А. Вяземскому. 10 апреля 1819 г. (стр. 437).— Пушкин. Исследования и материалы, т. XI, с. 226 (публ. Н. И. Михайловой). Печатается по автографу (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2611, 74 об., 75 об.).

...издать «Московскую Флору»...— Это намерение было изложено в неизвестном письме Вяземского к В. Л. Пушкину.

...еще более остервенился на Николая Михайловича.— Речь идет о статье Каченовского (?) «Письмо к редактору» (*ВЕ*, 1819, № 6, с. 115—124), подписанной «Житель Девичьего Поля»; о характере претензий к труду Карамзина см. в кн.: Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989, с. 86.

...удивляюсь, что Оболенский молчит...— ВЕ с 1815 по 1828 гг. находился в ведении попечителя Московского учебного округа (см. примеч. к с. 433). Каченовский был редактором, но не издателем.

...о пресловутой Беседе.— Здесь: об ОЛРС.

Я почти намерен вовсе от нее отказаться...— Это намерение не осуществилось: 25 апреля в 43-м заседании ОЛРС В. Л. Пушкин читал три стихотворения, в том числе басню «Яблоня» — см. Труды ОЛРС, 1819, ч. XVI, с. 113.

...репейник и полынь дают кашку...— Отсюда следует, что в «Московской флоре» Вяземского А. Ф. Мерзлякову была отведена роль полыни (намек на его алкогольные пристрастия), а Прокоповичу-Антонскому — кашки.

...Макаров избран...— В 42-м чрезвычайном заседании ОЛРС 28 марта 1819 г. (Труды ОЛРС, ч. XVI, с. 48).

П. А. Вяземскому. 21—24 апреля 1819 г. (стр. 437).— Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. 1. М., 1951, с. 179 (отрывок). Печатается по автографу: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 79.

П. А. Вяземскому. 20-е числа января 1820 г. (стр. 438).— Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». М., 1983, с. 66 (отрывок). Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 104—104 об.).

Стр. 438. Николай Михайлович получил золотую медаль...— Вручение медали состоялось на торжественном собрании Российской Академии 8 января 1820 г. (см.: СО, 1820, ч. 59, № 2, с. 93—96).

...письмо, в котором Тургенев описывает сие происшествие.— Письмо к И. И. Дмитриеву 9 января 1820 г. (РА, 1867, № 4, стлб. 654—655).

Я люблю Тургенева...— Отклик Вяземского на эти строки см.: ОА, т. 2, с. 18—19.

В. С. Апраксину. 23 февраля 1820 г. (стр. 438).— ГБЛ, ф. 11/1, к. 67, № 22 (подлинник по-французски).

У Пашковых...— в Москве, на Моховой, в домашнем театре В. А. и Е. А. Пашковых. Пьесу Хмельницкого давали здесь 6 февраля.

Платон — возможно, П. С. Яковлев.

...роль Казини в «Страсти сватать». — Главный персонаж комедии А. Дюваля «Les projets des mariage ou Les deux militaires». (1800; «Страсть сватать» — заглавие русского перевода Д. Н. Баркова).

«Какаду» — комедия Шаховского «Какаду, или Следствие Урока кокеткам» (пост. 1820 г.). Рецензия Н. И. Греча на спектакль напечатана: СО, 1820, ч. 59, № 4, с. 180—183.

Графиня Лелева — персонаж из «Урока кокеткам, или Липецкие воды» и «Какаду».

Стр. 439. «*Рекрутский набор*» — драма Н. И. Ильина «Великодушные, или Рекрутский набор» (пост. 1803).

«*Новый Стерн*» — комедия Шаховского.

П. А. Вяземскому. 3 июня 1820 г. (стр. 439).— Вопросы литературы, 1979, № 6, с. 153 (отрывок). Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 117—117 об.).

...*Николаю Михайловичу и Катерине Андреевне.*— Карамзиным.

...*отрывки из его Поэмы...*— Отрывок из первой песни поэмы «Руслан и Людмила» (Невский зритель, 1820, ч. I, март); Отрывок из третьей песни — *СО*, 1820, ч. 61, № 15, 16.

Какой-то новый критик...— Имеется в виду «Письмо к издателю» (*СО*, 1820, ч. 54, № 20, подпись «N.N.»), автором или вдохновителем которого был П. А. Катенин. «Письмо» содержало нападки на балладу Жуковского «Узник» (Невский зритель, 1820, № 2).

А. И. Тургеневу. 7 октября 1820 г. (стр. 439).— ЦГАЛИ, ф. 501, оп. 1, № 178, л. 1—2.

Стр. 439. ...*письмецо твое от 28 сентября...*— Письмо неизвестно.

...*вторичный варшавский гостинец...*— Текст переведенной Вяземским речи Александра I при открытии второго польского сейма 1/13 сентября 1820 г. (первым «гостинцем» был экземпляр той же речи на французском языке, посланный ранее; *ОА*, т. 2, с. 59, 69, 76).

Стр. 440. *Эпизод племянника моего...*— «Эпизод» «Руслана и Людмилы» (*СО*, 1820, ч. 64, № 36, с. 97), написанный, когда книга находилась в печати (вышла в конце июля — начале августа 1820 г.).

...*вседневно ожидаю.*— Поэма была получена только 7 ноября (*РА*, 1900, № 12, с. 564).

...*многое в ней очень хвалит и многое критикует.*— Об отношении Дмитриева к поэме см.: *РА*, 1867, № 4, стлб. 656; Дмитриев И. И. Соч., т. II, с. 264—265, 267, 269; Старина и новизна, кн. 2. СПб., 1898, с. 141; *Пушкин. ПСС*, т. IV, с. 284.

Критик сочетал Орловского...— См.: В. <Воейков А. Ф.> Разбор поэмы «Руслан и Людмила», соч. Александра Пушкина.— *СО*, 1820, ч. 64, № 36, с. 97. Подобные же несообразности отметил в разборе Воейкова и А. С. Пушкин (Письмо к Н. И. Гнедичу 4 декабря 1820 г.— *Пушкин. ПСС*, т. XIII, с. 21).

...*рецензент восклицает: мужицкие рифмы!*— См. В. <Воейков А. Ф.> Указ. соч., № 37, с. 152. О резонансе, вызванном этим замечанием Воейкова, см.: Томашевский Б. В. Пушкин, кн. 1, с. 347—348.

Николаю Михайловичу, Катерине Андреевне — Карамзиным.

П. А. Вяземскому. 13 февраля 1821 г. (стр. 440).— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 109—109 об.

Послание твое к Каченовскому нравится всем истинным любителям...— Об отношении к «Посланию...» в литературных кругах см.: Вяземский. 1986, с. 475—476; (коммент. К. А. Кумпан).

И. И. Дмитриев, напротив того, восхищается...— См. письмо Дмитриева к Вяземскому 3 февраля 1821 г. (Старина и новизна, кн. 2. СПб., 1898, с. 144—145). В числе прочего он пишет: «...эпистолу вашу один Пушкин *всем и каждому* в клубе читает, брызжет и всхлипывает от умиления; другой Пушкин не опробует, вероятно, потому только, что встречает в ней имя, давно ему противное» (имя Карамзина).

...напечатал послание твое...— «Послание ко мне от к. Вяземского» (ВЕ, 1821, ч. СХVI, № 2).

П. А. Вяземскому. 21 февраля 1821 г. (стр. 440).— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 111 об.—112.

Стр. 441. *...Гашиар сноснее Катенина...*— Ср. письмо Вяземского к А. И. Тургеневу 21 мая 1823 г.

...написал какую-то комедию...— Имеется в виду неизданная сценическая перелетка романа Вальтера Скотта «Айвенго»: «Иваной, или Возвращение Ричарда Львиное Сердце. Романтическая комедия в пяти действиях, с турниром, сражениями, балладами и танцами» (пост. январь 1821).

...Катенин украсил прологом.— «Пир у Иоанна Безземельного. Аналогический пролог в одном д. в стихах...» (пост. 1821 г.; опубл. 1832 г.).

«Вестник Европы» перебранивается с «Сыном Отечества».— См., например, ВЕ: И. К. Письмо к редактору (1821, № 3); Осетров Семен. <Сомов О. М. > Письмо к редактору «Вестника Европы» (№ 4).

Варюшка — персонаж «Опасного соседа»; ее имя в арзамасском кругу стало нарицательным (дама легкого поведения).

Философ Панглос — персонаж «Кандида» (см. примеч. к с. 201), страдавший венерической болезнью.

П. А. Вяземскому. 3 октября 1822 г. (стр. 441).— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 130—130 об.

...твою рецензию.— Рукопись статьи «О «Кавказском пленнике», с купюрами — СО, 1822, ч. 82, № 49.

«Монитор» — «Moniteur Universel», газета, официальный орган французского правительства. Вяземского снабжал этим изданием Тургенев (ОА, т. 2, с. 284). 6 октября Дмитриев «с благодарностью» вернул номер газеты Вяземскому (Старина и новизна, кн. 2. СПб., 1898, с. 151).

...подарок...— «Шильонский узник» в пер. В. Жуковского. СПб., 1822.

...о моих стихотворениях....— Об истории издания Плетневым «Стихотворений Василия Пушкина» (СПб., 1822) см.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 322, 336—337; Плетнев П. А. Соч. и переписка, т. III. СПб., 1885, с. 382—385; Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». М., 1983, с. 71—96.

П. А. Вяземскому. 9 марта 1830 г. (стр. 441).— Пушкин. Исследования и материалы, т. XI, с. 237 (публ. Н. И. Михайловой). Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 177—178).

Стр. 442. ...рассуждениями о Киклопах...— Имеется в виду статья II «Размышлений и разборов» П. А. Катенина, содержащая, в частности, разбор драмы Еврипида «Киклоп» (Литературная газета, 1830, № 11, 20 февраля, с. 88). Бывшие арзамасцы вспоминали, что последними предсмертными словами В. Л. Пушкина были: «Как скучны статьи Катенина!» «И более ни слова. Каково? — восхищался А. С. Пушкин.— Вот что значит умереть честным воином, на щите...» (Пушкин. ПСС, т. XIV, с. 112; ср.: РА, 1900, № 3, с. 356; Вяземский. ПСС, т. 9, с. 137—138, т. X, с. 82; Москвитянин, 1854, № 5, отд. IV, с. 11).

...«зык колоколов, дух лет, я еле»...— См.: Розен Е. Ф. Рынды (Из 1-й песни поэмы «Рождение Иоанна Грозного». — Царское Село. Альманах на 1830 год. Изд. Н. Коншиным и Б(ароном) Розеном. СПб., (1830), с. 161—162.

...сказкою Медведя-костолома...— См.: Сомов О. Сказка о Медведе-костоломе и об Иване купецком сыне.— Там же, с. 148—156.

...по словам Нибура-Полевого...— Полевой называл Нибура «первым историком нашего времени» и посвятил ему свою «Историю русского народа». Пристрастие Полевого вызывало насмешки его литературных противников. В. Л. Пушкин, например, в послании «А. С. Пушкину» заметил: «Нибуром никогда не будет наш москвич» (Поэты 1790—1810, с. 701).

...проза Н. М. Карамзина образцом служить не может.— См.: Московский телеграф, 1830, ч. XXXI, № 2, с. 244.

П. А. Вяземскому. 27 апреля 1830 г. (стр. 442).— Пушкин. Исследования и материалы, т. XI, с. 442 (публ. Н. И. Михайловой). Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 179 об., 180—180 об.):

«Москва и Париж» — Шаховской А. А. Москва и Париж в 1812 и 1814 годах. Воспоминания в разностопных стихах. СПб., 1830.

Я рад благополучию Дашкова...— Речь идет о помолвке Дашкова.

ПИСЬМА Д. Н. БЛУДОВА В. А. ЖУКОВСКОМУ

19/31 марта 1819 (стр. 443). — РА, 1875, № 12, с. 341—342.

Стр. 443. *Ты забываешь поручения дружбы, когда они касаются до помощи бедным.* — Здесь и далее речь идет о поручениях Блудова, связанных с благотворительностью. Многочисленные благотворительные акции арзамасцев питались идеями практической филантропии, усвоенными в пору обучения в Московском университетском пансионе от масонски ориентированных наставников.

Стр. 444. *...ты мне должен за Malte-Brun и Sismondi...* — По-видимому, подразумеваются книги, присланные Блудовым Жуковскому из-за границы. Идентификация первой вызывает затруднения; вторая — очевидно, многотомное сочинение Симона де Сисмонди «История итальянских республик в средние века» («Histoire des républiques italiennes du Moyen Age». 2ed. Т. 1—16. Paris, 1815—1818). Это издание сохранилось в библиотеке Жуковского. См.: Библиотека В. А. Жуковского. Описание. Сост. В. В. Лобанов. Томск, 1981, с. 291.

...пришли и печатный экземпляр стихов на рождение Великого князя... — См. примеч. на с. 571 наст. тома.

18/30 мая 1820 (стр. 444). — РА, 1875, № 12, с. 342—343.

Стр. 445. *Почти два года мало-помалу разрушаюсь от утомительной и упрямой болезни...* — Вскоре после приезда в Англию (1818) Блудов заболел холерой и долго страдал от осложнений перенесенной болезни.

Quantum mutatus ab illo! — Вергилий, «Энеида», II, 274.

ПИСЬМА М. Ф. ОРЛОВА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

28 февраля 1820 г. (стр. 445). — Лит. наследство, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 22—24 (публ. Л. Я. Вильде). Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2480, л. 4—4 об.).

...прения вашей Каморы. — Протоколы польского сейма.

Напиши мне об этом предмете несколько строк... — В середине марта Вяземский отвечал: «Конечно, ты прав: хорошо бы в Варшаве издавать русский журнал! Но мне никак нельзя: я один, или еще и того хуже, не один; надеюсь, однако ж, во время Сейма сообщать известия о прениях, если не Бог, а люди позволят» (АБТ, т. 6, с. 380).

22 марта 1820 г. (стр. 446). — Большой фрагмент в кн.: История русской литературы, т. V. М.—Л., 1941, с. 337—338 (публ. Б. С. Мейлаха); полностью — Лит. наследство, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 26—28 (публ. Л. Я. Вильде). Печатается по подлиннику: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5083, л. 61—62.

Стр. 446. *...подлежит цензурному присмотру.* — О политической репутации М. Ф. Орлова в это время см., например, письмо Н. И. Тургенева к брату 16 апреля 1820 г. (ДНТ, с. 287).

Стр. 447. *...польская конституция еще не переведена...*— Конституция Царства Польского (1815 г.) была издана на польском и французском языках. В русской печати появлялся лишь обзор этого документа из «Варшавского журнала» (ВЕ, 1816, ч. ХС, № 22, с. 137—145); попытка Вяземского опубликовать свой перевод встретила цензурные препятствия (Вяземский. ПСС, т. 2, с. 110—111).

...для уничтожения российской славы.— Вяземский придерживался противоположного взгляда на намерения поляков (см.: АБТ, т. 6, с. 379—380).

Проект журнала...— Это был один из многих неосуществленных журнальных проектов Орлова: «арзамасский» журнал (см. в т. 1 наст. изд.); «Восприемник» (ОА, т. 1, с. 107), «Россиянин XIX века» 1819 г. (см. литературу, указанную в примеч. к с. 436; Орлов рассматривался Н. И. Тургеневым как один из главных деятелей в этом начинании — АБТ, т. 5, с. 183). Предполагаемые соиздатели Орлова, как правило, Тургенев и Вяземский.

«Инвалид» — официальная газета военного ведомства «Русский инвалид» (о негативном отношении к ней Орлова см.: Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, с. 226).

Он недавно оставил службу...— Прикомандированный к гвардейскому корпусу поручик Н. М. Муравьев вышел в отставку 13 января 1820 г.

Стр. 448. *Как тебе кажется мой план?* — Вероятно, в непосредственной связи с этим планом находился присланный Орловым Н. И. Тургеневу в начале мая 1820 г. «проект общества переводчиков для перевода книг полезных иностранных на русский язык» (ДНТ, с. 301), которому также не суждено было осуществиться.

...ожидать буду твоего ответа...— О предпринятых Вяземским шагах для создания журнала см.: АБТ, т. 6, с. 8.

21 августа 1823 г. (стр. 448).— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2480, л. 64.

...ты, видно, сделался пастушком...— Вероятно, намек на долгое пребывание Вяземского в Остафьево.

...соединиться с Днепром.— Уехать в Киев.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Авакум Петрович (1620 или 1621—1682), протопоп, писатель — II, 362.

Август Октавиан (63 г. до н. э.— 14 г. н. э.), римский император с 27 г. до н. э.— II, 205.

Адиссон Джозеф (1672—1719), английский литератор — II, 361.

Азбукин Василий Андреевич, дальний родственник В. А. Жуковского — II, 346.

Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.) — I, 442; II, 17, 81, 242, 356.

Александр I (1777—1825) — I, 43, 45, 54, 57, 61, 66, 71, 79, 81, 97, 101, 134, 139, 227, 228, 438; II, 95, 172, 237, 254, 262, 305, 328, 377, 409, 413, 429, 430.

Александр Николаевич (1818—1881), великий князь, сын Николая I, с 1855 г. император российский Александр II — I, 54; II, 380, 422, 444.

Александра Федоровна (1798—1860), жена Николая I — I, 433; II, 380.

Алексеев Петр Алексеевич (1731—1801), филолог, лексикограф — II, 68.

Альбан (Альбани) *Франческо* (1578—1660), итальянский художник — II, 241.

Анакреон (Анакреонт; ок. 570—478 гг. до н. э.) — I, 162, 170, 297, 336; II, 33, 90, 158, 163, 236, 259, 299, 302, 311, 312.

Анастасевич Василий Григорьевич (1775—1845), библиограф и переводчик — I, 177, 207, 338; II, 179, 214.

Ангальт Федор (Фридрих Густав) *Евстафьевич* (1732—1794), начальник Шляхетского кадетского корпуса, литератор — I, 83; II, 411.

Андро Федор Александрович (1804—1885), полковник лейб-гвардии гусарского полка — I, 40.

Анохова, бедная женщина, которой покровительствовали Жуковский и Блудов — II, 443.

Антипатер (Антипатр) *Сидонский* (II—I в. до н. э.), древнегреческий поэт — II, 107—108, 113.

Антипатер (Антипатр) *Фессалонийский* (I в. до н. э.— I в. н. э.), древнегреческий поэт, живший в Риме — II, 107.

Антонский — Прокопович-Антонский *Антон Антонович* (1762—1846), директор Московского Благородного пансиона,

* Указатель не охватывает вступительную статью и комментарии. Полужирным шрифтом выделены номера страниц, на которых опубликованы сочинения данного лица. Общеизвестные имена и имена членов «Арзамаса» не аннотируются. Указатель составила В. А. Мильчина.

литератор — I, 169, 282; II, 378, 381, 437.

Апеллес (2-я пол. IV в. до н. э.), древнегреческий художник — II, 278.

Аполлонский Тимофей, литератор — II, 10.

Апраксин Владимир Степанович (1796—1833), сын С. С. Апраксина — II, 438.

Апраксин Степан Степанович (1747—1827), генерал, московский театрал и меценат — I, 70.

Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834) — I, 139, 412.

Арапов Пимен Николаевич (1796—1861), поэт, водевиллист — II, 10.

Арбенева Авдотья Николаевна (1786—1831), родственница В. А. Жуковского — I, 202.

Ариост (Ариосто) *Лудовико* (1474—1533) — II, 94, 98, 242, 286, 358, 360, 366, 367.

Аристарх Самофракийский (220—143 гг. до н. э.), древнегреческий критик и грамматик — II, 238, 247, 287.

Аристипп (2-я пол. V — нач. IV в. до н. э.), древнегреческий философ-гедонист — II, 212.

Аристотель (384—322 гг. до н. э.) — I, 184, 303; II, 9, 76, 86—87, 240.

Аристофан (ок. 445 — ок. 385 до н. э.) — I, 75, 107, 242—244, 270; II, 103—104, 345, 357—358.

Асклепиад Самосский (III в. до н. э.), древнегреческий поэт эллинистической эпохи — II, 106, 112.

Аспазия (ок. 470 г. до н. э.—?), гетера в Афинах, знаменитая умом и образованностью — II, 139.

Аткинсон Василий Яковлевич (1791—1844), библиотекарь Публичной библиотеки — I, 80.

Аттила (? — 453), предводитель гуннов с 434 г. — II, 314.

Афанасьев, неимущий, которому покровительствовали Жуковский и Блудов — II, 443.

Бавий (I в. до н. э.), римский поэт, противник Горация и Вергилия — II, 162—163, 314.

Байрон Джордж Нозл Гордон (1788—1824) — II, 95, 195—196, 397, 421.

Бакунин Михаил Михайлович (1764—1837), петербургский гражданский губернатор — I, 74, 107.

Бакунина (урожд. Кутузова) *Варвара Ивановна* (1773—1840) — жена М. М. Бакунина — I, 74, 107.

Балашов Александр Дмитриевич (1770—1837), министр полиции в 1810—1819 гг. — I, 397.

Бальзак Жан Луи Гез, сеньор де (ок. 1595—1654), французский писатель — II, 34.

Барабанов — см. Карабанов П. М.

Баранов Дмитрий Осипович (Иосифович; 1773—1834), литератор, сотрудник «Беседы» — II, 8.

Барков Иван Семенович (ок. 1732—1768), поэт — I, 144; II, 289.

Барыс, князь — см. Голицын Б. В.

Батондий (Батонди) *Ротонди* (? — 1812), итальянец, живший в доме Вяземских — I, 159, 222; II, 359.

Батый (1208—1255), монгольский хан — I, 200, 442; II, 214, 248.

Батошков Константин Николаевич (1787—1855) — I, 33, 37, 50, 51—53, 56, 65, 80, 92, 122—125, 127, 130, 135, 143—153, 157, 159, 164, 166—171, 172, 176, 177, 178, 179—180, 182, 186, 188, 189—193, 194, 196—198, 199, 200—210, 211, 214, 219—220, 223—225,

226, 227, 228, 296—297, 304, 318, 340, 357, 358, 363—365, 367, 369, 397, 411, 429—432, 434, 436, 441, 442, 463, 464; II, 7, 94—96, 100—115, 133, 157—158, 172, 176, 200, 206—213, 215—218, 219, 220—236, 243—245, 249, 253—256, 258—260, 270, 279, 288, 297—302, 316—318, 321, 332—335, 336, 345, 348, 352—367, 369, 371, 372, 377, 379, 384, 386, 388, 389, 395, 398, 403, 406, 408, 417, 422, 425, 429, 433, 434, 437, 443.

Баур-Лормиан Пьер (1770—1854), французский поэт и критик — II, 389.

Бахметев Алексей Николаевич (1774—1841), генерал — I, 211; II, 354.

Баярд Пьер де Террай де (ок. 1475—1524), французский военный деятель, «Рыцарь без страха и упрека» — II, 237.

Байрон — см. Байрон.

Бекетов Платон Петрович (1761—1836), издатель, типограф — I, 116, 121.

Белосельский-Белозерский Александр Михайлович, князь (1752—1809), дипломат и писатель — II, 393.

Бернадог Жан Батист (1763—1844), французский маршал, с 1818 г. — шведский король Карл XIV Юхан — I, 97.

Бестужев (Марлинский) Александр Александрович (1797—1837) — I, 57; II, 392.

Бецкий Иван Иванович (1703—1795), педагог, литератор — II, 423.

Бешамель Луи де, маркиз де Нуантель (? — 1703) финансист, придворный Людовика XIV, знаменитый своим чревоугодием и тщеславием — I, 240.

Биас, легендарный греческий мудрец — II, 179.

Бион (II в. до н. э.), древнегреческий поэт — I, 177.

Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772), герцог Курляндский с 1737 г., фаворит императрицы Анны Иоанновны — I, 377.

Бланк Борис Карлович (1763—1826), поэт — I, 172; II, 237.

Блер Хью (1718—1800), английский теолог и историк литературы — II, 424.

Блудов Андрей Дмитриевич (1817—1885), сын Д. Н. Блудова — I, 435.

Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864) — I, 31—36, 39, 51, 54, 60—61, 66, 67, 70, 73, 74, 76, 78—79, 85, 99—100, 104—105, 115, 128—129, 130, 135, 136, 159, 161, 163, 174, 175, 178—180, 182, 188, 190, 192, 193, 197, 199, 201, 202, 211—214, 227, 228, 261—265, 266, 268, 270—272, 275—277, 281—284, 290, 292, 297—298, 300—303, 304—307, 316, 317—321, 322—326, 329, 331, 333, 337—339, 343, 346, 347—349, 353, 357—363, 368—373, 377—380, 384—388, 392—393, 394—396, 402—404, 411, 413, 414, 416—419, 419, 421—430, 430—432, 435, 437, 438, 440, 441, 461, 464; II, 7, 97—100, 121—135, 197—200, 294, 301, 339, 343, 345, 348, 349, 363—367, 369, 373, 376, 382, 383, 385, 386, 399, 400—401, 402—415, 417, 420, 423, 431—433, 435, 441, 442, 443—445.

Блудова (урожд. кн. Щербатова) *Анна Андреевна* (1777—1848), жена Д. Н. Блудова — II, 197—200, 367, 401, 411.

Блудова Антонина Дмитриевна (1813—1891), дочь Д. Н. Блудова — I, 129—130.

Боало — см. Буало.

Бобринцев-Пушкин Николай Сергеевич (1800—1871), литератор — II, 361.

Бобров Семен Сергеевич (1763 или 1765—1810), поэт — I, 143, 147, 152—157, 354; II, 157, 307, 385, 391.

Богданович Ипполит Федорович (1743—1803), поэт — I, 123; II, 24, 48, 203, 211, 218, 287.

Боголюбов Варфоломей Филиппович (ок. 1785—1842), чиновник министерства иностранных дел, близкий к С. С. Уварову — I, 135.

Боккаччо Джованни (1313—1375) — I, 464; II, 360.

Болтин Иван Никитич (1735—1792), историк — II, 71, 413.

Болховской (Бологовский) *Дмитрий Николаевич* (1775—1852), знакомый В. Л. Пушкина — I, 354.

Бомарше Пьер Огюстен Карон де (1732—1799) — I, 391.

Бонапарт — см. Наполеон I.

Бонштеген Шарль Виктор де (1745—1832), швейцарский писатель — II, 423.

Борноволоков Третий Степанович, литератор, член-корреспондент Академии наук — I, 188, 190.

Боссюэт (Боссюэ) *Жак Бенинь* (1627—1704), французский теолог и проповедник — II, 144, 203, 435.

Боярдо Маттео Мария (ок. 1441—1494), итальянский поэт — II, 98.

Брунк Ришар Франсуа Филипп (1729—1803), французский филолог — II, 105, 112—115.

Брусилев Николай Петрович (1782—1849), прозаик, издатель, критик — I, 182, 186.

Брут Марк Юний (85—42 гг. до н. э.), римский оратор и политический деятель — I, 98; II, 125.

Брюлов (Брюллов) *Александр Павлович* (1798—1877), архитектор, брат К. П. Брюллова — I, 39.

Брюлов (Брюллов) *Карл Павлович* (1799—1852), художник — I, 39.

Брюне Жан Жозеф (1766—1851), французский комический актер — I, 224.

Брянский (Григорьев) *Яков Григорьевич* (1791—1853), актер — II, 439.

Буаельдьё Франсуа Адриен (1755—1834), французский композитор — I, 31.

Буало-Депрео Никола (1636—1711) — I, 41, 54, 117, 150, 152, 200, 216, 261, 342, 438; II, 34, 46, 47, 65, 72, 74, 89, 119, 170, 179, 202, 204, 307, 309, 384, 385, 393.

Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863), московский чиновник, с 1832 г. московский почтовый директор — I, 239—240, 440; II, 381, 418, 432.

Булгакова (урожд. кн. Хованская) *Наталья Васильевна* (1785—1841), жена А. Я. Булгакова — II, 381, 432.

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859) — I, 137—140; II, 419.

Бунина Анна Петровна (1774—1828), поэтесса — I, 207, 297, 305, 307—310, 312—313, 338, 398, 407; II, 146—148 (?), 155.

Бурцов Алексей Петрович (?—1813), гусарский поручик, гуляка — I, 463; II, 275—276.

Буслаев Петр (? — до 1755), поэт — II, 304.

Буфлер Станислас Жан, шевалье де (1738—1815), французский военный и поэт — II, 340.

Бургер Готфрид Август (1747—1794), немецкий поэт — II, 241.

Буффон Жорж Луи Леклер, граф де (1707—1788) — I, 49—50, 298, 302; II, 338.

Вальховский (Вольховский) *Владимир Дмитриевич* (1798—

1841), лицейский товарищ А. С. Пушкина — I, 98.

Вандик (Ван Дейк) *Антонис* (1599—1641), фламандский художник — II, 129, 245.

Василий Великий (ок. 330—379), церковный деятель, богослов — II, 16.

Вассиан Рыло (? — 1481), ростовский архиепископ, писатель — I, 199.

Веллингтон Артур Уэлсли, герцог (1769—1852), английский фельдмаршал — I, 400.

Вельяшев Александр Петрович (1785—1826), чиновник — I, 195.

Вергилий (Виргилий) *Марон Публий* (70—19 гг. до н. э.) — I, 42, 53, 56, 120, 145, 171, 301, 309, 318, 335, 340, 344, 417; II, 10, 15, 31, 40, 45, 53, 88, 91, 100, 173, 201, 203, 205, 258, 286, 292, 298—299, 302, 304, 424, 445.

Вержье Жак (1655—1720), французский поэт — II, 287.

Верзляков — см. Мерзляков.

Вернет (Верне) *Жозеф* (1714—1789), французский художник — I, 214; II, 303.

Веротт (Верто) *Рене Обер*, аббат *де* (1655—1735), французский историк — II, 179.

Веррес Гай Лициний (ок. 119—43 гг. до н. э.), римский полководец — II, 205.

Веспуций (Веспуччи) *Америго* (между 1451 и 1454—1512), мореплаватель, по происхождению флорентинец — I, 284.

Вигель Филипп Филиппович (1786—1856) — I, 60—101, 102—103, 105, 115, 129, 135, 226—227, 273—274, 277, 290—292, 297, 298, 300—304, 306, 307, 316, 317, 323—326, 331, 333, 338, 343, 358—359, 363, 371—373, 379, 380, 386—388, 395, 400—402, 403, 411, 419, 421, 426, 427, 429, 430; II, 364, 432, 444.

Виктор Эммануил I (1759—1824), король Сардинии в 1802—1821 гг. — I, 115.

Виланд Кристоф Мартин (1733—1813), немецкий писатель — II, 242, 359.

Вилларс (*Монфокон де Виллар*), аббат *де* (1635—1673), французский литератор, автор книги «Граф Габалис» (1670), посвященной потусторонним силам — I, 150.

Виртембергская королева — см. Екатерина Павловна.

Висковатов Сергей Иванович (1786—1831), поэт и переводчик, сотрудник «Беседы» — I, 159, 160, 285, 342, 354, 415; II, 10, 179, 288, 374.

Витгенштейн Петр Христианович (1769—1843), фельдмаршал — II, 143.

Владимир I (? — 1015), князь новгородский (с 969 г.), киевский (с 980 г.) — II, 16, 53, 98, 211, 242, 414.

Воейков Александр Федорович (1778 или 1779—1839) — I, 90—91, 108, 117, 125, 127, 160, 195, 200, 201, 220, 226, 307, 316, 378, 413, 420, 428—429; II, 7—10, 167—173, 239—243, 256—258, 266—270, 273, 279, 302—306, 323—332, 337—339, 348, 350, 356, 378, 384, 385, 389, 420, 423—431, 440.

Воейкова (урожд. Протасова) *Александра Андреевна* (1795—1829), жена А. Ф. Воейкова — I, 90—91; II, 323, 329—332.

Военный министр — см. Горчаков А. И.

Волжко Алексей Гаврилович (1780 — не ранее 1826), поэт — I, 161.

Вольтер (наст. имя и фам. Марш Франсуа Аруз; 1694—1778) — I, 41, 118, 161, 168, 176, 242, 247, 282, 321, 342, 461; II, 7, 12, 13, 18, 25, 31, 33, 41, 43, 45, 72, 76,

81, 92, 97, 101, 111, 137, 162, 173, 179, 180, 201, 204—205, 238, 258, 286, 303, 304, 311, 313, 329, 353, 354, 385, 389, 410, 425, 429.

Воронцов Семен Романович, граф (1744—1832), дипломат — II, 400.

Востоков Александр Христофорович (1781—1864), поэт, филолог — I, 53, 64—65, 174, 175, 186.

Всеволожский Николай Сергеевич (1772—1857), библиофил, владелец типографии в Москве — I, 290.

Вельгорский Михаил Юрьевич (1788—1856), государственный деятель, меценат — I, 102; II, 175, 420.

Вяземская (урожд. кн. Гагарина) *Вера Федоровна*, княгиня (1790—1880), жена П. А. Вяземского — I, 202, 223, 315, 441, 443; II, 280—284, 418.

Вяземский Петр Андреевич, князь (1792—1878) — I, 33, 34—36, 52, 65, 82, 87—89, 92, 102, 103—107, 135, 151—152, 153—157, 158—161, 163, 165—167, 171—180, 187, 188—189, 191—193, 199, 202, 209, 215—217, 218—228, 240, 246—252, 270—271, 277, 284, 289—290, 296—297, 302, 303—304, 313—316, 324—329, 330, 338, 339—340, 343, 344, 346, 347, 352—354, 355, 356—358, 360, 363—365, 367—369, 372, 384, 394, 404, 411—413, 419, 421, 424—425, 428, 429, 432, 433, 436, 440—443, 459—463, 464; II, 7, 122, 140, 142—146, 149—151, 159—166, 174—179, 181—195, 200—201, 206, 212, 214, 218—219, 235—239, 246, 250, 253—256, 261—263, 274—276, 277, 279—284, 288(?), 294—296, 297—301, 310—316, 318—322, 336, 339, 341, 343—345, 348—349, 354—357, 359—364, 366, 368—393,

396—399, 402—421, 425, 429, 432—442, 444, 446—448.

Гавиньи, француз, живший в доме С. С. Уварова — I, 332, 354, 358, 361, 396; II, 403.

Гагарин Григорий Иванович, князь (1782—1837), дипломат — I, 150.

Гагарина (урожд. Соймонова) *Екатерина Петровна*, княгиня (1790—1873), жена Г. И. Гагарина, сестра С. П. Свечиной — I, 355; II, 372.

Галинковский Яков Андреевич (1777—1815), литератор — I, 284.

Галиф (Галиф Галифович) *Жак Августин*, швейцарский литератор, в 1812—1814 гг. живший в Петербурге, знакомый Д. П. Северина — I, 180, 193.

Гальба Сервий Сульпиций (5 г. до н. э.— 69 г. н. э.), римский император с 68 г.— I, 415.

Ганеман Фридрих, пастор Стрельнинского прихода в 1814—1821 гг.— I, 436, 437.

Гарасс Франсуа, отец (1585—1630), французский иезуит, религиозный памфлетист — II, 56.

Гервей (Гервей) *Джеймс* (1714—1758), английский поэт — I, 207.

Гарнье Робер (1544—1590), французский поэт, автор трагедий — II, 34.

Гебель Иоганн Петер (1760—1826), немецкий писатель — I, 464; II, 346.

Гедил (III в. до н. э.), древнегреческий поэт — II, 107, 112.

Гельвеций Клод Анри (1715—1771) — II, 429.

Гераклид (Гераклит) *Понтийский* (IV в. до н. э.), древнегреческий философ — II, 104—105.

Гераков (Гераки) *Гавриил Васильевич* (1775—1838), прозаик и историк — II, 179, 377.

Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803) — I, 299, 305, 317; II, 102, 428.

Гермоген (ок. 1530—1612), русский патриарх в 1606—1612 гг. — I, 123, 148, 340.

Геродот (между 490 и 480 — ок. 425 гг. до н. э.) — II, 334.

Гесиод (VIII—VII в. до н. э.) — I, 327; II, 96.

Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832) — I, 41, 54; II, 82, 95, 100, 128—129, 241, 359.

Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787—1874), французский государственный деятель и историк — I, 91.

Гиппократ Косский (ок. 460—377 гг. до н. э.), древнегреческий врач — II, 215.

Глазунов Илья Иванович (1786—1849), петербургский книгопродавец и издатель — I, 147, 204, 218, 308, 312, 342, 347, 376, 383, 390, 397, 414; II, 160, 235, 326, 362.

Глебов Дмитрий Петрович (1789—1843), поэт, переводчик — II, 10.

Глинка Сергей Николаевич (1775—1847), писатель — I, 146, 158, 177, 178, 194, 201, 225; II, 8, 167, 169, 258, 356, 375, 407.

Глинка Федор Николаевич (1786—1880), писатель — I, 53; II, 340, 385.

Гнедич Николай Иванович (1784—1833) — I, 39, 43, 46, 49, 50, 65, 70, 73, 79, 135—136, 151—152, 164—165, 166—171, 179, 211, 226—228, 262, 296, 319, 388—390, 401, 403, 406, 411, 412; II, 78—82, 83—85, 90, 92—94, 245, 294, 304, 358, 389, 408, 411.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — I, 58; II, 392, 393.

Голицыев-Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813) — II, 242, 248, 368.

Голицыев-Кутузов Павел Васильевич (1772—1843), генерал-адъютант, затем член Государственного совета — I, 44.

Голицыев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829), куратор Московского университета, поэт, переводчик, член «Беседы» — I, 74, 116, 135, 169, 195, 212, 217, 288, 315, 326—330, 365, 424; II, 9, 167, 171, 176, 177, 267, 328, 372, 379, 385, 434.

Голицын Александр Борисович (1792—1865), адъютант великого князя Константина Павловича — II, 422.

Голицын Александр Николаевич, князь (1773—1844), обер-прокурор Синода; министр просвещения в 1816—1824 гг. — I, 81—82; II, 365, 433.

Голицын Алексей Петрович, князь (1754 — после 1810), литератор, ярославский гражданский губернатор — I, 167.

Голицын Борис (Борыс) Владимирович, князь (1769—1813), литератор — I, 159, 160, 165, 167, 172, 195.

Голицын Петр Алексеевич, князь, обер-егермейстер — I, 70.

Головин Иван, государственный деятель — I, 70.

Головина (урожд. Голицына), жена Ивана Головина — I, 70.

Головин Василий Михайлович (1776—1831), путешественник — II, 425.

Гомер — I, 39, 42, 152, 239, 244, 301, 340, 390, 399, 401, 413; II, 16, 29, 45, 53, 58, 61, 63, 75, 78, 80, 82—86, 88, 90—92, 94, 96, 108, 201, 203, 205, 214, 258, 286, 303, 406, 408.

Гораций Флакк Квинт (65—8 гг. до н. э.) — I, 41, 48, 57, 121, 152, 165, 168, 173, 183, 187, 199, 200, 219, 321, 341, 397; II, 11, 20, 65, 74, 80, 89, 94, 95, 118, 145, 163, 201—203, 210, 214, 236, 258, 266,

283, 287, 299, 300, 311, 341, 368, 399.

Городчанинов Григорий Николаевич (1772—1852), литератор — II, 9.

Горчаков Александр Михайлович, князь (1798—1883), лицейский товарищ А. С. Пушкина, дипломат — I, 52.

Горчаков Алексей Иванович (1769—1817), генерал от инфантерии, в 1812—1813 гг. управляющий военным министерством — I, 210.

Горчаков Дмитрий Петрович (1758—1824), поэт-сатирик — I, 162, 163, 459; II, 7, 145, 288(?).

Горюшкин Захарий Аникиевич (1748—1821), профессор Московского университета, законовед — I, 391.

Грамматин Николай Федорович (1786—1827), поэт — I, 61, 125, 171, 172, 175, 219; II, 9.

Грегуар Анри (1750—1831), деятель Французской революции, член Конвента, сенатор при Наполеоне, деятель левой оппозиции в эпоху Реставрации — I, 98.

Грей Томас (1716—1771), английский поэт — I, 327; II, 243, 313, 321.

Грейч — см. Греч Н. И.

Грекур Жан Батист Жозеф Виллар де (1683—1743), французский литератор — II, 287.

Грессет (Грессе) *Жан Батист* (1709—1777), французский писатель — I, 170, 267; II, 353, 354.

Греф Вильгельм (? — 1839), издатель, книгопродавец — II, 100.

Греч Николай Иванович (1787—1867) — I, 63, 135—136, 161, 162, 174, 175, 186, 226, 386, 390—392, 402, 403, 406, 410; II, 382, 407, 411, 441.

Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — I, 56; II, 196.

Гримм Мельхиор, барон фон (1723—1807), французский литературный критик — I, 355.

Грот Яков Карлович (1812—1893), филолог — I, 128.

Грузинцев Александр Николаевич (1779—1840-е гг.), драматург, поэт — I, 212, 282; II, 8, 172, 177, 179, 258, 267, 269, 329, 368.

Гурьев Дмитрий Александрович (1751—1825), министр финансов и уделов — I, 40; II, 142.

Гуфеланд Христофор Вильгельм (1762—1836), немецкий врач, лейб-медик прусского короля — II, 382.

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — I, 53, 92, 161, 180, 440, 463; II, 8, 261, 274—276, 310—312, 320, 337—339, 340, 421—422, 429, 437.

Давыдов Дмитрий Александрович (1786—1851), чиновник, член Союза благоденствия — II, 422.

Давыдов Лев Васильевич (1792—1848), брат Д. В. Давыдова, адъютант генерала Н. Н. Раевского — I, 297; II, 357.

Даламберт (Даламбер) *Жан Лерон* (1717—1783) — I, 41; II, 429.

Дант (Данте) *Алигьери* (1265—1321) — I, 53, 335; II, 360.

Дасье Андре (1651—1722), французский филолог, переводчик античных авторов — II, 43.

Дасье (урожд. Лефевр) *Анна*, жена А. Дасье, переводчица античных авторов — II, 43.

Дашков Дмитрий Васильевич (1788—1839) — I, 33, 54, 61, 70, 73, 75, 78—79, 85, 87, 104, 107, 110, 114, 117, 122, 125—127, 129, 135, 136, 171—177, 179—182, 183—186, 187—190, 195, 196, 199—200, 201, 209, 211—214, 217—219, 220, 221—223, 225—227, 240—245, 266, 268—269,

270, 272, 273, 275—277, 278—281, 290—292, 296—300, 304, 305, 307, 310—315, 316—317, 321—323, 324—326, 329, 331, 333, 335—337, 363, 365—367, 369, 374, 378, 387, 388, 393, 395, 396—400, 401, 404, 405, 411, 412—413, 414—416, 420, 427, 429, 432, 441, 461; II, 7, 11—78, 100, 134 (?), 202, 204—206, 243, 247—250, 256—258, 279, 294, 329, 330, 339, 345, 347—348, 350, 354, 356, 357, 361—362, 367, 376, 386, 387, 390, 393, 399, 416—421, 423, 431, 435, 441, 442, 445, 448.

Дашков Павел Михайлович, князь (1763—1807), генерал-лейтенант, московский губернский предводитель дворянства (с 1801 г.) — II, 416.

Де Бре Франсуа Габриэль (1765—1833), баварский посланник в России — II, 367.

Дева Орлеанская — см. Жанна д'Арк.

Дезюльер Антуанетта дю Лижье де Лагард (1637—1694), французская писательница — I, 201.

Делиль Жак (1738—1813), французский поэт — I, 91, 150, 163, 283, 333; II, 104, 173, 205, 304, 306.

Дельвиг Антон Антонович (1798—1831) — I, 52, 98.

Демосфен (ок. 384—322 гг. до н. э.) — II, 16, 77, 152, 205.

Депорт Филипп (1546—1606), французский поэт — II, 34.

Депрео — см. Буало-Депрео.

Державин Гавриил Романович (1743—1816) — I, 38, 43, 44, 46, 48, 62, 66, 74, 83, 95, 114, 124, 135, 159, 161, 163, 165—168, 171, 173, 213, 219, 319, 321, 342, 374, 382, 399—401, 406; II, 14, 18, 20, 24, 48, 74, 119, 148, 155—157, 163, 179, 203, 210, 236, 248—249, 287, 307, 375, 381, 387, 413, 414.

Дидерот (Дидро) Дени (1713—1784) — I, 41; II, 429.

Диоген Синопский (ок. 400 — ок. 325 гг. до н. э.), древнегреческий философ-киник — I, 215—216.

Дмитревский Иван Афанасьевич (1733—1821), актер и драматург — I, 212; II, 405.

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — I, 43, 51—52, 60, 61, 63, 85—86, 89, 92, 114, 122, 126—127, 135, 150, 160, 161, 166, 167, 172, 180, 187, 190, 199, 200, 209, 210, 212—214, 220, 289, 304, 320, 321, 332, 355, 358, 414, 441, 463; II, 7, 14, 20, 48, 63, 74, 101, 119, 148, 163, 181, 196, 202, 203, 211, 235, 268, 287, 307, 313, 341, 348, 354, 379, 380, 383, 384, 388—389, 391, 392, 413, 416, 420, 423, 431, 433—438, 440, 441.

Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866), племянник И. И. Дмитриева, писатель и критик — I, 108—127; II, 419, 420.

Дмитрий Донской (1350—1389), великий князь московский (1359) и владимирский (с 1362) — I, 291; II, 242.

Долгорукая (урожд. кн. Барятинская) *Екатерина Федоровна*, княгиня (1769—1849), кавалерственная дама — I, 172.

Долгоруков Иван Михайлович, князь (1767—1823), писатель — I, 166; II, 415, 436.

Дорат (Дора) Клод Жозеф (1734—1780), французский поэт — I, 178.

Драйден Джон (1631—1700), английский писатель — I, 162, 196, 209.

Дружинин Яков Александрович (1771—1849), чиновник — I, 80.

Дюваль Александр Венсан Пине (1767—1842), французский драматург — II, 438.

Дюдеффан (Дю Деффан) *Мари*, маркиза (1697—1780), хозяйка литературного салона в Париже — I, 41.

Дюлюк — Де Люк, граф, французский дипломат — II, 74.

Дюмарсе Сезар Шеню (1676—1756), французский грамматик — II, 43, 202.

Дю-Мень (Дю Мен) *Анна Луиза Бенедикта де Бурбон-Конде*, герцогиня (1676—1753), французская меценатка — I, 41.

Дюриер (Дю Рийе) *Пьер* (1606—1658), французский драматург — II, 34.

Дюсис Жан Франсуа (1733—1816), французский драматург — II, 402, 404, 405.

Евгений, митрополит (Болховитинов Евфимий Алексеевич; 1767—1837), писатель и библиограф — I, 116.

Евгений Иоаннович, епископ Карловацкий — I, 110.

Эверс — см. Эверс.

Евклид (III в. до н. э.) — II, 59.

Еврипид (ок. 480—407 или 406 гг. до н. э.) — I, 46; II, 201, 203, 286.

Егоров Алексей Егорович (1776—1851), художник — I, 39.

Ежова Екатерина Ивановна (1788—1836), актриса, гражданская жена А. А. Шаховского — I, 82, 180—181, 206, 241, 431.

Екатерина II (1729—1796) — I, 51, 95, 134, 154, 319; II, 74, 155—156, 203, 360, 422.

Екатерина Павловна (1788—1819), великая княжна, сестра Александра I, с 1816 г. королева Виртембергская — I, 61; II, 380, 435.

Екатерина Николаевна — см. Карамзина Е. Н.

Елизавета Алексеевна (1779—

1826), жена Александра I, с 1801 г. российская императрица — I, 47, 79, 81, 209; II, 354.

Елизавета Петровна (1709—1761), с 1741 г. российская императрица — II, 74.

Ермак Тимофеевич (? — 1585), казачий атаман — II, 341.

Ермолаев Александр Иванович (1780—1828), художник, археолог, сотрудник Публичной библиотеки — I, 65, 151.

Жанна д'Арк (ок. 1412—1431) — I, 54.

Жан-Поль (наст. имя и фам. Иоганн Пауль Фридрих Рихтер; 1763—1825), немецкий писатель — II, 331, 423.

Жильбер Никола Жозеф Лоран (1751—1780), французский поэт — I, 327; II, 18, 435.

Жихарев Степан Петрович (1788—1860) — I, 63, 73, 77—80, 115, 135, 182, 186, 188, 193, 199, 206, 213—214, 266, 268, 272, 274—277, 284—285, 286—288, 290, 292, 297, 298, 300, 304, 306, 307, 314, 331, 333, 338, 343, 344, 346, 355, 358—359, 363—364, 365, 368, 371—373, 397, 402, 404, 405, 409—412, 419, 421, 425, 430, 432, 463; II, 9, 336—337, 346, 361, 363, 364, 371, 374, 410, 414, 415, 432.

Жихарева (урожд. Нечаева) *Феодосия Дмитриевна* (1795—1850), жена С. П. Жихарева — II, 336—337.

Жорж мадемуазель (наст. имя и фам. Маргерит Веймер; 1787—1867), французская актриса — I, 67.

Жофрень (Жофрен, урожд. Роде) *Мари Тереза* (1699—1777), хозяйка литературного салона в Париже — I, 41.

Жуи (наст. имя и фам. Виктор Жозеф Этьенн; 1764—1846), французский литератор, автор

нравоописательных очерков — I, 407; II, 408.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — I, 33, 37, 43, 48—52, 54, 65, 67, 69, 70, 72—73, 76, 78—79, 82, 87, 89—91, 95, 98, 101—103, 104—107, 114—115, 117—119, 121—122, 124—125, 127, 128, 132—134, 135, 150, 151, 153, 157—158, 160—163, 166—168, 173—174, 178, 180, 190, 195—199, 202, 209—212, 214, 220—221, 222, 224, 227—228, 239, 246, 256—257, 264, 265—268, 270—277, 283, 284—288, 289, 290—295, 296, 297—300, 302, 304—307, 311, 313—315, 316—317, 323—326, 329, 331—334, 338, 339, 343—347, 349—350, 351, 352, 354—356, 360, 362, 363, 364, 366, 371, 374, 377, 379—384, 387, 388, 393—395, 400—402, 407, 411, 413, 417, 419, 420—430, 432, 433, 436, 439—442, 443, 463, 464, 588—589; II, 93, 95, 97—100, 119, 126, 146—148, 165, 171, 197—200, 201—203, 206, 212, 215—216, 218—219, 220—235, 236—243, 246, 249, 250—253, 260, 263—274, 279, 283, 294—297, 300, 307, 321, 339, 343—351, 352—360, 362—369, 371, 372, 374—380, 382—386, 389, 390, 392, 393, 398, 403, 407, 408, 410, 414, 417, 418, 422, 423, 425, 429, 431—433, 435—437, 439, 441, 443—445.

Завадовский Петр Васильевич, граф (1739—1812), член Непременного совета, в 1802—1810 гг. министр народного просвещения — I, 63.

Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852) — I, 68—69, 75, 138, 252—256, 291, 315, 403.

Заикин Иван Иванович (? — 1834) или *Заикин Матвей Иванович* (1782—1854), петербургские книгопродавцы — I, 342.

Зазаров Иван Семенович (? — 1816), председатель IV разряда «Беседы», переводчик — I, 135, 167, 178, 207, 216, 217, 281, 293, 299, 317—321, 355, 405—407, 438; II, 144, 179, 214.

Златоуст Иоанн (ок. 350—407), византийский религиозный деятель — II, 16, 338.

Злов Петр Васильевич (1774—1823), актер — II, 376.

Зола (IV в. до н. э.), древнегреческий философ и ритор — I, 250.

Зюссмильх Иоганн Петер (1708—1767), немецкий статистик — I, 390.

Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584) — I, 199, 395.

Иванов Федор Федорович (1777—1816), драматург, поэт — I, 201, 303, 322.

Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич (1790—1849), писатель — II, 8, 384.

Иванчин-Писарев Николай Иванович, поэт — II, 10.

Игнатий, камердинер В. Л. Пушкина — II, 389—390, 421.

Игорь Святославович (1150—1202), князь новгород-северский с 1178 г. и черниговский с 1199 г. — II, 171.

Измайлов Александр Ефимович (1779—1831), писатель — I, 64, 110, 117, 152, 160, 161, 173—175, 180—181, 187, 214, 246; II, 403.

Измайлов Владимир Васильевич (1773—1830), писатель — I, 222; II, 8.

Ильин Николай Иванович (1777—1823), драматург и переводчик — II, 140, 361, 439.

Инзов Иван Никитич (1786—1845), генерал-лейтенант — I, 54.

Иоанн Васильевич — см. Иван IV Васильевич.

Искра Иван Иванович (? — 1708), полковник Полтавского казацкого войска — I, 212.

Юнг — см. Юнг.

Кавелин Дмитрий Александрович (1778—1851) — I, 90, 221, 227, 372—373, 374—375, 376, 377, 378, 379, 380, 382, 386—388, 392—393, 395, 405, 419, 421, 426—430, 443; II, 348, 349.

Каверин Петр Павлович (1794—1855), гусар, бретер и кутила — I, 432.

Казуцкий (Козицкий) Григорий Васильевич (? — 1775), статс-секретарь Екатерины II, переводчик — II, 22.

Кайсаров Андрей Сергеевич (1782—1813), историк, филолог — II, 329, 429.

Кайсаров Паусий Сергеевич (1783—1844), брат А. С. Кайсарова, генерал — II, 433.

Кайсарова (урожд. Ланская), жена П. С. Кайсарова — II, 433.

Калашников Иван Тимофеевич (1797—1863), писатель — II, 392.

Калонн Шарль Александр де (1734—1802), французский министр финансов в 1783—1787 гг. — I, 313.

Кампе Иоазим Гейнрих (1746—1818), немецкий моралист и педагог — II, 338.

Канкрин Егор Францевич, граф (1774—1845), министр финансов в 1823—1844 гг. — I, 139.

Кантемир Антиох Дмитриевич (1708—1744) — I, 195; II, 95, 237, 248, 304, 387.

Капнист Василий Васильевич (1758—1823), поэт, драматург I, 38, 40, 319, 413; II, 85—94, 258, 305, 326, 403(?).

Капнист Семен Васильевич (1791—1843), поэт, сотрудник «Беседы», сын В. В. Капниста — I, 285; II, 403(?).

Каподистрия Иоанн (Иван Антонович; 1776—1831), дипломат и государственный деятель — I, 129; II, 122, 123, 127.

Карабанов Петр Матвеевич (1765—1829), писатель, сотрудник «Беседы» и член Российской академии — I, 177, 206, 263, 269, 281, 319, 320, 336, 376; II, 9, 144, 180, 245, 258, 313, 361.

Каразин Василий Назарович (1773—1842), просветитель, ученый — II, 326.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — I, 31, 33, 37, 43, 48, 51—52, 54, 72, 82—83, 87, 89, 92, 102, 104—105, 108—110, 112, 114, 118, 121—122, 133, 135—136, 138, 150, 153, 162, 165, 167, 169, 174, 178, 179, 181, 195, 199, 202, 208, 210, 219, 220, 222—225, 227, 240, 257, 296, 315, 320, 330, 331, 349—350, 352—353, 355, 356, 357—358, 365, 371—372, 374, 377—379, 386, 395, 417, 422, 425, 434, 435, 441, 442, 459, 464; II, 48, 63, 71, 119, 148, 165, 171, 202, 203, 211, 253, 257, 268, 277, 279, 283, 287, 307, 310, 315, 334—335, 347, 349, 351, 359, 363—365, 367, 370, 373, 375—378, 383, 384, 389—391, 401, 413, 416, 419—420, 425, 432—440, 442—445.

Карамзин Николай Николаевич (1817—1833), сын Н. М. Карамзина — I, 435.

Карамзина Екатерина Андреевна (1780—1851), жена Н. М. Карамзина — I, 105, 153, 202, 210, 219, 223—224, 227, 315, 331, 358; II, 359, 363, 364, 373, 439, 440, 442, 444.

Карамзина (по мужу Мещерская) *Екатерина Николаевна* (1806—1867), дочь Н. М. Карамзина — II, 391.

Карл Великий (742—814), французский король с 768 г., с 800 г. император — II, 98, 242.

Карл V (1716—1788), сицилийский король в 1738—1759 гг., с 1759 г. испанский король под именем Карла III — I, 388.

Карно Лазар Никола Маргерит (1753—1823), французский полководец — II, 383.

Каргузов — см. Голенищев-Кутузов П. И.

Катенин Павел Александрович (1792—1853) — I, 348; II, 10, 349, 422, 433, 434, 436, 439—442.

Катилина Луций Сергий (ок. 108—62 гг. до н. э.), римский политический деятель, заговорщик — I, 98; II, 24.

Катков Михаил Никифорович (1818—1887), издатель — I, 105.

Катон Старший Марк Порций (234—149 гг. до н. э.), римский государственный деятель — I, 243, 367; II, 369.

Катулл Гай Валерий (ок. 87 — ок. 54 гг. до н. э.) — I, 192, 217; II, 301.

Каченовский Михаил Трофимович (1775—1845), историк, журналист — I, 158, 165, 169, 171, 178, 195, 200—201, 215—217, 222, 321, 441; II, 8, 168, 310(?), 375—376, 383, 416, 417, 419—420, 432, 434, 435, 437, 438, 440, 441.

Кашкин Василий Тимофеевич, заведующий типографией Медицинского департамента — I, 287.

Квинтилиан (Квинтилиян) *Марк Фабий* (ок. 35 — ок. 96), римский теоретик ораторского искусства — II, 40, 41, 62, 149.

Кефала (Кефалас) *Константин* (X в.), византийский литератор — II, 105.

Кикин Петр Андреевич (1775—1834), литератор, сотрудник «Беседы» — I, 135, 166, 181, 319; II, 341, 407.

Кипренский Орест Адамович (1782—1836) — I, 39; II, 245.

Киреевская (урожд. Юшкова, по второму мужу Елагина;

1789—1877), хозяйка московского литературного салона — II, 345.

Киселева (урожд. Потоцкая) *Софья Станиславовна* (1801—1875), светская красавица — II, 396—397.

Клавдиан Клавдий, позднелатинский поэт, творивший в 395—400 гг. — II, 43.

Клейст Эвальд Христиан (1715—1759), немецкий поэт — II, 158.

Клопшток Фридрих Готлиб (1724—1803) — II, 428.

Княжевич Дмитрий Максимович (1788—1844), литератор — I, 175, 186.

Княжнин Александр Яковлевич (1771—1829), драматург, сын Я. Б. Княжнина — II, 140, 318—320.

Княжнин Яков Борисович (1740 или 1742—1791), драматург — I, 141, 251; II, 76, 165, 287, 320, 404, 413.

Кобяков Петр Николаевич, переводчик — I, 285.

Кованько Иван Афанасьевич (1773 или 1774 — после 1824), поэт — I, 186.

Козловский Петр Борисович (1783—1840), дипломат и литератор — II, 9.

Козодавлев Осип Петрович (1754—1819), в 1811—1819 гг. министр внутренних дел — I, 356, 403, 406, 411; II, 143, 376, 377, 380.

Кокоскин Федор Федорович (1773—1838), драматург — I, 116, 303; II, 8, 168, 279, 442.

Колберг (Кольбер) *Жан Батист* (1619—1683), французский министр финансов с 1665 г. — I, 356.

Коллен д'Арлевиаль Жан Франсуа (1755—1806), французский драматург — II, 438.

Кологривов Андрей Семенович (? — 1825), генерал — II, 436.

Кологривова (урожд. кн. Трубецкая) *Прасковья Юрьевна* (1762—1846), мать В. Ф. Вяземской — II, 374.

Колумб Христофор (1451—1506) — I, 284.

Кондильяк Этьенн Бонно де (1715—1780), французский философ — II, 202.

Коншин Николай Михайлович (1793—1859), поэт, переводчик — II, 442.

Корнель Пьер (1606—1684) — I, 212; II, 34, 35, 43, 277.

Корреджий (Корреджо; наст. фам. Аллегри) *Антонио* (ок. 1489—1534), итальянский художник — II, 428, 440.

Корсаков Петр Александрович (1790—1844), поэт и журналист — I, 285, 403, 407; II, 408.

Корф Модест Андреевич, барон (1800—1876), лицейский товарищ Пушкина, в дальнейшем крупный чиновник, доверенное лицо Николая I — I, 98.

Костров Ермил Иванович (1752—1796), поэт — II, 63, 90, 91, 304, 349.

Котен Шарль (1604—1682), французский поэт — II, 46.

Котляревский Иван Петрович (1769—1838), украинский писатель — II, 72.

Коцебу Август фон (1761—1819), немецкий писатель — II, 138.

Кочубей Василий Леонтьевич (1640—1708), генеральный писарь и генеральный судья Левобережной Украины — I, 212.

Кошанский Николай Федорович (1781—1831), профессор словесности — II, 50.

Крайтон (Крейтон) *Арчибальд Вильям* (1791—1863), английский врач на русской службе, лейб-медик — II, 120.

Краснопольский Николай Степанович (1775—1814), литератор, переводчик — I, 285.

Красовский Александр Иванович (1780—1857), библиотекарь Публичной библиотеки, затем цензор Петербургского цензурного комитета (1821—1828) — I, 388, 390.

Крез (595—546 до н. э.), царь Лидии, легендарный богач — II, 278.

Кривоцов Николай Иванович (1791—1843), дипломат — II, 367.

Кропотов Андрей Фролович (1780—1817), литератор — II, 153.

Крылов Иван Андреевич (1768 или 1769—1844) — I, 39, 43, 46, 48—50, 63—65, 68, 70, 73, 79, 117, 135, 149—150, 163, 166, 192, 210, 255—256, 319, 323—324, 333, 363, 387, 391, 406, 414; II, 10, 119, 124, 211, 245, 287, 288, 348, 389, 403, 425.

Куницын Александр Петрович (1783—1840), адъюнкт-профессор нравственных и политических наук в Царскосельском лицее — I, 443.

Куракин Алексей Борисович, князь (1759—1829), канцлер — I, 70.

Куракина (урожд. Головина) *Наталья Ивановна* (1768—1831), жена А. Б. Куракина — I, 70.

Курганов Николай Гаврилович (1725?—1796), просветитель, педагог, автор «Письмовника» (1769) — I, 123, 148, 398; II, 362.

Курций (IV в. до н. э.), легендарный римский герой — I, 286.

Кутузов — см. Голенищев-Кутузов П. И. и Голенищев-Кутузов М. И. (II, 242, 248, 368).

Кутузов Николай Иванович (1797—1849), военный чиновник, литератор — II, 385.

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846) — I, 98, 138; II, 8, 196.

Лабзин Александр Федорович (1766—1825), писатель, масон — I, 301, 309, 460; II, 314.

Лабройер Жан де (1645—1696) — II, 117.

Лаваль Иван Степанович (Жан Франсуа), граф (1761—1846), французский эмигрант на русской службе — I, 178; II, 323.

Лаврентий (XIV в.), монах, переписчик «Повести временных лет» (1377) — I, 39.

Лагарп Жан Франсуа (1739—1803), французский писатель и критик — I, 41, 61, 110, 182, 292, 335; II, 11—48, 50, 55, 179, 204, 240, 287, 406.

Лажечников Иван Иванович (1792—1869), писатель — II, 392.

Ламберт Яков Осипович, граф (? — 1849), камергер, чиновник — I, 80, 94.

Ламонт (Удар де Ламонт) *Антуан* (1672—1731), французский драматург, поэт, теоретик литературы — II, 86, 179.

Ланкло Нинон де (наст. имя Анна; 1616—1706), французская куртизанка, хозяйка литературного салона — I, 113.

Ла Саблиер (урожд. Эссейн) *Маргарита* (1636—1693), знатная французская дама, покровительница Лафонтена — I, 39.

Лафарг Огюст (1644—1712), французский поэт — II, 179.

Лафонтен Жан де (1621—1695) — I, 48, 183, 184, 187, 200, 201, 256, 387; II, 75, 170, 184, 203, 287, 409, 411, 436.

Лебрень (Лебрэн) *Шарль* (1619—1690), французский художник — II, 331.

Левек Пьер Шарль (1737—1812), французский историк, ав-

тор «Истории России» (1782—1783) — I, 352.

Леклерк Никола Габриэль (1726—1798), французский историк, автор «Физической, гражданской, нравственной истории древней России» (1783—1784) — I, 352.

Лемиер (Лемьер) *Антуан Марен* (1721 или 1723 или 1733—1793), французский поэт — II, 42.

Леонид (? — 480 г. до н. э.), спартанский царь и полководец — II, 196.

Лерберг Аарон Христиан (1770—1813), русский историк, немец по национальности — II, 427.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — I, 57.

Лесаж Ален Рене (1668—1747), французский писатель — I, 212; II, 277.

Лестинас Жюли де (1732—1776), французская дама, хозяйка литературного салона в Париже — I, 41.

Лжедмитрий I (? — 1606), русский царь с 1605 г. — II, 303.

Ливаний (Либаний; 314 — ок. 393), греческий ритор — II, 16.

Ливий Тит (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — II, 279.

Линде Самуил Богумил (1771—1847), польский филолог — II, 56.

Лифанов Евграф, литератор — I, 285.

Лихачев Петр Александрович, поэт, знакомый Батюшкова и Жуковского — II, 359.

Лобаржевская (урожд. Нарбут, во втором браке Шипшкова) *Юлия Осиповна*, полька по национальности I, 309.

Лобанов Михаил Евстафьевич (1787—1846), писатель, член Российской академии — I, 69, 70, 182, 186, 188, 319, 391, 401.

Локк Джон (1632—1704) — I, 147; II, 145, 331, 338, 423.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — I, 38, 43, 53, 143, 167, 173, 204, 257—258, 399; II, 21, 22, 24, 25, 30, 48, 50, 54, 55, 57, 61, 64, 66, 72, 74, 79, 87, 91, 95, 119, 163, 203, 304, 358, 383, 384, 408.

Ломоносов Сергей Григорьевич (1799—1857), лицейский товарищ А. С. Пушкина, дипломат — I, 52, 356; II, 395.

Лонгин Кассий (ок. 213—273), древнегреческий философ и ритор — I, 184.

Лонжепьер Илер Бернар де Роклейн, барон де (1659—1721), французский поэт и драматург — I, 397—398.

Людвиг Благочестивый (Людвик IX Святой; 1214—1270), французский король с 1226 г. — I, 442.

Лукан Марк Анней (39—65), римский поэт — I, 161; II, 28, 43.

Лукницкий Аристарх Владимирович (1778—1811), переводчик I, 285.

Лукулл Луций Лициний (ок. 117 — ок. 56 до н. э.), римский полководец, богач — II, 278.

Лукин Михаил Сергеевич (1787—1845), декабрист — I, 386; II, 323, 357.

Лунина (в замужестве графиня Риччи) *Екатерина Петровна* (1787—1886), светская красавица — II, 323.

Луциан (Лукриан; ок. 120 — ок. 190), древнегреческий писатель — II, 44.

Львов Павел Юрьевич (1770—1825), писатель, сотрудник «Беседы» — I, 60, 159, 207, 287, 293, 297, 311, 318—320, 322, 348, 369, 376; II, 9, 145, 258, 270(?).

Львов Федор Петрович (1765—1836), писатель — I, 159, 166, 342; II, 145.

Людвик XIV (1638—1715), французский король с 1643 г. — I, 41; II, 33, 34, 384.

Людвик XV (1710—1774), французский король с 1715 г. — I, 41.

Людвик XVIII (1755—1824), французский король с 1814 г. — II, 255.

Лютер Мартин (1483—1546) — II, 68.

Магьер (Майер), воспитатель Н. М. Муравьева — I, 97.

Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1844), попечитель Казанского учебного округа в 1819—1826 гг. — I, 90, 443.

Магомет (Мухаммед; ок. 570—632) — I, 391.

Маздорф Александр Карлович (? — 1820), чиновник и литератор — I, 117; II, 381, 384.

Мазепа Иван Степанович (1644—1709), гетман Украины в 1687—1708 гг. — I, 212.

Макаров Михаил Николаевич (1789—1847), литератор, издатель — I, 177, 178, 338, 355; II, 10, 18, 374, 437.

Макаров Петр Иванович (1765—1804), журналист, критик — I, 113.

Маккиавель (Маккиавелли) *Никколо* (1469—1527) — II, 360.

Максим Грек (наст. имя Михаил Триволис; ок. 1475—1556), публицист, писатель, переводчик — II, 424.

Малерб Франсуа (1555—1628), французский поэт — II, 34, 79.

Малле Эдм (1713—1755), французский священник и литератор — II, 88.

Малиновский Павел Федорович (1766—1832), действительный статский советник — I, 331.

Мальте-Брюн Конрад (1775—1826), датский географ и публицист, живший и работавший в Париже — II, 444.

Манген, аббат, воспитатель С. С. Уварова, затем директор комитета Библейского общества — I, 71.

Марин Сергей Никифорович (1776—1813), поэт — I, 38; II, 340.

Мария Федоровна (1759—1828), жена Павла I, с 1801 г. вдовствующая императрица — I, 69, 84, 92; II, 262.

Маркел, повар В. Л. Пушкина — I, 351.

Марлинский — см. Бестужев А. А.

Мармонтель Жан Франсуа (1723—1799), французский писатель и теоретик литературы — I, 41, 170; II, 179, 364.

Маро Клеман (1496—1544), французский поэт — II, 34, 380.

Мартос Иван Петрович (1754—1835), скульптор — I, 218; II, 425.

Марциал (ок. 40 — ок. 104), римский поэт-сатирик — II, 118.

Маслович Василий Григорьевич (1792—1841), литератор, редактор «Харьковского Демокрита» — II, 327.

Массильон (Массийон) Жан Батист (1663—1742), французский теолог и проповедник — I, 435; II, 428.

Махмуд II (1784—1839), турецкий султан в 1808—1839 гг. — I, 396.

Мевий (I в. до н. э.), римский поэт, противник Горация и Вергилия — II, 309, 310.

Мелеагр Гадарский, или *Сиррийский* (конец II в. до н. э.), древнегреческий поэт — II, 105—106, 112.

Мелецкий — см. Нелединский-Мелецкий.

Меншиков (Меньшиков) Александр Данилович (1673—1729), сподвижник Петра I — II, 187.

Меншиков Александр Сергеевич, светлейший князь (1787—1869), генерал свиты Александра I, позднее управляющий морским министерством, знакомый П. А. Вяземского — II, 356.

Мере Жан (1604—1686), французский драматург — II, 34.

Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830), поэт, теоретик литературы — I, 65, 145, 169, 171, 195, 200, 303, 322, 344; II, 8, 167, 256, 257, 329, 349, 356, 359, 377, 380, 394, 403, 433, 434, 437.

Мерсье Луи Себастьян (1740—1814), французский писатель — I, 201.

Местр Ксавье де (1763—1852), французский писатель — II, 389.

Мешков — см. Шишков А. С.
Мещевский Александр Иванович (ок. 1791 — ок. 1820), поэт — I, 420; II, 348—349.

Миллер (Мюллер) Иоганн фон (1752—1809), швейцарский историк — II, 360, 423.

Милонов Михаил Васильевич (1792—1821), поэт — I, 61, 125, 160, 161, 165, 171, 172, 175, 180, 186, 188, 193, 195, 199—201, 212, 318; II, 10, 214, 247, 257.

Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825), генерал, петербургский военный генерал-губернатор с 1818 г. — II, 237.

Мильтвуа Шарль Юбер (1782—1816), французский поэт — II, 96.

Мильтиад (540—489 гг. до н. э.), афинский полководец — II, 196.

Мильтон Джон (1608—1674) — I, 308; II, 32, 92, 428.

Мимнерм (VII в. до н. э.), древнегреческий поэт — II, 109.

Минин Кузьма (? — 1616) — I, 340.

Миних Бурхард Кристоф, граф (1683—1767), генерал-фельдмаршал — II, 360.

Михаил Федорович (1596—1645), русский царь с 1613 г., первый из рода Романовых — II, 21, 422.

Мишель-Анж (Микеланджело Буонарроти; 1475—1564) — II, 428.

Мойер (урожд. Протасова) *Мария Андреевна* (1793—1823), племянница В. А. Жуковского, предмет его многолетней любви — I, 90.

Моле Франсуа Рене (1734—1802), французский актер — II, 439.

Молчанов Петр Степанович (1733—1831), литератор и чиновник — I, 183, 214.

Мольер (Молиер; наст. имя и фам. Жан Батист Поклен; 1622—1673) — I, 159, 183, 251, 254, 256, 264, 282, 335; II, 41, 119, 287, 398, 439.

Монброн Жозеф Шерад (1767—1851), французский литератор — I, 188.

Монтань (Монтень) *Мишель де* (1533—1592) — II, 34, 400.

Монтескье Шарль Луи де Секонда, барон *де ла Бред* (1689—1755) — II, 43.

Монтозье Шарль де Сент-Мор, герцог *де* (1610—1690), французский полководец и государственный деятель — II, 42, 43.

Монферран (наст. имя и фам. Огюст Рикар; 1786—1858), французский архитектор, много лет работавший в России — II, 347.

Мордвинов Николай Семенович, граф (1754—1845), адмирал, в 1802 г. морской министр — I, 63.

Морле (Морелле) *Андре*, аббат (1727—1819), французский литератор — I, 104.

Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791) — II, 303.

Мстислав, имя нескольких русских князей — I, 61.

Мумий Луций, римский полководец, консул в 146 г. до н. э. — II, 107—108.

Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874), чиновник и поэт, религиозный писатель — I, 58—59.

Муравьев Михаил Никитич (1757—1807), поэт — I, 190, 218, 227, 228; II, 348.

Муравьев Никита Михайлович (1796—1843), декабрист — I, 97—98, 133, 192, 429, 461, 464; II, 332—333, 348, 447.

Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1768—1851), писатель — I, 38, 43, 165—166, 168, 171, 188, 197, 218, 227, 310, 321, 412; II, 9, 145, 376, 397.

Муравьева Катерина (Екатерина) *Федоровна* (1771—1848), жена М. Н. Муравьева, мать Н. М. Муравьева — I, 97—98, 169, 197, 199, 200, 331; II, 362, 365.

Мурена Луций Лициний (I в. до н. э.), римский государственный деятель, консул в 62 г. до н. э. — II, 205.

Мурузи — греческий княжеский род, члены которого в начале XIX в. были господарями Молдавии и Валахии — I, 396.

Мюгель, дочь рижского купца, возлюбленная К. Н. Батюшкова — I, 226.

Мюльгаузен Федор Карлович (1775—1853), врач — II, 388.

Мясоедов Николай Ефимович (1750—1825), сенатор, известный интриган — II, 387.

Мяглев Петр Васильевич (1756—1838), приятель Карамзина, И. И. Дмитриева — II, 393.

Нагибин Николай Иванович (? — 1819), чиновник канцелярии Синода, затем департамента народного просвещения; выполнял поручения А. И. Тургенева и П. А. Вяземского — I, 428; II, 377, 378.

Наполеон I (1769—1821) — I, 65, 81, 84, 97, 98, 121, 213, 224, 270, 293, 300, 387, 398, 400, 402; II, 156, 168, 248, 273, 361, 418—419.

Нартов Андрей Андреевич (1757—1817), президент Российской академии, поэт и переводчик — I, 62, 311.

Нарышкин Александр Львович (1760—1826), обер-камергер, главный директор театров — I, 40, 81.

Нарышкин Лев Кириллович (1809—1855), чиновник — I, 40.

Незоров Максим Иванович (1762—1827), литератор — I, 122, 176; II, 8, 173, 369, 391.

Неккер Жак (1732—1804), французский министр финансов — II, 142.

Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1751—1828), поэт — I, 89, 162, 169, 170, 174, 321, 463; II, 7, 163, 211, 313, 356, 378, 387.

Немка (I, 226) — см. Мюгель.

Нестор (XI в.), древнерусский летописец — II, 71, 83, 98.

Нибур Бартольд Георг (1776—1831), немецкий историк — II, 442.

Николай I (1796—1855) — II, 351.

Николев Николай Петрович (1758—1815), драматург и поэт — I, 115, 151, 205; II, 307.

Николь Доминик Карл, аббат (1758—1835), педагог, основатель французского аристократического пансиона в Петербурге — I, 95.

Никольский Павел Александрович (1794—1816), литератор — I, 110, 135, 136, 160, 174, 177, 182, 183, 186, 188.

Никон (? — 1088), древнерусский писатель, летописец — II, 309.

Новиков Николай Иванович (1744—1818), просветитель, писатель — I, 137, 459; II, 77.

Новосильцев Николай Никитич, граф (1766—1838), член Негласного комитета, с 1813 г. правитель Польши — I, 72.

Нодье Шарль (1780—1844), французский писатель — II, 422.

Ньютон Исаак (1642—1727) — II, 70.

Оболенский Андрей Петрович (1769—1852), двоюродный дядя П. А. Вяземского, литератор — II, 376, 433, 437.

Обольянинов Петр Хрисанфович (1753—1841), государственный деятель — II, 387.

Обресков Михаил Алексеевич (1754—1842), директор департамента внешней торговли — II, 142.

Овидий (Публий Овидий Назон; 43 до н. э. — ок. 18 н. э.) — I, 46, 431; II, 22, 260.

Огарева (урожд. Новосильцева) *Елизавета Сергеевна* (1786—1870), петербургская знакомая Вяземского — II, 312—313.

Озеров Владислав Александрович (1769—1816), драматург — I, 31—32, 39, 43—45, 50, 172, 179, 245, 250, 257, 262, 264, 296, 374, 401; II, 76, 237, 251, 277, 287, 310, 373, 386, 402, 404—415.

Олег (? — 912), князь Киевской Руси — II, 417.

Оленин Алексей Николаевич (1764—1843), президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки, археолог и историк — I, 39, 40, 43, 49,

65, 69, 73, 79—80, 100, 170, 210, 331, 415—417; II, 84, 244—245.

Оленина (урожд. Полторацкая) *Елизавета Марковна* (1768—1838), жена А. Н. Оленина — I, 39; II, 244—245.

Олин Валериан Николаевич (ок. 1788—1841), писатель — I, 212, 297, 401; II, 403.

Омар (ок. 581—644), второй калиф мусульман — II, 326.

Омир — см. Гомер.

Орлов Алексей Федорович (1786—1861), брат М. Ф. Орлова, с 1817 г. генерал-майор, с 1844 г. шеф жандармов — I, 95—97, 394; II, 392.

Орлов Григорий Федорович (? — 1850), генерал-майор, брат М. Ф. Орлова — I, 95.

Орлов Михаил Федорович (1788—1842) — I, 95—97, 99—100, 129, 132, 394—395, 402—404, 405—408, 409, 411, 415, 417, 419—421, 424—430, 431, 433, 437, 440, 442, 443, 461; II, 380, 383, 408, 421, 422, 446—448.

Орлов Федор Григорьевич (1741—1796), генерал-поручик, отец М. Ф. Орлова — I, 95.

Орлов Федор Федорович (1792—1835), офицер, брат М. Ф. Орлова — I, 95.

Орлов Я., литератор — I, 391.

Орловский Александр Осипович (1777—1832), художник — II, 440.

Оссиан (III в.) легендарный кельтский бард, которому приписал свои поэмы-стилизации шотландский писатель Дж. Макферсон — I, 212; II, 15.

Остолопов Николай Федорович (1782—1833), литератор — II, 384.

Оттон Святой (ок. 1060—1139), епископ Бамбергский в 1102—1124 гг. — I, 403.

Павел I (1754—1801) — I, 71, 81, 86, 91.

Павел Силенциарий (VI в.), византийский поэт — II, 109—111, 113—115.

Палиссо де Монтежуа Шарль (1730—1814), французский драматург и публицист — I, 104, 372.

Палицын Александр Александрович (нач. 1750-х гг.—1814), писатель — I, 207, 413.

Парни Эварист Дезире Дефорж де (1753—1814), французский поэт — I, 61, 463; II, 96, 158, 259, 287, 311, 406.

Паскаль Блез (1623—1662) — II, 202.

Паулуччи Филипп Осипович (1779—1849), лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор в 1812—1829 гг. — I, 213.

Пашков Василий Александрович (1764—1834), обер-гофмейстер — II, 438.

Пашкова (урожд. Толстая) *Екатерина Александровна* (1768—1835) — II, 438.

Пезаровиус Павел Петрович (1776—1847), доктор философии, редактор «Русского инвалида» — I, 410—411.

Пекарский Петр, типограф — II, 406.

Перец Абрам Израилевич (1771—1833), петербургский откупщик — I, 376.

Перикл (ок. 495—429 до н. э.) — I, 442.

Перольт (Перро) *Шарль* (1628—1703) — II, 86.

Песталоцци Иоганн Генрих (1746—1827), швейцарский педагог — II, 423.

Пестель Иван Борисович (1765—1843), генерал-губернатор Сибири — II, 143.

Петр I (1672—1725) — I, 94, 210, 340; II, 12, 14, 25, 53, 60—63, 170, 176, 203, 242, 258, 389, 422.

Петрарка Франческо (1304—1374) — I, 307; II, 109, 111, 217, 358.

Петров Василий Петрович (1736—1799), поэт — I, 173, 399; II, 74, 258, 304.

Пильпай (Бидпай), легендарный индийский брахман, предполагаемый автор басен на санскрите, вошедших в «Панчатантру» (III—IV вв.) — II, 211.

Пиндар (ок. 518—442 или 438 до н. э.) — I, 154, 161, 165, 183, 327, 329; II, 74, 146—148, 157, 163, 203, 210, 236, 237, 267, 299.

Пирон Алексис (1689—1773), французский поэт и драматург — I, 170, 182.

Писарев Александр Александрович (1780—1848), офицер, писатель, сотрудник «Беседы», член Российской Академии — I, 38, 43, 46.

Писемский Павел Петрович, гвардии прапорщик, племянник Д. Н. Блудова — I, 297.

Питт Уильям Младший (1759—1806), английский государственный деятель — II, 195—196.

Плавильщиков Василий Алексеевич (1768—1823), петербургский издатель — I, 116.

Плануд Максим (1260—1310), византийский филолог — II, 105.

Платов Матвей Иванович (1751—1814), донской атаман — I, 124, 211; II, 242.

Платон (428 или 427—348 или 347 до н. э.) — I, 365, 366; II, 211.

Платон — см. Яковлев Платон.

Плещеев Александр Алексеевич (ок. 1775—1827) — I, 91—92, 173, 174, 195, 196, 220, 314, 373, 430, 432—435; II, 363, 365, 367.

Плещеева (урожд. Чернышева) *Анна Ивановна* (? — 1817), жена А. А. Плещеева — I, 91—92.

Плиний Старший (ок. 24—79), римский писатель и ученый — II, 205.

Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк, редактор «Москвитянина» в 1841—1856 гг. — I, 40.

Пожарский Дмитрий Михайлович, князь (1578—1642) — I, 123, 127, 148, 340; II, 171, 422, 423.

Полевой Николай Алексеевич (1796—1846), писатель, журналист, критик — II, 442.

Полетика Иван Андреевич, отец П. И. Полетики, врач — I, 83.

Полетика Петр Иванович (1778—1849) — I, 83—86, 222, 304, 306, 307, 316, 317, 323, 338, 358, 363, 411, 413, 437, 461; II, 359, 364, 400—401, 432.

Политковский Гавриил Герасимович (1770—1824), писатель, сотрудник «Беседы» — I, 175, 186, 208, 284, 318, 376.

Попе (Поп, Поуп) *Александр* (1688—1744), английский поэт — I, 218, 243; II, 366.

Попов Василий Степанович (1745—1822), действительный тайный советник, попечитель первого разряда «Беседы» — I, 324, 348.

Попов Иван Иванович (? — 1810), тамбовский чиновник — II, 317.

Попова (урожд. Молчанова) *Дарья Васильевна*, жена И. И. Попова — II, 317—318.

Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — I, 71.

Потемкин Сергей Павлович, граф (1787—1858), поэт и драматург, сотрудник «Беседы» — I, 181, 206, 285; II, 438.

Потемкина (урожд. кн. Трубецкая) *Елизавета Петровна*, графиня, (1796—1870-е гг.), жена С. П. Потемкина — II, 438.

Поццо ди Борго Карл Осипович, граф (1768—1842), русский посланник в Париже — II, 387.

Прадон Жак (1644—1698), французский драматург — I, 158; II, 119, 181, 237, 315.

Пракситель (ок. 390 — ок. 330 до н. э.), древнегреческий скульптор — II, 97.

Приклонский Павел Николаевич (ок. 1770 — после 1825), крупный сановник — I, 174.

Прокопович Феофан (Элеазар; 1681—1736), писатель, церковный деятель — I, 191; II, 22, 54, 304.

Протасова (урожд. Бунина) *Екатерина Афанасьевна* (1771—1848), единокровная сестра В. А. Жуковского — I, 90, 92.

Протасова Варвара Петровна, фрейлина — I, 412.

Птоломей (Птоломей) *Филadelph* (308—246 до н. э.), македонский царь, правивший Египтом в 285—246 гг. — II, 107.

Пульчи Луджи (1432—1484), итальянский поэт — II, 98.

Пучкова Екатерина Наумовна (1792—1867), поэтесса — I, 194—195, 369.

Пушкин (Мусин-Пушкин) *Алексей Иванович*, граф (1744—1817), меценат — II, 215.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — I, 33, 37, 52, 54—55, 57, 66, 98—99, 120, 128, 130, 137, 138, 257—258, 356—357, 436, 437—438, 440, 443, 463; II, 151—158, 178, 180, 195—196, 258—260, 284—294, 301—302, 306—310, 322—323, 335—336, 338, 340—342, 344, 348, 351, 364, 365—367, 379, 385, 393—397, 435, 439, 440.

Пушкин Алексей Михайлович (1769—1825), литератор, актер-дворянин, остро слов — I, 159, 180, 192, 225; II, 9, 247, 359, 361, 393, 433, 436, 437, 440.

Пушкин Василий Львович (1766—1830) — I, 82, 87—89, 92, 105—106, 115, 118—122, 135, 136, 153, 157, 162, 164, 170, 171—172, 174—178, 179—181, 188, 191, 193, 194, 199—202, 212, 213, 218—219, 221, 225, 227, 270, 284, 289, 296, 303, 315, 324, 327, 332—339, 340—343, 344—346, 350—351, 353—356, 359—363, 364, 365—366, 367—368, 370—372, 377, 381—382, 394, 402, 404, 412—413, 425, 440—442, 463; II, 9, 45, 116—121, 136—139, 141, 148—149, 158—159, 174, 179, 180, 201—206, 247—250, 277—279, 288, 306, 321, 336—337, 338, 339—340, 341—342, 348, 349, 356, 357, 361, 363, 366, 371—373, 376—377, 381, 383, 386, 388—390, 392, 395—397, 399, 403, 410, 411, 417, 420—421, 426, 432—442, 444.

Пушкин Сергей Львович (1770—1848), отец А. С. Пушкина — I, 356.

Пушкина Елена Григорьевна (1778—1833), жена А. М. Пушкина, приятельница К. Н. Батюшкова — I, 192, 210, 225.

Радищев Александр Николаевич (1749—1802) — II, 91, 364.

Радклиф (урожд. Уорд) *Анна* (1764—1823), английская писательница — II, 301.

Разумовский Алексей Кириллович, граф (1748—1822), министр народного просвещения в 1810—1816 гг. — I, 63, 72, 174; II, 394.

Раевский Николай Николаевич Старший (1771—1829), генерал — I, 223, 437.

Ракан Онора де Бюэй, мажор де (1589—1670), французский поэт — II, 34.

Расин Жан (1639—1699) — I, 46, 69, 147, 158, 183—186, 200, 301, 342; II, 10, 13, 18, 76, 82, 119,

169, 170, 182, 203, 237, 258, 267, 287, 301, 315.

Растопчин (Ростопчин) *Федор Васильевич*, граф (1763—1826), московский главнокомандующий в 1812—1814 гг. — II, 143—144, 430.

Рафаэль Санти (1483—1520) — I, 166; II, 359, 428.

Рембеллинский Раймунд (1775—1841), историк — II, 382.

Ренье Матюрен (1573—1613), французский поэт — II, 34.

Реньяр Жан Франсуа (1655—1709), французский драматург — I, 218; II, 318, 359.

Ржевский Григорий Павлович (1763—1830), литератор — I, 192, 397—400; II, 216.

Рибопьер Александр Иванович, граф (1781—1865), камергер, чиновник и дипломат — I, 80.

Ривароль Антуан де (1753—1801), французский писатель, острослов — I, 64, 420.

Робертсон Уильям (1721—1793), английский историк — II, 71.

Родзянко Семен Емельянович (1782—1808?), поэт — II, 329.

Розен Егор Федорович, барон (1800—1860), писатель — II, 442.

Розенкамф Густав Андреевич, барон (1764—1832), правовед — II, 134.

Роллен (Роллен) *Шарль* (1661—1741), французский педагог и филолог — I, 204.

Романов — см. Михаил Федорович.

Росляков Иван Филиппович, поэт, сотрудник «Вестника Европы» и «Российского музея» — II, 10.

Россини Джоаккино (1792—1868) — II, 397.

Ротру Жан де (1609—1650), французский драматург. — I, 407; II, 34.

Рубан Василий Григорьевич (1742—1795), писатель — II, 262.

Румянцев Николай Петрович (1754—1826), канцлер, собиратель древностей — I, 412; II, 364.

Руссо Жан Батист (1671—1741), французский поэт — II, 74, 79, 173.

Руссо Жан Жак (1712—1778) — I, 147, 202; II, 8, 21, 25, 287, 331, 338, 423, 429.

Рюльер Клод Карломан де (1735—1791), французский историк и поэт — II, 420.

Рюрик, согласно летописи, начальник варяжского военного отряда, призванный княжить в Новгороде — I, 375.

Саллюстий Крисп Гай (86—34 до н. э.), римский историк — II, 43, 201, 203.

Салтыков Александр Николаевич, князь (1775—1837), член Государственного совета, сенатор — I, 89, 356.

Салтыков Михаил Александрович, граф (1767—1851), попечитель Казанского учебного округа в 1812—1818 гг., почетный член «Арзамаса» — I, 89, 196, 201, 372, 379, 386, 419, 426—430; II, 364, 365.

Салтыков Сергей Васильевич (1777—1846), библиофил, один из издателей «Друга просвещения» — I, 116, 172.

Салтыкова (урожд. Ршар) *Елизавета Францевна*, графиня, жена М. А. Салтыкова — I, 201.

Сандунов Николай Николаевич (1768—1832), драматург — I, 195.

Сафицкий, поэт — I, 175.

Сафо (VII—VI вв. до н. э.) —

I, 147, 308, 312; II, 109, 177, 218, 267, 312.

Сазаров, актер — I, 45.

Свечина (урожд. Соймонова) *Софья Петровна* (1782—1857), русская католичка, религиозная писательница — I, 355; II, 129, 372, 377.

Свиньин Павел Петрович (1787—1839), писатель, путешественник — I, 269, 310; II, 361.

Святополк, имя нескольких русских князей — I, 61.

Святослав Игоревич (?—972 или 973), князь киевский с 945 г. — I, 210; II, 16, 242.

Се (Сей) *Жан Багист* (1767—1832), французский экономист — II, 400.

Северин Дмитрий Петрович (1791—1865) — I, 51—54, 85—87, 89, 115, 129, 157—161, 162, 163, 165—166, 172, 176, 178, 179, 180, 182, 186, 188, 190—193, 201, 202, 221, 224, 226, 304, 306, 307, 316—317, 323—326, 331, 333, 334—335, 338, 343, 346, 357—359, 363, 369, 371—373, 379—380, 386—387, 396, 403—405, 408—409, 411, 426, 427, 429, 430, 434, 436, 441, 461; II, 218—219, 301, 348, 354, 359, 362—364, 366, 371, 374, 398—399, 417, 432, 443.

Северин Петр Иванович (1761—1830), сенатор, отец Д. П. Северина — I, 85—86.

Северин Иван, дед Д. П. Северина — I, 86.

Северина (урожд. Стурдаа) *Елена Скарлатовна* (1794—1818), первая жена Д. П. Северина — I, 86.

Северина, вторая жена Д. П. Северина — I, 86.

Севилье (урожд. де Рабютен-Шанталь) *Мари*, маркиза де (1626—1696) французская писательница — I, 354.

Селим III (1761—1808), турецкий султан в 1789—1807 гг. — II, 137.

Семен Август Иванович (1788—1862), француз, с 1809 г. живший в России, книгоиздатель и книгопродавец — II, 386.

Семенова Екатерина Семеновна (1786—1849), актриса — I, 39, 45, 67.

Сен-Виктор Жак Бенжамен Максимильтен Бенс, граф де (1772—1858), французский литератор — I, 172.

Сенека Младший Луций Анней (4 г. до н. э.—65 г. н. э.), римский писатель и философ-стоик — II, 16, 369.

Сен-Мор (Дюпре де Сен-Мор) *Жан Пьер Эмиль* (1772—1854), французский литератор — II, 389.

Сен-Пьер (Бернарден де Сен-Пьер) *Жак Анри* (1737—1814), французский писатель — II, 205, 331.

Сен-Реаль Сезар Вишар, аббат де (1639—1692), французский историк — II, 179.

Сент-Феликс, французский актер, игравший в Петербурге — II, 439.

Симеон Полоцкий (в миру Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович; 1629—1680), церковный деятель, писатель — II, 304.

Сисмонди Жан Шарль Леонард Симонд де (1773—1842), швейцарский историк и экономист — II, 444.

Сицилийский король — см. Карл V.

Сизс (Съёес) *Эмманюэль Жозеф* (1748—1836), деятель Великой Французской революции — I, 98.

Скаррон Поль (1610—1660), французский писатель — II, 312.

Скорина Франциск (до 1490 — ок. 1541), белорусский книгоиздатель и просветитель — II, 27.

Скотт Вальтер (1771—1832) — II, 95, 441.

Скюдери Жорж де (1601—1667), французский писатель — II, 263.

Скюдери Мадлен де (1607—1701), французская писательница, сестра Ж. де Скюдери — II, 263.

Сладковский Роман, поэт — I, 152, 282; II, 170.

Сленин Иван Васильевич (1789—1836), петербургский издатель и книгопродавец — II, 100.

Смирдин Александр Филиппович (1795—1857), петербургский книгопродавец и издатель — I, 123.

Смирнова Марья Васильевна, знакомая А. И. Тургенева и П. А. Вяземского — II, 373.

Соболевский, поэт — I, 175.

Соковнин Сергей Михайлович, воспитанник Московского университетского благородного пансиона, поэт и переводчик — II, 374.

Соколов Петр Иванович (1766—1836), непрременный секретарь Российской Академии — I, 43, 207, 285, 327, 342, 354, 401, 406, 431, 432.

Соколов Петр Федорович (1791—1848), художник — II, 398.

Сокольский Герасим Васильевич, поэт — II, 10.

Сократ (470 или 469—399 до н. э.) — I, 244; II, 385.

Солнцев (Сонцов) Матвей Михайлович (1779—1847), муж Е. Л. Солнцевой — I, 175, 225; II, 361.

Солнцева (Сонцова; урожд. Пушкина; 1776—1848), Елиза-

вета Львовна (1776—1848), сестра В. Л. и С. Л. Пушкиных — I, 225.

Солон (ок. 640 — ок. 558 до н. э.), афинский законодатель — II, 315.

Сомов Орест Михайлович (1793—1833), писатель — II, 442.

Софокл (497 или 495—406 до н. э.) — II, 16, 172, 201, 203, 402, 405, 413.

Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), действительный тайный советник, член Государственного совета — I, 43, 50, 51, 80, 90; II, 175.

Срезневский Иван Евсеевич (1770—1819), писатель, профессор Харьковского университета — II, 9, 327.

Станевич Евстафий Иванович (1775—1855), писатель, сотрудник «Беседы» — I, 173, 207, 369, 413; II, 8, 171, 179, 214, 258.

Старынкевич Николай Александрович (1784—1857), чиновник военного министерства, в юности литератор — I, 426, 433.

Стерн Лоренс (1713—1768) — I, 118, 138, 246, 257; II, 137, 439.

Стешка (Степанида; ок. 1786—1822), цыганская певица — II, 433.

Строганов Павел Александрович, граф (1774—1817), генерал-майор, сенатор — I, 210, 463.

Строганова (урожд. Голицына) *Софья Владимировна* (1775—1845), хозяйка петербургского салона — I, 139.

Студевич — см. Станевич.

Ступин Александр Васильевич (1776—1861), художник — I, 114.

Стурдза Александр Скарлатович (1791—1854), чиновник министерства иностранных дел (1809—1830), автор религиоз-

ных и политических сочинений — I, 42—59, 109, 114; II, 364.

Суворов Александр Васильевич (1729 или 1730—1800) — I, 115, 117, 210, 354, 414; II, 242, 333.

Зульцер (Зульцер) Иоганн Георг (1720—1779), немецкий философ — II, 424.

Сумароков Александр Петрович (1717—1777) — I, 143—144; II, 33, 35, 36, 67, 76, 91, 119, 184, 308, 378, 404.

Сумароков Павел Иванович (1760—1846), писатель — I, 222.

Сухтелен Руф Корнилиевич (?—1836) библиотечарь Публичной библиотеки в 1806—1816 гг. — I, 80.

Тальма Франсуа Жозеф (1763—1826), французский трагический актер — I, 121, 174; II, 372.

Тамерлан (Тимур; 1336—1405) — I, 200.

Тассо Торквато (1544—1595) — I, 341, 342, 369; II, 24, 61, 94, 96, 98, 162, 286, 358, 360, 389.

Татищев Василий Никитич (1686—1750), историк — II, 71.

Татищев Дмитрий Павлович (1770—1845), дипломат — I, 172.

Таушев Александр Федорович (?—1818), поэт — II, 9.

Тацит Публий Корнелий (50-е гг. — ок. 120 г.) — I, 417; II, 16, 205.

Теокрит — см. Феокрит.

Теофила (Теофила Петровна Крогер), юношеская любовь Ф. Ф. Вигеля — I, 302.

Тепляков Виктор Григорьевич (1804—1842), поэт — I, 57.

Теренций Афр Публий (ок. 195—159 до н. э.) — II, 100, 177.

Тибулл Альбий (ок. 50—19 гг. до н. э.), римский поэт — I, 328; II, 96, 283, 299, 302, 321.

Тимковский Иван Осипович (1768—1837), цензор — II, 384.

Тиртей (2-я пол. VII в. до н. э.), древнегреческий поэт, вдохновитель спартанских воинов — II, 236, 246, 368.

Тихонравов Николай Саввич (1832—1893), литературовед, археограф — I, 127.

Толстой Федор Андреевич, граф (1758—1849), собиратель рукописей — II, 370.

Толстой Федор Иванович («Американец»), граф (1782—1846), офицер и бретер — I, 440; II, 320, 422, 433.

Томас (Тома) *Антуан Леопольд* (1732—1785), французский писатель — II, 179.

Томсон Джеймс (1700—1748), английский поэт — II, 243.

Третьяковский (Тредьяковский) *Василий Кириллович* (1703—1768) — I, 88, 124, 148, 149, 165, 169, 203—204, 337, 349, 375, 409; II, 49, 91, 92, 203, 260, 304, 308, 309.

Трубецкой Юрий Иванович, князь (1792—1848), чиновник министерства юстиции, литератор — I, 188, 193, 201.

Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — I, 51—52, 54, 60—61, 69, 70, 73, 79, 93—95, 115, 117—118, 129—130, 133—134, 135—136, 138, 150, 153, 159, 162, 163, 166, 167—168, 170, 180, 187, 188—190, 196, 197, 198—199, 202, 209—211, 214, 220—221, 225, 227—228, 239—240, 266, 268, 270, 275—277, 289—290, 292, 297, 298, 300, 303, 304, 306, 307, 315, 316, 323—326, 329, 331, 333, 338, 343—349, 352—353, 355, 356—359, 363—364, 369—374, 377—380, 384,

386—388, 393, 394, 403—405, 409, 411, 418, 420, 421, 426, 427, 428, 429, 430, 432, 433, 436, 442, 443, 461; II, 134, 217, 244—245, 294, 301, 316—318, 322—323, 329, 343, 346, 349—350, 363—367, 368—393, 400—402, 410, 417, 418, 420, 421, 423—431, 435, 438, 439, 443—445.

Тургенев Андрей Иванович (1781—1803), поэт, брат А. И. Тургенева — I, 93, 444.

Тургенев Николай Иванович (1789—1871) — I, 93—95, 131—132, 132—133, 138—139, 150, 153, 167—168, 170, 191, 372—373, 377—378, 379—380, 386, 387, 388, 389—391, 392, 393—394, 396, 402, 405, 411, 413—416, 419, 420, 421, 426, 427, 428, 429, 430, 432, 433, 435—437, 440, 441, 461; II, 366, 377, 436, 441, 445, 448.

Тургенев Сергей Иванович (1792—1827), брат А. И. и Н. И. Тургеневых — I, 167—168, 170, 378, 394, 402, 420, 426, 432, 433, 436, 437, 440; II, 445, 448.

Тургот (Тюрго) *Анн Робер Жак*, барон *де л'Ольн* (1727—1781), французский экономист, философ и государственный деятель — II, 19, 43.

Тюфякин Петр Иванович князь (1769—1845), вице-директор императорских театров в 1810-е гг. — I, 81—82, 138, 425.

Уваров Сергей Семенович (1786—1855) — I, 31—41, 51, 54, 70—72, 76—79, 86, 88, 99, 115, 118, 128—129, 138—139, 150, 167, 174, 220—221, 227, 239, 265, 266, 268, 270—273, 275—277, 290, 292, 297, 298, 300, 304, 305, 307—310, 311—312, 316—317, 323—326, 329—330, 331, 333, 338, 343, 353, 358—359, 363, 370—373, 375—377, 379—380, 386—388, 393—394, 396, 401, 405, 411, 416, 419, 421, 425, 429, 432, 434,

438—440, 464; II, 78—83, 84, 85—96, 100—115, 302—306, 334, 349, 351, 359, 364—365, 435.

Уваров Семен Федорович (?—1796), отец С. С. Уварова — I, 71.

Уваров Федор Петрович (1773—1824), генерал — I, 71.

Уварова (урожд. Головина) *Дарья Ивановна*, мать С. С. Уварова — I, 70—71.

Уварова (урожд. Разумовская) *Екатерина Алексеевна* (1783—1849), жена С. С. Уварова — I, 72.

Узелей Гор (1769—1844), английский посол в Персии в 1810-х гг. — I, 300.

Фальконет (Фальконе) *Этьенн Морис* (1716—1791), французский скульптор — II, 157.

Федоров Борис Михайлович (1798—1875), писатель, журналист — II, 154, 155.

Федр (ок. 15 г. до н. э. — ок. 70 г. н. э.), римский баснописец — II, 211.

Фемистокл (ок. 525 — ок. 460 до н. э.), афинский государственный деятель — II, 374.

Фенелон Франсуа де Салиньяк де Ламот (1651—1715), французский теолог и писатель — I, 301; II, 18, 21, 36, 72, 338.

Феокрит (кон. IV — I пол. III в. до н. э.), древнегреческий поэт — II, 33, 90, 106.

Феспис (VI в. до н. э.), полупоэтический легендарный древнегреческий поэт, создатель трагедии — II, 309.

Феталишах (Фетх-Али-Шах; 1762—1832), правитель Персии с 1797 г. — I, 300.

Фидий (нач. V в. — ок. 432—431 гг. до н. э.), древнегреческий скульптор — II, 356.

Филарет (в миру Дроздов Василий Михайлович; 1782—1867), с 1812 г. ректор Петербургской

духовной академии, с 1826 г. митрополит московский и коломенский — I, 50—51, 220; II, 144, 365, 366, 417, 418.

Филатов Семен Семенович (1766—1836), поэт, переводчик, сотрудник «Беседы» — I, 285, 319, 373—375.

Филмонов Владимир Сергеевич (1787—1858), поэт — I, 191.

Филис Жаннетта (1780—1838), французская певица, в 1803—1812 гг. выступавшая в Петербурге — I, 67, 68, 70.

Флешье Валентен Эспри (1632—1710), французский проповедник — II, 42, 43.

Флориан Жан Пьер Клари де (1755—1794), французский писатель — II, 75.

Фовицкий Иван Михайлович, переводчик — I, 174, 183, 186.

Фонвизин Денис Иванович (1744 или 1745—1792) — I, 31, 32, 251, 460; II, 76, 151—158, 177, 287, 392.

Фонтан Луи, граф, затем маркиз де (1757—1821), французский писатель — I, 61, 333; II, 205.

Фонтенель Бернар Ле Бовье де (1657—1757), французский писатель и философ — I, 41; II, 179, 409.

Франклин Бенджамин (1706—1790), американский литератор и общественный деятель — I, 417; II, 19.

Фрерон Эли Катрин (1719—1776), французский литератор и журналист — I, 195; II, 179, 434.

Фридерик (Фридрих) II (1712—1786), прусский король с 1740 г. — II, 137.

Фукидид (ок. 460 — ок. 400 гг. до н. э.), древнегреческий историк — II, 43, 201, 203, 205, 334.

Фукс Егор Борисович (?—1829), литератор — I, 177.

Хвостов Александр Семенович (1753—1820), писатель, председатель III разряда «Беседы» — I, 38, 136, 159, 167, 172, 181, 263, 295, 302, 309, 330, 338, 376; II, 145, 177.

Хвостов Дмитрий Иванович, граф (1756—1835), поэт, сотрудник «Беседы» — I, 38, 67, 70, 108, 115—117, 125—127, 152, 158—160, 163, 166, 168, 176, 181, 183—186, 187, 188, 189, 192, 207, 208, 213, 214, 216, 217, 221, 240, 263, 269, 280, 283, 285, 287, 288, 291, 293—295, 302, 309, 311, 312, 314, 315, 318, 319, 321, 330, 336, 338, 342, 343, 354, 364, 369, 376, 391, 392, 396, 397, 403, 405, 407, 410, 413, 416, 424, 435; II, 10, 140, 145, 146—148(?), 151, 153—155, 170, 179, 181—196, 201, 214, 216, 236, 258, 266, 269, 289, 293, 307, 314, 326, 329, 353, 361, 362, 366, 369, 371, 375—377, 381, 389, 391, 399, 442.

Хвостова (урожд. кн. Горчакова) *Аграфена Ивановна* (1768—1843), жена Д. И. Хвостова — I, 115; II, 196.

Хвостова Александра Петровна (1768—1853), писательница — I, 410.

Хемницер Иван Иванович (1745—1784), поэт — I, 144; II, 211.

Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807), писатель — I, 120, 354, 360; II, 48, 72, 73, 91, 304, 386.

Хитрово Александр Захарович (1776—1854), сенатор, член Государственного совета — I, 412.

Хлыстов — см. Хвостов.

Хмельницкий Николай Иванович (1789—1845), драматург, переводчик — II, 438.

Христиан VIII (1786—1848), датский король в 1839—1848 гг. — I, 97.

Цесарь (Цезарь) *Гай Юлий* (102 или 100—44 гг. до н. э.) — I, 161; II, 242.

Цицерон Марк Туллий (106—43 гг. до н. э.) — I, 191, 278, 367; II, 24, 25, 40, 77, 205, 299.

Чебышев, богатый москвич — II, 349.

Чернышов Григорий Иванович, граф (1762—1831), обер-шенк — II, 313—316.

Чернышов Иван Григорьевич, граф (1726—1797), генерал-фельдмаршал по флоту — I, 91.

Чингисхан (ок. 1155—1227) — I, 200.

Чичагов Павел Васильевич (1767—1849), адмирал — II, 143.

Чупатов (Чупятов) Василий Анисимович (1728—1792), ржевский купец, изображавший юродивого и звавший себя марокканским принцем — I, 354.

Шаликов Петр Иванович, князь (1768—1852), поэт — I, 118, 146, 166, 167, 176, 193, 223, 225, 394; II, 8, 155, 160, 161, 169, 236, 238, 258, 361, 369, 374, 383, 384, 415, 441.

Шапелен (Шаплен) *Жан* (1595—1674), французский поэт — I, 41, 117; II, 89, 309.

Шапель (наст. имя и фам. Клод Эмманюэль Люилье; 1626—1686), французский поэт — II, 393, 396.

Шаррон Пьер (1541—1603), французский моралист — II, 34.

Шатобриан Франсуа Рене де (1768—1848), французский писатель — I, 61, 188; II, 360, 428.

Шатров Николай Михайлович (1765—1841), поэт, сотрудник «Беседы» — I, 195; II, 140, 288.

Шаховской Александр Александрович, князь (1777—1846) — I, 38, 63, 65, 68—69,

73—77, 79, 82, 104, 106, 107, 118—119, 128, 135, 138, 162, 164, 172, 179—181, 192, 206, 213, 225, 226, 229—239, 240—258, 261—265, 270, 271, 279, 281—283, 285, 287—289, 293, 296—297, 300, 303—304, 319, 321—322, 326—327, 330, 333, 335, 336, 338, 342, 350—351, 353, 354, 362, 364, 367, 369, 371, 376, 378, 382, 392, 397, 398, 400, 403, 407, 411, 412, 420, 424, 428, 438, 442; II, 8, 119, 122, 137, 144, 161, 165, 174—175, 178, 180, 214, 237, 262, 309, 312, 314, 318, 326, 345, 347, 357—358, 374, 388—389, 396, 398, 435—442.

Шебуев Василий Кузьмич (1777—1855), художник — I, 39.

Шевырев Степан Петрович (1806—1864), писатель, историк литературы — I, 91.

Шекспир Уильям (1564—1616) — I, 342; II, 92, 101, 301.

Шеллер Александр Иванович, переводчик — I, 285.

Шепинг (Шеппинг) *Отто Дмитриевич*, барон (1790—1874), офицер — I, 172.

Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих (1759—1805) — I, 54, 174; II, 380.

Ширинский-Шихматов Сергей Александрович, князь (1783—1837) — поэт, сотрудник «Беседы» — I, 38, 53, 127, 138, 148, 152, 159, 164—165, 168, 181, 191, 192, 194, 200, 204, 206, 216, 281, 282, 288—289, 293, 309, 319, 339—342, 354, 357, 364, 398, 406, 407; II, 9, 144—145, 155, 176—180, 214, 237, 258, 269, 286 (?), 307, 364.

Шихматов — см. Ширинский-Шихматов С. А.

Шишков Александр Семенович (1754—1841) — I, 38, 43, 46—48, 61, 64, 66, 88, 108—114, 121, 125, 135, 136, 138, 148, 153, 158—159, 161—169, 171, 172,

174—178, 181, 191, 194, 200, 205—207, 209, 211, 214, 217—219, 226, 241, 263, 279—281, 285, 288—289, 292—293, 297, 299, 302, 307—311, 315, 319—322, 326, 330, 334—336, 341, 342, 354, 364, 365, 376—378, 382, 395—398, 404, 407, 411—414, 416, 417, 424, 425, 431, 438, 441; II, 10—69, 145, 155, 170, 178—179, 201, 204, 206, 214, 237, 257, 267—268, 308, 310, 318, 329, 362, 370, 372, 374, 382, 396, 418, 423, 424, 438.

Шишкова (урожд. Шельтинг) *Дарья Алексеевна* (?—1825), первая жена А. С. Шишкова — II, 377.

Шлецер Август Людвиг (1735—1809), немецкий историк, специалист по русской истории — I, 64; II, 71, 83.

Шнор И. К., петербургский типограф — I, 152.

Шолье (Шолио) *Гийом Амфри* (1636—1720), французский поэт — I, 170; II, 163, 179, 338.

Штейн Генрих Фридрих Карла барон фон (1756—1831), прусский государственный деятель — I, 93, 99, 421.

Шувалов Иван Иванович (1727—1797), фаворит императрицы Елизаветы Петровны, покровитель Ломоносова — II, 384.

Шутовский — см. Шаховской.

Шушерин Яков Емельянович (1753—1813), актер — I, 45.

Щербинин Григорий Александрович (ок. 1785—1843), приятель В. Л. Пушкина — I, 196.

Эверс Лоренц (1742—1830), профессор богословия в Дерпте — II, 382, 418.

Эврипид — см. Еврипид.

Эзон (VI в. до н. э.) — II, 181, 278.

Эмпедокл из Агригента (ок. 490—430 гг. до н. э.), древнегреческий философ — I, 294.

Эпиктет (ок. 50 — ок. 140 гг.), римский философ-стоик — II, 300, 368.

Эпикур (341—270 гг. до н. э.), древнегреческий философ — I, 156; II, 283.

Эсхил (ок. 525—456 гг. до н. э.) — II, 90, 108.

Эфестион Александрийский (II в.) древнегреческий грамматик — II, 88.

Ювенал Децим Юний (ок. 60 — ок. 127), римский поэт-сатирик — II, 136, 201, 203, 237, 248, 260, 396.

Юм Дэвид (1711—1776), английский историк и философ — II, 71.

Юнг Эдвард (1683—1765), английский поэт — I, 147, 191, 296; II, 179, 312.

Юсти Иоганн Генрих Готтлиб (1702—1771), немецкий статистик — I, 390.

Языков Дмитрий Иванович (1773—1845), археолог, писатель и переводчик, член Российской Академии — I, 64, 145; II, 9, 146.

Якобс Христиан Фридрих Вильгельм (1764—1847), немецкий филолог — II, 102, 105, 107.

Яковлев Алексей Семенович (1773—1817), актер — I, 45.

Яковлев Платон Степанович, офицер, приятель Н. И. Гнедича I, 390; II, 438.

Яценко Григорий Максимович (1780—1852), цензор, издатель «Духа журналов» — I, 403, 407, 425; II, 9.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ «АРЗАМАСА»

- А. Ф. Воейков. Парнасский Адрес-календарь, или Роспись чиновных особ, служащих при дворе Феба и в нижних земских судах Геликона, с краткими замечаниями об их жизни и заслугах. Собрано из достоверных источников для употребления в Благошлялетном Арзамасском обществе 7

КРИТИКА

- Д. В. Дашков. Перевод двух статей из Лагарпа, с примечаниями переводчика 11
О легчайшем способе возражать на критики. (В ответ на *Присовокупление* г-на Ш-ва к *Рассуждению о красноречии Св. Писания*, читанному им в Росс. Академии и помещенному в V части ее *Сочинений и Переводов*) 44
Нечто о журналах 69
- С. С. Уваров. Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре 78
- Н. И. Гнедич. Ответ (С. С. Уварову) 83
- С. С. Уваров. Ответ В. В. Капнисту на письмо его об экзаметре 85
«Опыты в стихах и прозе» г-на Батюшкова 94
- Д. Н. Блудов. «Двенадцать спящих дев». Поэма г. Жуковского 97
- С. С. Уваров. К. Н. Батюшков. О греческой антологии 100

МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ

<i>В. Л. Пушкин.</i> Мысли и характеры .	116
<i>Д. Н. Блудов.</i> Украденная записная книжка .	121

САТИРА

<i>В. Л. Пушкин.</i> Опасный сосед .	136
<i>П. А. Вяземский.</i> Сравнение Петербурга с Москвой .	140
<i>В. Л. Пушкин.</i> Сычи .	141
<i>П. А. Вяземский.</i> «Спасителя рождением...»	142
<i>В. А. Жуковский.</i> Плач о Пиндаре .	146
<i>В. Л. Пушкин.</i> Люблю и не люблю .	148
<i>П. А. Вяземский.</i> Когда? Когда? .	149
Гусь и Змея .	150
<i>А. С. Пушкин.</i> Тень Фонвизина .	151
<i>В. Л. Пушкин.</i> Завистники соловья .	158
<i>П. А. Вяземский.</i> К перу моему .	159
Погреб	163
Всякой на свой покров	164
Катай-валяй	165
<i>А. Ф. Воейков.</i> Дом сумасшедших .	167
<i>П. А. Вяземский.</i> Ухаб	174
Из «Старой записной книжки» .	175

ЭПИГРАММЫ

<i>К. Н. Батюшков.</i> Совет эпическому стихотворцу .	176
<i>П. А. Вяземский.</i> Друзья нынешнего века .	176
Картузов — сенатор	176
«Один Фаон, лезбосская певица...»	177
«В двух дюжинах поэм воспевший предков сечи...» .	177
Ответ Фонвизина .	177
«Между Харибдою и Сциллой...» .	177
«Шিশков недаром корнеслов...»	178
«Кто вождь у нас невеждам и педантам?...» .	178
Мадриягал Гашпару .	178
<i>А. С. Пушкин.</i> «Угрюмых тройка есть певцов...» .	178
<i>В. Л. Пушкин.</i> Эпитафия .	179
<i>В. Л. Пушкин (?)</i> . Сравнение Санкт-Петербургской родимой словесности с иноземною .	179
<i>П. А. Вяземский.</i> «Когда беседчикам Державин пред концом...»	179
<i>А. С. Пушкин.</i> «Пожарский, Минин, Гермоген...» .	180

<i>В. Л. Пушкин.</i> На постановку трагедии «Альзира» .	180
«Читая Пустодома...»	180
«ХВОСТОВИАНА»	
<i>П. А. Вяземский.</i> «Ага, плутовка мышь, попалась...»	181
«Зоилы берегов Невы!..» .	181
«Твой список послужной и оды...»	181
«Как «Андромахи» перевод...» .	181
«Как мастерски пророков злых подсел...»	182
<i>П. А. Вяземский.</i> Письмо (При посылке басен)	182
П р и т ч и	183
Посвящение при следующих притчах .	184
Собака	185
Стол и репа	185
Мышь	186
Кляча и кобыла .	186
Сапожник .	187
Кеньга, сапог и нога .	188
Охотник и плотник .	189
Лисица, волк и медведь .	190
Просвирия и шорник .	190
Осел .	191
Танцовщик	192
«Один француз...»	193
Дождь	193
Кончина коровы .	194
<i>А. С. Пушкин.</i> Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову .	195

ПОСЛАНИЯ

<i>В. А. Жуковский.</i> К Б(лудов)у («Веселого пути...») . .	197
<i>П. А. Вяземский.</i> К Батюшкову («Мой друг! С полем амурам вслед...») .	200
<i>В. Л. Пушкин.</i> Два послания. Предупреждение .	201
К В. А. Ж(уковскому) («Скажи, любезный друг, какая прибыль в том...») .	202
Д. В. Дашкову («Что слышу я, Дашков?...») .	204
<i>К. Н. Батюшков.</i> Мои Пенаты .	206
<i>П. А. Вяземский.</i> Цидулка к давно не зримому приятелю .	214
К Милонову («Тогда, как уши нам терзают...») .	215
<i>К. Н. Батюшков.</i> К Ж(уковско)му («Прости, Балмадник мой...») .	215
Ответ Т(ургене)ву («Ты прав! Поэт не лжец...») .	217

<i>П. А. Вяземский.</i> К моим друзьям Ж(уковскому), Б(атюшкову) и С(еверину)	218
<i>В. А. Жуковский.</i> К Батюшкову («Сын неги и веселья...»)	220
<i>П. А. Вяземский.</i> К Жуковскому («Жуковский, Музам друг...»)	235
Послание к Жуковскому («Итак, мой друг, увидимся мы вновь...»)	238
<i>А. Ф. Воейков.</i> К Ж(уковскому) («Ты, который с равной легкостью...»)	239
<i>К. Н. Батюшков.</i> К Д(ашко)ву («Мой друг! я видел море зла...»)	243
(Послание к А. И. Тургеневу) («Есть дача за Невой...»)	244
<i>П. А. Вяземский.</i> К Тиртею славян	246
<i>В. Л. Пушкин.</i> К Д. В. Дашкову («Мой милый друг, в стране...»)	247
<i>В. А. Жуковский.</i> К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину	250
<i>П. А. Вяземский.</i> К Батюшкову («Ты на пути возвратном!..»)	253
<i>А. Ф. Воейков.</i> Дашкову («Дашков! хранитель бодрый вкуса...»)	256
<i>А. С. Пушкин.</i> К Батюшкову («Философ резвый и прият...»)	258
<i>П. А. Вяземский.</i> К партизану-поэту («Анакреон под дуломаном...»)	261
К друзьям («Гонители моей невинной лени...»)	261
<i>В. А. Жуковский.</i> К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям («Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и поэт!..»)	263
К Воейкову («О Воейков! Видно, нам...»)	266
Ареопагу	270
<i>П. А. Вяземский.</i> К партизану-поэту («Давыдов, баловень счастливой...»)	274
<i>В. Л. Пушкин.</i> Послание к кн. Петру Андреевичу Вяземскому («Как трудно, Вяземский...»)	277
<i>П. А. Вяземский.</i> Ответ на послание Василью Львовичу Пушкину («Ты прав, любезный Пушкин мой...»)	279
К подруге	280
<i>А. С. Пушкин.</i> Городок	284
<i>В. А. Жуковский.</i> (К кн. Вяземскому) («Благодарю, мой друг, тебя за доставленье...»)	294
<i>П. А. Вяземский.</i> (К Батюшкову) («Мой милый, мой поэт...»)	297
<i>А. С. Пушкин.</i> Батюшкову («В пещерах Геликона...»)	301
<i>А. Ф. Воейков.</i> Послание к С. С. Уварову («Муз благодатных славный любимец...»)	302
<i>А. С. Пушкин.</i> Из письма к В. Л. Пушкину («Христос воскрес, питомец Феба!..»)	306

К Жуковскому («Благослови, поэт!..»)	307
П. А. Вяземский. К Давыдову («Давыдов, где ты? что ты? сроду...»)	310
К *** («Ты требуешь стихов моих...»)	312
К графу Чернышеву в деревню .	313
К. Н. Батюшков. Послание к Т<ургенев>ву («О ты, который средь обедов...»)	316
П. А. Вяземский. К Княжнину («Княжнин! В жилище пока- няня...»)	318
<Застольная песнь> («Веселый шум, пенье и сме- хи...»)	320
А. С. Пушкин. Тургеневу («Тургенев, верный покрови- тель...»)	322
А. Ф. Воейков. Послание к друзьям и жене («Блажен, кто здравие, посредственность, досуг...»)	323
К. Н. Батюшков. К Н<иките> («Как я люблю, товарищ мой...»)	332
<С. С. Уварову> («Среди трудов и важных муз...»)	334
К творцу «Истории Государства Российского» .	334
А. С. Пушкин. Жуковскому («Когда младым воображеньем...»)	335
В. Л. Пушкин. «Поклон усердный Громобою...»	336
К Жихареву («За стихи благодарю...»)	337
А. Ф. Воейков. Послание к Д. В. Давыдову («Давыдов, витязь и певец...»)	337
В. Л. Пушкин. К В. А. Жуковскому («Товарищ-друг! ты пом- нишь ли, что я...»)	339
<П. А. Вяземскому> («Ты с балу на бал...»)	340
А. С. Пушкин. Послание к В. Л. Пушкину («Скажи, парнас- ский мой отец...»)	340

ПИСЬМА

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКОГО

П. А. Вяземскому. 19 сентября 1815 г. . . .	343
А. П. Киреевской (Елагиной). Ноябрь 1815 г. .	345
П. А. Вяземскому. 12 января 1816 г. . . .	345
А. И. Тургеневу. 21 октября 1816 г. . . .	346
С. П. Жихареву. 31 октября 1816 г. . . .	346
Д. В. Дашкову. Январь 1817 г.	347
А. И. Тургеневу. Вторая половина января 1817 г. .	348
А. И. Тургеневу. 24 февраля 1817 г. . . .	349
П. А. Вяземскому. 12 ноября 1818 г.	349
С. С. Уварову. Начало апреля 1837 г.	351

ПИСЬМА К. Н. БАТЮШКОВА

П. А. Вяземскому. <i>9 мая 1813 г.</i> . . .	352
П. А. Вяземскому. <i>Начало июля 1813 г.</i> . . .	354
П. А. Вяземскому. <i>10 января 1815 г.</i> . . .	356
В. А. Жуковскому. <i>Середина декабря 1815 г.</i> . . .	357
В. А. Жуковскому. <i>20—21 марта 1816 г.</i> . . .	358
П. А. Вяземскому. <i>4 марта 1817 г.</i> . . .	359
Д. В. Дашкову. <i>Конец августа 1817 г.</i> . . .	361
П. А. Вяземскому. <i>13 сентября 1817 г.</i> . . .	362
В. А. Жуковскому. <i>Январь 1818 г.</i> . . .	363
Д. Н. Блудову. <i>Февраль 1818 г.</i> . . .	364
П. А. Вяземскому. <i>9 мая 1818 г.</i> . . .	364
А. И. Тургеневу. <i>10 сентября 1818 г.</i> . . .	365
Д. Н. Блудову. <i>Начало ноября 1818 г.</i> . . .	365
А. И. Тургеневу. <i>24 марта 1819 г.</i> . . .	367

ПЕРЕПИСКА П. А. ВЯЗЕМСКОГО И А. И. ТУРГЕНЕВА

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>29 октября 1813 г.</i> . . .	368
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>29 января 1816 г.</i> . . .	370
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>20 апреля 1816 г.</i> . . .	371
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>15 июня 1816 г.</i> . . .	372
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>5 июля 1816 г.</i> . . .	372
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>5 октября 1816 г.</i> . . .	373
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>1 марта 1817 г.</i> . . .	373
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>26 марта 1817 г.</i> . . .	374
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>29 июня 1817 г.</i> . . .	374
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>27 августа 1817 г.</i> . . .	375
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>24 августа 1818 г.</i> . . .	375
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>20 октября 1818 г.</i> . . .	376
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>8 ноября 1818 г.</i> . . .	377
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>3 декабря 1818 г.</i> . . .	378
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>6 августа 1819 г.</i> . . .	379
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>7 августа 1819 г.</i> . . .	379
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>29 августа 1819 г.</i> . . .	380
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>Начало марта 1820 г.</i> . . .	381
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>20 марта 1820 г.</i> . . .	381
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>11 июня 1820 г.</i> . . .	381
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>24 сентября 1820 г.</i> . . .	382
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>18 декабря 1820 г.</i> . . .	382
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. <i>31 декабря 1820 г.</i> . . .	383

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 28 января 1821 г. .	384
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. Начало февраля 1821 г.	384
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 19 февраля 1821 г. .	385
А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 23 февраля 1821 г. .	385
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 29 августа 1821 г. .	386
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. Вторая половина сентября 1821 г. .	386
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 9 января 1822 г. .	387
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 18 июня 1822 г. .	387
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 15 апреля 1823 г. .	388
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 21 мая 1823 г. .	388
А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 15 января 1824 г. .	389
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 5 мая 1824 г. .	389
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 22 июня 1824 г. .	390
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 13 августа 1824 г. .	390
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 25 марта 1825 г. .	391
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 26 марта 1833 г. .	392
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 19 января 1836 г. .	392
П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 8 апреля 1836 г. .	393

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА

П. А. Вяземскому. 27 марта 1816 г. .	393
В. Л. Пушкину. 28 декабря 1816 г. .	395
П. А. Вяземскому. 4 ноября 1823 г. .	396

ПИСЬМА Д. П. СЕВЕРИНА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

11 декабря 1815 г. .	398
13 января 1816 г.	398
17 апреля 1816 г.	398
24 июня 1816 г. .	399
19 января 1817 г.	399

ПИСЬМО П. И. ПОЛЕТИКИ Д. Н. БЛУДОВУ

11/23 сентября 1816 г. .	400
--------------------------	-----

ПЕРЕПИСКА П. А. ВЯЗЕМСКОГО И Д. Н. БЛУДОВА

П. А. Вяземский — Д. Н. Блудову. Октябрь 1816 г. .	402
Д. Н. Блудов — П. А. Вяземскому. 2 ноября 1816 г. .	403
П. А. Вяземский — Д. Н. Блудову. Ноябрь 1816 г. .	406
Д. Н. Блудов — П. А. Вяземскому. 9 января 1817 г. .	407
П. А. Вяземский — Д. Н. Блудову. 22 января 1817 г.	407

П. А. Вяземский — Д. Н. Блудову. 11 февраля 1817 г. .	409
Д. Н. Блудов — П. А. Вяземскому. 20 февраля 1817 г. .	411
П. А. Вяземский — Д. Н. Блудову. 25 февраля 1817 г. .	415

ПИСЬМА П. А. ВЯЗЕМСКОГО Д. В. ДАШКОВУ

2/14 ноября 1818 г. .	416
30 мая 1824 г. .	419

ПИСЬМО Д. В. ДАВЫДОВА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

28 июля 1818 г. .	421
-------------------	-----

ПИСЬМО А. Ф. ВОЕЙКОВА А. И. ТУРГЕНЕВУ

Начало 1817 г.	423
----------------	-----

ПИСЬМА В. Л. ПУШКИНА

П. А. Вяземскому. 20 февраля 1818 г. .	432
П. А. Вяземскому. 14 марта 1818 г. .	432
П. А. Вяземскому. 27 марта 1818 г. .	433
П. А. Вяземскому. 8 июня 1818 г. .	433
П. А. Вяземскому. 9 июня 1818 г. .	434
П. А. Вяземскому. 2 августа 1818 г. .	434
П. А. Вяземскому. 11 сентября 1818 г. .	434
П. А. Вяземскому. 21 октября 1818 г.	434
П. А. Вяземскому. 14 февраля 1819 г. .	435
П. А. Вяземскому. 16 марта 1819 г. .	435
П. А. Вяземскому. 27 марта 1819 г. .	436
П. А. Вяземскому. 10 апреля 1819 г. .	437
П. А. Вяземскому. 21—24 апреля 1819 г. .	437
П. А. Вяземскому. 20-е числа января 1820 г. .	438
В. С. Апраксину. 23 февраля 1820 г. .	438
П. А. Вяземскому. 3 июня 1820 г. .	439
А. И. Тургеневу. 7 октября 1820 г. .	439
П. А. Вяземскому. 13 февраля 1821 г. .	440
П. А. Вяземскому. 21 февраля 1821 г. .	440
П. А. Вяземскому. 3 октября 1822 г. .	441
П. А. Вяземскому. 9 марта 1830 г. .	441
П. А. Вяземскому. 27 апреля 1830 г. .	442

ПИСЬМА Д. Н. БЛУДОВА В. А. ЖУКОВСКОМУ

9/31 марта 1819 г. .	443
18/30 мая 1820 г.	444

ПИСЬМА М. Ф. ОРЛОВА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<i>28 февраля 1820 г. .</i>	446
<i>22 марта 1820 г. .</i>	446
<i>21 августа 1823 г. .</i>	448
Комментарии	451
Указатель имен	601

А 80 **«Арзамас»:** Сборник. В 2-х кн. Кн. 2. Из литературного наследия «Арзамаса». / Сост., подгот. текста и коммент. В. Вацуро, А. Ильина-Томица, Л. Киселевой и др.—М.: Худож. лит., 1994.— 639 с.

ISBN 5-280-00489-8 (Кн. 2)

ISBN 5-280-00488-X

Литературное наследие «Арзамаса» представлено жанрами критики, сатиры, посланий и писем его участников, среди которых Д. В. Дашков, В. Л. Пушкин, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин и др.

А $\frac{4702010106-062}{028(01)-94}$ 2-1993

ББК 84(2Рос=Рус)1

«АРЗАМАС»

Сборник в двух книгах

Книга вторая

Редактор
Г. Колосова

Художественный редактор
Г. Масляненко

Технический редактор
В. Нефедова

Корректор
М. Чупрова

ИБ № 5308

Издательская лицензия ЛР № 010153 от 27 декабря 1991 г.
Подписано в печать 25.01.94. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага тип. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6. Усл. кр.-отт. 33,6. Уч.-изд. л. 37,8. Тираж 10 000 экз. Изд. № П-3640. Заказ 677. «С»-226. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Диапозитивы изготовлены на ГПП «Печатный Двор» 197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

Кировская областная типография.
610000, г. Киров, Динамовский пр., 4.